ХРИСТІАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1862.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 28 декабря, 1861 года.

Цензор *Архимандрит Фотій.*

I.

О РАДОСТЯХЪ И УДОВОЛЬСТВІЯХЪ.

Въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій люди постоянно ищутъ удовольствій и радостей; но, при всѣхъ усиліяхъ, не могутъ найти радости полной и совершенной, невозмущаемой и неомрачаемой никакими скорбями, всегда новой и пріятной, постоянной и непреходящей. А между тѣмъ, кто не пожелалъ бы себѣ именно такой радости?

Особенная и, по видимому, рѣшительно непреодолимая трудность найти постоянную и неизмѣнную радость заключается въ томъ, что и окружающая насъ природа, и прирожденная намъ немощь и безсиліе, а болѣе всего прирожденная намъ наклонность къ преступленію и пороку служатъ для насъ неисчерпаемымъ источникомъ печалей и скорбей, дѣлаютъ то, что всѣ наши земныя радости и удовольствія или слѣдуютъ за скорбями, или идутъ вмѣстѣ съ ними, или же ведутъ къ величайшимъ скорбямъ и печалямъ....

Вотъ земледѣлецъ смотритъ на зеленѣющіе всходы своихъ полей; прекрасный видъ ихъ ласкаетъ его взоръ, радуетъ сердце. Но къ этой радости уже незамѣтно примѣшивается и печаль отъ опасенія и страха, какъ

бы неблаговременный дождь или неумѣренный зной не уничтожилъ всѣхъ трудовъ его и не оставилъ его съ семействомъ въ жертву нищетѣ и голоду.

Вотъ отецъ и мать съ любовію и восторгомъ смотрятъ, какъ играетъ и веселится ихъ младенецъ, какъ онъ обращается къ нимъ то съ дѣтскимъ лепетомъ, то съ улыбкой, то со взоромъ, въ которомъ такъ невыразимо пріятно, такъ восхитительно для очей и сердца сіяетъ душа ангелоподобная, не омраченная никакою страстію и преступленіемъ. Но и къ этой радости какъ часто и какъ много примѣшивается тайныхъ, не всегда высказываемыхъ словомъ, но всегда тяжелыхъ и тревожныхъ для сердца, заботъ и опасеній! «Что-то будетъ съ нимъ въ послѣдствіи, — часто думаютъ заботливые родители, глядя на свое играющее и забавляющее ихъ дитя,—долгая ли жизнь суждена ему, или смерть преждевременно похититъ ихъ сокровище и радость? Счастіе и благоденствіе или страданія и бѣдствія, богатство и довольство или нищета и бѣдность, вниманіе и уваженіе или же холодность и равнодушіе людей ожидаютъ его въ жизни? Какимъ путемъ пойдетъ онъ въ жизни, когда не станетъ ихъ самихъ? Кто тогда предохранитъ его отъ опасностей, отъ увлеченій и заблужденій, подастъ благоразумный совѣтъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, утѣшитъ въ горѣ и несчастіи?..» Правда, бываютъ родители, которые своихъ дѣтей предоставляютъ заботамъ и попеченію чужихъ людей, а свою жизнь всецѣло отдаютъ забавамъ и удовольствіямъ свѣта, и которыхъ поэтому, — какъ по крайней мѣрѣ можно думать и предполагать,—никогда не безпокоятъ и не волнуютъ подобныя тяжелыя и тревожныя заботы и помышленія. Но за то, какъ доказываютъ безчислен-

ные опыты жизни, они и не находятъ истинныхъ радостей тамъ, гдѣ ищутъ, и лишаютъ себя тѣхъ невинныхъ и чистыхъ радостей, которыми наслаждаются добрые родители, и въ послѣдствіи терпятъ тысячи жесточайшихъ скорбей и огорченій со стороны своихъ же дѣтей, воспитаніемъ которыхъ они такъ пренебрегали!...

Вотъ человѣкъ, цѣлію своей жизни поставившій пріобрѣтеніе и умноженіе своего богатства. Его дѣла идутъ успѣшно: его состояніе, блестящее и прекрасное въ настоящемъ, обѣщаетъ ему еще большія надежды въ будущемъ. Но, при этихъ надеждахъ, среди великолѣпія и роскоши, во время самыхъ наслажденій всѣми благами міра, какъ часто возмущаютъ его душу самыя тяжкія заботы и опасенія, какъ бы внезапно не разстроились его дѣла, какъ бы непредвидѣнное бѣдствіе не разрушило всѣхъ его расчетовъ и ожиданій!...

Вотъ человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій искреннему и чистосердечному изысканію истины въ области науки и знанія. Онъ, сколько могъ, сколько достало ему времени и силъ, постарался узнать ученіе мудрецовъ древняго и новаго міра; онъ глубоко изучилъ исторію народовъ; онъ основательно и подробно знаетъ множество важнѣйшихъ открытій и изысканій въ области природы. Невѣдомыя для многихъ другихъ, но ему хорошо знакомыя и высоко цѣнимыя имъ удовольствія и наслажденія, которыя онъ почерпаетъ въ созерцаніи предметовъ человѣческой мудрости, часто волнуютъ его душу и сердце, часто уединенный кабинетъ его занятій дѣлаютъ для него свѣтлѣе и пріятнѣе самыхъ пышныхъ и великолѣпныхъ чертоговъ, его безмолвную бесѣду съ самимъ собою или съ книгою, — которая для другихъ такъ скучна,—дѣлаютъ для него столь занимательною и

пріятною, что онъ не сравнитъ съ нею никакихъ развлеченій и удовольствій свѣта, никакихъ остроумныхъ, блестящихъ, игривыхъ и веселыхъ разговоровъ свѣтскаго общества. Но и онъ, среди своихъ духовныхъ удовольствій и наслажденій, какъ часто испытываетъ печали и скорби! Какъ часто надъ нимъ во всей силѣ исполняются слова древняго мудреца израильскаго: *приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь* (Еккл. 1. 18). Какъ часто закрадывается въ его душу сомнѣніе въ томъ, что онъ считалъ несомнѣннымъ и вѣрнымъ, какъ часто это сомнѣніе вполнѣ подтверждается и переходитъ въ истину несомнѣнную, въ крайне тяжелую и прискорбную для сердца увѣренность, что всѣ его труды понесены напрасно, что онъ даромъ потерялъ и время и силы, что всѣ его убѣжденія, которыя считалъ онъ зрѣлымъ плодомъ своихъ занятій, самою лучшею наградою для себя, своею несомнѣнною заслугой предъ обществомъ и наукой — не болѣе, какъ жалкое заблужденіе, мечта, призракъ!...

Такъ, во всей области природы, на всѣхъ путяхъ человѣческой жизни и дѣятельности наряду съ утѣшеніями и радостями идутъ огорченія и печали. Но есть и такія удовольствія и радости, которыя сами по себѣ, по существу своему,—не что иное, какъ начало или источникъ жесточайшихъ скорбей и печалей. Таковы всѣ радости, всѣ наслажденія и удовольствія порочныя и законопреступныя. Упоевая и восторгая человѣка на нѣсколько часовъ, а иногда только на нѣсколько мгновеній, онѣ потомъ на цѣлые года̀ и даже на всю жизнь повергаютъ его въ бездну горя и печали.

Таковы, напримѣръ, грубыя, чувственныя удовольствія жизни развратной, за которыми слѣдуютъ долгіе

дни и года сѣтованія и плача, стенаній отъ разстроеннаго здоровья, стенаній отъ упрековъ совѣсти, ничѣмъ ненаполнимая пустота сердца и души, пресыщенной чувственностью до отвращенія и потерявшей вкусъ къ наслажденіямъ высокимъ и благороднымъ, горькое сознаніе своего ничтожества и безполезности въ быту общественномъ и домашнемъ, горькое воспоминаніе о прошедшей жизни, положительно вредной и гибельной и для самаго развращеннаго и для другихъ, имъ обольщенныхъ и униженныхъ, поверженныхъ во всѣ ужасы зла, въ бездну порока, — ничего утѣшительнаго въ настоящемъ, —ничего свѣтлаго и отраднаго въ будущемъ!.. Сколько печалей и огорченій, удвоиваемыхъ и утроиваемыхъ мыслію, что они вполнѣ заслужены, что они— достойное и справедливое воздаяніе безумію и распутству! Какая бездна скорбей за каплю ничтожныхъ и минутныхъ удовольствій!...

Много ли удовольствій и истинныхъ радостей можетъ доставить человѣку и жизнь роскошная и расточительная, постоянно проводимая въ пиршествахъ и забавахъ, въ кругу беззаботнаго и празднаго, веселаго и разгульнаго общества? Кому неизвѣстно, что эта жизнь, сама по себѣ, по существу своему, не иное что, какъ постоянная смѣна опьяненія, духовнаго или тѣлеснаго, или же того и другаго вмѣстѣ, пустотою души, томленіемъ, тоской и скукой, вызывающей желаніе новаго упоенія, за которымъ опять слѣдуетъ еще бо́льшая пустота души, еще бо́льшее утомленіе и изнеможеніе всѣхъ силъ тѣла и духа? Что́—она, какъ не безполезная трата средствъ жизни, часто собранныхъ великимъ трудомъ и заботой, кровью и по́томъ другихъ? И что́ же наконецъ пріобрѣтается столь дорогою цѣною? Безчисленныя болѣзни,

преждевременная старость, угрызенія совѣсти, а иногда и крайняя нищета со всѣми ея гибельными послѣдствіями, тѣмъ болѣе тяжкими и ощутительными, чѣмъ роскошнѣе и необузданнѣе была прежняя жизнь, тѣмъ болѣе ужасными и несносными, что къ нимъ присоединяется общее презрѣніе, безчисленныя насмѣшки надъ человѣкомъ, который самъ себя добровольно повергъ изъ состоянія счастливаго и почтеннаго въ самое презрѣнное и низкое...

Но мы напрасно старались бы изобразить все множество скорбей и страданій, производимыхъ порочными наклонностями.—Какихъ золъ не производило и не производитъ желаніе мщенія? Какихъ чудовищныхъ происковъ, обмановъ, распрей и раздоровъ не порождаетъ ненасытимое честолюбіе? Сколько ужасныхъ бѣдствій человѣчеству принесла и приноситъ страсть къ неправедному пріобрѣтенію! А между тѣмъ, какъ много горечи въ самомъ удовольствіи, почерпаемомъ въ удовлетвореніи этихъ страстей! Какъ часто удовлетворенное чувство мщенія боится само себя,—боится мщенія еще болѣе грознаго и жестокаго! Какихъ тайныхъ терзаній, опасеній, сомнѣній и страха не испытываетъ душа честолюбца или корыстолюбца при мысли о томъ, что другіе тѣми же средствами, какія употреблены ими, могутъ отнять у нихъ честь и богатство, что зависть однихъ и мщеніе другихъ, которые обижены ими, ждутъ только удобной минуты, счастливаго случая, малѣйшей оплошности съ ихъ стороны, чтобы низвергнуть ихъ и съ избыткомъ отплатить имъ за всѣ обиды и притѣсненія!.. Подлинно, всѣ грѣховные привычки и страсти — неисчерпаемый источникъ бѣдствій и страданій, горя и печали и для тѣхъ, которые слѣпо повинуются внуше-

ніямъ своихъ страстей, и для ближнихъ ихъ, и для всего человѣчества. Онѣ, разрушая между людьми взаимную довѣренность и уваженіе, миръ и согласіе, производятъ между ними раздоръ и брань; - вооружая одного противъ другаго, онѣ дѣлаютъ людей другъ для друга виновниками бѣдствій и страданій, оскорбленій и огорченій, а иногда даже убійствъ и кровопролитій!...

Но если ни природа видимая, при всей многочисленности и разнообразіи своихъ предметовъ и явленій, ни жизнь и дѣятельность человѣческая, – ни слава, ни богатство, ни наука, ни искусство, ни родственная любовь и привязанность, если не только пороки и страсти, которыя справедливо наказываются страданіями внѣшними и внутренними, но и болѣе или менѣе правильная, честная и добросовѣстная жизнь и дѣятельность не даютъ намъ радостей неизмѣнныхъ и постоянныхъ: то ужели исканіе постоянной и прочной радости на землѣ — трудъ напрасный и потому неразумный и безцѣльный?...

Нѣтъ. если духъ нашъ не можетъ найти полной и всецѣлой радости и удовольствія въ предметахъ земныхъ; то значитъ, что эти предметы ничего болѣе не могутъ дать ему, какъ только мимолетныя и преходящія, хотя бы въ тоже время чистыя и невинныя, радости; значитъ, что всѣ радости и удовольствія, почерпаемыя въ земныхъ предметахъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему началу или источнику, - также, какъ онъ, тлѣнны и преходящи. Если, далѣе, въ собственной жизни и дѣятельности, въ нашихъ познаніяхъ и мудрости, въ наукѣ и искусствѣ, мы не можемъ найти радости и удовольствія полнаго и всецѣлаго, постояннаго и непреходящаго: то не ясно ли отсюда, что стремленія на-

шей природы только тогда и могутъ быть удовлетворены, когда предметомъ ихъ будетъ что либо гораздо высшее и ея самой и всего, окружающаго ее. міра—нѣчто необъятное и безконечное? Если земныя радости не могутъ радовать ее постоянно, а между тѣмъ желаніе радостей въ ней неизмѣнно и непреходяще: то нужно ей найдти неисчерпаемый источникъ радости, нужно ей имѣть радость всегда новую и пріятную, постоянную и непреходящую.

Эту неизмѣнную и непреходящую радость, всегда довольную для того, чтобы удовлетворить безсмертнымъ желаніямъ нашего духа, возвѣщаетъ намъ св. Апостолъ, когда говоритъ: *радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся* (Филип. 4, 4). Итакъ предметомъ радости всегдашней и постоянной, по ученію Апостола, долженъ быть Богъ, какъ существо высочайшее и безконечное, какъ источникъ жизни и блаженства. Это ученіе, возвѣщаемое божественнымъ откровеніемъ, легко принимается и здравымъ, непредубѣжденнымъ разумомъ человѣка, потому что и естественное человѣческое мышленіе, при правильномъ понятіи о Богѣ, какъ существѣ всесовершенномъ и безконечномъ, не можетъ не признавать Его источникомъ блага и счастія, блаженства и радости.

Но чтобы Богъ былъ для насъ предметомъ радости, для этого непремѣнно нужно, чтобы Онъ самъ даровалъ намъ радость въ Немъ самомъ и научилъ насъ радоваться достойнымъ Его образомъ, — необходимо признать, что святую радость о Богѣ человѣкъ не можетъ имѣть безъ воли Божіей, безъ благодати Божіей. Естественная человѣческая мудрость можетъ сказать намъ, что Богъ самъ по Себѣ есть источникъ радости и блажен-

ства: но она не можетъ научить насъ, какъ почерпать блаженство и радость въ семъ неисчерпаемомъ Источникѣ.

Конечно, и эта мудрость можетъ сказать намъ много утѣшительнаго о Богѣ, можетъ сказать, напримѣръ, что Онъ есть нашъ Промыслитель, охраняющій нашу жизнь и бытіе въ каждую минуту, что всѣ, окружающіе насъ, дары и благодѣтельныя силы природы суть выраженіе Его благости и милосердія къ намъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ не признать, что есть величайшее средостѣніе между Богомъ, высочайшей святостію и правосудіемъ, и человѣкомъ, никогда не чуждымъ грѣха и преступленія, что по этому самому для человѣка, при помощи однѣхъ его естественныхъ силъ, нѣтъ ни малѣйшей надежды войти въ ближайшее общеніе съ Богомъ, источникомъ радости и блаженства. Чтó сказать о тѣхъ ученіяхъ человѣческой премудрости, которыя проповѣдуютъ чудовищное всебожіе, — къ сожалѣнію и нынѣ мы не мало найдемъ такихъ проповѣдниковъ древнѣйшаго изъ заблужденій — чтó сказать объ ученіи, которое весь міръ и человѣка, и добро и зло, и благоденствіе и несчастіе, и горе и радость, и жизнь и смерть, — все представляетъ не инымъ чѣмъ, какъ раскрытіемъ или развитіемъ существа и жизни Божіей? Какъ бы ни было хитро сплетено такое ученіе, какимъ бы мнимо-возвышеннымъ языкомъ человѣческой премудрости оно ни выражалось, какъ бы широко и глубоко, остроумно и блестяще оно ни было развиваемо, какими бы внѣшними признаками истинности и достовѣрности оно ни облекалось, сколько бы ни старалось оно примирить очевидныя противорѣчія, которыя находятся въ немъ и, можно сказать, состав-

ляютъ его основу и сущность, сколько бы ни опиралось оно на свои знаменитые авторитеты учености и знанія, — оно во всякомъ случаѣ ничтожно и жалко, ложно и богохульно, и никогда не можетъ быть для человѣка источникомъ истинныхъ радостей и утѣшеній...

Такъ, мы можемъ почерпать радость и блаженство въ Богѣ только въ томъ случаѣ, если Онъ самъ низойдетъ къ намъ, самъ разрушитъ то средостѣніе, которое отдѣляетъ насъ отъ Него, самъ призоветъ насъ изъ тмы въ чудный свѣтъ свой (1 Петр. 2, 9), самъ дастъ намъ радость и утѣшеніе. И Онъ снизшелъ намъ, какъ только возможно снизойти, Онъ соединился съ нами чрезъ своего единороднаго Сына, принявшаго естество наше. *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), и вмѣстѣ съ этимъ Оно стало для насъ и *путемъ* (Іоан. 14, 6), ведущимъ къ Богу, и *свѣтомъ* (Лук. 2, 32), озаряющимъ насъ, и *миромъ нашимъ* (Ефес. 2, 14), разрушающимъ средостѣніе между нами и Богомъ, такъ, что, при всесильномъ посредствѣ Его, и Богъ съ величайшимъ благоволеніемъ и любовію пріемлетъ прибѣгающаго къ Нему человѣка, и человѣкъ получаетъ возможность войти въ столь близкое общеніе съ Богомъ, что въ Немъ самомъ можетъ почерпать блаженство и радость сколько хочетъ, сколько можетъ вмѣстить. Посему-то и великій Апостолъ языковъ, указывая намъ предметъ истинной и постоянной радости въ Богѣ, свидѣтельствуетъ, что эта радость по началу и происхожденію своему есть даръ божественный, даръ или плодъ благодати Святаго Духа, даруемый намъ ради безконечныхъ заслугъ Іисуса Христа: *плодъ духовный есть любы, радость* (Гал. 5, 22).

Какъ могущественна и несокрушима можетъ быть эта

святая радость о Богѣ, даруемая Господомъ Іисусомъ Христомъ,—показываетъ намъ примѣръ тѣхъ, которые цѣлѣностно, съ полною вѣрою и упованіемъ, прибѣгали къ сему Источнику утѣшенія и радости. Ея всемогущую, побѣдоносную силу, способную услаждать и облегчать самыя величайшія скорби и лишенія, самые высокіе и трудные подвиги христіанскаго самоотверженія, показываетъ примѣръ св. апостоловъ, которые радовались въ страданіяхъ (Кол. 1, 24), которые *идяху радующеся отъ лица собора* іудейскаго: *яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 41). Ея чудную, побѣдоносную силу показываетъ примѣръ св. мучениковъ, которые съ величайшимъ мужествомъ, спокойствіемъ и терпѣніемъ переносили самыя жестокія внѣшнія страданія, находя для себя ободреніе и утѣшеніе во внутреннемъ дѣйствіи благодати Божіей на ихъ чистыя и святыя души. Ея необоримую силу показываетъ примѣръ святыхъ подвижниковъ и пустыножителей, которые въ глубинѣ пещеръ и горныхъ ущелій, въ непроходимыхъ лѣсахъ и безлюдныхъ пустыняхъ находили, по благодати Божіей, такое духовное утѣшеніе, которое и пустыню дѣлало для нихъ раемъ, которое было для нихъ дороже всѣхъ радостей и удовольствій, всѣхъ наслажденій и утѣшеній міра. — Проникая въ жизнь великихъ подвижниковъ христіанства, мы видимъ, что эта святая радость часто восходила въ нихъ на степень величайшаго духовнаго восторга и восхищенія, видимъ, что благодать Божія часто давала имъ на землѣ предвкушать блаженство небесное въ такомъ изобиліи, что они какъ бы переносились въ жизнь будущаго вѣка; оставивъ все земное, были, подобно Апостолу, восхищаемы на небо (2 Кор. 12, 1—5).

Само собою очевидно, что такая высокая христіанская радость есть необыкновенный, чрезвычайный даръ божественной благодати, по временамъ ниспосылаемой нѣкоторымъ великимъ избранникамъ, и притомъ не по ихъ желанію, но единственно по изволенію Божію, сообразно съ особенными цѣлями премудрости и благости Божіей. Потому и говорить объ этомъ высокомъ духовномъ состояніи на языкѣ человѣческомъ и вполнѣ изъяснить его не возможно, по свидѣтельству самихъ же святыхъ мужей, испытавшихъ это чудное состояніе.

Но есть святыя утѣшенія, есть чисто-духовныя радости, которыя, по благодати Божіей, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ доступны каждому христіанину, живущему истинно по христіански, — по духу Вѣры, въ общеніи съ своимъ Спасителемъ и Богомъ. И при свѣтѣ откровенія божественнаго, мы можемъ видѣть, каковы эти радости и утѣшенія христіанской жизни, которая для многихъ, вовсе не испытавшихъ ее, кажется унылою и печальною, лишенною всякихъ радостей и утѣшеній.

Прежде всего для истиннаго христіанина все вообще ученіе Христово, все откровеніе божественное есть источникъ истинной радости, есть утѣшеніе самое высокое и сильное, есть *евангеліе—вѣсть благая* и отрадная, восхитительная и вожделѣнная для сердца! *Духъ Господень на Мнѣ*, говорилъ о Себѣ и своемъ ученіи Христосъ — Спаситель, *Егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе: отпустити сокрушенныя во отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно* (Лук. 4, 18—19). И подлинно, для сердца вѣрующаго и любящаго что́ можетъ быть отраднѣе

и утѣшительнѣе того, о чемъ возвѣщаетъ намъ Господь Христосъ въ своемъ Евангеліи? Что̀ можетъ быть утѣшительнѣе и отраднѣе ученія о искупленіи человѣчества страданіями и смертію единороднаго Сына Божія, о примиреніи насъ съ Богомъ, о избавленіи насъ отъ грѣха и проклятія, отъ смерти и ада? Что̀ можетъ быть отраднѣе и вожделѣннѣе божественнаго обѣтованія о воскресеніи нашего тѣла, о будущей безболѣзненной, вѣчно-блаженной и безсмертной жизни, о вѣчномъ царствованіи во славѣ съ Богомъ, о причастіи Божественнаго естества? И одно размышленіе объ этихъ божественныхъ истинахъ можетъ если не истребить и уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить и обезсилить все множество неизбѣжныхъ на землѣ скорбей и печалей, если не даровать намъ радость всегда одинаково сильную и живую, то дать бодрость духа, мужество и благодушіе въ самыхъ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ жизни. И чѣмъ болѣе размышляетъ человѣкъ объ этихъ божественныхъ истинахъ, чѣмъ болѣе проникаетъ въ нихъ умомъ и сердцемъ, тѣмъ болѣе открываетъ въ нихъ жизни и свѣта, тѣмъ болѣе находитъ въ нихъ покой и миръ, счастіе и радость. И эта радость никогда и ни кѣмъ не можетъ быть отнята и похищена у насъ, если только мы сами у себя не похитимъ ее, если, въ шумѣ суеты, всецѣло погрузившись въ земное, не забудемъ о небесномъ ученіи Евангелія.

Духовная радость, почерпаемая въ созерцаніи истинъ Христовой вѣры, какъ и всякая вообще сильная радость, часто не удерживается въ сердцѣ одного человѣка, но изливается въ его словѣ и сообщается другимъ, способнымъ принять ее и наслаждаться ею, — и въ такомъ случаѣ она, подобно пламени, распространяясь болѣе и

болѣе, дѣлается еще живѣе и пламеннѣе, сильнѣе и дѣйственнѣе. Посему-то и св. Апостолъ желалъ нѣкогда насладиться святою радостію о Вѣрѣ не одинъ, но вмѣстѣ съ другими вѣрующими, желалъ *соутѣшитися* вмѣстѣ съ ними *вѣрою общею* (Рим. 1, 12). — И кто, руководимый духомъ истинной Вѣры, не найдетъ людей, вполнѣ ему сочувствующихъ въ духѣ христіанскаго единомыслія и любви?... Но если и нѣтъ съ нимъ такихъ людей, — онъ и тогда можетъ испытывать это утѣшеніе общею вѣрою вмѣстѣ съ другими! Онъ найдетъ это высокое утѣшеніе въ той увѣренности, въ томъ сознаніи, что онъ вѣруетъ такъ, какъ училъ Іисусъ Христосъ, какъ проповѣдывали апостолы, какъ учили отцы Церкви и вселенскіе соборы, какъ исповѣдывали св. мученики и исповѣдники, какъ исповѣдала и исповѣдуетъ православная, вселенская Церковь. Онъ найдетъ эту святую радость въ той увѣренности, что его образъ мыслей — не мысли того или другаго земнаго мудреца, всегда болѣе или менѣе одностороннія, не чуждыя ошибокъ и заблужденій, хотя иногда и прикрытыя именемъ ученія Христова; но истина полная и совершенная, всеобъемлющая и всесторонняя, проливающая чудный свѣтъ на всю жизнь и бытіе человѣка, самымъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ путемъ ведущая къ жизни и блаженству.... Подлинно, если въ самыхъ истинахъ нашей Вѣры — неисчерпаемый источникъ высокихъ духовныхъ утѣшеній для сердца христіанскаго: то и въ сознаніи, что мы исповѣдуемъ Вѣру такъ, какъ учитъ Церковь, — спасительно и богоугодно, — источникъ новыхъ высокихъ радостей для христіанина!

Впрочемъ, чтобы во всей полнотѣ и обширности воспользоваться тѣми святыми радостями и утѣшеніями,

которыя такъ изобильно подаютъ намъ Вѣра и Церковь, нужно не только знать истины Вѣры, не только принадлежать къ Церкви по одному имени православнаго христіанина, но и по жизни и дѣятельности, вполнѣ сообразной съ ученіемъ Вѣры и Церкви. Для этого потребуются отъ насъ нѣкотораго рода жертвы, потребуется усиленная борьба съ своими грѣховными наклонностями и привычками, подвиги самоотверженія, слезы покаянія. Но ужели мы не понесемъ этихъ подвиговъ, когда намъ несомнѣнно извѣстно, что они должны быть залогомъ радости постоянной и неизмѣнной, сѣменемъ, которое должно принести намъ обильный плодъ духовныхъ утѣшеній, по слову Пророка: *сѣющіи слезами, радостію пожнутъ* (Псал. 125, 5)? Если иные, по дѣтскому легкомыслію, предаются удовольствіямъ, которыя потомъ отравляютъ и наполняютъ огорченіями и страданіями всю ихъ жизнь: то не благоразумнѣе ли и не достойнѣе ли человѣка истинно мудраго и разсудительнаго перенесть нѣкоторыя, преходящія и кратковременныя печали и лишенія, которыми на всю временную и вѣчную жизнь можно пріобрѣсти себѣ утѣшенія и радости постоянныя и неизмѣнныя? *Покайтеся: приближися бо царство небесное* (Матѳ. 4, 17), — вотъ начало проповѣди христіанской, вотъ первое слово Того, Кто самъ есть источникъ радости и блаженства для міра ангельскаго и человѣческаго. Ужели мы не послѣдуемъ Его призванію? Ужели безконечную радость не захочемъ получить за столь малую цѣну?...

А между тѣмъ, и не испытавшій радостей и утѣшеній жизни истинно-христіанской, при свѣтѣ откровенія божественнаго, можетъ видѣть, къ какимъ великимъ и обильнымъ и въ тоже время неизмѣннымъ и постояннымъ ра-

достямъ ведетъ скорбный вначалѣ путь христіанскаго самоисправленія и самоотверженія. Что пріобрѣтаетъ тотъ, кто истинно раскаявается во грѣхахъ, разстается съ своими страстями и начинаетъ жить для Бога, по закону евангельскому? Онъ пріобрѣтаетъ первѣе всего отпущеніе своихъ грѣховъ, духовный миръ съ своею совѣстію и съ Богомъ, несомнѣнную надежду на милосердіе Божіе, онъ видитъ въ себѣ не преступника, по суду вѣчной правды Божіей, подлежащаго вѣчной казни, но оправданнаго и помилованнаго ради крестныхъ заслугъ единороднаго Сына Божія; онъ видитъ въ себѣ начало новой жизни и опытно дознаетъ, что Господь Іисусъ подлинно пришелъ для того, чтобы дать плѣненнымъ свободу, отпустить сокрушенныхъ во отраду. Онъ въ молитвѣ своей съ полнымъ дерзновеніемъ сердца, въ которомъ уже возгарается духовный огнь любви къ Богу, обращается къ Нему, не какъ рабъ съ трепетомъ, сомнѣніемъ и страхомъ, но какъ сынъ съ живымъ упованіемъ, съ глубочайшею вѣрою, съ совершенной преданностію въ волю Отца небеснаго, съ несомнѣнною увѣренностію, что исполненіе и даже неисполненіе его прошеній должно послужить ему во благо и спасеніе, такъ какъ то и другое исходитъ отъ Того, Кто любитъ насъ безпредѣльно совершеннѣе, безпредѣльно нѣжнѣе и пламеннѣе нашихъ отцевъ и матерей, Кто всѣмъ хощетъ спастися, всѣмъ готовъ даровать вѣчную жизнь и блаженство, и къ этой высочайшей цѣли направляетъ всѣ свои дѣйствія въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. А такимъ образомъ всю жизнь истиннаго христіанина проникаетъ и одушевляетъ та живая надежда вѣчныхъ благъ, та святая радость спасенія, о возвращеніи которой нѣкогда молился Богу Царь-Пророкъ: *воздаждь ми радость спасенія твоего* (Псал. 50, 14). — И эта ра-

дость неизмѣнна, не преходяща и неотъемлема, если только мы сами у себя не отнимемъ ее новыми грѣхопаденіями и забвеніемъ Бога, если отъ пути спасенія опять не уклонимся на путь погибели. Отъ насъ всегда зависитъ удержать при себѣ или, вѣрнѣе, въ самихъ себѣ эту святую радость; а благодать Божія всегда готова даровать намъ ее. Отъ насъ зависитъ постоянною вѣрностію Богу и Его закону постоянно возвышать эту святую радость даже до живаго предвкушенія на землѣ небесныхъ благъ: но отъ насъ же зависитъ постепеннымъ охлажденіемъ любви нашей къ Богу не только ослабить и уменьшить, но и совершенно уничтожить въ себѣ живую радость спасенія, совершенно потерять всякое расположеніе и вкусъ къ наслажденію этою возвышенною и святою радостію, —какъ и сдѣлали нѣкогда нѣкоторые люди, по свидѣтельству Пророка: *посрамиша радость сынове человѣчи* (Іоил. 1, 12)....

Подлинно, тотъ истинно блаженъ и счастливъ, кто, пребывая вѣрнымъ ученію Христову, еще здѣсь предвкушаетъ дара небеснаго и силы грядущаго вѣка, — духовной радости жизни истинно-христіанской.— Возвышаясь болѣе и болѣе отъ чувственнаго къ духовному, отъ привязанности къ тлѣнному и преходящему къ любви Божіей, онъ самъ себя устрояетъ въ живой, нерукотворенный храмъ живаго Бога, по свидѣтельству самаго Іисуса Христа: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Видимымъ залогомъ этого божественнаго обѣтованія служитъ для него причащеніе тѣла и крови Господней въ таинствѣ Евхаристіи. Сколько духовныхъ радостей, сколько святыхъ утѣшеній для христіанина заключаетъ въ себѣ и

одна мысль о томъ, что здѣсь онъ таинственно, но тѣмъ не менѣе истинно и существенно, соединяется съ своимъ Господомъ, по неложному обѣтованію Его: *ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Какъ невыразимо радостна и восхитительна для сердца христіанина та увѣренность, что въ немъ самомъ есть источникъ вѣчной жизни или, точнѣе, самосущая, безначальная и безконечная жизнь, что въ немъ Тотъ, безъ Кого и самое небо не имѣло бы радости и блаженства, Кто силою и дѣйствіемъ своей благодати, однимъ мановеніемъ своей Божественной воли, однимъ взоромъ своего снисхожденія и благоволенія къ любящимъ Его можетъ даровать имъ радость столь сильную и могущественную, что ея никакая сила и власть земная не могутъ отнять у нихъ и уничтожить: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возметъ отъ васъ* (Іоанн. 16, 22).... Но можно ли слабымъ словомъ человѣческимъ изобразить всю полноту, все обиліе духовныхъ, благодатныхъ утѣшеній и радостей, которыя истинный христіанинъ можетъ найти въ пріискреннемъ общеніи съ своимъ Спасителемъ и Богомъ? Можно ли горстію исчерпать море? Можно ли взоромъ человѣческимъ обнять все пространство неба и проникнуть въ неизмѣримую глубину его?...

Не усиливаясь исчерпать неисчерпаемое и постигнуть непостижимое, мы можемъ, однакожъ, при свѣтѣ ученія божественнаго, видѣть то отношеніе, какое духовныя, святыя радости христіанства имѣютъ къ нашимъ радостямъ и удовольствіямъ земнымъ.

Нѣтъ нужды говорить здѣсь о томъ, что эти святыя радости никогда и никакимъ образомъ не могутъ ужиться и быть вмѣстѣ съ радостями и удовольствіями пороч-

ными, низкими и законопреступными. Тѣ и другія до того противоположны между собою, что между ними не можетъ быть ни малѣйшаго согласія, а напротивъ возможна только самая упорная и ожесточенная борьба. Эта борьба можетъ быть болѣе или менѣе продолжительна, можетъ не прекращаться даже во всю земную жизнь человѣка, но конецъ ея всегда одинъ: или торжество духовныхъ радостей и утѣшеній христіанства, переходящее наконецъ въ блаженство и радость неба, или же совершенное преобладаніе низкихъ и порочныхъ удовольствій, переходящее въ вѣчное горе и плачъ!...

Обратимъ вниманіе на то благотворное вліяніе, какое святыя радости и утѣшенія христіанскія имѣютъ на наши земныя радости невинныя, чистыя и законныя. Христіанство вообще есть снисхожденіе Бога къ падшему и удалившемуся отъ Него человѣчеству, дивное приближеніе безпредѣльнаго и безконечнаго къ конечному и ограниченному, всесильнаго къ немощному, вѣчноблаженнаго и вседовольнаго къ несчастному и страждущему, не могущему найти себѣ полной и непреходящей радости и утѣшенія ни въ чемъ, даже въ самыхъ законныхъ и невинныхъ, не возмущающихъ совѣсти, удовольствіяхъ и радостяхъ земныхъ. И если въ этомъ чудномъ снисхожденіи Бога къ человѣчеству сила Божія обнаруживается въ немощахъ человѣческихъ (2 Кор. 12, 9) такъ, что даже скорбь прелагаетъ въ радость, страданія и болѣзни растворяетъ величайшимъ утѣшеніемъ: то не естественно ли ей возвышать и усиливать всякую чистую, непротивную ученію Христа-Спасителя земную радость и утѣшеніе, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ она есть одна и та же сила Божія, оскудѣвающая восполняющая и немощная врачующая?

Если жизнь истиннаго христіанина тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ Божественною жизнію самаго Іисуса Христа: то, по самому этому единенію вѣрующихъ съ своимъ Господомъ, источникомъ радости и блаженства, всѣ земныя чистыя радости должны имѣть въ жизни истинно-вѣрующихъ отпечатокъ духовнаго, вѣчнаго и божественнаго. Такъ, въ жизни истиннаго христіанина и земныя радости и удовольствія имѣютъ иной, возвышенный, духовный и небесный характеръ, получаютъ новую силу, озаряются инымъ, небеснымъ свѣтомъ и, пріятныя по самой природѣ своей, онѣ дѣлаются еще болѣе отрадными и живительными для сердца по дѣйствію божественной благодати. . . . . .

Такъ, много радостей, много чистыхъ и невинныхъ утѣшеній, по самой природѣ своей, заключаетъ въ себѣ нѣжная, живая и искренняя любовь матери къ своему младенцу. Но когда эта любовь освящается любовію къ Спасителю и озарется небеснымъ свѣтомъ Евангелія, тогда она получаетъ новую силу и жизнь и дѣлается источникомъ наслажденій, какихъ не можетъ дать матери природа. Мать—христіанка видитъ въ своемъ младенцѣ не просто невинное дитя, получившее отъ нея свою жизнь, питаемое и хранимое ею, но и существо, возрожденное въ таинствѣ крещенія въ новую, небесную, благодатную жизнь, существо, въ которомъ таинственно и благодатно обитаетъ самъ Господь-Спаситель, надъ которымъ бодрствуетъ несравненно ревностнѣе, нежели сама мать, небесный ангелъ-хранитель. При этомъ чудномъ свѣтѣ, какой ученіе Христово проливаетъ на жизнь младенца,—мать, истинно проникнутая духомъ Евангелія, не удвоитъ ли своихъ заботъ о своемъ дитяти, и не найдетъ ли въ этихъ заботахъ такихъ удовольствій

и утѣшеній, предъ которыми, какъ тѣнь и призракъ, ничтожны всѣ удовольствія и забавы свѣта? Но здѣсь еще не исчерпывается вся полнота ея материнскихъ радостей и утѣшеній: она въ будущемъ готовитъ себѣ, въ лицѣ своего дитяти, новый источникъ чистыхъ и святыхъ утѣшеній. Ея нѣжная и пламенная любовь, усиливаемая и укрѣпляемая ученіемъ Христовымъ, находящая величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы посѣявать сѣмена этого божественнаго ученія въ душѣ и сердцѣ своего дитяти, чтобы неутомимо бодрствовать надъ его дѣвственною чистотою и незлобіемъ, въ послѣдствіи сама же наслаждается плодами своихъ трудовъ. Ибо сколько радостей и утѣшеній должна испытывать мать, когда видитъ, что духъ Вѣры, духъ Христовъ руководитъ ея сыномъ или дочерью во всей ихъ жизни и дѣятельности, когда уже наслаждается ихъ сознательною любовію и уваженіемъ, когда видитъ, что чистота и цѣломудріе, любовь къ истинѣ и правдѣ, которыя она укореняла въ ихъ сердцѣ, побѣдоносно отражаютъ всѣ искушенія и обольщенія свѣта, всѣ приманки чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій, всѣ внушенія холоднаго и бездушнаго невѣрія! И какъ чудно здѣсь, по силѣ и дѣйствію благодати Христовой, чистыя и невинныя радости ведутъ къ другимъ радостямъ, дѣлаются началомъ другихъ, еще бо́льшихъ и сильнѣйшихъ, утѣшеній духовныхъ! Какъ чудно здѣсь свѣтлое настоящее ведетъ къ болѣе свѣтлому и радостному будущему, а когда приходитъ послѣднее, то оно получаетъ новую, живительную для сердца силу въ воспоминаніи прошедшаго, въ воспоминаніи тѣхъ чистыхъ радостей, которыми наслаждалась мать еще при колыбели своего младенца!

Много удовольствій и радостей доставляетъ человѣку

искренняя и глубокая любовь супружеская. Но освятите эту любовь любовію ко Спасителю, освятите ученіемъ Его взаимныя отношенія супруговъ, и тогда утѣшенія и удовольствія супружеской жизни дѣлаются и болѣе сильными и живыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чистыми, благородными, достойными христіанина. — Что такое брачный союзъ по ученію христіанскому? Это́ образъ таинственнаго союза Іисуса Христа съ своею Церковію, союза вѣчнаго, никогда нерасторжимаго, основаннаго на той божественной любви, по которой небесный Женихъ предалъ самаго Себя на муки и страданія ради возлюбленной своей Невѣсты,—на той любви, по которой Церковь вѣчно пребываетъ вѣрною своему небесному Жениху, всегда готовою для Него на самыя жестокія гоненія и смерть, – на той любви, по которой Господь даруетъ своей Церкви всѣ дары божественной благодати, а Церковь всѣ свои желанія и помышленія, всю свою жизнь и радость полагаетъ въ единомъ Господѣ.— Когда по этому высокому образу и примѣру устрояется и располагается жизнь христіанскихъ супруговъ, тогда не должна ли она для нихъ быть источникомъ высокихъ удовольствій и радостей? Что́ такое будетъ для нихъ въ такомъ случаѣ любовь и вѣрность супружеская, какъ не высокая и неприкосновенная святыня,—обязанность не только въ отношеніи другъ къ другу, но и къ своему Богу и Спасителю? Жить другъ для друга, заботиться о взаимномъ спокойствіи и счастіи, другъ другу содѣйствовать во всемъ добромъ и полезномъ, другъ другу повѣрять свои мысли и чувства, другъ съ другомъ дѣлить горе и радость — всѣ эти обязанности супружеской жизни, внушаемыя самою природою и всегда бывающія источникомъ невинныхъ радостей для супруговъ, соединенныхъ взаимною любовію, — для супруговъ

христіанскихъ дѣлаются болѣе высокими и пріятными отъ той мысли, что вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей другъ къ другу они подражаютъ Іисусу Христу и Его святой Церкви, благоугождаютъ своему Господу, что, живя другъ для друга по закону евангельскому, они тѣмъ самымъ живутъ и для Бога!... О, еслибъ эта свѣтлая истина христіанства всегда руководила жизнію христіанскихъ супруговъ! О, еслибъ союзъ ихъ всегда былъ живымъ образомъ союза Іисуса Христа съ своею Церковію! Тогда жизнь супружеская подлинно всегда была бы источникомъ самыхъ высокихъ радостей и утѣшеній, покоя и счастія, котораго теперь многіе напрасно въ ней ищутъ!..

Много удовольствій и радостей въ изобиліи и богатствѣ, пріобрѣтенномъ честными и правыми путями. Но истинный христіанинъ, кромѣ земныхъ и чувственныхъ удовольствій, которыя въ богатствѣ умѣетъ находить и язычникъ, съумѣетъ открыть въ немъ источникъ утѣшеній и удовольствій духовныхъ, самыхъ высокихъ и благородныхъ. Употребляя свое богатство по закону Евангелія, на пользу своихъ ближнихъ, онъ пріобрѣтетъ себѣ тысячи благословеній отъ тѣхъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ, найдетъ неистощимый источникъ утѣшеній въ той мысли, что жизнь его не есть одно пустое, безполезное препровожденіе времени, безъ смысла и значенія, не есть безполезная трата силъ и средствъ, которыя должны служить къ достиженію высокихъ и благороднѣйшихъ цѣлей, — что, напротивъ, она обильнѣйшій источникъ многихъ благъ и для отдѣльныхъ лицъ, и для всего общества, — что онъ своимъ богатствомъ содѣйствовалъ распространенію добрыхъ и полезныхъ знаній, далъ возможность людямъ темнымъ просвѣщаться свѣтомъ наукъ и въ лицѣ ихъ приготовилъ для обще-

ства дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ,—что благоразумнымъ употребленіемъ богатства онъ многихъ поощрилъ къ доброму и честному труду и предохранилъ отъ праздности и тунеядства; многихъ, извлекши изъ нищеты, вмѣстѣ съ тѣмъ извлекъ изъ бездны погибели и разврата. Но самое высокое утѣшеніе онъ найдетъ въ той божественной истинѣ, что своимъ богатствомъ онъ послужилъ своему Господу и Спасителю, который, по безпредѣльной благости и снисхожденію къ намъ, благоволитъ считать Себя должникомъ нашимъ, какъ бы непремѣнно обязаннымъ даровать намъ всѣ безконечныя блага, если только мы съ своей стороны земныя и тлѣнныя блага, Имъ же данныя, свободно, по побужденію любящаго и милующаго сердца, употребляемъ во благо нашихъ ближнихъ: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра... Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 34, 40)!

Не будемъ умножать примѣровъ. И указанныхъ вполнѣ довольно для того, чтобъ видѣть, какъ жизнь истинно-христіанская,—сама по себѣ неисчерпаемый источникъ высокихъ и святыхъ утѣшеній и радостей, — въ то же время земнымъ, чистымъ и невиннымъ радостямъ даетъ особенную силу и жизнь, сообщаетъ имъ продолжительность и долговѣчность, какой сами по себѣ онѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть. Подлинно «благодать,— какъ говоритъ одинъ изъ пастырей Церкви,— превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, къ чему ни коснется въ человѣкѣ, ей преданномъ (1)».

Ѳ. Надеждинъ.

---

(1) Преосв. Филар., митр. моск., въ словѣ на день Пятидесятницы.

II.

ЛЖЕИСИДОРОВСКІЯ ДЕКРЕТАЛІИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ПАПСКОЙ СИСТЕМЫ.

Въ девятомъ вѣкѣ дѣлается извѣстнымъ въ исторіи каноническій сборникъ, который нынѣ повсюду принято называть «Лжеисидоровскими Декреталіями». Быстро распространяется онъ по всему западу и пріобрѣтаетъ всеобщее довѣріе и уваженіе; имъ начинаютъ пользоваться, на него ссылаются, какъ на сборникъ вполнѣ подлинный и достовѣрный, галльскіе и германскіе епископы, западные соборы и даже папы (1). Въ немъ никто не предполагаетъ ни малѣйшаго подлога, а потому послѣдующіе составители каноническихъ сборниковъ, каковы: Бурхардъ, Ива Карнутскій и особенно Граціанъ безъ всякаго опасенія пользуются имъ при составленіи собственныхъ сборниковъ. Вошедши въ составъ Граціанова декрета, который, какъ извѣстно, съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго вѣка былъ на западѣ въ употребленіи рѣшительно вездѣ: и въ школахъ, и въ судахъ, и въ церкви, Лжеисидоровскія Декреталіи слились, такъ

(1) См. Kirchenrecht Walter's § 89.

сказать, съ общимъ каноническимъ правомъ западной церкви и до четырнадцатаго вѣка всѣми безусловно и рѣшительно принимались за подлинныя декреталіи римскихъ епископовъ первыхъ вѣковъ, собранныя Исидоромъ, архіепископомъ севильскимъ. Упадокъ въ то время всѣхъ наукъ вообще и совершенное отсутствіе исторической критики — вотъ въ чемъ заключается объясненіе этого явленія. Самыя свѣтлыя личности того времени, какъ наприм. Беда Достопочтенный, Алкуинъ, Гинкмаръ, Герберть и другіе, при отсутствіи исторической критики, не могли отличить подлиннаго отъ подложнаго, такъ какъ въ то время появилось много сочиненій подъ ложными именами, составленныхъ не только еретиками, но и истинно вѣрующими, и часто съ добрыми цѣлями: не имѣя напр. актовъ какого нибудь мученика, чтобы читать ихъ во дни его памяти, ни мало не затруднялись сами составлять ихъ (¹).

Съ четырнадцатаго вѣка вѣра въ подлинность этихъ декреталій мало по малу стала ослабѣвать. Въ первый разъ мысль объ ихъ подложности была высказана, впрочемъ, въ довольно общихъ выраженіяхъ, оксфордскимъ профессоромъ Джономъ Виклефомъ (†1384) (²). Въ этомъ же вѣкѣ подлинность ихъ подвергалъ сомнѣнію и Марсилій Петавій, но выражалъ свое сомнѣніе также обще и неопредѣленно. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ была открыта подложность нѣкоторыхъ частныхъ статей лжеисидоровскаго сборника. Латеранскій каноникъ Лаврентій Вала доказалъ подложность дарственной грамоты Кон-

---

(¹) Fleury, Discourses sur l'histoire de l'Eglise. Discours 3.

(²) Decretales epistolæ, говоритъ онъ, sunt apocryphæ et seducunt a Christi fide; at clerici sunt stulti, qui student eis. Blusco cap. 5. p. 30. Ballerini de antiquis. collection. p. 4. c. 6. § 1. n. 2.

стантина Великаго, и притомъ съ такою ясностію, что послѣ него уже никто не осмѣливался защищать ея подлинность, а Николай Куэскій (впослѣдствіи кардиналъ) († 1468)—подложность тѣхъ произведеній, которыя выдавались у Лжеисидора подъ именами Климента и Анаклета (¹). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ лжеисидоровскій сборникъ въ первый разъ былъ изданъ въ полномъ своемъ составѣ Мерлиномъ, и тогда-то о подложности его заговорили въ своихъ произведеніяхъ очень многіе изъ германскихъ и французскихъ католическихъ богослововъ, какъ напр. Ерасмъ, Кассандръ, Дюмуленъ, Ле-Контъ и др. (²), но всѣхъ ихъ превзошли въ этомъ отношеніи магдебургскіе центуріаторы (³). Вся составленная ими церковная исторія имѣла цѣль полемическую, была направлена къ тому, чтобы показать полную несостоятельность тогдашняго положенія римской церкви, которое основывалось главнымъ образомъ на Лжеисидоровскихъ Декреталіяхъ. На защиту Декреталій противъ центуріаторовъ выступилъ въ 1572 году іезуитъ Францъ Турріанъ, или Торресъ (⁴), но попытка его была совершенно безуспѣшна и неудачна какъ потому, что подлинности Декреталій тогда уже не совсѣмъ довѣряли сами римскіе кардиналы, напр. Бароній, Беллярминъ, Дуцей и Сирмондъ и даже іезуиты, такъ и потому, что онъ вызвалъ противъ себя опровержевіе со стороны

(¹) De concord. cathol. lib. 3, cap. 2.

(²) Richter. de emendator. Gratiani p. 26 et sq.

(³) Этимъ именемъ называется общество протестантскихъ богослововъ, составившее въ 16 вѣкѣ въ Магдебургѣ церковную исторію, которая для большей удобности изложена по столѣтіямъ или центуріямъ; отсюда и названіе центуріаторовъ.

(⁴) Franc. Turrianus adversus Magdeburgenses centuriatores pro epistolis decretalibus pontificum Apostolicorum.

знаменитаго протестантскаго проповѣдника Давида Блонделя. Блондель въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Pseudoisidorus et Turrianus vapulantes», напалъ на Турріана съ такою же ѣдкостію, какъ и ученостію, обличилъ несостоятельность его труда и въ первый разъ указалъ тѣ источники, изъ которыхъ Лжеисидоръ бралъ матеріалъ для своихъ декреталій. Напрасно послѣ этого старались поддерживать и защищать мнѣніе Турріана францисканецъ Бонавентура Мальвазія (1) и кардиналъ d'Aguirra (2) въ своемъ сборникѣ испанскихъ соборовъ. Сама римская церковь съ этого времени признала Декреталіи подложными и ученѣйшіе ея богословы начали подвергать ихъ разбору еще болѣе строгому, чѣмъ самый разборъ Блонделя. Братьевъ Баллериніевъ, католическихъ священниковъ въ Веронѣ, жившихъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, мы справедливо можемъ назвать вполнѣ достойными продолжателями дѣла Блонделя: ими доказана подложность такихъ статей Лжеисидоровскихъ Декреталій, которыя самимъ Блонделемъ приняты были еще за подлинныя (3). Познакомить по возможности съ этими декреталіями и показать, какое значеніе онѣ имѣ-

---

(1) Его сочиненіе озаглавливается такъ: Nuntius veritatis David. — Blondello missus 1635 г.

(2) Concil. Hispan. Dissertat. eccles. T. 1.

(3) Можно было бы вести исторію Лжеисидоровскихъ Декреталій и дальше до нашего времени, потому что міръ католическій и даже протестантскій еще до сихъ поръ занимается изслѣдованіями объ этомъ сборникѣ, но мы не дѣлаемъ этого, потому что новѣйшіе изслѣдователи весь свой историческій и критическій матеріалъ заимствуютъ изъ сочиненій Блонделя и Баллериніевъ и только подводятъ этотъ матеріалъ подъ свой личный взглядъ и приспособляютъ къ своимъ субъективнымъ цѣлямъ. Оттого-то мы и находимъ у нихъ разницу въ однихъ только частностяхъ, о которыхъ такимъ образомъ еще до сихъ поръ не сказано рѣшительнаго и окончательнаго слова.

ли въ исторіи развитія папской системы — составляетъ задачу настоящей статьи (1).

Для большей послѣдовательности и раздѣльности, мы сначала займемся самымъ сборникомъ, и скажемъ о его внѣшнемъ составѣ, содержаніи, цѣли, мѣстѣ и времени его составленія и самомъ его составителѣ, а потомъ покажемъ и то значеніе, какое онъ имѣлъ въ исторіи развитія папства.

ВНѢШНІЙ СОСТАВЪ ЛЖЕИСИДОРОВСКИХЪ ДЕКРЕТАЛІЙ.

Въ древности существовало на западѣ много болѣе или менѣе обширныхъ каноническихъ сборниковъ, изъ которыхъ были наиболѣе распространены и пользовались особеннымъ уваженіемъ два: римскій и испанскій. Сборникъ римскій былъ составленъ около 510 года римскимъ монахомъ Діонисіемъ Малымъ (Exiguus) и содержалъ въ себѣ правила четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ, принимаемыхъ и нашею церко-

(1) Стоитъ ли заниматься этими декреталіями, когда онѣ уже самою римскою церковію признаны подложными, а слѣдовательно не составляютъ и для нея ни малѣйшаго авторитета? Всѣ подлоги, отвѣтимъ мы на этотъ вопросъ, подъ сѣнію которыхъ возрасла папская власть, теперь открыты, но ученіе, содержащееся въ нихъ и практическіе выводы, сдѣланные изъ этого ученія, до сихъ поръ остаются во всей силѣ. Слѣдовательно вліяніе ихъ простирается еще и на настоящее время, и такимъ образомъ ознакомленіе съ ними можетъ сдѣлать для насъ вполнѣ наглядною несостоятельность дѣйствующихъ до нынѣ постановленій римской церкви и современнаго положенія папы со стороны его духовной власти. Знакомство это укажетъ намъ, что и эти декреталіи составляютъ одно изъ основаній, на которыхъ зиждется папство и что онѣ съ своей стороны также нимало не превосходятъ ложнаго и неправильнаго пониманія и перетолкованія мѣстъ свящ. Писанія и многаго другаго, чѣмъ обыкновенно стараются доказать законность и справедливость папства.

вію, а равно и соборовъ африканскихъ, пятьдесятъ правилъ апостольскихъ и декреталіи римскихъ епископовъ отъ Сириція († 373) до Анастасія II († 473). Сборникъ испанскій, приписываемый Исидору, архіепископу севильскому, принадлежалъ по своему началу ко второй четверти седьмаго вѣка (его происхожденіе относятъ ко времени между 633 и 636 г.) и заключалъ въ себѣ кромѣ того, что было въ сборникѣ римскомъ, опредѣленія соборовъ испанскихъ и галльскихъ. Этотъ-то испанскій сборникъ и составляетъ основаніе сборника, извѣстнаго подъ именемъ Лжеисидоровскихъ Декреталій; только въ послѣдній привнесено много новаго, чего не было въ сборникѣ испанскомъ.

Испанскій сборникъ имѣетъ только двѣ части, а лжеисидоровскій состоитъ изъ трехъ частей: въ немъ прежде опредѣленій Никейскаго собора, которыми начинается сборникъ испанскій, излагается еще цѣлый рядъ папскихъ декреталій (1). Первой части лжеисидоровскаго сборника предшествуетъ нѣсколько вступительныхъ статей: письмо Аврелія къ папѣ Дамасу съ просьбою передать ему нѣкоторыя древнія декреталіи и отвѣтъ папы Дамаса; краткій перечень соборовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, съ обозначеніемъ поводовъ, по которымъ они были собраны, времени и мѣста ихъ собраній, а также и числа отцовъ, на нихъ присутствовавшихъ; описаніе порядка празднованія соборовъ, взятое изъ опредѣленій четвертаго толедскаго собора и передѣланное примѣнительно къ франкскимъ обы-

(1) Такое раздѣленіе имѣетъ самый древній манускриптъ Лжеисидоровскихъ Декреталій, который въ недавнее время перевезенъ въ Парижъ; описанъ же онъ Баллеринами ч. 3. гл. 4. § 51; Gallandius de vetustis canonum collectionibus dissertationum sylloge. T. 1. p. 542 sqq.

чаямъ, и предисловіе отъ имени Исидора Грѣшника (Peccator), заимствованное отчасти изъ испанскаго сборника.

Первая часть начинается правилами апостольскими въ числѣ пятидесяти, какъ онѣ помѣщены у Діонисія; за ними слѣдуетъ пятьсятъ девять подложныхъ декретовъ и посланій папъ первыхъ четырехъ вѣковъ, начиная съ Климента до Мельхіада (отъ 77 до 313) ([1]), и за тѣмъ трактатъ о первенствующей церкви и соборѣ никейскомъ (de primitiva ecclesia et Sinodo Nicaena), который, на томъ основаніи, что онъ стоитъ непосредственно послѣ декреталій Мельхіада, былъ принятъ Граціаномъ также за декреталію этого папы ([2]). Оканчивается первая часть дарственною грамотою Константина великаго на имя папы Сильвестра. Вторая часть не содержитъ въ себѣ ничего собственно лжеисидоровскаго; послѣ предисловія, которое заимствовано частію изъ предисловія испанскаго сборника, частію изъ галльскаго кеснельскаго (Quesnelle) сборника пятаго или шестаго вѣка, въ этой части излагаются, помѣщенныя въ испанскомъ сборникѣ, опредѣленія соборовъ—первыхъ четырехъ вселенскихъ и помѣстныхъ: греческихъ, африканскихъ, галльскихъ и испанскихъ. Третья часть начинается опять отрывкомъ изъ предисловія испанскаго сборника, за тѣмъ слѣдуютъ дѣянія папы Сильвестра († 335), декреты и посланія его преемниковъ на пап-

([1]) Вотъ имена папъ, декреталіи которыхъ помѣщены въ этой части лжеисидоровскаго сборника: Климентъ, Анаклетъ, Еварестъ, Александръ I, Сикстъ, Телесфоръ, Гигинъ, Пій I, Аникита Сотеръ, Елевѳерій, Викторъ I, Зефиринъ, Каллистъ I, Урбанъ I, Понтіанъ, Антеръ, Фабіанъ, Корнелій, Люцій, Стефанъ, Сикстъ II, Діонисій, Феликсъ, Евтихіанъ, Гай или Кай, Марцеллинъ, Маркеллъ I, Евсевій и Мельхіадъ.

([2]) Baller. de antiquis collection. p. 3. c. 6. n. 19. p. 547.

свонмъ престолѣ до Григорія 2 († 731), между которыми тридцать пять декреталій подложныхъ [1]. Этимъ и оканчивается собственно лжеисидоровскій сборникъ; правда, во многихъ спискахъ его есть еще нѣсколько прибавленій, но они, по общему мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей этого сборника, прибавлены къ нему уже въ послѣдствіи времени.

ИХЪ СОДЕРЖАНІЕ.

Этому разнообразію внѣшняго состава лжеисидоровскаго сборника вполнѣ соотвѣтствуетъ и разнообразіе его содержанія. Вообще нужно сказать, что кругъ предметовъ, которыхъ касается Лжеисидоръ, гораздо обширнѣе и богаче круга предметовъ испанскаго сборника. Въ Лжеисидоровскихъ Декреталіяхъ можно встрѣтить и догматическія объясненія, и литургическія предписанія, и пастырскія наставленія, и каноническія постановленія. Въ частности въ нихъ говорится и о таинствахъ: крещеніи, мѵропомазаніи, причащеніи, священствѣ, бракѣ и елеосвященіи, о постахъ, праздникѣ Пасхи, обрѣтеніи св. животворящаго креста, перенесеніи мощей св. апостоловъ, о святомъ мѵрѣ и святой водѣ, объ освященіи церквей, о благословеніи земныхъ плодовъ, о священныхъ сосудахъ и украшеніяхъ, о священническихъ облаченіяхъ, о церковномъ имуществѣ, о хореписко-

---

[1] Здѣсь помѣщены декреталіи слѣдующихъ папъ: Сильвестра, Марка, Юлія, Либерія, Феликса, Дамаса, Сирниція, Анастасія, Иннокентія, Зосимы, Бонифація I, Целестина, Сикста III, Льва, Иларія, Симплиція, Феликса, Геласія, Анастасія, Симмаха, Ормизды, Іоанна, Феликса III, Бонифація II, Іоанна, Агапита, Сильверія, Вигилія, Пелагія, Григорія I, Виталіана и Григорія II.

пахъ, священникахъ и діаконахъ; многія декреталіи касаются личныхъ дѣлъ или содержатъ общія нравственныя и религіозныя наставленія. Указать же опредѣленно содержаніе каждой декреталіи порознь очень трудно и едва ли возможно, потому что почти каждая изъ нихъ говоритъ не объ одномъ опредѣленномъ предметѣ, а о многихъ и различныхъ. Но при этомъ множествѣ и разнообразіи предметовъ, которыми занимаются декреталіи, особенно выдаются два главныхъ предмета, на которыхъ преимущественно останавливается авторъ сборника, и о которыхъ говоритъ очень часто и очень много: онъ преимущественно старается оградить епископовъ и прочихъ членовъ клира отъ различныхъ доносовъ на нихъ и обвиненій, всевозможно затруднить эти доносы и обвиненія и выставить всю высоту папской власти, которая, по этимъ декреталіямъ, въ дѣлахъ епископскихъ неограниченна. Биній, каноникъ кельнскій, одинъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ римской церкви, употребившій всевозможныя усилія и старанія защитить подлинность декреталій, когда уже всѣ ученые отказались защищать ихъ, замѣчаетъ, что «большая часть этихъ папскихъ посланій касаются владычества римской церкви, огражденія епископовъ и прочихъ членовъ клира отъ обидъ, обвиненій и низложеній, и наконецъ аппеляцій, съ которыми должно обращаться къ апостольскому престолу». Такъ же характеризуетъ главное содержаніе ихъ и Флёри: «главнымъ предметомъ этихъ декреталій», говоритъ онъ, «служатъ обвиненія епископовъ. Нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая не говорила бы объ этомъ и не давала правилъ, затрудняющихъ эти обвиненія» (Hist. Eccl. L. 44 n. 22).

ПОДЛОЖНОСТЬ И ПОВРЕЖДЕННОСТЬ ТѢХЪ СТАТЕЙ ЛЖЕИСИДОРОВСКАГО СБОРНИКА, КОТОРЫХЪ НѢТЪ ВЪ СБОРНИКѢ ИСПАНСКОМЪ.

Мы замѣтили уже, что въ лжеисидоровскомъ сборникѣ заключается очень много лишняго въ сравненіи съ сборникомъ испанскимъ, послужившимъ для него основаніемъ. При внимательномъ изслѣдованіи подложность этихъ излишнихъ статей дѣлается очевидною, и, такъ сказать, осязательною до того, что не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло случиться, что Евсевій, Іеронимъ и др. съ такою подробностію знавшіе творенія св. отцевъ и пастырей Церкви первыхъ вѣковъ, и такъ тщательно старавшіеся объ ихъ сохраненіи и распространеніи, ничего не знали объ этихъ декреталіяхъ? А ни одинъ изъ нихъ, нигдѣ и ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего знакомства съ ними. Мало того, – Діонисій Малый, человѣкъ весьма образованный, житель Рима, употреблявшій такъ много трудовъ и усилій, чтобы собрать папскія декреталіи и дѣйствительно не мало собравшій ихъ въ своемъ каноническомъ сборникѣ, излагаетъ декреталіи папъ, начиная съ Сириція, но не приводитъ ни одной изъ временъ болѣе раннихъ. Съ другой стороны, нѣкоторые папы и прежде появленія лжеисидоровскаго сборника старались увеличить и расширить права и власть своего престола, и однако, для подтвержденія и подкрѣпленія своихъ притязаній, никогда не пользовались декреталіями, встрѣчающимися у Лжеисидора. Многія изъ этихъ декреталій адресованы, какъ видно изъ ихъ надписаній, къ епископамъ различныхъ и часто весьма отдаленныхъ церквей, иныя ко всѣмъ членамъ какой нибудь церкви или ко всѣмъ ея предстоятелямъ, слѣдовательно онѣ были разсѣяны по всему міру и должны были суще-

ствовать въ различныхъ, отдаленныхъ странахъ вселенной; какъ же могли онѣ при этомъ пропасть совершенно безъ всякаго слѣда и безъ всякаго упоминанія, или быть совершенно неизвѣстными до девятаго вѣка, если бы только онѣ дѣйствительно когда нибудь и гдѣ нибудь существовали? А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ никто не упоминаетъ объ нихъ, никто не приводитъ ихъ, никто не ссылается на нихъ прежде девятаго вѣка. Такимъ образомъ по внѣшнимъ признакамъ подложность декреталій вѣроятна; обратимся теперь къ признакамъ внутреннимъ.

Въ этихъ декреталіяхъ встрѣчается много анахронизмовъ, которые ясно показываютъ, что онѣ не принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которымъ приписываются у Лжеисидора. Въ нихъ папы первыхъ вѣковъ говорятъ о томъ, чего въ ихъ время вовсе не существовало, а напротивъ вовсе не упоминаютъ о томъ, что было всего обыкновеннѣе въ ихъ время и что весьма близко касалось ихъ собственныхъ интересовъ. Такъ въ посланіяхъ папъ втораго и третьяго вѣка нѣтъ ни слова о гоненіяхъ на христіанъ, о спорахъ, безпорядкахъ и ересяхъ, такъ часто волновавшихъ тогда Церковь. Отношенія государства къ Церкви представляются въ нихъ вовсе не такими, каковы они были, сколько извѣстно изъ исторіи, въ эти времена Наприм. папа Зефиринъ, жившій въ началѣ третьяго вѣка († 218), слѣдовательно еще подъ владычествомъ языческихъ государей, говоритъ, что изгнаніе епископовъ въ то время было воспрещено повелѣніемъ императоровъ (per praecepta imperatorum). Папа Анаклетъ, по церковному преданію, умершій около 100 года, у Лжеисидора говоритъ о патріархахъ, примасахъ, митрополитахъ и архіепископахъ — о такихъ должностяхъ и званіяхъ, которыя были учреждены спустя цѣлыя сто-

лѣтія. Въ посланіи папы Мельхіада сообщаются свѣдѣнія объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора, который былъ созванъ спустя 11 лѣтъ послѣ его смерти. Папа Викторъ († 202) представляется разсуждающимъ о времени празднованія пасхи съ Θеофиломъ, епископомъ александрійскимъ, между тѣмъ какъ Θеофилъ жилъ почти двумя столѣтіями позже его († 383). Мѣста священнаго Писанія, приводимыя въ декреталіяхъ папъ первыхъ вѣковъ, приводятся по исправленному латинскому переводу Библіи, который, какъ извѣстно, сдѣланъ только въ концѣ четвертаго столѣтія блаженнымъ Іеронимомъ. Не рѣдко можно встрѣчать въ декреталіяхъ, что какой нибудь папа или только ссылается, или приводитъ даже цѣлыя мѣста изъ писаній отцевъ Церкви, жившихъ послѣ него и вообще изъ сочиненій позднѣйшихъ. Примѣромъ этого служатъ выдержки изъ «Breviario Alariciano» (¹), который по своему происхожденію безспорно принадлежитъ къ шестому вѣку, между тѣмъ какъ мѣста изъ него постоянно приводятся папами первыхъ четырехъ вѣковъ. А мѣста изъ твореній св. отцевъ, напр. Григорія великаго, Амвросія и др., приводимыя въ декреталіяхъ, или вовсе не встрѣчаются въ писаніяхъ отеческихъ, или же если и встрѣчаются, то принадлежатъ вовсе не тѣмъ отцамъ, которымъ здѣсь приписываются. Время, по общему сознанію, не можетъ не оказывать вліянія на слогъ писателей, такъ что съ перваго взгляда можно отличить писателей, между которыми разность на цѣлое столѣтіе. А между тѣмъ въ лжеисидоровскомъ сборникѣ произведенія писателей, отстоявшихъ другъ

(¹) Такъ называется сборникъ законовъ, составленный въ шестомъ вѣкѣ собственно для германцевъ.

отъ друга на два, на три столѣтія и болѣе, совершенно сходны между собою по слогу. Что касается до языка, которымъ написаны декреталіи, то онъ, по общему признанію, очень грубъ, наполненъ варваризмами и слишкомъ далекъ отъ своей первоначальной чистоты и изящества. По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, онъ вполнѣ сходенъ съ варварскимъ языкомъ произведеній 8 и 9 вѣковъ, такъ что и на этомъ основаніи мы должны предположить, что декреталіи составлены не ранѣе восьмаго вѣка. Послѣ всего этого мы можемъ сказать словами архіепископа де-Марка: «вѣрно и совер«шенно несомнѣнно, что почти всѣ посланія, предше«ствующія времени Сириція, равно какъ и многія изъ «посланій, приписываемыхъ папамъ позднѣйшимъ Ана«стасія II, подложны и вымышлены въ послѣдствіи вре«мени» (1).

Но этимъ вопросъ о подложности не исчерпывается еще вполнѣ. Если декреталіи подложны,—то кѣмъ онѣ написаны: самимъ ли составителемъ сборника, или взяты имъ откуда нибудь уже готовыми? Изслѣдованія знаменитыхъ и многоученыхъ критиковъ приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что нѣкоторыя подложныя статьи, вошедшія въ составъ лжеисидоровскаго сборника, существовали уже прежде него и по невѣжеству были даже включены въ нѣкоторые частные сборники. Вотъ эти статьи: 1) два письма Климента римскаго къ Іакову, брату Господню. Они были переведены съ греческаго еще Руфиномъ (2), въ четвертомъ вѣкѣ, слѣдовательно служили для Лжеисидора уже готовымъ матеріаломъ, и

(1) De concord. lib. 7. c. 20. p. 269.
(2) Biener, de collect. canon. eccles. Græcæ p. 72.

онъ не преминулъ воспользоваться имъ. впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. необходимыми для тѣхъ плановъ и цѣлей. какія онъ имѣлъ въ виду. 2) Дарственная грамота Константина великаго папѣ Сильвестру. въ которой говорится, что императоръ оставилъ Римъ исключительно съ тою цѣлію, чтобы предоставить его въ полную власть папъ. Аббатъ Лаврентій Вала открылъ какъ подложность этой грамоты. такъ и время ея происхожденія; по его мнѣнію она составлена при дарованіи папамъ экзархатства равенскаго для того. чтобы показать древность происхожденія свѣтской власти папъ (¹). О ней упоминаетъ папа Адріанъ I въ своемъ посланіи къ Карлу великому въ 777 году (²). 3) Различныя постановленія и опредѣленія папы Сильвестра. равно какъ его посланіе къ собору никейскому и посланіе никейскаго собора къ собору римскому вымышлены въ шестомъ вѣкѣ во времена папы Симмаха. Ко времени того же папы принадлежатъ и дѣянія папъ: Марцеллина, Либерія и Сикста. 4) Письмо папы Дамаса къ Іерониму и отвѣтъ на него Іеронима, посланіе Льва великаго къ епископамъ Германіи «de privilegio episcoporum sive presbyterorum» и довольно большой отрывокъ. прибавленный къ письму Григорія 1-го къ Секундину. Статьи эти всѣми безъ исключенія протестантскими и католическими изслѣдователями, признаются существовавшими ранѣе лжеисидоровскаго сборника (³). Все

(¹) Laur. Vala de falso credita et ementita Constantini donatione.

(²) Cod. Carolin. epist. 49.

(³) Показаніе свое мы основываемъ на безспорно вѣрныхъ данныхъ братьевъ Баллериновъ. Baller. pars. 2. cap. 6 и 7 (Galland. l. 1, p. 394—494). Спитлеръ впрочемъ считаетъ еще нѣсколько статей, встрѣчающихся у Лжеисидора, существовавшими ранѣе лжеисидоровскаго сборника. Таковы, по его мнѣнію: посланіе архіепископа Стефана и

же остальное, что содержится въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ, — разумѣемъ то, чего нѣтъ въ сборникѣ испанскомъ,—хотя также существовало до появленія этихъ декреталій, а не вымышлено самимъ Лжеисидоромъ, но въ нихъ оно въ первый разъ приписано папамъ первыхъ вѣковъ, а не тѣмъ лицамъ, которымъ оно дѣйствительно принадлежало. Не входя въ подробности касательно того, что̀ откуда взято Лжеисидоромъ, какъ потому, что это очень подробно и обстоятельно раскрыто во многихъ произведеніяхъ (¹), такъ и потому, что вопросъ этотъ считается положительно рѣшеннымъ и не вызываетъ противъ себя никакихъ возраженій и никакихъ споровъ, ограничимся только указаніемъ тѣхъ источниковъ, откуда бралъ Лжеисидоръ матеріалъ для своихъ декреталій. Вотъ эти источники: церковно-историческіе труды Руфина (²), такъ называемая «historia tripartita» (³) Кассіодора, «liber pontificalis» — старинный сборникъ преданій, касающихся жизни различныхъ

трехъ африканскихъ соборовъ къ папѣ Дамасу, отвѣтъ къ нимъ Дамаса и посланіе Дамаса къ нумидійскимъ епископамъ. Но этого мнѣнія еще нельзя принимать за несомнѣнно вѣрное и безошибочное.

(¹) Желающимъ узнать это дѣло подробнѣе, указываемъ на превосходную книгу Knust'a: de fontibus et consilio pseudoisidorianæ collectionis, также на сочиненіе Блонделя: Pseudoisidorus et Turrianus vapulantes, и братьевъ Баллериновъ: de antiq. coll. concil.; послѣднее сочиненіе можно найти у Галландія: de vet. canon. collect. dissert. syll. T. I.

(²) Руфинъ, жившій въ 4 вѣкѣ, перевелъ на латинскій языкъ девять книгъ исторіи Евсевія Памфила и продолжалъ его до 395 года.

(³) Historia ecclesiastica, quam tripartitam vocant, представляетъ собою сокращеніе церковной исторіи Сократа, Созомена и Θеодорита. Изъ нее напр. заимствовано, встрѣчающееся въ декреталіяхъ Юлія и Маркелла, правило, что никакой областной соборъ не долженъ быть созываемъ безъ папскаго соизволенія. Только у Кассіодора это говорится относительно къ области, патріархомъ которой считался папа, а въ декреталіяхъ это распространяется на всю церковь.

пап̂ъ (¹), декреталіи папъ 7 вѣка, творенія св. отцевъ, постановленія мѣстныхъ соборовъ, упомянутый уже нами «Breviarium Alaricianum» и различныя другія части римскаго права (²); многое наконецъ взято Лжеисидоромъ и изъ современной ему литературы. Заимствуя изъ этихъ источниковъ свой матеріалъ, Лжеисидоръ или составлялъ изъ него цѣлыя подложныя декреталіи, выдавая ихъ за произведенія папъ первыхъ вѣковъ, или же бралъ подлинныя папскія декреталіи, дѣйствительно принадлежавшія тѣмъ лицамъ, которымъ онѣ приписывались, и искажалъ ихъ то совершенною передѣлкою, то различными вставками, пропусками и прибавленіями изъ произведеній позднѣйшихъ. Такимъ образомъ весь лжеисидоровскій сборникъ, за исключеніемъ той части, которая заимствована изъ сборника испанскаго и оставлена въ немъ безъ перемѣны, состоитъ съ одной стороны изъ подложныхъ статей, которыя существовали ранѣе его, а съ другой изъ подложныхъ статей, составленныхъ самимъ Лжеисидоромъ, но изъ матеріала подлиннаго, только позднѣйшаго (³).

(¹) Краткія замѣчанія о различныхъ папахъ, которыя содержатся въ этой книгѣ, очень часто встрѣчаются въ декреталіяхъ, имъ приписываемыхъ. Иногда и вся декреталія содержитъ въ себѣ только одну біографію, напр. посланіе Анастасія къ епископамъ бургонскимъ. Объ отношеніи лжеисидоровскихъ декреталій къ liber pontificalis см. Origines de l'eglise Romaine T. 1. p. 327.

(²) Sfrörer: Untersuchung über Alter, Ursprung und Zweck der Decretalen.

(³) Основываясь на этомъ послѣднемъ выводѣ, защитники Лжеисидора признаютъ его сборникъ книгою хорошею и полезною.—Съ этою мыслію можно согласиться, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были возстановлены или исправлены тѣ мѣста, которыя были приведены на память, или съ испорченныхъ рукописей, и чтобы книгѣ этой былъ данъ истинный видъ, т. е. содержаніе ея не выдавалось бы за мысли папъ первыхъ вѣковъ, а за мысли тѣхъ лицъ, у кого оно дѣй-

ЦѢЛЬ, СЪ КАКОЮ СОСТАВЛЕНЫ ЛЖЕИСИДОРОВСКІЯ ДЕКРЕТАЛІИ.

Вопросъ о цѣли лжеисидоровскаго сборника былъ рѣшаемъ очень различно. По мнѣнію, которое нѣкогда было общимъ, или по крайней мѣрѣ самымъ распространеннымъ, и представителемъ котораго служитъ Февроній, исключительною и единственною цѣлію лжеисидоровскаго сборника считается возвышеніе власти и значенія римскаго епископа. Въ настоящее время, когда вопросъ о лжеисидоровскомъ сборникѣ выясненъ гораздо болѣе, чѣмъ во времена Февронія, это предположеніе утратило почти все свое значеніе, хотя впрочемъ

ствительно заимствовано. А это-то условіе и невыполнимо. 1) Источники, которыми пользовался Лжеисидоръ, не всѣ одинаково хороши и истинны. 2) Что заимствовано Лжеисидоромъ изъ источниковъ истинныхъ, то имъ искажено, а что не искажено, то взято изъ такихъ книгъ и сочиненій, которыя вовсе не имѣютъ общаго и большаго значенія, какъ произведенія частныхъ лицъ и при томъ принадлежащія къ временамъ позднѣйшимъ, когда папы, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ и собственныхъ злоупотребленій, занимали уже болѣе высокое и видное мѣсто, чѣмъ какое они занимали въ началѣ и какое они должны бы занимать по своимъ истиннымъ правамъ. Слѣдовательно, если указать дѣйствительные источники лжеисидоровскаго сборника, то самому сборнику нельзя будетъ приписать большаго достоинства. А объ исправленіи и возстановленіи нѣкоторыхъ мѣстъ лжеисидоровскаго сборника не можетъ быть и рѣчи; послѣ этихъ исправленій сборникъ необходимо долженъ совершенно утратить свой настоящій видъ и характеръ, потому что Лжеисидоръ истиннымъ отрывкамъ, встрѣчающимся въ его сборникѣ, сообщалъ совершенно другой смыслъ и характеръ, чѣмъ тотъ, который они имѣли у своихъ дѣйствительныхъ авторовъ. «Недовольствуясь тѣмъ, что перемѣшалъ истину съ ложью», говоритъ Петръ Кустантъ о Лжеисидорѣ, «онъ и самую истину, что еще безчестнѣе, осквернилъ, то измѣняя, то дополняя или сокращая» (Coustant. Praefatio ad coll. epistol. Rom. Pontif. p. 125). Такимъ образомъ лжеисидоровскій сборникъ, не смотря на то, что содержаніе его не вымышлено, а взято изъ дѣйствительныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться книгою хорошею и полезною.

еще и до сихъ поръ по временамъ находятся горячіе приверженцы его, каковъ напр. Тейнеръ (¹), а въ новѣйшее время Эллендорфъ. Не принимающіе этого предположенія такъ же расходятся между собою при опредѣленіи цѣли лжеисидоровскаго сборника. Одни предполагаютъ, что онъ составленъ съ цѣлію уменьшить и ограничить власть митрополитовъ. Епископы, по словамъ Спитлера(²), котораго можно считать представителемъ этого мнѣнія, увидѣли, что митрополитъ, если только онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ свѣтскимъ владѣтелемъ страны и его дворомъ, можетъ угнетать и притѣснять епископовъ, находящихся въ его области и слѣдовательно подъ его ближайшимъ начальствомъ, а потому имъ совершенно естественно было желать, чтобы власть, которая находилась въ рукахъ митрополитовъ, была перенесена на отдаленнаго папу. Этотъ послѣдній, при всемъ своемъ полновластіи, очевидно по самой отдаленности не могъ оказывать такого отяготительнаго вліянія на нихъ. По другому взгляду, въ своей сущности высказанному еще въ 17 вѣкѣ кардиналомъ Бона и въ 18—Констансомъ Ценни, въ новѣйшее же время подъ перомъ знаменитаго Мёлера (³) получившему полное и окончательное развитіе, — весь сборникъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ fraus pia. Сочинитель жилъ, какъ предполагаетъ Мёлеръ, въ тяжелыя и стѣснительныя времена; политическія смуты влекли за собою смуты церковныя, а насилія внуковъ Карла великаго были для церкви очень тяжелымъ бременемъ. Епископы были произвольно низлагаемы и постановляемы, духовенство

(¹) См. его соч de Pseudoisidoriana canonum collectione. 1826 г.
(²) Spittler, Geschichte des canonischen Rechts.
(³) См. Tübinger theologische Quartalschrift, Jahrg. 1829. Heft. 3. S. 477.

вообще было унижено, въ церковныхъ судахъ не было правосудія, потому что епископы, бывшіе судьями, боялись малѣйшаго прекословія свѣтскимъ властителямъ; справедливость, порядокъ и нравственность, казалось, готовы были исчезнуть совершенно. Всѣ мѣры, которыя предпринимались церковію для устраненія подобныхъ безпорядковъ, были совершенно безполезны, а потому очень вѣроятно, что какой-нибудь усердный вѣрующій пришелъ къ мысли, что онъ можетъ помочь своему времени, если приведетъ мнѣнія папъ первыхъ вѣковъ о томъ, что въ его время было преимущественно въ униженіи, потому что эти мнѣнія пастырей первыхъ вѣковъ необходимо должно было принять съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Но такъ какъ отъ папъ первыхъ вѣковъ не осталось никакихъ письменныхъ произведеній, то онъ и заимствовалъ все, что̀ ему было нужно, изъ сочиненій позднѣйшихъ, приписавъ все это папамъ первыхъ вѣковъ. При этомъ главною цѣлію его было огражденіе и возстановленіе правъ церкви, потому что только въ этомъ онъ видѣлъ основаніе для лучшаго порядка дѣлъ. Вслѣдствіе этого онъ много говоритъ о правахъ церкви, о ея независимости отъ государства; а такъ какъ онъ предвидѣлъ, что церковныя права не могутъ быть охраняемы и поддерживаемы епископами, подпавшими подъ власть и самоуправство государей, то поэтому онъ и распространяется о священномъ уваженіи къ римскому престолу, который могъ быть лучшимъ охранителемъ и защитникомъ церковныхъ правъ и который дѣйствительно былъ имъ въ опаснѣйшія времена. На преимущества этого престола, которыя на самомъ дѣлѣ были пріобрѣтаемы имъ съ теченіемъ времени, онъ указываетъ какъ на коренныя и первоначальныя

его права. Этому престолу, по его мнѣнію, должно было предоставить рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ, особенно трудныхъ или сомнительныхъ дѣлъ, потому что только отъ него одного можно было ожидать рѣшенія безпристрастнаго, только у него одного епископы могли находить справедливость въ своихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ ихъ ближайшіе начальники, архіепископы и областные соборы, не всегда рѣшали, или даже не всегда имѣли возможность рѣшать дѣла справедливо. Но не доволствуясь только одними этими дѣлами, Лжеисидоръ говоритъ о многомъ другомъ, говоритъ о чемъ казалось ему нужнымъ и полезнымъ для своего времени. Отсюда-то и возникли различныя, находящіяся въ сборникѣ, литургическія предписанія, догматическія объясненія, пастырскія наставленія и мн. др. То же предположеніе поддерживаетъ и Вальтеръ, говоря, что цѣль, которую имѣлъ Лжеисидоръ, сборникъ, какъ видно изъ словъ его предисловія (¹), подтверждаемыхъ и всѣмъ содержаніемъ сборника, въ томъ, чтобы соединить въ одномъ собраніи всю церковную дисциплину для духовенства и народа. Весьма естественно, что онъ болѣе пространенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о церковномъ порядкѣ, такъ какъ онъ-то тогда и былъ болѣе всего въ пренебреженіи и опасности.

Не отвергая совершенно и рѣшительно ни одного изъ приведенныхъ нами предположеній, мы должны однако замѣтить, что каждое изъ нихъ болѣе или менѣе страдаетъ односторонностію и не обнимаетъ собою всего

(¹) Вотъ эти слова: Quatenus ecclesiastici ordinis disciplina in unum a nobis coacta atque digesta et sancti praesules paternis instituantur regulis et obedientes ecclesiae ministri vel populi spiritualibus imbuantur exemplis et non malorum hominum pravitatibus decipiantur.

главнаго содержанія этого сборника. Едва ли бы житель франкской монархіи, (гдѣ, какъ увидимъ ниже, составленъ сборникъ), хотя бы и епископъ, рѣшился на такой громадный трудъ и вмѣстѣ обманъ единственно въ пользу папы? Могъ ли онъ даже придти къ мысли, что его сочиненіе будетъ хоть сколько нибудь полезно для папы, который и безъ того стоялъ въ это время на значительной высотѣ чести и власти? А если бы онъ и пришелъ къ такой мысли и рѣшился предпринять этотъ трудъ въ пользу папы, то, по всей вѣроятности, онъ составилъ бы его совершенно иначе. Вообще онъ побольше поговорилъ бы о римскомъ престолѣ, распространился бы о достояніи ап. Петра и о тѣхъ дарахъ, которые будто бы каждый долженъ дѣлать въ пользу римской церкви, о чемъ такъ любили говорить въ своихъ декретахъ папы 8-го вѣка, особенно же Адріанъ I, не преминулъ бы воспользоваться дарственною грамотою Константина великаго, которая представляла собою прекрасный поводъ говорить отъ лица папъ четвертаго и пятаго вѣковъ о тѣхъ преимуществахъ, которыя приписываются въ ней папамъ. Между тѣмъ у Лжеисидора мы не видимъ ничего подобнаго: дарственная грамота у него стоитъ совершенно отдѣльно, о достояніи ап. Петра и о дарахъ въ пользу римской церкви нѣтъ ни слова и вообще о римскомъ престолѣ говорится, сравнительно съ другими предметами, слишкомъ мало. Если бы цѣлію Лжеисидора было одно ограниченіе митрополитской власти, то онъ безъ сомнѣнія долженъ былъ бы соединить побольше мѣстъ, говорящихъ объ этомъ предметѣ, чего однако не видно въ декреталіяхъ. Ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ общему содержанію лжеисидоровскаго сборника предположеніе, что цѣлію его

было возстановленіе церковнаго порядка и благоустройства вообще, но почти постоянная рѣчь въ сборникѣ объ епископахъ, — именно изъ 90 подложныхъ статей по крайней мѣрѣ въ 70 говорится объ епископахъ — заставляетъ предполагать, что сборникъ главнымъ образомъ составленъ въ пользу епископовъ, т. е, для того, чтобы оградить ихъ отъ различныхъ притѣсненій, незаконнаго, и въ то же время слишкомъ отяготительнаго вліянія на нихъ со стороны свѣтской власти. Но такъ какъ епископы подпали этому вліянію чрезъ митрополитовъ, то очевидно, что стремясь къ первому, Лжеисидоръ долженъ былъ въ зависимости отъ этого стараться и объ уменьшеніи власти самихъ митрополитовъ. А самымъ вѣрнымъ средствомъ какъ къ тому, такъ и къ другому, представлялось ему возвышеніе папской власти. Поэтому, хотя мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ лжеисидоровскаго сборника дѣйствительно встрѣчаемъ признаніе за римскимъ престоломъ первенства, основаннаго будто бы на преимуществѣ Петра предъ другими апостолами, но это первенство папы выставляется тамъ собственно въ пользу епископовъ. Такъ «sedes Romana» въ декреталіяхъ называется (1): «caput», «cardo», «mater», «apex omnium ecclesiarum», говорится, что этому престолу поручено попеченіе о всей Церкви, и что каждый долженъ подчиняться ея правиламъ и опредѣленіямъ. Но какъ мало соглашается Лжеисидоръ чрезъ признаніе римскаго первенства уступить что нибудь изъ правъ епископскихъ, это показываетъ почти каждая декреталія. Такъ напр. во 2 декреталіи Евареста епископы на-

---

(1) 2 и 3 декр. Анаклета, 1 декр. Александра, 1 декр. Діонисія, Каллиста, Пія и друг.

зываются «legati Dei, qui Christi vice funguntur», и которыхъ каждый долженъ слушаться; въ декреталіяхъ Урбана говорится: «in episcopis Dominum veneremini»; въ первой декреталіи Мельхіада мы встрѣчаемъ слѣдующее: «Богъ избралъ епископовъ какъ бы своими очами, восхотѣлъ, чтобы они были столпами Церкви и даровалъ имъ власть вязать и рѣшить». Анаклетъ пишетъ: «священство получило свое начало отъ Петра, потому что онъ первый былъ поставленъ первосвященникомъ Церкви Христовой; прочіе же апостолы воспріяли одинаковую съ нимъ честь и власть, и уже сами восхотѣли, чтобы онъ былъ первымъ изъ нихъ; — мѣсто ихъ заняли епископы и кто слушаетъ послѣднихъ, слушаетъ самаго Бога» (¹). Все это ясно показываетъ, что Лжеисидоръ возвышеніе папы считалъ только необходимымъ условіемъ возвышенія епископовъ, и старался объ этомъ возвышеніи только какъ о средствѣ возвышенія самихъ епископовъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какимъ путемъ идетъ онъ къ своей главной цѣли, т. е. къ освобожденію епископовъ отъ мірскаго вліянія. Для этого онъ прежде всего безусловно отвергаетъ вмѣшательство мірскаго суда въ дѣла епископскія. Всякій судъ надъ епископомъ предъ «judicium publicum» положительно воспрещается (²). Мірское начальство безъ папскаго соизволенія не имѣетъ права составлять соборы и осуждать какого

(¹) A Petro sacerdotalis coepit ordo, quia ipsi primo pontificatus in ecclesia Christi datus est; ceteri vero apostoli cum eodem pari consortio honorem et potestatem acceperunt, ipsumque principem eorum esse voluerunt,— in locum eorum successerunt episcopi, quos qui recipit, Deum recipit.

(²) Перв. декр. Александра, втор. декр. Марцеллина, вт. декр. Феликса и др.

бы то ни было епископа (¹). Никакой епископъ не долженъ быть судимъ также предъ «judicium peregrinum, quia indignum est ut ab externis judicentur, qui provinciales et a se electos debent habere judices (²). Судить епископа можетъ только духовный судъ, и на этомъ духовномъ судѣ мірскія лица не могутъ быть ни обвинителями, ни свидѣтелями противъ епископа, или вообще какого нибудь члена клира. Фабіанъ съ своемъ декретѣ сопоставляетъ слова такъ: «saeculares et mali homines», Понтіанъ—такъ: «pravi homines et saeculares». «Reges» и «potentes» не должны имѣть никакого вліянія на эти духовные суды, не должны давать имъ никакихъ приказаній, иначе всѣ опредѣленія этихъ судилищъ лишаются всего своего значенія и не должны быть приводимы въ исполненіе (³). Напротивъ суду епископскому могутъ подлежать и дѣла мірскія (causae saeculares), такъ что каждый угнетаемый можетъ безпрепятственно обращаться къ духовному суду.

Особенно интересно опредѣляются въ декреталіяхъ отношенія епископовъ къ митрополитамъ и областнымъ соборамъ. Лжеисидоръ, хотя и признаетъ существовавшее въ его время устройство іерархіи, но вводитъ еще новую степень, посредствующую между митрополитами и папою,—степень примасовъ, викаріевъ апостольскаго престола; этимъ примасамъ подлежатъ всѣ важныя и трудныя дѣла, встрѣчающіяся въ духовныхъ судахъ, имъ должны быть приносимы аппеляціи на рѣшенія митрополитовъ и областныхъ соборовъ и они пользуются всѣ-

---

(¹) Втор. декр. Маркелла, перв. и втор. декр. Понтіана, пер. декр. Зефирина.

(²) Декр. Гигина и др.

(³) Перв. декр. Каллиста, втор. декр. Сикста.

ми правами и преимуществами самаго папы въ извѣстной области, если только область эта слишкомъ удалена отъ Рима, — словомъ сказать, примасы должны быть въ своей области тѣмъ, чѣмъ былъ митрополитъ кареагенскій въ Африкѣ. Чрезъ это онъ такъ искусно ослабляетъ власть митрополитовъ и областныхъ соборовъ, такъ ограничиваетъ ихъ вліяніе, что епископы, не смотря на всѣ свои проступки и на все свое недостоинство, не имѣютъ ни малѣйшей нужды опасаться ни тѣхъ, ни другихъ. Мѣсто, куда должны приноситься доносы на епископовъ и гдѣ должны разбираться епископскія дѣла — это областный соборъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита. Всѣ опредѣленія одного митрополита, не подтвержденныя областнымъ соборомъ, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, но самыя опредѣленія областнаго собора тогда только дѣйствительны, когда онъ созванъ «законно», т. е. «auctoritate sedis apostolicae»; если же это условіе не выполнено, т. е. если онъ созванъ безъ папскаго повелѣнія или, по крайней мѣрѣ, соизволенія, то всѣ его опредѣленія не имѣютъ никакой силы ([1]). Самыя обвиненія епископовъ на законномъ соборѣ, которому единственно и принадлежитъ право судить епископовъ, у Лжеисидора очень затруднены, — чтобы не сказать, сдѣланы совершенно невозможными. Въ декреталіяхъ папъ Фабіана и Стефана говорится, что апостолы и ихъ преемники постановили, чтобы епископы не подлежали обвиненіямъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы обвиненія эти были до нельзя затруднительны ([2]). На этомъ основаніи мірянамъ совершенно за-

([1]) Это довольно подробно развивается въ посланіи папы Юлія къ восточнымъ епископамъ.

([2]) Втор. декр. Фабіана и втор. Стефана: Idcirco statuerunt apostoli

прещается, какъ мы уже замѣтили, быть доносчиками на епископовъ или ихъ обвинителями, а низшимъ лицамъ изъ духовенства за жалобу на епископа угрожается отлученіемъ и безчестіемъ ([1]). Изъ лицъ же высшаго духовенства, т. е. епископовъ, обвинителемъ какого нибудь епископа можетъ быть только тотъ, кто занимаетъ въ іерархическомъ порядкѣ мѣсто высшее, чѣмъ обвиняемый. О томъ, кто именно не можетъ быть обвинителемъ епископовъ, говорится въ декреталіяхъ весьма часто и говорится притомъ такъ, что, строго придерживаясь этого, обвинять епископовъ могутъ очень и очень не многіе. Для примѣра укажемъ на вторую декреталію Евареста, въ которой говорится, что если найдутся обвинители епископовъ, то церковные судьи должны выслушивать ихъ не прежде, какъ разузнаютъ о намѣреніи, достовѣрности, основательности и справедливости обвиненія, и изъ этого увидятъ, по ревности ли къ Богу, или по враждѣ, ненависти, или другой какой нибудь страсти дѣлается обвиненіе ([2]).

Изъ всего этого видно, что составитель лжеисидоровскаго сборника всѣми мѣрами предотвращаетъ самую возможность суда надъ епископами; но если бы кому нибудь удалось наконецъ получить эту возможность, то такому лицу Лжеисидоръ представляетъ бездну новыхъ препятствій и затрудненій. Когда епископъ обвиняется лицемъ, имѣющимъ на это полное

---

eorumque successores, ne accusarentur episcopi, aut si aliter fieri non possit, perdifficilis eorum fieret accusatio.

([1]) Втор. декр. Юлія, декр. Сильвестра, втор. декр. Стефана.

([2]) Si qui sunt accusatores episcoporum, non oportet eos a judicibus ecclesiæ audiri, antequam eorum discutiatur aestimationis suspicio vel opinio, qua intentione, qua fide, qua temeritate, qua conscientia, quove merito, si pro Deo aut inimicitia vel odio, aut cupiditate ista sumpserit nec ne.

право, въ такомъ случаѣ обвиняемый, если только онъ находитъ, что его судьи—«suspecti» или «infensi», т. е. говоря по правдѣ, если онъ боится осужденія, можетъ прежде суда аппелировать римскому епископу (¹). Для того, чтобы осудить какого нибудь епископа, кромѣ обвинителей, нужны еще свидѣтели. Свидѣтелями имѣютъ право быть только такія лица, которыя могутъ быть обвинителями, но обвиняемому позволяется отстранять тѣхъ изъ нихъ, которыя кажутся ему по чему нибудь опасными или подозрительными (²), Для составленія же окончательнаго приговора нужно не менѣе 72 свидѣтелей (³). Во время самаго суда подсудимый, «si se praegravari viderit», также можетъ аппелировать римскому престолу (⁴). Наконецъ, если бы случилось почти невозможное, т. е. если бы сверхъ всякаго ожиданія соборъ осудилъ епископа, то и тогда этотъ послѣдній получитъ въ декреталіяхъ новое оружіе для собственной защиты, въ неограниченномъ правѣ аппелировать римскому престолу и послѣ соборнаго опредѣленія, такъ какъ безъ вѣдома и согласія папы отнюдь нельзя произносить окончательнаго приговора о дѣлахъ епископскихъ. Епископы должны аппелировать въ Римъ, ut a sede apostolica, sicut *semper fuit*, pie fulciantur, defendantur et liberentur (⁵), — ut inde accipiant tuitionem et liberationem, unde acceperunt informationem et consecrationem (⁶); ап-

(¹) Трет. декр. Фабіана, втор. Корнилія, пер. и вт. Феликса, втор. Юлія и др.; въ нѣкоторыхъ декреталіяхъ, напр. въ пер. Зефирина, обвиняемому дается право самому избирать для себя 12 судей.

(²) Перв. декр. Феликса, вт. Каллиста, перв. Юлія и др.

(³) Перв. декр. Зефирина.

(⁴) Втор. декр. Евтихіана.

(⁵) Втор. декр. Сикста I, перв. Сикста II, втор. Юлія.

(⁶) Перв. декр. Маркелла. Мы съ намѣреніемъ остановили вниманіе

пелирующаго же епископа никто не можетъ подвергнуть запрещенію или лишенію должности (¹). Наконецъ съ особенною силою Лжеисидоръ возстаетъ противъ тѣхъ, которые низлагаютъ епископовъ и особенно завладѣваютъ ихъ имуществами и доходами, не имѣя ни на то, ни на другое ни малѣйшаго права (²).

Самое предисловіе лжеисидоровскихъ декреталій также можетъ подтверждать наше мнѣніе, что онѣ составлены съ цѣлію оградить и освободить епископовъ отъ различныхъ притѣсненій и обвиненій. Хотя составитель ихъ и говоритъ въ началѣ предисловія, что онъ собралъ въ одно цѣлое правила св. отцевъ, соборовъ и папъ для того, чтобы ими удобнѣе можно было пользоваться всѣмъ и каждому, духовенству и мірянамъ, и даже властямъ гражданскимъ, но тотчасъ же обращается къ обвиненіямъ епископовъ и вообще духовенства (³), гово-

на словахъ: semper fuit. Дѣйствительно, и прежде появленія лжеисидоровскихъ декреталій всѣ дѣла, извѣстныя подъ именемъ causae majores, были рѣшаемы римскимъ престоломъ, но тогда подъ этимъ именемъ разумѣлись дѣла сомнительныя и трудныя сами по себѣ, независимо отъ того, чьи были эти дѣла. А Лжеисидоръ напротивъ, при опредѣленіи того, какія дѣла должны быть признаваемы за causae majores, обращаетъ вниманіе на самое лицо, котораго касается дѣло и въ кругъ дѣлъ важныхъ включаетъ всѣ дѣла епископовъ, хотя бы онѣ не представляли ни малѣйшей трудности, не возбуждали никакого сомнѣнія.

(¹) Втор. декр. Феликса.

(²) Декр. Урбана, втор. Фабіана, втор. Сикста, втор. Феликса, втор. Юлія.

(³) Вотъ самыя слова предисловія: «Multi enim pravitate et cupiditate depressi, accusantes sacerdotes oppresserunt..... Multi ergo idcirco alios accusant, ut se per illos excusent aut eorum bonis ditentur..... Nullus enim, qui suis rebus est spoliatus aut a sede propria vi aut terrore pulsus, antequam omnia sibi ablata ei legibus restituantur, et ipse pacifice diu suis ruatur honoribus sedique proprie regulariter restitutus ejus multo tempore libere potiatur honore, juxta canonicam accusari, vocari, judicari, aut damnari institutionem non potest..... Similiter accusatores et accusationes, quas

рить объ этомъ довольно подробно, такъ что Баллерины, на основаніи одного только предисловія, выводятъ слѣдующее заключеніе: Quibus omnibus palam significat, se ea potissimum mente collectionem confecisse, ut episcopis, qui accusabantur, prospiceret (¹).

Мѣсто ихъ происхожденія.

Въ основаніе лжеисидоровскихъ декреталій положенъ сборникъ испанскій, приписываемый Исидору, архіепископу севильскому. Вслѣдствіе этого первоначально, смѣшивая между собою оба эти сборника, считали Испанію мѣстомъ происхожденія и самыхъ декреталій; вообще думали, что Рикульфъ, архіепископъ майнцскій, получилъ изъ Испаніи лжеисидоровскій сборникъ и распространилъ его по всей франкской монархіи (²). Но позднѣйшія изслѣдованія показали, что дѣло это было не совсѣмъ такъ. Не Рикульфъ, а Рахіонъ, еп. страсбургскій, дѣйствительно получилъ изъ Испаніи списокъ каноническаго сборника, а Рикульфъ, которому Рахіонъ представилъ его, какъ своему ближайшему начальнику, распространилъ этотъ сборникъ по Галліи; но это былъ списокъ настоящаго, подлиннаго испанскаго сборника, а не подложнаго лжеисидоровскаго (³). Въ Испаніи никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ ни одного ману-

---

seculi leges prohibent, canonica funditus repellit auctoritas. Synodorum vero congregandarum auctoritas apostolicæ sedi privata commissa est potestate, nec ullam synodum ratam esse legimus, quæ ejus non fuerit auctoritate congregata vel fulta.»

(¹) Baller. loc. cit. P. 3. c. 6. § 3.

(²) См. соч. Гинкмара Реймскаго противъ своего племянника Гинкмара Лаонскаго, cap. 24. Opp. ed. Sirmond. T. 2. 476.

(³) Grandidier, Histoire de l'eglise de Strasbourg. t. 1. p. 315.

скрипта лжеисидоровскихъ декреталій, и онѣ сдѣлались извѣстными тамъ только со времени своего напечатанія: въ практикѣ же постоянно и прежде и послѣ этого употреблялся подлинный испанскій сборникъ ([1]). Такимъ образомъ мнѣніе объ испанскомъ происхожденіи лжеисидоровскаго сборника, очевидно, не вѣрно. Всего вѣроятнѣе, что сборникъ произошелъ тамъ, гдѣ имъ прежде всего стали пользоваться, а такимъ мѣстомъ была франкская монархія. Предположеніе это въ первый разъ было высказано еще Блонделемъ и Баллеринами и съ тѣхъ поръ постоянно подтверждалось новыми и новыми доказательствами. Ахенскій соборъ 836 года первый воспользовался лжеисидоровскимъ сборникомъ въ своихъ опредѣленіяхъ объ освященіи елея ([2]), и вообще франкскіе епископы прежде всѣхъ стали употреблять его ([3]). Манускриптовъ этого сборника больше всего во Франціи, — сравнительно очень не много въ Германіи и Италіи, но всѣ безъ исключенія эти манускрипты носятъ на себѣ явные слѣды франко-германскаго происхожденія: въ нихъ очень часто встрѣчаются такія слова и выраженія, которыя были въ употребленіи только въ оффиціальномъ языкѣ франко-германцевъ, такъ напр. missi вмѣсто legati, comites вмѣсто domini feudales, а также слова: venire, habere, modernus, custodire ([4]). Самый испанскій сборникъ, который положенъ въ основаніе лжеисидоровскихъ декреталій, не чисто испанскій, а съ

([1]) De la serna Santander, Præfatio historico-critica in veram et genuinam collectionem canonum ecclesiae Hispanae. § 144. 145.

([2]) Втор. декрет. Фабіана къ восточнымъ епископамъ. См. 8 прав. ахенскаго собора.

([3]) Baller. loc. citat p. 54.

([4]) Blondel. loc. cit. p. 461 и 200. Vasserschleben, Beitrage zur Geschichte der falschen Decretalen p. 52.

тѣми измѣненіями и дополненіями, съ какими онъ употреблялся въ Галліи ([1]). Источники, которыми пользовался Лжеисидоръ для составленія своего сборника, были извѣстны и обращались преимущественно въ франкской монархіи, таковы: постановленія галльскихъ соборовъ, Breviarium Alaricianum и кеснельскій каноническій сборникъ VI вѣка ([2]). Содержаніе лжеисидоровскаго сборника и цѣль, которую имѣлъ въ виду его составитель,—защитить епископовъ отъ притѣсненій со стороны свѣтской власти, также говорятъ о галльскомъ происхожденіи этого сборника: по свидѣтельству исторіи ([3]), епископы нигдѣ не терпѣли такихъ притѣсненій со стороны свѣтской власти и митрополитовъ и нигдѣ не подпадали такъ часто обвиненіямъ, какъ во франкской монархіи. Наконецъ выдержки, встрѣчающіяся въ декреталіяхъ, изъ писемъ Бонифація къ различнымъ лицамъ, равно какъ и изъ писемъ различныхъ лицъ къ Бонифацію, указываютъ частнѣе, что онѣ составлены въ одной изъ тѣхъ областей Германіи, которыя въ то время входили въ составъ франкской монархіи, такъ какъ только въ этихъ областяхъ Германіи и знали объ этихъ письмахъ ([4]). Можно даже опредѣленно назвать одну изъ этихъ областей, а именно: Майнцъ, или иначе Могунтію, мѣстомъ происхожденія лжеисидоровскаго сборника, если только обратить вниманіе на связь это-

---

([1]) Въ Галліи въ этотъ сборникъ включены опредѣленія 13 толедскаго собора и статья: Ordo de celebrando concilio передѣлана сообразно съ галльскими обычаями. Что именно этотъ дополненный и измѣненный сборникъ употребленъ Лжеисидоромъ,—смотр. Valter Kirchrecht. p. 191. Baller. loc. cit. p. 3. c. 4, § 4 и 5, n. 12.

([2]) Knust, loc. cit. p. 9. Vasserschleben loc. cit. p. 29. Richter, Kirchenrecht § 70.

([3]) Freiburger Zeitschrift. Bd. XVII. Heft 2.

([4]) Knust, ibid. Vasserschleben ibid. Richter ibid.

го сборника съ сборникомъ Бенедикта Левита, майнцскаго діакона. Не смотря на все сходство этихъ двухъ сборниковъ, нельзя однакоже сказать, что Бенедиктъ Левитъ списалъ у Лжеисидора,—онъ только пользовался его матеріалами и его источниками. Изъ собственнаго признанія Бенедикта Левита (¹), мы знаемъ, что онъ всѣ свои матеріалы бралъ изъ майнцскаго архива,—слѣдовательно, тамъ же онъ нашелъ и тѣ источники, которыми пользовался Лжеисидоръ.

Не смотря однако на всѣ свидѣтельства въ пользу франкскаго происхожденія лжеисидоровскаго сборника, лица, считающія исключительною цѣлію его возвышеніе папской власти, думаютъ, что онъ составленъ не въ Галліи, а въ Италіи. Въ подтвержденіе этой мысли они говорятъ, что liber pontificalis, изъ которой такъ много заимствовалъ Лжеисидоръ, не была извѣстна нигдѣ, кромѣ Италіи. Основаніе несправедливое; ибо извѣстно, что еще въ VIII вѣкѣ существовали галльскіе списки этой книги, и что около этого же времени ею пользовался Беда Достопочтенный въ Англіи, а во времена Карла великаго она нигдѣ уже не была рѣдкостію (²). Ссылаются еще на то, что папа Адріанъ I въ своемъ посланіи къ Карлу великому приводитъ дарственную грамоту Константина великаго, которая помѣщена у Лжеисидора и которая въ то время не была еще извѣстна въ другихъ мѣстахъ. Но мы видѣли, что дарственная грамата Константина великаго существовала ранѣе лжеисидоровскаго сборника, а слѣдовательно папа Адріанъ имѣлъ полную возможность при-

(¹) Смотр. 52 и 53 стр. его сборника.

(²) Knust. l. c. p. 7 и 8, Kunstmann, die Canonen-sammlung des Remedius von Thur p. 5—7.

водить ее. Впрочемъ мы не оспориваемъ того, что она, быть можетъ, была составлена въ Италіи, даже въ самомъ Римѣ; но это ничего еще не говоритъ объ итальянскомъ происхожденіи всего лжеисидоровскаго сборника. Напротивъ, мы находимъ въ исторіи свидѣтельства, которыя прямо опровергаютъ такое происхожденіе лжеисидоровскихъ декреталій. Папа Левъ 4 въ 850 году ([1]) и самъ Николай 1-й въ началѣ своего папства, въ 860 году, перечисляя правила, которыми руководствовалась римская церковь, упоминаютъ постановленія и опредѣленія только тѣхъ папъ, св. отцевъ и соборовъ, которые помѣщены въ сборникѣ діонисіевскомъ, умноженномъ въ осьмомъ вѣкѣ папою Адріаномъ 1-мъ, который обыкновенно называется «codex canonum», а о томъ, что есть у Лжеисидора, эти папы не говорятъ ни слова. Подозрѣвать ихъ въ намѣренномъ молчаніи о постановленіяхъ и правилахъ, встрѣчающихся въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, какъ потому, что подлинность лжеисидоровскаго сборника не была ни кѣмъ заподозрѣна до четырнадцатаго вѣка, такъ и потому, что тотъ же папа Николай, нисколько не стѣсняясь, въ 863 году приводилъ ихъ, какъ подлинныя и вполнѣ истинныя. Значитъ, единственною причиною этого молчанія двухъ папъ о лжеисидоровскихъ декреталіяхъ было совершенное не-

([1]) Вотъ какія правила перечисляетъ этотъ папа въ посланіи къ британскимъ епископамъ: «Canones Apostolorum, Nicaenorum, Ancyranorum, Neocesariensium, Gangrensium, Antiochensium, Laodicensium, Chalcedonensium, Africanensium et cum illis regulae praesulum Romanorum Sylvestri, Siricii, Innocentii. Zosimi, Coelestini, Leonis, Gelasii, Hilarii, Symmachi, Simplicii. Isti omnino sunt, per quos judicant episcopi simul et clerici judicantur. Mansi T. XIV. стр. 884. Тоже самое перечисляетъ и папа Николай I, см. Mansi T. XV. стр. 374.

знаніе ихъ. Между тѣмъ, какъ въ это же самое время, въ Галліи онѣ были уже извѣстны и прилагались къ дѣлу.

ВРЕМЯ ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Вопросъ о времени происхожденія лжеисидоровскихъ декреталій рѣшался такъ же разнообразно. Тѣ, которые цѣлію Лжеисидора почитаютъ только возвышеніе папы, думаютъ, что сборникъ лжеисидоровскій составленъ въ восьмомъ вѣкѣ, во времена Карла великаго. Бенедиктъ Левитъ заимствовалъ для своего сборника матеріалы изъ майнцскихъ архивовъ, изъ различныхъ произведеній, какъ подлинныхъ, такъ и подложныхъ, собранныхъ тамъ Рикульфомъ, архіепископомъ майнцскимъ, жившимъ въ концѣ восьмаго вѣка. А такъ какъ сборникъ Бенедикта Левита, составленный около половины девятаго вѣка, въ очень многомъ сходенъ съ сборникомъ лжеисидоровскимъ; то на этомъ основаніи подъ произведеніями, собранными Рикульфомъ, они и разумѣютъ лжеисидоровскія декреталіи, ссылаясь, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на свидѣтельство Гинкмара (1), по словамъ котораго книга посланій, собранныхъ Исидоромъ Рикульфомъ, сохранена и распространена по галльскимъ областямъ. Но доказано, что Гинкмаръ смѣшивалъ здѣсь лжеисидоровскій сборникъ съ подлиннымъ сборникомъ испанскимъ и слѣдовательно ошибался (2), а что касается до сходства между сборниками Лжеиси-

(1) Opp. ed. Sirmond. T. 2. p. 453.

(2) Henrich Denzinger ecloge et epicrisis eorum, quae recentioribus criticis de Pseudoisidorianis Decretalibus statuta sunt. § 1. n. 5. стр. 8.

дора и Бенедикта Левита, то оно таково, что говорить о знакомствѣ Бенедикта Левита только съ источниками и приготовительными работами Лжеисидора, а отнюдь не съ самымъ сборникомъ въ его полномъ и законченномъ видѣ. Противъ этого мнѣнія ясно и неоспоримо говоритъ то, что лжеисидоровскія декреталіи не были употребляемы ни на одномъ соборѣ, ими не пользовался ни одинъ епископъ, отрывковъ изъ нихъ не встрѣчается ни въ одномъ частномъ сборникѣ этого времени (т. е. правленія карловинговъ)—обстоятельство въ высшей степени странное и даже не объяснимое, если декреталіи были составлены современникомъ Карла великаго ([1]). Самое содержаніе всего сборника, равно какъ и цѣль, съ какою онъ составленъ, также вовсе не подходятъ къ временамъ Карла великаго и къ существовавшимъ въ его время взаимнымъ отношеніямъ церкви и государства. Въ декреталіяхъ постоянно говорится о различныхъ неустройствахъ и притѣсненіяхъ духовенства со стороны свѣтской власти. Въ многочисленныхъ постановленіяхъ, касающихся обвиненій и доносовъ на епископовъ, явно проглядываетъ стремленіе составителя оградить ихъ отъ всякаго осужденія, — это указываетъ на время преслѣдованій и опасности для епископовъ; безпрестанно встрѣчающіяся въ нихъ жалобы на расхищеніе церковнаго имущества, постоянные протесты противъ насильства свѣтской власти, оппозиція епископовъ противъ областныхъ соборовъ—все это, безъ сомнѣнія, было вызвано положеніемъ церкви въ то время, когда составлены эти декреталіи. Но церковь во времена Карла великаго,

---

([1]) Gefele, Theologische Qvartalschrift. 1847 г. Heft. 4, S. 616.

какъ свидѣтельствуетъ исторія, была вовсе не въ такомъ положеніи ([1]).

Другое предположеніе, относящее происхожденіе декреталій къ девятому вѣку, ко временамъ Людовика благочестиваго, даже частнѣе,—ко времени его борьбы съ собственными сыновьями, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки истинности и совершенно удобно можетъ быть соглашено и съ содержаніемъ сборника и съ его цѣлію. По этому мнѣнію лжеисидоровскій сборникъ составленъ не позже 857 года, потому что соборъ въ Чіерзи (Shiersi) въ этомъ году прямо и рѣшительно пользовался этимъ сборникомъ, цитуя подложныя декреталіи папъ: Анаклета, Урбана и Люція ([2]), но и не ранѣе 829 года, такъ какъ Лжеисидоръ беретъ постановленіе бывшаго въ этомъ году шестаго парижскаго собора о хорепископахъ и влагаетъ его въ уста папъ: Урбана и Іоанна II ([3]). Но этотъ, довольно большой промежутокъ времени, въ который, по мнѣнію большинства, были составлены лжеисидоровскія декреталіи, Вассершлебенъ совершенно основательно ограничиваетъ двумя сопредѣльными годами 835 и 836-мъ. Въ этомъ послѣднемъ году ахенскій соборъ ([4]) уже заимствуетъ изъ лжеисидоровскихъ декреталій, именно изъ втораго посланія Фабіана, постановленіе объ освященіи елея ([5]), а бывшій въ 835 году соборъ въ Диденгофенѣ, на которомъ низложено нѣсколько епископовъ, представляетъ самый

([1]) Vasserschleben loc. cit. S. 55.

([2]) Mansi T. XV. p. 127. Valter, Kirchenrecht § 97.

([3]) Это было уже опредѣленно и рѣшительно высказано Блонделемъ и Баллеринами.

([4]) Ахенск. соб. правило 8.

([5]) Вассершлебенъ, loc. cit. p. 50 и слѣд.

лучшій и самый настоятельный случай измыслить декреталіи для того, чтобы имѣть въ нихъ оружіе противъ государя и его соборовъ ([1]). Справедливость этого мнѣнія подтверждается тогдашнею исторіею.

Людовикъ благочестивый, извѣстный своею наклонностію къ подвигамъ благочестія и къ жизни иноческой, вздумалъ еще при жизни раздѣлить свои владѣнія между своими сыновьями. Старшаго сына Лотаря онъ назначилъ своимъ помощникомъ и соправителемъ, Пипина сдѣлалъ королемъ аквитанскимъ, а Людовика, называемаго въ исторіи германскимъ, — королемъ баварскимъ. По смерти супруги своей Издегерды, умершей въ 818 году, Людовикъ благочестивый все болѣе и болѣе предавался своему влеченію къ жизни монашеской, но придворные, успѣвшіе извлекать выгоды изъ его слабохарактерности и мягкосердія, старались всячески привязать его къ міру и для этого убѣдили его вступить въ новый бракъ съ Юдиѳью, дочерью баварскаго князя Вельфа. Сыновья Людовика благочестиваго отъ перваго брака естественно не могли быть довольны этимъ новымъ супружествомъ своего отца, особенно когда Юдиѳь родила сына—Карла, впослѣдствіи извѣстнаго подъ именемъ лысаго, которому Людовикъ благочестивый также хотѣлъ назначить особый удѣлъ, равный удѣламъ своихъ сыновей отъ перваго брака. Тогда образовались двѣ партіи: придворная, державшая стороду Юдиѳи, и партія сыновей Людовика, — преимущественно Лотаря, состоявшая изъ даровитыхъ людей того времени какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Къ этой послѣдней партіи принадлежали, между прочими: аббаты—Вала, Хил-

([1]) Ibidem. p. 64—70.

дуинъ, Элизахаръ, епископы—Агобардъ ліонскій, Эббо реймскій, Іесса амбіенскій, Оттаръ майнцскій и др., которые рѣшились воспользоваться этимъ несогласіемъ какъ для того, чтобы снова достигнуть прежняго вліянія и участія въ управленіи дѣлами, такъ и для того, чтобы вообще пріобрѣсти поболѣе власти, значенія, и съ этою цѣлію употребляли всякаго рода интриги, коварство, подлогъ, даже открытое насиліе. Въ 832 году эти приверженцы сыновей Людовика благочестиваго привлекли на свою сторону папу Григорія IV-го и заставили его вмѣшаться въ дѣло, какъ будто бы для посредничества и примиренія, въ сущности же для того, чтобы воспользоваться его авторитетомъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей, или, сказать вѣрнѣе, для того, чтобы злоупотреблять имъ. Какъ мало эти епископы думали о своемъ подчиненіи папѣ — это показываютъ ихъ споры объ иконахъ въ 825 году и сочиненіе Агобарда de imaginibus (¹). Когда Людовикъ чрезъ своихъ пословъ производилъ изслѣдованіе дѣла папы Пасхалиса въ 823 году, то епископы отнюдь не говорили, что государь не имѣетъ права судить папу и что слѣдовательно судъ его не дѣйствителенъ; но теперь въ 853 году аббатъ Вала передалъ папѣ Григорію IV, испуганному сопротивленіемъ германскихъ епископовъ, стоявшихъ на сторонѣ придворныхъ и самаго Людовика благочестиваго; нѣсколько папскихъ постановленій, въ которыхъ было высказано правило, что папы судятъ всѣхъ, а сами не подлежатъ никакому суду, кромѣ Божескаго, а Агобардъ въ своемъ сочиненіи: «de comparatione utriusque regiminis», составленномъ около этого же вре-

(¹) Opp. 1. p. 221.

мени, говоритъ, что папа имѣетъ право и власть рѣшить споръ между Людовикомъ и его сыновьями. Такое противорѣчіе собственныхъ произведеній и поступковъ этихъ епископовъ ясно показываетъ, что если они и признавали за папою высшую и неограниченную власть, предъ которою должны смиряться даже земные владыки, то признавали ее только потому, что надѣялись чрезъ это скорѣе и вѣрнѣе достигнуть собственныхъ выгодъ и видовъ, короче, признавали ее, какъ средство для извѣстной собственной цѣли. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Nithard l. I, ad ann. 833: «для исполненія своихъ замысловъ они слишкомъ много приписываютъ Григорію, первосвященнику верховнаго римскаго престола, чтобы, пользуясь его авторитетомъ, свободнѣе можно было совершать все, что хотѣли» (¹), и Astron ann. 833: «къ папѣ Григорію они обращались подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ одинъ могъ и долженъ былъ примирить отца съ дѣтьми, но впослѣдствіи открылась истина (²).» Совершенно иначе смотрѣли на дѣло германскіе епископы, приверженцы Людовика благочестиваго. Собравшись на сеймѣ въ Вормсѣ, они напоминали папѣ о присягѣ въ вѣрности, которую онъ давалъ императору, объ его обязанностяхъ и призваніи, о несправедливости его притязаній быть судьею императора и признавали его самаго достойнымъ за это осужденія. Мало того: они опредѣлили отлучить папу, если только онъ осмѣлится съ своей стороны произне-

(¹) Insuper autem et Gregorium Romanae summae sedis pontificem, ut ejus auctoritate liberius, quod cupiebant, perficere possent, magnis precibus in supplementum suae voluntatis assumunt.

(²) Gregorium-papam adviarunt, sub ornatu quasi qui patri solus filios reconciliare deberet et posset; rei tamen veritas postea claruit.

сти отлученіе на императора. Извѣстно, чѣмъ окончилось это семейное несогласіе Людовика благочестиваго. Императоръ былъ побѣжденъ своими сыновьями и долженъ былъ подчиниться въ Компьени, 833 года, по совѣту епископа реймскаго, унизительному церковному покаянію, открыто признать приписанныя ему преступленія и сложить оружіе. Весьма характеристично донесеніе епископовъ о низложеніи императора Людовика (1); здѣсь епископы называются намѣстниками Христа, власть которыхъ такова, что все связанное ими на землѣ будетъ связано и на небѣ, и говорится, что императоръ низлагается «juxta divinum consilium et ecclesiasticam auctoritatem» и на него положено «per judicium sacerdotale» церковное покаяніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ возвышеніе папской власти и авторитета и подчиненіе папѣ епископовъ, было избрано самими епископами только средствомъ къ своему собственному возвышенію, къ освобожденію изъ подъ гнета свѣтской власти и къ уравненію духовной власти съ мірскою во всѣхъ правахъ, а это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы нашли въ лжеисидоровскомъ сборникѣ: и тамъ таже цѣль и тѣже средства для ея достиженія.

Слѣдя далѣе за ходомъ событій разсматриваемаго нами времени, мы увидимъ въ нихъ полное и удовлетворительное объясненіе и всего остальнаго, что́ мы встрѣчаемъ въ лжеисидоровскомъ сборникѣ. Послѣ униженія императора мысли лучшихъ сыновей его: Людовика германскаго и Пипина перемѣнились; они перешли на сторону своего отца, и при ихъ помощи Людовикъ благочести-

(1) Pertz. Legg. T. 1. p. 366. Seqq.

вый снова пріобрѣлъ верховную власть. Тогда начался судъ надъ епископами, принадлежавшими къ противной партіи: одни изъ нихъ были низложены и подверглись изгнанію, какъ напр. Эббо, епископъ реймскій, Агобардъ ліонскій, Варѳоломей нарбонскій, Илія труасскій и др.; иные были подвергнуты различнымъ болѣе легкимъ и снисходительнымъ наказаніямъ: къ числу послѣднихъ принадлежалъ между прочими и Отгаръ архіепископъ майнцскій. Судили всѣхъ этихъ епископовъ обыкновенно на областныхъ соборахъ, на которыхъ предсѣдательствовали митрополиты; на этихъ же соборахъ составлялись и окончательные приговоры: такъ напр. Эббо реймскій былъ судимъ на соборѣ въ Диденгофенѣ въ 835 году и на немъ же низложенъ, впрочемъ уже послѣ того, какъ самъ письменно призналъ себя недостойнымъ епископства. Послѣ этого подсудимымъ очень естественно было желать ослабленія власти этихъ опасныхъ для нихъ судилищъ, а тоже стремленіе мы ясно видимъ и въ сборникѣ Лжеисидора; отсюда-то встрѣчающееся тамъ раздѣленіе соборовъ на законные, т. е. составленные съ папскаго разрѣшенія или согласія, и не законные; отсюда-то простирающееся чуть не до безконечности предоставленное епископамъ право удалять обвинителей, судей и свидѣтелей, отсюда же наконецъ неограниченное право аппелляцій къ римскому престолу, который черезъ это по своей власти поставленъ выше соборовъ. Такимъ образомъ соборъ въ Диденгофенѣ въ мартѣ 835 года послужилъ ближайшимъ поводомъ къ составленію лжеисидоровскаго сборника. Въ доказательство того, что сборникъ этотъ составленъ дѣйствительно послѣ диденгофенскаго собора, можно указать какъ на то, что на него ни разу не сослался су-

димый и низложенный на этомъ соборѣ Эббо, епископъ реймскій, между тѣмъ какъ въ немъ онъ могъ бы найти для себя очень крѣпкую защиту, такъ особенно на то, что въ одной изъ подложныхъ декреталій, именно въ декреталіи папы Александра находится, по видимому, ясное указаніе на обстоятельства низложенія самаго Эббо. «Если у подобныхъ людей, говорится въ этой декреталіи, было бы исторгнуто признаніе угрозами, обманомъ, насиліемъ или надеждою освобожденія, то мы не считаемъ этого безчестіемъ для нихъ и не ставимъ имъ этого въ вину». Это какъ нельзя лучше подходитъ къ обстоятельствамъ, въ которыя былъ поставленъ Эббо и, по видимому, имѣетъ цѣлію отнять всякое значеніе и сдѣлать не дѣйствительнымъ собственное признаніе Эббо ([1]).

ИХЪ ПИСАТЕЛЬ ИЛИ ПРАВИЛЬНѢЕ СОСТАВИТЕЛЬ.

Предъидущее изслѣдованіе о времени происхожденія лжеисидоровскаго сборника показываетъ, что составителя этого сборника нужно искать между лицами, принадлежавшими къ партіи сыновей Людовика благочестиваго, или даже частнѣе одного Лотаря ([2]). Но кого имен-

([1]) Freiburger Zeitschrift. S. 261. ff.

([2]) Не считаемъ нужнымъ опровергать то мнѣніе, что составителемъ лжеисидоровскихъ декреталій былъ Исидоръ, архіепископъ севильскій, какъ потому, что мнѣніе это уже отжившее, такъ и потому, что оно опровергается всѣми предъидущими изслѣдованіями: о подложности этихъ декреталій, мѣстѣ и времени ихъ происхожденія. Замѣтимъ только, что оно существовало въ первое время послѣ появленія декреталій и основывалось частію на томъ, что въ началѣ предисловія этого сборника стоитъ имя Исидора Peccator'a, а слово Peccator имѣли обыкновеніе прибавлять къ своему имени въ знакъ смиренія только епископы (см. напр. Соб. Трул. Andreas peccator Philipp. episcopus (Harduin Conc.

но изъ нихъ нужно признать составителемъ его?—положительно отвѣчать на это нельзя за недостаткомъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Впрочемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно, если не съ достовѣрностію, то, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію составителемъ разбираемаго сборника считать Отгара, архіепископа майнцскаго. Во всѣхъ спискахъ и редакціяхъ лжеисидоровскихъ декреталій виденъ отпечатокъ ревности, внушенной, по видимому, духомъ сословнымъ и даже личнымъ интересомъ. Онъ слишкомъ уже увеличиваетъ препятствія къ обвиненію епископовъ и очень много старается объ ихъ безопасности; видно, что онъ самъ страдалъ, потому что, только испытавъ несправедливость и притѣсненіе, можно имѣть такое сильное опасеніе и предубѣжденіе, и такъ много недовѣрчивости и осмотрительности. Это вполнѣ согласно съ обстоятельствами жизни Отгара: онъ былъ епископомъ, принадлежалъ къ партіи Лотаря, а потому, когда противная партія одержала верхъ, ему грозила опасность быть низложеннымъ и изгнаннымъ, подобно нѣкоторымъ изъ епископовъ, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ партіи. Правда, самъ онъ не подвергся подобной участи, но опасность рано или поздно подвергнуться ей для него еще не миновала совершенно, а потому въ немъ естественнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ уже низложенныхъ епископахъ, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ партіи, могло родиться желаніе предотвратить эту опасность, устранивъ даже самую возможность осужденія, низложенія и изгнанія. Притомъ Майнцъ по нѣкоторымъ при-

t. 3), — частію на томъ, что смѣшивали между собою два сборника: настоящій испанскій—исидоровскій и лжеисидоровскій.

знакамъ есть мѣсто происхожденія лжеисидоровскихъ декреталій, а житель Майнца и къ тому-же епископъ въ партіи Лотаря былъ одинъ—Отгаръ. Сверхъ того въ различныхъ декреталіяхъ Лжеисидора проглядываютъ нѣкоторыя частныя стремленія, которыя вполнѣ идутъ къ Отгару и заключаютъ въ себѣ новое доказательство тождества Лжеисидора и Отгара. Въ этихъ декреталіяхъ очень часто говорится о примасахъ или викаріяхъ апостольскаго престола, какъ посредствующей между папою и митрополитами іерархической степени. Примасамъ усвояется рѣшеніе «causae majores et negotia episcoporum»; къ нимъ прежде всего нужно аппеллировать на опредѣленія митрополитовъ и соборовъ, они должны вообще во имя папы (если только этотъ слишкомъ отдаленъ) пользоваться всѣми его преимуществами. А если мы прослѣдимъ исторію каѳедры майнцской или иначе могунтинской съ ея основанія до времени Отгара [1], то увидимъ, что стремленіе къ подобной власти какъ нельзя болѣе приличествовало Отгару. Бонифацій, прозваннный германскимъ апостоломъ въ награду за свое усердіе, труды и подвиги при распространеніи христіанства между германцами, получилъ отъ папы Захаріи престолъ майнцскій со всѣми правами только что описанными нами; ему были подчинены, кромѣ нѣсколькихъ уже существовавшихъ прежде церквей, всѣ обращенные имъ въ христіанство германскіе народы, и всѣ вновь основанныя имъ самимъ церкви. Послѣ смерти Бонифація, хотя власть и могущество, принадлежавшія ему лично, и не перешли къ его преемникамъ, однако,

---

(1) Исторію майнцской каѳедры мы заимствуемъ у Гфрёрера. Freiburger Zeitschrift. S. 253—258.

не смотря на это и на постоянный выдѣлъ изъ подъ власти его преемниковъ церквей, нѣкогда подвластныхъ ему (¹), майнцская каѳедра все таки еще долго удерживала за собою первое мѣсто среди каѳедръ франкской имперіи. Поэтому у преемниковъ Бонифація легко могла возникнуть мысль возстановить и поддержать то значеніе и власть, которою пользовался лично Бонифацій, а для этого необходимо было, чтобы подъ властію майнцской каѳедры состояло десять или одиннадцать другихъ епископскихъ каѳедръ, находящихся и въ гражданскомъ отношеніи подъ властію одного же владѣтеля. Это-то стремленіе къ возстановленію той власти майнцскихъ епископовъ, которая нѣкогда принадлежала Бонифацію, равно какъ и желаніе сохранить неприкосновенность своей церковной области и побудило Отгара стать на сторону Лотаря, когда Людовикъ благочестивый отдалъ своему сыну отъ втораго брака — Карлу лысому Альзацію, Свевію и часть Бургундіи, входившія въ составъ майнцской церковной области, и содѣйствовать Лотарю въ достиженіи господства надъ всѣми владѣніями Карла великаго. Такимъ образомъ стремленія Отгара къ пріобрѣтенію для майнцскихъ епископовъ права примасовъ совершенно подходятъ къ установленію этой новой іерархической степени Лжеисидоромъ и ручаются за тождество этихъ двухъ лицъ.

Но вотъ что представляется съ перваго взгляда довольно непонятнымъ: Отгаръ былъ самъ архіепископомъ и слѣдовательно пользовался всѣми правами митрополита. а между тѣмъ декреталіи такъ неблагопріят-

---

(¹) Blasco, De collectione canonum Isidori Peccatori, comment. apud Galland.

но отзываются о митрополитахъ, такъ ослабляютъ ихъ власть и значеніе. Для примиренія этого видимаго противорѣчія нужно сказать, что Оттаръ поступалъ такъ потому, что не только желалъ и всѣми силами домогался приматства, но и считалъ себя имѣющимъ всѣ права на эту степень ([1]). Кто, по опредѣленію декреталій, имѣлъ право на степень примаса? Папа Аникита въ своемъ посланіи къ епископамъ Галліи говоритъ, что примасами должны называться только тѣ епископы, предшественники которыхъ были возведены въ это достоинство самими апостолами или ихъ непосредственными преемниками,—или же, если будетъ вновь обращенъ въ христіанство цѣлый народъ и будетъ имѣть у себя столько епископовъ, что представится необходимость поставить одного изъ нихъ главнымъ, то этотъ главный епископъ пользуется именемъ и правами примаса. А Анаклетъ ([2]) прибавляетъ, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ городъ, епископъ котораго возводится въ примасы, долженъ быть извѣстнымъ и знаменитымъ городомъ уже прежде пришествія Христова. По этому опредѣленію, Оттаръ дѣйствительно имѣлъ полное право быть примасомъ. Бонифацій, его предшественникъ на майнцскомъ престолѣ, былъ и первымъ распространителемъ христіанства въ Германіи и главнымъ между всѣми германскими епископами. Что касается до Майнца, или иначе Могунтіи, то весьма многіе производятъ имя Могунтіи отъ Магонтія, сына Геркулесова, или отъ Магона, сына Іафета, или же, наконецъ, отъ Маговъ Треверскихъ. Извѣстно, что нѣкто Друзъ далъ это имя

([1]) Vasserschleben S. 65.
([2]) Anacleti ep. 2.

городу предъ временемъ пришествія Іисуса Христа ([1]); слѣдовательно и съ этой стороны Отгаръ, какъ архіепископъ майнцскій, могъ быть примасомъ.

Представляется также довольно страннымъ и то обстоятельство, что этотъ сборникъ былъ гораздо болѣе извѣстенъ въ Галліи, чѣмъ въ Германіи. Имъ вовсе не пользовались и какъ будто даже вовсе не знали о немъ германскіе составители каноническихъ сборниковъ, какъ напримѣръ: Регино-фонъ Прюмъ и Бурхардъ Вормскій ([2]). Но для этого можно найти вполнѣ удовлетворительное объясненіе въ тогдашней исторіи. Майнцъ принадлежалъ къ числу германскихъ областей, которыя входили въ составъ франкской имперіи; поэтому онъ былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ чисто франкскими областями, чѣмъ съ чисто германскими. Притомъ же всѣ епископы германскихъ областей принадлежали къ партіи противной, были приверженцами Людовика благочестиваго, и слѣдовательно не раздѣляли образа мыслей Оттара, не могли сочувствовать ему и пользоваться его произведеніемъ. Впрочемъ это было только сначала, а съ теченіемъ времени лжеисидоровскія декреталіи вошли и въ Германіи въ такое же, если еще не въ большое употребленіе, чѣмъ въ самой Галліи.

Значеніе декреталій въ исторіи развитія папской системы.

Вопросъ о значеніи лжеисидоровскаго сборника въ исторіи развитія папской системы ([3]) рѣшается такъ же

([1]) Henrich Denzinger l. c. pag. 14.
([2]) Kunstmann, in der Neuen Sion 1845 № 55. S. 254.
([3]) Хотя Лжеисидоръ возвышеніе власти и авторитета папы избралъ

неодинаково: одни приписываютъ ему слишкомъ большое и важное значеніе, другіе отнимаютъ у него почти всякое значеніе. По мнѣнію первыхъ декреталіи положили собою начало новому каноническому праву западной церкви, извративъ право, существовавшее дотолѣ; по мнѣнію послѣднихъ (къ нимъ принадлежатъ, кромѣ новѣйшихъ католическихъ изслѣдователей, нѣкоторые и изъ протестантовъ) декреталіи не ввели ровно ничего новаго: все, предписываемое ими, уже существовало ранѣе ихъ. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній вѣрнѣе? Говоря безпристрастно, каждое изъ нихъ, не смотря на ихъ прямую противуположность, имѣетъ свою долю справедливости, потому что поборники ихъ смотрятъ на предметъ съ различныхъ сторонъ. Если сравнивать правила, заключенныя въ лжеисидоровскомъ сборникѣ, съ тѣми правилами и законами, которыми восточная церковь постоянно до настоящаго времени руководствуется и которые были установлены святыми вселенскими и помѣстными соборами, а также и святыми отцами первыхъ вѣковъ; то должно сказать, что первыя совершенно не согласны съ послѣдними. Это-то и имѣютъ въ виду приверженцы перваго мнѣнія, приписывающіе декреталіямъ введеніе совершенно новаго порядка вещей, и въ этомъ отношеніи они совершенно справедливы. Но, если тѣ же самыя декреталіи сопоставить съ различными произведеніями западной литературы, начиная съ седьмаго вѣка; то окажется, что декреталіи составляютъ только повтореніе того, что́ уже было высказано прежде ихъ появленія, и что́ можетъ быть уже

только средствомъ для достиженія предположенной цѣли, но на дѣлѣ, какъ видно изъ исторіи, лжеисидоровкія декреталіи никому не принесли столько пользы, какъ папамъ.

прилагалось къ дѣлу, —это и имѣють въ виду приверженцы втораго мнѣнія, утверждающіе, что декреталіи не ввели ничего новаго, и съ этой стороны они не совершенно не правы. Въ самомъ дѣлѣ, Лжеисидоръ, какъ мы уже замѣтили, не самъ сочинялъ содержаніе для своихъ декреталій, а заимствовалъ его изъ различныхъ источниковъ, —значить оно существовало уже ранѣе его. Извѣстно также, что лжеисидоровскія декреталіи распространились очень быстро, — въ теченіе одного столѣтія со времени своего появленія онѣ обобщились на всемъ Западѣ и вошли въ составъ другихъ каноническихъ сборниковъ, повсюду были приняты безъ малѣйшаго прекословія и нигдѣ не возникло ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ подлинности. Не явный ли это знакъ, что онѣ вполнѣ соотвѣтствовали понятіямъ, убѣжденіямъ и желаніямъ своего времени, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи не производили никакого рѣшительнаго измѣненія, а только уясняли, существовавшія уже стремленія людей, давали имъ направленіе и укрѣпляли ихъ? Но всѣ эти понятія, убѣжденія и стремленія, въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ въ первый разъ возведены въ общія церковныя правила, будто бы сохранившіяся отъ первыхъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи декреталіи, какъ правила древней Церкви, будучи совершенно противоположны подлиннымъ и дѣйствительнымъ ея правиламъ, естественно составили собою новое каноническое право западной церкви.

Нельзя рѣшительно сказать, что было бы съ папствомъ безъ лжеисидоровскихъ декретарій, т. е., достигло-ли бы оно безъ нихъ той степени силы и могущества, на которой мы видимъ его въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ; но можно положительно сказать, что де-

креталіи сообщили собою освященіе тому положенію папъ, которымъ они пользовались въ девятомъ вѣкѣ и которое выработалось различными случайностями и злоупотребленіями. Людямъ того времени, говоритъ Луденъ ([1]), при всей ихъ расположенности къ папамъ, могло показаться страннымъ: какимъ образомъ папы постепенно достигли такого огромнаго значенія и такой всеобъемлющей власти, а лжеисидоровскій сборникъ представляетъ подобное господство папъ существовавшимъ во всѣ времена и такимъ образомъ устраняетъ всѣ подобныя недоумѣнія и сомнѣнія. Что же касается до самихъ папъ, то этотъ сборникъ, долго принимаемый всѣми, а слѣдовательно и ими, за подлинный, не могъ не надмѣвать ихъ, представляя всѣ ихъ притязанія законными, и не поощрять къ бо́льшимъ и бо́льшимъ, въ сущности дѣла несправедливымъ и незаконнымъ, а по правиламъ этого сборника совершенно справедливымъ и законнымъ притязаніямъ и требованіямъ. И дѣйствительно, исторія дальнѣйшаго времени доказываетъ, что папы впослѣдствіи постоянно ссылались на этотъ сборникъ, какъ на основаніе всѣхъ своихъ правъ и имъ старались оправдывать всѣ свои дѣйствія. Обратимся въ частности къ главнымъ положеніямъ лжеисидоровскихъ декреталій касательно отношеній папы къ Церкви и ея предстоятелямъ — епископамъ, чтобы видѣть, что собственно новаго сдѣлано этими декреталіями въ пользу папъ, сравнительно съ подлинными правилами древней Церкви

Въ декреталіяхъ, приписываемыхъ папамъ Маркеллу

([1]) Luden, allg. Gesch. der Völker und Staaten der Mittelalters Th. 2. B. 2, c. 10. 3. 208.

и Юлію [1]; изъ которыхъ первый жилъ въ концѣ третьяго (✝ 296), а послѣдній около половины (✝ 336) четвертаго вѣка, излагается правило, по которому никакой областный соборъ не долженъ быть созываемъ безъ папскаго разрѣшенія или соизволенія, иначе онъ считается незаконнымъ, а всѣ его постановленія недѣйствительными. Но откуда и съ какого времени возникла такая огромная власть папы относительно соборовъ? Всякій, знающій исторію, безъ сомнѣнія не найдетъ ничего подобнаго не только въ три первые вѣка, но и въ вѣка послѣдующіе до девятаго. Такъ, напримѣръ, при составленіи всѣхъ соборовъ, о которыхъ упоминается у Тертулліана, Кипріана и Евсевія, нельзя находить ни малѣйшихъ слѣдовъ папскаго разрѣшенія или соизволенія, а равно и утвержденія постановленныхъ на соборахъ правилъ. О папскомъ согласіи вовсе нѣтъ рѣчи также и на тѣхъ трехъ областныхъ соборахъ, которые собирались въ Александріи противъ Арія, прежде собора вселенскаго. Когда первый вселенскій соборъ [2] постановлялъ, чтобы дважды въ годъ были созываемы областные соборы, ужели онъ имѣлъ въ виду, чтобы каждый разъ посылали въ Римъ за полученіемъ папскаго разрѣшенія или согласія? При подобномъ условіи для церквей, находившихся въ отдаленныхъ странахъ Азіи и Африки, не было бы естественной возможности исполнять это правило вселенскаго собора. Но мы знаемъ, что оно глубоко проникло въ жизнь Церкви и вошло въ обыкновенный порядокъ; только гоненія и преслѣдованія иногда заставляли отступать отъ этого порядка,

---

(1) Marc. ep. 1. ad Maxent. Iulii. ep. 2 ad episcop. orient.
(2) Первый вселенскій соборъ, правило 5.

но какъ скоро представлялась хоть малѣйшая возможность, порядокъ этотъ тотчасъ же возстановлялся. Съ того же времени, когда вошло въ практику указанное нами правило лжеисидоровскихъ декреталій объ областныхъ соборахъ, не было въ западной церкви ни одного собора, на которомъ бы не присутствовали папскіе послы, какъ представители самаго папы, въ лицѣ ихъ дававшаго соизволеніе и разрѣшеніе, а такой порядокъ дѣлъ, сопряженный съ различными трудностями и неудобствами, скоро и совершенно вывелъ обыкновеніе созывать областные соборы (¹). Въ доказательство того, что папы дѣйствительно употребляли это правило лжеисидоровскихъ декреталій въ свою пользу, мы можемъ указать на слѣдующій случай. Генрихъ IV во время извѣстнаго спора своего съ Григоріемъ VII осудилъ и низложилъ этого папу въ Вормсѣ, на соборѣ, составленномъ изъ германскихъ епископовъ. Но папа тотчасъ же по полученіи отъ Генриха IV посланія, въ которомъ послѣдній требовалъ, чтобы Григорій оставилъ римскій престолъ, теперь уже не законно имъ занимаемый, объявилъ самый соборъ вормскій незаконнымъ и всѣ его постановленія недѣйствительными, ссылаясь на лжеисидоровскія декреталіи, по которымъ только тѣ соборы законны, которые созваны съ папскаго соизволенія (²).

Далѣе, въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ каждому не только епископу, но священнику, и даже вообще всякому вѣрующему усвояется право аппеллировать папѣ на рѣшеніе областнаго собора, хотя бы и законнаго, если только онъ находитъ это рѣшеніе почему нибудь

(¹) Fleury Discours sur l'histoire eccles. 4.
(²) Веберъ, Всеобщ. Ист. т. 2. § 230.

не справедливымъ. Кажется, составителю декреталій это было особенно близко къ сердцу, судя потому, что онъ говоритъ объ аппелляціяхъ отъ лица девяти различныхъ папъ: Анаклета, двухъ Сикстовъ, Фабіана, Корнилія, Виктора, Зефирина, Маркелла и Юлія ([1]). Но св. Кипріанъ, современникъ Фабіана и Корнилія, прямо и рѣшительно противился аппелляціямъ ([2]), и во времена блаженнаго Августина церковь африканская еще не принимала ихъ, какъ это видно изъ посланія, которое было писано отъ имени африканскаго собора 426 года къ папѣ Целестину. Вообще, безъ особенной нужды обращаться къ суду другой церкви, искать оправданія въ своемъ дѣлѣ у другаго епископа ([3]), считалось, въ продолженіи осьми вѣковъ, и въ самой западной церкви противузаконнымъ, бродяжническимъ обманомъ, и запрещено было правилами карѳагенскаго собора, который осуждалъ переносившихъ свое дѣло на судъ римской церкви ([4]). Но съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ употребленіе декреталіи, аппелляціи стали распространяться больше и больше, и встрѣчаться во всей латинской церкви. Извѣстны жалобы Ивы Шарпугскаго и св. Бер

([1]) Перв. декр. Анаклета, втор. Сикста I, пер. Сикста II, пер. Виктора, пер. Зефирина, втор. Марк., втор. Юлія.

([2]) Вотъ что напр. писалъ св. Кипріанъ папѣ Стефану: «принадлежащіе къ моей (карѳ.) церкви, послѣ моего суда и рѣшенія дѣла, не имѣютъ права переносить дѣло къ римской или другимъ церквамъ (Epist. 55).

([3]) Правда, можно указать на примѣры св. Аѳанасія и Златоуста, по видимому противорѣчившіе этому, потому что эти св. отцы въ несчастныхъ обстоятельствахъ обращались къ римскому епископу. Но въ этомъ обращеніи ихъ отнюдь нельзя видѣть съ ихъ стороны признанія надъ собою власти папы; оно было не болѣе, какъ обращеніе равнаго, который терпѣлъ бѣдствія, къ равному же, который былъ силенъ и могуществененъ.

([4]) Карѳ. соб. пр. 32, 37.

нарда на злоупотребленія, происходившія отъ аппелляцій и достигшія въ ихъ время своего высшаго развитія. Они доказывали, что правило, по которому каждый и при всякомъ случаѣ могъ аппеллировать папѣ, совершенно подрывало всякій порядокъ: дурные священники и вообще всѣ виновные въ чемъ нибудь чрезъ это избѣгали исправленія; папѣ часто представляли дѣло въ совершенно превратномъ и искаженномъ видѣ и этимъ побуждали его ниспровергать совершенно справедливыя рѣшенія соборовъ Сами епископы, боясь различныхъ затрудненій и слишкомъ большой продолжительности дѣла, лучше соглашались терпѣть различные безпорядки, которымъ не могли воспрепятствовать сами собою (¹).

Что же касается до дѣлъ епископскихъ, то декреталіи предоставляютъ право окончательно судить епископовъ и постановлять рѣшительные приговоры по ихъ дѣламъ папѣ, а не областнымъ соборамъ (²). По ихъ словамъ областный соборъ, хотя бы и находилъ подсудимаго епископа достойнымъ низложенія, все таки низложить его самъ собою не можетъ, а долженъ непремѣнно предоставлять на волю папы. И вотъ едва только лжеисидоровскій сборникъ сдѣлался извѣстнымъ, папа Николай I тотчасъ же не преминулъ воспользоваться этимъ его правиломъ. Когда Ротадъ, епископъ суассонскій, низложенный на областномъ соборѣ, обратился съ жалобою къ папѣ, то послѣдній въ своемъ письмѣ къ галльскимъ епископамъ говорилъ, что не должно низлагать епископовъ «contra tot et tanta decretalia», разумѣя

(¹) Fleury, Discours 4, p. 116.

(²) Перв. декр. Елевферія, перв. Виктора, перв. Юлія, перв. Зефирина, перв. Сикста III, перв. Маркелла и др.

лжеисидоровскія декреталіи, безъ папскаго утвержденія, и упрекалъ ихъ за то, что въ этомъ случаѣ они поступили вопреки «diversorum sedis apostolicae praesulum decreta». Но по правиламъ соборовъ: Никейскаго I, Антіохійскаго и Сардикійскаго, судъ надъ епископами принадлежалъ единственно и исключительно соборамъ, и примѣровъ подобнаго порядка дѣлъ можно найти очень много. Не перечисляя всѣхъ ихъ, мы укажемъ только на болѣе замѣчательный. Павелъ Самосатскій, епископъ антіохійскій, былъ судимъ и низложенъ на соборѣ восточными епископами безъ всякаго участія папы. Соборъ удовольствовался только тѣмъ, что увѣдомилъ папу соборнымъ посланіемъ объ этомъ низложеніи, какъ о дѣлѣ уже оконченномъ, и папа на это вовсе не жаловался. Вообще нужно сказать, что въ исторіи первыхъ осьми вѣковъ христіанства встрѣчаются очень часто повѣствованія о судахъ надъ епископами и объ ихъ низложеніи, но то и другое тамъ обыкновенно приписывается соборамъ, которые всегда были судилищами всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Только при совершенномъ незнаніи исторіи можно утверждать, что для осужденія какого нибудь епископа необходимо было послать его въ Римъ, или же призывать на соборъ, на которомъ производилось его дѣло, представителей папы. Съ четвертаго вѣка было безчисленное множество церквей въ Греціи, Азіи, Сиріи и Африкѣ, не говоря уже о западѣ, и большая часть епископовъ были бѣдны до того, что не имѣли средствъ предпринимать и не далекихъ путешествій; даже сами императоры изъ уваженія къ ихъ бѣдности освобождали ихъ отъ присутствованія на вселенскихъ соборахъ. Какимъ же образомъ можно было требовать, чтобы они являлись въ Римъ и не только

они сами, а и ихъ обвинители, и свидѣтели, по большей части еще болѣе бѣдные? Очевидно, что это—вещь совершенно невозможная, и несостоятельность подобнаго порядка дѣлъ вполнѣ открылась, когда папы вздумали приложить это лжеисидоровское правило къ практикѣ. Григорій VII, совершенно увѣренный въ томъ, что онъ полновластный и верховный судья всѣхъ епископовъ, постоянно вызывалъ ихъ въ Римъ изъ глубины Германіи, Франціи и Англіи. Епископы принуждены были оставлять свои церкви на цѣлые года, чтобы съ большими издержками являться въ Римъ и защищаться противъ обвинителей, которые часто туда или вовсе не являлись, или прибывали гораздо позже. Часто также епископы, будучи призываемы въ Римъ на судъ, не повиновались, отчасти потому, что не могли предпринимать такого далекаго путешествія по болѣзни, или по бѣдности, или же по какимъ нибудь другимъ причинамъ. а отчасти потому, что, сознавая себя виновными, опасались осужденія. Они не обращали ни малѣйшаго вниманія на папскія угрозы и если папа рѣшался назначить имъ преемника, то они защищались вооруженною рукою. Справедливо однако, что въ рѣдкихъ случаяхъ явнаго насилія и вопіющей несправедливости епископы, осужденные на соборахъ, могли обращаться къ папѣ, какъ это постановлено соборомъ сардикійскимъ. Но нужно помнить, что соборъ сардикійскій былъ помѣстнымъ соборомъ западной церкви и что имъ постановлено относить на разсмотрѣніе римскаго епископа сомнительные случаи западныхъ епархій, а не цѣлой вселенской Церкви, подобно тому, какъ опредѣлено 6 прав. I всел. соб. относить сомнительныя и неудоборазрѣшимыя дѣла восточной церкви къ антіох. и александр. епископамъ.

Впрочемъ и по смыслу правилъ собора сардикійскаго папа, посылалъ-ли на соборъ своихъ представителей или нѣтъ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ производить изслѣдованіе различныхъ обвиненій и рѣшать дѣла тамъ, гдѣ жили подсудимые. Св. Кипріанъ въ посланіи своемъ къ папѣ Корнелію (¹) по дѣлу Фортуната прямо говоритъ: «нами опредѣлено, чтобы каждый виновный былъ судимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе.. Не слѣдуетъ тѣмъ, которые подчинены намъ, обращаться за судомъ къ другимъ и производить между епископами разъединеніе, напротивъ того они должны вести дѣло тамъ, гдѣ могутъ имѣть и обвинителей и свидѣтелей».

Приписывая папамъ окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся епископовъ, лжеисидоровскія декреталіи вмѣстѣ съ тѣмъ приписываютъ имъ же учрежденіе новыхъ епископскихъ каѳедръ и перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳедры на другую. Но въ продолженіе осьми вѣковъ, предшествующихъ появленію лжеисидоровскаго сборника, въ Церкви существовалъ совершенно иной порядокъ. Тамъ всѣ подобныя дѣла рѣшались областными соборами, а отнюдь не римскимъ епископомъ. Такъ въ кодексѣ африканскомъ мы находимъ положительное правило, по которому учрежденіе новыхъ епископскихъ каѳедръ есть дѣло областнаго собора (²), и правило это, сколько извѣстно, постоянно прилагалось къ дѣлу и въ самой западной церкви. Когда напр. блаженный Августинъ вознамѣрился учредить новую епископскую каѳедру въ Фуссалѣ, то онъ обратился не къ римскому епископу, а къ первому въ об-

(¹) Cyprian. epist. 39.
(²) Codex Eccles. Afr. can. 98.

ласти епископу нумидійскому, такъ какъ правилами постановлено было ничего не предпринимать безъ согласія перваго епископа области. Римскій епископъ зналъ объ учрежденіи этой новой каѳедры и однако же нисколько не протестовалъ, что оно сдѣлано безъ его согласія. А что подобный порядокъ сохранялся до самаго девятаго вѣка, это видно изъ учрежденія въ осьмомъ вѣкѣ новой епископской каѳедры въ Лаонѣ, во Франціи, которое было сдѣлано безъ всякаго согласія папы, единственно, какъ говоритъ Гинкмаръ (¹), «авторитетомъ собора африканскаго», т. е. сообразно съ тѣмъ порядкомъ, какому предписывало слѣдовать при учрежденіи новыхъ епископскихъ каѳедръ указанное выше правило африканскаго кодекса. Но такъ было, по замѣчанію Флёри (²), только до тѣхъ поръ, пока не явились лжеисидоровскія декреталіи, которыя приписывали одному папѣ право учреждать новыя епископскія каѳедры, и тѣмъ производили много безпорядковъ и неудовольствій. Что же касается до перемѣщенія епископовъ съ одной каѳедры на другую, то, по древнимъ правиламъ, если оно и дозволялось, то только въ случаѣ необходимости и какой нибудь крайней и настоятельной нужды, или же еще въ томъ случаѣ, когда церковь отъ этого перемѣщенія могла ожидать особенной пользы. Такъ соборъ халкидонскій двадцатымъ своимъ правиломъ, запрещая вообще переходъ епископовъ съ одной каѳедры на другую, исключаетъ однако тѣ случаи, когда епископы, оставляя свою каѳедру, переходили на другую по нуждѣ. А 18 правило антіохійскаго со-

---

(¹) Hincmar. Opp. p. 89.
(²) Fleuri Discours 4 p. 121.

бора говорить и о томъ, что самая власть перемѣщать епископовъ принадлежитъ областнымъ соборамъ. Если какой нибудь епископъ, говорится тамъ, не можетъ занять назначенной ему каѳедры не по своей винѣ, но или по непринятію его народомъ, или по другой какой нибудь причинѣ, отъ него не зависящей, то онъ да участвуетъ и въ чести и въ служеніи епископства, только ни мало не вмѣшиваясь въ дѣла церкви, гдѣ пребываетъ, и ожидаетъ, что́ опредѣлитъ о немъ совершенный соборъ той области, по представленіи къ нему дѣла; значитъ, соборъ имѣетъ право опредѣлить о немъ то или другое: оставить его на той же каѳедрѣ, или перемѣстить на другую. А правила собора сардикійскаго и св. Василія великаго прямо и рѣшительно усвояютъ власть дѣлать перемѣщеніе епископовъ, если уже оно необходимо, областнымъ соборамъ (1). Для удостовѣренія же въ томъ, что этотъ порядокъ соблюдался въ дѣйствительности, т. е. что епископы были перемѣщаемы только по нуждѣ и то областными соборами, нужно обратиться къ исторіи. Евсевій (2), Сократъ (3) и Ѳеодоритъ (4) описываютъ нѣсколько епископскихъ перемѣщеній, изъ которыхъ всѣ сдѣланы были по какимъ нибудь уважительныхъ причинамъ, сдѣланы властію областныхъ соборовъ, и только два или три съ согласія папы, какъ перваго или главнаго епископа той области, гдѣ находились каѳедры перемѣщаемыхъ епископовъ. Двѣнадцатое правило шестнадцатаго толедскаго собора, бывшаго въ 693 году, и капитуляріи королей

(1) Сард. соб. прав. 1. Вас. Вел. посл. 193.
(2) Церк. Ист. Евсев. кн. 6. гл. 2. кн. 7. гл. 32.
(3) Церк. Ист. Сокр. кн. 7. глав. 36.
(4) Церк. Ист. Ѳеодор. кн. 5. гл. 4 и 8.

франкскихъ убѣждаютъ насъ, что перемѣщеніе епископовъ зависѣло отъ областныхъ соборовъ на западѣ еще и въ седьмомъ вѣкѣ. Со времени же появленія лжеисидоровскихъ декреталій, которыя усвояютъ право перемѣщенія епископовъ одному папѣ (1), эти перемѣщенія начали дѣлаться очень часто, безъ всякой необходимости, по различнымъ интригамъ и проискамъ, и папы осуждали только тѣ изъ нихъ, которыя дѣлались безъ ихъ разрѣшенія, какъ это видно изъ писемъ Иннокентія III, утверждавшаго, на основаніи этихъ декреталій, что перемѣщеніе епископовъ по праву божественному принадлежитъ власти апостольскаго престола (2).

Вотъ въ общихъ чертахъ всѣ главныя положенія лжеисидоровскихъ декреталій, опредѣляющія отношенія папъ къ церкви и епископамъ. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ тому, что эти декреталіи, поставляя папу выше областныхъ соборовъ, необходимо должны были способствовать централизаціи власти надъ всею западною церковію въ лицѣ одного папы, и что папы дѣйствительно при помощи ихъ успѣли возвести свои первоначальныя, т. е. просто епископскія и патріаршескія права, въ нѣкоторый видъ церковной монархіи, существующей еще и до настоящаго времени.

(1) Втор. декр. Евареста, перв. декр. Каллиста.

(2) Innocent. gesta n. 43. epist. 50 et 51.

III.

ИСЦѢЛЕНІЯ, СОВЕРШИВШІЯСЯ

ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО (¹).

VII.

Воронежской губерніи, землянскаго уѣзда, села Дегтеваго, государственная крестьянка, дѣвица Стефанида Ѳеодорова, по прозванію Черныхъ, 19 лѣтъ отъ рода, подъ присягою показала, что она съ 1857 года не владѣла обѣими ногами. Онѣ были сведены. Не могла она ничѣмъ заниматься, лежала на боку, такъ принимала и пищу.

По объясненію ея матери, крестьянки Анны Егоровой, показавшей также подъ присягою, болѣзнь ея дочери началась 8 ноября 1857 года ударомъ въ поясницу, на которой и по сіе время находится шишка. Отъ чего она сдѣлась скорченною, надъ колѣнами жилы были сведены, и недугъ ея дочери такъ былъ мучителенъ, что она цѣлый годъ кричала во весь голосъ, лежала на одномъ правомъ боку, и крикомъ своимъ не давала покоя всему семейству.

(¹) См. Хр. Чт. декабр. кн. 1861 г. отд. III.

Отецъ Стефаниды Өеодоръ Черныхъ привезъ ее въ задонскій монастырь въ августѣ мѣсяцѣ. и 14 числа, послѣ литургіи и благодарнаго молебна, съ помощію чужой женщины принесъ ее къ ракѣ мощей святителя Тихона. Она Стефанида приложилась къ мощамъ святителя Тихона, и тѣми же вынесена была на рукахъ изъ церкви и положена на траву на монастырскомъ дворѣ. Когда спустили ее съ рукъ, она почувствовала свободное движеніе ногъ, встала съ помощію сторонней женщины, и при пособіи палки стала ходить. Въ настоящее время она Стефанида при пособіи палки ходитъ въ сельскій свой храмъ къ богослуженію, чего прежде не могла дѣлать.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать и бабка исцѣлѣвшей и, за отсутствіемъ отца, восемь человѣкъ сосѣдей.

VIII.

Воронежской губерніи, новохоперскаго уѣзда, села Артюшкина, помѣщика Сергѣя Николаева Доломанова временно обязанная дворовая дѣвица. Татіана Андреева Оболенская, 49 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она Оболенская съ малолѣтства находилась въ услуженіи у господъ, занималась мытьемъ бѣлья и ѣзжала всегда съ господами по дорогамъ, и до 40 лѣтняго возраста была здорова.

Лѣтъ 9 тому назадъ, однажды, въ осеннее время, она ѣздила съ своею госпожею (нынѣ умершею) въ село Тихвинское, отстоящее отъ села Артюшкина на 40 верстъ. Пробывши тамъ около мѣсяца, они возвратились уже зимою.

На возвратномъ пути, въ лѣтнемъ экипажѣ и въ лѣт-

немъ платьѣ, она Оболенская до такой степени простудилась, а болѣе застудила ноги, что по пріѣздѣ домой другими снята была съ экипажа. Съ сего времени у ней сдѣлалось сильное онѣменіе въ ногахъ, съ присовокупленіемъ къ сему припадочныхъ конвульсій въ каждое новолуніе и полнолуніе, и продолжалась сія болѣзнь въ одинаковой мѣрѣ до 11 августа 1861 года. Чувствуя нестерпимую болѣзнь, она много разъ прибѣгала къ медицинскимъ пособіямъ, но ни сколько не получила отъ нихъ облегченія.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года, она Оболенская, по случаю открытія мощей святителя Тихона въ городѣ Задонскѣ, ѣздила туда съ матерью своею, дворовою женщиною того же помѣщика, Маркою Григорьевою, для поклоненія мощамъ святителя Тихона. Во дворъ монастырскій она была внесена матерью и двумя женщинами, — діаконицею тогожъ села Анастасіею Вязовою и новохоперскою мѣщанкою Евдокіею Богдановою. А въ церковь, по причинѣ тѣсноты отъ множества народа, была внесена и поднесена къ ракѣ святителя Тихона двумя неизвѣстными ей женщинами. 11 августа въ пятницу, она Оболенская, съ полнымъ упованіемъ на помощь святителя Тихона, приложилась къ ракѣ, и тутъ же почувствовала во всемъ тѣлѣ, особенно въ ногахъ, такое облегченіе, что въ тоже время, съ самою малѣйшею помощію другихъ, вышла на своихъ ногахъ изъ церкви, и одна, безъ поддержки другихъ, долго стояла на монастырскомъ дворѣ. Въ каковомъ состояніи здоровья она Оболенская находится и доселѣ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать исцѣлѣвшей и двѣ упоминаемыя въ семъ описаніи женщины.

IX.

Тульской губерніи и уѣзда сельца Воловникова временно обязанный г-на Хрущева крестьянинъ, Климентъ Онисимовъ, отецъ Аграфены, получившей исцѣленіе по молитвенному ходатайству святителя Тихона, отъ роду 46-ти лѣтъ, подъ присягою показалъ, что дочь его Аграфена въ дѣтскомъ возрастѣ чувствовала головную боль. Вскорѣ по выходѣ въ замужество, когда ей исполнилось уже 17 ть лѣтъ, неизвѣстно отъ чего, начались съ нею припадки бѣснованія, которымъ она подвергалась часто, по услышаніи благовѣста къ литургіи, хотя и оставалась въ своемъ домѣ. Когда же приходила въ церковь къ литургіи, то предъ чтеніемъ святаго Евангелія, падала на полъ, билась, страннымъ голосомъ выла и рыдала, не произнося никакихъ внятныхъ словъ, не открывая глазъ, и не слыша унимающихъ и уговаривающихъ ее. Животъ ея въ это время раздувался и дѣлался твердымъ, какъ камень. Въ такомъ положеніи она выводима была изъ церкви, и могла быть въ оной только уже по окончаніи богослуженія, когда приходила въ чувство. По возвращеніи изъ церкви въ домъ, она Аграфена цѣлый день лежала въ сильномъ изнеможеніи. На другой день, хотя и могла ходить и что либо дѣлать, но чувствовала себя очень слабою. Таковымъ же болѣзненнымъ припадкамъ, хотя и не столь продолжительнымъ и изнурительнымъ, она подвергалась и во время молебствія, совершаемаго причтомъ въ домѣ ихъ.

Около 8-ми лѣтъ была она одержима такою болѣзнію. Услышавши о времени открытія мощей святителя Тихона, Аграфена съ мужемъ своимъ Аѳанасіемъ Васильевымъ рѣшилась идти въ Задонскъ, оттуда возвратилась здоровою, и, спустя недѣлю, отправилась съ сво-

имъ мужемъ по его промышленности въ Москву, гдѣ мужъ ея и прежде живалъ, и она съ нимъ временно бывала, а болѣе живала въ своемъ семействѣ, въ сельцѣ Воловниковѣ. Изъ Москвы мужъ Аграфены отъ 26 сентября писалъ, что она въ настоящее время совершенно здорова.

Къ сему свекровь ея, жившая съ Аграфеною въ одномъ домѣ, Анна Елисеева, присовокупила, что по возвращеніи изъ Задонска, когда по обыкновенію брали въ свой домъ изъ церкви святыя иконы, Аграфена съ дядьями своими ходила за оными въ церковь, и какъ въ церкви, такъ и въ домѣ при отправленіи службы была совершенно здорова.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили, сверхъ свекрови Аграфены, трое дядей ея и тетка и 6 человѣкъ сосѣдей

X.

Города Тулы, дочь оружейника, дѣвица Евдокія Васильева Рудакова, 21 года отъ роду, подъ присягою показала, что она со дня рожденія до 11-ти лѣтняго возраста была здорова. Не упомнитъ, въ какомъ году, осенью, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, она Евдокія ходила къ двоюродной своей теткѣ, мѣщанкѣ Александрѣ Никитиной Подовинниковой, и ночевала у ней. На другой день, часовъ въ 8-мь утра, съ другою дѣвицею, двумя годами старшею ея, Анною Моисеевою, шла домой. Она Евдокія нечаянно споткнулась, упала на землю, выбранилась, и сама никакъ не могла встать, мгновенно лишившись владѣнія въ рукахъ и ногахъ. Спутница ея Анна притащила ее домой. Послѣ сего Евдокія лежала въ постелѣ шесть недѣль,

не владѣя ни руками, ни ногами. Она отвезена была въ больницу и три мѣсяца была лечима, но исцѣленія не получила. Впрочемъ, въ первыя шесть лѣтъ она чувствовала себя лучше, нежели въ послѣдніе четыре года. Въ эти послѣдніе годы она не могла пройти и нѣсколько саженъ, на каждомъ шагу̂ падала, и сама не могла вставать и руками что либо дѣлать.

По пріѣздѣ въ Задонскъ, когда она пріобщена была святыхъ Таинъ и, послѣ обѣдни, принесена была на мѣсто могилы святителя Тихона, молилась предъ находящимся на памятникѣ образомъ Матери Божіей, получила свободное владѣніе въ рукахъ и ногахъ, такъ что отъ мѣста могилы сама, безъ всякаго пособія, дошла до дома, въ которомъ она остановилась по пріѣздѣ изъ Тулы. Въ этомъ домѣ она жила десять дней и ходила въ церковь безъ всякой поддержки. Въ пути изъ Задонска до Тулы она вылѣзала изъ тарантаса также безъ всякой поддержки, а когда влѣзала, была поддерживаема.

Въ настоящее время она руками владѣетъ довольно хорошо, хотя и не въ состояніи дѣлать что либо трудное и тяжелое, напримѣръ, носить дрова, поднять чугунъ съ пола или съ высоты снять, чувствуя какую то онѣмѣлость въ локтяхъ, но прядетъ, чулки вяжетъ, комнаты мететъ и прочее, а въ ногахъ чувствуетъ еще какую то слабость,—по комнатѣ ходитъ безъ поддержки, но далеко еще ходить не можетъ, и остается въ полномъ упованіи на милость Божію и на молитвенное ходатайство святителя Тихона, продолжая молитвы предъ его иконою, которою благословилъ ее митрополитъ Исидоръ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мать исцѣлѣвшей, дядя и крестный отецъ ея, упоми-

наемая въ семъ показаніи Анна и 9-ть человѣкъ сосѣдей.

XI.

Орловской губерніи, елецкаго уѣзда деревни Боевки государственная крестьянка, дѣвица Надежда Тимоѳеева Боева, отъ роду 27 лѣтъ, подъ присягою показала: въ какомъ состояніи было ея здоровье до семилѣтняго возраста, она не помнитъ. Восьмой годъ своей жизни она провела въ постели, чувствовала болѣзнь во всемъ тѣлѣ и колотье во всѣхъ членахъ, руками и ногами не могла дѣйствовать. Въ это время у ней образовались спереди и сзади горбы. На девятомъ году ея жизни, родители ея возили ее въ Задонскъ и носили въ пещеру, гдѣ почивали мощи святителя Тихона. Когда ее приложили къ гробницѣ Святителя, она мгновенно получила владѣніе руками и ногами и ощутила нѣкоторую легкость во всемъ тѣлѣ; начала, хотя и съ трудомъ, ходить; горбы же продолжали увеличиваться, такъ что она съ трудомъ могла дышать.

Въ такомъ состояніи ея здоровье находилось до 11-го числа августа 1861 года. Сего числа она на своихъ ногахъ, съ помощію палки, пришла въ городъ Задонскъ и, предъ начатіемъ всенощнаго бдѣнія, взошла на монастырскій дворъ. Въ тужъ минуту почувствовала она сильную слабость во всемъ тѣлѣ, такъ что не могла двигаться. На другой день, въ субботу, съ ней сдѣлались корчи. чрезвычайное разслабленіе во всемъ тѣлѣ, разодрало ей ротъ, и ей казалось, что глаза ея выкатились изъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ она впала въ совершенное безпамятство.

Въ это время она была на монастырскомъ дворѣ и

ей представилось, что звѣзды на небѣ блистаютъ особеннымъ свѣтомъ, и въ тѣлѣ было какое-то особенное пріятное ощущеніе, и что ей кто-то (но кто именно, того не помнитъ и вообразить не можетъ) далъ икону малую въ золотомъ окладѣ, но что на той иконѣ было изображено, того припомнить не можетъ. Все это представлялось ей одной, окружающіе же ее сего не видали. После сего она опамятовалась и почувствовала нѣкоторое облегченіе во всемъ тѣлѣ, но ходить не могла.

Въ воскресенье, 13-го августа, предъ началомъ литургіи, она принесена была въ соборную церковь, гдѣ находились мощи Святителя.

Когда святыя мощи понесли въ олтарь, она видѣла ясно, что святитель Тихонъ, какъ онъ изображается на иконѣ, приблизился къ ней, и наклонясь къ ней, взялъ ее подъ мышку правой руки, поставилъ ее на ноги, при чемъ она укрѣпилась всѣмъ тѣломъ и могла сама подойти къ причастію святыхъ Таинъ.

Въ настоящее время горбъ у нея спереди въ половину того, какъ былъ прежде; горбъ сзади также значительно уменьшился, станъ почти совсѣмъ выпрямился и ея ростъ нѣсколько увеличился, дыханіе свободно, ходитъ безпрепятственно и во всемъ тѣлѣ чувствуетъ легкость и крѣпость.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: отецъ и мать исцѣлѣвшей и 22 человѣка сосѣдей.

XII.

Орловской губерніи и тогожъ уѣзда села Философова ратницкая жена Александра Ивановна, отъ роду 40 лѣтъ, подъ присягою показала, что дочь ея Аграфена

Пахомова Мазнева, жена временно-обязаннаго крестьянина г. Шенигъ, Емельяна Егорова Мазнева, дѣйствительно была одержима болѣзнію года три, сначала сильною головною болью, а потомъ сведеніемъ рукъ и ногъ, такъ что она не могла ходить, а ползала. И кормили и поили ее другіе, носили на рукахъ, куда слѣдовало, и была она Аграѳена одержима бѣснованіемъ. Въ 1860 году свозили ее въ городъ Ливны и она почувствовала тамъ облегченіе.

Въ 1861 году, къ открытію святыхъ мощей святителя Тихона, привозили ее въ городъ Задонскъ. По сказанію матери, когда подвозили ее къ Задонску, она разорвала на себѣ все платье и бѣлье. Въ припадкахъ бѣснованія она получала необыкновенную силу. Въ дорогѣ къ Задонску рвалась къ рѣкѣ, чтобы утопиться, будучи возбуждаема къ сему какою то силою. Между тяжкими и продолжительными припадками, Аграѳена творила молитву съ крестнымъ знаменіемъ. И это облегчало нѣсколько ея страданія. Въ припадкахъ она просила окружавшихъ держать ее и раскрывала ихъ помыслы.

Когда приложили ее къ гробницѣ святителя Тихона, бѣснованія кончились, и она Аграѳена получила свободное движеніе въ рукахъ и ногахъ, и можетъ сама ходить при помощи костыля.

Въ настоящее время она ушла опять въ городъ Ливны и доселѣ тамъ живетъ.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили: мужъ Аграѳены, двѣ сестры ея и священникъ села Философова съ діакономъ по священству.

ЗАМѢТКИ ПО ДѢЛУ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

1. Дѣятельность ряжскаго городскаго духовенства и сельскихъ священниковъ этого уѣзда, состоящихъ въ благочиніи протоіерея Гаретовскаго, по народному образованію (¹).

Священная воля Благочестивѣйшаго Монарха, Всемилостивѣйше обратившаго вниманіе на дѣло народнаго образованія, и архипастырское приглашеніе Высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Смарагда во многихъ изъ нашихъ іереевъ возбудили особенную ревность къ образованію дѣтей своихъ прихожанъ, сопровождающуюся по-часту истинно пастырскимъ самоотверженіемъ. И не дѣтей только образовываютъ наши смиренные служители олтаря Господня, но и взрослыхъ, назидая сихъ послѣднихъ въ воскресно-праздничные дни, а иногда и въ дни простые. Въ таковомъ общественномъ народномъ образованіи приняли участіе діаконы и даже причетники. Имена нѣкоторыхъ изъ сихъ смиренныхъ труженниковъ, посѣявающихъ въ православномъ русскомъ народѣ сѣмена вѣры и доброй нравственности, заявлены уже предъ міромъ въ повременныхъ духовныхъ изданіяхъ (²); а имена прочихъ усердныхъ ревнителей народнаго образованія покажутся въ настоящей лѣтописи

(¹) Сообщено означеннымъ благочиннымъ.
(²) Въ Странникѣ 1860 и 1861 и въ Христ. Чтеніи 1861 г.

ряжскихъ училищъ, источниками для которой будутъ подробныя донесенія благочиннаго епархіальному архіерею.

1. *Приходское училище* издавна существовало и теперь существуетъ *въ г. Ряжскѣ*. Съ 11-го марта 1857 года обученіемъ мальчиковъ, которыхъ въ настоящее время 89 человѣкъ, занимается соборный протоіерей Василій Гаретовскій, получая за свои труды весьма малое вознагражденіе отъ бѣднаго градскаго общества. Предметы занятій для законоучителя опредѣлены программою, утвержденною министерствомъ народнаго просвѣщенія: это — краткій катихизисъ и краткая свящ. исторія. Но, принимая во вниманіе, что бóльшая часть мальчиковъ ограничиваютъ свое образованіе только приходскимъ училищемъ, законоучитель не ограничивается однимъ этимъ руководствомъ, какъ, съ одной стороны, слишкомъ уже краткимъ, а съ другой—не вездѣ доступнымъ понятію обучающихся; но, по возможности, восполняетъ недостающее въ руководствѣ, подраздѣляя весь курсъ законоученія, въ видѣ простыхъ объясненій и приспособленныхъ къ дѣтскимъ понятіямъ разсказовъ, на три отдѣла, и сообщая ученикамъ *а*) основныя христіанскія понятія и ученіе объ особенно важныхъ молитвахъ; *б*) разсказы изъ свящ. исторіи ветхаго и новаго завѣта, и *в*) объясненія Сvмвола Вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей, по руководству православнаго катихизиса.

2. Тотъ же протіерей В. Гаретовскій, въ слѣдствіе распоряженія г. командира рязанскаго баталіона внутренней стражи, по предварительномъ сношеніи съ мѣстнымъ инвалиднымъ начальникомъ, открылъ, 14-го мая 1861 года, *воскресно-праздничную школу для обученія за-*

кону Божію нижнихъ воинскихъ чиновъ ряжской инвалидной команды. Школа помѣщается въ особомъ домѣ, гдѣ инвалидная команда имѣетъ свои обычныя собранія. Всѣхъ нижнихъ чиновъ 125 человѣкъ. Обученіе производится съ 8-ми часовъ утра безъ всякаго вознагражденія; а чтобы не произошло остановки въ семъ обученіи, протоіереемъ приглашенъ, для сотрудничества въ семъ дѣлѣ, соборный священникъ Михаилъ Красавцевъ. Особыхъ средствъ учебныхъ не дано; но слушатели, какъ возрастные, поучаются изустно, съ полнымъ усердіемъ и любовію внимая душеспасительнымъ истинамъ вѣры, въ чемъ прекрасный примѣръ подаетъ имъ добрый ихъ начальникъ г. штабсъ-капитанъ Миндалевъ, который, по происхожденію изъ духовнаго званія и по истинно христіанскому направленію, почти постоянно посѣщаетъ воскресно-праздничную школу и, вмѣстѣ съ своими подначальными, съ примѣрнымъ усердіемъ поучается въ законѣ Божіемъ. Предметъ занятій составляютъ объясненія—а) дневныхъ евангельскихъ чтеній съ извлеченіемъ изъ нихъ христіанскаго назиданія, особенно примѣнительно къ воинскому званію; б) необходимыхъ для всякаго православнаго христіанина молитвъ; в) Символа вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей, и г) христіанскаго богослуженія вообще и особенно литургіи; кромѣ того, предлагаются простые разсказы изъ свящ. исторіи, и прочитываются простыя и назидательныя статьи изъ повременныхъ духовныхъ изданій.

3. Тотъ же протоіей В. Гаретовскій, по предварительному соглашенію съ г. командиромъ 1-го баталіона сибирскаго гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича

Старшаго полка, подполковникомъ Сологубомъ, принялъ на себя, при сотрудничествѣ соборнаго священника М. Красавцева, должность законоучителя *въ юнкерской школѣ*, находящейся при семъ баталіонѣ, расположенномъ на квартирѣ въ г. Ряжскѣ. Обученіе закону Божію юнкерской команды, производящееся по пятницамъ каждонедѣльно съ 9-ти до 10½ и даже до 11-ти часовъ утра, начато 13-го октября 1861 года. Причемъ протоіерей Гаретовскій обратился къ своимъ слушателямъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ слѣдующее:

«Мм. Гг.! Священная воля Благочестивѣйшаго Монарха, указавшая православнымъ іереямъ прямую ихъ обязанность обучать высокимъ правиламъ вѣры, кромѣ своихъ прихожанъ, и нижнихъ воинскихъ чиновъ, расположенныхъ въ квартирахъ отдѣльно отъ полковыхъ штабовъ (¹), указала и мнѣ пріятную обязанность поучаться съ вами въ законѣ Господнемъ.»

«Цѣль нашихъ занятій указана тою же Высочайшею волею: это—распространеніе между нижними воинскими чинами познанія вѣры, безъ котораго всякое иное образованіе не можетъ принести пользы (²). Цѣль высокая и святая, которая притомъ, можетъ быть выполнена не кѣмъ другимъ, какъ именно православнымъ духовенствомъ.»

«Васъ, мм. гг., съ своей стороны, прошу и умоляю словами божественнаго Писанія: *стойте въ вѣрѣ* православной (1 Кор. 16, 13), *тверди, непоступни бывайте; блюдитеся, да никтоже будетъ васъ прельщая философіею*

(¹) Приказъ г. военнаго министра отъ 24-го апрѣля 1861 г. № 80-й.
(²) Тамъ же.

и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Колос. 2, 8); и *въ наученія странна и различна не прилагайтеся* (Евр. 13, 9).»

Затѣмъ, обращаясь къ самымъ занятіямъ, законоучитель, предваривъ своихъ слушателей, что не будетъ обременять ихъ строго—систематическою формою, но станетъ ихъ занимать дружески-отеческими бесѣдами *о единомъ на потребу* (Лук. 10, 42) для всякаго православнаго христіанина, обозначилъ и кругъ своихъ занятій, въ составъ которыхъ должны взойти: а) раскрытіе первыхъ основныхъ христіанскихъ началъ и объясненіе молитвъ, необходимыхъ для всякаго христіанина (основное богословіе и молитвословіе); б) православно-катихизическое ученіе; и в) священная исторія.

4 и 5. При томъ-же 1-мъ баталіонѣ сибирскаго гренадерскаго полка есть еще двѣ *школы*: а) *ротная* и б) *для обученія артиллерійской команды.* По соглашенію съ г. баталіоннымъ командиромъ, преподаваніе закона Божія артиллерійской командѣ приняли на себя священники: соборный—Николай Зерцевъ и покровскій—Ипполитъ Соловьевъ; и занимаются съ 9-ти до 10½ часовъ утра въ каждую среду. А въ ротной школѣ законоучителями состоятъ священники: троицкій — Алексѣй Волковъ и николаевскій—Косма Павловъ, преподающіе законъ Божій въ каждый понедѣльнинъ съ 9-ти до 10½ часовъ утра.

6. *Школа грамотности въ домѣ соборнаго дьячка Алексѣя Архангелова.* Примѣрно исправный въ своей должности по церкви, сей клирикъ, съ января 1861 года завелъ въ своемъ домѣ школу для обученія грамотѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, чтобы, съ одной стороны, не тратить по-напрасну времени, а съ другой—

имѣть хотя малую поддержку для прокормленія своего семейства, состоящаго изъ 7-ми душъ. Учащихся въ настоящее время 10 мальчиковъ, родители которыхъ вознаграждаютъ, по своему усердію, трудящагося въ обученіи ихъ дѣтей. Предметы занятій: чтеніе, письмо, молитвы, краткій катихизисъ, священная исторія и счетность.

7. *Школа для обученія грамотѣ дѣтей государственныхъ крестьянъ пригородней Ямской слободы.* Она открыта, 10 октября 1861 года, николаевской г. Ряжска церкви священникомъ Космою Павловымъ, къ приходу котораго принадлежитъ Ямская слобода. Училище помѣщается въ церковной караулкѣ, гдѣ обучаются въ настоящее время 15 мальчиковъ чтенію, письму, молитвамъ, а также краткому катихизису и священной исторіи.

Этимъ заканчивается лѣтопись градскихъ училищъ. Обращаемся теперь къ училищамъ сельскимъ.

8. Приступая къ описанію сельскихъ школъ грамотности, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемъ, прежде всего, вниманіе свое на *училищѣ въ домѣ священника села Васильевки Семена Аполлонова.* Не смотря на бѣдность прихода, состоящаго изъ 400 душъ мужескаго пола, большое семейство (изъ 7 душъ), и скудость средствъ жизни, онъ съ 1 апрѣля 1861 года въ собственномъ домѣ открылъ безмездную школу грамотности для обученія дѣтей обоего пола государственныхъ и временно обязанныхъ прихожанъ. Учащихся, въ настоящее время, 25 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Само собой понятно, что дѣти сіи крайне стѣснили скромное жилище своего пастыря: но сей послѣдній, взявшись за доброе дѣло, не возвращается вспять и не унываетъ

духомъ, свято исполняя священную волю правительства и тѣмъ наглядно свидѣтельствуя, что духовенству не чужды интересы простаго народа и его образованіе. Предметомъ занятій служатъ: чтеніе, письмо, объясненіе молитвъ, краткій катихизисъ и священная исторія, а также ариѳметика и въ особенности счетность. Жена о. Аполлонова къ святому дѣлу народнаго образованія не остается равнодушною: она, съ своей стороны, также приноситъ посильную лепту, занимаясь съ учащимися въ отсутствіе своего супруга, и особенно обращая вниманіе на обученіе дѣвочекъ рукодѣльямъ, начиная съ простаго шитья, къ чему тѣмъ болѣе прилагаетъ усердія, что, вмѣстѣ съ дѣвочками, обучаются и ея двѣ маленькія дочери.

За тѣмъ обращаютъ на себя вниманіе училища въ селахъ:

9. *Еголдаевъ*. Училище сіе открыто еще въ 1845 году священникомъ (нынѣ и благочиннымъ) Михаиломъ Колюмбовымъ въ его домѣ, гдѣ и нынѣ помѣщается, для обученія приходскихъ государственныхъ крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, св. исторіи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Въ теченіи полутора года со времени открытія школы обученіе производилось безмездно, и, кромѣ того, наставникъ самъ снабжалъ учащихся книжками, бумагой и прочими учебными средствами, которыя потомъ стало доставлять министерство государственныхъ имуществъ, принявшее подъ свое попеченіе школу, которая отселѣ стала называться сельско-приходскимъ училищемъ, и положившее о. Колюмбову, какъ наставнику, извѣстное вознагражденіе. Въ теченіи всего занятія съ 1845 года по настоящее время

обучено 200 мальчиковъ и 2 дѣвочки, а нынѣ учащихся 63 мальчика.

10—12. *Покровскомъ.* Въ семъ селѣ открыты, въ последнее время, три школы грамотности, для обученія дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ. Одна изъ сихъ школъ открыта 10 сентября 1861 года старшимъ священникомъ Іоанномъ Хитровымъ, и помѣщается въ его домѣ, гдѣ собралось учащихся въ началѣ 10 мальчиковъ, а нынѣ число это возрасло до 20 учениковъ. Другая школа, открытая 10 же сентября, помѣщается въ домѣ младшаго священника Николая Сабчакова, у котораго обучаются 10 мальчиковъ, а третья открыта 20 числа того же сентября діакономъ Іоанномъ Добролюбовымъ въ его домѣ, гдѣ обучаются 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Обученіе во всѣхъ трехъ школахъ чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису и свящ. исторіи производится безмездно; а учебныя средства, за исключеніемъ книжекъ букваря, котораго 50 экземпляровъ пожертвовалъ церковный староста, помѣщикъ, губернскій секретарь Петръ Ив. Яковлевъ, доставляютъ ученикамъ ихъ родители.

13. *Кензинѣ.* Здѣсь училище существуетъ съ 15 ноября 1860 года. Оно открыто священникомъ Петромъ Смирновымъ въ его домѣ, гдѣ обучаются 26 мальчиковъ изъ государственныхъ и временно обязанныхъ крестьянъ. Обученіе чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису и свящ. исторіи священникъ производитъ самъ безъ всякаго вознагражденія, а равно и учебныя средства доставляетъ для учащихся самъ наставникъ, и, кромѣ того, довольное количество книжекъ пожертвовано г. редакторомъ-издателемъ «Домашней Бесѣды» Аскоченскимъ.

14. *Дегтяномъ*. Священникъ сего села Θеодоръ Примогеновъ, въ особо отведенномъ отъ прихожанъ домѣ, съ 13-го декабря 1860 года безмездно обучаетъ чтенію, письму и закону Божію 35-ть мальчиковъ изъ государственныхъ крестьянъ.

15. *Подвисломъ*. Въ семъ селѣ съ 1-го ноября 1859 года обученіе приходскихъ государственныхъ мальчиковъ производитъ дьячекъ Иванъ Теологовъ, который, по желанію матери, уволенъ изъ высшаго отдѣленія духовнаго училища для поступленія на мѣсто умершаго своего отца и вмѣстѣ для прокормленія оставшихся сиротъ. Учащихся бываетъ ежегодно отъ 10 до 15 мальчиковъ, обученіе которыхъ чтенію, письму, закону Божію и ариѳметикѣ производится съ небольшимъ вознагражденіемъ отъ ихъ родителей.

16. *Поплевинѣ*. Престарѣлый сего села священникъ Павелъ Стрекаловъ, подвигнутый примѣромъ другихъ іереевъ, съ 1 октября 1861 года въ своемъ домѣ собралъ 5 мальчиковъ изъ приходскихъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ и обучаетъ безмездно чтенію, письму и закону Божію, при помощи сына своего, исключеннаго по болѣзни изъ средняго отдѣленія духовнаго училища, Романа Стрекалова.

17 и 18. *Нагайскомъ* и, прихода сего села, *въ деревнѣ Лобковъ Хуторъ*. Добрый и всѣми уважаемый приходскій священникъ Савва Пальмовъ, не смотря на то, что приходъ его состоитъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ разныхъ владѣльцевъ, успѣлъ, наконецъ, собрать въ своемъ домѣ 11-ть мальчиковъ и 1 дѣвочку, которыхъ и обучаетъ безмездно съ 22-го октября 1860 года чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, свящ. исторіи и ариѳметикѣ. А въ прошломъ 1861 г.

о. Пальмовъ открылъ, 1-го октября, другую еще школу въ деревнѣ своего прихода—Лобковъ-Хуторъ, для обученія дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ, которыхъ и обучаетъ закону Божію, а равно чтенію и письму. при сотрудничествѣ особаго помощника, даннаго сельскимъ обществомъ.

19. *Чирковъ*. Съ 12-го марта 1860 года мѣстный священникъ Ѳедоръ Ѳеоктистовъ въ собственномъ домѣ безмездно обучаетъ 15-ть мальчиковъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ чтенію, письму, закону Божію и ариѳметикѣ, и на свой счетъ доставляетъ учащимся всѣ учебныя средства.

20. *Серевевъ*. Приходскій священникъ Андрей Тихомировъ, по поступленіи своемъ на мѣсто въ 1844 году, немедленно обратилъ вниманіе на воспитаніе дѣтей прихожанъ своихъ. Не успѣвъ въ самомъ селѣ, гдѣ живутъ крестьяне разныхъ владѣльцевъ, образовать школу для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, онъ обратилъ вниманіе на сельцо Желтухино, и тамъ, при вотчинной конторѣ князей Волконскихъ, завелъ школу, въ которой, при пособіи даннаго сею конторою помощника, и началъ обученіе крестьянскихъ мальчиковъ чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, свящ. исторіи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Съ 1844 года по настоящее время обучено болѣе 150 мальчиковъ; теперь же обучается 30.

21. *Алламазовъ*. Здѣсь открыта 8-го октября 1861 года школа грамотности въ домѣ священника Андрея Липягова, который обучаетъ безмездно собравшихся на первый разъ 7 мальчиковъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, начавъ обученіе съ чтенія и письма и съ объясненія молитвъ.

Такимъ образомъ, всѣ священники г. Ряжска, пригородныхъ слободъ и 13-ти селъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ градскаго благочиннаго, протоіерея Гаретовскаго, приняли живое участіе въ святомъ дѣлѣ народнаго образованія, и не священники одни, но діаконы и даже причетники, такъ что теперь въ вѣдомствѣ ряжскаго благочиннаго состоитъ 28 вседневныхъ школъ, въ которыхъ обучается 811 учениковъ и 76 дѣвочекъ. Кромѣ того, всѣ священники, какъ градскіе, такъ слободскіе и сельскіе, завели при своихъ церквахъ воскресно-праздничныя школы [1] для обученія истинамъ вѣры и правиламъ христіанской жизни взрослыхъ прихожанъ своихъ обоего пола, которые и поучаются въ законѣ Господнемъ въ числѣ 950-ти мужескаго и 345 душъ женскаго пола.

Заключимъ свою лѣтопись ряжскихъ училищъ искреннимъ благожеланіемъ: да благословитъ Господь Богъ, единый Источникъ премудрости и разума, благое и святое дѣло сіе, и да «отверзетъ душу и сердце, уста и умъ дѣтямъ и ихъ родителямъ, во еже разумѣти и пріяти наказаніе, и спѣшно навыкнути преподаваемая имъ божественная писанія и вся душеполезная ученія, во славу святаго имени Господня, и въ пользу и созиданіе святѣй, соборнѣй и апостольской церкви» [2]!

2. Школа грамотности въ селѣ Кирехоти Ярославской губерніи [3].

6-го ноября 1861 г. священникомъ села Кирехоти

[1] Школъ сихъ 18-ть, кромѣ 2-хъ, о которыхъ выше сказано, т. е. воскресной школы при ряжскомъ уѣздномъ училищѣ, и воскресно-праздничной школы для ряжской инвалидной команды.

[2] См. чинъ благословенія отроковъ учитися идущихъ.

[3] Сообщено изъ села Кирехоти.

Өедоромъ Розовымъ послѣ литургіи открыта школа въ собственномъ домѣ, и на первый разъ явилось учиться 6 мальчиковъ и 2 дѣвочки; потомъ вскорѣ школа эта переведена въ сельцо Красное, принадлежащее помѣщику Димоѳеену Вас–чу *Васильеву*. Почтенный владѣлецъ уступилъ подъ школу довольно обширную комнату, назначилъ прислугу топить печь и наблюдать за чистотой, даетъ каждому поступающему ученику по экземпляру азбуки, прописи и по книжкѣ для чтенія, доставляетъ бумагу, перья, чернила и карандаши, устроилъ на свой счетъ столы, скамьи и черную классную доску. Обученіемъ дѣтей занимается безплатно священникъ Розовъ. Въ школѣ—16 ноября было уже 9 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ, и есть надежда, что число учениковъ и ученицъ удвоится или утроится въ непродолжительномъ времени. Преподаваніе священникъ производитъ по методѣ Золотова.—«Жаль только», пишетъ сообщившій эту замѣтку, «что *знахари*, обучавшіе прежде дѣтей, видя опасность лишиться доходу за обученіе ихъ, распускаютъ въ народѣ разные нелѣпые слухи, напримѣръ, что поступившіе въ школу должны пробыть въ ней не меньше 5—6 лѣтъ, что потомъ ихъ потребуютъ въ Ярославль или ушлютъ куда нибудь въ другое мѣсто на службу; нѣкоторыхъ смущаетъ даже безплатное обученіе ихъ дѣтей и они думаютъ, что съ нихъ послѣ взыщутъ вдвое!?... Вообще новость дѣла представляетъ довольно препятствій.» Приходъ Кирехотскій состоитъ изъ 480 мужескаго и 600 женскаго пола.

НОВЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ ПАПЫ

КЪ УТВЕРЖДЕНІЮ ВЛАСТИ ЕГО НАДЪ ВОСТОЧНОЮ ЦЕРКОВІЮ.

Чѣмъ болѣе, при современномъ положеніи дѣлъ, въ западной Европѣ колеблется вѣковое зданіе римскаго главенства, тѣмъ съ большимъ усердіемъ приверженцы римской куріи и ея незаконныхъ притязаній на единовластительство въ Церкви Христовой стараются о томъ, чтобы въ другихъ частяхъ христіанскаго міра найти новыя опоры для папской системы. Издавна уже востокъ былъ для ревностныхъ пропагандистовъ папской власти ареною, на которой они тѣми или другими средствами усиливались пріобрѣтать новыхъ прозелитовъ, отторгая этихъ послѣднихъ отъ православной церкви. Римскіе миссіонеры дѣйствовали, и донынѣ нерѣдко дѣйствуютъ съ успѣхомъ на простыя сердца восточныхъ христіанъ, мало знакомыхъ съ богословскими тонкостями и съ значеніемъ того шага, который они совершали, допуская вовлечь себя въ разставленныя кругомъ нихъ сѣти папизма. Этотъ успѣхъ, которымъ такимъ образомъ часто увѣнчивалась дѣятельность римскихъ миссіонеровъ въ нѣдрахъ восточной церкви, внушилъ нынѣ римскому двору мысль еще болѣе усилить свою дѣятельность *учрежденіемъ особой конгрегаціи для дѣлъ римской пропаганды въ православной церкви.* Особою буллою отъ 6-го января (новаго стиля) 1862 года римскій пер-

восвященникъ обнародовалъ предъ лицемъ христіанскаго міра объ этихъ новыхъ своихъ завоевательныхъ замыслахъ, предметомъ которыхъ наша восточная православная церковь.

Выразивъ сначала обычныя притязанія римскаго престола на управленіе всею вселенскою Церковію, указавъ на проистекающее отсюда право и обязанность папы заботиться о благосостояніи и духовномъ преуспѣяніи церквей не только западнаго, но и восточнаго вѣроисповѣданія, Пій IX-й старается доказать, что постояннымъ предметомъ пастырской заботливости его предшественниковъ на римскомъ престолѣ было сохраненіе вѣры и исправленіе церковныхъ недостатковъ, проявлявшихся будто бы въ восточной церкви. Уничтоженіе такъ называемой «восточной схизмы» (т. е. подчиненіе православной церкви игу папскаго единовластительства) было всегдашнимъ предметомъ заботъ и усилій его предшественниковъ. Выражая готовность и желаніе свое шествовать въ этомъ отношеніи по стопамъ прежнихъ римскихъ первосвященниковъ. Пій IX-й высказываетъ, что онъ не только не стремится къ уничтоженію чина богослуженія и обрядовъ нашей церкви, но напротивъ *предписываетъ* сохраненіе этихъ послѣднихъ во всѣхъ восточныхъ церквахъ.

Конгрегація римской пропаганды, состоящая изъ извѣстнаго числа кардиналовъ и другихъ прелатовъ римскаго двора, была издавна органомъ этихъ усилій распространять власть римскаго епископа въ нѣдрахъ православной Церкви.

Но послушаемъ собственныя слова папы о стремленіяхъ и новыхъ мѣрахъ его по отношенію къ востоку:

«Съ первыхъ дней нашего первосвященства», говорится въ новой буллѣ Пія IX-го, «мы обратили взоры свои на востокъ, и пламенно молились благому и милосердому Богу объ утвержденіи въ вѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ римскою церковью), о возращеніи въ нихъ познанія Бога и Іисуса Христа, дабы они могли своими добрыми дѣлами проложить себѣ путь къ вѣчному спасенію. Мы просили также Бога о томъ, чтобы Онъ возвратилъ въ ту колыбель, внѣ которой нѣтъ спасенія, (т. е. въ лоно римской церкви) тѣхъ восточныхъ христіанъ, которые отъ нея отчуждены. Мы питаемъ упованіе, что милосердый Богъ благоволитъ принять наши смиренныя и горячія молитвы. Мы живо тронуты нынѣшнимъ положеніемъ католиковъ на востокѣ, и видимъ притомъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ изчезли препятствія къ свободному общенію вѣрующихъ съ Римомъ; вотъ почему мы понимаемъ, что наше апостольское призваніе возлагаетъ на насъ обязанность посвящать нашу отеческую заботливость и усугубленныя усилія наши на духовное благо востока.

«Итакъ, мы поручили коммиссіи, составленной изъ кардиналовъ, избранныхъ конгрегаціею пропаганды, и изъ прелатовъ нашего двора, заботу о пріисканіи мѣръ потребныхъ для бо́льшаго духовнаго преуспѣянія востока. Коммиссія приняла съ одной стороны во вниманіе важность и сложность потребностей востока и необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія восточныхъ дѣлъ по причинѣ различія языковъ, обрядовъ и дисциплины; она имѣла съ другой стороны въ виду многочисленность занятій, подлежащихъ нынѣ вѣдомству общей конгрегаціи пропаганды, вслѣдствіе чуднаго распространенія нашей

святой вѣры въ сѣверной Америкѣ, въ восточной Индіи. въ Китаѣ, въ Австраліи и даже въ Европѣ,—равно какъ проистекающее отсюда увеличеніе числа епископскихъ каѳедръ. апостольскихъ и миссіонерскихъ викаріатствъ. На основаніи всего этого комиссія легко убѣдилась въ необходимости усилить конгрегацію пропаганды для удовлетворенія современныхъ потребностей востока. Кардиналы и прелаты, составлявшіе комиссію, предложили намъ поэтому помочь такому положенію дѣлъ учрежденіемъ специальной и постоянной конгрегаціи съ исключительнымъ назначеніемъ заботиться обо всемъ. что касается до обрядовъ. церковной дисциплины и исправленія богослужебныхъ книгъ восточныхъ церквей.

«Вотъ почему мы, будучи въ высшей степени озабочены духовнымъ благомъ восточныхъ христіанъ и будучи притомъ готовы на всякое предпріятіе для этой цѣли, согласно съ указаніемъ нашихъ достопочтенныхъ братьевъ. кардиналовъ св. римской церкви, учреждаемъ нынѣшними своими апостольскими опредѣленіями постоянную конгрегацію для специальнаго завѣдыванія дѣлами пропаганды въ восточныхъ церквахъ. ......Новая конгрегація, по усмотрѣнію кардинала-префекта пропаганды. составится изъ достаточнаго числа кардиналовъ и будетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ совѣтниковъ и своего секретаря. Мы созвали въ Римъ нѣсколько духовныхъ лицъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ языкахъ и дѣлахъ востока, такъ какъ ихъ содѣйствіе можетъ принести большую пользу новой конгрегаціи, особенно по части вопросовъ. касающихся до обрядовъ, дисциплины и исправленія книгъ.

«Конгрегація эта будетъ носить названіе «конгрегаціи

пропаганды для дѣлъ восточнаго обряда» (Congregation de la Propagande pour les affaires du rite oriental) и будетъ пользоваться печатію пропаганды»....

Далѣе, папа поименно перечисляетъ членовъ новой конгрегаціи, дѣлаетъ нѣкоторыя частнѣйшія опредѣленія о кругѣ ихъ обязанностей и заключаетъ свою буллу желаніемъ успѣха этому новому учрежденію.

Какъ намъ, членамъ православной церкви, смотрѣть на эти, столь близко касающіяся насъ, дѣйствія римской куріи, которыми Пій IX-й начинаетъ новый 1862-й годъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Конечно, всякій истинный христіанинъ, всякій, кто дѣйствительно, а не по имени только, преданъ дѣлу вѣры и спасенія, не можетъ не желать отъ всей души, чтобы прекратилась та вѣковая вражда, которая отдѣляетъ западную церковь отъ восточной. Но, сознавая всю важность этой благой цѣли и сочувствуя ей вполнѣ, гдѣ бы и когда бы она ни выражалась, православный христіанинъ не можетъ, однако, безъ грусти видѣть, что римская курія до нынѣ не хочетъ для этой цѣли употреблять другія средства, кромѣ *подчиненія* иновѣрцевъ своему незаконному владычеству. Учреждая новую конгрегацію для сближенія и соединенія съ собою восточныхъ христіанъ, римская церковь не имѣетъ въ виду путемъ мирныхъ, законныхъ сношеній съ востокомъ содѣйствовать скорѣйшему и *безпристрастному* рѣшенію тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ грустное раздѣленіе двухъ главныхъ частей христіанскаго міра; нѣтъ, папскій абсолютизмъ требуетъ другаго образа дѣйствій: новая конгрегація пойдетъ по стопамъ прежнихъ римскихъ пропагандистовъ, и будетъ стараться — не о законномъ примиреніи и возсоединеніи церквей—а о не-

законномъ отторженіи отъ восточной церкви тѣхъ чадъ ея, которыя по слабости въ вѣрѣ, по житейскимъ расчетамъ или простому неразумію будутъ увлечены органами усиленной римской пропаганды. Что же? Не страшиться ли намъ будущихъ успѣховъ этой новой конгрегаціи? Нѣтъ; если въ насъ жива и дѣйственна вѣра въ непреложность нашего святаго православія, если съ мыслію о правотѣ св. нашей церкви и объ ошибочности началъ папства соединено убѣжденіе, что самъ Господь присущъ обществу истинно вѣрующихъ и хранитъ его благодатію Святаго Духа, — то намъ нечего страшиться за православную церковь, хотя бы папа учредилъ еще десятокъ конгрегацій для подчиненія восточной церкви своему престолу. Но, не питая страха или сомнѣній, недостойныхъ истинно вѣрующаго, мы не должны, однако, оставаться безпечными: новыя стремленія римской пропаганды распространять свое вліяніе и усилить дѣятельность свою въ нѣдрахъ восточной церкви должны побуждать насъ къ новой бдительности и къ новымъ усиліямъ для охраненія слабыхъ въ вѣрѣ. Всякій истинный христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ признать своею прямою обязанностію, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей, содѣйствовать тому, чтобы св. сѣмя святой нашей вѣры болѣе и болѣе оживлялось и укрѣплялось въ членахъ православной нашей церкви: въ исполненіи этой обязанности будетъ заключаться лучшее средство къ противодѣйствію усиливающейся нынѣ пропагандѣ римской куріи.

[illegible]

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Высочайшими граматами отъ 19 и 24 сент. 1861 г. Всемилостивѣйше сопричислены: пр. епископъ бывшій кавказскій *Игнатій* къ ордену св. Анны 1-й ст., и пр. *Евсевій*, екзархъ Грузіи, къ ордену св. Александра Невскаго.

— Государь Императоръ въ 21-й день ноября Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Сѵнода о назначеніи архимандрита абхазской архіерейской каѳедры, *Александра*, на вакансію епископа абхазскаго.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отлично-усердную службу и заслуги по духовному вѣдомству 1) протоіерею преображенскаго всей гвардіи собора Василію *Сицилинскому* митру; 2) настоятелю Херсонскаго монастыря, игумену *Евгенію* золотой наперсный крестъ, украшенный бриллiантами; 3) священнику Ялтинской церкви, Таврической губерніи, благочинному Василію *Сердюкову* золотой наперсный крестъ; 4) законоучителю и преподователю психологіи и логики въ Александровскомъ лицеѣ, священнику Алексѣю *Строкину* наперсный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями, и 5) мануфактуръ совѣтнику, по-

томственному почетному гражданину, Ивану *Гучкову* орденъ св. Анны 2-й степ.

— Опредѣленіями Св. Сvнода назначены почетными блюстителями по хозяйственной части: 1) отъ 19-го октября—3-й гильдіи купецъ Иванъ *Курбатовъ* при псковской семинаріи и тамошнемъ духовномъ училищѣ; и 2) отъ 3-го ноября, архангельскій градскій голова, 1-й гильдіи купецъ, Егоръ *Плотниковъ* при архангельской семинаріи и состоящемъ при немъ духовномъ училищѣ.

— Опредѣленіями Св. Сvнода отъ 2, 13-го и 14-го ноября положено преподать благословеніе Св. Сvнода почетнымъ блюстителямъ по хозяйственной части: 1) при солигаличскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, коллежскому секретарю Димитрію *Купреянову*, за сдѣланныя имъ въ пользу означеннаго училища пожертвованія на сумму до 161 руб. сер.; 2) при тамбовской семинаріи, почетному потомственному гражданину города Козлова, Ивану *Рогову*, за пожертвованіе имъ въ пользу означенной семинаріи 500 руб. сер.; 3) при орловской семинаріи, потомственному почетному гражданину, елецкому 1-й гильдіи купцу, Сергѣю *Русанову*, за пожертвованіе имъ въ пользу означенной семинаріи 600 руб. сер.; 4) при саратовской семинаріи, ростовскому 1-й гильдіи купцу, Павлу *Кокуеву*, за изъявленную имъ готовность ежегодно жертвовать по 200 руб. на содержаніе 4-хъ воспитанниковъ той семинаріи; отъ $\frac{\text{25 октября}}{\text{23 ноября}}$ нижеслѣдующимъ лицамъ за усердіе ихъ къ храмамъ Божіимъ и пожертвованія въ пользу церквей: по *московской* епархіи — помѣщицѣ подольскаго уѣзда села Александрова, тайной совѣтницѣ Надеждѣ *Арсеньевой*; по *тверской* епархіи: крестьянину корчевскаго уѣзда деревни Подъелья, Филиппу *Большакову*; по *владимір-*

8*

ской епархіи: муромскому 2-й гильдіи купцу Ивану *Гаврилову*; по *томской* епархіи: томскимъ мѣщанамъ Петру *Кикренину* и Василію *Епифанову*; по *калужской* епархіи: вдовѣ Вѣрѣ *Черновой*, за исправленіе ею церкви въ селѣ Грибезовѣ калужскаго уѣзда; отъ 30 октября / 13 ноября керчь-еникольскому градоначальнику, контръ-адмиралу Александру *Спицину* и тамошнему потомственному почетному гражданину Ивану *Митрову*, за оказанное ими усердіе при устройствѣ въ г. Керчи, въ бывшемъ зданіи керченскаго музеума, церкви во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, выраженное со стороны перваго собраніемъ пожертвованій болѣе 2660 руб., а со стороны послѣдняго приношеніемъ въ пользу церкви разныхъ вещей на сумму 1787 руб. сер.; отъ 23 октября / 16 ноября по *с. петербургской* епархіи: церковному старостѣ купцу Алексѣю *Поталовскому*; по *московской*: московскому 3-й гильдіи купцу Ивану *Надеждину;* по *псковской*: настоятелю третье-класснаго Іоанна-Богословскаго Крыпецкаго монастыря, игумену *Анатолію*, отъ 17 Ноября / 4 Декабря протоіерею г. Глазова преображенскаго собора Іосифу *Стефанову*, за отлично-ревностные и полезные труды его по званію миссіонера и за распорядительность въ исполненіи порученій по должности благочиннаго, положено преподать благословеніе Св. Сvнода, о чемъ и выдать ему установленную грамату; отъ 25 ноября, казаку села Андрейковичь, черниговской губерніи, Гавріилу *Заецу*, за устройство имъ на свой счетъ и на своей землѣ отдѣльнаго и приличнаго дома для сельской школы, съ двумя помѣщеніями для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ употребленіемъ на это болѣе 150 руб.; отъ 27 Ноября / 27 Декабря, гвардіи ротмистру Захарію *Зотову*, за сдѣланное имъ въ церковь села Колгоммы, с. петербургской епархіи, пожертвованіе веща-

ми и деньгами, всего на сумму 781 руб. сер.; отъ 29 ноября, женѣ пономаря села Истоя, рязанской губерніи, Маріи *Крыловой*, за обученіе ею съ 1838 г. до 200 мальчиковъ и болѣе 50 дѣвочекъ и за открытіе въ прошломъ году въ собственномъ домѣ школы для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей обоего пола, въ которой въ настоящее время обучаются 17 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ; отъ $^{18}/_{27}$ декабря, зарайскому купцу Василію *Варгину*, за сдѣланное имъ благочестивое приношеніе въ церковь московскаго успенскаго собора серебряной, вызолоченной ризы на икону владимірской Божіей Матери.

— Опредѣленіемъ Св. Сvнода отъ 17 ноября положено: выдать женѣ пономаря Кондушкаго погоста, олонецкой губерніи, Евдокіи *Зотиковой* 80 руб. сер. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ въ награду за обученіе ею въ женской школѣ до 80 дѣвочекъ, распространеніе, посредствомъ этой школы, грамотности и развитіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства, оказывающее благотворное вліяніе даже на ихъ родителей и другихъ прихожанъ погоста.

— Опредѣленіемъ Св. Сvнода 4-го дек. положено: для исправленія въ будущемъ 1862 году чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія въ С. Петербургѣ, назначить ректоровъ семинарій: рязанской—настоятеля рязанскаго спасскаго второкласснаго монастыря, архимандрита *Ювеналія*, и кишиневской – настоятеля заштатнаго курковскаго рождества богородичнаго монастыря, имѣющаго лично степень настоятеля первокласснаго монастыря, архимандрита *Митрофана*.

— Государь Императоръ, $\frac{\text{18-го Ноября}}{\text{2-го Декабря}}$ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленія Св. Сvнода объ учреж-

денія женской общины въ г. Мокшанѣ, съ укрѣпленіемъ за сею общиною земли, жертвуемой въ пользу оной, и о переименованіи влахернской женской общины, московской епархіи, въ общежительный 3-классный монастырь.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу кавалерской думы ордена св. Владиміра, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать въ 22-й день сентября минувшаго года кавалерами сего ордена 4-й степени, за 35 лѣтнюю, въ классныхъ чинахъ, безпорочную службу чиновниковъ православнаго вѣдомства—коллежскихъ совѣтниковъ: 1. учителя минской семинаріи Иларіона *Домброво-Поржецкаго:* 2. члена общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Св. Сvнодѣ, сvнодскаго казначея Константина *Платонова*; 3. секретаря с.петербургской консисторіи надворнаго совѣтника Михаила *Верещагина*; 4. журналиста духовно-учебнаго управленія, коллежскаго ассесора, Александра *Курлина*; титулярныхъ совѣтниковъ: 5. архиваріуса калужской консисторіи, Ѳому *Вышегородскаго*; 6. бывшаго столоначальника владимірской консисторіи, Петра *Иродіонова;* 7. столоначальника рязанской консисторіи, Матѳея *Соколова;* коллежскихъ секретарей: столоначальниковъ духовныхъ правленій: 8. суздальскаго—Александра *Виноградова*; 9. углицкаго — Павла *Казанскаго;* 10. мензелинскаго – Ивана *Жукова*; 11. канцелярскаго чиновника переяславскаго духовнаго правленія, губернскаго секретаря Василія *Сергіевскаго*.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Могилевской губерніи въ мстиславскомъ уѣздѣ, въ семи верстахъ отъ уѣзднаго города Мстиславля стоитъ уединенно мужескій Успенскій, возсоединенный третьеклассный монастырь, извѣстный подъ названіемъ Пустынскаго.

Получивъ начало свое при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ Казиміровичѣ, монастырь этотъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія поступилъ во владѣніе монаховъ базиліанскаго ордена, и въ нѣдра православной церкви возвращенъ уже во время бывшаго общаго возсоединенія уніятовъ.

Въ этомъ монастырѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ драгоцѣнный памятникъ и твердый оплотъ православія въ бѣлорусскомъ краѣ, святая, чудотворная икона Божіей Матери, явившаяся, по преданію, въ незапамятныя времена на источникѣ при этомъ монастырѣ, и самый этотъ источникъ, признаваемый отъ народа повсемѣстно цѣльбоноснымъ. Къ этой святынѣ питаютъ глубокое благоговѣніе не только православные, по временамъ десятками тысячъ стекающіеся въ Пустынскій монастырь на богомолье изъ разныхъ городовъ и селеній, близкихъ и отдаленныхъ, но и лица римско-католическаго исповѣданія, и даже лютеране.

Не смотря, однакожъ, на эту достопримѣчательность

святой обители Пустынской и значительное стеченіе въ нее народа, обитель эта находится въ настоящее время въ разоренномъ положеніи. Главная каменная церковь, въ алтарѣ которой, на горнемъ мѣстѣ находится чудотворная икона, требуетъ безотлагательнаго устройства новой крыши, новаго пола, новаго иконостаса, исправленія осыпавшейся по стѣнамъ штукатурки и окраски ихъ снаружи и внутри. Точно также и другая церковь деревянная, на мѣстѣ самаго цѣльбоноснаго источника, на коемъ явилась эта святая икона, совершенно ветха и требуетъ совершенной перестройки. Монастырь не имѣетъ также въ настоящее время ни теплой церкви, ни колокольни, ни каменной ограды. Самыя келіи для монастырской братіи въ высшей степени неудобны и недостаточны, а особенно нѣтъ помѣщенія для стекающихся въ монастырь богомольцевъ.

Причина такой крайней бѣдности и разстроеннаго положенія Пустынскаго Успенскаго монастыря заключается въ томъ, что онъ долгое время находился подъ управленіемъ ксендзовъ-базиліановъ, которые не заботились о его поддержаніи. Возвращенный нынѣ въ нѣдра православія, монастырь этотъ и доселѣ остается въ крайне разоренномъ состояніи, не имѣя средствъ поддерживать себя соотвѣтственно своему положенію. Безплодная почва земли, постоянные неурожаи, положеніе монастыря въ возсоединенномъ краю, несуществованіе православнаго купечества и вообще лицъ, которыя могли бы поддерживать его своими приношеніями, крайняя бѣдность простаго народа, который по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ не имѣетъ даже мякиннаго хлѣба для пропитанія своего — лишаютъ монастырь возможности выйти изъ этого бѣдственнаго и разстроеннаго положенія и

въ настоящее время, не смотря на благоговѣйное вниманіе къ заключающейся въ немъ святынѣ мѣстныхъ богомольцевъ.

Столь несчастное положеніе Пустынскаго Успенскаго монастыря побудило настоятеля онаго монастыря игумена Анатолія, испросивъ разрѣшеніе мѣстнаго архипастыря высокопреосвященнѣйшаго Евсевія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго, на сборъ доброхотныхъ подаяній, обратиться, съ упованіемъ на помощь Божію, къ благотворительности православныхъ чадъ россійской церкви, (готовыхъ поддерживать святыню своими посильными приношеніями), и всесмиренно просить, оказать ему, игумену Анатолію, содѣйствіе къ успѣшному совершенію предпринятаго имъ дѣла, какъ собственными посильными приношеніями, такъ и приглашеніемъ къ пожертвованію лицъ, извѣстныхъ своею готовностію къ дѣламъ богоугоднымъ.

Всякая лепта усердія будетъ великимъ благодѣяніемъ для святой обители и послужитъ средствомъ къ поддержанію этого памятника древняго православія въ странѣ возсоединенной. Приношенія Христолюбивыхъ благотворителей приняты будутъ Пустынскою обителью съ искреннею благодарностію, а имена ихъ со всѣми ихъ ближними и сродниками живыми и преставльшимися ко Господу будутъ поминаемы при совершеніи безкровной жертвы и на молитвенныхъ возношеніяхъ предъ чудотворнымъ ликомъ Пресвятыя Богородицы дотолѣ, пока будетъ существовать Пустынская обитель.

Всѣ пожертвованія могутъ быть адресуемы въ губернскій городъ Могилевъ, на имя высокопреосвященнѣйшаго Евсевія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго, или въ могилевскую духовную кон-

систорію для передачи въ Пустынскій Успенскій монастырь. При семъ покорнѣйше просятъ сообщать и имена благотворителей съ ихъ ближними и сродниками живыми и преставльшимися ко Господу для внесенія ихъ въ церковный синодикъ Пустынскаго монастыря на вѣчное поминовеніе.

I.

СЛОВО

ГОВОРЕННОЕ, ПО ОСВЯЩЕНІИ ЦЕРКВИ, ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА, УСТРОЕННОЙ ВЪ ЗДАНІИ АРЕСТАНТСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ РОТЫ—ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ, 10 ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА (1).

Благодареніе Господу Богу! Еще градъ нашъ обрѣтаетъ мѣсто святое; еще на единомъ алтарѣ станетъ приноситься за насъ безкровная жертва.

Но почто алтарь сей воздвигнутъ тамъ, гдѣ рука правосудія указала быть узилищу рабовъ неключимыхъ, гдѣ человѣчество представляется на низшей степени бытія своего, со всѣми оттѣнками нравственнаго безобразія своего?

Не приближайся сѣмо. иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ: мѣсто бо, на немъже ты стоиши, земля свята есть (Исх. 3, 5),—сказано было нѣкогда вѣрному въ домѣ Божіемъ Моvсею. Какъ же дерзнутъ приблизиться къ святилищу сему люди жестоковыйніи, необрѣзанніи ушесы и сердцемъ?

При взглядѣ на такое совмѣщеніе святыни Господней и сонма беззаконнующихъ, не остается ли ревнителю

---

(1) Преосвященнѣйшимъ Ниломъ, епископомъ ярославскимъ и ростовскимъ.

благочестія воскликнуть съ Апостоломъ: *кое общеніе свѣту ко тьмѣ? Кое же согласіе Христови съ Веліаромъ* (2 Кор. 6. 14. 15)?

Такъ, братіе, свѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ тьмою, равно какъ и Христосъ съ Веліаромъ. Но тамъ-то и потребно сіяніе свѣта, гдѣ густая тьма покрываетъ очи; тамъ наипаче и необходимо содѣйствіе Христовой благодати, гдѣ великая обнаруживается немощь: ибо не здравые, но болящіе имѣютъ нужду во врачѣ. А гдѣ еще искать немоществующихъ душею, ежели не среди обитателей дома сего?

Грѣшники, зашедшіе въ глубину золъ и не радящіе о спасеніи своемъ, жалкія жертвы обольщенія и соблазна, мучимыя памятію прошедшаго и страхомъ будущаго, невѣжды, не познавшіе Бога и путей Господнихъ неразумѣвающіе, какъ тѣни нѣкія, не престанутъ преходить по храминамъ симъ, смѣняясь лишь подобными себѣ.

И для нихъ-то святилище сіе есть истая врачебница, мѣсто прибѣжища въ отчужденіи отъ свѣта; мѣсто утвержденія на камени вѣры, послѣ претерпѣнныхъ ими крушеній непорочности и чистоты; мѣсто успокоенія въ Богѣ, среди обуревающихъ ихъ помысловъ.

О, сколько сладостныхъ ощущеній вливаетъ въ душу одна мысль о семъ! Какое обширное поприще представляется тутъ для служителя Слова, стоящаго на стражбѣ дома Господня!

Книга Апостольскихъ Дѣяній повѣствуетъ, что въ пребываніе св. апостола Павла въ Аѳинахъ, *раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущь градъ* (Дѣян. 17, 16). Не съ инаковымъ расположеніемъ духа и ревностный пастырь станетъ взирать на человѣковъ сихъ.

чѣмъ скуднѣе вѣдѣніе ихъ, тѣмъ щедрѣйшею рукою онъ будетъ посѣвать божественныя сѣмена; чѣмъ грубѣе ихъ чувство, тѣмъ больше возвыситъ онъ, яко трубу, гласъ свой *проповѣдать цѣльбу* (Іоил. 2, 16), не яко сладкогласный пѣснопѣвецъ, но яко власть имѣяй;— чѣмъ порочнѣе въ нихъ сердца, тѣмъ сильнѣе въ поученіи его возгорится огнь.

Не думайте, слушатели, чтобъ все это могло остаться безъ плода: глаголъ Божій не возвращается тощь; тамъ и является съ преизбыткомъ спасающая благодать, гдѣ умножается грѣхъ.

Да и по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, мы вправѣ ожидать сего. Какъ ни велика въ низшихъ званіяхъ общества склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ; какъ ни мало извѣстны имъ высшія духовныя радости и наслажденія, почерпаемыя изъ источника Вѣры и христіанскаго благочестія: при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобъ простой народъ хотѣлъ коснѣть въ невѣжествѣ своемъ; чтобъ мысль объ улучшеніи себя, о спасеніи души своей, не занимала его.

Кто утверждаетъ это, тотъ вѣрно не обращалъ довольнаго на предметъ сей вниманія.

Гдѣ мудрый и добрый наставникъ не имѣлъ ревностнѣйшихъ послѣдователей изъ народа? Въ какихъ нравственныхъ перемѣнахъ, когда либо происходившихъ на землѣ, не принималъ ближайшаго участія низшій классъ людей? Въ какой градъ, или въ какую весь вступалъ съ словомъ благовѣстія божественныя вѣры нашея Начальникъ, чтобы народы не тѣснились къ Нему, не обдержали Его отвсюду? Увлекаемые жаждою ученія, забывали они голодъ и жажду и стремились, какъ нѣкій величественный потокъ, за Іисусомъ въ пустыню.

Все это доказываетъ, что и на низшей степени бытія своего человѣкъ находится въ связи съ истинною человѣческою природою; искра огня божественнаго, гнетомая въ немъ отъ юности его громадою чувственности, никогда не доходитъ до изчезновенія. Напротивъ, часто бываетъ достаточно одного благопріятнаго дуновенія для воспламененія оной.

Благій и мудрый совѣтъ, поданный въ минуты безмолвія страстей, тяжкіе и неожиданные удары судьбы, испытанная обманчивость человѣческихъ надеждъ — не разъ уже сыновъ противленія содѣлывали чадами благопокорливыми, ходящихъ въ суетѣ ума приводили въ послушаніе Христово.

Будетъ и храмъ сей свидѣтелемъ таковаго возрожденія. Вознесется и въ немъ ѳиміамъ чистыхъ молитвъ о содѣянныхъ лютыхъ, прольются предъ престоломъ милосердія горькія слезы покаянія, воздадутся нелестные обѣты, прочее время живота своего, безъ порока преходить, служить Богу духомъ и истиною. И кто знаетъ, можетъ быть и сіи, нынѣ предстоящіе здѣсь узники, многихъ изъ насъ варяютъ въ царствіи Божіемъ?

По приказанію римскаго прокуратора Пилата избито было во время жертвоприношенія множество галилеянъ, въ намѣреніи, ужаснымъ примѣромъ, отвратить бунтъ. Пришедшіе изъ Галилеи принесли ко Іисусу вѣсть о печальномъ событіи и въ отвѣтъ услышали отъ Господа: *мните ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. Или они осьмнадесяте, на нихъже паде столпъ Силоамскій, и поби ихъ, мните ли, яко тіи должнѣйши бяху паче всѣхъ жи-*

сущихъ во Іерусалимѣ? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете (Лук. 13, 1).

Вотъ прямая точка зрѣнія, съ которой надлежитъ смотрѣть на подобныя явленія, на всѣ виды постигающей человѣковъ злосчастной доли.

Злоключеніе ближняго для человѣка-грѣшника есть отголосокъ наступающей и готовой разразиться надъ головою его грозы. Судьбами Бога Промыслителя этому гласу предоставлено возбуждать насъ къ испытанію дѣлъ своихъ, къ размышленію, аще есть путь неправды въ насъ.

Но сколько грѣшенъ тотъ, кто предъ очами нашими испытываетъ точило гнѣва Господня; какъ тяжко преступленіе его и въ какой мѣрѣ должны отягчать его бѣдствія жизни,—(ежели только званіемъ не обязуемся къ тому) не принадлежитъ къ суду нашему: Божій судъ есть на то. Паче же всего, да запечатлѣются печатію безмолвія уста наши во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законы гражданскіе караютъ повинныхъ предъ ними; между тѣмъ какъ тысячи другихъ, гораздо большихъ преступниковъ противъ вѣры и нравственности, остаются не наказанными единственно потому, что ихъ вопіющіе къ небу грѣхи не принадлежатъ къ гражданскому судилищу.

Ежели кто, при взглядѣ на таковыхъ, потому только лучшимъ себя считаетъ, что испиваемая ими горькая чаша мимо его проходитъ, тотъ жалокъ въ ослѣпленіи своемъ; судія оный стократъ мудрѣе бы поступилъ, обративъ приговоръ осужденія на самаго себя: «подобные мнѣ человѣки влачатъ бѣдственно жизнь свою за нарушеніе законовъ гражданскихъ, чего же ожидать въ будущности мнѣ, преступнику законовъ божественныхъ?»

Такъ, братіе, всѣ мы должны стоять на стражѣ спасенія своего, страха ради не человѣческаго, но паче Божія: всѣмъ бо явиться подобаетъ на судилище Христово.

О если бы страхъ оный всажденъ былъ отъ юности въ сердца сихъ узниковъ, какъ далеки были бы они отъ той участи, въ которой нынѣ видимъ мы ихъ! Но прошедшее для насъ и для нихъ невозвратимо,—а будущее въ волѣ каждаго. Каждый, сколь ни велико было бы его развращеніе, можетъ, и каждый обязанъ, употребить остатокъ дней своихъ на омытіе слезами покаянія грѣховъ и беззаконій своихъ, на искорененіе злыхъ навыковъ воли, влекущихъ за собою вѣчный позоръ и осужденіе, на содѣланіе себя другомъ человѣчества, полезнымъ членомъ общества.

Но къ симъ кто доволенъ, аще не Ты, Святый Израилевъ, исправиши сердца наши (Солун. 3)? Тя убо молю, Господи Боже нашъ: *да будутъ очи твои отверсты на храмъ сей день и нощь* (3 Цар. 8, 29); да услышиши всяку молитву рабовъ твоихъ, еюже помолятся на мѣстѣ семъ, и сотвориши и помилуеши и утвердиши въ путѣхъ заповѣдей твоихъ къ славѣ святаго имени своего, къ торжеству Церкви твоея, къ радости и утѣшенію Благочестивѣйшаго Государя нашего и всѣхъ сыновъ державы Его. Аминь.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ЗАПАДНЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЙ.

(Лекція, читанная въ свѣтскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія).

Вѣрую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь (Симв. Вѣры).

Милостивые государи и государыни!

Въ то отдаленное отъ насъ время, когда ученіе Божественнаго нашего Учителя и Искупителя было проповѣдуемо во всемъ мірѣ святыми Его учениками и апостолами, всякій, желавшій отъ суетныхъ человѣческихъ мудрованій перейти на путь истины и спасенія, могъ безъ особеннаго труда найти этотъ путь и съ полнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинности принимаемыхъ имъ живительныхъ словесъ содѣвать свое спасеніе въ страхѣ Божіемъ. Юная Церковь Христова сіяла тогда полнымъ свѣтомъ совершавшихся въ ней видимыхъ чудесныхъ знаменій присутствія Божественнаго Духа: даромъ языковъ и истолкованія языковъ, даромъ пророчества, чудеснаго исцѣленія больныхъ и т. д.; поэтому ни хитросплетенія языческихъ философовъ, ни суетность идолопоклонства, ни наконецъ суемудріе еретиковъ не могли возбуждать въ истинныхъ членахъ Церкви сомнѣнія въ

истинности и спасительности избраннаго ими пути. По премудрому устроенію Божественной Главы Церкви нужно было путемъ чудесъ доставить христіанству входъ въ очерствѣлыя сердца іудеевъ и язычниковъ, и потому — пока св. Вѣра наша была подобна нѣжному растенію, только что насажденному и неукоренившемуся еще, — Господь обильно орошалъ ее благодатными водами видимыхъ чудесъ. Подобно тому, какъ заботливый садовникъ часто поливаетъ молодое, еще не окрѣпшее деревцо, но потомъ мало по малу прекращаетъ это поливаніе, коль скоро дерево, укрѣпившись, въ немъ болѣе не нуждается, — такъ поступилъ Господь по отношенію къ святой своей Церкви: когда *вѣщаніе апостоловъ во всю землю изыде и въ концы вселенныя глаголы ихъ*, тогда видимыя, чудесныя знаменія присутствія Святаго Духа становились постепенно излишними для дальнѣйшаго насажденія евангельскаго благовѣстія, и потому стали оскудѣвать въ Церкви Господней. Тѣмъ не менѣе и во времена послѣдующія, — въ приснопамятномъ періодѣ вселенскихъ соборовъ, — истинная Церковь, среди возникавшихъ постепенно ересей, все еще очевиднымъ для всякаго образомъ—даже по внѣшнему своему объему, по силѣ и успѣху своей проповѣди,— свидѣтельствовала предъ лицемъ всего свѣта о значеніи своемъ, какъ истинной Церкви Христовой.

Если мы, м. гг., отъ этихъ отдаленныхъ временъ обратимся къ *современному* намъ состоянію христіанскихъ обществъ, то какое отличное отъ тогдашняго зрѣлище представится нашимъ взорамъ! Мы встрѣчаемъ въ христіанскомъ мірѣ многочисленныя, другъ другу враждебныя, религіозныя общества и вѣроученія, изъ которыхъ каждое себѣ собственно приписываетъ названіе истин-

ной Христовой Церкви, сохранившей во всей полнотѣ и чистотѣ истинное ученіе Спасителя и благодатные дары Его животворящаго Духа. — Гдѣ же теперь въ числѣ этихъ столь разнообразныхъ и многочисленныхъ обществъ найти то, которое по праву усвояетъ себѣ наименованіе истинной Церкви? Гдѣ человѣку, нелицемѣрно и искренно ищущему своего спасенія, найти путь, на которомъ Самъ Господь руководитъ чадъ своихъ къ горнему отечеству, и на которомъ животворящій Духъ Господень присутствуетъ - не мнимо—но истинно и дѣйствительно, по обѣтованію Божію, Утѣшителемъ и Наставникомъ на всяку истину? — Вотъ вопросъ, который естественно можетъ возникнуть въ душѣ каждаго, знакомаго сколько нибудь съ многообразіемъ современныхъ намъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и съ тѣмъ, часто весьма заманчивымъ, блескомъ, которымъ многія изъ нихъ окружены.

Но касается ли этотъ вопросъ собственно насъ, христіанъ православныхъ? Пусть на западѣ Европы, при постоянной текучести религіозныхъ идей, при непрерывномъ возникновеніи новыхъ сектъ и исповѣданій и взаимномъ ихъ столкновеніи, раждаются во многихъ душахъ сомнѣнія, которыя вызываютъ на то, чтобы испытующимъ взоромъ сопоставлять и сравнивать догматическія разности и ихъ относительное значеніе;—а у насъ? Ужели православному христіанину можно усомниться въ истинности и чистотѣ той Церкви, въ лонѣ которой содѣвали свое спасеніе его предки въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, — Церкви, заявившей святость свою сонмомъ многочисленныхъ отечественныхъ нашихъ подвижниковъ и великихъ святителей, — Церкви, столь тѣсно связанной съ историческимъ бытомъ нашего оте-

чества. что отдѣленіе ихъ другъ отъ друга представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ?

Да, скажемъ, было дѣйствительно время, когда отчужденность нашего отечества отъ всего западно-христіанскаго міра дѣлала излишнимъ всякое сравнительное испытаніе истинъ Вѣры. когда русскій человѣкъ, довольный своимъ. не зналъ и не желалъ чужаго. Но перемѣнились времена; настало новое время для Россіи. время сближенія ея съ образованнымъ западомъ. Открылось для насъ новое поле, дотолѣ невѣдомое и чуждое намъ, поле современной образованности. блестящей. громкой, заманчивой и благотворной въ умственномъ, промышленномъ и житейскомъ отношеніи; но, увы, вмѣстѣ нерѣдко гибельной и тлетворной по своимъ плодамъ. Мы увидѣли около себя у другихъ народовъ, предупредившихъ насъ по цивилизаціи и умственному развитію, много такого. что̀ составляло и составляетъ достойный образецъ для подражанія. и стараемся по мѣрѣ возможности усвоять себѣ все то, что̀ тамъ является намъ усовершенствованнымъ и выработаннымъ многовѣковыми трудами и усиліями. Что же? Не естественно ли придти къ заключенію. что если. какъ мы видимъ, науки. произведенія искусствъ и промышленности. условія и организація общественной жизни, словомъ сказать, почти все. относящееся къ жизни и быту народовъ. на западѣ является въ формахъ болѣе развитыхъ и усовершенствованныхъ, чѣмъ у насъ,—то ужели Вѣра составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе? Ужели она одна - въ противоположность всему прочему—является у насъ болѣе чистою, святою и совершенною. чѣмъ у опередившихъ насъ въ историческомъ отношеніи народовъ? Вопросъ этотъ легко можетъ раждаться

у многихъ, не знающихъ основательно православія, при взглядѣ на самое состояніе нѣкоторыхъ главныхъ, существующихъ на западѣ, христіанскихъ обществъ.

Посмотрите наприм. на римскую церковь: вамъ представится громада пышнаго, по видимому хорошо организованнаго и оживленнаго во всѣхъ частяхъ своихъ цѣлаго; вы увидите общество, которое какъ будто всею своею исторіею говоритъ вамъ: «я столпъ и утвержденіе истины; меня врата адова не могли одолѣть; твердо и незыблемо устояла я въ теченіи всѣхъ христіанскихъ вѣковъ,—устояла какъ скала въ то время, когда около меня повсюду, на колеблющихся волнахъ всемірныхъ движеній, падали, возникали, и снова рушились религіозныя и политическія зданія»! И даже нынѣ, когда великія событія, совершающіяся на западѣ, по видимому потрясаютъ зданіе римскаго папства въ самыхъ его основахъ, римскій католикъ однако съ самоувѣренностію укажетъ вамъ на исторію, и скажетъ, что церковь западная неоднократно подвергалась такимъ же, если еще не бо́льшимъ, потрясеніямъ,—и тѣмъ не менѣе побѣдоносно выходила изъ борьбы. Мало того: «посмотрите», скажетъ далѣе римская церковь, «посмотрите на успѣхъ моихъ миссій, постепенно ведущихъ меня ко всемірному владычеству; посмотрите на внѣшній блескъ и благолѣпіе мое; взгляните на многочисленность моихъ знаменитыхъ богословскихъ свѣтилъ,— и скажите потомъ сами, не ясно ли все это свидѣтельствуетъ о томъ, что на мнѣ печать Святаго Духа, на мнѣ помазаніе отъ Святаго, въ моемъ собственномъ лонѣ путь, истина и животъ!»

Взглянемъ за тѣмъ на общество протестантовъ, — и опять многочисленны и приманчивы черты, на первый

разъ представляющіяся нашимъ взорамъ. Правда, мы уже не видимъ той округленности, того единства, которыя поражаютъ и привлекаютъ къ себѣ при взглядѣ на папство; но за то—какое движеніе, какая дѣятельность, какіе ясные, по видимому, признаки жизни! «У насъ», скажутъ протестанты, «все кипитъ, все дышетъ и развивается». «Посмотрите», скажутъ они далѣе, «на наши университеты съ ихъ цвѣтущими богословскими факультетами; посмотрите на наши библейскія общества, на наше проповѣдничество, наше миссіонерство, на многостороннее богатство нашей богословской литературы; какъ громко, какъ ясно все это свидѣтельствуетъ о внутренней жизни нашихъ религіозныхъ обществъ; какъ очевидно, что у насъ собственно истина, у насъ сила Христа Спасителя и Духъ Его».

Дѣйствительно, скажемъ съ своей стороны, и у тѣхъ и у другихъ много привлекательнаго; много такого, что̀ объясняетъ намъ, почему люди, сужденія которыхъ основываются на одномъ поверхностномъ преимуществѣ внѣшнихъ, часто случайныхъ, свойствъ и обстоятельствъ, могутъ увлечься и, тайно или явно, оставить православную вѣру своихъ предковъ, чтобы вступить въ общество латинянъ или протестантовъ. Но для того, чтобы отдать извѣстному церковному обществу дѣйствительное предпочтеніе, достаточно ли судить о немъ по внѣшнему блеску его болѣе или менѣе заманчивой наружности? Другими словами: можетъ ли преимущество миссіонерской, литературной или проповѣднической дѣятельности служить признакомъ дѣйствительнаго преимущества извѣстной церкви,—вотъ вопросъ, который тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что обыкновенно люди останавливаются на этихъ именно пред-

метахъ, какъ болѣе ясныхъ и ощутительныхъ для каждаго, и по нимъ готовы — безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій — склониться тайно или явно на сторону того общества, у котораго эта собственно сторона болѣе развита, болѣе благовидна. На рѣшеніи этого вопроса я потому теперь позволю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе.

Господь учредилъ Церковь свою собственно для того, чтобы она, будучи тѣломъ Его, тѣснѣйшимъ образомъ съ Нимъ соединеннымъ, продолжала дѣло Его на землѣ; поэтому въ собственной своей жизни и дѣятельности Онъ даровалъ ей на всѣ грядущіе вѣка образецъ того, какъ она должна вести себя въ извѣстныхъ случаяхъ, на что̀ собственно она должна обращать свое вниманіе, и къ какимъ цѣлямъ она должна стремиться. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить, на сколько внѣшній блескъ и земныя преимущества могутъ служить признакомъ истинно вѣрной своему дѣлу Церкви, нѣтъ лучшаго и болѣе надежнаго средства, какъ обратиться къ самому Господу Іисусу. Что̀ же мы тогда видимъ? Рожденный отъ бѣдной и незнатной Матери, безъ какого либо высокаго, научнаго образованія, Господь въ теченіи всей своей земной жизни оставался чуждымъ всякому внѣшнему блеску и велелѣпію. Правда, Господь творилъ чудеса; были случаи (какъ наприм. послѣ нагорной бесѣды и при вшествіи Его въ Іерусалимъ), когда Его окружала и внѣшняя слава, когда народъ іудейскій хотѣлъ поставить Его царемъ земнымъ, или восклицалъ: осанна, сыну Давидову. Но придавалъ ли самъ Господь какое либо особенное значеніе этой внѣшней славѣ? Нѣтъ, мы знаемъ, напротивъ, что, когда іудеи просили у Него знаменій внѣшнихъ, Онъ отвѣтилъ имъ:

родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, знаменіе же не дастся ему; знаемъ и то, что Господь избѣгалъ внѣшнихъ, суетныхъ почестей, имѣлъ преимущественно общеніе съ мытарями и грѣшниками, и избралъ великихъ учениковъ и апостоловъ своихъ изъ числа людей необразованныхъ, бѣдныхъ и занимавшихся презрѣннымъ ремесломъ. Внѣшняя слава и мірскія преимущества не составляли, слѣдовательно, существеннаго признака истиннаго Посредника Бога и человѣковъ; на какомъ же основаніи станемъ по нимъ судить объ относительномъ превосходствѣ той или другой изъ церквей, которыя называютъ себя невѣстами Христовыми, продолжающими дѣло Его на землѣ? Неосновательность подобныхъ сужденій особенно ясно обнаружится, если обратимъ вниманіе на то, какъ самъ Господь судилъ о значеніи общества своихъ послѣдователей. *Царство мое нѣсть отъ міра сего*, говоритъ Господь, давая тѣмъ разумѣть, что оно должно быть выше мірскихъ выгодъ и почестей. *Блажени есте, егда поносятъ вы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради; радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* И дѣйствительно, безславна была доля первыхъ великихъ провозвѣстниковъ Евангелія, когда они, жертвуя всѣмъ для прославленія имени Распятаго, терпѣли гоненія и поношенія отъ іудеевъ и язычниковъ, когда имя ихъ проносили *яко зло*, и среди непрерывныхъ клеветъ и поруганій, подвергали ихъ жестокимъ истязаніямъ и позорной смерти ради Того, *о Немъже живемъ, движемся и есмы!* Не было въ Церкви Христовой, среди тяжкихъ гоненій, ни великихъ ораторовъ, ни образованныхъ по стихіямъ міра сего ученыхъ, — и тѣмъ не менѣе Церковь (по сознанію *всѣхъ* нынѣшнихъ христіанскихъ обществъ) была истин-

нымъ тѣломъ Христовымъ, чуждымъ, правда, міру и блеску его, но оживленнымъ внутренно и дѣйственно могущественнымъ дыханіемъ Божественнаго Духа; она была осѣнена живительною благодатію Христовою, и ни преданія человѣческія, ни стихіи міра сего, ни философія не имѣли для нея значенія. Наступили потомъ, по устроенію невидимой Главы Церкви, времена болѣе благопріятныя для внѣшней славы невѣсты Христовой, времена Златоустовъ, Аѳанасіевъ и Василіевъ Великихъ; Церковь Божія восторжествовала въ римской имперіи надъ тьмою языческихъ суевѣрій, стала усвоять себѣ и благолѣпіе внѣшнихъ обрядовъ, стала раскрывать святыя истины богопреданной Вѣры въ формахъ научныхъ и по правиламъ ораторскаго искусства. Но значитъ ли это, что она — вслѣдствіе подобной, болѣе благопріятной внѣшней обстановки — сдѣлалась болѣе прежняго чистою и святою? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, не скажетъ этого никто, ни изъ единовѣрцевъ нашихъ, ни изъ иновѣрцевъ. Церковь Христова, *столпъ и утвержденіе истины*, была тою же — по внутренней силѣ и достоинству — и въ то время, когда она среди жестокихъ гоненій лишена была и учено-образованныхъ пастырей и великихъ ораторовъ и внѣшней славы въ глазахъ суетно превозносившихся своею мудростію язычниковъ, и въ то время, когда она, возсѣдая на императорскомъ престолѣ въ лицѣ Константина Великаго и его преемниковъ, усвоила себѣ всѣ внѣшнія выгоды господства, блеска и науки. Образованный и краснорѣчивый Павелъ ничѣмъ существенно не превосходствовалъ въ ликѣ апостоловъ предъ простымъ и необразованнымъ рыбаремъ Петромъ; почему же? Потому, что по обѣтованію Господню имъ одинаково низпосланъ былъ Духъ Святый, который на-

ставлялъ ихъ *на всяку истину* такъ, что устами ихъ говорилъ Самъ Духъ истины. Очевидно, что такимъ образомъ собственныя ихъ болѣе или менѣе недостаточно развитыя способности и личное ихъ образованіе не могло имѣть никакого вліянія на истинность и святость ихъ ученія и основанныхъ ими церквей; Духъ Святый совершалъ дѣло Христово чрезъ нихъ такъ, что личныя качества ихъ не могли ни совершенствомъ своимъ увеличить, ни недостатками своими умалять силу и дѣйственность благодати въ Церкви.

Но Божественный руководитель, Духъ Святый, по тому же непреложному обѣтованію Господню, не оставилъ Церкви и послѣ смерти первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія: *да будетъ съ вами въ вѣкъ*, сказалъ о Немъ Господь своимъ ученикамъ, да останется, т. е. Духъ Святый въ обществѣ чадъ Божіихъ до кончины вѣка тѣмъ же живоноснымъ и дѣятельнымъ руководителемъ къ горнему отечеству, какимъ Онъ явится къ вамъ скоро послѣ моего отшествія отъ васъ, —да останется тѣмъ же, не смотря на всѣ внѣшніе перевороты и болѣе или менѣе благопріятныя обстоятельства, такъ, чтобы Церковь мою и *врата адова не* могли *одолѣть.* Что же? Ужели послѣ этого скажемъ, что достоинство или святость Церкви зависитъ отъ степени внѣшнихъ преимуществъ, которыми она окружена? Ужели скажемъ, что превосходство литературной, проповѣднической или ученой дѣятельности можетъ быть принято во вниманіе при сужденіи о внутреннемъ превосходствѣ того или другаго христіанскаго общества? Ужели наконецъ въ частности мы, м. гг., сопоставляя и сравнивая между собою нынѣ существующія христіанскія церкви, должны обратиться къ этимъ внѣшнимъ преимуществамъ и по нимъ

произносить свое сужденіе? Нѣтъ, Духъ Святый, *идѣже хощетъ, дышетъ, и сила Божія въ немощехъ совершается*, а потому человѣческія власти и науки здѣсь не могутъ быть приняты во вниманіе.

Итакъ, пусть латиняне и протестанты превозносятся своими богословскими системами, своимъ проповѣдничествомъ и количествомъ своихъ знаменитыхъ ученыхъ! Намъ же нужно для сужденія о томъ, гдѣ истинная Церковь, найти другіе признаки, болѣе соотвѣтствующіе сущности и значенію Церкви.

Но гдѣ же эти признаки? На чемъ остановиться, если внѣшнія преимущества сами по себѣ не могутъ имѣть никакого вѣса?—Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: если истинной Церкви Господь даровалъ обѣтованіе, что Духъ Святый будетъ съ нею въ вѣкъ, что Онъ будетъ всегдашнимъ живительнымъ ея началомъ, имѣющимъ во всѣ времена предохранять ее отъ заблужденій,—то стало быть и нынѣ мы должны признать истинною Церковью ту, которая еще хранитъ въ себѣ безцѣнный даръ божественной благодати, не погасила въ себѣ Духа истины и не отогнала отъ себя Его живоноснаго руководства. Эта истина сама по себѣ такъ ясна, что съ нею не можетъ не согласиться каждый христіанинъ, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ; но по видимому мы этимъ не приблизились къ рѣшенію своего вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, когда присутствіе Святаго Духа уже рѣдко обнаруживается видимымъ, внѣшне-осязательнымъ образомъ, — какъ было въ Церкви первенствующей,— по чемъ намъ съ достовѣрностію узнать, въ какомъ собственно изъ нынѣшнихъ обществъ христіанскихъ обитаетъ благодатная сила Всесвятаго Духа? Сказать ли съ

православными, что она у насъ,—сказать ли съ папистами и со строгими лютеранами, что она въ церкви латинской или въ обществѣ лютеранъ,—согласиться ли наконецъ съ большинствомъ протестантовъ въ томъ, что Духъ Святый дѣйствуетъ своею благодатію во всѣхъ христіанскихъ обществахъ, созидая повсюду изъ истинныхъ поклонниковъ Божіихъ духовное, невидимое стадо Христово?

Для рѣшенія этого вопроса обратимся не къ хитросплетеніямъ философствующаго по стихіямъ міра сего разума и не къ обыкновенному человѣческому смыслу. Нѣтъ, мы обратимся къ самому слову Божію,—истинному и сильнѣйшему орудію для разрѣшенія всѣхъ недоумѣній въ дѣлѣ Вѣры и спасенія,—и посмотримъ, не можемъ ли мы при свѣтѣ самаго откровенія Божія извлечь что нибудь для себя въ настоящемъ случаѣ.

Не угашайте Духа Святаго Божія; храни даръ Божій, живущій въ тебѣ.... Этими и подобными изреченіями св. апостолы прежде всего удостовѣряютъ насъ въ томъ, что благодать Святаго Духа нигдѣ не дѣйствуетъ непреодолимо, и что такимъ образомъ, какъ мы уже замѣтили, отъ нашего собственнаго содѣйствія и соучастія зависитъ сохранить Его спасительное руководство. Духъ Святый, дарованный на всегда истинной Церкви, отступается слѣдовательно отъ тѣхъ частей Церкви, которыя сами не соблюдаютъ *условій*, необходимыхъ для сохраненія въ себѣ божественнаго дара благодати. Далѣе, обращаясь къ вопросу о томъ, какими именно слѣдствіями, какими наиболѣе ясными и ощутительными плодами обнаруживается присутствіе Святаго Духа, мы видимъ, что Спаситель собственными своими изреченіями не оставляетъ въ этомъ отношеніи мѣста никакимъ

недоумѣніямъ: *Я умолю Отца,* говоритъ Онъ, *и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами въ вѣкъ, Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его; а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ.* И этотъ *Утѣшитель,* продолжаетъ далѣе Господь свою бесѣду, *научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ* (Іоан. 14, 16. 17. 26). Итакъ Духъ Божій есть *Духъ истины,* и ближайшею цѣлію Его пребыванія въ обществѣ вѣрующихъ есть *неизмѣнное сохраненіе истиннаго, преданнаго Спасителемъ ученія!* Не очевидно ли, что ближайшимъ внѣшнимъ выраженіемъ и плодомъ сохраненія Святаго Духа въ извѣстномъ обществѣ должно быть неизмѣнное сохраненіе божественной истины въ ея первоначальной, ничѣмъ не омраченной чистотѣ? Такимъ образомъ, подобно тому, какъ мы о разныхъ частныхъ лицахъ можемъ сказать, имѣютъ ли они въ себѣ Духа Божія или нѣтъ, смотря потому, исполняютъ ли они тѣ *условія,* которыя необходимы для сохраненія въ себѣ дара благодати, и обнаруживаютъ ли они тѣ *плоды,* которые не могутъ не проистекать при дѣйствительномъ присутствіи въ насъ Святаго Духа,—такъ точно, по тѣмъ же признакамъ, можемъ судить безошибочно о томъ, какое изъ именующихъ себя христіанскими обществъ дѣйствительно составляетъ собою истинное царствіе Божіе на землѣ. Но если, какъ мы видѣли, сохраненіе чистаго, истиннаго ученія Христова есть собственно *плодъ* пребыванія Духа Божія въ извѣстной Церкви, то остается еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, соблюденіе какого именно условія необходимо со стороны того или другаго христіанскаго общества для сохраненія въ себѣ непогрѣшимаго руководства Духа Бо-

жія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правой, богопреданной Вѣры. Прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ многознаменательныя слова Спасителя, обращенныя къ ученикамъ во время послѣдней бесѣды Его съ ними предъ крестными страданіями. *Заповѣдь новую даю вамъ*, сказалъ Господь въ эти важныя и торжественныя минуты, *да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (¹). Да, тѣснѣйшая, всѣхъ объединяющая любовь, какъ отраженіе той безконечной божественной любви, которая составляетъ самое, такъ сказать, существо Божіе, которая послужила источникомъ домостроительства нашего спасенія, и нынѣ еще неразрывными и непостижимыми узами соединяетъ Христа Спасителя съ Его таинственнымъ тѣломъ, Церковью, — вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакъ истинныхъ учениковъ Христовыхъ, вотъ *условіе* для сохраненія въ извѣстномъ обществѣ вѣрующихъ живительнаго руководства Святаго Духа! Итакъ, если извѣстное общество *присно противится Духу Святому*, т. е. вмѣсто того, чтобы хранить и возгрѣвать въ себѣ главное свойство учениковъ Христовыхъ, любовь, увлеклось гордостію, корнемъ всякаго зла, и такимъ образомъ *въ судъ впаде діаволь*, — то оно этимъ погашаетъ въ себѣ свое живительное духовное начало, и скоро само начинаетъ обнаруживать плачевныя слѣдствія подобной перемѣны,—въ искаженіи чистаго, богопреданнаго ученія Вѣры. Церкви своей Господь даровалъ свою силу для того, чтобы она совершала и продолжала дѣло Его

(¹) Срав. ниже: *Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви моей.... Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.*

на землѣ; поэтому она также, какъ и самъ Господь, должна быть проникнута всецѣлою любовію, должна вслѣдствіе этого переносить безропотно тѣ же страданія и лишенія, должна устоять въ тѣхъ же искушеніяхъ, какимъ подвергся Господь, должна употреблять дарованную ей благодатную силу Господню для того, чтобы служить, быть всѣмъ слугою, а не повелѣвать, и, сохраняя свойственную ей духовную власть въ лицѣ пастырей своихъ, не владычествовать въ духѣ гордаго міра; — только подъ этимъ условіемъ извѣстное церковное общество можетъ пребывать во внутреннемъ общеніи съ Главою Церкви и съ животворящимъ Его Дӯхомъ.

Посмотримъ теперь на римскую церковь, и предложимъ себѣ вопросъ: исполнила ли она этотъ долгъ свой, устояла ли она противъ искушенія впасть въ гордость и самомнѣніе? Нѣтъ, скажемъ въ отвѣтъ прямо и рѣшительно; вся исторія римской церкви, равно какъ весь нынѣшній ея бытъ, громко и ясно свидѣтельствуетъ для всякаго свободнаго отъ предубѣжденій человѣка, что она *не* устояла. Она употребляла ввѣренные ей дары благодати не на безкорыстное служеніе, а на то, чтобы оградить себя отъ временныхъ нуждъ, чтобы пріобрѣсти внѣшнія выгоды и тлѣнную славу. Посмотрите на римскихъ первосвященниковъ, на ихъ внѣшній блескъ, роскошь и гражданскую силу; можно ли въ нихъ узнать Того, чей образъ, во всей его простотѣ и во всемъ величіи, должны носить на себѣ всѣ, совершающіе дѣло Его на землѣ?

«Но», скажутъ намъ, «эти недостатки могутъ служить къ обвиненію римскихъ первосвященниковъ, а не самой церкви латинской». «Положимъ», скажутъ, «на римскомъ престолѣ возсѣдали нерѣдко люди недостой-

ные своего высокаго призванія; однако можетъ ли это служить укоромъ самой церкви, которая тѣмъ не менѣе можетъ быть также истинна и свята, какъ она была по началу»? Да, скажемъ въ отвѣтъ, было дѣйствительно время, когда развивавшаяся уже въ римскихъ первосвященникахъ гордость, противная любви и смиренію христіанскому, отчуждала ихъ самихъ отъ животворящаго Духа истины ([1]), не отчуждая еще церкви западной: но наступило за тѣмъ и другое время, когда обуявшая западныхъ епископовъ гордость овладѣла всею подчиненною имъ церковью, такъ что она стала усвоять одной себѣ права. принадлежащія всей Христовой Церкви, когда она по отношенію къ восточнымъ своимъ братіямъ совершила какъ бы нравственное братоубійство, и вмѣстѣ съ тѣмъ—своевольнымъ измѣненіемъ неизмѣннаго и вселенскаго образца Вѣры -- положила начало дальнѣйшимъ своимъ уклоненіямъ отъ истины.

Римская церковь была поставлена какъ бы на высокую гору съ видомъ на весь западный христіанскій міръ; но—она отпала отъ божественнаго плана. и является нынѣ предъ нашими взорами подъ видомъ царства земнаго съ внѣшнимъ блескомъ, съ мірскими правами и преимуществами. а вмѣстѣ съ тѣмъ — съ про-

---

([1]) Такъ напр. папа Гонорій, еще задолго до отпаденія западной церкви отъ вселенскаго единства, впалъ въ ересь монофелитовъ; сама древняя западная церковь не усомнилась осудить его, какъ еретика; такимъ образомъ сама западная церковь осудила въ лицѣ Гонорія непогрѣшимость папскую, какъ ученіе ложное. 6-й вселенскій соборъ прямо приписываетъ посланіямъ Гонорія еретическій смыслъ и анафематствуетъ самаго Гонорія. «Мы опредѣлили», говорятъ отцы собора, «чтобы Гонорій, который былъ папою древняго Рима, былъ преданъ анафемѣ и отлученъ отъ святой, каѳолической Церкви Божіей»... и т. д. (Смотр. подробнѣе объ этомъ предметѣ. Дух. Бес. за 1859 г. статью: «Ультрамонтанизмъ, осуждаемый самими папами»).

тивными Богу средствами для достиженія своихъ цѣлей. Исказивъ истинный духъ и характеръ Церкви, замѣнивъ живительное руководство Святаго Духа человѣческимъ авторитетомъ папы, какъ «непогрѣшимой» якобы главы Церкви, римская церковь не могла уже болѣе сохранять ввѣренное ей божественное ученіе отъ искаженій и наростовъ человѣческихъ; обуяла ее похоть гордости житейской и побуждала ее къ тому, чтобы святотатственною рукою посягать на то ученіе, отъ котораго *ни едина іота не* можетъ *погибнуть* въ истинной Церкви, *дондеже вся будутъ*. И вотъ является постепенно ученіе объ исхожденіи Святаго Духа не только отъ Бога Отца, но и отъ Бога Сына, ученіе объ опрѣснокахъ, вмѣсто квасннаго хлѣба при совершеніи таинства Евхаристіи, пріобщеніе мірянъ подъ однимъ видомъ хлѣба, ученіе о безбрачіи духовенства, объ индульгенціяхъ и чистилищѣ, многочисленныя болѣе мелкія отступленія отъ истинно древняго ученія, частію догматическія, частію обрядовыя, и наконецъ въ новѣйшее время, какъ вѣнецъ всего выработаннаго папскою «непогрѣшимостію», ученіе о непорочномъ зачатіи Божіей Матери.

Ужели же мы, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, можемъ отдать предпочтеніе истинности обществу, которое само столь очевиднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о своемъ растлѣніи? Не долженъ ли напротивъ всякій, не обольщенный блескомъ внѣшнихъ преимуществъ, но желающій въ столь важномъ дѣлѣ основать свои убѣжденія на тщательномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи, дойти до отверженія римскаго ученія, искусно, правда, прикрывающаго свои недостатки, но тѣмъ не менѣе искаженнаго почти во всемъ своемъ составѣ?

И вотъ мы дѣйствительно и видимъ, что еще во вре-

мена ослѣплявшаго толпу блеска внѣшней славы и могущества римской церкви стали являться люди, которые во имя божественной истины вооружались словомъ и дѣломъ противъ незаконно наложенныхъ на западъ оковъ римскаго первосвященника; во имя Евангелія возвышали голосъ свой противъ Рима вальденсы, альбигенсы, виклефиты, гусситы и другія возникавшія постепенно въ нѣдрахъ западнаго общества секты. Всѣ онѣ свидѣтельствовали о внутреннемъ растлѣніи римскаго христіанства.

Наконецъ въ XVI-мъ вѣкѣ совершилась давно подготовлявшаяся на западѣ реформація: явилась новая, обширная, донынѣ существующая отрасль христіанскихъ вѣроисповѣданій, извѣстныхъ подъ именемъ *протестантскихъ*. Наученные горькимъ опытомъ временъ минувшихъ, протестанты вознамѣрились съ большею отчетливостію и съ безпристрастіемъ освободить христіанство отъ всѣхъ наростовъ человѣческихъ, омрачавшихъ истину подъ фирмою мнимой непогрѣшимости папъ. Они поставили себѣ цѣлію возстановить апостольское ученіе въ его первобытной, ничѣмъ не омраченной, чистотѣ, и на мѣстѣ средневѣковыхъ сводовъ схоластическихъ системъ воздвигнуть зданіе новое и истинно святое.

Если бы протестанты остались вѣрными этой цѣли и для осущественія ея избрали законныя и дѣйствительныя средства, то безъ сомнѣнія и зданіе, воздвигнутое ими, было бы зданіемъ Христовымъ и истинно богоугоднымъ сосудомъ животворящаго Духа. Но къ несчастію — такова мысль человѣческая и историческій ходъ ея измѣненій: одна крайность вызываетъ другую, одно злоупотребленіе — другое противоположное. Забывая

слова Писанія: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи*, реформаторы XVI-го вѣка не позаботились о томъ, чтобы на мѣсто отверженнаго ими римскаго христіанства найти - на началахъ завѣщанной Спасителемъ объединяющей любви - единый источникъ живота и истины, Вселенскую Церковь, и съ нею соединиться для утоленія жаждавшихъ на западѣ *воды жизни*. Вмѣсто этого они рѣшились путемъ собственныхъ изслѣдованій возсоздать христіанство; они возмечтали безъ внѣшняго посредства освященнаго самимъ Господомъ церковнаго авторитета и безъ руководства богопризванныхъ пастырей усвоить себѣ божественную истину и дары благодати при посредствѣ одного свящ. Писанія, и съ суетною надеждою на *непосредственное* озареніе и освященіе свыше каждаго частнаго лица. Слѣдствіемъ этого было неизбѣжно то, что протестантство не только не возстановило христіанства въ его чистотѣ, но напротивъ вдалось въ новыя, еще бо́льшія заблужденія. Духъ гордости и самомнѣнія, обуявшій римскую церковь и бывшій виною ея паденія, воцарился съ самаго начала и на почвѣ протестантизма, и утвердилъ тамъ — еще при жизни Лютера и Кальвина—направленіе, противное христіанскому смиренію и положившее собою основу развившемуся у протестантовъ въ послѣдствіи раціонализму и безбожію.

Каждый, кто съ безпристрастнымъ вниманіемъ остановится на нынѣшнемъ состояніи протестантскихъ вѣроученій, не можетъ не видѣть, что, при всемъ кажущемся блескѣ богословской и проповѣднической дѣятельности, протестантамъ недостаетъ того, безъ чего никакое общество не можетъ быть признано истинно-законнымъ преемникомъ апостольскихъ церквей. Вмѣсто един-

ства, основаннаго на смиренномъ подчиненіи ума въ послушаніе Вѣры и на нераздѣльномъ отъ истиннаго христіанства духѣ братскаго единенія и любви, — мы видимъ въ протестантствѣ безконечное разнообразіе и разногласіе религіозныхъ убѣжденій, утвердившееся на началахъ ничѣмъ не обуздываемой свободы человѣческой мысли. Вмѣсто апостольскаго преемства пастырей церкви и неприкосновенности богодарованныхъ имъ правъ, мы у протестантовъ встрѣчаемъ опять новый плодъ той же гордости, того же гибельнаго для христіанства самомнѣнія—въ ученіи *о всеобщемъ священствѣ*, подрывающемъ собою всѣ основы богоучрежденнаго церковнаго порядка, точно также какъ ученіе протестантское о *свободѣ совѣсти и мысли* колеблетъ всѣ опоры и все содержаніе богодарованной истины.

Возможно-ли теперь человѣку, искренно ищущему своего спасенія, найти для души своей надлежащее успокоеніе въ нѣдрахъ такого общества, въ которомъ каждое частное лице предоставлено водительству своихъ собственныхъ, болѣе или менѣе шаткихъ и ошибочныхъ убѣжденій, и кругомъ себя — вмѣсто незыблемо прочнаго. всегда и повсюду одинакаго божественнаго авторитета — въ дѣлахъ вѣры встрѣчаетъ безконечно разнообразныя и взаимно притиворѣчивыя мнѣнія своихъ богослововъ и религіозныхъ партій? Нѣтъ, благочестивая и не омраченная предубѣжденіями душа христіанина равно лишена истиннаго, религіознаго успокоенія и подъ гнетомъ незаконнаго папскаго деспотизма, и подъ кровомъ протестантской, мнимо евангельской свободы! И дѣйствительно, обращаясь къ опыту нашихъ дней и останавливаясь вниманіемъ на нынѣшнемъ состояніи западно-христіанскихъ обществъ, мы увидимъ полное под-

твержденіе истинности словъ нашихъ. Римская церковь по видимому еще процвѣтаетъ; посредствомъ чуждыхъ духу церкви конкордатовъ или договоровъ съ гражданскими властями ([1]) она пріобрѣтаетъ себѣ новыя, небывалыя прежде права; но какъ мало религіозное состояніе чадъ ея соотвѣтствуетъ собою этой блестящей и для многихъ заманчивой наружности! Грубое суевѣріе и самое крайнее невѣжество, нерѣдко нарочито поддерживаемое самимъ духовенствомъ, идетъ повсюду у папистовъ рука объ руку съ самымъ рѣшительнымъ и холодящимъ душу невѣріемъ и безбожіемъ, и даже тамъ, гдѣ усиліями болѣе благонамѣренныхъ римскихъ священниковъ и миссіонеровъ въ народѣ поддерживается вѣра и благочестіе—эта вѣра и это благочестіе принимаютъ видъ безотчетной привязанности къ внѣшней обрядности, или поддерживаетъ и развиваетъ стремленія, чуждыя духу Рима и его первосвященника (каковы на пр. стремленія галликанскія и неокатолическія ([2]).

([1]) Такіе конкордаты заключены въ теченіи послѣдняго десятилѣтія между римскимъ дворомъ и разными католическими державами Запада. Въ нихъ предоставляется римской церкви право значительнаго вмѣшательства во внутреннія административныя и гражданскія дѣла правительствъ. Конкордаты эти служатъ яснымъ выраженіемъ того, какъ мало еще римская курія расположена отказаться отъ средневѣковыхъ ультрамонтанскихъ притязаній своихъ на вмѣшательство въ гражданскія дѣла.

([2]) Было бы неудобно здѣсь подробнѣе раскрывать и подтверждать фактами представленный мною весьма сжатый очеркъ современнаго состоянія римско-католической церкви. Считаю однако долгомъ своимъ присовокупить, что сдѣланное мною изображеніе состоянія римской церкви во *всѣхъ* частяхъ своихъ можетъ быть подтверждено несомнѣнно вѣрными корреспонденціями, свидѣтельствами и описаніями разныхъ иностранныхъ богословскихъ журналовъ. (Смотр. наприм. Allgemeine Kirchliche Zeitschrift v. Schenkel за прошедшій годъ, въ 8-й кн. «Kirchliche Mittheilungen aus Frankreich» и мн. др).

И чтò послѣ этого сказать о протестантахъ? Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ современною намъ протестантско-богословскою литературою, можетъ по отзывамъ самихъ протестантовъ судить о томъ, до какого владычества въ душахъ протестантскихъ христіанъ достигъ особенно нѣсколько времени тому назадъ съ одной стороны холодный и равнодушный ко всему священному индифферентизмъ съ его неизбѣжными плодами, раціонализмомъ и безбожіемъ (1), съ другой—у простаго народа фанатизмъ, увлекающій его какъ беззащитный, колеблемый вѣтромъ, тростникъ во слѣдъ разнообразныхъ, часто нелѣпыхъ и гибельныхъ заблужденій (2).

---

(1) Смотр. напр. въ подтвержденіе этой мысли—Христ. Чт. за 1861 г. кн. 1-я статью: «Нѣсколько словъ о современномъ религіозномъ состояніи протестантской Германіи на основаніи свидѣтельствъ объ этомъ самихъ протестантовъ».

(2) Во время моихъ путешествій по западной Европѣ (въ 1858-мъ и 1860-мъ г.) я многократно имѣлъ случай лично убѣждаться въ томъ, какимъ невѣроятнымъ успѣхомъ нынѣ увѣнчиваются миссіонерскія усилія разныхъ, возникшихъ въ новѣйшее время, сектъ, особенно шведенборгіанъ, мормоновъ и баптистовъ. Несмотря на рѣшительную нелѣпость ученія, распространяемаго подобными сектами (особенно мормонами), онѣ успѣваютъ однако толпами привлекать къ себѣ протестантовъ, особенно изъ низшихъ классовъ общества. Какъ ни страннымъ можетъ показаться съ перваго раза это явленіе, оно однако—по собственному сознанію многихъ образованныхъ протестантовъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ предметѣ,—составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе отсутствія у протестантовъ богоучрежденнаго церковнаго авторитета. Предоставленный самому себѣ, безъ довѣрія къ своимъ пасторамъ, необлеченнымъ никакимъ *священнымъ* саномъ и притомъ вѣчно другъ другу противорѣчащимъ въ ученіи, бѣдный протестантскій народъ напрасно ищетъ около себя пищи, удовлетворительной для его религіознаго чувства; онъ стоитъ одиноко съ Библіею въ рукахъ, но безъ надлежащаго руководительства, безъ умѣнья пользоваться надлежащимъ образомъ этою святою книгою,—онъ остается жертвою разныхъ мучительныхъ недоумѣній, и наконецъ лег-

Когда теперь отъ этой грустной картины обратимъ взоры свои на свою собственную церковь, то какимъ сладостнымъ чувствомъ благодаренія Всевышнему невольно наполняется сердце наше при мысли о томъ, что истинная, ничѣмъ не омраченная Вѣра и руководимая Духомъ Божіимъ апостольская Церковь,—это ничѣмъ не оцѣнимое благо, котораго мы напрасно стали бы искать на образованномъ западѣ, сохранилось во всей своей цѣлости и неповрежденности на востокѣ, колыбели христіанства, и служить наилучшимъ залогомъ благоволенія къ намъ небеснаго Отца и высокаго, предначертаннаго нашему отечеству, назначенія. Пусть каждый съ строгимъ безпристрастіемъ испытуетъ Церковь нашу по ея ученію, характеру и постановленіямъ,—и онъ легко убѣдится въ ея истинности и апостольскомъ достоинствѣ.

Ив. Осининъ.

ко становится добычею перваго мормона, являющагося къ нему съ проповѣдью о наступленіи послѣднихъ дней и о начавшемся въ Америкѣ тысящелѣтнемъ царствѣ Христовомъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИМВОЛОВЪ,

БЫВШИХЪ ВЪ ЦЕРКВИ ДО НИКЕЙСКАГО СОБОРА.

Православная Церковь на ефесскомъ вселенскомъ соборѣ (въ 431 г.) опредѣлила принимать всегда и вездѣ символъ никеоцареградскій, какъ неизмѣнное правило Вѣры. Но какъ *единъ Господь Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8), такъ и *вѣра* Христова всегда *едина* (Евр. 4, 5). Церковь какъ научилась ей отъ своего Божественнаго Основателя и св. апостоловъ Его, такъ и должна содержать ее свято и неизмѣнно до кончины міра. Поэтому и никейскій символъ заключаетъ въ себѣ не новое какое нибудь ученіе, но то самое, которое церковь исповѣдывала отъ начала, ибо «одно это ученіе» говоритъ древній учитель церкви, «несомнѣнно истинно (¹)». Но гдѣ естественнѣе можетъ обнаруживаться постоянное единство Вѣры, которую содержитъ православная Церковь, какъ не въ единствѣ ея исповѣданій? Потому, чтó можетъ служить лучшимъ доказательствомъ истинности никеоцареградскаго символа, какъ не существенное сходство его съ древними символами, бывшими въ Церкви прежде него? Въ нихъ мы можемъ видѣть свидѣтельства, что отцы никейскаго собора заповѣдали намъ не новую вѣру, какъ говорятъ враги

(¹) Tertul. de praescr. haer.

Православія, но ту, которую сами получили отъ предковъ, которую исповѣдывали мученики и свидѣтельствовали исповѣдники. Но чтобы свидѣтельству древнихъ символовъ дать полную силу убѣжденія и доказательности, необходимо показать, что они подлинно передаютъ намъ голосъ Церкви апостольской, возвѣщаютъ ту Вѣру, которую открылъ Іисусъ Христосъ и проповѣдывали апостолы, и что дѣйствительно могутъ служить правиломъ Вѣры, по которому должно судить о православіи того или другаго ученія, правовѣріи того или другаго лица. Посему мы покажемъ сначала происхожденіе символовъ и значеніе ихъ въ Церкви, а затѣмъ представимъ дошедшіе до насъ древніе символы и покажемъ согласіе ихъ съ никейскимъ.

«Символъ вѣры есть въ краткихъ, но точныхъ словахъ изложеніе всего того, во что должны вѣровать христіане» ([1]). Въ этомъ смыслѣ слово *символъ* мы въ первый разъ встрѣчаемъ у св. Кипріана ([2]). Въ древности самымъ употребительнымъ названіемъ символа было: *проповѣдь апостольская*, τὸ ἀποστολικὸν κήρυγμα—преданіе апостольское, ἡ παράδοσις ἀποστολική ([3]). Оно встрѣ-

---

([1]) Простр. Хр. Катихиз.

([2]) Epist. ad. Magnes.

([3]) Другія наименованія символа, встрѣчающіяся у церковныхъ писателей, слѣдующія: *правило*—κανών, regula, formula, или *правило вѣры* κανὼν τῆς πίστεως—regula, formula fidei (Irin. de haer. lib. 1. c. 2. 19. Tertul. de praescr haer. c. XIII. de vel. virg. c. 1. contr. Prax. c. VIII. Novatian de S. Trin. c. 1. Hier. epist. l. IV. ad. Marcel. Patres. conc. Ant. 1. Evseb. H. Eccl. lib. VII. c. 30). Вѣра церковная, преданіе вѣры (traditio fibei) Huet. Hist. Conc. T. 1. p. 132). Св. ученіе, τὸ ἅγιον μάθημα—св. Писаніе (γραφή, ἡ ἅγια γραφή) (Bing. Orig. Eccl. lib. 10. c. 3. § 4.

чается у самыхъ древнихъ учителей, какъ то: у св. Игнатія Богоносца, св. Иринея (1), Тертулліана (2), Оригена (3), Кирилла Александрійскаго (4). Наименованіе сіе даетъ поводъ думать, что символъ происхожденіемъ своимъ обязанъ самимъ апостоламъ. Это предположеніе подтверждается 1) обстоятельствами первобытной Церкви, 2) нѣкоторыми мѣстами Писанія и 3) наконецъ постояннымъ согласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ церковныхъ писателей.

1. Разсматривая обстоятельства, въ какихъ была поставлена первобытная Церковь Христова, нельзя не замѣтить, что символъ, какъ краткое, но точное и ясное, выраженіе и опредѣленіе всей сущности Вѣры Христовой, былъ необходимъ въ высшей степени *a*) какъ для всей Церкви вообще, *b*) такъ въ особенности для ея пастырей.

a) Всякой, кто принималъ Вѣру Христову и дѣлался членомъ православной Церкви, необходимо долженъ былъ знать, въ чемъ состоитъ эта Вѣра; но какъ Церковь могла научить всѣхъ истинной Вѣрѣ? Сообщать всѣмъ и каждому точное и подробное раскрытіе всѣхъ своихъ догматовъ, при быстромъ распространеніи христіанства, очевидно не было возможности, тѣмъ болѣе, что изъ обращавшихся къ христіанству «не всѣ», какъ пишетъ Кириллъ Іерусалимскій, «были способны къ подробному изученію догматовъ Вѣры, — однихъ останавливало не-

p. 67). Св. Кипріанъ называетъ символъ таинствомъ вѣры (Tert. ad Quirin. lib. III. c. 50); св. Иларій «голосомъ своей совѣсти» (lib. XII. de Trin).

(1) Jren. adv. haer. lib. 1. c. 10. etc.

(2) De praescr. haer. c. 2.

(3) De princ. in proëm.

(4) De rect. f. ad. Reg.

вѣжество, другимъ занятія и заботы препятствовали пріобрѣтать познанія, необходимыя для этого» ([1]). Между тѣмъ всѣ имѣли нужду въ краткомъ и точномъ изложеніи Вѣры, которое въ немногихъ словахъ предавало бы всю сущность ея, и въ которомъ каждый здравомыслящій могъ усвоить себѣ всю Вѣру и безъ многотруднаго и разнообразнаго образованія. Церковь, заботящаяся о всемъ необходимомъ для своихъ сыновъ, изъ опасенія, чтобы кто изъ нихъ, по незнанію Вѣры, не погубилъ своей души, должна была всю сущность Вѣры изобразить кратко и точно въ символѣ. Подобныя опасенія были весьма естественны: въ то время съ одной стороны мудрованія лжеименнаго разума, возносящагося на разумъ Божій, *проповѣдывали ино Евангеліе* (Гал. 1, 7. 8), извращая истинную Вѣру, съ другой было въ силѣ іудейство съ его *преданіями старцевъ*, и язычество съ своимъ поэтическимъ многобожіемъ. Новыя понятія христіанства соприкасались съ обветшалыми мнѣніями іудейства и язычества и утонченными умствованіями философіи. Умы, еще не твердые въ христіанствѣ, легко могли увлечься чуждыми представленіями и подчинить христіанскія вѣрованія преданіямъ раввиновъ и философіи; умы, зараженные іудейскимъ суевѣріемъ, или проникнутые понятіями современной философіи, и въ нѣдра откровенія могли приносить свои заблужденія. Открытъ былъ обширный входъ заблужденіямъ, ересямъ и расколамъ; чтобы заградить его, — нужно было начертать для вѣрующихъ точное и неизмѣнное *правило Вѣры* (κανὼν πίστεως), которымъ они могли бы повѣрять предлагаемыя имъ мнѣнія другихъ

([1]) Огласит. поуч. 5-е.

которому должны были подчинять свои собственныя вѣрованія и мысли. Эта-то необходимость символа Вѣры даетъ полное право предполагать, что св. Церковь не оставила вѣрующихъ безъ опредѣленнаго руководства, но дала имъ точное и вѣрное правило и образецъ Вѣры.

b) Еще необходимѣе былъ подобный образецъ и руководство для пастырей и предстоятелей Церкви, которые не только должны были сами вѣровать *право*, но обязаны еще разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія въ Вѣрѣ своихъ духовныхъ чадъ, наставлять ихъ въ истинахъ ея и наблюдать за чистотою ея. Въ началѣ христіанства св. Писаніе не получило еще общеизвѣстности и опредѣленнаго состава, и постановленія Церкви еще не образовались. Гдѣ же пастыри Церкви могли находить то руководство, которому безопасно могли бы слѣдовать при опредѣленіи истины? Нельзя думать, чтобы они предоставлены были въ этомъ дѣлѣ одному собственному благоразумію; ибо оно какой руководитель въ дѣлѣ Вѣры? Водиться имъ исключительно, значитъ небесную истину подчинять человѣческому произволу, простой разсудокъ возвысить надъ Евангеліемъ и человѣка сдѣлать судьею богооткровенной религіи. — Тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы учители Вѣры при всякомъ недоумѣніи обязаны были просить и ждать откровенія свыше: ибо это значило бы искушать Господа, требовать постоянныхъ чудесъ и, слѣдовательно, всемогущество Божіе поставлять въ зависимости отъ недоумѣній человѣческихъ. Ясно, что нужно было общее правило Вѣры, какъ опредѣленное руководство въ разрѣшеніи недоумѣній. — Когда являлось новое мнѣніе о какомъ нибудь членѣ Вѣры, образовалось ли оно среди общества вѣрующихъ, или пришло въ Церковь извнѣ,

и начало тревожить умы благочестивых; — на предстоятелях Церкви лежал священный долг наблюдать за чистотою Вѣры; они должны были повѣрять, православно ли вновь явившееся мнѣніе или нѣт? Но чѣм они могли опредѣлять истинность или ошибочность новаго ученія? На что̀ они могли опираться при оцѣнкѣ его? Для них опять необходимо было правило или символ Вѣры, который служил бы пробным камнем чистоты ученія, преподаваемаго в Церкви. Эта необходимость явилась еще при апостолах: потому что еще при жизни их появились ложные толки об основных истинах Вѣры. Посему-то всѣ изслѣдователи о символах, даже и тѣ, которые не допускают происхожденія их от апостолов, принимают за несомнѣнное, что «основное ученіе проповѣди апостольской от начала заключено и точно выражено в символѣ (¹)».

2. Сами апостолы в своих посланіях оставили нам слѣды, по которым можно заключать, что еще при жизни их в Церкви существовали уже извѣстнаго рода *исповѣданія Вѣры* или *символы*. Между множеством мѣст, в которых св. отцы и другіе толкователи св. Писанія находят указанія на символ, особенно обращают на себя вниманіе слѣдующіе четыре текста, в которых яснѣе прочих говорится об этом:

а) Ап. Петр в 1-м своем посланіи пишет: *нас спасает крещеніе, не плотскія отложеніе скверны, но совѣсти благи вопрошеніе у Бога* (3, 21). В словах: *совѣсти благи вопрошеніе у Бога*, очевидно он говорит об обѣтах крещенія (²), или о тѣх вопросах, кото-

(¹) Guerike Allg. simb. T. 1. Absch. § 3. p. 15

(²) Хр. Чт. 1822. с. VI. стр. 177.

рые дѣлались приступающему къ этому таинству. Такъ понимаютъ это мѣсто св. Амвросій (1) и бл. Августинъ (2), иначе и нельзя понимать его (3). Если же Апостолъ говорить здѣсь о вопросахъ крещенія, то здѣсь нужно видѣть и указаніе на символъ Вѣры; потому что, по единогласному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей древности, крещаемые въ засвидѣтельствованіе чистоты своей вѣры обыкновенно читали символъ (4). Нельзя удивляться, что Апостолъ исповѣданіе Вѣры, которое не носило еще въ то время одного опредѣленнаго имени, называетъ «вопрошеніемъ совѣсти благи». Св. Иларій въ IV вѣкѣ, когда символъ имѣлъ уже опредѣленныя имена, называетъ его: «голосомъ своей совѣсти» (5).

b) Другое указаніе на символъ можно находить въ посланіи къ римлянамъ, гдѣ св. Павелъ, разсуждая о дарѣ пророчества, заповѣдуетъ пользоваться имъ *по мѣрѣ вѣры*,—*κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως* (12, 6). Извѣстно, что въ св. Писаніи слово пророчество часто имѣетъ значеніе «изъясненія, толкованія, учительства», и даръ пророчества «даръ учительства, даръ изъясненія богооткровенныхъ истинъ». (6) Съ другой стороны слово

---

(1) Ambros. exp. simb. Curs. compl. Patrolog. T. XVII. p. 1155. 17.

(2) August. Tract. VIII. in. Ioan.

(3) Это мѣсто съ подлинника: *συνειδήσεως ἀγαθῆς ὑπερώτημα εἰς Θεὸν*,—въ русскомъ переводѣ новаго Завѣта передается: «обѣщаніе Богу доброй совѣсти.» Но выраженіе — *εἰς Θεὸν* заставляетъ искать здѣсь другаго смысла, особенно когда извѣстно, что слово *συνείδησις* значитъ «не совѣсть» только, но и *сознаніе, засвидѣтельствованіе* (Слов. Грек. Росс. Ивашк.) Принимая послѣднее значеніе, выраженіе: *вопрошеніе у Бога совѣсти благи*, можно передать такъ: «вопрошеніе добраго сознанія о Богѣ», или, что тоже, «вопрошеніе истинной вѣры въ Бога».

(4) Bing. orig. Eccl. lib. XI. et Neand. Allg. Geschicht. Chr. p. 527.

(5) de Trin. lib. XII.

(6) Быт. 20, 7. Исх. 7, 1. Зап. на кн. Быт. стр. 164.

«мѣра» (ἀναλογία), которое Гезихій почитаетъ подобозначущимъ слову: «κανὼν» употребляется въ смыслѣ опредѣленіе, постановленіе ([1]), а потому выраженіе ἀναλογία τῆς πιςεως, *мѣра вѣры*, можно считать тожественнымъ съ выраженіемъ κανὼν τῆς πίςεως, подъ которымъ св. отцы разумѣютъ символъ ([2]). Посему должно принять, что Апостолъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ, дѣйствительно разсуждаетъ о дарѣ учительства, и подъ мѣрою Вѣры ([3]) разумѣетъ правило или опредѣленіе Вѣры ([4]). Если бы онъ говорилъ о дарѣ предсказывать будущее, то не опредѣлилъ бы его никакою мѣрою, такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ воли Божіей, сообщающей человѣку даръ прозрѣнія и открывающей ему будущее. Но когда рѣчь идетъ о дарѣ учительства, весьма естественно, что Апостолъ повелѣваетъ пользоваться имъ *по мѣрѣ Вѣры* т. е. сообразно съ тѣмъ опредѣленіемъ Вѣры ([5]), какое соблюдается въ Церкви, или, какъ выражается одинъ изъ древнихъ писателей, при объясненіи этаго мѣста, «не говорить ничего лишняго, чего нѣтъ въ символѣ» ([6]).

c) Многіе толковники находятъ указаніе на символъ

([1]) Tholuk Auslegung. an. Röm. XII, 6. p. 483.

([2]) Iren. de haer. l. 7. c. 19. Tert. de praescr. haer. c. XIII. de virg. vel. c. I. Evseb. H. Eccles. l. VII. c. 30.

([3]) Нѣкоторые (Nimeier. diss. de simb. Apost. § 19) разумѣютъ здѣсь вѣру, какую имѣетъ то или другое лице, (вѣру субъективную), и говорятъ, что чѣмъ чище вѣра, тѣмъ православнѣе будетъ и ученіе, и чѣмъ у кого пламеннѣе вѣра, тѣмъ съ большею ревностію онъ будетъ проповѣдывать. Но соразмѣрность учительства съ такою вѣрою такъ естественна, что и безъ особаго повелѣнія апостольскаго она существуетъ въ каждомъ лицѣ, даже существуетъ необходимо.

([4]) Corn. a Lapide comm. ad. h. l. p. 164.

([5]) Tholuk. Auslegung an Rom XII. 6 p. 483.

([6]) Ut nihil extra regulam fidei loquamur. Anselm.

въ словахъ того же апостола къ Тимоѳею: *исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели*. Такъ св. Златоустъ прямо говоритъ ([1]), что «Апостолъ напоминаетъ здѣсь Тимоѳею о томъ исповѣданіи, какое тотъ дѣлалъ при св. крещеніи, и словами: *емлися за вѣчную жизнь*, указываетъ на 12-й членъ символа вѣры». Св. Амвросій и бл. Ѳеофилактъ раздѣляютъ мнѣніе Златоуста; другіе писатели ищутъ только иныхъ случаевъ, при которыхъ могло быть высказано это исповѣданіе ([2]), но всѣ единодушно согласны, что св. Апостолъ упоминаетъ здѣсь объ исповѣданіи Вѣры (символѣ), бывшемъ въ тогдашней Церкви.

d) Наконецъ самое ясное указаніе на символъ дѣлаетъ тотъ же учитель языковъ во второмъ посланіи своемъ къ Тимоѳею, убѣждая *образъ имѣть* (ὑποτύπωσιν) *здравыхъ словесъ, ихже слышалъ* отъ него *въ вѣрѣ и любви яже о Христѣ Іисусѣ* (1, 13). Здѣсь подъ образомъ здравыхъ словесъ нельзя разумѣть всего христіанскаго ученія, преподаннаго Апостоломъ, или вообще Вѣры Христовой ([3]), но, съ большею справедливостію, должно думать ([4]), что св. Апостолъ этими словами указываетъ на нѣкоторый особый родъ изложенія Вѣры, правило вѣрованія — символъ ([5]). Если бы Апостолъ разумѣлъ здѣсь вообще Вѣру, то что побудило бы его сказать: *образъ имѣй здравыхъ словесъ*; онъ естественнѣе написалъ

([1]) Hom. VII. in epist. ad Tim. p. 650. c. edit. Montfauc.

([2]) Corn. a Lapide com. in. h. l. p. 762.

([3]) Corn. a Lapide ad h. l. p. 775.

([4]) Nimeier. diss. de simb. Apost. § XIX.

([5]) Нимейеръ въ разсужденіи своемъ «о символѣ апостольскомъ» (§ 19) прямо говоритъ: «здѣсь нужно разумѣть символъ или изложеніе главныхъ членовъ христіанской вѣры, съ которымъ, какъ неизмѣннымъ правиломъ, всегда должно сообразоваться въ ученіи».

бы: сохрани здравыя словеса, или, какъ выражается въ слѣдующемъ за тѣмъ стихѣ: доброе завѣщаніе соблюди. Но учитель языковъ повелѣваетъ имѣть образъ здравыхъ словесъ, и тѣмъ явно отличаетъ этотъ образъ отъ самыхъ словесъ и заставляетъ предполагать въ немъ точное и ясное изображеніе (¹) всего христіанскаго ученія, какое представляетъ символъ. Василій великій называетъ символъ Григорія Чудотворца ὑποτύποσιν τῆς πίςεως (²), а потому и у св. Апостола подъ выраженіемъ: ὑποτύποσις ὑγιαινόντων λόγων можно разумѣть символъ Вѣры. Св. Златоустъ въ бесѣдѣ на это мѣсто спрашиваетъ у самаго Апостола: «что онъ желаетъ выразить этими словами»? и отъ лица его отвѣчаетъ: «здѣсь св. Апостолъ какъ бы такъ говорилъ Тимоѳею: я далъ тебѣ нѣкоторое правило (κανόνα), первообразъ (ἀρχέτυπον) и опредѣленіе (ὅρος) Вѣры; держись его, и если возникнутъ недоразумѣнія о Вѣрѣ, сообразуйся съ нимъ и принимай его за образецъ.» (³). Всѣ имена, какія Златоустъ влагаетъ въ уста св. Апостолу, учителями Церкви даются символу; ему же приписывается и то значеніе, которое по словамъ сладкогласиваго учителя долженъ имѣть *образъ здравыхъ словесъ*. Явный знакъ, что св. Златоустъ разсматриваемыя нами слова Апостола относилъ къ символу. Весьма вѣроятно даже, что самое обыкновенное названіе символа:

(¹) Слово ὑποτύπωσις — образъ, которое стоитъ въ подлинникѣ, значитъ живое представленіе въ образѣ, образецъ, начертаніе (Corn. a Lap. comm. ad h. l. p. 775). Квинтиліанъ этимъ словомъ называетъ реторическую фигуру, которая въ краткихъ словахъ изображаетъ предметъ такъ живо, что какъ бы поставляетъ его предъ глазами. Instit. lib. IX.

(²) Epist. ad Neoces. op. T. 3. p. 131. ed. Par. 1638.

(³) In 2 ep. ad Timoth. l. 13. Hom. III. p. 672.

образецъ Вѣры (formula fidei) заимствовано изъ этихъ словъ Апостола, и тѣмъ болѣе, что оно особенно употребительно у латинскихъ писателей, которые читали въ своей библіи: formam habe sanorum verborum. Такимъ образомъ указанія, находимыя на символъ въ самыхъ писаніяхъ св. апостоловъ, увѣряютъ насъ, что онъ при нихъ еще явился въ Церкви. Но если онъ былъ во время апостоловъ, то отъ кого могъ произойти, какъ не отъ нихъ самихъ? Кто лучше ихъ могъ опредѣлить сущность проповѣдуемой ими Вѣры, исчислить основныя ея истины? Должно съ полною достовѣрностію заключить, что они сами были творцами символа, и что отъ нихъ св. Церковь получила это правило своей Вѣры (1).

---

(1) Отвергающіе апостольское происхожденіе символа говорятъ: «символъ составленъ отцами изъ мѣстъ св. Писанія *для* обличенія и посрамленія заблужденій гностиковъ, симонитовъ, евіонеевъ и другихъ (Basnag. Exerc. historico-crit. ad annales Baron. ad. an. 44. n. 17. p. 476); въ немъ искуснѣйшіе богословы (т. е. св. отцы) съ самаго начала заключили сущность апостольскаго ученія. (Gueric. allg. simbol. Th. 11. Abschn. 1 §. 12 p. 65). Но что явилось прежде,—символъ или св. Писаніе? Св. Златоустъ (Бесѣд. 1 на 1-е посл. къ Тим. и 40-я на 1-е посл. къ Кор.) пишетъ, что св. ап. Павелъ въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ и 1-мъ и 2-мъ къ Тимоѳею упоминаетъ уже о символѣ; значитъ, церковь коринѳская и ефесская, прежде посланій Апостола, имѣли уже исповѣданіе Вѣры. Св. Игнатій Богоносецъ и св.Ириней ясно уже указываютъ на исповѣданіе Вѣры; но въ это время не былъ еще опредѣленъ весь составъ св. кодекса, и всѣ книги еще не получили общеизвѣстности. Какъ же св. отцы могли выбирать символъ изъ мѣстъ св. Писанія? «Символъ составленъ *для* обличенія и посрамленія еретическихъ заблужденій?» Но развѣ не во времена самихъ апостоловъ появились уже первые плевелы ложнаго ученія? Развѣ не предъ глазами первыхъ служителей Слова Божія Симонъ волхвъ и Керинѳъ распространяли свои ереси? Апостолы предохраняютъ уже вѣрующихъ отъ прельщеній философіи (гностиковъ), указываютъ на ученіе *николаитско*. Получая божественныя откровенія, будучи исполнены Святаго Духа, могли ли они предоставить другимъ лицамъ, чуждымъ видимыхъ благодатныхъ даровъ, составленіе такого правила Вѣры? Но

Подтвержденіе на это можно находить у непосредственныхъ учениковъ св. благовѣстниковъ, мужей апостольскихъ, которые говорятъ уже весьма ясно и опредѣленно объ исповѣданіяхъ Вѣры. Діонисій Ареопагитъ пишетъ ([1]), что «оглашенный дѣлаетъ троекратное исповѣданіе Вѣры,» подъ которымъ, по увѣренію св. Григорія Двоеслова, «нужно разумѣть троекратное чтеніе символа, составленнаго апостолами» ([2]). Іоаннъ Богословъ, послѣдній изъ апостоловъ, переселился въ горнія обители ок. 105, а у св. Игнатія Богоносца, ученика его, встрѣчается уже свидѣтельство (ок. 107 г.) объ апостольскомъ происхожденіи символа Вѣры. Онъ, какъ повѣствуетъ Евсевій, идя на смерть въ Римъ, въ азійскихъ церквахъ «убѣждалъ твердо держать апостольское преданіе и счелъ за необходимое утвердить его письмен-

---

допустимъ на время, что «символъ составленъ не апостолами, а искуснѣйшими богословами (подъ которыми нужно разумѣть св. отцевъ) съ самаго начала». Кто же были сіи отцы? Отцы ли современные апостоламъ и жившіе съ ними, или преемники апостоловъ и мужей апостольскихъ? Первые не могли быть составителями символа, потому что при жизни апостоловъ, они сами, своею властію опредѣляли въ Церкви все нужное, сами рѣшали всякое недоумѣніе, возникавшее среди вѣрующихъ, и указывали истинный образъ дѣйствованія, не только касательно Вѣры, но даже и внѣшняго богослуженія (Дѣян. 15, 2 и сл.); тѣмъ болѣе правило Вѣры, выраженіе сущности всей проповѣди апостольской не могло образоваться безъ участія самихъ апостоловъ. Преемники апостоловъ и мужей апостольскихъ не могли быть составителями символа, потому что не только писатели современные имъ, или очень близкіе къ ихъ временамъ ясно и опредѣленно говорятъ уже, что символъ произошелъ отъ апостоловъ, но это же «свидѣтельствуютъ какъ бы едиными устами и прочіе отцы и учители Церкви» (Nimeier. ibid. § 157). Рядъ этихъ свидѣтельствъ, начиная со времени апостоловъ, доходитъ до самаго позднѣйшаго времени.

([1]) Hier. Eccl. c. 2.

([2]) Not. in Lib. sacrament. S. Greg. Papae. Hug. Menard. T. III. par. 1. p. 384.

нымъ свидѣтельствомъ» (1). Здѣсь «подъ апостольскимъ преданіемъ» нельзя разумѣть всего вообще преданнаго апостолами, но можно видѣть указаніе на символъ: потому что преданія апостольскія никогда не были собраны въ одинъ составъ, и значитъ св. Игнатій не могъ утвердить ихъ письменнымъ свидѣтельствомъ; между тѣмъ извѣстно, что въ первые вѣка «преданіемъ апостольскимъ» называли символъ Вѣры (2), который былъ въ каждой церкви, слѣдовательно легко могъ быть изложенъ на бумагѣ и утвержденъ подписью св. Игнатія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что св. мужъ приписываетъ символу великую важность, называя его, «полнымъ познаніемъ о Христѣ» и говоря, что «кто знаетъ символъ, и вѣруетъ свято всему, что содержится въ немъ, тотъ можетъ питать несомнѣнную и безошибочную надежду получить блаженство» (3). Естественно, что при такомъ высокомъ взглядѣ на значеніе символа, св. Игнатій долженъ былъ позаботиться о неповрежденности его, и съ этою цѣлію могъ утвердить истинный символъ собственноручнымъ подписомъ. Самый близкій преемникъ мужей (4) апостольскихъ св. Ириней, ученикъ св. Поликарпа (ум. 147), ясно выражается, что «Церковь, разсѣянная по всей земли, получила отъ апостоловъ Вѣру, которая исповѣдуется въ символѣ» (5), и приводя самый символъ, прямо называетъ его «древнимъ преданіемъ Апостоловъ» (6). Вслѣдъ за нимъ Тертулліанъ, древнѣй-

(1) Euseb. Hist. Eccl. Lib. III. c. XXXI. p. 114. edit. Aug. Taur. 1746.

(2) Jren. Contr. haer. Lib. 1. c. 11. Tert. de vel. virg. de praeser. haer. Eur. Alex. 1. Lib. de recta fide ad Reginas.

(3) Nimeier. diss. de simb. Ap. § 157.

(4) Usser. diss. 11. c. 14—20.

(5) Jren. contr. haer. Lib. 1. c. 10.

(6) Ibid. L. III. c. IV.

шій изъ латинскихъ писателей, признаетъ символъ «правиломъ Вѣры, установленнымъ отъ Іисуса Христа, которое Церковь получила отъ апостоловъ» (1), «отъ начала Евангелія прежде даже самыхъ первыхъ еретиковъ» (2). Это доказательство апостольскаго происхожденія символа, которое представляютъ намъ свидѣтельства писателей первыхъ двухъ вѣковъ, должно стоять выше всякаго сомнѣнія, какъ потому, что лица, которыя высказали его, близки ко временамъ апостольскимъ, такъ и потому, что они жили въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ. Одинъ въ Аѳинахъ (3), другой былъ пастыремъ церкви въ Антіохіи (4), въ Сиріи (5), третій былъ представителемъ церкви въ Галліи, въ Ліонѣ (6), четвертый писалъ въ Африкѣ, въ Карѳагенѣ (7). Въ третьемъ вѣкѣ апостольское происхожденіе символа засвидѣтельствовано соборомъ антіохійскимъ, на которомъ осужденъ Павелъ Самосатскій и отлученъ отъ церкви именно за отступленіе «отъ правила Вѣры (символа), полученнаго Церковію отъ апостоловъ, и хранившагося въ постоянномъ ея преданіи (8). Вскорѣ послѣ этого собора и не задолго до никейскаго, св. Лукіанъ называетъ символъ «апостольскимъ и евангельскимъ преданіемъ» (9). Въ четвертомъ вѣкѣ св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ, что символъ—«вѣра святая, апостоль-

(1) De praescr. haer. c. XIII.
(2) Tertul. adv. Prax. c. 11.
(3) Du Pin Bibl. novo. T. I. p. 34. Euseb. H. Eccl. Lib. III. c. 4.
(4) Euseb. Hist. Eccl. L. III. c. 36.
(5) In not. ad. Cass. de incarn. Domini. Lib. IV. c. III. p. 744.
(6) Cave sub nom. Irenei.
(7) Idem sub nom. Tertull.
(8) Ruet. conc. illustr. T. I. p. 899.
(9) Hilar. de sinod. p. 107.

ская, преданная намъ для исповѣданія» ([1]), а славный защитникъ никейскаго символа, св. Аѳанасій пишетъ, что въ немъ заключена та самая Вѣра, которую отъ начала сами апостолы предали Церкви для исповѣданія ([2]). Іоаннъ Златоустъ то влагаетъ исповѣданіе Вѣры въ уста Тимоѳею ([3]), то въ различныхъ мѣстахъ посланій апостола Павла видитъ указанія на символъ ([4]). Амвросій Медіоланскій символъ называетъ «ключемъ, которымъ запирается діавольская тьма, приходитъ свѣтъ Христовъ, и отверзаются сокрытые грѣхи совѣсти, чтобы просіяли дѣла правды.» Этотъ ключь, пишетъ онъ, «твердъ и многоцѣненъ и составленъ общимъ стараніемъ 12 апостоловъ, которые, какъ искусные художники, сдѣлали его, чтобы вѣрные могли имъ заграждать для себя входъ въ адъ и отверзать небо» ([5]). Эту же самую мысль блаженный Іеронимъ выражаетъ ясно и положительно, говоря, что «символъ вѣры и надежды нашей преданъ намъ отъ апостоловъ» ([6]); св. Кассіанъ замѣчаетъ, что «самъ Богъ учредилъ символъ чрезъ нихъ, какъ чрезъ своихъ священниковъ и служителей» ([7]). Такъ идетъ непрерывный рядъ свидѣтельствъ объ апостольскомъ происхожденіи символа отъ Игнатія и Діонисія, мужей апостольскихъ, до Кассіана, жившаго во времена ефесскаго собора (ум. ок. 430 г.) ([8]), на которомъ окончательно утверждена неизмѣняемость ни-

---

([1]) Catech. XIX.
([2]) Epist ad Iov.
([3]) Ad 1 Tim. Hom. III. p. 612.
([4]) Ad 1 Corinth. Hom. XL. c. XV. v. 29.
([5]) Hom. de jejun. Heliae serm. XXXIX.
([6]) Epist. ad Pammach.
([7]) De Incarn. Domini contr. Nest. Lib VI. c. 6.
([8]) Genn. de vir. illustr. c. 59.

кеоцареградскаго символа. Церковь, въ лицѣ своихъ учителей, проповѣдывала эту истину при началѣ своего образованія, хранила ее и тогда, когда явилась въ полномъ составѣ своей церковности. Ибо какъ тѣ, которые жили непосредственно послѣ апостоловъ, признавали, что символъ имѣетъ апостольское происхожденіе, такъ то же утверждали и тѣ, при которыхъ совершилось окончательное утвержденіе его.

Но, доказывая несомнѣнность происхожденія символа отъ апостоловъ, мы не утверждаемъ, что они дали для всей Церкви одинъ опредѣленный символъ; напротивъ, вѣроятнѣе думать, что каждый изъ нихъ въ основанной имъ церкви оставлялъ свой символъ.

1. Апостолы могли дать всей Церкви одинъ общій символъ, только составивши его вмѣстѣ на общемъ соборѣ. Слѣдя за апостольскою исторіею, можно замѣтить два обстоятельства, благопріятствующія этому. Они могли составить символъ на соборѣ или вдругъ по сошествіи Святаго Духа, или по смерти Іакова Заведеева предъ окончательнымъ своимъ разсѣяніемъ на всемірную проповѣдь. Но если апостолы въ то же самое время, какъ только получили даръ Святаго Духа, сложили символъ Вѣры, какъ образецъ и неизмѣнное правило будущей своей проповѣди; то какъ объяснить молчаніе объ этомъ событіи св. Луки, который съ подробностію описываетъ все предшествовавшее и послѣдующее сошествію Святаго Духа, говоритъ о совѣтѣ апостоловъ касательно избранія Матѳія (Дѣян. 1, 21—26), повѣствуетъ о назначеніи діаконовъ (6, 1—6), объ общеніи имѣній между вѣрными (2, 44), и ни слова не пишетъ о такомъ важномъ предметѣ, какъ составленіе символа Вѣры, которымъ опредѣляется сущность хри-

стіанства? Не слѣдуетъ ли изъ этого молчанія св. Евангелиста съ бо́льшею вѣроятностію заключать, что не было и самаго событія? Съ другой стороны, если апостолы при самомъ началѣ своей проповѣди составили символъ на соборѣ, то откуда явилось нѣкоторое различіе, по внѣшнему виду, между символами, бывшими въ той или другой церкви? Извѣстно, съ какимъ стараніемъ вѣрующіе хранили боговдохновенныя писанія апостоловъ: никто, кромѣ еретиковъ, не осмѣливался измѣнять въ нихъ что нибудь: отчего же одинъ символъ подвергся измѣненіямъ? Церковь свято блюла писанія каждаго изъ апостоловъ; не естественно предполагать, чтобы она рѣшилась дѣлать распространенія и поясненія въ символѣ, составленномъ на апостольскомъ соборѣ. «Напротивъ, если видна такая разность въ немногихъ словахъ символа, кратко содержимаго въ той или другой церкви, то никакъ нельзя утверждать, что символъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ въ наше время (въ римской церкви), составленъ по общему согласію апостоловъ» (¹), вдругъ ли по сошествіи на нихъ Святаго Духа, или предъ окончательнымъ разсѣяніемъ ихъ на всемірную проповѣдь. Самое древнее свидѣтельство о происхожденіи такъ называемаго апостольскаго символа встрѣчается у Руфина, который пишетъ, что «апостолы, по смерти Іакова намѣреваясь идти, по заповѣди Господа, на проповѣдь Евангелія, каждый къ особому народу, прежде разлуки между собою, вмѣстѣ составили символъ, какъ образецъ (normam) своей будущей проповѣди, чтобы вдалекѣ другъ отъ друга случайно не предложить будущимъ вѣрующимъ

(¹) Erasm. Expl. simb. op. T. IX. p. 730.

различнаго ученія» ([1]). Но Руфинъ, передавая сіе сказаніе, самъ же сознается, что заимствовалъ это не изъ очень достовѣрнаго источника, — по сказанію (tradunt majores). Въ послѣдствіи времени къ этому общему преданію прибавлены были еще нѣкоторыя подробности, именно, будто символъ потому и называется симъ именемъ, потому и состоитъ изъ 12 членовъ, что не только составленъ апостолами, но будто даже каждый изъ членовъ его принадлежитъ особому апостолу ([2]). Мнѣніе

([1]) Expos. simb. p. 17. ad Calc. Ciprian. ed. Oxen. 1682.

([2]) Эта мысль въ первый разъ встрѣчается въ рѣчи, (de Temp. et simb. ad Catech. serm. CXV) ложно приписываемой Августину. Въ ней говорится, что «*Петръ* сказалъ: вѣрую въ Бога Отца Вседержителя; *Іоаннъ:* Творца неба и земли; *Іаковъ:* вѣрую и въ Господа Іисуса Христа, Сына Его Единороднаго, Господа нашего; *Андрей:* зачатаго отъ Духа Святаго и рожденнаго отъ Маріи Дѣвы; *Филиппъ:* страдавшаго при Понтійскомъ Пилатѣ, распятаго, умершаго и погребеннаго; *Ѳома:* сошедшаго во адъ и воскресшаго въ третій день изъ мертвыхъ; *Варѳоломей*: восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца Всемогущаго; *Матѳей:* грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; *Іаковъ Алфеевъ:* вѣрую въ Духа Святаго и св. Церковь Каѳолическую; *Симонъ Зилотъ:* общеніе святыхъ и оставленіе грѣховъ; *Іуда Іаковлевъ:* воскресеніе плоти; *Матѳій* заключилъ: жизнь вѣчную, аминь.» Впрочемъ не всегда приписывали каждый членъ одному и тому же Апостолу (Durand. ration. div. offic. cat. 4. c. 50). Не смотря на неосновательность этого мнѣнія, его держались крѣпко въ эпоху упадка наукъ, и нѣкоторые ученые за противорѣчіе ему предъ инквизиціею едва не поплатились жизнію. Такъ напр. Лаврентій Валла (Walch. de libr. simb. lib. 1. c. 11. p. 92) за одно сомнѣніе въ томъ, что каждый членъ символа составленъ особымъ апостоломъ, осужденъ былъ на сожженіе, и одно только бѣгство спасло несчастнаго отъ смерти. Еразмъ Роттердамскій долженъ былъ оправдываться предъ богословскимъ факультетомъ парижскаго университета (ibid. p. 93) въ томъ, что осмѣлился сказать, «будто мысль о происхожденіи каждаго члена символа отъ особаго апостола изобрѣтена живописцами или другимъ кѣмъ, съ намѣреніемъ облегчить чрезъ это память оглашенныхъ при заучиваніи символа и сдѣлать болѣе извѣстными имена апостоловъ. (Exp. simb. op. T. IX. p. 712).

сіе основывается главнымъ образомъ на невѣрномъ производствѣ слова символъ [1].

2. Но хотя св. апостолы не передали Церкви одного опредѣленнаго символа Вѣры, тѣмъ не менѣе символъ имѣетъ отъ нихъ свое происхожденіе. Каждый изъ нихъ, полагая основаніе Христовой Церкви въ извѣстномъ мѣстѣ, при своемъ удаленіи отъ нея, завѣщавалъ ей краткое изображеніе всей сущности преподаннаго имъ ученія, неизмѣнное правило Вѣры, руководство для послѣдующихъ поколѣній. Церкви хранили «этотъ драгоцѣнный залогъ своей вѣры и надежды [2]», ограждались имъ отъ еретиковъ, держались его въ преподаваніи истиннаго ученія. Въ самыхъ же символахъ, дошедшихъ до насъ отъ древности, можно найти доказательство и подтвержденіе такому положенію. Нельзя не замѣтить между ними удивительнаго согласія не

(1) Тѣ, которые держатся этого мнѣнія, утверждаютъ: апостолы потому назвали составленное ими исповѣданіе символомъ, что каждый изъ нихъ принесъ въ него отъ себя особую часть, какъ бы на духовное пиршество, которое устрояли общими силами; но извѣстно, что эта часть, которую приносилъ каждый изъ вкладчиковъ, по гречески называлась βῶλος, а самое пиршество σύμβολον (Innoc. de summ. Trinit. Greg. Magn. lib. sacr). Такое производство слова *символъ* не вѣрно, потому что слово σύμβολον значитъ не «складчина, снесеніе,» но собственно «знакъ, признакъ,» иногда «законъ, постановленіе, присяга, взаимный договоръ.» Греческое же слово, соотвѣтствующее латинскому collatio, а русскому *складчина*, есть не σύμβολον, но συμβολή, и употребляется въ этомъ значеніи какъ въ церковномъ языкѣ, такъ и у писателей свѣтскихъ. Въ правилѣ 55 Лаодикійскаго Собора пишется: «не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ, слагаяся (ἐκ συμβολῆς), дѣлати пиршества, ниже міряномъ.» (Русск. кормч. стр. 377). Поэтому имя символа, производимое отъ συμβολή, будетъ болѣе приличествовать, по своему составу, древнимъ вечерямъ любви, нежели исповѣданію Вѣры.

(2) Hieron. ad. Pammach. epist.

только по содержанію, порядку членовъ, но даже и въ самыхъ выраженіяхъ, которыя очень часто тожественны; но вмѣстѣ нельзя не видѣть и нѣкотораго различія въ изложеніи того или другаго члена. Ихъ согласіе указываетъ на единство ихъ первоначальнаго источника. Ибо какъ иначе объяснить себѣ, что «церкви въ Германіи, Иберіи, у Кельтовъ, на востокѣ въ Ливіи и по всей вселенной (¹)», передавали въ символѣ свою Вѣру почти одинаковымъ образомъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что онѣ не получили одного опредѣленнаго символа,—если, согласно съ свидѣтельствомъ Тертулліана (²), не допустимъ, что «апостолы въ насажденныхъ ими церквахъ поставляли пресвитеровъ и епископовъ, которыхъ не только научали Вѣрѣ, но давали имъ краткое изложеніе всей сущности преподаннаго ученія, оставляли правило Вѣры», которое предавали имъ для исповѣданія и для наученія другихъ? Различіе же, какое встрѣчается въ древнихъ символахъ разныхъ церквей, доказываетъ, что апостолы не вездѣ оставляли одинъ и тотъ же символъ, но что всякій изъ нихъ основанной имъ церкви давалъ, какъ священное наслѣдіе послѣ себя, свое особое исповѣданіе Вѣры. Излагая слово истины въ той или другой церкви, каждый выражалъ его по своему, у каждаго одно и тоже ученіе получало нѣсколько особый видъ; но они не могли далеко разойтись въ этомъ другъ съ другомъ, потому что всѣ они проповѣдывали *едину вѣру, едино крещеніе* (Еф. 4, 5), всѣ повиновались водительству одного и того же Духа, и всѣ они учили только тому, что̀ сами слышали отъ

(¹) Jren. adv. haer. lib. 1. c. 10.
(²) Tertul. de praescr. adv. haer. c. III.

своего Божественнаго Наставника. «Они хотя и были творцами символа Вѣры (autores regulae fidei), говоритъ Тертулліанъ, но дѣйствовали не самопроизвольно, а только то, что́ сами получили отъ Христа, точно и вѣрно опредѣляли для народовъ (¹)», такъ что первый краеугольный камень символа Вѣры положилъ самъ Іисусъ Христосъ, и *никтоже можетъ положити основанія инаго лежащаго*. Онъ, посылая своихъ учениковъ на всемірную проповѣдь, говорилъ имъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Въ этихъ словахъ Спасителя изображена вся сущность нашей Вѣры, исповѣданіе Святой Троицы; въ нихъ можно видѣть и самый первый и самый простой видъ символа. Апостолы, вѣрные своему небесному Наставнику, во всѣхъ символахъ, какіе давали церквамъ, развивали и уясняли одно это первообразное, простое исповѣданіе нашей Вѣры. При такомъ ходѣ обстоятельствъ не удивительно, что во всѣхъ церквахъ символы являются одинаковыми по содержанію, и очень сходными по формѣ; не удивительно, что Петръ въ Римѣ оставилъ образецъ Вѣры согласный съ тѣмъ, который Іоаннъ предалъ церквамъ малоазійскимъ.

Противъ такого производства символовъ могутъ сказать: «очень близкое сходство ихъ и различіе доказываетъ, что первоначально былъ данъ одинъ символъ, который церкви заимствовали одна отъ другой, и въ послѣдствіи по случаю являвшихся ересей дѣлали къ нему тѣ или другія прибавленія». Но исторія не представляетъ свидѣтельствъ, чтобы церкви, основанныя апостолами, заимствовали символъ одна отъ другой:

(¹) Tert. ibid. c. IV.

а) многія церкви, удаленныя другъ отъ друга великимъ пространствомъ, основаны апостолами вдругъ въ одно и тоже время. Когда св. Павелъ проповѣдывалъ Евангеліе на островахъ Архипелага, тогда св. Андрей насаждалъ св. Вѣру у Скиѳовъ, а св. Варѳоломей въ Индіи. Вновь устроенныя церкви не могли быть безъ символа и получали его отъ своихъ основателей прежде, нежели имѣли какое нибудь сношеніе съ другими церквами. б) Св. отцы указываютъ на символы разныхъ церквей, какъ на происшедшіе *непосредственно* отъ апостоловъ; такъ Кириллъ Іерусалимскій называетъ свой символъ апостольскимъ, преданнымъ для исповѣданія (1), св. Амвросій Медіоланскій говоритъ тоже самое о римскомъ (2), а св. Кассіанъ пишетъ о символѣ церкви антіохійской (3). с) Наконецъ, символъ одной церкви не всегда былъ извѣстенъ членамъ другой, какъ можно заключать изъ того, что когда Евсевій на никейскомъ соборѣ, въ защиту своего православія, привелъ символъ своей кесарійской церкви, прочіе отцы собора находятъ нужнымъ еще разсмотрѣть его; но если бы этотъ символъ былъ извѣстенъ отцамъ, предстоятелямъ другихъ церквей, ни Евсевію не было бы нужно приводить его, ни имъ—разсматривать, одному довольно было бы указать, и другіе тотчасъ бы узнали, что и онъ исповѣдуетъ одну съ ними Вѣру. Эта неизвѣстность символа одной церкви для другой, это указаніе на различные символы, какъ на подлинно апостольскіе, это, наконецъ, одновременное явленіе ихъ въ различныхъ странахъ вселенной ясно показываютъ, что церкви не заимство-

(1) Оглас. 5.
(2) Epist. LXXXI. ad Siric.
(3) De Incarn. Domini lib. VI. c. 6.

вали символовъ другъ отъ друга, но получали ихъ отъ своихъ основателей. Въ опровержение той мысли, что предстоятели церквей по случаю появлявшихся ересей сами дѣлали тѣ или другія прибавленія къ символу, довольно припомнить слова св. Аѳанасія великаго, который пишетъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ предстоятели церквей «обращались къ преданію апостольскому, хранившемуся въ церкви, и въ этомъ обильномъ источникѣ истины почерпали живую воду истиннаго ученія, которою погашали споры, возжигаемые еретиками» ([1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «св. апостолы, предавая церкви краткое изложеніе сущности проповѣдуемой ими вѣры въ символѣ, излагали истинный смыслъ символа и заповѣдывали церкви свято и неизмѣнно хранить его» ([2]). Это апостольское объясненіе хранилось въ церковномъ преданіи, въ которомъ отцы и находили указаніе, какъ нужно понимать то или другое выраженіе символа: слѣдуя этому указанію, они дѣлали поясненія, но весьма рѣдко вносили ихъ въ символы, и гдѣ дѣлали это, всегда дѣлали такъ, что всякое прибавленіе легко могло быть отдѣлено отъ первоначальнаго вида символа. Съ другой стороны эти пояснительныя выраженія заимствовались отъ апостольскаго преданія, и слѣдовательно не могутъ служить возраженіемъ противъ апостольскаго происхожденія символовъ даже и въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ. Одни и тѣ же Христовы благовѣстники, предавшіе Церкви символъ отъ начала, являлись и въ послѣдствіи его истолкователями; отъ нихъ онъ произошелъ первоначально,

([1]) Epist. ad Jov. de fide. Theod. H. eccl. 1. IV. c. 3.
([2]) Nimeier. diss. de simb. Apost. § 42.

отъ нихъ же получалъ и прибавленія. Но если символъ отъ апостоловъ получилъ свое начало, то можно ли сомнѣваться въ истинности ученія, которое въ немъ излагается?

Отсюда открывается высокое значеніе символа въ Церкви: выражая истинное Христово ученіе, онъ долженъ быть признанъ правиломъ Вѣры, по которому нужно судить о православіи; такое значеніе онъ всегда и имѣлъ въ Церкви, какъ показываютъ сіе 1) многообразныя свидѣтельства древнихъ св. отцевъ и учителей, и 2) древняя практика самой Церкви.

1. Св. отцы Церкви показали a) словомъ и b) дѣломъ, какую важность имѣлъ символъ Вѣры въ ихъ время. a) Они учили, что въ символѣ, въ немногихъ словахъ (¹) представляется вся сущность христіанства, заключено таинство (summa totius misterii) обоихъ завѣтовъ, ветхаго и новаго, и сила всего закона (²); они видѣли въ немъ «полное и краткое изображеніе всего, что съ большею подробностію раскрывается во всѣхъ книгахъ св. Писанія. «Что тамъ», пишетъ препод. Кассіанъ, «Богъ чрезъ своихъ служителей, пророковъ, евангелистовъ и апостоловъ открылъ съ великою подробностію и въ обильномъ разнообразіи, то же самое и въ символѣ заключилъ съ величайшею краткостію, также чрезъ своихъ служителей, — св. апостоловъ» (³). Признавая, что въ символѣ есть все, что только необходимо знать человѣку о Богѣ и людяхъ, Тертулліанъ поставляетъ его крайнимъ предѣломъ человѣческаго вѣ-

(¹) Кирил. Іерус. оглас. 5.
(²) Orig. lib. VI. in epist ad Rom. IX, 28.
(³) Cass. de incarn. Dom. lib. VI, c. 4. p. 747.

денія, имъ опредѣляетъ полноту христіанскихъ познаній, такъ что, говоритъ онъ: «ничего не знать, кромѣ его (понимая это въ обширномъ смыслѣ), значитъ все знать», — nihil ultra scire, omnia scire est (¹). Это сознаніе важности символа весьма часто выражалось въ самыхъ названіяхъ, которыя давали ему св. отцы и учители Церкви. Они называли его *правиломъ вѣры*, *κανὼν πίςεως* — regula fidei (²), опредѣленіемъ вѣры, *ὅρος πίςεως*—norma fidei (³), а не рѣдко прилагали къ нему даже имя самой *Вѣры* (*πίςις*) (⁴). Названіе символа *канономъ* Вѣры прямо поставляло его наравнѣ съ св. Писаніемъ, книги котораго извѣстны подъ именемъ каноническихъ: оттого-то позже имя самаго св. Писанія (*γραφὴ* или *ἡ ἅγια γραφὴ*) употреблялось для означенія символа (⁵); а наименованіе—*опредѣленіемъ* Вѣры (*ὅρος*) указываетъ, что символъ имѣлъ такое же значеніе въ Церкви, какое она усвояла опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, которыя

(¹) Въ словахъ Тертулліана выражается высшій степень важности символа; само собою разумѣется, что ихъ нельзя понимать въ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь разумѣется подробное и отчетливое познаніе всего содержанія символа. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать ихъ истинными, а убѣжденіе его — общимъ убѣжденіемъ всѣхъ христіанъ, какъ можно заключать изъ слѣдующаго обстоятельства: Юліанъ, запрещая христіанамъ науки, съ насмѣшкою говорилъ: «науки имъ не нужны, потому что они въ одномъ символѣ (*πιςίνω*) заключаютъ всю мудрость и полноту своего ученія (Socr. lib. III. c. 1). Хитрый гонитель христіанъ, очевидно, злобно превращаетъ истинный смыслъ христіанскаго убѣжденія, подобно тому, какъ извращалъ ученіе христіанъ о евангельской нищетѣ, смиреніи и пр., но какъ здѣсь въ основаніи лежала истина, которую искажалъ богоотступникъ, такъ и тамъ нужно допустить тоже.

(²) Iren adv. haer. lib. 1. cap. 19. Tertul. de praescr. haer. CXIII. contr. Prax. c. 1. de vel. virg. c. 1. Hier. epist. ad Pammach.

(³) Socr. lib. II. c. 39. p. 147.

(⁴) Lir. Hier. Coch. V. Jren. adv. haer. Lib. 1. c. X. Bóct. II, Соб. пр. 1.

(⁵) Bing. orig. Eccl. lib. X. c. III. § 4. p. 64.

называла также этимъ именемъ (1). Такимъ образомъ самыя названія, которыя давались символамъ (2), показываютъ, что Церковь считала его неизмѣннымъ правиломъ Вѣры, обязательнымъ для всѣхъ. Древніе отцы и писатели церковные и прямо свидѣтельствуютъ объ этомъ. Св.Ириней писалъ, что «Церковь, разсѣянная по всему міру, тщательно блюла единство символа (3), и потому тотъ, «кто желалъ быть правовѣрнымъ, долженъ былъ твердо и неизмѣнно содержать это правило, которому научился при крещеніи (4)? Тертулліанъ говорилъ, что «никому не позволялось ничего вводить въ символъ или принимать введенное другими, потому что и сами составители символа, св. апостолы, высказали въ немъ не свое ученіе, но то, которое получили отъ Христа (5). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что символъ долженъ быть всегда одинъ непоколебимъ и неизмѣненъ (immobilis et irreformabilis) (6). Церковь почитала его «основаніемъ всѣхъ догматовъ и особенно твер-

---

(1) Такъ словомъ ὅρος, которое въ русской кормчей переведено *догматъ*, названы опредѣленія халкидонскаго собора «о двухъ естествахъ Господа нашего Іисуса Христа;» VI вселенскаго о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ одномъ лицѣ Господа Іисуса и VII—о иконопочитаніи. Канонами же называются всѣ правила св. апостоловъ и св, соборовъ. Символу давали это имя даже самые еретики. Novat. lib. de Trin. c. 1.

(2) Слово κανών по употребленію на языкѣ церковныхъ писателей значитъ неизмѣнное правило, недопускающее ни прибавленія, ни убавленія; «что не имѣетъ этихъ свойствъ, говоритъ Златоустъ, то не можетъ быть названо и κανών (бес. XII. на Филип. III, 16) тоже говоритъ и Василій В. (adv. Evnom. Lib. 1), и многіе другіе отцы и учители церкви (См. Svic. Thes. Eccl. S. h. v. n. 1). Ὅρος имѣетъ тоже самое значеніе, потому что по Зонару—ὅρος ὁ τύπος καὶ ὁ κανὼν λέγεται т. е. ὅρος называется образъ и правило (ad XIX. Can. conc. Nic. I, an. ibid.

(3) Iren lib. 1. c. X.

(4) Idem. citatus a. Nimeier. diss. de simb. Apost. § IV. et LX.

(5) Tertul. de praescr. haer. c. IV.

(6) Idem. de vel. virg. c. 1.

дымъ основаніемъ (solidum fundamentum) догмата о св. Троицѣ» (¹), а потому не только не позволялось дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій или прибавленій, но даже никто изъ православныхъ не осмѣливался дѣлать противу него какія либо возраженія или высказывать сомнѣнія. Haec regula nullas habet apud nos quaestiones, писалъ Тертулліанъ, nisi quas haeretici inferunt, et quae haereticos faciunt (²). Всякое ученіе, не согласное съ символомъ, осуждалось какъ ересь (³), а лицо, предлагавшее это ученіе или принимавшее его, отлучалось отъ Церкви, какъ еретичествующее, и потому пастыри Церкви убѣждали вѣрныхъ хранить символъ неизмѣняемымъ. «Храни символъ, со всею заботливостію», учитъ оглашеннаго св. Кириллъ Іерусалимскій, «свято и неизмѣнно, и всякаго, кто бы ни сталъ измѣнять его, хотя бы это дѣлалъ я самъ, считай чуждымъ истинной Вѣры и достойнымъ анаѳемы» (⁴). Наконецъ Церковь нашла нужнымъ утвердить положительнымъ правиломъ то, что дѣлалось издревле по одному уваженію къ символу. Второй вселенскій соборъ однимъ изъ своихъ правилъ (⁵) опредѣлилъ, «да не отмѣняется символъ вѣры 318 отцевъ, бывшихъ въ Никеѣ, въ Виѳиніи, но да пребываетъ непреложенъ». b) Пастыри Церкви, въ чемъ убѣждали другихъ словомъ, то сами исполняли дѣломъ: проповѣдуя другимъ, что символъ есть правило Вѣры, сами своими дѣйствіями показывали, что дѣйствительно считаютъ его такимъ. Многіе изъ нихъ писали, въ защиту

(¹) Григ. Наз. сл. 40.
(²) De praescr. haer. c. IV.
(³) Epiph. in. ancorat.
(⁴) Оглас. 5.
(⁵) Прав. 1.

истины, строгія обличенія на ереси, и при этомъ въ основаніе всего полагали символъ Вѣры. Св. Ириней, опровергая ереси, бывшія при немъ и прежде него, главнымъ признакомъ православія поставляетъ согласіе всѣхъ церквей, и въ доказательство единства Вѣры ихъ указываетъ на сходство ихъ символа, содержаніе котораго передаетъ въ началѣ своего сочиненія (¹). Тертулліанъ начинаетъ опровершеніе ереси Праксея также изложеніемъ содержанія символа Вѣры (²), съ тѣмъ, чтобы показавъ, какъ далеко стоитъ заблужденіе отъ истины, тѣмъ самымъ уже обличить лжемудрствованія еретика. Св. Кассіанъ, поразивъ Несторія доказательствами изъ св. Писанія, въ заключеніе показываетъ противорѣчіе его символу, и этимъ отступленіемъ еретика отъ древняго символа доказываетъ отчужденіе его отъ общей Вѣры всей Церкви (³). Другіе пастыри, излагая ученіе православной Вѣры, исходнымъ началомъ своего богословствованія полагали символъ, выражая чрезъ это, что видятъ въ немъ образецъ, съ которымъ долженъ сообразоваться христіанскій богословъ во всѣхъ разсужденіяхъ своихъ о Вѣрѣ. Но, признавая его такимъ, учители Церкви естественно должны были заботиться о его неповрежденности и неизмѣняемости; и потому-то символы всѣхъ церквей, (по свидѣтельству Иринея, который родившись на востокѣ и будучи пастыремъ Церкви на западѣ, самъ лично могъ убѣдиться въ истинѣ), были сходны между собою. Евсевій кесарійскій, приводя символъ своей кесарійской церкви на никейскомъ

(¹) Lib. 1. c. X.
(²) Гл. 1.
(³) De incarn. Domini. Lib. VI. c. 4.

соборѣ, говоритъ, что онъ получилъ его отъ своихъ предшественниковъ епископовъ (¹); значитъ, они блюли это многоцѣнное наслѣдіе, оставленное Церкви отъ св. апостоловъ, и имъ нужно приписать то, что оно осталось не расхищеннымъ отъ еретиковъ. Но особенный примѣръ этой пастырской ревности въ сохраненіи символа неизмѣннымъ показалъ собою св. Аѳанасій великій, который, защищая въ никейскомъ символѣ православіе, соглашался скорѣе потерять и потерпѣть все,— изгнаніе изъ отечества, лишеніе пастырскаго престола, поношеніе, узы и темницу, чѣмъ допустить измѣненіе въ символѣ.

11. Но слова и дѣйствія того или другаго пастыря были только отображеніемъ того, чему сами они научались въ Церкви и что видѣли въ ея практикѣ. Они потому считали символъ правиломъ Вѣры, потому заботились о его цѣлости и неизмѣняемости, что и Церковь дѣлала тоже самое. Она выразила это въ томъ употребленіи, какое назначала символу, требуя отъ каждаго вступающаго въ нее, при крещеніи, исповѣданія символа, который она предлагала и какъ правило своей Вѣры, и какъ обязательство для новокрещеннаго. Принимая въ нѣдра свои новаго сына Вѣры, она, какъ нѣжная матерь, въ символѣ возвѣщала ему все, что Отецъ небесный сдѣлалъ для него ради его спасенія, указывала все, чего онъ можетъ надѣяться, пребывая въ домѣ любвеобильнаго Отца, раскрывала предъ нимъ всѣ таинства божественнаго домостроительства и предлагала ученіе о будущей участи ожидающей человѣка. Со стороны крещаемаго, исповѣдывавшаго символъ, съ

(¹) Socr. Hist. Eccl. Lib. 1. c. VII, p. 24.

этимъ устно произнесеннымъ исповѣданіемъ Вѣры соединялся родъ нравственнаго обязательства. Человѣкъ, приступающій къ купели крещенія, исходитъ изъ области тьмы и освобождается отъ служенія сатаны, котораго онъ былъ рабомъ, и переходитъ въ царство Бога и Христа и при этомъ торжественно отрекается отъ прежняго своего владыки и сочетавается Господу; онъ клянется торжественно предъ епископомъ и предъ всею Церковію ([1]), что оставляетъ діавола и все служеніе его и даетъ обѣтъ вѣровать во Христа «яко царя и Бога». Ясно, что на его исповѣданіе Церковь смотрѣла какъ на обязательство, «какъ на присягу, по которой онъ клянется жить и сражаться какъ воинъ Бога и Христа ([2])»; символъ былъ для крещаемаго, по выраженію св. Амвросія, «печатію сердца и таинствомъ христіанскаго воинствованія за Христа.» Такимъ образомъ символъ въ таинствѣ крещенія, писалъ одинъ учитель Церкви, представляетъ родъ договора между Богомъ и человѣкомъ, который предлагала св. Церковь «не ради Господа, не потому, чтобы въ Немъ можно сомнѣваться, но для насъ, чтобы насъ обязать вѣровать ([3])». «Когда

([1]) Neand. Allg. Gech. d. Chr. 1. B. 1. Absch. s. 527.

([2]) Tert. de cor. milit. c. 3.

([3]) Petr. Chris. Hom. in simb. Петръ Хрисологъ, знаменитый писатель V вѣка, говоритъ: «извѣстно, что словомъ σύμβολον называютъ взаимный договоръ между двумя сторонами, который важностію своей обязательной силы обезопашиваетъ договаривавшихся отъ измѣны и обмана. Такое значеніе въ Церкви имѣетъ символъ Вѣры. Возразятъ: естественно ли представлять видъ договора между Богомъ и человѣкомъ? Но если религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ, то весьма естественно исповѣданіе вѣры, въ которомъ излагается ея сущность, представлять условіемъ этого союза, и договоромъ между обѣими сторонами. Оно предлагается не ради Бога, но ради насъ; не потому, чтобы въ Немъ можно было сомнѣваться, но чтобы насъ заставить вѣровать.» Hom. XLII. Exp. simb. Apost. Вѣроятнѣе всего принять, что именно въ этомъ смы-

еретикъ», говоритъ блаж. Іеронимъ, «оставляетъ наставника, научившаго Церковь Вѣрѣ, онъ забываетъ завѣтъ свой съ Богомъ, изображаемый въ символѣ Вѣры, который онъ при крещеніи обязывался хранить постоянно (1)». Но если символъ, по понятіямъ учителей Церкви, былъ выраженіемъ того и вѣчнаго и неизмѣннаго завѣта, въ который Богу угодно было призвать человѣка; то онъ по сему самому долженъ являться неизмѣннымъ правиломъ Вѣры, обязательнымъ для всѣхъ. Дѣйствительно, Церковь требовала, чтобы лице, обязавшееся быть ея членомъ, приняло содержимый ею символъ и слѣдовало ему въ ученіи, не только сохраняя его буквально, но и понимая его не иначе, какъ согласно съ нею. Пастырь дотолѣ и признавался пастыремъ, пока ученіе его было согласно съ ученіемъ символа, и вѣрный считался такимъ только тогда, когда, исповѣдуя символъ, вѣровалъ согласно съ Церковію. Церковь отлучала отъ себя, какъ еретиковъ, всѣхъ тѣхъ, которые отвергали символъ, измѣняли его или давали ему другой смыслъ. Евсевій приводитъ отрывокъ изъ одного древняго автора, который говоритъ, что «папа Викторъ отлучилъ отъ Церкви артемонистовъ, послѣдователей Θеодота, за то, что, почитая Іисуса Христа простымъ человѣкомъ, они не принимали символа Вѣры (2)». Таже участь постигла, по свидѣтельству того же историка, и Павла Самосатскаго, ко-

---

слѣ Церковь свое исповѣданіе и называетъ символомъ, а не изъ подражанія язычникамъ (Petr. king. Hist. simb. Apost. c. 1. § 6. p. 8.), или воинскому знаку (Neand. Allg. Gech. 1. Abih. 1. B. стр. 527), какъ утверждаютъ нѣкоторые.

(1) Contr. Lucipt.

(2) Hist. Eccl. Lib. VII. c. 29. p. 314.

торый, возобновивъ ересь Артемона, осмѣлился дать другой смыслъ слову единосущный—ὁμοούσιος, находившемуся въ древнемъ исповѣданіи антіохійской церкви. Отцы собора антіохійскаго (265 г.), лишивъ его архіерейства, отлучили отъ Церкви за то, какъ выражаются они въ своемъ опредѣленіи, что «онъ отступилъ отъ символа Церкви ([1])». «Вѣра символа, пишетъ св. Кассіанъ въ опровержепіе Несторія, приводитъ къ священству, дѣлаетъ первосвященникомъ и возноситъ на верхъ пресвитерства (патріаршество). Отвергнувъ эту Вѣру, человѣкъ теряетъ и все то, что пріобрѣлъ чрезъ нее, ибо таинство священства утверждается истиннымъ исповѣданіемъ символа ([2]).

Итакъ Церковь никому не позволяла измѣнять или перетолковывать своего символа, обязывала хранить его и самихъ епископовъ и поражала анаѳемою за отступленіе отъ него; этимъ, яснѣе всякаго опредѣленія, она выражала ту мысль, что символъ былъ для нея непоколебимымъ и непремѣняемымъ правиломъ Вѣры (κανών, norma). Если же такъ; то гдѣ, какъ не въ этомъ правилѣ искать пробнаго камня, которымъ можно испытывать, согласно ли извѣстное ученіе съ Вѣрою Церкви? То одно исповѣданіе должно быть признано истиннымъ, которое, будучи сравнено съ символами древней Церкви, окажется согласнымъ съ ними. И если съ ними согласенъ символъ никейскій, то это должно служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что ученіе, предлагаемое въ немъ, выражаетъ Вѣру древней Церкви, которую она исповѣдывала отъ самаго начала.

([1]) Euseb. H. Eccl. Lib. VII. c. 29.
([2]) De incarn. Domini Lib. VII. c. IV.

Такимъ образомъ для доказательства истинности никейскаго символа, должно показать согласіе его съ древними символами, бывшими въ Церкви до никейскаго собора, и чтобъ видѣть это согласіе, необходимо обратиться къ самимъ символамъ.

(Окончаніе будетъ).

III.

ИСЦѢЛЕНІЯ, СОВЕРШИВШІЯСЯ

ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО

XIII.

Тамбовской губерніи, козловскаго уѣзда, деревни Иловайскихъ Двориковъ, временно-обязанный помѣщика М. П. Попова, крестьянинъ — Матоей Дмитріевъ Поляковъ, имѣющій отъ роду 30-ть лѣтъ, въ 1855 году получилъ ломоту въ рукахъ и въ ногахъ. «Отъ чего эта болѣзнь приключилась мнѣ, говорилъ онъ при показаніи, я не замѣтилъ; а думаю, что отъ худаго одѣянія въ холодное время». Впослѣдствіи времени болѣзнь его усилилась и приняла такой злокачественный характеръ, что съ правой стороны на плечѣ и рукѣ, также на лбу открылись раны, изъ которыхъ текла матерія. Тогда онъ лишился возможности носить платье и работать. Оставалось для него еще одно утѣшеніе: онъ могъ пока ходить. Но вслѣдствіе потери соковъ отъ ранъ силы его постепенно упадали, такъ что онъ едва держался на ногахъ во время ходьбы, а послѣднія двѣ недѣли передъ исцѣленіемъ лежалъ уже въ постелѣ. Такимъ образомъ болѣзнь Полякова длилась шесть лѣтъ и надежды на благополучный исходъ ея не было.

Какъ же онъ получилъ исцѣленіе? Здѣсь мы приведемъ его собственный разсказъ, въ устахъ неграмотнаго имѣющій особую красоту и убѣдительность: «имѣя, говорилъ Поляковъ, живую вѣру и упованіе на помощь святителя Тихона, прославленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ, принялъ я твердое намѣреніе идти въ городъ Задонскъ на поклоненіе его святымъ и чудотворнымъ мощамъ. На первый день я, съ большимъ трудомъ, прошелъ 7 верстъ; во второй день и третій, чувствуя уже нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, я могъ проходить верстъ по 30-ти, а по близости къ Задонску, молитвами угодника Божія, *раны на тѣлѣ моемъ засохли*, *и я сталъ совсѣмъ здоровъ*. Въ настоящее время, хотя и чувствую малую боль въ однѣхъ ногахъ, впрочемъ силы есть, и я работаю. Все сказанное могутъ подтвердить родственники мои сосѣди». Такъ заключилъ показаніе свое исцѣленный Матѳей Поляковъ.

И дѣйствительно, съ призываніемъ имени Божія подъ присягою, разсказъ о семъ чудотвореніи подтвердили: родной братъ его Ѳеодосій, двоюродный братъ ихъ Иванъ Созоновъ и 4 человѣка крестьянъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Всѣ эти лица не были непосредственными зрителями исцѣленія, и потому свидѣтельствовали только о послѣдствіяхъ чуда, т. е. что Матѳей Поляковъ только по прибытіи изъ Задонска сталъ здоровъ и началъ работать.

XIV.

Тамбовской губерніи, липецкаго уѣзда, бутырской волости, села Сселокъ, дочь государственнаго крестьянина Стефана Діомидова Двуреченскаго - дѣвица Анна, 20-ти лѣтъ, показала подъ присягою слѣдующее о своей

болѣзни и чудесномъ исцѣленіи у мощей святителя Тихона:

«Въ 1859 году, будучи совершенно здоровою, я, вскорѣ послѣ праздника Рождества Христова, а именно — въ послѣднихъ числахъ декабря, занимаясь пряжей, почувствовала въ себѣ боль. Началась она тяготою въ плечахъ, затѣмъ открылись ломота, слабость во всѣхъ членахъ тѣла и душевная тоска», отчего она, какъ говорили при показаніяхъ родные и знакомые, постоянно была печальна. Въ такомъ состояніи больная находилась до послѣднихъ чиселъ іюня истекшаго 1861 года. «А въ началѣ іюля, говорила она, занимаясь въ полѣ жатвой ржи, я почувствовала лихорадку, которая вскорѣ обратилась въ припадки бѣснованія. Эти припадки, помню, повторялись со мною ежедневно, и притомъ по нѣскольку разъ въ сутки, особенно при напоминаніи мнѣ о чемъ нибудь священномъ. Что со мною было во время самыхъ припадковъ, о томъ я ничего не помнила, по причинѣ совершенной потери чувствъ и памяти». Родители же ея: отецъ, Стефанъ Діомидовъ, 58-ми лѣтній старецъ, мать Параскева Ѳомина, старица 63-хъ лѣтъ, братья ея и знакомые этому семейству, изобразили единогласно въ ужасной картинѣ состояніе ея во время припадковъ. «Бѣсноватая, говорили они, кричала во весь голосъ и на всѣ голоса, въ неистовствѣ рвала и вырывала волосы на своей головѣ, щипала тѣло, грызла руки, подвергалась корчамъ и кривляніямъ, тряслась всѣмъ тѣломъ, ругалась надъ святынею, поносила безъ разбора всѣхъ родныхъ. Тѣло свое въ безчувственномъ состояніи она такъ безжалостно всегда грызла и щипала, что съ него не сходили пятна и раны. Мы, кто видѣлъ это, старались изъ жалости удер-

живать ее отъ поврежденія себя; но у ней въ то время дѣйствовала такая сила, что двумъ или тремъ здоровымъ мущинамъ трудно было одолѣть ее». По прекращеніи припадковъ, возвратившись къ сознанію, больная чувствовала сильную тоску, крайнее оскудѣніе силъ, боль во всѣхъ членахъ, и зрѣлище язвъ, собственною рукою нанесенныхъ себѣ, увеличивало тяготу ея сердца.

«Услышавъ о скоромъ открытіи мощей святаго Тихона задонскаго, такъ говорила Анна Двуреченская о своемъ исцѣленіи, я просила у него помощи и дала обѣтъ быть въ Задонскѣ при самомъ открытіи. Я ничего не помню, какъ меня отправили изъ дому, что̀ со мной дѣлалось на дорогѣ, какъ меня привезли въ Задонскъ, какъ я прикладывалась къ ракѣ святителя Тихона; въ продолженіи всего этого времени я находилась въ безчувственномъ состояніи (объ этомъ разсказали мнѣ послѣ)». Можно по этому судить, въ какомъ страдальческомъ недугѣ была бѣсноватая и какъ сильно и всецѣло обладалъ ею духъ тьмы! Но при ней въ путешествіи были ея отецъ съ матерью и родной 26-лѣтній братъ Прокопій Степановъ. Недостатокъ ея разсказовъ они пополнили слѣдующими обстоятельствами. «По ея желанію, мы, говорилъ отецъ, повезли страждущую въ Задонскъ, дня за четыре до открытія святыхъ мощей. На пути все время она была въ безчувственномъ состояніи, и въ припадкахъ бѣснованія играла пѣсни, прыгала, обнаруживая такую силу, что я съ женою и съ сыномъ, будучи въ силахъ, едва могли держать ее на повозкѣ. По прибытіи въ Задонскъ, еще до открытія святыхъ мощей, мы съ 9-го числа августа, ежедневно̀, значитъ нѣсколько разъ, прикладывали больную къ ракѣ святаго Тихона, но выносили ее всякій разъ на-

задъ въ безчувственномъ состояніи, внѣ себя, съ припадками бѣснованія». Соображеніе сихъ обстоятельствъ со временемъ исцѣленія бѣсноватой приводитъ невольно къ той мысли, что святитель, такъ сказать, намѣренно удерживалъ цѣлебную свою силу до дня торжественнаго открытія святыхъ мощей его, чтобы мы въ нетлѣнномъ тѣлѣ его, какъ бы очами, узрѣли источникъ, изъ котораго исходитъ обильный даръ чудотвореній. Ибо исцѣленіе бѣсноватой послѣдовало 13-го августа, въ день открытія святыхъ мощей и во время самаго крестнаго хода съ ними. Обстоятельство это такъ поразительно, что мы рѣшились привести его со всѣми подробностями.

Во время крестнаго хода со святыми мощами вокругъ монастыря, отецъ бѣсноватой, мать и братъ стояли въ толпѣ народа на монастырскомъ дворѣ, окруживъ больную и бдительно наблюдая за нею. Въ виду ихъ болящая Анна, очнувшись, пришла къ сознанію впервые послѣ отправленія изъ своего дома, и, возложивъ на себя крестное знаменіе, устремила глаза къ мощамъ святителя, несомымъ въ воздушномъ пространствѣ, на значительной высотѣ. Въ этотъ моментъ она увидѣла парящимъ надъ главою святителя Тихона, въ воздухѣ, юношу, съ открытыми русыми волосами, въ бѣломъ, длиннаго покроя, одѣяніи, опоясаннаго чернымъ поясомъ. Взоры и руки его, въ молитвенномъ состояніи, простерты были къ небу. Но видъ его былъ печаленъ и мраченъ. Въ порывахъ восторга, Анна просила окружавшихъ ее, особенно отца, мать и брата, взглянуть на видѣнное, они искали его глазами, но ничего не увидѣли. Когда святыя мощи пронесли мимо того мѣста, гдѣ стояла въ народѣ страждущая, предъ глазами Анны дивное видѣніе еще повторилось, только лице

юноши на этотъ разъ сіяло неизреченною радостію. Когда спрашивали у ней: «чему можно уподобить это видѣніе»?—Она отвѣчала: «по моему мнѣнію, оно похоже на изображеніе святыхъ ангеловъ или святыхъ угодниковъ Божіихъ, представляемыхъ на иконахъ въ молитвенномъ видѣ».

Изслѣдованіе сего чудотворенія происходило 29-го сентября прошлаго 1861 года. Въ заключеніе показанія исцѣленная сказала: «*я выѣхала изъ Задонска, благодаря Бога и святителя Тихона, совершенно здоровою, какъ и теперь себя чувствую*. Прежней тоски и припадковъ бѣснованія съ тѣхъ поръ со мною не бываетъ». Отецъ, припоминая дальнѣйшія обстоятельства тяжкихъ страданій, съ своей стороны присовокупилъ, что послѣ видѣнія дочь его неоднократно прикладывалась къ святымъ мощамъ, но всегда была въ чувствѣ, и припадки бѣснованія не обнаруживались; изъ Задонска везена была совершенно здоровою и теперь никакой боли не чувствуетъ.

Объ обстоятельствахъ славнаго изцѣленія Анны Двуреченской засвидѣтельствовали подъ присягою, кромѣ упомянутыхъ въ самомъ событіи лицъ, родной братъ ея (старшій Прокофія) Михаилъ Степановъ Двуреченскій, волостный голова Дмитрій Андреевъ и 11 человѣкъ крестьянъ—односельцевъ, которые знали объ ея болѣзни до отправленія въ Задонскъ, и по возвращеніи Анны домой вполнѣ убѣдились въ совершенномъ ея исцѣленіи. «Какъ она освободилась отъ прежней болѣзни, сказали они въ одинъ голосъ, мы не знаемъ, только въ настоящее время она находится совершенно здоровою,—за что, какъ слышимъ, и сама она и ея родные благодарятъ Бога и святаго отца нашего Тихона».

XV.

Тамбовской губерніи, города Козлова, приписная мѣщанка, дѣвица Евдокія Никитина Пушкина, 52-хъ лѣтъ, по мѣсту рожденія своего, жила до 16-ти лѣтняго возраста въ козловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Хмѣлевой Слободѣ, при родителяхъ (нынѣ уже умершихъ), которые были однодворцы. Потомъ, не чувствуя призванія къ семейной жизни, она, съ благословенія родителей, въ Хмѣлевѣ же поселилась въ особой, уединенной келліи, въ сообществѣ другихъ благочестивыхъ женъ, въ уединеніи искавшихъ себѣ спасенія. Въ Хмѣлевѣ, какъ и вездѣ по селамъ, богослуженія совершались только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Желая ежедневно присутствовать при богослуженіи, Евдокія, по смерти родителей, въ 1836 году, перешла на постоянное жительство въ городъ Козловъ, приписалась въ мѣщанство, и вмѣстѣ съ племянницею Параскевою Пушкиной, поселилась тамъ въ купленной ею хижинѣ, вблизи соборной церкви. Она была всегда совершенно здорова, а съ 1848 года, — отъ испуга ли, по случаю бывшихъ въ томъ году въ Козловѣ страшныхъ пожаровъ, или отъ другой какой причины, — она начала чувствовать біеніе сердца, сопрождавшееся истомою души. По началу болѣзнь была не такъ сильна и припадки не часто повторялись, но впослѣдствіи, особенно съ 1850 года, болѣзнь, усилившись, сдѣлалась столь невыносима, что Евдокія, отъ сильной тоски, теряла привязанность къ жизни и просила у Бога смерти. Въ послѣднее время припадки стали повторяться противу прежняго чаще, дня черезъ три и даже менѣе. Въ сильной тоскѣ больная никѣмъ и ничѣмъ не была довольна, изъ постоянно ласковой дѣлалась ка-

призною, ко всему придиралась, и жившая съ нею племянница, безъ всякой причины, терпѣла отъ ней огорченія. Болѣзненные припадки обыкновенно прекращались сильною отрыжкою.

Въ началѣ августа прошлаго 1861 года, услышавъ о скоромъ открытіи мощей святителя Тихона, котораго и прежде благоговѣйно чтила, не разъ, ради памяти его, бывала въ Задонскѣ и служила при его гробѣ панихиды,—Евдокія, какъ сама говорила, укрѣпившись вѣрою въ мощное ходатайство святителя Тихона предъ Богомъ, и вполнѣ уповая получить по его молитвамъ исцѣленіе, отправилась за 10 сутокъ до открытія святыхъ мощей въ городъ Задонскъ, одна пѣшкомъ. Въ дорогѣ она провела 4 дня, и пришла въ Задонскъ 7 августа вечеромъ. Съ самаго выхода изъ Козлова, горя усердіемъ поклониться и облобызать святыя мощи Тихона, она не чувствовала біенія сердца, но мысли самаго мрачнаго свойства давили ея душу, какъ бы извнѣ нападая на нее, и отрыжка, не прекращаясь во всю дорогу, мучила больную.

Прибывши въ Задонскъ, она, изъ благоговѣнія къ святителю, чтобы достойно коснуться святаго его тѣла и очистить чудотворной силѣ доступъ къ своей душѣ, поговѣла и 12-го числа въ богородицкомъ монастырѣ причастилась святыхъ таинъ. Сильное желаніе ея приложиться съ святымъ мощамъ, въ самый день открытія ихъ, не исполнилось, по причинѣ многолюдства и тѣсноты народа. Въ среду же, 16-го августа, по окончаніи литургіи, которую совершалъ Сергій, епископъ курскій, она вмѣстѣ съ другими поклонниками приблизилась къ ракѣ святителя Тихона, и едва коснулась устами святыхъ мощей, въ тотъ же моментъ ощутила въ

себѣ внезапную перемѣну: отрыжка, и въ Задонскѣ томившая ее, прекратилась, духъ унынія исчезъ, мысли сдѣлались свѣтлыми, чувства отрады, сладости и довольства охватили ея душу и тѣло. Выразивъ такія мысли, Евдокія прибавила: «впрочемъ, я не могу пересказать со всею точностію, что такое во мнѣ произошло и долго ли я находилась въ такомъ блаженномъ состояніи. Я была тогда внѣ себя отъ радости. Очнувшись же, я, какъ умѣла, благодарила святаго Тихона, моего благодатнаго врача и молитвенника. Болѣзненные припадки съ тѣхъ поръ со мною не повторялись, и въ настоящее время, благодаря Бога и великаго Его угодника святителя Тихона, я совершенно здорова, какъ душею, такъ и тѣломъ. Клянусь Богомъ, Котораго я призывала въ клятвенномъ обѣщаніи, напередъ сего показанія данномъ, что все показанное мною есть сущая правда и лжи ни тѣни тутъ нѣтъ».

Евдокія Пушкина сперва таила о своемъ чудесномъ исцѣленіи, но потомъ открыла о немъ въ Задонскѣ двумъ іеромонахамъ. Въ Козловѣ, согласно съ повѣствованіемъ въ Задонскѣ, она сдѣлала точное и подробное его описаніе, подтвердивъ присягою истинность его въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Жившая съ нею болѣе 25-ти лѣтъ родная племянница Параскева Иванова Пушкина, имѣющая отъ роду 40 лѣтъ, съ своей стороны показала какъ о ея болѣзни и припадкахъ до путешествія въ Задонскъ, такъ и о возвратѣ къ ней совершеннаго спокойствія и здоровья по пришествіи обратно въ городъ Козловъ.

XVI.

Тамбовской губерніи, усманскаго уѣзда, Пятницкой

слободы, государственнаго крестьянина Димитрія Ильина Свиридова жена Анастасія Евдокимова, 23-хъ лѣтъ отъ роду, получила въ Задонскѣ, не задолго до открытія святыхъ мощей Тихона, исцѣленіе, достойное примѣчанія.

Особенно — горестныя обстоятельства жизни, не со всякимъ случающіяся, воспитали въ Анастасіи Евдокимовой отвращеніе отъ всего земнаго, холодность къ ближнимъ, даже къ роднымъ, невниманіе къ домашнему быту. Скрывая отъ другихъ такое мрачное состояніе души, она думала своими силами выйти изъ него. Но когда собственныя усилія не произвели въ ней желаемой перемѣны: она откровенно объявила о своемъ душевномъ разстройствѣ матери своей, при ней жившей, Евдокіи Никитиной Васильевой, и своему мужу Димитрію Свиридову, имѣвшему къ ней добрыя отношенія. Они, съ общаго соглашенія, отслужили въ своемъ домѣ молебное пѣніе Божіей Матери, заступницѣ скорбящихъ.

Въ началѣ ноября 1860 года, въ жизни Анастасіи замѣтили перемѣну къ худшему. Прежняя только холодность души перешла въ сильную ненависть ко всему и ко всѣмъ, кромѣ сына, полуторагодоваго малютки, котораго она не переставала еще любить изъ жалости къ его возрасту. Сверхъ того въ болящей открылись нестерпимая тоска, безсонница, отвращеніе отъ пищи. Страхъ охватилъ душу, мрачныя представленія, принимающія ясность внѣшнихъ видѣній, тревожили ее и внутренній голосъ неотступно и утвердительно предрекалъ ей и сыну вѣчную погибель. Во все время этого искушенія, она искала помощи почти въ непрестанной, днемъ и по ночамъ совершаемой молитвѣ, а по-

томъ впала въ отчаяніе и совсѣмъ бросила молиться, считая себя отверженною Богомъ. Въ ночь на 6-е декабря того же года, въ ней обнаружилась совершенная потеря разсудка. Къ изумленію и ужасу родныхъ, она начала говорить странныя рѣчи, будто она уже въ другомъ мірѣ, гдѣ небо низко, свѣтъ мраченъ, — гдѣ все: земля, воздухъ и прочее — нечисты, осквернены духомъ злобы, и самые люди въ этомъ призрачномъ мірѣ казались ей злыми привидѣніями. Больная не признавала ни родныхъ, ни мужа, на всѣхъ бросалась, дралась и кричала: «за что вы лишили меня христіанской чистой земли? Возвратите меня въ мой родной христіанскій міръ, къ моимъ кровнымъ братіямъ христіанамъ», и тому подобное.

Въ слѣдующемъ 1861 году, чрезъ недѣлю послѣ праздника Богоявленія Господня, умеръ ея сынъ. Это усугубило ужасныя душевныя страданія Анастасіи. Ей представилось, что сына отравила непріязненная сила и увлекла его съ собою на вѣчныя мученія. Въ отчаяніи, она, изодравъ на себѣ платье, бѣгала по улицамъ, уходила иногда въ сосѣднія селенія и неистово кричала. Домашніе вынужденными нашлись держать ее на привязи Всѣ сподручныя мѣры приняты были къ исцѣленію несчастной, но ни что не помогало; умопомѣшательство (назовемъ такъ это состояніе) усиливалось, и болѣзнь во всѣхъ перемѣнахъ своихъ продолжалась такимъ образомъ—почти цѣлый годъ.

Въ томъ же 1861 году, дней за двадцать до праздника живоначальной Троицы, Анастасія, въ крайнемъ изнеможеніи силъ, уснула и видѣла сонъ, будто стоитъ она у мощей святителя Тихона задонскаго и хочетъ рукою поднять покровъ, коимъ покрыты святыя мощи

его; голосъ невидимый запрещаетъ ей касаться покрова; святитель же мягкосердо сказалъ: «пусть откроетъ». Въ тотъ же моментъ она проснулась, надежда на одинъ мигъ озарила ея душу и она почувствовала желаніе идти въ Задонскъ къ святителю Тихону. Но едва успѣла заявить о семъ матери, какъ невѣріе и отчаяніе опять овладѣли ею и какая-то противная сила непреоборимо отвлекала ее отъ исполненія благодатной мысли. Мать же, ухватившись за эту мысль, какъ за якорь спасенія, увѣряла потерянную дочь свою, что святитель Тихонъ непремѣнно возвратитъ ей христіанскую землю, и успѣла расположить ее, послѣ большихъ усилій, къ путешествію въ Задонскъ. Особенныхъ трудовъ стоило матери—довести ее до Задонска, но и для дочери, по ея болѣзни, не легко было это путешествіе. Полное отсутствіе разсудка, крайнее изнеможеніе физическихъ силъ, одышка и давленіе въ груди невыразимо затрудняли движеніе болящей.

За двѣ недѣли до праздника Святыя Троицы, пришли они въ Задонскъ, и не заходя никуда, прямо вошли въ церковь, въ которой тогда подъ спудомъ покоились святыя мощи угодника Божія Тихона. Руководимая матерью, больная приблизилась къ надгробію, на которомъ былъ изображенъ образъ святителя. Лишь только она коснулась къ образу устами, въ тоже мгновеніе ее озарила — было надежда благодатнаго избавленія; но мрачное отчаяніе, какъ бы препираясь, вытѣснило это свѣтлое и животворное чувство души. Въ такомъ состояніи духа она и вышла изъ церкви. Мать повела ее въ погребальную пещеру задонскаго монастыря, въ которой погребены тѣла подвижниковъ, въ Бозѣ почившихъ: схимонаха Митрофана, іеросхимонаховъ: Агапита, Наѳана-

ила и Авраамія, затворника Георгія, блаженнаго Антонія (Алексѣевича), также старицъ: Евѳиміи (Григорьевны Поповой), Матрены (Наумовны) и другихъ. Тамъ больная поспѣшно приложилась къ образу Архистратига Михаила, и вдругъ въ ея душѣ и въ чувствахъ мгновенно все измѣнилось; она совершенно пришла въ себя и, въ неизъяснимой радости, вскрикнула: «ахъ! вотъ здѣсь наша-то родная, христіанская, чистая земля! Вотъ наши кровные братья—христіане,—нашъ свѣтъ! А вотъ и моя родная матушка»! Съ этими словами она поклонилась матери до земли, какъ бы здороваясь съ нею при неожиданномъ свиданіи послѣ долгой разлуки. *Разсудокъ къ ней возвратился, сознаніе вошло въ свои предѣлы, и больная Анастасія Евдокимова совершенно исцѣлилась, сдѣлавшись какъ бы инымъ новымъ человѣкомъ.* Въ чувствованіяхъ благодарности, съ полною вѣрою, горячимъ усердіемъ и радостными слезами начала она молиться Богу и потомъ прикладывалась къ изображеніямъ на внутреннихъ стѣнахъ погребальной пещеры (часовни). Вечеромъ того же дня она исповѣдалась, и, по должномъ церковномъ приготовленіи, на другой день была удостоена причастія святыхъ таинъ.

Получивъ исцѣленіе, Анастасія, въ сердечной радости, очень скоро шла и поспѣшно возвратилась въ домъ свой. На пути, въ одномъ селеніи, она опять подверглась —было испытанію. Остановившись для ночлега, она не могла заснуть до глубокой ночи, и такъ около полуночи опять почувствовала страхъ, мысли снова взволновались отчаяніемъ; ей показалось, что она низвергается въ прежнюю бездну и привидѣнія засыпаютъ ее землею. Анастасія разбудила мать свою, которая, оградивъ ее крестнымъ знаменіемъ, внушила ей самой креститься и

мысленно читать молитву. Послѣ этого Анастасія нѣсколько забылась, и въ этомъ состояніи, полусонномъ и полубодрственномъ, увидѣла свѣтъ, подобный полуденному блеску солнца, и архангела Михаила вблизи стоящимъ, который сказалъ ей: «не бойся, теперь все прошло». Очнувшись, она начала вслухъ матери радостно благодарить св. угодника Божія Тихона и Михаила, архистратига небесныхъ силъ. «Съ того времени, какъ показала мать исцѣленной, свидѣтельница болѣзней и чуда, съ того времени, за молитвами великаго угодника Божія и чудотворца Тихона, также покровительствомъ архангела Михаила, она, благодаря Бога, находится по прежнему въ здравомъ умѣ, безпрепятственно ходитъ къ богослуженію въ церковь, молится дома, благоговѣйно чтитъ святыню, ко всѣмъ ближнимъ питаетъ любовь и ревностно заботится о домашнемъ хозяйствѣ».

Бывши во второй разъ въ Задонскѣ, при самомъ уже открытіи святыхъ мощей святителя Тихона, Анастасія Свиридова о чудесномъ своемъ исцѣленіи — сама повѣдала духовному начальству, по распоряженію котораго это событіе въ то же время было записано и потомъ подвергнуто законному обслѣдованію. Всѣ лица, по сему дѣлу спрошенныя, заявили свои личныя наблюденія согласно съ показаніями исцѣленной и истинность всего событія засвидѣтельствовали подъ присягою: сама исцѣленная, мать ея Евдокія Васильева, мужъ Димитрій Свиридовъ, свекоръ Илья Свиридовъ и пять человѣкъ ея сосѣдей по мѣстожительству.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО,

ОБВИНЕНІЯ ПРОТИВЪ НЕГО И ЕГО ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Сужденіе Маколея объ одномъ литературномъ пріемѣ, господствующемъ въ современной русской журналистикѣ. Статья: «Одна изъ Кастъ» въ 6 № Библіотеки для Чтенія прошлаго года; нѣсколько отрывковъ изъ нея: чего хотѣлось г. Піотровскому и чего онъ на самомъ дѣлѣ достигаетъ? Почему мы обратили вниманіе на эту статью? Пренебреженіе къ духовенству въ образованныхъ классахъ и въ литературѣ: какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ оно образовалось? Рабская переимчивость русскихъ относительно западныхъ одеждъ и другихъ внѣшнихъ явленій тамошней жизни; французское вольнодумство конца прошлаго вѣка—отобраніе отъ духовенства имуществъ, его бѣдность, его пресмыкательство; крайняя недостаточность духовнаго воспитанія до графа Сперанскаго и множество недостатковъ въ теперешнемъ порядкѣ нашего образованія—вслѣдствіе недостаточности матеріальныхъ средствъ: виновато ли здѣсь само духовенство и средство поправить дѣло; французскіе обычаи высшаго класса и беллетристика отечественная, распространяющая презрѣніе высшихъ классовъ по среднимъ образованнымъ. Перерожденіе презрѣнія въ ненависть къ духовенству и къ содержимому имъ ученію; обстоятельства содѣйствовавшія такому перерожденію: рабское отношеніе русскаго развитія къ западному, и русской мысли къ западной и слѣдствія этого для духовенства,—обстоятельство извиняющее и объясняющее такое отношеніе; голоса въ свѣтской литературѣ о неестественности и безжизненности подобнаго отношенія. Модная современная философія; ея возможная польза въ будущемъ и дѣйствительный вредъ въ настоящемъ; объясненіе торжества реальной или матеріалистической философіи. Условія, необходимыя для безпристрастныхъ сужденій объ отечественномъ духовенствѣ: первое условіе—историческое знакомство съ его судьбами въ древней Россіи; цивилизаторская дѣятельность духовенства до Петра Великаго; сужденіе объ этомъ гг. С. Соловьева и Павлова; противилось ли наше духовенство реформамъ и шло ли оно противъ прогресса жизни?

«Онъ полагалъ», писалъ Маколей о Гораціѣ Вальполѣ, «что онъ видитъ далеко внутрь людей; но мы на-

ходимся вынужденными быть совершенно инаго мнѣнія. Мы не думаемъ, чтобы онъ имѣлъ способность различать болѣе тонкіе оттѣнки характера. *Онъ употребляетъ однако пріемъ, который, какъ онъ ни легокъ и ни пошлъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глазахъ 99 человѣкъ изъ 100, репутацію проницательности. Онъ насмѣхался надъ всѣми, придавалъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читалъ каждаго человѣка на выворотъ...* Такимъ образомъ всякій можетъ съ небольшою проницательностію и съ небольшимъ трудомъ быть почитаемъ великимъ судьею характеровъ — людьми, хорошее мнѣніе которыхъ ничего не стоитъ. Говорятъ, что торопливый и жадный Неллеръ имѣлъ обыкновеніе отправлять дамъ, съ которыхъ снималъ портреты, какъ скоро набросалъ ихъ лица; и потомъ рисовалъ фигуру и руки съ своей горничной. Такимъ же образомъ обрисовывалъ Вальполь умы другихъ. Онъ копировалъ съ натуры только тѣ яркія и очевидныя особенности, которыя не могли ускользнуть отъ самаго поверхностнаго наблюденія. *Остальное полотно безпечнымъ и размашистымъ образомъ онъ покрывалъ чертами дурака и плута, смѣшанными въ такой пропорціи, въ какой угодно было небу...* Однимъ словомъ, если вѣрить этому прозорливому судьѣ человѣческой природы — Англія имѣла въ его время мало смысла и вовсе не имѣла добродѣтелей, за исключеніемъ того, что изъ смысла и добродѣтелей было раздѣлено между самимъ Гораціемъ Вальполемъ, лордомъ Вальдгравомъ (пріятелемъ Вальполя) и маршаломъ Конвей (самымъ короткимъ и въ сущности единственнымъ другомъ, къ которому Горацій по видимому былъ искренно привязанъ) (¹)».

(¹) Сочин. Макол. въ рус. перев. т. 2. стр. 221—228.

Сужденія великихъ писателей производятъ какое-то отрезвляющее дѣйствіе, и намъ бы хотѣлось отъ души, чтобы русскіе читатели современной русской литературы заучили на память и вспоминали при разрѣзываніи каждой новой книжки русскаго журнала приведенныя нами слова Маколея. Самыя худшія черты писемъ Вальполя повторяются въ современней нашей литературѣ— и большею частію безъ его достоинствъ. Кого, въ самомъ дѣлѣ, не обзывали въ нашей журналистикѣ дуракомъ или развратникомъ, или тираномъ? Лицъ давно жившихъ и современныхъ—Петра Великаго и Державина, Карамзина и Хомякова, Гизо и Гегеля, Сперанскаго и Молинари, Погодина и И. Аксакова, Юркевича и Срезневскаго, чиновниковъ разнообразныхъ вѣдомствъ, директоровъ разнообразныхъ компаній,—всѣхъ и все ругаетъ такъ, или иначе современная русская печать. Русскіе журналы — одинъ предъ другимъ—какъ какое нибудь новѣйшее изобрѣтеніе, *употребляютъ*, подобно Горацію Вальполю, *пріемъ, который, какъ онъ ни пошлъ и ни легокъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глазахъ 99 человѣкъ изъ 100 репутацію проницательности. Они насмѣхаются надъ всѣми, придаютъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читаютъ каждаго человѣка на выворотъ... Однимъ словомъ*, если вѣрить нашимъ журналистамъ, *этимъ прозорливымъ судьямъ человѣческой природы* и правдивымъ цѣнителямъ человѣческихъ дѣлъ, то Россія въ настоящее время имѣетъ мало смысла и вовсе не имѣетъ добродѣтелей, кромѣ того, сколько смысла и добродѣтелей раздѣлено между пишущею и печатающею братіею. Это направленіе современныхъ умовъ—карриктурить личности и положеніе дѣлъ, направленіе называемое современными журналами *обличи-*

тельнымъ, въ существѣ дѣла, одолжено своимъ появленіемъ желанію пишущей братіи—безъ труда прослыть за людей особенно проницательныхъ, видящихъ дальше. чѣмъ другіе, и потому имѣющихъ право смѣяться надъ всѣми и все представлять на выворотъ — по своему. Чѣмъ чище опичканный грязью образъ историческаго, или современнаго дѣятеля, чѣмъ громче его имя, чѣмъ многочисленнѣе то, или другое обруганное сословіе, чѣмъ важнѣе опошленное вѣрованіе, или учрежденіе, тѣмъ большая слава достается у 99 изъ 100 читателей смѣлому литератору. Блескъ литературной извѣстности усиливается въ прямой пропорціи съ крайностію, односторонностію и недобросовѣстностію ея взглядовъ и сужденій.—Положеніе дѣлъ безнравственное и ненормальное, конечно имѣющее себѣ оправданіе во многихъ темныхъ сторонахъ русской жизни и не могущее не принести нѣкоторой пользы, но положеніе уже въ силу своей ненормальности — недолговѣчное!...

Отечественное духовенство не могло избѣгнуть той участи, которую въ литературной области стали сперва испытывать другія сословія. Редакція журнала нашего имѣла уже случай обратить вниманіе читателей на странную выходку Отечеств. Записокъ противъ духовенства русскаго, гдѣ смѣлость и рѣшительность приговоровъ равняются лишь невѣжеству автора относительно разсматриваемаго имъ сословія. Одновременно почти съ Отеч. Записками другой русской журналъ напечаталъ статью въ томъ же родѣ подъ заглавіемъ: «*Одна изъ Кастъ*». Еще за нѣсколько времени до ея прочтенія насъ предупредила молва о ней; «вотъ, говорили намъ, статья, такъ статья! Какъ здѣсь мѣтко осмѣяно русское духовенство! Сколько святой правды тутъ!» Прочитали

статью и нашли ее съ точки зрѣнія, указанной Макодеемъ, дѣйствительно замѣчательною, а автора *проницательнымъ*; потому что еще больше смѣяться надъ всѣмъ святымъ, еще больше представить дѣло на-выворотъ, придать нѣсколькимъ частнымъ случаямъ преступленій болѣе худшее и болѣе обширное толкованіе, словомъ, больше ругаться, чѣмъ какъ наругался надъ духовенствомъ г. Піотровскій, едва ли возможно. Это верхъ недобросовѣстности съ одной стороны и невѣжества съ другой, и коротенькій отзывъ Отеч. Записокъ о духовенствѣ можетъ показаться искренней и задушевной лестію друга другу въ сравненіи съ 11 осьмушками 6-й книжки «Библіотеки для Чтенія». Точно также относится знаніе русскаго духовенства у безъименнаго лѣтописца Отеч. Записокъ ко знанію его г. И. Піотровскимъ. И если противъ сужденій перваго мы считали нужнымъ дѣлать свои замѣтки, поправки и опроверженія, то дикость и нелѣпость утвержденій г. Піотровскаго совершенно освобождаютъ насъ отъ подобнаго труда. Его статью можно было бы всю перепечатать, ничего не поправляя и ничего не замѣчая противъ нее, и всякій, болѣе или менѣе знакомый съ духовенствомъ русскимъ, только повторилъ бы эпиграфъ, предпосланный Гораціемъ Вальполемъ своему Catologue of Royal and Noble Authors: «Dove diavolo, messer Ludovico, avete pigliate tante coglionerie (1)?» Но довольно стыда для Библіотеки для Чтенія, помѣстившей на своихъ страницахъ «столько вздору» и издающейся еще подъ редакціею извѣстнѣйшаго русскаго романиста, долженствовавшаго бы знать бытъ русскаго духовенства, и перепеча-

(1) *«Эхъ, мистеръ Людовикъ, откуда вы набрали это столько вздору?»*

тывать статьи мы не расположены, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ, могущихъ дать понятіе читателямъ о направленіи и правдивости автора.

Объ основныхъ воззрѣніяхъ автора могутъ дать понятіе слѣдующія почти начальныя строки его статьи:

«Большая часть», пишетъ онъ, «нашихъ взглядовъ на общественныя отношенія находится на первой степени развитія, сохраняясь подъ эгидой народнаго почтенія. Даже въ литературѣ, между такъ называемыми авторитетами, представителями какой нибудь отрасли современной науки, встрѣчаются люди съ взглядами *теологическими*. Этой участи подвергаются преимущественно отвлеченныя понятія о нравственномъ, духовномъ и т. д. Такъ напр. по мнѣнію П. Г. Рѣдкина «воспитаніе непремѣнно должно быть христіанское. Сущность же христіанскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно постоянно обращаетъ вниманіе на истинное отношеніе человѣка къ Богу, какъ къ своему первообразу.... что оно признаетъ грѣховность человѣческаго рода, чувственность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (sic!) [1], превращенія его животной природы въ духовную». Это говоритъ болѣе или менѣе извѣстный почтенный профессоръ-юристъ, и этоже са-

---

[1] Это ироническое *sic* поставлено самимъ авторомъ. Недоумѣніе его касательно возрожденія и превращенія животной природы въ духовную не отличается новостію; оно въ первый разъ высказано было Никодимомъ самому Іисусу Христу: *Какъ можетъ человѣкъ родиться будучи старъ? Неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? Іисусъ отвѣчалъ: истинно истинно говорю тебѣ, если кто не родится отъ воды и Духа; то не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть; а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться снова* (Іоан. 3, 4—7).

мое на тысячу ладовъ можно услышать отъ всякаго старообрядца»…. «Всякій знаетъ причину отдѣленія людей, считаемыхъ нами старообрядцами (жизнь которыхъ по отношенію къ нашему времени сдѣлалась нелѣпою), отъ общихъ интересовъ. Это *та* каста, которой тогда казалось, что современная имъ тогдашняя *жизнь* была порочна и безнравственна; понятія ея были теологическія: цѣль жизни любовь и служеніе Промыслу».

Для насъ не имѣютъ большой важности подобныя убѣжденія г. Піотровскаго: всякій воленъ думать, какъ ему угодно, и за свои убѣжденія каждый, гдѣ слѣдуетъ, будетъ отвѣчать самъ. Но клеветать на кого бы то ни было, представлять дѣло другихъ въ превратномъ видѣ — это уже безнравственно и нечестно. А именно такого свойства всѣ почти фактическія показанія г. Піотровскаго относительно духовенства православнаго, или, какъ онъ выражается, относительно «*касты старообрядцевъ*», или (другое заимствованное имъ названіе) относительно «*темнаго царства*». Какъ обращики такого рода показаній, мы приведемъ своимъ читателямъ разсужденія г. Піотровскаго о приходскихъ русскихъ священникахъ и о томъ, какъ они исправляютъ требы.

«Кромѣ поповъ невидимокъ у старообрядцевъ есть еще попы *явные*, на послѣднихъ держится вся каста. Они исполняютъ всѣ требы и, такъ сказать, служатъ связью съ одной стороны прихожанъ съ хранимымъ старообрядческимъ ученіемъ, съ другой связію — богатыхъ міряанъ старообрядцевъ съ епископами и попечителями. Получая сами значительную сумму за требы, они большую часть (?!) ея принуждены бываютъ отнести къ «начальству». Такъ, напримѣръ, отбывая и получая об-

ратию метрическія книги, явные попы обязаны въ силу обычая представлять при этомъ всѣмъ извѣстные, по выраженію Гоголя, документы за подписью Хованскаго».

«*Св. крещеніе* младенцевъ описываемою кастою совершается по большей части за разъ надъ нѣсколькими новорожденными. Каста вообще не торопится совершать требы и держится пословицы: «гуртомъ дешевле», конечно по отношенію ко времени, а не къ получаемымъ за требу деньгамъ. Бываетъ такъ, что въ сутки крестятъ младенцевъ по *тридцати*, по *сорока*, а другой разъ и по *пятидесяти*. Происходитъ это обыкновенно такимъ образомъ: перепишутъ младенцевъ и кумовъ на записку, потомъ загонятъ всѣхъ въ придѣлъ, гдѣ поставлены купели съ водою по числу подлежащихъ крещенію, а дьячекъ, или кто другой положитъ начало и начнетъ каждаго младенца окунать. А священника весьма часто и видомъ не видать и слухомъ не слыхать.... Онъ явится къ такъ называемому *пополненію крещенія:* поставятъ среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку. Такимъ крещеніемъ остаются всѣ довольны: «батюшка, молъ, самъ крестилъ».

«Не лучше бываетъ съ *исповѣдью*. Народу набьется видимо не видимо. Выйдетъ дьячекъ; залѣзетъ въ олтарь, сядетъ тамъ на стулъ, а въ дверяхъ поставитъ столикъ. Народъ лѣзетъ къ нему съ просьбой о запискѣ. Потомъ поставятъ налой, выйдетъ опять дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять:—идетъ исповѣдь; а тамъ вый-

деть священникъ, прочтеть отпускъ и дѣлу конецъ.... Послѣ исповѣди надо брать записки отъ священника для причастья: *дѣло законное*.... надо знать, кто былъ на исповѣди. Разъ входитъ отецъ Пахомій въ монастырскую часовню, а часовня биткомъ набита, человѣкъ пятьсотъ было. Исповѣдь кончилась. Вышелъ дьячекъ. Началась раздача записокъ. Дьячекъ не всѣмъ ихъ раздаетъ, а по выбору, кто больше дастъ,—другимъ просто отказываетъ.... Далъ тѣмъ, кто побогаче, а другихъ обдѣляетъ, а у него рвутъ записки; зашумѣли. Онъ пятился, пятился да и улизнулъ на хоры. Смѣется оттуда: «что, молъ, взяли?» и началъ сбрасывать записки—забавляется. А внизу чуть не до драки дошло, одинъ у другаго отнимаютъ, ругаются, но жаловаться не могутъ: у дьячка всегда найдется отговорка: «не исповѣдывались молъ».

«Свадебъ по одиночкѣ въ глуши не вѣнчаютъ, а пригоняютъ къ разу. Былъ крайній (?) день передъ постомъ. И вотъ пріѣхало въ церковь *двадцать свадебъ*. Народу набралось гибель; любопытно было посмотрѣть, какъ будутъ вмѣстѣ двадцать свадебъ вѣнчаться. Десять было изъ Москвы, десять деревенскихъ, а назначилъ имъ попъ съѣзжаться ровно въ двѣнадцать часовъ: всѣ, само собой разумѣется, спѣшили. Ровно въ 12-ть часовъ часовня была полна ждущими брака и смотрѣльщиками—дѣло любопытное—двадцать свадебъ! Ждутъ попа часъ, ждутъ его два, и вечеръ на дворѣ — нѣтъ попа. Изнемогли всѣ. Отправились искать попа самые богатые; кое какъ добились до священника,—добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ, какъ снопъ мертвецки-размертвецки пьянъ, и какъ они къ нему ни приставали, какъ ни умасливали его—«*немогу*», едва выговари-

ваетъ. Люди-то все были молодые, терпѣть имъ не въ мочь: въ прибавокъ понимаютъ, что *вѣнчаніе наше одна проформа, только бы было*. Окружили его, нѣкоторые на колѣни стали, давай его молить, да умаливать. — Батюшка, будь отецъ родной, обвѣнчай, *никакихъ денегъ не пожалѣемъ*, сдѣлай божескую милость! «не могу, да не могу»! Не погуби душъ нашихъ, только ко грѣху приведешь.... Ну хоть какъ нибудь»! Водой начали его обливать. Наконецъ къ часамъ десяти ввели пьянаго попа въ часовню, началось вѣнчаніе»....

«Священники для того, чтобы распространить свое могущество, не только въ одномъ своемъ приходѣ, но и далѣе въ деревняхъ, *благословляютъ* простыхъ иноковъ исповѣдывать и пріобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ нерѣдко случается, что и простые міряне старики причащаютъ: — «Батюшка такой-то благословилъ»! Это самое святое правило. Иноки, отправленные по деревнямъ для сбора подаяній, при всякой возможности стараются услужить ихъ благословившему. Они сочиняютъ цѣлыя легенды о святости своего протектора. Въ свою очередь священникъ, поддерживая чрезъ подобныя личности проповѣдуемое ученіе, старается благословлять людей, могущихъ ему пригодиться и болѣе или менѣе извѣстныхъ мастерствомъ расказывать и сочинять. А потому и немудрено, что выбранные умѣютъ ловко пользоваться обстоятельствами и въ данную минуту кстати разсказать не бывалый случай про покровительствующаго имъ попа... Къ этимъ извѣстіямъ прибавляются расказы о видѣніяхъ, о чудесахъ, явленныхъ образахъ, и всякій только крестится и проклинаетъ другія касты и религіи. Старообрядчество, или вѣрнѣй, наше «*темное царство*» сильнѣе и сильнѣе пу-

скаетъ свои корни. Народъ валитъ въ церковь къ прославленному попу, и бываютъ случаи, особенно послѣ общей исповѣди, что попу всѣ въ руки деньги суютъ *чуть не до драки*.... А у явленныхъ образовъ, не потухая, теплятся лампады и сгораютъ въ сутки десятки сотенъ (?!) свѣчъ. При этомъ попечители получаютъ дохода отъ свѣчнаго сбора каждый годъ копѣйки четыре лишнія; а это, нужно сознаться, зависитъ не столько отъ жадности поповъ, сколько отъ боязни представить въ будущій годъ свѣчнаго сбору меньше, чтó по правиламъ касты не дозволяется: хоть копѣйкой, а должно быть каждый годъ въ приходѣ больше прошлогодняго. Это фактъ очень любопытный....»

«Каста эта», пишетъ авторъ, «еще долго будетъ жить, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренитъ въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени»!

Мы окончили свои выписки изъ статьи Піотровскаго, и спрашиваемъ тебя, вся честная, добросовѣстная, читающая Россія, духовная и свѣтская: чтò это — факты дѣйствительные, или, говоря языкомъ Піотровскаго, «*легенды изъ свѣтлаго царства*» литературнаго творчества?.. Гдѣ это, въ какихъ приходахъ гуртомъ крестятъ по 30, 40, а иногда по 50 младенцевъ? Гдѣ это за тѣмъ для 40, 50 младенцевъ считаютъ нужнымъ ставить 40, или 50 купелей; автору по видимому неизвѣстно, что въ одной купели можно крестить многихъ младенцевъ, какъ въ одной рѣкѣ крестились тысячи вдругъ. Гдѣ это совершается таинство крещенія такимъ образомъ, что «загонятъ всѣхъ въ придѣлъ, и дьячекъ или другой кто положитъ начало и начнетъ каждаго младенца окунать, а священника весьма часто и видомъ не видать

и слыхомъ не слыхать.... что священникъ явится къ такъ называемому *пополненію крещенія*, что когда онъ явится, поставятъ уже среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку», гдѣ, спрашиваемъ, г. Піотровскій видалъ подобный образъ совершенія крещенія? Онъ излагаетъ такія диковинки, что право невольно думаешь, ужъ не описываетъ ли онъ православнаго крещенія по воспоминаніямъ, сохранившимся у него о своемъ собственномъ крещеніи, и что онъ послѣ того, какъ самъ крещенъ былъ, уже ни раза не видалъ совершенія этого таинства. Гдѣ это за тѣмъ исповѣдываютъ въ Россіи дьячки, гдѣ это таинство покаянія совершается такъ, что «поставятъ налой, выйдетъ дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять (правило, или грѣхи?...), идетъ исповѣдь, а тамъ выйдетъ священникъ, прочтетъ отпускъ и дѣлу конецъ»? Если г. Піотровскій православный, въ такомъ случаѣ къ дьячкамъ никогда онъ пусть не ходитъ на исповѣдь, они не имѣютъ на это права, да кромѣ того, ему легче будетъ найти священника для исповѣди своей, чѣмъ дьячка, который бы взялся это сдѣлать. Въ какой это подмосковной глуши свадьбы вѣнчаютъ не по одиначкѣ, и гдѣ это было, что въ крайній день передъ постомъ вѣнчалъ священникъ двадцать свадебъ—вдругъ, да притомъ еще въ часовнѣ? Гдѣ это въ православной Россіи «священники благословляютъ простыхъ иноковъ исповѣдывать и пріобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ не рѣдко случается, что и простые міряне старики пріобщаютъ?» И гдѣ это иноки, отправ-

ленные съ такими цѣлями, сочиняютъ легенды о святости своего протектора и разсказываютъ о совершенныхъ имъ чудесахъ? Гдѣ это въ Россіи бываетъ *общая исповѣдь*, послѣ которой *попу всѣ въ руки суютъ деньги, чуть не до драки?* Истинно чудныя исторіи разсказываетъ г. Піотровскій; а еще въ своей же статьѣ нападаетъ на легенды и разные вымыслы. Вѣдь подобнымъ выдумкамъ могутъ повѣрить только тѣ, которые или до того озлоблены противъ духовенства, что, какъ французскіе судьи во времена терроризма, не повѣряютъ взводимыхъ обвиненій, а прямо подписываютъ преступнику прекращеніе существованія, или которые послѣ того, какъ сами лишь были крещены, никогда не присутствовали при совершеніи крещенія, и не только никогда не исповѣдывались и не вѣнчались, а и не видали, какъ это совершается надъ другими.... Вы, г. Піотровскій, ратуете за свои идеи, вы глумитесь надъ христіанствомъ; все это пусть такъ; можетъ быть ваши идеи и хороши, можетъ быть вашему невѣрію предстоитъ слава — смѣнить собою христіанство, а вамъ—сдѣлаться *апостоломъ новой вѣры*: но поймите, что вы замедляете, портите свое дѣло, мѣшаете ему, отнимаете силу у своихъ идей, смѣшивая ихъ съ вымыслами своей фантазіи. Вѣдь вы даете знать, что ваши идеи далеко не такъ цѣнны сами по себѣ, чтобы постоять за себя своимъ внутреннимъ достоинствомъ, когда для утвержденія ихъ въ умахъ читателей считаете нужнымъ прибѣгать къ недобросовѣстнымъ и клеветливымъ описаніямъ сословія, держащагося противоположныхъ вашимъ убѣжденій. Мы не можемъ сказать, чтобы вся ваша статья состояла изъ однихъ ложныхъ показаній; здѣсь попадаются свѣдѣнія и истинныя; тѣмъ

хуже и для этихъ свѣдѣній, что вы соединили ихъ съ прямо-нелѣпыми показаніями. Преступленія противъ своихъ обязанностей, встрѣчающіяся въ каждомъ сословіи, вы возводите въ общія преступленія всего духовенства русскаго; пороки, существующіе въ расколѣ, вы безразлично относите къ православному духовенству [1]; то, что есть худаго въ нашемъ духовенствѣ, вы преувеличили, то, что есть хорошаго, скрыли, приписали пороки и преступленія несуществующіе, и въ результатѣ вышли не люди дѣйствительные, а миѳологическія чудовища. «*Темнаго* вашего *царства*,» какъ вы его описали, нѣтъ на нашей планетѣ, и все, что непредубѣжденный читатель можетъ вынести изъ вашей статьи, такъ это понятіе о фанатической приверженности вашей къ новымъ идеямъ, въ силу которой вы, какъ нѣкогда испанскіе инквизиторы, готовы приписать людямъ не-

(1) Напримѣръ, говоря объ епископахъ очевидно православной господствующей Церкви, вотъ что говоритъ г. Піотровскій: «посмотримъ кто иногда попадаетъ во епископа. Жилъ на Руси попъ Егоръ, по большей части, въ кельѣ у матери Пульхеріи и началъ пить запоемъ. Попечители видятъ, что дѣло плохо, препоручили его Стефану Трифонову, который только тѣмъ и занимался, что съ бѣглыми попами по Россіи разъѣзжалъ. Поѣхалъ Степанъ съ Егоромъ, провѣдалъ, что у попа деньги есть — и спровадилъ Егора въ прорубь, а самъ уѣхалъ въ Бѣлые Криницы, попировалъ на добытыя деньги... и воротился въ Россію... епископомъ Софроніемъ» (стр. 11). Случай, очевидно, изъ исторіи раскольничей, а между тѣмъ авторъ «Одной изъ Кастъ» этимъ случаемъ подкрѣпляетъ свои сужденія и другой случай, касающіяся нашихъ православныхъ епископовъ. Это можно объяснить или незнаніемъ различія между раскольниками и господствующей въ Россіи православной Церковію, или же намѣреннымъ искаженіемъ дѣла для краснаго ли словца, или съ другими болѣе серьезными цѣлями; во всякомъ случаѣ подобная манера сужденій г. Піотровскаго походитъ на то, если бы кто нибудь, говоря объ ученыхъ съ дипломами лекаряхъ, вздумалъ для большаго опозоренія ихъ смѣшать съ ними и ихъ практикой деревенскихъ знахарей и знахарокъ и ихъ леченіе лихорадки напр. крѣпкой водкой, сулемой, и т. д.

согласнымъ съ вашими убѣжденіями всевозможные пороки и преступленія. Но неужели здѣсь есть терпимость, гуманность и добросовѣстность, требуемыя отъ всякаго человѣка и христіанствомъ и новымъ знаніемъ? Нельзя ли къ вамъ, г. Піотровскій, и ко многимъ, разсуждающимъ и устно и печатно о религіи и духовенствѣ, отнести словъ Маколея о французскомъ невѣріи въ эпоху первой французской революціи? «Новое невѣріе отличалось такою же нетерпимостію, какъ и древнее суевѣріе. Показать почтеніе къ религіи значило навлечь на себя подозрѣніе въ непреданности новымъ идеямъ. Не безъ неминуемой опасности священникъ могъ тогда крестить младенца, совершить бракосочетаніе или отправиться для исповѣди умирающаго... Церкви были заперты; колокола безмолвствовали; алтари разграблены, серебряныя распятія расплавлены. Шуты, одѣтые въ ризы и стихари, танцовали карманьолу предъ дверями самаго конвента. Бюстъ Марата смѣнилъ собою статуи христіанскихъ мучениковъ. Одна развратная женщина, помѣщенная на горнемъ мѣстѣ въ алтарѣ церкви Nôtre Dame, принимала поклоненіе тысячъ народа, восклицавшаго, что наконецъ эти готическіе своды храма въ первый разъ огласились звуками истины» ([1]). Конечно, многіе изъ дѣяній французскихъ революціонеровъ требуютъ большаго простора для своего совершенія, чѣмъ просторъ— печатно врать и клеветать, но судя по силѣ ненависти, какая наполняла вашу грудь при писаніи вашей статьи, вы, г. Піотровскій, не прочь были бы создать вмѣсто христіанскаго новое богослуженіе, а православное духовенство просто сразу же уничтожить. Вы съ

([1]) Essays and Reviews. Ed. Tauchnitz, Leipzig. tom. 4 pg. 139.

грустію и отчаяніемъ пишете: «каста долго еще будетъ жить, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренитъ въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!» Такъ вотъ и чувствуется послѣ этихъ словъ ваше недовысказанное желаніе, чтобы будущій русскій историкъ могъ повторить слова Маколея, примѣняя ихъ къ Россіи: «пастырей, вѣрныхъ своимъ началамъ, убивали десятками безъ суда и слѣдствія, топили, разстрѣливали, вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Тысячи бѣжали изъ отечества искать убѣжища подъ сѣнью вражескихъ алтарей (¹).» Но довольно о г. Піотровскомъ... Бываютъ выходки возмутительныя и недобросовѣстныя, но г. Піотровскій зашелъ ужъ такъ далеко, что дальше идти едвали можно. Для подобныхъ статей самымъ лучшимъ отвѣтомъ могло бы быть молчаніе или пренебреженіе къ нимъ, или же единодушные адресы, такъ часто употребляемые въ Англіи противъ разнаго рода памфлетовъ; и мы остановились на ней не потому, чтобы она сама заслуживала этого, а потому, что она выражаетъ собою—конечно въ самыхъ дикихъ утрированныхъ формахъ—почти общее настроеніе такъ называемаго образованнаго общества относительно церкви и духовенства, настроеніе, подъ которое авторъ лишь поддѣлывался. На этомъ предметѣ мы остановимся подолѣе.

Откуда и какъ образовалось въ образованномъ русскомъ сословіи, представителемъ мнѣній котораго служитъ литература, то пренебреженіе, часто переходящее въ болѣе сильное и положительное чувство къ церкви и духовенству—въ ненависть? Вопросъ жизненный и ве-

(¹) Таже страница.

ликой важности, отъ обстоятельнаго рѣшенія коего можетъ быть зависѣть будетъ и измѣненіе ихъ взаимныхъ отношеній, а это въ свою очередь могло бы повести къ другимъ самымъ существеннымъ для православной Россіи результатамъ. На первый взглядъ вопросъ этотъ можетъ показаться вопросомъ сколько пустымъ, столько же и неудоборазрѣшимымъ. Трудность его рѣшенія мы признаемъ и сознаемъ сами, и не съ цѣлію окончательно рѣшить, а лишь поднять его, мы поставили такой вопросъ. Но что это не пустой вопросъ для обѣихъ сторонъ, для презираемой и презирающей, для позорящей и позоримой, для ненавидящей и ненавидимой,—для доказательства этого достаточно сказать, что онѣ поставлены исторіей жить и дѣйствовать въ одномъ государствѣ, и это отсутствіе взаимнаго уваженія и довѣрія препятствуетъ согласному и единодушному дѣйствованію къ общимъ пользамъ.

Сознаемся, что мы принимаемся за объясненіе причинъ весьма сложныхъ — весьма сложной болѣзни. Легче было бы несравненно объяснить недовѣріе умныхъ людей и ненависть толпы къ духовенству католическому—въ началѣ XVI — въ Германіи, или въ концѣ XVIII вѣка во Франціи; тамъ духовенство своимъ деспотизмомъ, своими насиліями, своимъ корыстолюбіемъ, возставило противъ себя общественное мнѣніе; положеніе нашего духовенства, въ эпохи наибольшаго его могущества, не представляло подобныхъ побужденій къ презрѣнію или ненависти. Гдѣ же причина такого грустнаго разъединенія и недовѣрія? — Послѣдній вліятельный дѣятель изъ среды духовенства, дѣятель геніяльный, съ душой суровой и сильной, былъ Никонъ патріархъ; онъ заключилъ собою эпоху, когда духовенство было въ

Россіи почти единственнымъ грамотнымъ и сколько нибудь образованнымъ сословіемъ, онъ палъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ однихъ и коварствомъ другихъ, милость царская оставила своего любимца. За Алексѣемъ Михайловичемъ слѣдовалъ преобразователь Россіи. Реформа Петра образовала въ Россіи классъ людей образованныхъ по чужестранному, по нѣмецки, по французски, только ужъ не по русски—и въ полномъ отчужденіи отъ вліяній церкви и духовенства. На западѣ, гдѣ получали образованіе тогдашніе русскіе, было много уже посѣяно ненависти и недовѣрія къ церкви римской и ея клиру самою церковію и ея клиромъ; не имѣя собственныхъ историческихъ причинъ ненавидѣть свое духовенство, наши образованные русскіе переносили съ запада одни слѣдствія — т. е. холодность, пренебреженіе и ненависть къ всему, походившему на клиръ и церковные уставы. А между тѣмъ самымъ естественнымъ образомъ это, болѣвшее чужою болѣзнію, общество образованное имѣло вліяніе при дворѣ и въ провинціяхъ, потому что оно было образованнѣе. За немногими исключеніями эта образованность ограничивалась одною внѣшнею переимчивостію французскихъ манеръ обращенія и париковъ, нѣмецкихъ кафтановъ, западныхъ баловъ или ассамблей, а въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви вольнодумствомъ самаго дешеваго сорта—протестантскимъ нарушеніемъ православныхъ постовъ и насмѣшками надъ внѣшними сторонами религіи. Чувство пренебреженія къ духовенству зараждалось, какъ къ сословію исторически поставленному стоять за народную вѣру противъ западныхъ обычаевъ, удержавшему прежнія формы одеждъ и т. д. Вольномысліе французскихъ энциклопедистовъ прошлаго столѣтія это внѣшнее—чис-

то пренебреженіе къ духовенству русскому сдѣлало болѣе внутреннимъ. Въ это время все, что̀ блестѣло, что̀ было болѣе образовано, что̀ потому имѣло общественное вліяніе, научилось уже презирать духовенство, не какъ защитника постовъ и православныхъ старыхъ обрядовъ и обычаевъ, а какъ представителя вѣрованій, противоположныхъ совершенно убѣжденіямъ, довольно поверхностно усвоеннымъ сословіемъ, писавшимъ и объяснявшимся по французски, и всѣми, ползавшими около этого сословія. Но какъ усвоеніе французскихъ энциклопедическихъ воззрѣній, такъ и пренебреженіе къ духовенству одинаково были не глубоки и ограничивались притомъ тѣснымъ кругомъ.

Въ ту пору, когда во Франціи, Испаніи и Португалліи подъ вліяніемъ новыхъ идей, враждебныхъ іезуитскому и іерархическому порядку, отбирались отъ іезуитовъ имущества, въ ту-же пору и у насъ отобраны отъ нашихъ церквей и монастырей ихъ крестьяне и съ землями, и потомъ и тѣ и другія розданы придворнымъ ползунамъ. Церковь страдательно покорилась этой мѣрѣ, хотя не безъ жертвъ и протестовъ съ своей стороны. Но эта мѣра вмѣсто того, чтобы возвысить духовенство въ мнѣніи образованныхъ людей уже за одно выказанное имъ страдательное терпѣніе и самоотверженіе, лишь унизила его еще глубже. Духовенство, пользовавшееся до той поры богатыми (даже больше, чѣмъ нужно бы) средствами къ жизни, теперь, за нѣкоторыми исключеніями, было предано на жертву судьбѣ и благотворительности народа и помѣщиковъ. Изъ довольно независимаго сословія оно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ зависимыхъ; изъ довольно богатаго — нищенствующимъ. Многіе монастыри разрушились и были

оставлены; многія церкви остались безъ средствъ и разрушились, а которыя были покрѣпче построены, тѣ до сихъ поръ стоятъ въ древнихъ городахъ Россіи, какъ памятники другой эпохи жизни русской, приписанныя къ другимъ церквамъ. Нищенство — отличная причина съ одной стороны къ невѣжеству нищенствующихъ, побужденіе къ униженію и ласкательству предъ богатыми и сильными, а для богатыхъ и сильныхъ, которые въ ту пору не слишкомъ были научены признавать за человѣка лицо, не одѣтое въ парикъ да въ золото, это же нищенство съ его послѣдствіями — невѣжествомъ и заискивающимъ раболѣпствомъ — было новымъ поводомъ презирать нищенствующихъ, невѣжественныхъ и раболѣпныхъ духовныхъ. Какую жалкую роль—нищаго попрошайки занимало духовенство не только предъ вельможами, не только предъ болѣе или менѣе состоятельными помѣщиками, но и предъ ихъ управителями, которыми бывали по большей части нѣмцы или чухонцы, и предъ своими бурмистрами мужиками, для сужденія объ этомъ очень много имѣетъ данныхъ современное поколѣніе сельскаго духовенства и крестьянства. И лѣсъ для постройки дома, и дрова для отопленія, и земля для пропитанія, все это зависѣло отъ каприза помѣщика, или управляющаго, или бурмистра; ловкіе духовные, умѣвшіе вкрадываться — не безъ измѣны иногда своей вѣрѣ и своему служенію — могли жить хорошо; но горе было лицамъ сколько нибудь самостоятельнымъ и сколько нибудь уважавшимъ вѣру, которой были они служителями, когда они осмѣливались возвышать свой голосъ въ виду самыхъ явныхъ несправедливостей или самыхъ ужасныхъ жестокостей помѣщика или управляющаго. Мудрено ли, что голосъ живой проповѣди, без-

страшно каравшей нѣкогда народные пороки, безтрепетно провозглашавшей правду, милость и судъ и возбуждавшей къ проповѣдникамъ уваженіе, смолкъ въ духовенствѣ, и что оно въ самыхъ лучшихъ своихъ представителяхъ—начало прибѣгать къ риторическому щегольству въ проповѣдяхъ, избѣгая дѣла, а въ массѣ — напросто разучилось проповѣдывать. Въ какой мѣрѣ необезпеченность служителей вѣры препятствуетъ имъ честно служить вѣрѣ, объ этомъ лучше всего можно судить по священникамъ англійскихъ конгрегаціоналистовъ ([1]) и по шотландскому клиру. «Въ Шотландіи», замѣчаетъ Единбургское Обозрѣніе, «все такъ подстроено, что священники вполнѣ зависятъ отъ предразсудковъ и суевѣрій ихъ паствы; принужденная дойти до такого уровня, шотландская церковь чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше насчитываетъ между своими служителями лицъ изъ высоко образованныхъ классовъ общества; она въ значительной степени отдалила отъ общенія съ собою высшіе классы;—даже крайне-отвлеченное направленіе шотландскаго проповѣдничества и наклонность къ антиноміямъ одолжены своимъ происхожденіемъ этой зависимости клира шотландскаго отъ общины. Въ Шотландіи крайняя рѣдкость—проповѣдникъ, который бы осмѣлился съ каѳедры возвѣстить горячее осужденіе тѣмъ величайшимъ поруганіямъ нравственнаго закона, къ которымъ такъ наклонны оба пола въ этой странѣ. Самое шотландское богословіе слишкомъ

([1]) Объ англійскихъ диссидентскихъ священникахъ и низшей степени ихъ образованія сравнительно съ образованіемъ богатаго епископальнаго клира можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статьи: «*Состояніе христіанскаго міра въ текущемъ году*», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» за 1861 г. (стр. 440—462).

уже поддѣлывается подъ народный вкусъ; обычаи и предразсудки народные въ чувствительной степени насилуютъ высокую важность, принадлежащую истинамъ и законамъ христіанства... Самую надежную гарантію противъ крайностей народнаго фанатизма и нетерпимости составляетъ образованное духовенство, съ независимымъ внѣшнимъ положеніемъ, у котораго терпимость основывается на убѣжденіи и которое всецѣло предано служенію церкви, не управляемой предразсудками низшихъ классовъ» ([1])... Правительство не могло не замѣтить страннаго положенія, въ которое оно само же поставило духовенство; двѣ мѣры нѣсколько облегчили его внѣшнее положеніе: это распоряженіе, чтобы каждая церковь имѣла *указную пропорцію* земли и потомъ выдача жалованья сельскимъ духовнымъ, мимоходомъ замѣтимъ, недостаточнаго и скуднаго. Послѣдняя мѣра простирается кромѣ того не на всѣ губерніи. Но зло легче прививается, чѣмъ истребляется: злыя послѣдствія нищенства духовенства, имѣвшаго между прочимъ въ результатѣ усиленіе презрѣнія къ нему, продолжаются, а слѣдствія добрыхъ, облегчительныхъ мѣръ едва едва проявляются.

Бѣдность духовенства другимъ, еще болѣе прямымъ образомъ, содѣйствовала усиленію пренебреженія къ духовенству въ образованныхъ классахъ русскаго народа. До Петра великаго народное образованіе вообще и образованіе духовное въ частности были предоставлены частной инициативѣ частныхъ лицъ. О послѣднемъ заботились архіереи епархіальные. Такъ въ 1706 г. новгородскій митрополитъ Іовъ призвалъ въ Новгородъ

([1]) The Edinburgh Review. 1861. № 231. p. p. 208—209.

Лихудовъ и открылъ въ своемъ домѣ школу для обученія дѣтей славянскому и греческому языкамъ. Въ заботахъ своихъ о просвѣщеніи Петръ великій указами 1714 и 1716 годовъ повелѣлъ учредить «*цифирныя школы*» при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ для поповскихъ и причетническихъ дѣтей. Но потомъ постановленіями регламента повелѣно было всякому епископу имѣть въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ и соединить съ ними цифирныя школы, гдѣ онѣ были открыты (¹). Епископамъ предоставлено было приглашать учителей, откуда кто можетъ, и обезпечить ихъ со стороны средствъ жизни. Въ такомъ положеніи оставалось духовное просвѣщеніе довольно долгое время — въ Великороссіи, и о скудости его можно судить по александроневской школѣ—съ 1721 г. и александроневской славено-греко-латинской семинаріи (²). До 1732 г. кое какъ содержалась семинарія на монастырскій счетъ, потомъ изъ вотчинныхъ монастырскихъ доходовъ повелѣно было выдавать 1607 р. и 42 четверти хлѣба. Послѣ кратковременнаго возвращенія духовенству церковныхъ имуществъ, церковныя имѣнія были въ 1764 году окончательно отобраны (³)

(¹) *Регл.* Еписк. дѣла: пункты 9, 10. *Полн. Собр. Зак.* Сен. ук. 17 окт. 1723.

(²) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ александроневской школѣ и семинаріи находятся въ «*Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи*» Иларіона Чистовича (стр. 4—26).

(³) Ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, въ своемъ протестѣ Святѣйшему Синоду отъ 6 марта 1763 года, жалуется на предположенное отобраніе церковныхъ имѣній въ казну и продолжаетъ: «а между тѣмъ духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на Западѣ, то есть, по знатнымъ мѣстамъ, въ царствующихъ градѣхъ, на государственномъ содержаніи; знаемъ бо

отъ церкви и на содержаніе всѣхъ духовныхъ училищъ положено было сперва 40,000 р. (1), а потомъ—съ 1784 г. 77,431 р. 27½ к. — Императоръ Павелъ возвысилъ этотъ окладъ до 180,000. Императоръ Александръ въ 1807 г. возвысилъ до 360,000. По причинѣ скудости средствъ мѣры усовершенствованія духовныхъ училищъ не могли быть обширными, а иныя были просто неосуществимы (2). Уровень просвѣщенія не могъ такъ быстро подниматься въ духовенствѣ, какъ онъ поднимался въ другихъ сословіяхъ высшихъ, которымъ правительство доставляло болѣе щедрыя пособія, и которыя сами, владѣя большими имѣніями, были несравненно богаче. На духовныя училища, какъ мы сказали, отпускалось до 1808 г. 360,000 р. ассигн.; между тѣмъ въ томъ же году комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія плана объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ, признавалъ необходимымъ для академій, семинарій и низшихъ училищъ въ 36 тогдашнихъ епархіяхъ сумму болѣе чѣмъ въ четверо бóльшую, именно 1,669,450 р. (3).—Духо-

---

всѣ, яко ученіе свѣтъ есть, а неученіе тьма. Но какъ свѣтъ, отъ начала созданія всюду разсѣянный и колеблющійся, приведенъ въ порядочное состояніе тѣмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ: такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязямъ и болотамъ, но по знатнымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно и въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіи быть при Сvнодѣ на государственномъ содержаніи... А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей... Нужно усилить проповѣдь слова Божія, потому что жатва многа, а дѣлателей мало... Число церквей умаляется, а не умножается; инвалидами наполнили и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили и за нихъ только сражались инвалиды». Газета *День*. № 15; статья И. Чистовича: Арсеній Мацѣевичъ.

(1) Высочайш. указъ 11 авг. 1765.

(2) Исторія С.-Петерб. Д. Ак. стр. 163.

(3) Также стр. 173—178.

венство изъ передоваго сословія попало въ отсталые, и въ какой мѣрѣ оно еще отстало бы, трудно и представить, если бы блаженной памяти графъ Сперанскій, самъ происшедшій изъ духовнаго сословія, не вывелъ его изъ рабства невѣжеству и нищетѣ, воспользовавшись для просвѣщенія его тѣми скудными источниками, которые еще оставались въ распоряженіи церкви. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его знаменитый проектъ о содержаніи духовныхъ училищъ на счетъ прибыли отъ продажи церковныхъ свѣчей. Что было бы безъ этого проэкта, до какой степени дошло бы невѣжество духовенства, мы затрудняемся и опредѣлить; намъ, какъ болгарамъ, пожалуй пришлось бы брать въ священнослужители грамотныхъ грековъ. Умножились приходскія и уѣздныя училища, преобразовались и увеличились въ числѣ семинаріи, образовались по новой методѣ духовныя академіи; мы на время опять сравнялись съ образованными русскими сословіями; но, увы, что въ проэктѣ было хорошо, то въ осуществленіи впослѣдствіи встрѣтило большія затрудненія. Нѣтъ добра, въ которое бы обстоятельства или человѣческая воля не прибавили значительной доли зла. Церквей много, особенно въ городахъ, приходы сельскіе слишкомъ разбросаны или слишкомъ бѣдны, свѣчная продажа служила до той поры средствомъ къ ремонтировкѣ и содержанію церквей и къ благоукрашенію ихъ; и духовенство русское было поставлено въ необходимость— не всю свѣчную прибыль представлять на содержаніе духовныхъ училищъ. Съ начала еще, когда и любовь къ просвѣщенію не такъ сильна была въ духовенствѣ, когда семинаріи были не такъ многолюдны, когда еще составъ наставниковъ въ духовныхъ училищахъ не былъ

такъ великъ, свѣчная прибыль еще была достаточна для удовлетворенія нуждъ духовно-учебныхъ заведеній; но въ послѣднюю пору, когда проценты съ накопившихся въ ту пору учебныхъ капиталовъ уменьшились, а потребности жизни удвоились или утроились по цѣнности, и процентовъ и свѣчныхъ сборовъ едва достаетъ на содержаніе духовно учебныхъ заведеній. Нужно на мѣсто ветхихъ строить новыя зданія, поправлять разваливающіяся, а денегъ нѣтъ; нужно завести болѣе строгій нравственный надзоръ за дѣтьми сельскихъ священниковъ и причетниковъ, поставленныхъ на квартиры къ мѣщанамъ или къ солдаткамъ въ разныхъ мѣстахъ города, а установить его нѣтъ средствъ; нужно усилить учебныя пособія, увеличить жалованье наставникамъ, чтобы они не выходили изъ духовно училищной службы и всецѣло на всю жизнь посвящали себя своему дѣлу, —недостатки духовныхъ училищъ слишкомъ бросаются въ глаза, но средствъ, именно матеріальныхъ средствъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ не представляетъ нынѣшній порядокъ сбора и представленія свѣчныхъ суммъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія университеты едва ли были лучше въ какомъ бы то ни было отношеніи академій, гимназіи-семинарій; съ тѣхъ поръ въ полстолѣтія много утекло воды. Правительство гражданское, отобравши имѣнія у духовенства, оставило его на его собственныя средства. Съ 1808 г. по 1816 казна государственная отпускала еще по 2,000,000 руб. на духовно-учебныя заведенія; но это временное пособіе отъ казны, дававшееся до увеличенія собственныхъ духовно-учебныхъ суммъ, пресѣклось въ 1816 году (¹). Уро-

---

(¹) *Исторія С.Пет. Д. Акад.* см. стр. 178.

вень просвѣщенія въ духовенствѣ не могъ такъ прогрессивно подниматься, какъ онъ поднимался въ свѣтскихъ училищахъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше получавшихъ поощреній. Профессоръ университета получаетъ теперь содержаніе около 1500: профессоръ академіи около 850; не знаемъ, сколько ассигнуется на библіотеки университетовъ, а на академическую—всего идетъ 571 р. 40 коп. вмѣстѣ и съ физическимъ кабинетомъ. Свѣтскому образованному міру — большинству его неизвѣстны всѣ эти обстоятельства и всѣ эти причины недостаточности нашего образованія; ему извѣстны только слѣдствія причинъ, только дурныя внѣшнія манеры духовенства, незнаніе имъ иностранныхъ языковъ, тѣсный кругъ свѣденій по предметамъ общаго образованія, нѣкоторые пороки, и оно ставитъ себя въ положеніе пренебреженія къ намъ. Въ какой бы формѣ ни являлось это пренебреженіе къ духовенству, въ формѣ ли обиднаго сожалѣнія, какъ высказалъ его г. Чернышевскій, предложивши своими книгами доучить бывшаго профессора академіи г. Юркевича, или въ холодномъ пренебреженіи ко всѣмъ произведеніямъ духовной литературы, или въ намѣренномъ искаженіи всѣхъ дѣлъ духовенства или по меньшей мѣрѣ въ прохожденіи ихъ свѣтскою литературою молчаніемъ, — источникъ его между прочимъ скрывается въ убѣжденіи свѣтскаго образованнаго сословія, что духовенство мало знаетъ, что оно менѣе цивилизовано, что не способно вслѣдствіе недостатковъ своего образованія итти на ряду съ вѣкомъ. Въ какой мѣрѣ въ существенныхъ сторонахъ образованія духовенство отстало отъ другихъ сословій, и кто больше дѣлалъ и дѣлаетъ для развитія народнаго, -объ этомъ мы скажемъ

послѣ, а теперь перейдемъ къ другимъ причинамъ уже не пренебреженія только, а нѣкоторой довольно желчной ненависти къ духовенству въ образованныхъ сословіяхъ вообще и въ литературѣ въ особенности.

Мы сказали уже, какое вліяніе имѣла французская энциклопедическая философія на воззрѣнія нашего образованнаго, главнымъ образомъ, придворнаго класса и на его отношенія къ духовенству. Французская революція нѣсколько просвѣтлила глаза нашимъ обезъянствовавшимъ энциклопедистамъ насчетъ послѣдствій боготворимыхъ ими воззрѣній; слѣдовавшій за тѣмъ 1812 годъ порвалъ въ сердцахъ франкофиловъ тѣ философическія симпатіи, которыя они только для моды и питали, — философскія воззрѣнія были оставлены, но языкъ французскій, но французскіе обычаи отвоевывали все больше и больше плѣнниковъ себѣ. Французская литература была больше литературой русскаго образованнаго сословія, чѣмъ русская; въ русскомъ образованномъ обществѣ не рѣдкость были лица, не могшія объясняться по русски, а писать еще меньшее количество умѣло, хотя эти лица и писали и говорили по французски хорошо. Духовенство и воспитывалось и жило далеко не по французски; французскій языкъ знали немногіе, и знали какъ-то по своему, т. е. знаніе знавшимъ давало возможность читать книги французскія и заставляло затыкать уши при малѣйшемъ покушеніи съ ихъ стороны сказать какую нибудь французскую фразу; одежда на духовенствѣ осталась старая національная; языки греческій и латинскій, здравый смыслъ не могли замѣнить въ глазахъ свѣтскихъ людей незнанія послѣдняго французскаго романа или послѣдней парижской сплетни. Между тѣмъ

и русская беллетристика вторила тѣмъ же воззрѣніямъ высшихъ классовъ; начиная съ романовъ Нарѣжнаго и комедій Фонъ-Визина до настоящаго времени, за немногими исключеніями, выводимый на сцену театра или въ повѣсти семинаристъ непремѣнно лице глупое, съ безобразными манерами, съ дикимъ произношеніемъ, — лицо окаррикатуренное; то, что въ верхнихъ слояхъ общества утверждалось на основаніи фальшивыхъ воззрѣній на достоинство человѣка образованнаго, то въ среднихъ классахъ воспитывалось беллетристикой.

Но все еще пренебреженіе къ семинаристамъ и духовенству не восходило до пренебреженія къ содержимому ими ученію. Этимъ мы уже обязаны позднѣйшему періоду развитія русской литературы. Цивилизація менѣе развитая, когда она встрѣчается и приходитъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціею болѣе развитою, страдательно покоряется послѣдней и рабски изумляется въ ней каждой частности. Здѣсь же первая, по мѣткому выраженію Бокли, способна *просматривать золото и подбирать ржавчину!* Въ такомъ отношеніи въ средніе вѣка находилась цивилизація западная къ древне-классической, въ такомъ отношеніи находится теперь цивилизація турецкая къ христіанской; именно въ такомъ же положеніи была и находится доселѣ русская жизнь къ западно-европейской. Реформой Петра великаго поставленная въ соприкосновеніе съ западной Европой, Россія начала перенимать именно внѣшнее, и нерѣдко внѣшнее или неприложимое или даже дурное; начавши съ бюрократіи, съ централизаціи, съ кафтановъ, съ париковъ, съ ассамблей, съ созданія роскошныхъ палатъ, она потомъ перенесла къ себѣ для поэзіи сперва классическіе образцы, потомъ романтическіе. Но внѣшнее

какъ скоро перенимается, такъ же скоро и даетъ чувствовать свою несостоятельность; парики оставлены, кафтаны и мундиры нѣсколько разъ измѣнялись. Несравненно дольше продолжается, точно также какъ довольно поздно воспринимается, внутреннее содержаніе высшей цивилизаціи низшею; послѣднія степени первой туго и какъ то странно входятъ въ жизнь второй. Въ этомъ случаѣ позже всего развивается и труднѣе всего усвоется философія, которая составляетъ высшее самопознаніе цивилизаціею самой себя. Раньше всего литература воспринимающей цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность въ поэзіи; позже всѣхъ въ философіи. Законъ этотъ имѣлъ полную свою силу и въ нашемъ литературномъ развитіи. Поэтовъ мы имѣемъ уже нѣсколько вполнѣ самостоятельныхъ и народныхъ, и ни одного самостоятельнаго философа. Настоящее современное поколѣніе Россіи, требующее уже народности и самостоятельности творчества и отъ живописцевъ и отъ поэтовъ, въ отношеніи къ философствованію находится въ состояніи рабской покорности западу. Еще живо то поколѣніе, которое запомнитъ господство у насъ Шеллинговой философіи; Гегелева философія, не принимаемая теперь въ цѣломъ, снабдила многія науки своими началами, на которыхъ онѣ до сей поры у насъ созидаются; новѣйшая такъ называемая *индуктивная*, или матеріалистическая германская философія по праву можетъ считать себя неограниченной властительницей русской мысли, по крайней мѣрѣ большинства молодаго поколѣнія. Общее, что мы замѣчаемъ въ царствованіе каждаго изъ трехъ смѣнившихся преемственно неограниченныхъ монарховъ нашей мысли съ сопутствовавшими имъ учеными историками, геоло-

гами и т. д.,—это то, что подвластные имъ русскіе образованные люди никогда не задавали себѣ труда отнестись къ нимъ самостоятельно и свободно, а напротивъ по ихъ указанію калечили и увѣчили все, враждебное ихъ ученію. Мы уже довольно близко подошли къ выясненію своей мысли касательно происхожденія ненависти къ духовенству и церкви и остальное можемъ договорить словами Хомякова: «Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы далеко еще не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также мы не достигли и полнаго разумѣнія свящ. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться: но только смѣлымъ допущеніемъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ Закону Божію, теперь допущено и безвредно. Папское богословіе запрещало землѣ вертѣться, а мы всѣ повторяемъ за Галилеемъ: *«а все таки она вертится»*, и знаемъ, что движеніе планеты не уничтожаетъ священнаго Писанія; но нелѣпый приговоръ духовныхъ судей былъ повторяемъ нерѣдко невѣрующими прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и нерѣдко увлекалъ

слабые умы къ безвѣрію. Опасна не свобода наукъ: она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства вѣры; а опасно нѣмецкое суевѣріе въ непреложность наукъ на каждомъ шагу ихъ развитія. Это суевѣріе, вредное для науки и еще вреднѣйшее для религіи, должно быть устранено изъ всякаго преподаванія; но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукѣ? Средство просто. Семейство и общество должно имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшія. Суевѣріе въ наукѣ и безвѣріе въ религіи не распространятся и не устоятъ предъ надзоромъ общества вѣрующаго (ибо таково еще большинство), общества уже знакомаго съ наукою, и для котораго она не имѣетъ ни соблазна новизны, какъ для учениковъ, ни соблазна ремесленности, какъ для преподавателей» (¹). Это «*нѣмецкое суевѣріе въ непреложность и неизмѣнимость науки и ея выводовъ* на всякой данной степени ея развитія», это рабское отношеніе русскаго образованнаго ума къ западному съ одной стороны и его вовсе ужъ не рабское, даже мало деликатное, а чисто деспотическое и доктринерское отношеніе къ вѣрованіямъ русскаго народа и къ складу русской жизни, первѣе всего должны были коснуться са-

(¹) Газета «*День*» № 1. Отъ души радуемся, что наконецъ и среди свѣтской литературы нашелся самостоятельный органъ, честно и прямо ратующій и противъ рабства русской мысли вообще, и противъ матеріалистическихъ воззрѣній въ особенности, органъ, несчитающій ниже своихъ высокихъ задачъ — говорить о духовенствѣ и семинаристахъ съ сочувствіемъ. Не смотря на единодушное почти порицаніе новой газеты прежними журналами, мы все таки считаемъ ее лучшимъ и самымъ жизненно-либеральнымъ періодическимъ изданіемъ, и смѣло рекомендуемъ ее своимъ читателямъ.

мыхъ яркихъ и выпуклыхъ сторонъ русской жизни, прямо противоположныхъ ихъ рабски принятымъ иноземнымъ воззрѣніямъ. Виднѣе всѣхъ, можетъ быть, другихъ особенностей русской жизни зрится русское духовенство, съ своимъ кодексомъ ученій, правилъ, и кромѣ того составляющее какъ бы замкнутую касту, такъ что его нельзя не замѣтить всякому усердствующему поклоннику той или другой западной теоріи, и посильному распространителю ея. Духовенство кромѣ того, составляя организованное сообразно съ своимъ ученіемъ сословіе, представляя нѣкоторымъ образомъ твердыню—оплотъ противъ новыхъ ученій, который защищать примется пожалуй все необразованное наше простонародье, естественнымъ образомъ вызываетъ на себя вниманіе нашихъ передовыхъ мыслителей, на него обращаютъ и серьезные и холостые залпы клеветъ и остротъ, и профессоръ съ каѳедры и публицистъ въ бѣглой статейкѣ, Піотровскій въ «Одной изъ кастъ», Антоновичъ въ «Старыхъ и новыхъ философахъ». Безсиліе нападенія, неудостоиваемаго даже отвѣта со стороны осаждаемыхъ, вызываетъ злобу у нападающихъ и новыя, болѣе уже ожесточенныя нападенія. Болѣе робкіе изъ за угла и мимоходомъ, болѣе ретивые прямо бросаются на духовенство и содержимое имъ святое ученіе. Вотъ, напримѣръ, г. Піотровскій, основавшись на одной изъ теорій—на теоріи Конта о трехъ степеняхъ развитія каждаго народа: *теологической* или вымышленной (?!), *метафизической* или отвлеченной, и *научной* или положительной, основавшись на этой теоріи еще не провѣренной, которую можетъ статься послѣ завтра же смѣнить другая теорія, и укрѣпившись за ней, какъ за твердымъ фортомъ, съ усердіемъ дисциплинированнаго

рядоваго, сыплетъ холостые залпы сперва по христіанскому ученію за то, что оно, видите, какъ ученіе теологическое, *«постоянно обращаетъ вниманіе на отношеніе человѣка къ Богу, какъ своему первообразу.... что оно признаетъ грѣховность человѣческаго рода, чувственность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія* (sic), *превращенія животной природы въ духовную»*; потомъ — по духовенству за то, что оно «проповѣдуетъ, какъ цѣль жизни, любовь и служеніе Промыслу.» Нападеніе безсильное, это конечно сознавалъ и самъ авторъ; немногіе развѣ назовутъ въ самомъ дѣлѣ дурнымъ ученіе, которое, какъ нелѣпое, выставляетъ Піотровскій; и онъ уже потомъ въ пользу ученія Конта начинаетъ клеветать на духовенство. Но г. автору этому, какъ и всѣмъ другимъ, не мѣшало бы помнить, что между старообрядцами, равно какъ и между людьми держащимися новыхъ «научныхъ или положительныхъ» воззрѣній, могутъ быть и хорошіе и дурные люди, и что дурной не порочитъ ученія, содержимаго имъ, и что христіанское ученіе не такого рода вещь, чтобы истина его зависѣла отъ качества лицъ, содержащихъ его, точно также, какъ истина ученія Конта не зависитъ отъ того, что г. Піотровскій, вѣрующій ему, не совсѣмъ честно и добросовѣстно говоритъ о русскомъ духовенствѣ. Вообще если только вѣрно то, что у насъ образованный «человѣкъ отрывается такъ сказать отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей землѣ» (¹), всецѣло покоряя весь запасъ своей собственной душевной энергіи той или другой, попавшейся ему въ руки книгѣ, Бёккля или Милля, Конта или Шопенгауера, то для

(¹) Слова Хомякова. Тамъ же.

всѣхъ другихъ книгъ, для всей русской жизни, для самаго откровенія и для проповѣдующаго его духовенства не можетъ быть никакого другаго отношенія, какъ отношеніе невниманія, презрѣнія, ненависти или злобы. Только лице свободное и самостоятельное можетъ быть въ дружбѣ и пріязни со многими и многимъ оказывать вниманіе и услуги: настоящій рабъ даже двумъ господамъ не можетъ работать. О русской жизни съ какихъ бы точекъ зрѣнія не судили, кромѣ точки зрѣнія самостоятельной, съ точки ли зрѣнія Гегелевской философіи, Бюхнеровской ли, Миллевской ли, всегда она во всѣхъ своихъ сторонахъ, и въ духовенствѣ между прочимъ, покажется безобразной и требующей страшной ломки, а въ случаѣ ея безмолвнаго и стойкаго сопротивленія, заслуживающею пренебреженія, ненависти, или чего нибудь похожаго на эти чувства.

Этотъ прогрессъ въ закрѣпленіи между русскою мыслію и западною отношеній раба къ господину начался довольно давно, и первые законоположники такого порядка (свалимъ вину хоть въ этомъ на другихъ!) были выписанные изъ за моря для насильственно цивилизуемой Россіи—профессора разныхъ академій, университетовъ, училищъ. Потомъ ихъ насажденіе утверждали и поливали посыланные за границу особенно даровитые и прилежные, много обѣщавшіе воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, занимавшіе по возвращеніи профессорскія мѣста; чѣмъ даровитѣе были лица, тѣмъ больше они успѣвали въ данномъ направленіи. Между тѣмъ, какъ эти ученые наставники переносили и пересаживали теоріи западныя со всею ихъ точностію и равняющеюся точности неприложимостію и враждебностію началамъ русской жизни, подспорьемъ имъ въ ихъ по-

лезныхъ трудахъ послужило издавна укоренившееся убѣжденіе въ русскомъ образованномъ сословіи — вводить, какъ необходимую принадлежность порядочнаго воспитанія, знаніе новѣйшихъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, значительно облегчавшее для самыхъ посредственныхъ головъ усвоеніе уроковъ и послѣднихъ выводовъ западной жизни и науки. «Преподаваніе языковъ живыхъ раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и разслабляетъ; другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится французскому и другимъ европейскимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломаныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самыхъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы русскій человѣкъ превосходно владѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знанія многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы русскій совершенно раззнакомился со всѣми живыми особенностями роднаго нарѣчія» (1). Человѣкъ *многоязычный* столько же проигрываетъ относительно самодѣятельности мышленія и самостоятельнаго усвоенія чужихъ мнѣній, сколько выигрываетъ относительно многознанія и многочитанія. И можетъ быть достаточно одной этой особенности воспитанія нашихъ образованныхъ юношей и дѣвицъ, чтобы понять, насколько мы еще успѣемъ въ рабολѣпствѣ предъ западнымъ развитіемъ и насколько съумѣемъ отрѣшиться отъ способности мыслить свободно о пред-

(1) Замѣтка Хомякова. Тамъ же.

метахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и обсужденію, если подобный порядокъ воспитанія будетъ еще продолжаться. Вкусъ къ иноземнымъ произведеніямъ у насъ въ Россіи развился тѣмъ быстрѣе, чѣмъ бѣднѣе была наша отечественная литература, и чѣмъ строже и подозрительнѣе была русская цензура. «Если выраженіе мыслей въ отечествѣ затруднено и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и мысль молодаго возраста предается вполнѣ и безъ защиты вліянію чужеземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ по общему мнѣнію.... Иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по общему мнѣнію заслуживаютъ наибольшей похвалы и особеннаго поощренія. Для русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру превратенъ: неисправленныя добросовѣстною критикою русской мысли слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы; а между тѣмъ при оскудѣніи отечественнаго слова, русской читатель поневолѣ долженъ пробавляться произведеніями заграничными (1).» Иностранная литература незамѣтно ставила уже русскихъ читателей на чуждую русской жизни и исторіи точку зрѣнія на русскую жизнь и ея явленія. Русское образованное общество долго бы еще читало и восхищалось преемственно любимыми писателями — мадамъ Жанлисъ, Бальзакомъ, Дюма и Сю, Полемъ Февалемъ и Жоржъ-Сандомъ, и соотвѣтствовавшими имъ учеными, если бы нѣсколько свободныхъ геніальныхъ поэтовъ не привлекли его вниманія къ русской печати и

(1) День, № 1; ст. Хомякова.

не заставили его допустить, что иногда и на русскомъ языкѣ попадаются порядочныя вещи, стоющія прочтенія, если бы за тѣмъ произведенія Вальтеръ Скотта, Диккенса, Теккерея и другихъ англійскихъ писателей не показали фальши французскихъ разскащиковъ и ходульности тамошнихъ ученыхъ и если бы наконецъ наша отечественная письменность не сдѣлалась богаче и разнообразнѣе, вмѣстѣ съ облегченіемъ цензурныхъ правилъ.

Но уже привыкшая не трудясь судить и рядить все западными умами, русская литература въ короткій срокъ не могла пріучиться къ самостоятельности воззрѣній. Долго стѣсняемая и останавливаемая русская мысль вырвалась наконецъ на просторъ и, почуявъ себя на свободѣ, пустилась бѣжать уже безъ оглядки—по пути прогресса, готовая мигомъ насадить на родинѣ все доброе, чтó есть на западѣ, воспринять за одинъ разъ всѣ выводы науки и жизни западной, и разомъ истребить въ народѣ все кажущееся злымъ и худымъ, забывая, что передовыя страны запада далеко не такъ быстро бѣжали по тому пути, который привелъ ихъ къ теперешнему совершенству, что «въ Англіи напримѣръ никогда не было и нѣтъ теперь легкомысленнаго отношенія къ прошедшему, что она напротивъ съ почтеніемъ смотритъ на прожитое ею. Оставляя одно и переходя къ другому, она медлитъ, и только исчерпавъ, изживъ всю жизнь одной исторической минуты, переходитъ она какъ будто не охотно, какъ будто съ сожалѣніемъ къ другой. Это есть высшая *добросовѣстность прогресса*. Вотъ почему сдѣлавъ шагъ впередъ, она не дѣлаетъ шага назадъ. Залогъ этого постояннаго хода впередъ въ непрерывной связи съ прошедшимъ... А мы разорвали нашу связь съ прошедшимъ, снялись съ корня, и вотъ причина

бѣглаго и вѣтренаго хода нашей литературной и всяческой дѣятельности. Мы было прильнули къ чужому самостоятельному развитію, но, лишившись всякой своей почвы, своего дна, такъ сказать,—мы ничего и чужаго удержать въ себѣ, какъ въ рѣшетѣ, не можемъ. Все бѣжитъ сквозь; ничего не остается; или лучше постоянно остается пустота... Литература наша (говоря вообще) мчится съ необыкновенною быстротой: она ѣдетъ *на легкѣ*. На легкѣ и не мудрено мчаться. Есть залоги, что она не все будетъ скакать на легкѣ, что будетъ авось въ ней клажа поважнѣе и потяжелѣе кучи иностранныхъ и переводныхъ этикетовъ, объявленій и оглавленій, которыя большею частію составляютъ весь грузъ ея. Пусть уже себѣ скачетъ скорѣе! пусть проскачетъ весь путь, какой проскакать она можетъ, стараясь догнать западъ: пусть догонитъ и попробуетъ опередить западъ, оставаясь на западной дорогѣ... Авось доскачетъ она до того, что и шагу ступить будетъ нельзя, потому что не будетъ знать, куда же дальше итти... Авось пойметъ она, что такое отношеніе къ истинѣ, къ просвѣщенію ложно, что самый путь ея ошибоченъ, потому что не свой, что каждый народъ своимъ радіусомъ доходитъ къ центру, что даже готовую мысль надо перенимать своимъ умомъ, что жить *чужимъ умомъ* значитъ отказаться отъ *своего*, что, однимъ словомъ, для всякой духовной человѣческой дѣятельности необходима самобытность. Авось пойметъ это наша литература, доскакавъ по прежней чужой дорогѣ до предѣла и не зная, куда итти дальше,—пойметъ и выйдетъ на другую, новую для нея, но самобытную дорогу. А пока обратимся къ нашей литературѣ—какъ она есть и къ ея скачущему во весь опоръ прогрессу.

Постараемся разсмотрѣть дѣло по ближе. И такъ эта быстрота смѣны явленій, это бѣгомъ совершающееся развитіе имѣетъ еще мало въ себѣ утѣшительнаго, доказывая только отсутствіе почвы, отсутствіе того вѣса, который умѣряетъ движеніе и дѣлаетъ каждый шагъ прочнымъ и полезнымъ. Наивныя слова: «какъ быстро мы идемъ впередъ!» очень смѣшны. Съ другой стороны иначе и быть не можетъ, какъ скоро литература оторвалась отъ самаго ея начала, отъ союза съ народомъ, который одинъ даетъ значеніе дѣлу, степенность и силу. Въ то же время литература наша на бѣгу отдѣлывается легко и отъ разныхъ ошибочныхъ увлеченій... Мы высказали и повторяемъ наше желаніе, а вмѣстѣ и надежду, что въ своемъ вѣтренномъ движеніи литература наша добѣжитъ до того предѣла, съ котораго начнется для нея серьезная дѣльная дѣятельность. Пусть же быстрѣе смѣняются ея оттѣнки и видоизмѣненія, быстрѣе именно для того, чтобы пришла скорѣе та дѣятельность, гдѣ будетъ все глубже исчерпываться, вавѣшиваться и давать прочные плоды». Это было писано покойнымъ К. Аксаковымъ еще въ концѣ 1859 г., но замѣтки, справедливыя для того времени, не утратили ни мало справедливости и въ 1862 г. — два года спустя. Наша литература свѣтская вообще еще не перебрала всѣхъ оттѣнковъ и видоизмѣненій западнаго развитія, не добѣжала еще до своего урочнаго предѣла, и для нея еще не настало время самостоятельнаго и зрѣлаго обсужденія своихъ собственныхъ явленій — безъ предварительныхъ предубѣжденій въ пользу тѣхъ, или другихъ западныхъ воззрѣній. По крайней мѣрѣ въ объявленіи объ изданіи журнала «Время» въ 1862 г. Редакція почти слово въ слово повторила приговоръ надъ русской ли-

тературой, произнесенный въ 1859 г. Аксаковымъ; она тоже обвиняетъ русскую мысль въ отчужденіи отъ родной почвы, въ пареніи въ воздухѣ, въ страданіи по идеямъ, чуждымъ намъ и въ лицемѣрномъ болѣніи чуждыми болѣзнями. Ту же самую мысль на нѣсколько родовъ и ладовъ повторяютъ почти всѣ русскіе свѣтскіе журналы, особенно часто Русскій Вѣстникъ и еще чаще День. «Въ то время», пишетъ наприм. послѣдняя газета, «какъ наша литература (по крайней мѣрѣ въ лицѣ значительной части своихъ представителей), отрѣшившись отъ чернорабочаго труда, требуемаго суровыми задачами современной дѣйствительности, облегчившись отъ груза исторіи, — убѣгаетъ далеко впередъ или въ сторону отъ дороги, на просторъ отвлеченности, гдѣ безъ помѣхи и препятствій созидаетъ разные воздушные замки, — исторія продолжаетъ свое дѣло, созидая изъ историческаго матеріала разныя, не отвлеченныя, но практически-жизненныя, не рѣдко уродливыя явленія. Литература становитъ и рѣшаетъ не существующіе вопросы, переживаетъ сотый, или двухсотый фазисъ своего ускореннаго отвлеченнаго развитія... Такое направленіе литературы легко объясняется разными историческими причинами, но, какъ бы то ни было, въ то время, когда мы заняты мечтами несбыточными, или осуществимыми чрезъ тысячи лѣтъ,—у насъ предъ глазами не замѣтно выростаютъ крупныя явленія, и готовы возникнуть важныя государственныя мѣры (1)»... «Странное, напримѣръ, мѣсто занимаетъ въ нашей столичной жизни и въ литературѣ тотъ громадный, соціальный переворотъ, который извѣстенъ у насъ подъ

(1) День № 11.

скромнымъ названіемъ «крестьянскаго вопроса», или «крестьянскаго дѣла». Совершаясь въ дѣйствительной, а не въ отвлеченной средѣ, охватывая сѣтью своихъ могучихъ корней всѣ слои нашей исторической почвы, проникая во всѣ изгибы нашего общественнаго быта, онъ тѣмъ не менѣе въ области тѣхъ отвлеченныхъ, досужихъ, призрачныхъ интересовъ, которыми живетъ, по большей части, и пробавляется наше столичное общество, а съ нимъ и наша литература, представляется какимъ-то жесткимъ, постороннимъ тѣломъ, упорно не разлагающимся, не уступающимъ никакимъ усиліямъ химиковъ-теоретиковъ.... Въ немъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ есть та грубость дѣйствительности, та дикость и сырость самородка, полнаго внутренней органической силы, которыя ставятъ въ неловкое къ нему отношеніе нашихъ прогрессистовъ, доктринеровъ и либераловъ» (¹). «Большая часть изъ нихъ и невѣжды и деспоты. Невѣжды они потому, что не знаютъ и не хотятъ знать органической силы того матеріала, изъ котораго они думаютъ строить свое либеральное зданіе. Предъ ними сосна и береза, которымъ они велятъ быть мраморомъ, а такъ какъ это невозможно, то они и красятъ дерево подъ мраморъ! Предъ ними гранитъ, они воображаютъ его паллиссандромъ и красятъ подъ дерево.... Они деспоты потому, что истинный либерализмъ долженъ состоять въ признаніи правъ самой жизни, слѣдовательно въ смиренномъ отношеніи къ требованіямъ ея, въ искреннемъ стремленіи понять ея часто темный, неразгаданный языкъ, въ уваженіи, наконецъ, къ историческимъ началамъ русскаго народа, — а всего

(¹) День № 10.

этого и не замѣчается у нашихъ псевдо-либераловъ. Они деспоты потому, что считаютъ весьма извинительнымъ для своихъ либеральныхъ насажденій безпощадно терзать землю деспотическимъ заступомъ и лопатой (¹).» Такимъ образомъ совершенно справедливо мы замѣтили, что литература наша, выигравъ относительно богатства и разнообразія, по прежнему занимается вопросами непрактическими, отвлеченными, не своими, и свои рѣшаетъ, какъ диктуютъ ей западные экономисты, философы и публицисты. Единственно, что она успѣла выиграть въ этомъ случаѣ, это то, что она наконецъ понимаетъ, что рабствуетъ, что ея вѣщанія широкія и диктаторскія, волнуя лихорадочно умы, не ведутъ ни къ чему доброму. Но отъ сознанія глупости до исправленія еще очень длинный путь; и этотъ путь еще особенно длиненъ для тѣхъ сторонъ рабства, которыя касаются болѣе внутреннихъ сторонъ жизни, касаются нравственнаго міросозерцанія; здѣсь рабство долго можетъ продолжаться, не давая даже знать о себѣ, долго еще могутъ лелѣяться теоріи и доктринерски предлагаться прежде, чѣмъ онѣ заявятъ свою неприложимость и свой вредъ. Акціонерныя компаніи разныхъ родовъ, введенныя по указанію литературы и открывшія свою дѣятельность подъ ея хвалебно-торжественный хоръ, успѣли уже показать, на сколько онѣ приложимы и полезны въ русской землѣ, потому что это дѣло слишкомъ внѣшнее и скоро можетъ проявить свою несостоятельность. Не такова судьба философскихъ теорій; онѣ долго могутъ проповѣдываться и выдаваться литературою, какъ непреложныя, годныя для всѣхъ

(¹) День № 11.

странъ и народовъ, системы міровоззрѣнія и нравственной дѣятельности, которыхъ истинность придаетъ уже имъ обязательность, которыхъ непринятіе означаетъ невѣжество не принимающихъ, которыя, говоря языкомъ современной литературы, суть послѣднія слова науки,— прежде, чѣмъ жизнь заявитъ свои права и ложность этихъ *истинныхъ* теорій. Мы уже слишкомъ близко подошли опять къ основному предмету своихъ разсужденій, удалившись отъ него по необходимости и для большаго разъясненія дѣла. Наша литература со всѣмъ усердіемъ переноситъ политическія, соціалистическія, отвлеченно-философскія теоріи, историческія, геологическія, и на бѣду въ каждой почти теоріи видитъ стороны, принятіе которыхъ должно ставить ее можетъ быть больше, чѣмъ къ другимъ сословіямъ, въ оппозицію сословію духовному и къ проповѣдуемому имъ ученію. Отдаваясь беззавѣтно западной наукѣ, какъ не отдаются сами западные писатели и читатели, — о цѣлыхъ народахъ уже и не говоримъ,—наши публицисты и журналисты нѣтъ-нѣтъ да и прихватятъ стороной или прямо въ лобъ духовенство и христіанскія вѣрованія. Они не ждутъ, что теоріи могутъ оказаться ложными, а противное имъ ученіе вѣры истиннымъ; безотчетно вѣруя сами и на вѣру принимая слова своихъ учителей, они вооружаются противъ всякой вѣры религіозной. «Вся эта теологія—вздоръ, говорятъ они, порожденіе невѣжества,—а проповѣдывающая ее каста— это настоящее *«темное царство»*. Мы естествоиспытатели, мы проповѣдуемъ послѣднія слова западной науки, а противники наши мраколюбцы, дармоѣды, и для насъ и для блага Россіи, о которомъ болѣютъ наши сердца день и ночь, это самые опасные, потому что

крѣпко организованные, противники. Они, правда, молчать, когда мы даже и Бога отвергаемъ и человѣческую душу,—народъ, значитъ, смирный,—они даже надѣются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ примирить насъ съ собой, т. е. безбожіе съ христіанскими вѣрованіями, доктрины, основанныя на эгоизмѣ, съ евангельскимъ ученіемъ о самоотверженіи и любви, — что же, пусть занимаются этимъ полезнымъ дѣломъ, успѣхъ будетъ, конечно, такой же, какой имѣли искатели философскаго камня. Но все-таки эта сила страшна, это молчаніе едва ли не знакъ молчаливаго упорства, съ какимъ держится это сословіе своихъ стародавнихъ вѣрованій, да еще омрачаетъ ими народъ, закрывая отъ него всѣ лучи научныхъ рѣшеній, безъ устали проводимыхъ нами въ русскій народъ для его блага. Это самая ненавистная каста съ самымъ антипрогрессивнымъ ученіемъ о какомъ-то возрожденіи, о какомъ-то *грѣхопаденіи*, о какомъ-то *превращеніи чувственной природы въ духовную*, которая притомъ ставитъ человѣка *въ ближайшее отношеніе къ Богу, какъ своему первообразу*, проповѣдуетъ *служеніе Промыслу и любовь еще*. Послѣднія слова европейской науки не таковы». А пожалуй, гг. литераторы, что и таковы, только европейскую мысль не нужно опредѣлять по тѣмъ книжкамъ, которыя вамъ случилось пріобрѣсти и прочитать, чтобы потомъ безусловно подчиниться ихъ воззрѣніямъ, а если брать даже европейскую литературу во всей ея сложности, и не мѣрять ее тѣми наркотическими, словесными произведеніями, которыми тамошніе писатели пробуютъ возбуждать притупленный вкусъ публики. Мы укажемъ примѣръ. Вотъ напр. въ русскомъ журналѣ читаешь восторженныя похвалы «Исторіи англійской цивилизаціи» Боккля; подумаешь, что это по-

слѣднее слово западной европейской исторической науки, что противъ Боккля даже не протестовалъ тамъ никто; а посмотрѣли бы хоть въ тѣ же англійскіе журналы, напр. въ Единбургское Обозрѣніе, одинъ изъ лучшихъ умѣренно-либеральныхъ англійскихъ журналовъ, и вы увидѣли бы, что Англія далеко не такъ восторженно относится къ произведенію Боккля, какъ отнеслись наши русскіе журналисты потому только, что онъ излагаетъ исторію цивилизаціи съ самой модной для насъ русскихъ—положительной точки зрѣнія и подобно русскимъ презрительно говоритъ о вѣрѣ Христовой и о духовенствѣ, что тамъ противъ этого *послѣдняго слова* исторической науки раздались еще болѣе *послѣдкія слова*, что тамъ нашъ авторитетъ изобличается и въ односторонности, и въ искаженіи историческихъ фактовъ, и во многихъ другихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ противъ науки и истины. Много раздавалось въ мірѣ подобныхъ послѣднихъ словъ науки; когда-то была послѣднимъ словомъ философія Канта, когда-то была философія Шеллинга, потомъ долгое время считалась философія Гегеля, а Куно Фишеръ (¹) и до сей поры считаетъ ее послѣдней, самой полной философской системой; потомъ вошла въ моду положительная, или матеріалистическая философія Бюхнера и Шопенгауера; и если бы на основаніи каждой изъ этихъ философій люди, считавшіе ихъ истинными, также рабски относились къ нимъ и деспотически къ другимъ и къ явленіямъ дѣйствительности, то наступила бы въ самой философіи пора застоя, а жизнь и ея формы приходилось бы ломать

(¹) Три вступительныя лекціи изъ Исторіи Новой Философіи. Переводъ Соляникова. С. П. Б. 1861 г. стран. 3.

при каждомъ такомъ новомъ послѣднемъ словѣ. Жизнь потому она и жизнь, что въ ней одно смѣняется другимъ не потому, чтобы первое было безусловно ложно, а послѣднее безусловно истинно; а потому, что послѣднее показываетъ недостаточность, или фальшу въ первомъ,—какъ въ свою очередь и въ немъ самомъ окажется фальша и ложь при послѣдующемъ поворотѣ жизни, или сознанія: одно Евангеліе, одна святая Церковь пребываютъ среди круговорота земной жизни неподвижными, неизмѣнными съ кодексомъ истинъ—вѣчныхъ, не старѣющихся, которымъ самыя страшныя уклоненія человѣческаго разума или воли лишь придаютъ новый блескъ, новую силу и новое торжество. «Въ этомъ отношеніи мнѣ представляется», пишетъ Самаринъ, котораго за его статью: *О Матеріализмѣ*, такъ осмѣяли нѣкоторые русскіе журналы,—«въ будущемъ огромная польза отъ строго послѣдовательнаго матеріализма. Я уже не говорю о томъ, что онъ призванъ покончить со всѣми попытками на чемъ нибудь утвердить идею нравственности (понятіе долга, чувство человѣческаго достоинства и т. под.) внѣ православія (разумѣя подъ этимъ словомъ не одну доктрину, но Церковь, какъ живой организмъ), что противъ него не устоитъ ни безцвѣтный, безкостый, дряблый гуманизмъ, ни соціализмъ со всѣми его бреднями и полуистинами, но для нашего положительнаго, религіознаго сознанія онъ, мнѣ кажется, имѣетъ особенную важность. Матеріализмъ—это острая кислота, которая обмоетъ тусклый ликъ православія и возвратитъ ему блескъ и чистоту» (¹). Мы русскіе въ короткую пору столько же переѣли западныхъ

(¹) День № 2.

философскихъ, историческихъ и всяческихъ теорій, сколько китайцы не переѣли англійскаго опіума, и быть можетъ болѣзненно расположены уже время отъ времени перемѣнять теоретиковъ для возбужденія и усиливать пріемы, чтобы не было скучно. Матеріалистическая философская система, безспорно нравящаяся больше всѣхъ другихъ русскому юношеству, одна изъ самыхъ наркотическихъ одуряющихъ теорій. Мудрено ли, что за ней бѣгаетъ наше скучающее, современное образованное, особенно молодое, общество?

Надѣемся, что мы довольно уяснили возникновеніе, переходныя степени, и настоящее возбужденное состояніе презрѣнія образованныхъ классовъ общества къ духовенству, показавъ, какъ сперва изъ-за париковъ, да изъ-за кафтановъ, потомъ изъ-за французскихъ энциклопедистовъ, потомъ изъ-за нашей невольной бѣдности и нищеты съ ихъ послѣдствіями, потомъ изъ-за разныхъ иноземныхъ теорій и воззрѣній, и наконецъ изъ-за общепринятой почти матеріалистической философіи насъ презирали, насъ бѣгали, насъ наконецъ стали ненавидѣть. Послѣдняя причина еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы не остановиться на ней нѣсколько долѣе. Философія эта также нова, какъ нова знаменитая поэма Лукреція, и ея епиграфомъ можетъ быть стихъ этого эпикурейца: arctis Relligionum animos nodis exsolvere pergo (1). Она не слишкомъ-то много льститъ человѣческой гордости—въ нашъ гордый самолюбивый вѣкъ, чтобы этою стороною завлекать умы общества. Принимая ее, вы должны отказаться отъ того, что ваша жизнь есть художественная драма, слагаю-

---

(1) «Я иду освободить души отъ тѣсныхъ цѣпей религіозныхъ».

щаяся изъ взаимодѣйствія верховной правящей силы и личной вашей свободы, что вы — живое средоточіе, къ которому извѣстнымъ образомъ относится все окружающее, надобно вычеркнуть понятіе добра и зла, предназначенія и долга, совершенствованія и упадка, оставить всѣ привычки, которыя только въ этихъ понятіяхъ и находятъ себѣ оправданіе, напримѣръ — допрашивать свою совѣсть,, судить себя и другихъ, вообще порицать и хвалить что бы то ни было;... не очевидно ли, что въ этомъ *свѣтломъ царствѣ* новой науки или положительности вы должны были бы немедленно задохнуться; въ немъ нѣтъ возможности ни думать, ни дѣйствовать, ни чувствовать, ни говорить по человѣчески. Какъ же объяснить себѣ то явленіе, что такая безотрадная философема находитъ себѣ и самоотверженныхъ проповѣдниковъ и честныхъ ратоборцевъ, что ей слѣдуетъ большинство, чѣмъ объяснить ея громадные успѣхи? Подобный же вопросъ задавалъ себѣ г. Самаринъ и отвѣтъ его на него — отвѣтъ не полный, но очень меткій. Вотъ онъ: «мнѣ кажется, что вся сила матеріализма не въ немъ, а внѣ его, въ томъ, что онъ отвергаетъ; онъ силенъ воздѣйствіемъ на него отрицаемой силы. Эта зависимость утверждаемаго отъ отрицаемаго ясно и наглядно выражается въ пріемахъ матеріалистовъ, въ ихъ тонѣ и во всемъ ихъ личномъ образѣ. Вы чувствуете, что все ихъ одушевленіе, весь паѳосъ ихъ, вся сила и увлекательность ихъ есть одушевленіе, паѳосъ, сила и увлекательность борьбы. Они потому только не падаютъ, что обѣими руками обхватили своего врага, впились въ него когтями и запустили въ него зубы; не будь его, они не въ состояніи были бы удержаться на ногахъ. Все, что въ нихъ есть

сочувствующаго, жгучаго, и обаятельнаго, есть только блескъ того солнца, противъ котораго они вопіютъ, какъ дикари верховьевъ Нила. Но это послѣдніе лучи свѣтила для нихъ заходящаго. Скоро будетъ темно и холодно, скоро все замретъ, посохнетъ и съежится. Прослѣдите вліяніе ученія въ живыхъ образахъ преемственно развивающихъ его поколѣній, и вы согласитесь со мною. Возьмите для примѣра хоть нашу Москву. У насъ еще въ свѣжей памяти типы старшихъ учителей Г и В; отъ нихъ пошли N и N, а вѣдь ужъ послѣдніе выродились въ такихъ, на которыхъ сами учители смотрятъ теперь съ тоскливымъ изумленіемъ — смотрятъ и видятъ, яко се не добро. Скажите, когда же это кончится? Близка ли реакція; или надобно ожидать еще худшаго? Вотъ что тяжело и грустно. Ученіе развивается своимъ порядкомъ, по своимъ законамъ, но люди изнашиваются и портятся; пропадаетъ безвозвратно кровь и мозгъ цѣлыхъ поколѣній. По поводу чужихъ, я невольно вспомнилъ о своихъ. Возьмите Бюхнера и N N, забудьте, что за первымъ есть богатая, ученая подготовка, а второй неучъ, проповѣдующій въ невѣжественномъ обществѣ, у обоихъ одна общая черта. Главное побужденіе, главная двигательная пружина ихъ дѣятельности — это наслажденіе тою нестерпимою досадою, которую они въ силахъ причинять казеннымъ законоучителямъ, педагогамъ, блюстителямъ всякаго рода благоустройства и т. п. Сами они ничего не любятъ, или лучше, любятъ свою мысль, какъ палку, которою можно больно бить другихъ, любятъ въ ней ту безсильную злобу, которую она противъ себя возбуждаетъ. Это свойство мелкихъ и жиденькихъ, почему-либо прокисшихъ натуръ. Книга Бюхнера вызвала ропотъ досады и не-

годованія. Въ этомъ ропотѣ значительная доля страха. Нѣмецкіе Theologen, Schulgelehrten переглянулись съ безпокойствомъ: того и гляди, каѳедра, паства, акциденціи, Богъ, совѣсть, добро и зло, кормленіе, затверженные учебники, все это вывалится у нихъ изъ рукъ и разлетится въ дребезги. И страшно и досадно до нельзя. А ему только это и нужно: тутъ-то онъ и торжествуетъ. Онъ прислушивается къ оглушительному ропоту и какая-то сладострастная дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ его жиламъ. Но вотъ онъ собрался говорить, послушайте: «Такъ вотъ что, добрые люди! Вы спрашиваете: куда же дѣваться съ вашимъ Богомъ, съ вашею совѣстію, съ вашею нравственною свободою, съ откровеніемъ, и т. п. Вы спрашиваете: нельзя ли всей этой ветоши отвести хоть какой нибудь уголокъ въ безконечномъ Reich der Natur. Такъ знайте же, друзья мои: нѣтъ этому мѣста нигдѣ, все занято червями, инфузоріями и мокрицами; да по правдѣ сказать, съ чего вы и взяли, что дѣло науки гладить васъ по шерсти, да потакать вашимъ бреднямъ, да усыплять васъ дѣтскими сказками? Скучно вамъ, тяжело, больно, душа рвется на части.... Ага! Намъ то и любо!» Вотъ его отвѣтъ на отзывы о его книгѣ, и въ этихъ строкахъ онъ вылился весь, обнаружилась до послѣднихъ изгибовъ эта эгоистическая натура. Какъ все это намъ знакомо! Кажется, читаешь нѣмецкую книгу, а точно писано по нашему, по русски».... (¹). Изъ этого, довольно длиннаго отрывка, приведеннаго нами, читатели могутъ видѣть, что г. Самаринъ производитъ торжество матеріализма изъ силы спиритуализма, отвергаемаго имъ, изъ досады и ропота,

---

(¹) День № 2.

какіе онъ возбуждаетъ въ людяхъ солидныхъ и занимающихъ тѣ или другія должности, основанныя на спиритуалистическихъ воззрѣніяхъ. Едва ли здѣсь все сказано, что можно сказать въ объясненіе этого явленія. Вообще производить то или другое историческое направленіе изъ одной причины—дѣло остроумное, но едва ли справедливое; всякое крупное явленіе, въ томъ числѣ и торжество матеріализма, имѣетъ слишкомъ сложныя причины, изъ которыхъ каждая въ извѣстной мѣрѣ участвовала въ произведеніи его. Нашъ журналъ уже высказалъ свой взглядъ на ходъ и повороты западно-европейской жизни ([1]). Не повторяя того, что сказано было нами прежде, мы скажемъ только, что сначала XVI вѣка жизнь западнаго христіанскаго міра слѣдовала преимущественно реальному направленію, улучшенію удобствъ частной, семейной, общественной, политической, международной, вообще внѣшней жизни, что жизнь, значитъ, уже раньше носила сама въ себѣ сѣмена этой теоріи, которая служитъ лишь ея сознаніемъ и освященіемъ; положительность теоріи вызвана была положительностію западнаго развитія, такъ что умы встрѣтили ее, какъ нѣчто родное. Ребяческій развратъ двора Людовиковъ XIV и XV и регентовъ еще ранѣе самой жизнію отвергалъ всякіе нравственные принципы, которые потомъ въ Systeme de la Nature отвергнуты были неизвѣстнымъ ея составителемъ теоретически, или что потомъ философски отвергали д'Аламберъ, Дидро и застольная дружина барона Гольбаха. Точно также реальное, но уже болѣе сознательное на-

---

([1]) См. статью: «Въ воспоминаніе 19 февраля». Христ. Чт. 1861 г. Май.

правленіе XIX вѣка съ своими уже организованными, болѣе широкими улучшеніями государственными, частными, въ торговлѣ, въ промышленности, въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ — произвело и дало торжество теоріи философскаго реализма. И какъ всякое направленіе начинаетъ уже переставать въ жизни, какъ скоро оно сознается философскимъ манеромъ и возводится въ теорію; такъ точно будетъ, надѣемся, и съ философіей матеріалистической. Мы—русскіе, при перенятіи съ запада образованія, взяли именно его реальную сторону; мы заимствовали усовершенствованія военныя, административныя, торговыя, промышленныя, усовершенствованія въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ, удобства жизни и предметы роскоши. Наше образованное общество раньше еще сдѣлалось матеріалистическимъ, положительнымъ: мудрено ли, что теорія положительности, реализма нашла отзывъ въ сердцахъ его. Она освящаетъ и возводитъ въ систему тѣ правила жизни, которымъ слѣдовали мы доселѣ: а это не можетъ не быть пріятно для принимающихъ теорію, хотя можетъ быть опасно для самихъ правилъ; потому что въ тиши—подъ рукой можно еще слѣдовать этимъ правиламъ, но приведенныя въ систему они имѣютъ очень неуклюжій видъ, какой получили, по суду Шлоссера (1), правила

(1) Шлоссеръ во 2 томѣ исторіи XVIII столѣтія пишетъ о Системѣ Природы слѣдующее: «достовѣрно, что это сухое сокращеніе мрачной доктрины, мертвящей фантазію и чувство, издано было Гольбахомъ и его друзьями. Книга эта явилась въ 1770 г. и своимъ успѣхомъ обязана преимущественно оппозиціонному духу и прелести, какую имѣетъ для толпы все тайное и запрещенное; написана же она вяло и дурно. Въ сущности Система Природы только возводитъ въ теорію безнравственныя ученія и правила, которыя съ самаго основанія міра господствовали въ богатыхъ, знатныхъ и веселыхъ кругахъ. Издавъ ее, эти

французской аристократіи, когда *Система Природы* возвела ихъ въ философскую теорію. Здѣсь уже видны и пошлость и односторонность правилъ,—и непослѣдовательность теоретиковъ: вотъ почему возведеніе какого нибудь направленія жизненнаго въ философскую законченную теорію есть уже граница его развитію и поворотъ къ другому направленію. Это одно прибавленіе къ объясненію торжества матеріалистической философіи на западѣ и у насъ. Другое, — что также нѣсколько объясняетъ успѣхъ матеріалистовъ, — это ихъ непослѣдовательность. Они не прочь отъ принятія и проповѣданія высокихъ нравственныхъ правилъ, хотя эти послѣднія не вытекаютъ изъ ихъ теоріи; не прочь, напримѣръ, говорить объ эманципаціи негровъ, женщинъ, о гражданской свободѣ, о правахъ личности, — о правилахъ, уничтожаемыхъ ихъ теоріею, но принимаемыхъ ими потому, что правила эти имѣютъ современный интересъ (¹). Такъ поступалъ нѣкогда и Волтеръ, напа-

---

люди, которые осмѣивали весь свѣтъ, сдѣлались сами смѣшны. Извѣстно, что правила, которыхъ держится каждый въ свѣтѣ, которыя и нынѣ инстинктивно прилагаются къ жизни, каждый по возможности старается прикрыть одеждой софистики и ужасается, когда тѣ же самыя правила высказываются въ трактирахъ или въ обществѣ знатныхъ гулякъ. Эти умные люди поступили очень неразсчетливо, составивъ систему правилъ, которыхъ держится всякій: правила эти въ системѣ имѣютъ очень неуклюжій видъ и сами разрушаютъ себя. Въ этой книгѣ, опровергающей саму себя, совершенно отвергается и провозглашается обольщеніемъ—всякій матеріализмъ и идеализмъ. Природа въ ней — машина; нравственность — предразсудокъ, привычка или инстинктъ».

(¹) Въ какой мѣрѣ эти ученія не вяжутся съ послѣдовательнымъ матеріализмомъ, это очень мѣтко объясняетъ Самаринъ въ указанной уже нами статьѣ. «Только при двухъ условіяхъ», пишетъ онъ, «матеріалистическое направленіе можетъ быть дѣйствительно опасно: при грубомъ на него гоненіи и при слабости въ обличеніи его непослѣдовательностей. Этихъ непослѣдовательностей и теперь ужъ не обе-

давшій на догматическую сторону христіанства и защищавшій нѣкоторыя нравственныя правила его. Особенное господство этой безотрадной философіи между молодежью—и заграничной и нашей—объясняется именно этимъ принаровленіемъ ея проповѣдниковъ къ современному вкусу, къ моднымъ современнымъ вопросамъ, къ либерализму ([1]). Кромѣ того воображеніе у

решься. Разверните любую книжку любаго изъ модныхъ журналовъ. Одинъ и тотъ же борзописецъ, на одной и той же страницѣ, объявитъ вамъ, что такъ называемый духъ и матерія одно и тоже, что мы употребляемъ слово духъ для обозначенія тѣхъ явленій, обусловленныхъ законами вещественной необходимости, которыхъ мы еще окончательно не успѣли изслѣдовать вѣсами и мѣрою, и онъ же приходитъ въ негодованіе при одной мысли о тѣлесныхъ наказаніяхъ; другой скажетъ вамъ, что у женщины меньше мозга, чѣмъ у мужчины, и вслѣдъ за тѣмъ впишется въ ряды поборниковъ равноправности прекраснаго пола и его эмансипаціи; третьему положительно извѣстно, что между обезьяною и негромъ существуетъ только количественная, а не качественная разница, что обезьяна гораздо ближе къ негру, чѣмъ негръ къ англо-саксонцу, и онъ же, разумѣется, отъ всей души проклинаетъ рабство и южные штаты и т. д. и т. д.... Единственный во всемъ мірѣ послѣдовательный и стройный матеріалистъ — это безсловесное животное.»

([1]) Шлоссеръ именно этимъ объясняетъ успѣхъ сочиненій Ла-Метри, де'Прада, д'Аргу, д'Аржана, Эльвесіуса и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Объ Эльвесіусѣ онъ пишетъ, напримѣръ, слѣдующее: «для насъ еще понятно, что парижское общество весельчаковъ, утопавшихъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ у барона Гольбаха, могло издавать подобныя книги; но печальной чертой этой эпохи надобно признать то, что человѣкъ съ характеромъ Эльвесіуса, человѣкъ добрый и щедрый, могъ искать и найти удовлетвореніе своему самолюбію въ книгѣ «*О Духѣ*»—въ этой системѣ эгоизма. Чтобы объяснить себѣ это, надобно припомнить, что тогда считалось благороднымъ дѣломъ—высказывать свободный образъ мыслей среди всеобщаго раболѣпства,—независимость духа среди всеобщаго рабства,—дерзость, среди всеобщаго лицемѣрія. Тогда считалось дѣломъ достойнымъ благороднаго человѣка, при всякомъ случаѣ осмѣивать систему, насильственно поддерживаемую полиціей и безчеловѣчными судами, школами, правительствомъ, духовенствомъ, записными учеными и хитрыми софистами. Эльвесіусъ, какъ свѣтскій человѣкъ, хотѣлъ пріобрѣсти славу въ свѣтѣ,

молодости такъ живо, здоровье такъ свѣжо, и эти два преимущества юношескаго возраста способны накинуть поэтическій покровъ на мертвый скелетъ; а разсудокъ между тѣмъ такъ слабъ еще, и не привыкъ къ серьозному, послѣдовательному разбору чужихъ мнѣній и можетъ остановиться на полдорогѣ, не выведши всѣхъ слѣдствій изъ теоріи и не замѣтивъ противорѣчій въ ней, что юноша можетъ считать лишь то принадлежащимъ къ этой теоріи, что высказано, хотя бы многое и было намѣренно скрыто, а другое насильственно приставлено къ ней. Но когда блеснетъ сѣдина въ волосахъ и вѣки сморщась почернѣютъ у этихъ юношей, когда воображеніе пооcлабѣетъ и не будетъ способно разукрасить безобразнаго, когда разсудокъ наконецъ терпѣливо доберется до послѣднихъ заключеній, подразумѣваемыхъ этою теоріей; вотъ тогда обыкновенно и у насъ и за границей наступаетъ пора тоски, пора сознанія, въ какой мѣрѣ отравляетъ эта теорія лучшія и

и мы не будемъ удивляться тому, что онъ достигъ ее своею сухою и грустною книгою—«О Духѣ». Всѣ нѣмецкіе князья, имѣвшіе притязанія на образованность, русскіе вельможи, всѣ прославившіеся на войнѣ пруссаки, шведская королева сдѣлали сочиненіе Эльвесіуса своей настольной книгой. Итальянцы были въ восторгѣ отъ книги; въ Германіи одновременно вышло два изданія ея. Книга нравилась всѣмъ единственно своимъ содержаніемъ, потому что изложеніе ея чрезвычайно сухо. Вся она проповѣдуетъ матеріализмъ — самый крайній. По отношенію къ нравамъ того времени, она съ одной стороны раскрываетъ всю испорченность и безнравственность великосвѣтскихъ кружковъ, среди которыхъ обращался авторъ, а съ другой показываетъ среди испорченности истинную любовь къ людямъ и живое умственное движеніе во всѣхъ лучшихъ людяхъ тогдашняго времени, показываетъ энтузіазмъ къ прогрессу человѣчества, одушевлявшій поколѣніе, для котораго писались подобныя книги». Эта длинная выдержка, кромѣ торжества матеріализма, многое и другое можетъ объяснить въ нашей общественной и литературной жизни...

самыя живучія силы въ человѣкѣ, тогда либералы и матеріалисты становятся людьми степенными, благочестивыми, бесѣдамъ съ Волтеромъ или съ Бюхнеромъ или книжкамъ модныхъ журналовъ предпочитають домашнюю бесѣду съ людьми благочестивыми или полуоффиціальную бесѣду съ священникомъ. Поворотъ бываетъ крутъ, и потому не всегда искрененъ и твердъ. Тогда-то нерѣдко образуются старики-ханжи, благочестивые по внѣшности и мало вѣрующіе внутренно, потому что тайныя силы души уже отравлены. Избави насъ Богъ отъ этихъ ханжей, хотя годовъ черезъ 30, когда лѣта, недуги и житейскія невзгоды произведутъ надлежащія превращенія въ убѣжденіяхъ, ихъ будетъ не мало у насъ. Это еще одно прибавленіе къ объясненію г. Самарина. Наконецъ не можемъ вслѣдъ за Хомяковымъ не прибавить въ заключеніе, что въ послѣднее время наша литература, такъ усердно проводящая матеріалистическія теоріи, приняла нѣсколько коммерческій, ремесленный характеръ. Люди проповѣдують безотрадную философію, издѣваются надъ самыми святыми вѣрованіями и убѣжденіями, вооружаются противъ духовенства, каррикатурятъ все не потому, чтобы ихъ убѣжденія были таковы, по крайней мѣрѣ тогда, когда они начали литературную свою дѣятельность, а потому, что на это мода, что разсчетливый редакторъ приказываетъ или проситъ, (что одно и тоже для лицъ, изъ печатнаго слова сдѣлавшихъ промыселъ, дающій средства къ жизни) коснуться дѣла съ самой модной стороны и какъ можно покраснорѣчивѣе и посильнѣе, потому что редакціи стали тѣми же модными магазинами, которые пришлось бы закрыть, если бы въ нихъ производить хоть очень теплыя и удобныя платья,

но не имѣющія интереса новости и не бросающіяся въ глаза особенною яркостію красокъ или особеннымъ оригинальнымъ покроемъ. По крайней мѣрѣ на такія мысли навелъ насъ г. Піотровскій, недостаточно знающій православное духовенство, его бытъ и его подвиги на пользу народную, чтобы судить объ немъ, и между тѣмъ согласно съ современнымъ вкусомъ, съ пренебреженіемъ и злобной ненавистью отнесшійся къ нему.

Защищая духовенство, мы какъ нельзя больше далеки отъ непризнанія въ немъ темныхъ явленій, или отъ непризнанія за обществомъ или литературою права судить о немъ и его дѣлахъ. Духовенство, какъ и всѣ другія сословія государства, должно подлежать общественному и печатному суду; оно даже нуждается въ этомъ судѣ,—можетъ быть, болѣе, чѣмъ другія сословія, сообразно большей важности тѣхъ великихъ интересовъ народа, которые находятся подъ его смотрѣніемъ; въ этомъ общественномъ судѣ оно можетъ найти для себя поощреніе, возбужденіе, совѣты, внушенія, можетъ найти энергію и для усиленія добра въ себѣ и для искорененія зла въ своей средѣ и въ другихъ. Но чтобы судъ былъ честенъ и чуждъ предубѣжденій, для этого необходимо историческое знакомство съ его судьбами, знаніе его положенія, его матеріальныхъ средствъ, знакомство съ совершенствами и недостатками его воспитанія, съ его устройствомъ, для этого наконецъ необходимо не пропускать намѣренно или по невниманію его послѣднихъ усилій на пользу бѣдныхъ сельскихъ населеній Россіи. Писанье о духовенствѣ по слухамъ, безъ изученія его, можетъ противъ воли повести писателя къ клеветамъ на него и сочиненію нелѣпостей, къ каррикатурному описанію его устройства, его пове-

денія, въ которомъ оно, какъ, напримѣръ, въ статьѣ Піютровскаго, не узнаетъ себя и которое потому совершенно безплодно пройдетъ для него, возбудивъ лишь неправильное воззрѣніе на него въ лицахъ—тоже мало знакомыхъ съ нимъ.

Сказавши о томъ, что для сужденія о духовенствѣ и для избѣжанія осужденія его необходимо историческое знакомство съ его судьбами, мы не намѣрены, однакожъ, въ настоящей статьѣ подробно касаться историческихъ услугъ его цивилизаціи Россіи; это потребовало бы больше мѣста для себя, чѣмъ сколько можемъ удѣлить въ настоящей статьѣ. Все, что мы намѣрены сдѣлать, это будетъ самый бѣглый очеркъ того значенія, какое оно въ разныя времена занимало въ общественномъ развитіи отечества. Но здѣсь мы гораздо полезнѣе считаемъ говорить не своими, а словами извѣстнаго нашего историка. «Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать своимъ частнымъ интересомъ обществу. Первоначальное, естественное общество человѣческое—семейство—уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для себя и живутъ для существъ отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ сильнѣе, чѣмъ члены общества яснѣе сознаютъ, что основа общества есть жертва. Греція была наверху своего могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ, Римъ, когда за него умиралъ Децій. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу, то понятно, какъ могущественно должна была въ средніе вѣка содѣйствовать укрѣпленію обществъ новоевропейскихъ христіанская религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 л. послѣ основанія русскаго государства, религія христіанская провозглашена была господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала русское общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ часто увлекался къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости, которая съ неудержимою силою влекла къ паденію, помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны и велики были нравственные подвиги лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ со страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики были лишенія, которымъ они подвергали себя во имя природы нравственной. На встрѣчу богатырю, гордому своей вещественной силой, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственной силой, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію, выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, потому что хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать съ себя свой желѣзный панцырь и просить для себя другаго — мантіи монашеской.... Въ монастыри сбывала Европа среднихъ вѣковъ избытокъ безпокойныхъ, неугомонныхъ силъ. Таково же, (между прочимъ), было общественное значе-

ніе и нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ и острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ. Отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходило нравственное назиданіе, не словомъ только, но и дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительное, болѣе благотворное. И общество древле русское спасалось тѣмъ, что внимало этой проповѣди.... И на востокѣ и на западѣ общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру, сохраняли при этомъ силу не мириться съ зломъ, сохраняли способность покаянія— признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что силы нравственныя и матеріальныя уравновѣшивались, что противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго.... Не странно послѣ этого, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ мы различаемъ двухъ монаховъ"....
Таковы сужденія спеціалиста (1) о вліяніи вѣры Христовой и ея служителей на общественный бытъ древней Россіи. Нравственный элементъ, связывавшій и скрѣплявшій общественный союзъ древней Россіи,—вотъ первое, что внесла вѣра Христова въ юную Россію, и вотъ

(1) С. Соловьева.

самая внутренняя, самая прочная услуга, оказанная проповѣдниками вѣры и служителями церкви дѣлу отечественной цивилизаціи. Но это слишкомъ ужъ глубокое и слишкомъ внутреннее пониманіе цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства. Взглянемъ на это дѣло попроще и понятнѣе для нашихъ читателей.

Россія современная относительно древней Россіи не то, что нынѣшняя Шотландія относительно Шотландіи XIII или XIV в. Если миллiона три русскаго народонаселенія, вслѣдствіе особенныхъ условій жизни своей, созданныхъ реформой Петра, ушли далеко отъ своихъ прежнихъ обычаевъ, то остальная, значительнѣйшая часть русскаго народа едва ли значительно разнится отъ своихъ древнихъ предковъ, такъ что мѣсто, какое занимало отечественное духовенство въ древнюю эпоху русской жизни, въ существѣ дѣла остается тѣмъ же доселѣ. Было время, когда единственно-грамотное сословіе было духовенство, когда единственная литература была духовная, когда все, что доставляетъ народу знаніе,—выходило изъ духовенства, когда ни гимназій, ни университетовъ и вообще свѣтскихъ училищъ не существовало, и когда единственными распространителями грамотности были монастыри или школы при архіерейскихъ домахъ. Тогда самою организованною отраслію управленія русскаго была отрасль администраціи церковной. „Во всѣхъ епархіяхъ удѣльно-вѣчевой Россіи", мы приводимъ слова другаго русскаго ученаго, „было значительное количество монастырей; многіе изъ нихъ владѣли богатствами, нѣкоторые славились своею ученостію и чистотою жизни спасавшихся въ нихъ иноковъ. Духовенство древней до-Монгольской Руси имѣло значеніе политическое, оно вмѣшивалось въ качествѣ

миротворца въ усобицы, опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ на свѣтскую власть; всячески старалось поддержать ее; наконецъ представляя собою твердое цѣлое, значительно содѣйствовало соединенію разрозненныхъ племенъ въ одну народность. Замѣтимъ также, что древнѣйшая наша церковь была въ свое время единственнымъ проводникомъ просвѣщенія.... Обученіе сосредоточивалось въ рукахъ духовенства. Въ то время существовали однѣ монастырскія школы, мужскія и женскія (при женскихъ обителяхъ). Все духовенство было грамотное. Между людьми свѣтскими, даже князьями и боярами, грамотность была менѣе распространена.... Духовенство, особенно черное, не только дѣломъ, своимъ житіемъ, но и словомъ старалось поучать паству. Отъ отдаленной эпохи, о которой идетъ рѣчь, уцѣлѣли замѣчательные памятники письменности: богословскія сочиненія; слова епископа новгородскаго Луки Жидяты, митрополита Иларіона, игумена Кіево-Печерскаго Ѳеодосія; Кирилла, епископа туровскаго; посланія митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху, инока Кирилла къ Нифонту, Симеона къ Поликарпу, и послѣдняго къ Акиндину; паломники (напр. игумена Даніила); сказанія; житія; областныя лѣтописи, прототипомъ которымъ служила лѣтопись преподобнаго Нестора“ (¹). При этомъ обиліи произведеній духовной литературы почтенный ученый упоминаетъ лишь о трехъ свѣтскихъ, о сочиненіи князя (завѣщаніе Владиміра Мономаха дѣтямъ), о сочиненіи Даніила Заточника и объ одномъ поэтическомъ произведеніи (Слово о полку Игоревѣ). Въ эту пору духо-

(¹) См. въ Приложеніяхъ къ Мѣсяцеслову на 1862 г. статью г. Павлова: Тысячелѣтіе Россіи, стр. 12. 15.

венство было въ Россіи тоже, что европейскіе колонисты на дѣвственномъ—вновь открытомъ островѣ; только вліяніе его на Россію было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе духовные, какъ одноплеменники, говорившіе однимъ языкомъ съ окружающимъ его народомъ, могли находить довѣрія къ себѣ и средствъ къ дѣйствованію на другихъ, и чѣмъ удобнѣе, какъ единовѣрные съ греками, они могли переносить изъ Византіи на русскую землю плоды исторической жизни. Въ это время, когда не было ни баловъ, ни театровъ, ни другихъ позднихъ общественныхъ развлеченій, сословія сближались между собою только во время церковныхъ церемоній, при торжественныхъ богослуженіяхъ, и духовенство было нѣкоторымъ образомъ связующимъ звѣномъ князя съ народомъ, бояръ съ земствомъ; тогда жители отдаленныхъ предѣловъ сходились и обмѣнивались мыслями у угодниковъ кіевскихъ или новгородскихъ. Тогдашнее духовенство шло иногда вслѣдъ, а иногда впереди княжескихъ ратей, на завоеваніе язычествующихъ племенъ вѣрѣ христіанской и на распространеніе между ними болѣе кроткихъ, болѣе цивилизованныхъ нравовъ христіанскихъ, и подлѣ острожковъ, строившихся для распространенія русской власти на покоренныя племена, воздвигало церкви и монастыри для распространенія на нихъ нравственной власти, поддерживавшей организмъ общественный и устанавливавшей добрыя отношенія родителей къ дѣтямъ, подчиненныхъ къ начальникамъ и указывавшей на зависимость всѣхъ и каждаго отъ общаго нравственнаго Міроправителя. Въ ту пору, когда никакіе почти положительные законы не защищали сильнаго отъ притѣсненій слабаго, когда не были отъ правительства выдаваемы мѣры и вѣсы и люди торго-

вые могли сколько угодно обвѣшивать и обмѣривать, нравственные законы, проповѣдуемые духовенствомъ, замѣняли для Россіи почти все письменное законодательство, и къ духовенству, какъ сословію болѣе образованному, обращались люди съ разборомъ своихъ жалобъ и обидъ: оно своимъ пастырскимъ словомъ вооружалось противъ лихоимства купцовъ и жестокости сильныхъ. Въ ту пору, когда еще не было типографій и самый Гуттенбергъ еще не далъ міру въ своемъ изобрѣтеніи могущественнѣйшаго рычага цивилизаціи, духовныя лица сами списывали прежде переведенныя богослужебныя книги и творенія отеческія, вновь переводили, сами назидались и назидали другихъ. Они же оставили бытописаніе родины на память и поученіе потомкамъ и положили первые вклады въ отечественную исторію, такъ что безъ ихъ трудовъ мы не имѣли бы теперь науки историческаго самопознанія, столь необходимой для сознательнаго развитія народной цивилизаціи. Памятниками признательности древней Россіи къ своимъ первымъ цивилизаторамъ оставались во множествѣ до поздняго времени и отчасти еще остаются доселѣ богатыя помѣстья въ пользу монастырей и церквей, разныя льготы духовенству, а памятниками прямой заботливости духовенства о благосостояніи народномъ—посланія разныхъ русскихъ іерарховъ къ народу и священникамъ.

Такое широкое участіе духовенства въ цивилизаціи древней Россіи съ малыми видоизмѣненіями и съ небольшими сокращеніями продолжалось до самой реформы Петра. «Въ періодъ отъ монгольскаго нашествія до Петра великаго, какъ и прежде, духовенство играло значительную политическую роль; митрополиты» «*печалова-*

лись» за «опальныхъ» предъ государями; по приглашенію засѣдали вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ въ боярской и великой земской думѣ, являлись посредниками въ борьбѣ разныхъ партій,—придворныхъ и политическихъ; черное духовенство также принимало участіе въ борьбѣ партій, особенно въ смутныя времена; имя патріарха, отца перваго царя изъ дома Романовыхъ, на всѣхъ грамотахъ писалось рядомъ съ государевымъ... Духовенство въ Московскомъ государствѣ было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ. Только при монастыряхъ и церквахъ существовали школы. Вліяніе Церкви на общество въ старину было огромное» ([1]). Развитіе русской цивилизаціи въ прогрессивномъ порядкѣ было замедлено грубой татарщиной. Сколько неоцѣненныхъ услугъ поддержанію народнаго духа оказывало духовенство въ эти тяжелыя времена порабощенія Россіи татарами, когда у русскихъ людей, начиная съ бояръ и князей до послѣдняго холопа, не оставалось никакихъ утѣшеній и ободреній, кромѣ утѣшеній и ободреній вѣры, когда самой нужной добродѣтелью было для всѣхъ христіанское терпѣніе, а самымъ нерѣдкимъ явленіемъ смерть за вѣру и родину съ надеждой на страдальческій вѣнецъ, когда «татарскіе ханы, надѣясь снискать расположеніе русскаго духовенства, глубоко уважаемаго въ народѣ, освободили его отъ дани» и милостиво выслушивали его ходатайство за угнетенныхъ и обиженныхъ! Потомъ, когда параллельно съ распаденіемъ татаръ на отдѣльныя орды и царства, начало совершаться объединеніе русскихъ областей и княжествъ около Москвы, имѣвшее въ результатѣ сверженіе мон-

(1) Слова П. Павлова. Тамъ же; стр. 43. 44.

гольскаго ига, духовенство, еще болѣе усилившее въ смутное время свое вліяніе на общество, усердно помогало необходимой въ то время политической централизаціи Россіи. Политика Іоанна Калиты—объединить Русь опиралась на православное духовенство, въ особенности на митрополита, вооруженнаго правомъ церковнаго запрещенія противъ враговъ первопрестольной Москвы. Троицко-Сергіева лавра со времени своего основателя благословляетъ каждую попытку преемниковъ Калиты—собрать около себя Русь, и первая побѣда надъ татарами, не могшая освободить Россіи, но давшая уже почувствовать имъ силу *собранной* Россіи, была одержана съ благословенія преподобнаго Сергія и въ сообществѣ съ двумя иноками. Духовенство, больше всѣхъ сословій взысканное благорасположеніемъ хановъ, не измѣнило своему долгу — относительно единоплеменныхъ единовѣрцевъ и, ненавидя *поганыхъ* поработителей, всегда возбуждало противъ нихъ князей и народъ. Имя протопопа Сильвестра неразрывно связано съ обращеніемъ Іоанна Грознаго отъ безпорядочнаго образа жизни и со всѣми мудрыми мѣрами первыхъ лѣтъ его царствованія, точно также, какъ имя митрополита Филиппа, пострадавшаго вслѣдствіе своего заступничества за опальныхъ бояръ,—съ концемъ его царствованія. За тѣмъ въ стоившую монгольскаго ига эпоху междуцарствія, когда безпорядки грозили государству гибелью, когда всевозможныя партіи и шайки обольщали, обманывали другъ друга, чтобъ поживиться и пожить на счетъ другихъ, когда алчность казаковъ запорожскихъ и донскихъ, стремленіе поляковъ, а отчасти и шведовъ увеличить свою государственную область на счетъ Россіи, происки іезуитовъ, ненависть къ Россіи татаръ казанскихъ и астраханскихъ, эгоизмъ

разныхъ честолюбцевъ и невѣжество и грубость народа —дѣлали спасеніе невозможнымъ,—сперва грамоты Гермогена, потомъ краснорѣчивыя воззванія архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына образумили лучшую патріотическую часть населенія и повели чрезъ Минина и Пожарскаго Россію къ спасенію. Поляки, находившіеся въ Москвѣ, стали принуждать патріарха Гермогена запретить низовому ополченію походъ. Твердый старецъ не посмотрѣлъ на угрозы враговъ и вмѣсто запрещенія посылаетъ благословеніе: Гермогенъ принесъ себя въ жертву за спасеніе родины: голодная насильственная смерть его была высокимъ актомъ служенія духовенства независимости и счастію Русской земли. Затѣмъ слѣдуютъ безцѣнныя услуги патріарха Филарета по руководству сына своего царя Михаила въ залеченіи язвъ отечества послѣ между-царствія, и патріарха Никона по руководству Алексѣя Михайловича. Литература, архитектура, скульптура, музыка и живопись по прежнему развивались или духовенствомъ или въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ ему, въ церквахъ и монастыряхъ. Новгородскій—Софійскій, Московскіе—Успенскій и Архангельскій—соборы и много другихъ церквей и монастырей сохранились до нашего времени почти единственными памятниками архитектуры и живописи того времени. Терема бояръ, самые дворцы до Іоанна III не отличались особенною художественностію; все развитіе, какое дѣлали до Петра великаго строительное, орнаментальное и живописное искусства, сдѣлано было въ монастыряхъ или церквахъ: глазъ древняго русскаго человѣка только въ святыхъ мѣстахъ видѣлъ что-то лучшее, высшее его бѣдной, деревянной хаты, только здѣсь онъ встрѣчалъ произве-

деніе живописи и только здѣсь онъ слыхалъ пѣніе болѣе искуственное, чѣмъ простонародное. Училищами грамотности и въ періодъ Московскій были училища духовныя, чтеніемъ—чтеніе духовное; златоструи, златоусты, патерики, прологи, четь-минеи, палеи, лѣтописные сборники и своды, и большая часть историческихъ записокъ принадлежатъ духовенству или лицамъ, воспитавшимся у него. Все, что есть самаго высшаго и благороднѣйшаго въ цивилизаціи вообще, всѣмъ тѣмъ допетровская русская цивилизація одолжена духовенству. Прогрессъ умственный, художественный, какой тогда былъ, совершался при большемъ, чѣмъ со стороны другихъ сословій, участіи духовенства.

Русское духовенство кромѣ того никогда не старалось, какъ западное, поддерживать стараго порядка потому только, что онъ былъ выгоднѣе, не вооружалось противъ нововведеній и новыхъ идей своего правительства. Все благое находило въ немъ поддержку и ободреніе, было ли это уничтоженіе мѣстничества, изданіе писцовыхъ книгъ, составленіе стоглава, защита нѣмцевъ отъ самовольной расправы новгородцевъ, уничтоженіе разъединенія Россіи и противодѣйствіе оставшимся отъ удѣльно-вѣчевой Россіи воспоминаніямъ о старинѣ. Когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича защитники старины въ разныхъ мѣстахъ возстали противъ нововведеній и тогдашняго прогресса жизни, когда старовѣры религіозные и гражданскіе, идеалъ которыхъ былъ одинъ и тотъ же—*старина*, дружно подавали другъ другу руки къ войнѣ противъ общаго врага—наступавшаго новаго порядка вещей, духовенство не затруднилось приняться за очищеніе своихъ богослужебныхъ книгъ отъ ошибокъ и ис-

казненій, хотя огромное количество православныхъ грозило отдѣлиться отъ общенія съ нимъ, и всѣми своими симпатіями стало за новый порядокъ — противъ религіозныхъ и политическихъ старообрядцевъ. На этомъ пунктѣ отечественная цивилизація — еще получила со стороны духовенства жертву — астраханскаго митрополита Іосифа, замученнаго религіознымъ и политическимъ старовѣромъ и разбойникомъ Васькой Усомъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы надѣемся показать, что духовенство и въ самую прогрессивную часть отечественной исторіи, начавшуюся съ Петра великаго, не измѣняло своему древнему характеру и не покидало своей цивилизаторской дѣятельности, и что оно теперь больше, чѣмъ когда нибудь и чѣмъ какое нибудь другое сословіе, дѣлаетъ для успѣховъ народнаго развитія.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

Конференція с. петербургской духовной академіи, не получивъ до настоящаго времени сочиненій на преміи покойнаго высокопреосвященнѣйшаго митрополита Григорія о православіи церкви россійской и о церквахъ римско-католической и лютеранской, представленіе которыхъ назначено было къ 1-му января 1862 года, симъ объявляетъ, что съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с. петербургскаго, для представленія означенныхъ сочиненій вновь назначенъ срокъ къ 1-му октября 1863 года тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ былъ въ прошедшемъ году, именно:

Высокопреосвященнѣйшій Григорій, митрополитъ новгородскій и с. петербургскій, донесъ Святѣйшему Сvноду, что онъ находитъ весьма нужнымъ, чтобы были доказаны и даны во всеобщее въ Россіи свѣдѣніе три предмета, слѣдующіе: 1) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко была доказана Словомъ Божіимъ, опредѣленіями св. соборовъ и свидѣтельствами св. отцевъ церкви истина православной Церкви; при чемъ всякій безпристрастный и разсудительный могъ бы видѣть, что именно она есть истинно православная Христова Церковь; 2) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано, что патріархъ западной церкви, или папа, не есть глава, или власти-

тель всей Христовой Церкви. Доказательства должны быть заимствованы изъ Слова Божія, опредѣленій св. соборовъ и свидѣтельствъ св. отцевъ Церкви восточной и западной, съ яснымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какія въ наше время паписты употребляютъ для доказательства властительства папы во всей Христовой Церкви; 3) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано Словомъ Божіимъ и церковною исторіею православіе православной Церкви для лютеранъ, съ твердымъ, обстоятельнымъ, яснымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какими лютеранство защищаетъ свои мнѣнія. Каждый изъ сихъ трехъ предметовъ долженъ быть обработанъ особо. Желающіе принять на себя обработать который либо изъ сихъ трехъ предметовъ имѣютъ представить свои сочиненія: лица, находящіяся въ с. петербургскомъ учебномъ округѣ, въ конференцію с. петербургской духовной академіи, а лица, находящіяся въ другихъ учебныхъ округахъ, въ конференціи духовныхъ академій своихъ округовъ. Академическія конференціи, разсмотрѣвъ присланныя имъ сочиненія безъ замедленія и опредѣливъ, которое изъ нихъ лучше и заслуживаетъ преміи, пересылаютъ всѣ, разсмотрѣныя ими, сочиненія для окончательнаго рѣшенія въ конференцію с. петербургской духовной академіи. Сочинители за каждое лучшее изъ сихъ трехъ сочиненій получаютъ премію. Каждое сочиненіе будетъ напечатано особо подъ именемъ сочинителя и съ выдачею ему ста экземпляровъ изъ напечатаннаго числа. При чемъ преосвященный митрополитъ представилъ три тысячи пять сотъ рублей серебромъ (3,500 р. с.), какъ въ награду авто-

рамъ означенныхъ сочиненій, такъ и въ обезпеченіе напечатанія оныхъ.

Академическая конференція постановила слѣдующія правила для представленія означенныхъ сочиненій:

1) Сочиненія могутъ быть представлены въ академическую конференцію съ подписью имени автора, или такъ, какъ обыкновенно представляются писанныя на конкурсъ сочиненія, авторы которыхъ желаютъ остаться неизвѣстными до присужденія, т. е., съ какимъ нибудь девизомъ на сочиненіи и съ тѣмъ же девизомъ на особомъ запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора.

2) Для разсмотрѣнія сочиненій въ с. петербургской академической конференціи имѣетъ быть составленъ въ свое время особый комитетъ изъ членовъ конференціи, преимущественно знакомыхъ съ предметами означенныхъ сочиненій.

3) По окончаніи сего порученія, въ сроку, назначенному академическою конференціею, комитетъ представитъ мнѣніе свое въ конференцію, которая въ экстренномъ общемъ собраніи выслушаетъ докладъ комитета и сдѣлаетъ заключеніе касательно присужденія премій сочинителямъ.

4) Заключеніе свое конференція представитъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому и с. петербургскому на архипастырское усмотрѣніе и съ его утвержденія приступитъ какъ къ напечатанію сочиненій, такъ и выдачѣ премій сочинителямъ.

5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, если оно было представлено съ девизомъ, конвертъ съ означеніемъ имени автора разпечатается въ собраніи академической конференціи, и на заглавномъ листѣ сочиненія, при

печатаніи, будетъ означена, вмѣстѣ съ именемъ автора, и награда, которой оно удостоено.

6) Изъ напечатанныхъ экземпляровъ, которыхъ количество опредѣляется назначенною для того суммою, по выдачѣ изъ нихъ ста экземпляровъ каждому сочинителю, остальные имѣютъ быть обращены въ продажу, и вырученныя за нихъ деньги, равно и проценты, могущіе составиться на хранящійся до того времени капиталъ, присоединятся къ суммѣ, собранной по случаю пятидесятилѣтняго юбилея с. петербургской духовной академіи и назначенной на преміи за лучшія ученыя и учебныя сочиненія по другимъ отраслямъ духовнаго образованія.

7) Въ случаѣ, если къ назначенному сроку не будутъ представлены вполнѣ удовлетворительныя и заслуживающія премій сочиненія по всѣмъ тремъ указаннымъ предметамъ, или даже ни по одному изъ нихъ, академическая конференція имѣетъ вновь объявить конкурсъ для представленія таковыхъ сочиненій на тѣхъ же основаніяхъ.

8) Изъ сочиненій, неудостоенныхъ премін, представленныя съ подписью автора имѣютъ быть возвращены по принадлежности, иныя (болѣе удовлетворительныя) съ указаніемъ исправленій, которыя могутъ быть въ нихъ сдѣланы, и объ авторахъ ихъ будетъ публиковано въ духовныхъ журналахъ и доведено до свѣдѣнія высшаго начальства; а другія (менѣе удовлетворительныя) безъ указанія такихъ исправленій; представленныя же съ девизомъ не возвращаются, и конверты съ означеніемъ имени автора сжигаются неразпечатанными.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить духовника Ея Величества, королевы нидерландской Анны Павловны, протоіерея Арсенія *Судакова* къ ордену св. Анны 2-й степени, а священнику при церкви Шемокмеды Николосу Іесеву *Готмидзе*, участвовавшему въ іюнѣ и августѣ 1861 г. въ дѣлахъ противъ горцевъ въ Бзыбскомъ отрядѣ, пожаловать орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

— Опредѣленіями Св. Синода, отъ 20 октября и 20 декабря минувшаго года, положено за усердіе къ дѣлу народнаго образованія преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода слѣдующимъ лицамъ тобольской епархіи: тюменскаго округа, села Билевскаго священнику Андрею *Перову*; ялуторовскаго округа священникамъ: села Мокроусовскаго *Пермукову*, Казацкаго *Попову* и Тересокскаго *Блохину*; тарскаго округа, женѣ священника села Такмытскаго Александрѣ *Серебренниковой*; курганскаго округа, села Черновскаго введенской церкви дьячку Евграфу *Пырьеву*, благочинному *Андріанову*, діакону *Кыштымову*, дьячку *Костылеву*, и пономарю *Сентяшеву*; ишимскаго округа, села Локтинскаго священнику *Калугину* и села Истошинскаго *Лепехину*; петропавловскаго округа, женѣ священника станицы Лебяжевской *Лапи-*

кой; березовскаго округа, священнику миссіонерской церкви Петру *Попову*, и владимірской епархіи діакону симеоновской церкви во Владимірѣ Якову *Садикову*.

— Опредѣленіемъ Св. Сvнода 18-го января положено: преосвященнѣйшаго *Арсенія*, митрополита кіевскаго, духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, главнаго священника гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, протопресвитера Василія Борисовича *Бажанова*, и главнаго священника арміи и флотовъ, протопресвитера Василія Ивановича *Кутневича*, въ уваженіе просвѣщенной ревности ихъ по Вѣрѣ православной и благотворнаго вліянія ихъ на распространеніе духовнаго просвѣщенія въ отечествѣ, назначить почетными членами конференціи с. петербургской духовной академіи.

— Опредѣленіемъ Св. Сvнода отъ 30-го января разрѣшено изданіе калужскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, по представленной преосвященнымъ Григоріемъ, епископомъ калужскимъ, программѣ.

— По распоряженіямъ г. оберъ-прокурора Св. Сvнода кандидатъ с. петербургской духовной академіи Егоръ *Твоцъ* утвержденъ въ должности лектора эстскаго языка при рижской семинаріи; экстраординарному профессору кіевской духовной академіи Василію *Пѣвницкому* поручено преподаваніе нѣмецкаго языка при означенной академіи; бывшій ректоръ галичскаго духовнаго училища Петръ *Смирновъ* опредѣленъ профессоромъ въ кіевскую семинарію; исправлявшій должность смотрителя маріупольскаго духовнаго училища надворный совѣтникъ Евѳимъ *Ильягаевичъ* утвержденъ въ должности смотрителя сего училища; воспитанники кіевской духовной академіи Михаилъ *Смирновъ*, Хрисанѳъ *Бочковскій* и Александръ *Глыбовскій* опредѣлены наставниками въ ки-

шиневскую семинарію; профессоръ подольской семинаріи Корнелій *Введенскій* перемѣщенъ на службу въ тифлисскую семинарію, на мѣсто его опредѣленъ воспитанникъ кіевской академіи Василій *Позняковъ*; профессоръ пензенской семинаріи Николай *Благоразумовъ* перемѣщенъ на службу въ московскую семинарію.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго 2-го декабря 1861 года штата канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода. переименовываются: начальники отдѣленій, статскіе совѣтники: *Воскресенскій* и *Барсовъ* и надворный совѣтникъ *Лапинъ*—старшими чиновниками; столоначальники: старшій, коллежскій совѣтникъ *Адамовичъ* и младшіе: коллежскіе ассесоры. *Керскій* и *Михайловъ* и титулярный совѣтникъ *Щуровскій* — помощниками старшихъ чиновниковъ; старшіе помощники столоначальниковъ. титулярные совѣтники: *Хвостовъ* и *Саметскій*, коллежскій секретарь *Касаткинъ* и губернскій секретарь *Богословскій* — младшими чиновниками; канцелярскіе чиновники. коллежскіе секретари, *Опришковъ*. *Кокошкинъ* *Казанкинъ*, *Пашъ*, *Трушталевскій*. *Ивановъ* и *Соловьевъ*, губернскій секретарь *Плаховъ*, коллежскій регистраторъ *Григорьевъ*. и канцелярскіе служители: *Базилевскій* и *Синявинъ*—чиновниками для письма. Назначаются: старшій столоначальникъ коллежскій совѣтникъ *Шуклинъ*—экзекуторомъ. казначеемъ и архиваріусомъ; старшій помощникъ столоначальника коллежскій ассесоръ *Михайловъ*—журналистомъ, старшій помощникъ столоначальника коллежскій ассесоръ *Боголюбскій*—помощникомъ экзекутора и младшій помощникъ столоначальника коллежскій регистраторъ *Дунаевъ* — чиновникомъ по дѣламъ юрисконсульта. Оставлены за штатомъ: архиваріусъ статскій совѣтникъ *Шеншинъ*, экзекуторъ и казначей

надворный совѣтникъ *Гарве* и младшій помощникъ столоначальника коллежскій секретарь *Крестининъ*. Перемѣщаются: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій асессоръ *Сергіевскій* — старшимъ чиновникомъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода; канцелярскій чиновникъ синодальной канцеляріи коллежскій секретарь *Павозовъ* — чиновникомъ для письма въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода.

— Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію чрезвычайнаго и полномочнаго посла нашего при императорѣ французовъ, генералъ-адъютанта графа Киселева, объ отличномъ усердіи и дѣятельности протоіерея Іосифа *Васильева* по сооруженію православной церкви въ Парижѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему изъ кабинета Его Величества наперсный крестъ, украшенный бриллiантами.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VI.

ФАНАТИЗМЪ И ИНДИФФЕРЕНТИЗМЪ.

Гдѣ нѣтъ любви истинно-христіанской, сообразной съ закономъ евангельскимъ и примѣромъ Христа-Спасителя, съ ученіемъ и духомъ истинно Христовой и апостольской, православно-вселенской Церкви, тамъ и христіанская ревность по Вѣрѣ, качество самое высокое и достойное христіанина, часто теряетъ свой евангельскій характеръ, и изъ силы, зиждущей счастіе и благоденствіе человѣчества, измѣняется въ силу погибельную и разрушительную. Такъ бываетъ, между прочимъ, тамъ, гдѣ ревностію по Вѣрѣ руководитъ не столько желаніе славы Божіей и спасенія ближнихъ, растворяемое кротостію любви христіанской, сколько желаніе покорить другихъ во что бы то ни стало своему вѣрованію и убѣжденію, безъ разбора средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Такая, недостойная христіанина, ревность обыкновенно называется *фанатизмомъ* или *изувѣрствомъ*.

Общая и главная причина этого явленія, какъ сказали мы, есть удаленіе отъ Духа и ученія Христова, во всей своей чистотѣ и цѣлости сохраняющагося только въ Церкви правлавно-вселенской. Поэтому и дѣйствія фанатизма ни гдѣ не проявляются съ такою силою, какъ въ тѣхъ обществахъ христіанскихъ (очевидно, здѣсь и рѣчи не можетъ быть о язычникахъ или поклонникахъ лжепророка, какъ совершенно чуждыхъ ученія Христова), которыя отступили отъ единенія съ Церковію вселенскою. Но особенно, какъ свидѣтельствуетъ исторія, фанатизмъ съ ужасною силою проявился въ церкви римской, послѣ отдѣленія ея отъ Церкви православной; онъ проявляется въ ней и доселѣ, такъ что вся исторія этой церкви, за исключеніемъ немногихъ лицъ, стоявшихъ выше другихъ по своему нравственно-христіанскому характеру, есть исторія проявленій фанатизма, прикрываемаго священнымъ и высокимъ именемъ христіанской ревности по Вѣрѣ. Этотъ фанатизмъ былъ естественнымъ, можно даже сказать, неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ скоро къ ученію Евангелія, къ ученію любви и самоотверженія, присоединилось чисто человѣческое ученіе узкаго эгоизма, самолюбія и своекорыстія, какъ скоро отъ каждаго требовали столь же пламенной, если еще не бóльшей, чѣмъ о славѣ Божіей, ревности о земной славѣ, земныхъ выгодахъ и преимуществахъ римскаго первосвященника, который могъ свою власть, свое значеніе, свой мнимо-непогрѣшимый авторитетъ употреблять для достиженія цѣлей противохристіанскихъ, свои прихоти и желанія провозглашать закономъ столь же святымъ и высокимъ, какъ и Божественный законъ Евангелія, и слѣпое повиновеніе своей волѣ — необходимымъ для каждаго условіемъ истиннаго благоугожде-

нія Богу, достиженія спасенія и блаженства, который именемъ Христовымъ хотѣлъ основать на землѣ земное царство, по образу древняго языческаго Рима, всемірное, облеченное безграничною властію надъ всѣми другими царями и царствами!... И какъ ужасно фанатизмъ проявилъ себя въ церкви римской, какими страшными послѣдствіями онъ ознаменовалъ себя въ ней какъ въ отношеніи къ Вѣрѣ и Церкви, такъ и въ отношеніи къ обыкновенной, общечеловѣческой жизни! Какое человѣческое сердце не содрогнется при одномъ воспоминаніи ужасовъ инквизиціи, подъ видомъ ревности по Вѣрѣ, дѣйствовавшей ради земныхъ интересовъ папы и его клевретовъ, во имя Бога, безконечной любви и милосердія, сожегшей на кострахъ цѣлыя сотни тысячъ людей? Какъ много бѣдствій и страданій человѣчеству причинила слѣпая ревность жаркихъ приверженцевъ папы, по одному его воззванію часто возстававшихъ противъ своихъ законныхъ правительствъ, проливавшихъ цѣлыя рѣки человѣческой крови, производившихъ долговременныя войны, соединенныя съ опустошеніемъ прекрасныхъ и цвѣтущихъ областей, съ разрушеніемъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ! Кто исчислитъ всѣ происки и козни іезуитства, доведшаго слѣпое, фанатическое повиновеніе папѣ и постановленіямъ своего ордена до отверженія всякой собственной мысли и воли, до отрицанія всѣхъ внушеній совѣсти, до прямаго и положительнаго противорѣчія и духу, и самой буквѣ Евангелія, до попранія,—гдѣ это нужно было для достиженія іезуитскихъ цѣлей, — самыхъ священныхъ и неприкосновенныхъ правъ человѣка въ жизни семейной и общественной, до хитростей и пронырствъ, способныхъ произвести презрѣніе и отвращеніе къ нимъ

даже въ язычникѣ?... Какъ много смятеній и бѣдствій производятъ и нынѣ въ мірѣ христіанскомъ гордыя притязанія римскаго первосвященника на земное господство! Какъ не рѣдко и нынѣ неразумные ревнители папства, наравнѣ съ изувѣрными поклонниками лжепророка, строютъ козни, производятъ тайныя иль явныя гоненія противъ сыновъ Церкви православной, чтобы только лишить ихъ той духовной свободы, которую Господь пріобрѣлъ своимъ послѣдователямъ безцѣнною цѣною своей крови, и подчинить тяжелому игу римскаго епископа! Какихъ страданій и бѣдствій не причинили и нашему отечеству самозванцы и унія, — эти жалкія созданія іезуитской злобы и лукавства!... И все это совершалось и совершается подъ видомъ ревности о славѣ Божіей и спасеніи человѣчества?!..

Вотъ ужасное превращеніе самаго высокаго и святаго въ грѣховное и законопреступное, благотворнаго и спасительнаго — въ погибельное и разрушительное! Вотъ жалкія послѣдствія ревности, дѣйствующей по собственному произволу и страстямъ, а не по волѣ Божіей, не по закону евангельскому!

Но люди не всегда умѣютъ воспользоваться должнымъ образомъ тѣми глубокими и разительными уроками жизни, которые Провидѣніе даетъ имъ въ событіяхъ и дѣлахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ царствъ и народовъ. По слѣпотѣ ума и ожесточенію сердца, минуя единый истинный путь ко спасенію,—непреложное свидѣтельство Писанія и вселенской Церкви, они часто не только свои человѣческія дѣла, но и самое дѣло Божіе хотятъ устроять единственно по руководству своего ума, и изъ одной погибельной крайности впадаютъ въ другую, не менѣе гибельную. Такъ было

и въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Увидѣвъ, какъ много зла происходитъ отъ слѣпаго повиновенія одному мнимо-непогрѣшимому лицу, многіе пришли къ мысли, что въ дѣлѣ Вѣры всего лучше каждому быть полновластнымъ, независимымъ ни отъ какого внѣшняго авторитета и руководства, руководителемъ самаго себя,— самому для себя, по своему личному умозрѣнію, изъяснять слово Божіе, самаго себя вести ко спасенію. А такимъ образомъ, что̀ въ мірѣ римско-католическомъ было совершаемо преимущественно силою и властію одного, его деспотизмомъ, подавлявшимъ всякую нравственно-христіанскую свободу, то самое здѣсь могъ совершать каждый по своеволію и буйству ума въ дѣлахъ Вѣры, прикрытому именемъ христіанской свободы,—разумѣется, по мѣрѣ и степени своего вліянія на другихъ, по мѣрѣ пріобрѣтеннаго отъ нихъ довѣрія и уваженія. Дивно ли посему, что и это новое ученіе какъ въ началѣ своего появленія, такъ и въ своемъ историческомъ развитіи также произвело не мало явленій фанатизма и изувѣрства, хотя и не въ такой мѣрѣ разрушительнаго, какъ фанатизмъ церкви римской? Дивно ли, что послѣдователи этого ученія, предоставленные каждый самому себѣ, могли увлекаться однѣми мечтами своего воображенія и, пріобрѣтая себѣ новыхъ послѣдователей, породить безчисленное множество сектъ, всегда враждебныхъ между собою, иногда мистическихъ и таинственныхъ даже до смѣшнаго и нелѣпаго, иногда дѣйствительно вредныхъ и опасныхъ (какова, напр., секта мормоновъ)? Дивно ли, что послѣдователи этой мнимо-очищенной религіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они пользовались внѣшнею властію, перевѣсомъ силы, часто также прибѣгали къ средствамъ

принужденія и жестокости противъ послѣдователей Рима, какъ и римскіе христіане противъ нихъ, когда имѣли силу на своей сторонѣ? Дивно ли, что и это ученіе, гордо называющее себя истинно-христіанскимъ, чисто-евангельскимъ, для утвежденія и распространенія своего потребовало вовсе не евангельскихъ и не апостольскихъ средствъ—продолжительныхъ войнъ, опустошенія многихъ городовъ и областей?

Нужно ли указывать на ближайшіе къ намъ примѣры фанатической, неразумной ревности по Вѣрѣ, въ нашемъ отечествѣ, — въ лицѣ расколоучителей и ихъ послѣдователей? И здѣсь также, какъ въ мірѣ католическомъ и протестантскомъ, причиною фанатизма было удаленіе отъ ученія и духа Церкви православно-вселенской, слѣпая вѣра въ свои собственныя мнѣнія и убѣжденія, основанная на безотчетномъ пристрастіи къ старинѣ со всѣми ея ошибками и недостатками, на благоговѣніи предъ буквой, искаженной невѣжествомъ и грубостью переписчиковъ, благоговѣніи не меньшемъ того, какое воздавали папѣ его жаркіе приверженцы, самоволіе и противленіе общему голосу всѣхъ іерарховъ Церкви русской и греческой, истинныхъ преемниковъ апостольскихъ и хранителей вселенскаго православія. И кому опять не извѣстно, какими безпорядками и смятеніями общественными ознаменовался и въ нашемъ отечествѣ фанатизмъ неразумныхъ ревнителей мнимо-старой вѣры?

Но въ какомъ видѣ и гдѣ бы ни проявлялся фанатизмъ, мы всегда примѣтимъ въ немъ его существенныя качества, которыми онъ отличается отъ истинно-христіанской ревности по Вѣрѣ. Если духъ истинно-христіанской ревности есть прежде всего и болѣе всего духъ любви и самоотверженія, духъ снисхожденія и

терпѣнія къ заблуждающимъ; то, напротивъ, духъ фанатизма есть по преимуществу духъ гордости и самолюбія, во внѣшнихъ дѣйствіяхъ проявляющій себя весьма разнообразно, но въ существѣ своемъ всегда не миролюбивый, всегда чуждый христіанскаго терпѣнія и снисхожденія, иногда доходящій до упорной и неумолимой ненависти ко всѣмъ иновѣрующимъ и иномыслящимъ, и такимъ образомъ въ самомъ основаніи попирающій высокую заповѣдь евангельской любви ко всѣмъ безъ исключенія. Является ли этотъ духъ въ открытыхъ гоненіяхъ и насиліяхъ, въ проискахъ ли и пронырствахъ, въ рѣчахъ ли полныхъ гнѣва и раздраженія,—всегда онъ есть духъ раздѣленія и разрушенія, духъ посягательства на свободу совѣсти другихъ, неуваженія къ правамъ и личности человѣка,—словомъ: онъ есть духъ *насилія*, а не убѣжденія, языческій духъ *завоеванія*, а не христіанскій духъ благовѣствованія истины евангельской, духъ *порабощенія*, а не обращенія другихъ на путь истинный. На высшихъ степеняхъ своего развитія это есть духъ крайней горячности и запальчивости, чуждый всякаго благоразумія и осмотрительности, готовый, правда, иногда жертвовать и самою жизнію за свои ложныя убѣжденія, но тѣмъ не менѣе столько же отличный отъ духа христіанской ревности, готовой запечатлѣть свое исповѣданіе мученичествомъ, сколько своенравіе и упорство дитяти отлично отъ разумной твердости и непоколебимости характера въ совершенномъ мужѣ.

Достойно замѣчанія, что фанатизмъ и изувѣрство, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ исторія, являлись пороками не только людей грубыхъ и невѣжественныхъ, но часто очень ученыхъ и образованныхъ. Такъ, въ

лицѣ римскихъ первосвященниковъ и ихъ приверженцевъ фанатизмъ пользовался и доселѣ пользуется всѣми пособіями науки и знаній для достиженія своихъ цѣлей. Вотъ, между прочимъ, поразительный урокъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ дѣлахъ Вѣры и благочестія никакія обширныя знанія, никакое умственное, даже собственно богословское и религіозное образованіе само по себѣ не можетъ предохранить человѣка отъ увлеченій и страстей. Вотъ очевиднѣйшее доказательство того, что недостатокъ внѣшняго, научнаго образованія не есть главная и первая причина фанатизма, какъ обыкновенно думаютъ очень многіе. Нѣтъ, его источникъ скрывается гораздо глубже, — не въ умѣ и познаніяхъ его, но въ сердцѣ, которое, по свидѣтельству непреложнаго слова Божія, есть начало, источникъ всей нашей духовно-нравственной жизни,—въ недостаткѣ той всецѣлой и всесторонней любви къ Богу и человѣчеству, которую Господь завѣщалъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ и которая одна можетъ сдѣлать ихъ достойными ревнителями славы Божіей и духовнаго блага людей.

Отсюда не трудно понять и то, что духъ фанатизма можетъ иногда незамѣтно проявляться даже тамъ, гдѣ нѣтъ явнаго и очевиднаго отверженія ученія Церкви православно-вселенской, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и живаго, глубокаго усвоенія этого ученія,—нѣтъ той любви къ ближнимъ, которая должна одушевлять всякаго истиннаго ревнителя по Вѣрѣ. Проявленія такого рода фанатизма могутъ быть весьма многочисленны и разнообразны. Такого рода фанатизмъ есть слѣпая недовѣрчивость и ненависть ко всему иноземному и иностранному, безъ различія добраго отъ худаго, опирающаяся единственно на томъ, что у тѣхъ или другихъ ино-

странцевъ нѣтъ истиннаго православія. Такого рода фанатизмъ есть презрѣніе, всякая ядовитая и оскорбительная насмѣшка въ отношеніи къ заблуждающимъ въ дѣлахъ истины христіанской, хотя бы и прикрытая именемъ христіанскаго обличенія порока и заблужденія. Такого рода фанатизмъ есть всякая защита даже несомнѣнной истины христіанской, но проникнутая духомъ гнѣва и раздраженія въ отношеніи къ отвергающимъ эту истину, чуждая христіанской терпимости и снисхожденія къ заблуждающимъ.

Погибеленъ и разрушителенъ въ дѣлахъ Вѣры, равно какъ и въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ, всякій фанатизмъ. Но не менѣе гибельно и противоположное ему заблужденіе — индифферентизмъ и безразличіе въ дѣлахъ Вѣры, которымъ многіе гордятся и превозносятся. считая его признакомъ высокой учености и образованія. ума, умѣющаго возвыситься надъ обыкновенными мнѣніями и понятіями *толпы*, признакомъ истинной свободы, независимости и самостоятельности духа.

Мы не станемъ подробно изслѣдовать, отъ какихъ собственно причинъ произошла и постоянно усиливается эта жалкая, духовно-нравственная болѣзнь общества. Внимательно наблюдающій жизнь и ея явленія откроетъ источникъ этой болѣзни то въ превратномъ воспитаніи, то въ одностороннемъ направленіи образованія, по которому стараются часто изучить одну какую либо область человѣческихъ наукъ и знаній, пренебрегая другими и совершенно оставляя изученіе истинъ Вѣры Христовой, къ которой, поэтому, естественно охладѣваютъ сердцемъ, — то, наконецъ, въ общемъ духѣ и направленіи вѣка, напрягающаго свои силы къ познанію всего, что можетъ быть источникомъ выгодъ и

удобствъ жизни чувственно-матеріальной, и въ то же время въ лицѣ людей, называющихъ себя передовыми, пренебрегающаго собственно духовно-нравственными, въ строгомъ смыслѣ человѣческими потребностями. Какъ бы ни было, только всѣ эти причины ясно и очевидно говорятъ намъ объ одной, существенной и главной, причинѣ индифферентизма и безразличія въ дѣлахъ Вѣры,—объ отсутствіи живой, истинно христіанской и евангельской любви къ Богу и человѣчеству, всегда неразлучной въ христіанинѣ съ ревностію по Вѣрѣ.

Между тѣмъ, если какое заблужденіе нашего вѣка, то особенно безразличіе и холодность въ отношеніи къ Вѣрѣ старается прикрыть себя предлогами и побужденіями повидимому самыми высокими и благородными, самыми нравственными, даже евангельскими и христіанскими. Если кто, то особенно индифферентисты стараются оправдать свою холодность къ Вѣрѣ и личиною вѣротерпимости, и уваженіемъ къ личнымъ убѣжденіямъ и совѣсти человѣка, и тѣмъ вредомъ, который происходитъ отъ неразумной, фанатической ревности по Вѣрѣ, умалчивая и какъ бы вовсе забывая при этомъ о тѣхъ безчисленныхъ, духовныхъ и вещественныхъ, благахъ, которыми человѣчество обязано истинно-христіанской ревности по Вѣрѣ. Если кто, то особенно они любятъ проповѣдывать о любви къ человѣчеству самой полной и всесторонней, объемлющей всѣ народы, безъ различія ихъ вѣрованій, часто опираясь въ подобныхъ случаяхъ на то, будто такую именно любовь къ человѣчеству, какую проповѣдуютъ они, проповѣдуетъ и само Евангеліе... Но всѣ эти предлоги—не болѣе, какъ одна прекрасная наружность, скрывающая величайшее внутреннее безобразіе; вся эта мнимо-возвышенная проповѣдь о любви къ

человѣчеству въ существѣ дѣла — не иное что, какъ источникъ величайшихъ золъ для человѣчества. Если гдѣ, то здѣсь, говоря словами великаго отца Церкви, „порокъ подражаетъ добродѣтели, и плевелы усиливаются казаться пшеницею,... и діаволъ преобразуется въ ангела свѣта, не для того, чтобы возвратиться туда, гдѣ былъ прежде, но для того, чтобы обмануть людей (¹)“.

Къ какимъ послѣдствіямъ естественно и, можно сказать, неизбѣжно долженъ прійти всякій индифферентистъ, если только онъ хочетъ остаться неуклонно вѣрнымъ послѣдователемъ своего ученія? Во имя одинаковаго и равнаго уваженія ко всѣмъ религіямъ, онъ, очевидно, долженъ всегда относиться съ уваженіемъ и ко всѣмъ религіознымъ заблужденіямъ, какъ бы они ни были странны и нелѣпы сами по себѣ, даже гибельны и вредоносны въ отношеніи къ жизни человѣка. И если онъ не поступаетъ такимъ образомъ, то противорѣчитъ самъ себѣ, потому что его собственное ученіе лишаетъ его всякаго права возставать противъ какихъ бы то ни было заблужденій, коль скоро они касаются области религіи. Но, одинаково уважая всѣ вѣрованія, со всѣми соглашаясь, всѣмъ уступая, онъ необходимо долженъ являться существомъ измѣнчивымъ и непостояннымъ, нравственно-безсильнымъ и безхарактернымъ: онъ съ евреями долженъ если не быть, по крайней мѣрѣ казаться евреемъ, съ язычниками — язычникомъ, съ ультрамонтанами—жаркимъ приверженцемъ папы, и только съ подобными себѣ онъ можетъ быть индифферентистомъ.

Что же можетъ быть жалче такого нравственнаго состоянія? И кто можетъ быть опаснѣе и вредоноснѣе

(¹) Св. Кир. Іерус. 4-е оглас. слово.

человѣка, находящагося въ такомъ состояніи? Что иное можетъ служить первымъ источникомъ и двигателемъ всей его жизни и поведенія, какъ не одна личная выгода и корысть? Кто съ полнымъ спокойствіемъ души и сердца можетъ довѣриться человѣку, для котораго нѣтъ ничего священнаго и завѣтнаго, который, по началамъ и основаніямъ своего же собственнаго ученія, можетъ и какъ бы имѣетъ право обманывать и лицемѣрить во всю свою жизнь? Скажутъ ли, что здравый смыслъ, просвѣщеніе и образованіе, убѣжденія, нажитыя путемъ опыта и науки, могутъ руководить его въ жизни и дѣятельности болѣе или менѣе благотворной и полезной для человѣчества, могутъ сдѣлать его достойнымъ нравственнаго уваженія и довѣрія? Такъ; но развѣ эти самыя убѣжденія, это образованіе и просвѣщеніе, этотъ мнимо-здравый смыслъ мѣшаютъ многимъ проповѣдывать совершенно равное и одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіямъ, и, слѣдовательно, къ основаннымъ на этихъ религіяхъ, самымъ противоположнымъ и враждебнымъ другъ другу, нравственнымъ началамъ жизни и дѣятельности? Правда, еще можно положиться на подобнаго человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ обмана и лицемѣрія ему не предстоитъ никакихъ выгодъ, а напротивъ, отъ образа дѣйствованія честнаго и добросовѣстнаго онъ можетъ надѣяться выгодъ и славы, чести и наградъ. Но кто ему довѣрится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того же самаго онъ можетъ гораздо скорѣе достигнуть лицемѣріемъ, обманомъ и предательствомъ, и притомъ безъ всякихъ опасностей и непріятностей для себя? Не гораздо ли болѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ заслуживаетъ довѣрія искренній язычникъ, коль скоро онъ даетъ клятву быть вѣр-

нымъ своему слову именемъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, для его души и сердца, безъ сомнѣнія, самыхъ священныхъ, завѣтныхъ и неприкосновенныхъ? Весьма справедливо говорятъ, что индифферентизмъ есть тоже *безбожіе*, только подъ другимъ именемъ и въ иномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро для человѣка всѣ религіи, самыя противоположныя, рѣшительно равны и одинаковы; то само собою очевидно, что для него вовсе нѣтъ религіи, — вовсе нѣтъ Бога истиннаго и живаго, а есть только, можетъ быть, нѣкоторая идея о существѣ высочайшемъ, имъ самимъ выработанная или откуда нибудь взятая, ничего особеннаго не внушающая, ни къ чему не обязывающая, идея, съ которою можно сдѣлать все, что̀ угодно, по праву самостоятельнаго и независимаго, чисто-философскаго мышленія. Труденъ ли отсюда переходъ и къ тому, что промыслъ Божій и безсмертіе души—одна отвлеченная загадка, внушенія совѣсти — издавна укоренившійся предразсудокъ, искренняя и глубокая любовь къ ближнему, побужденія къ добру, независимыя ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ,—вещь если не вовсе невозможная, по крайней мѣрѣ очень темная и сомнительная, и въ существѣ дѣла ни для кого не обязательная?

Нужно ли доказывать ту истину, что человѣкъ безразличный въ дѣлахъ Вѣры, безъ всякаго смущенія совѣсти, безъ долгихъ колебаній воли, можетъ явно и торжественно отречься отъ христіанства, среди котораго онъ родился, что онъ можетъ сдѣлать это не по внѣшнему насилію и принужденію, не по страху гоненія и смерти—хотя по суду христіанства и это законопреступно—но единственно ради житейскихъ выгодъ, ради чувственныхъ удовольствій и удобствъ жизни, что при

этомъ, измѣняя Вѣрѣ, онъ легко можетъ измѣнить и своему христіанскому отечеству и сдѣлаться его врагомъ? Къ сожалѣнію, ясный и очевидный опытъ убѣждаетъ насъ въ этой печальной истинѣ. Не мало примѣровъ того, что люди, вышедшіе изъ среды образованныхъ христіанскихъ народовъ, люди, которыхъ притомъ нельзя обвинить въ грубости и невѣжествѣ и слѣдовательно въ неумѣніи отличить одну религію отъ друругой, дошедши въ своемъ индифферентизмѣ и безразличіи до крайней наглости и безстыдства, измѣняли своей религіи и дѣлались *ренегатами*—поклонниками лжепророка,—вмѣстѣ съ принятіемъ новой религіи, уже необходимо обязывались въ случаѣ нужды итти противъ своего же христіанскаго отечества, опустошать его огнемъ и мечемъ, проливать кровь своихъ соотечественниковъ,—иногда равнодушно смотрѣли на гоненія и насилія, воздвигаемыя магометанами противъ христіанъ, а иногда и сами принимали участіе въ этихъ гоненіяхъ.... Вотъ къ какимъ ужаснымъ слѣдствіямъ можетъ привести мнимое уваженіе ко всѣмъ религіямъ всѣхъ народовъ, проповѣдуемое во имя любви къ человѣчеству!...

Въ этомъ случаѣ, какъ само собою очевидно, индифферентистъ дѣлается крайне вреднымъ и опаснымъ фанатикомъ. Но не то же ли самое бываетъ большею частію и со всѣми, зараженными болѣзнію индифферентизма и безразличія въ вѣрѣ? Проповѣдуя на словахъ одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіямъ, не являются ли они иногда на дѣлѣ самыми ожесточенными изувѣрами и фанатиками въ отношеніи ко многимъ истинамъ христіанства и постановленіямъ Церкви? Прошедшій вѣкъ ясно показалъ, что фанатизмъ индифферентизма и безбожія можетъ быть также разрушителенъ и ужасенъ,

какъ и фанатизмъ религіозный. Эти мудрецы, такъ громко проповѣдывавшіе о равенствѣ всѣхъ человѣческихъ правъ и равенствѣ всѣхъ религій, къ чему болѣе всего напрягали всѣ свои силы, какъ не къ униженію единой истинной и спасительной религіи Господа нашего Іисуса Христа, большею частію оставляя въ покоѣ всѣ прочія вѣрованія, а иногда самымъ коварнымъ и низкимъ образомъ указывая на ихъ мнимыя преимущества въ сравненіи съ христіанствомъ? Какихъ неистовыхъ богохульствъ и ругательствъ, какихъ клеветъ и выдумокъ, насмѣшекъ и кощунствъ не употребили они, чтобы только унизить и осмѣять христіанство? Какихъ потомъ всенародныхъ поруганій и униженій христіанской святыни, разоренія алтарей, оскверненія храмовъ не совершили изступленные и кровожадные послѣдователи ихъ ученія?

Къ сожалѣнію, подобныя явленія, хотя болѣе тонкія и скрытыя,—нерѣдкость и нынѣ.—Развѣ не найдемъ и нынѣ среди образованнѣйшихъ христіанскихъ обществъ людей, считающихъ себя самыми образованными и передовыми, гордящихся своимъ уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, своимъ высокимъ взглядомъ на права и достоинства человѣка, которые однакожъ смѣются и кощунствуютъ надъ самыми высокими истинами христіанства и учрежденіями Церкви? Какъ часто высокое и святое имя Божіе, имена величайшихъ мужей Церкви, обряды и самыя таинства Церкви подвергаются такими людьми презрѣнію и осмѣянію! Какъ часто самые недостатки и пороки людей, ихъ ошибки и заблужденія они стараются навязать религіи, которая исповѣдуется этими людьми! Какъ часто всѣ дѣйствія христіанской ревности по Вѣрѣ, самыя справедливыя и законныя, проникнутыя духомъ любви христіанской,

никого не оскорбляющія и не унижающія, индифферентисты нашего времени клеймятъ позорнымъ именемъ изувѣрства и фанатизма! Какъ часто самая справедливая и законная защита истины христіанской, вызванная ихъ же несправедливыми нападеніями на нее, считается ими духомъ нетерпимости, неуваженія къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ ихъ, тогда какъ имъ и на умъ не приходитъ, что, поступая такимъ образомъ, они именно себѣ самимъ дозволяютъ дѣйствія нетерпимости и фанатизма, крайняго неуваженія и презрѣнія къ самымъ священнымъ и завѣтнымъ убѣжденіямъ другихъ людей! Словомъ: все, что̀ есть самаго высокаго и священнаго въ религіи Христовой, что̀ для истиннаго, ревностнаго къ своей Вѣрѣ христіанина дороже всего самаго драгоцѣннаго въ этомъ мірѣ, дороже самой жизни—все то̀ людьми холодными и безразличными въ отношеніи къ Вѣрѣ подвергается кощунству и глумленію, насмѣшкѣ тайной или явной, тонкой или грубой, смотря по обстоятельствамъ, или, вѣрнѣе сказать, смотря по тому, гдѣ какая насмѣшка можетъ быть наиболѣе язвительною и ядовитою и въ тоже время остаться безнаказанною. И что̀ же дивнаго въ этомъ? Для подобныхъ людей всѣ религіи равны и одинаковы, иначе: всѣ религіи для нихъ одинаково—суевѣрія и предразсудки; а къ суевѣріямъ и предразсудкамъ можно ли относиться почтительно и уважительно? Что̀ поэтому можетъ означать на языкѣ ихъ и одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, какъ не одинаковое презрѣніе въ отношеніи ко всѣмъ имъ, а слѣдовательно и въ отношеніи къ христіанству?

И такъ, любовь ли къ человѣчеству, духъ ли истины мирной и тихой, ангелъ ли свѣта, или, напротивъ, духъ

мрака и лжи, духъ вражды и раздѣленія, духъ гордости и презрѣнія къ человѣчеству дышетъ въ этомъ ученіи?... Рѣшится ли истинный, самый пламенный и ревностный къ своей Вѣрѣ христіанинъ, дѣйствующій въ духѣ истинно Христовомъ и апостольскомъ, на такія посмѣянія и поруганія даже языческихъ заблужденій, на какія рѣшаются иногда въ отношеніи къ истинѣ Христовой люди, громко проповѣдующіе объ уваженіи ко всѣмъ религіямъ безъ исключенія, объ уваженіи къ личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ каждаго человѣка? Трудно ли поэтому рѣшить вопросъ: гдѣ истинный духъ и ученіе вѣротерпимости, — у нихъ ли, или напротивъ въ ученіи Евангелія и Церкви?...

Не всѣ, конечно, ниспадаютъ въ своемъ индифферентизмѣ до такой степени, чтобы совершенно отвергать божественность христіанства и ставить его наравнѣ съ ложными религіями. Многіе думаютъ только, что всѣ христіанскія вѣроисповѣданія имѣютъ одинаковое значеніе и силу въ отношеніи къ вѣчному благу и спасенію человѣка, и потому утверждаютъ, что какого бы исповѣданія ни держаться, все равно можно благоугождать Богу и принадлежать къ истинной Христовой Церкви, которой они не признаютъ въ томъ или другомъ исповѣданіи въ частности, а полагаютъ во всѣхъ вообще исповѣданіяхъ церковь невидимую, состоящую изъ всѣхъ покланяющихся Богу духомъ и истиною.

Не станемъ и здѣсь подробно изслѣдывать, отъ какихъ причинъ произошелъ въ христіанскихъ обществахъ этотъ ложный взглядъ на вѣроисповѣданія христіанскія. Скажемъ только, что первоначальнаго источника его нужно искать въ обществахъ протестантскихъ, которыя, отдѣлившись отъ церкви римской, не соединившись съ

Церковію вселенскою, предоставивъ понимать ученіе Христово каждому, какъ ему угодно, естественно должны были притти къ мысли, что полной и совершенной истины Христовой, и потому прямаго, очевиднаго и открытаго для всѣхъ желающихъ пути ко спасенію и блаженству нельзя найти ни въ ихъ обществахъ, ни въ томъ или другомъ исповѣданіи христіанскомъ, что этотъ путь каждый, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ, можетъ находить самъ для себя, вникая въ ученіе Евангелія и стараясь уразумѣть его, сколько можетъ. Вообще можно сказать, что если церковь римская, по отдѣленіи отъ вселенской, преимущественно ознаменовала себя духомъ фанатизма; то протестантство, отдѣлившись отъ самой римской церкви, не чуждое въ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей духа своей родоначальницы, преимущественно ознаменовало себя противоположнымъ духомъ,—вялымъ, безразличнымъ взглядомъ на всѣ христіанскія исповѣданія. Изъ протестантскихъ обществъ, вслѣдствіе взаимнаго обмѣна мыслей и тѣсныхъ сношеній между всѣми образованными христіанскими народами, этотъ взглядъ легко и удобно распространился по всему міру христіанскому. Не удивительно поэтому, что его держатся и нѣкоторые изъ православныхъ, особенно тѣ, которые не знаютъ ни существенной разности между вѣроисповѣданіями христіанскими, ни тѣхъ оснований, на которыхъ опирается вѣроученіе христіанское, ни исторіи христіанства и Церкви Христовой, и которые не имѣютъ искренней и глубокой привязанности и любви къ Церкви, въ нѣдрахъ которой они родились.

Но и такой безразличный взглядъ на всѣ вѣроисповѣданія христіанскія, какъ бы онъ ни казался кому либо благовиднымъ, снисходительнымъ, проникнутымъ духомъ

христіанской вѣротерпимости, не достоинъ истиннаго христіанина и ясно опровергается какъ примѣромъ и жизнію самаго Господа нашего и Его святыхъ апостоловъ, такъ и ученіемъ ихъ.

До основанія на землѣ нашимъ Господомъ Его св. Церкви истинная религія сохранялась въ народѣ іудейскомъ. Ко времени земной жизни нашего Господа среди этого народа явились многія лица, которыя къ истинной религіи начали примѣшивать свои человѣческія мудрованія: явилось фарисейство, саддукейство, самарянство. Что же Господь нашъ? Говорилъ ли Онъ, что, къ какой бы изъ этихъ сектъ ни принадлежать, одинаково можно достигнуть вѣчнаго спасенія и блаженства? Напротивъ, Онъ всенародно обличалъ фарисеевъ и саддукеевъ за ихъ отступленія отъ вѣроученія и закона Моисеева, Онъ возвѣщалъ имъ не спасеніе, но *горе* (Мате. 23); Онъ самарянамъ говорилъ: *вы кланяетеся, его же не вѣсте*; тогда какъ объ истинной іудейской религіи говорилъ: *мы кланяемся, его же вѣмы: яко спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. 4, 22), и всѣмъ вообще говорилъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити* (Мате. 5, 17). Своимъ всенароднымъ, торжественнымъ участіемъ въ обрядахъ и праздиествахъ іудейскихъ, своею всенародною, пламенною ревностію о богослуженіи іудейскомъ, о чистотѣ и святости храма (Мате. 21, 12. 13. Марк. 11, 15—17. Лук. 19, 45. 46. Іоан. 2, 13—17), Онъ также засвидѣтельствовалъ, что не одно и тоже быть самаряниномъ или истиннымъ іудеемъ, что самые внѣшніе обряды и богослуженіе, какъ выраженія непреложныхъ истинъ Вѣры, не суть предметы не важные и безразличные, которые можно было бы или отвергать, или измѣнять кому угодно, по своему личному произволу,

что, напротивъ, исполненіе ихъ для каждаго члена Церкви весьма важно и спасительно.

Приблизилось время, когда самое іудейство должно было прейти, сѣни и гаданія—уступить мѣсто полной истинѣ, заря закона и пророковъ — преобразиться въ полный и ясный день благодати Христовой, церковь ветхозавѣтная, заключенная въ одномъ народѣ,—замѣниться Церковію новозавѣтною, вселенскою, объемлющею вся языки. Точно также, какъ училъ Господь объ истинной церкви іудейской, училъ Онъ и о Церкви новозавѣтной. И прежде всего ни въ Его ученіи, ни въ ученіи Его св. апостоловъ мы не найдемъ, если только не захочемъ искажать и извращать этого ученія, ни малѣйшаго намека на ту мысль, будто бы послѣдователи евангельскаго ученія даже въ томъ случаѣ, когда они будутъ раздѣляться между собою во мнѣніяхъ касательно этого ученія и примѣшивать къ нему собственныя мудрованія, всѣ одинаково могутъ быть истинными поклонниками Бога и составлять истинную, единую (невидимую) Церковь Христову. Напротивъ, въ ихъ ученіи мы находимъ безчисленное множество свидѣтельствъ о томъ, что Церковь Христова должна быть едина, имѣть *единую* вѣру, единое крещеніе, какъ единъ Богъ и Отецъ всѣхъ (Ефес. 4, 5. 6), какъ единъ Искупитель человѣчества,—что эта Церковь *есть столпъ и утвержденіе истины* (Тим. 2, 15),—что этой Церкви, какъ извѣстной и видимой, должны повиноваться всѣ ищущіе спасенія, а не повинующіеся ей, хотя бы и исповѣдующіе Бога истиннаго, должны быть для нея, какъ мытари и язычники (Матѳ. 18, 17), — что эта Церковь имѣетъ главою своею единаго Господа Іисуса Христа, управляется апостолами и преемниками ихъ служенія, но отнюдь не волею и прихотью одного какого либо ея

члена, какъ бы ни былъ онъ великъ и важенъ, равно какъ не состоитъ изъ членовъ, самопроизвольно и независимо ни отъ какого духовнаго руководства, управляющихъ самими собою. Мы находимъ далѣе въ ученіи Христа—Спасителя, Его апостоловъ и преемниковъ ихъ служенія безчисленныя предостереженія, внушаемыя истинно-вѣрующимъ, касательно того, чтобы они береглись отъ *лживыхъ пророкъ, иже приходятъ* къ нимъ *во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Матѳ. 7, 15), чтобы *еретика человѣка отрицались* (Тит. 3, 10) и не вступали въ общеніе съ нимъ въ дѣлахъ Вѣры, богослуженія и таинствъ, чтобы *не прилагались въ наученія странна и различна* (Евр. 13, 9), чтобы *искушали духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1), чтобы не вѣрили не только простому человѣку, но и ангелу съ небесе, если бы онъ сталъ возвѣщать что нибудь новое, особенное, отличное отъ того, что̀ возвѣстилъ Христосъ-Спаситель, чему учили и учатъ апостолы и преемники служенія ихъ, руководимые Духомъ Божіимъ, наставляющимъ ихъ на всяку истину (Гал. 1, 8. 9).

Какой смыслъ, какое значеніе могли бы имѣть всѣ эти внушенія и предостереженія, если бъ подлинно была справедливою мысль, что всѣ христіанскія исповѣданія и общества равны и одинаковы въ отношеніи къ вѣчному спасенію человѣка? Къ чему бы тогда служили всѣ эти безчисленныя наставленія, внушающія каждому христіанину такую непрестанную заботу о чистотѣ своего исповѣданія, столь сильно и настоятельно обязывающія его къ живой и пламенной ревности по Вѣрѣ, къ повиновенію одной истинной Церкви, въ которой духъ любви и истины Христовой неизмѣнно сохраняется въ своей первоначальной чистотѣ и простотѣ?

Ѳ. Надеждинъ.

О ПРОЩЕНІИ ОБИДЪ.

Образъ дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите,—заповѣдуетъ намъ и желаетъ отъ насъ Господь, за насъ распявшійся. Такъ, и одна благодарность къ нашему Спасителю обязуетъ насъ прощать обиды, по Его примѣру, показанному на крестѣ, изъ угожденія Его святой волѣ. Мы, и безъ прошенія о томъ нашихъ благодѣтелей и великихъ лицъ, любимъ подражать имъ: тѣмъ паче сдѣлаемъ это для Господа, когда Онъ самъ сего желаетъ отъ насъ. *Аще любите Мя, заповѣди моя соблюдите*. Можно ли же намъ, христіанамъ, не любить Господа, до конца и безконечно возлюбившаго насъ, и оставлять безъ вниманія Его волю? А заповѣдь о прощеніи обидъ, проистекающемъ изъ любви и желанія мира, кои неоднократно внушалъ, о коихъ умолялъ учениковъ своихъ Господь нашъ особенно въ предсмертные часы своей жизни, — есть вожделѣнная заповѣдь Его сердцу. Почему Онъ возвѣщаетъ ее намъ и съ самаго креста, предая за насъ духъ свой Богу Отцу, моляся за распинателей своихъ, возвѣщаетъ, какъ послѣднюю волю свою, — соединеніе всѣхъ желаній своихъ, какъ заключеніе проповѣди Евангелія, — завѣщаніе намъ, при отходѣ отъ насъ. Для чего Онъ и низходилъ на землю, зракъ раба пріялъ, терпѣлъ во всю жизнь, отъ Виѳлеема до Голгоѳы? Дабы своею святѣйшею кровію омыть наши грѣхи и, претворивъ

наши сердца силою Духа Святаго, даровать намъ дерзновеніе къ Богу, нами оскорбленному. Для чего и это? *Да вси едино будутъ*, молится Онъ о насъ къ Отцу небесному, *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ*. Такъ, разрушеніе всемірной вражды между нами и Богомъ, и — нашей взаимной — между собою, препятствующей сему блаженному единенію, есть великая цѣль страданій Спасителя, отрадное желаніе Его сердца, предметъ Его божественной молитвы за насъ. Почему, и предъ смертію Онъ завѣщалъ намъ *миръ*, и при вознесеніи на небо миръ оставилъ намъ, какъ лучшее благо. Почему Онъ и неоднократно завѣщаваетъ и какъ бы умоляетъ насъ бѣгать вражды, которая разрушаетъ это благо, — взаимный миръ нашъ.

И чего требуетъ, чего проситъ у насъ Господь, завѣщавая намъ прощать обиды другъ другу? Не чего либо сверхъ закона, какого либо особеннаго съ нашей стороны дара, а самаго необходимаго и должнаго, безъ чего христіанинъ не есть истинный христіанинъ. Прощеніе обидъ есть непреложная обязанность, и неисполненіе ея — величайшее преступленіе и зло. Что такое вражда на ближняго?—*Человѣкоубійство*. Ужасно это, но тѣмъ не менѣе истинно. Такъ взираетъ на нее Господь, такою признаетъ ее Слово Божіе. *Ненавидяй брата*, вѣщаетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *человѣкоубійца есть*. Господь, который цѣнитъ наипаче намѣренія и расположенія сердца, на ненависть нашу, желающую обидѣвшему всякаго зла и мстящую за личныя наши оскорбленія, взираетъ, какъ на человѣкоубійство. А вражда есть мать ненависти, и безъ нея не бываетъ. Судите же сами, много ли, особеннаго ли чего

Господь требуетъ отъ насъ и сверхдолжнаго, когда заповѣдуетъ намъ убѣгать вражды, убивающей ближняго? Требуетъ самаго нужнаго и необходимаго, удаляетъ насъ отъ этого духовнаго человѣкоубійства.

Но не другаго только, а и того, кто носитъ вражду въ сердцѣ своемъ, она убиваетъ, умерщвляетъ его душу. *Всякъ не любяй брата*, тѣмъ паче питающій къ нему вражду и злобу,—*въ смерти пребываетъ*, говоритъ тотъ же возлюбленный ученикъ Христовъ. Всѣ грѣхи вредоносны и гибельны. Но одни изъ нихъ повреждаютъ душу, подобно малымъ насѣкомымъ, поядающимъ листвія древа,—таковы суетныя мысли и безчисленныя праздныя слова. Другіе причиняютъ гибель душѣ, *яко лисы малы, губящія винограды*, — это похоти и разные пороки. Но есть грѣхи, кои губятъ самую внутренность и корень древа нашего внутренняго рая, умерщвляютъ сердце для жизни духовной. Изъ таковыхъ грѣховъ гибельный и смертоноснѣйшій—вражда или злоба.

И пусть бы вражда только убивала душу: — у насъ есть Господь, животомъ и смертію обладаяй, къ коему нужно токмо воззвать изъ глубины души, и Онъ воздвигнетъ ее, изведетъ изъ тьмы и сѣни смертной; есть врачество—покаяніе, отъ коего воскресаютъ и мертвые духомъ: но гибельность вражды далѣе простирается. Убиваютъ душу и другіе грѣхи, страсти и пороки; но пораженный сими, когда вознесетъ къ Богу молитвенный сокрушенный гласъ покаянія истиннаго,—Господь проститъ всѣ беззаконія: — непрощающій оскорбленій и одержимый враждою, не можетъ пользоваться сею божественною помощію,—врачествомъ покаянія и милосердіемъ Божіимъ. Господь самъ сказалъ: *аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ*

вамъ согрѣшеній вашихъ.—И, какъ, не прощая ближнему оскорбленій нашихъ, мы предстанемъ Господу съ сею молитвою: *Отче нашъ, остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, т. е. прощаемъ обидѣвшимъ насъ, кои должны бы воздать намъ удовлетвореніе? Какъ ты скажешь: *Отче нашъ, даждь намъ*? Какъ будешь произносить сію молитву, дышущую любовію, всѣхъ объемлющую, совокупляющую во едино братство, имѣющее единаго Отца; — когда сердце твое исключаетъ отсюда враговъ своихъ, отдѣляетъ нѣсколько чадъ Отца небеснаго отъ единенія въ духѣ сей молитвы? Видите, что въ самыхъ первыхъ словахъ первой молитвы нашей заключается заповѣдь—прощать оскорбленія, и молиться за враговъ, даже не имѣть враговъ, ибо между чадами единаго Отца умѣстна ли вражда? Господь—*любы* по существу своему—столько любитъ взаимную нашу любовь, что далъ намъ такую молитву, коея первыхъ словъ: *Отче нашъ* нельзя искренно произнести съ чувствомъ вражды и злобы. А произнося ее со враждою, мы будемъ говорить неискренно, торжественно вѣщать ложь предъ Сердцевѣдцемъ. А это—какая дерзость? И всякая молитва, возносимая къ Богу въ чувствѣ вражды и злобы, не пріятна Богу; ея куреніе, для Господа любви и мира, не—еиміамъ благовонный, а подобно ѣдкому дыму, уязвляющему очи,—таково куреніе всякой молитвы, которая исходитъ изъ души, враждою горящей. Такая молитва и не восходитъ на небо: Господь мира не пріемлетъ сей жертвы. *Остави даръ твой предъ алтаремъ*, вѣщаетъ Онъ, и первѣе примирися съ ближнимъ; иначе Я не приму твоего приношенія.

Такимъ образомъ, вражда не только умерщвляетъ

иметь, но и не допускаетъ къ намъ помощи небесной, заграждаетъ отъ насъ небо; не токмо сама есть великій грѣхъ смертный, но и другіе грѣхи держитъ и утверждаетъ въ насъ. Это—держава и укрѣпленіе ада, прочная сокровищница, гдѣ, въ сѣни смертной, врагъ спасенія блюдетъ всѣ наши грѣхи, на вѣчное погубленіе душъ нашихъ. Посему онъ весьма любитъ нашу вражду между собою. Ибо ничто столько не уподобляетъ ему человѣка, какъ вражда и злоба. Онѣ составляютъ какъ бы душу, существо и образъ врага спасенія; и если бы кто сталъ изображать его,—не найдетъ приличнѣйшихъ красокъ или тѣней, какъ мракъ вражды и злобы. Отъ того, если какой порокъ и страсть, то вражда наипаче сближаетъ человѣка съ врагомъ спасенія; и если гдѣ, то въ душѣ враждующей онъ обрѣтаетъ для себя *домъ пометенъ*, по слову Евангелія. О Господѣ сказано: *въ мирѣ мѣсто Его*; о врагѣ и противникѣ Божіемъ можно сказать: во враждѣ жилище его. Не наше это соображеніе, а есть ясное указаніе на сіе въ словѣ Божіемъ: *Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*, вѣщаетъ Апостолъ, *и не дадите мѣста лукавому*, которое и даетъ ему въ насъ гнѣвъ, во вражду перерождающійся. Саулъ имѣлъ Духа Святаго, но когда воспылалъ завистію и враждою на Давида, *отступи отъ него Духъ Божій, и давляше его духъ лукавый отъ Господа*, но Его попущенію.

Такъ, гибельна и ужасна вражда! Она—радость ада. Ибо что дѣлаетъ питающій вражду? Творитъ волю врага спасенія и угождаетъ ему, — распространяетъ его дѣла, возстановляетъ то, что разрушено крестомъ Господнимъ. Господь пришелъ, *да разрушитъ дѣла діавола, убивъ*, по слову Апостола, *крестомъ вражду*, и прими-

ривъ насъ съ Богомъ и между собою: а вражда разрушаетъ то, чтò созидаетъ крестъ Господень, и созидаетъ, чтò Онъ разрушаетъ. Не прощающій ближнему доставляетъ врагу спасенія сугубую радость: онъ не ослабляетъ предъ судомъ Всевышняго виновности обидѣвшаго, и самъ себя подвергаетъ величайшему осужденію и гнѣву Божію. Посему, вражда, доставляя полную радость аду, вноситъ печаль въ самое небо, въ сердца ангеловъ блаженныхъ, а паче всего огорчаетъ Господа нашего, и какъ бы вновь наноситъ Ему раны.

Да не удерживаютъ никого нѣкоторыя трудности, съ коими сопряжено прощеніе оскорбленій. Чтò же мы за христіане, если убоимся и не потерпимъ нѣкоего труда для Господа, умершаго за насъ? Не легко, конечно, прощать обиды,—сердце наше невольно воспаляется гнѣвомъ и стремится къ отмщенію, какъ скоро причинили намъ оскорбленіе; и много нужно усилій — удержать движеніе сердца и покорить его разуму и Слову Божію: но развѣ важные подвиги совершаются безъ труда? Трудно прощать? Но за то, чтò въ награду получаетъ прощающій? *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*, сказалъ самъ единородный Сынъ Божій. Ужели же мы не имѣемъ нужды въ прощеніи и милости Божіей къ грѣхамъ нашимъ? Самые великіе святые трепетали суда Божія; и нѣтъ праведника на небѣ, не имѣвшаго нужды въ помилованіи и прощеніи отъ Бога. Не заботиться намъ о семъ помилованіи — крайняя, неразумная и гибельная безпечность. А безъ прощенія нашего ближнимъ нѣтъ и намъ прощенія, не дѣйствительно самое покаяніе наше. *Судъ безъ милости не сотворшему милости*. Послѣ сего, можно ли помышлять намъ о трудности проще-

нія, когда грѣхи наши каждый день умножаются паче власъ главы нашей? Притомъ, трудность прощать обиды весьма много облегчается упражненіемъ и навыкомъ въ семъ дѣлѣ. Кто имѣетъ *чувства къ сему обучена*, для того труднѣе питать вражду, нежели покрывать всѣ оскорбленія прощеніемъ и миромъ. Ты, возлюбленный, не будешь имѣть удовольствія, получаемаго отъ удовлетворенія чувству мести? О, жалкое то сердце, которое пріобыкло обрѣтать услажденіе во враждѣ и мщеніи! Самое услажденіе отъ удовлетворенія чувству мести можетъ ли сравниться съ тѣми сладостными ощущеніями, которыя проливаются въ сердце наше отъ прощенія обидъ и примиренія! Минуты сіи — лучшія, небесныя минуты въ нашей жизни. Страстямъ, покрывающимъ наше сердце, пріятны месть и злоба; но сердце— самое основаніе и внутреннее нашего существа—любитъ миръ, и въ немъ находитъ высшее услажденіе. Сердце создано для Господа мира, и, какъ ни испорчено оно, все еще не изгладились въ немъ черты образа небеснаго Миротворца, и примиреніе не потеряетъ для него своей небесной сладости.

Но ты, возлюбленный, при всемъ желаніи къ тому, не можешь утушить твоего гнѣва и умертвить вражду? Воззри окомъ вѣрующаго ума и сердца на крестъ. Крестъ Іисуса Христа есть для насъ и наставленіе, и образецъ, и сила. Есть сила, необоримая сила въ крестѣ Христовомъ, вѣрою изъ него извлекаемая: *симъ побѣждай*. Возведи очи вѣры къ Вознесенному на крестъ—и зміиный ядъ вражды потеряетъ всю силу; *убій крестомъ вражду*, какъ убилъ ее, по слову Апостола, великій Крестоносецъ. Съ вѣрою и благоговѣніемъ огради грудь твою знаменіемъ креста, и движеніе гнѣва преста-

нетъ. Для ослабленія въ себѣ дѣйствія яда, принимаютъ внутрь молоко: есть и у насъ духовное *и нелестное млеко* — слово Божіе; пріимемъ его въ души вѣрою, чрезъ усердное чтеніе и слушаніе, — и воспаленіе яда вражды потухнетъ. Трудно не возжечься иногда гнѣву въ нашемъ грѣховномъ сердцѣ, невольно объемлющемся пламенемъ страсти: по крайней мѣрѣ нужно спѣшить потушить сей гибельный пламень, не попускать гнѣву превратиться во вражду и злобу. Уязвленныхъ зміемъ стараются врачевать до захожденія солнца: такъ поступимъ съ собою и мы, уязвленные ядомъ гнѣва и вражды: *Гнѣвайтеся, и не согрѣшайте; солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ; и не дадите мѣста лукавому*. Съ погашеніемъ вечерняго огня въ жилищѣ нашемъ, потушимъ непремѣнно, если есть, и даже малый огнь гнѣва въ душѣ своей; иначе, *намъ спящимъ*, врагъ и губитель душъ нашихъ раздуетъ его въ сильный пламень, и сожжетъ нашъ внутренній домъ. И какъ возлечь на одръ съ враждою въ сердцѣ? Какъ будетъ охранять насъ ангелъ хранитель, когда сердце наше будетъ хранилищемъ вражды? *Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*, говоритъ Апостолъ. Но сколько солнцевъ зашло и заходитъ во гнѣвѣ нашемъ и враждѣ? Не часто ли со гнѣвомъ мы засыпаемъ и востаемъ;—проводимъ дни и мѣсяцы съ непрекращаемою враждою? Чтожъ, если и солнце всей жизни нашей зайдетъ во гробъ во гнѣвѣ нашемъ, и мы, унесши съ собою вражду, предстанемъ съ нею предъ Судію и Бога мира? Есть опыты, что свою вражду нѣкоторые намѣренно питаютъ и блюдутъ до смерти. *Я по смерть ему этого не забуду*, говорятъ о врагѣ, поощряя себя къ чувству мести; и—продолжаютъ памятозлобіе далѣе самой смерти,—завѣщаваютъ

дѣтямъ ненависть и мщеніе, оставляютъ имъ древнюю свою вражду, какъ наслѣдство. Жалкіе и ужасные примѣры! Бѣдное наслѣдство! Пагубное завѣщаніе и заповѣдь! Не изъ Христова Евангелія, не изъ Откровенія взята заповѣдь сія; а изъ внушенія Его противника. И каждая вражда, какъ и все худое, даже сама собою, безъ помощи врага спасенія и нашей, легко можетъ усилиться и превратиться въ неисцѣльную, пожизненную злобу, если не позаботимся погашать гнѣвъ при его началѣ. Время само не всегда можетъ истреблять вражду нашу. Мы часто думаемъ, что не имѣемъ ее, считаемъ вовсе угасшею отъ времени; между тѣмъ, какъ она еще тлится въ сердцѣ, дымяся подъ пепломъ разныхъ чувствъ и мыслей, входившихъ въ душу, и превратилась въ холодную, но глубокую ненависть и злобу, будучи оставлена нами и свободно внѣдряясь въ душу. Но пусть время, все изглаждающее, даже изгладитъ и всѣ слѣды вражды въ сердцѣ нашемъ: но, если мы не участвовали въ семъ изглажденіи, это будетъ дѣло времени, а не наше; и за нами все останется вражда на ближняго, предъ судомъ Божіимъ—эта тяжкая вина, долгъ неоплатный. Дабы получить великую награду отъ Господа мира, нужно самому спѣшить разрушать вражду миромъ.

Ты, возлюбленный собратъ, и готовъ бы иногда простить обиду; но удерживаешься стыдомъ и опасеніемъ, чтобы нѣкоторые не почли тебя безчувственнымъ, подобно животному, и малодушнымъ, — опасаешься, чтобы не унизиться въ глазахъ самого обидѣвшаго тебя? Оставь сей ложный, гибельный стыдъ и опасеніе такого мнѣнія нѣкоторыхъ людей, враговъ креста Христова. Иначе, это значило бы—стыдиться самаго креста; ибо

не со креста ли Христова мы слышимъ трогательную заповѣдь о прощеніи обидъ? Не на немъ ли видимъ начало и первый высочайшій образецъ сего поступка? И что можетъ быть ниже и достойнѣе сожалѣнія, какъ питать такое превратное и гибельное мнѣніе о прощеніи обидъ, какое слышится иногда изъ устъ нѣкоторыхъ? Это — образъ мыслей языческаго міра, который великодушіе и славу поставлялъ въ чувствѣ мести; — это его жалкое заблужденіе ума и сердца, потому что онъ не зналъ Евангелія Господа, не слышалъ сихъ чрезвычайныхъ словъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*, и не понималъ высокаго достоинства прощенія оскорбленій. Что можетъ быть, напротивъ, выше, великодушнѣе, какъ—*побѣдить благимъ злое*, — сказать въ сердцѣ: Господи, для Тебя прощаю ближнему обиду мою! — Дѣйствительно, не всякое животное способно обидѣться тѣмъ, чѣмъ оскорбляется чувствительность самолюбія человѣка; но многія животныя еще превзойдутъ насъ въ чувствѣ мести:—побѣдить же это чувство не могутъ сами собою: простить обиду—значитъ побѣдить себя; а побѣдить себя иногда болѣе и выше, нежели побѣдить городъ и цѣлый народъ. Простить, чувствуя оскорбленіе, и, побѣдивъ силу гнѣва, простить искренно и совершенно не изъ гордости и презрѣнія къ обидѣвшему, или изъ малодушія, а изъ уваженія къ закону Евангелія, изъ любви къ ближнему и къ святости мира, — высокое, богоподобное свойство! Это — свойственно Богу и Его подражателямъ! И, къ сердечному утѣшенію, съ достовѣрностію можно полагать, что унизительно думаютъ о семъ высокомъ поступкѣ не многіе: всѣ добрые и благомыслящіе люди уважаютъ его и ублажаютъ. Самый врагъ, нанесшій

тебѣ оскорбленіе, когда узнаетъ о твоемъ истинно христіанскомъ поступкѣ,—умилится сердцемъ и возблаговѣетъ предъ твоею добротою и великодушіемъ. *Благъ ты паче мене*, во глубинѣ сокрушеннаго сердца скажетъ онъ о тебѣ, какъ сказалъ Саулъ обиженному имъ, но платившему за обиду великодушіемъ, миролюбивому Давиду.

Намъ нанесена чрезвычайная обида, и притомъ невинно? — Простимъ, по примѣру Господа, и ради Его. Не будемъ измѣрять оскорбленій нашихъ чувствительностію нашего самолюбія. Воззримъ паки на Крестъ, измѣримъ оскорбленія наши съ любовію къ намъ и крестными страданіями Господа, Его гвоздинными язвами и терновымъ вѣнцомъ;—и мы устыдимся раздражительности нашего самолюбія, и нашего гнѣва часто за одно колкое слово. Представьте какія угодно оскорбленія и обиды, намъ причиняемыя, — что̀ онѣ предъ страданіями Господа?—Пусть подвергаютъ насъ уничиженію и осмѣянію, ударяютъ въ ланиту и заплевываютъ лицо, все сіе терпимъ мы отъ подобныхъ намъ: Господь, Владыка вселенной, коему *покланяется всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, терпитъ заушенія, заплеваніе и поносную смерть среди злодѣевъ, отъ ничтожной, грѣшной твари. Но какъ поступаетъ Онъ съ ругателями и распинателями своими?—*Ни преречетъ, ни возопіетъ, во смиреніи судъ Его взятся*. Какъ обращается Онъ съ самымъ предателемъ своимъ, который, *ядя съ Нимъ хлѣбъ, возвеличилъ на Него запинаніе?* Что̀ отвѣщаетъ Онъ ему, когда приближается онъ къ Господу съ лукавымъ и злобнымъ замысломъ? Сіи кроткія, трогательныя слова: *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши? Друже, твори на неже еси пришелъ*, и не от-

вергъ коварнаго, предательскаго лобзанія его. И крестная молитва Его: *Отче, отпусти имъ*, простиралась и на предателя, который, въ чувствѣ отчаянія, самъ не воспользовался ея плодами. Мало ли и мы каждый день и часъ наносимъ оскорбленій Господу? Чтò, если бы въ праведномъ гнѣвѣ своемъ Онъ началъ требовать у насъ удовлетворенія за всѣ свои оскорбленія? Мы давно не видѣли бы свѣта солнца и лица земли,—насъ постигли бы всѣ бѣдствія и гибель. Но, по своему безконечному милосердію, Онъ долготерпитъ намъ, *и сіяетъ солнце свое на злыя и благія*. Намъ же ли расчитывать и измѣрять свои ничтожныя обиды!

Но причинившій намъ обиду не проситъ извиненія? Простимъ ему, по примѣру Господа и ради Его. Когда бы обидѣвшій умолялъ о прощеніи; тогда бы простилъ ему и язычникъ, не слышавшій Евангелія, не покланяющійся Распятому на крестѣ. Ученикъ Христовъ долженъ быть лучше и выше. Обидѣвшій не проситъ у тебя прощенія? Но, если бы не только царь, а и другой какой либо великій человѣкъ, отъ коего зависитъ твоя участь, лично или чрезъ письмо просилъ тебя примириться съ кѣмъ-либо, причинившимъ тебѣ обиду,— не съ готовностію ли исполнилъ бы ты его просьбу? Но вотъ—за обидѣвшаго тебя проситъ и ходатайствуетъ о прощеніи ему самъ Господь въ своемъ Писаніи: сдѣлаемъ же для Господа, чтó дѣлаемъ изъ уваженія и къ человѣку.—Можетъ быть, и самъ оскорбившій тебя мучится въ душѣ раскаяніемъ о своемъ поступкѣ, только не имѣетъ великодушія обратиться къ тебѣ. Если бы онъ и не чувствовалъ раскаянія, простимъ ему, по примѣру Господа, молившагося и о нераскаянныхъ распинателяхъ своихъ: *Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо,*

что̀ творятъ. Простимъ и мы обидѣвшимъ насъ; *не вѣдятъ бо, что̀ творятъ.* Истинно, *не вѣдятъ.* Если бы ясно вѣдали они, что̀ воздастъ имъ за обиду Судія Всевышній,—никакъ не рѣшились бы на сей поступокъ. Обидѣвшій стократно болѣе обижаетъ себя, нежели другаго,—поражаетъ свою душу. Такъ, прости же ему,—онъ жалокъ, боленъ, и не знаетъ своей болѣзни, находится въ гибельномъ заблужденіи: *не вѣдаетъ, что̀ творитъ.*—Но онъ знаетъ все сіе, и—обижаетъ? Тѣмъ болѣе онъ достоинъ не мщенія, а сожалѣнія, слезъ и нашей молитвы. *Ибо рабъ вѣдѣвый волю Господина, и не сотворивый, біенъ будетъ много.*

Если же насъ не движетъ жалость о ближнемъ нашемъ,—пожалѣемъ себя, и будемъ разрушать вражду, убивающую душу. Когда бы кто изъ насъ увидѣлъ змію, обвивающую его перси,—не съ ужасомъ ли тотчасъ отринулъ бы ее? И, между тѣмъ, вражду, обвивающую и убивающую наше сердце, не рѣдко носимъ и питаемъ во всю жизнь! Къ удивленію и прискорбію, мы, при всей любви къ себѣ, менѣе всего любимъ себя и заботимся о себѣ; часто бываемъ первыми врагами сами себѣ, погубляя себя: — любимъ въ себѣ не то, что̀ нужно, и не такъ, какъ должно. Когда загарается нашъ домъ, мы, съ чрезвычайнымъ страхомъ и поспѣшностію, погашаемъ пламя:—возгарается гнѣвомъ и враждою душа, — и мы часто бываемъ безпечны, сами не рѣдко усиливаемъ огонь, давая ему пищу. Даже одежду мы часто болѣе бережемъ отъ моли и праха, нежели душу отъ вражды и гнѣва, — попускаемъ входить въ нее всякой нечистотѣ и страсти. О душа — храмъ Духа Святаго! Ты выше и драгоцѣннѣе всего видимаго міра; но, кажется, все, даже

самыя ничтожныя вещи, мы цѣнимъ и бережемъ болѣе тебя!

Аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпустить вамъ согрѣшеній вашихъ. Пріидетъ день, когда каждый изъ насъ будетъ имѣть великую нужду въ милости и прощеніи Судіи Небеснаго: и тогда тяжко, тяжко пожалѣемъ, что не прощали обидъ, или мало имѣли ихъ, и лишились случаевъ за прощеніе своихъ оскорбленій получить прощеніе оскорбленій, Господу нами причиняемыхъ; — пожалѣемъ, что не оставляли должникамъ одной лепты, дабы намъ оставлены были безчисленные долги наши — тьма талантъ. Судъ надъ нами Господь отдалъ, можно сказать, какъ бы въ наши руки; — отъ насъ зависитъ еще здѣсь предварительно опредѣлить приговоръ и рѣшеніе суда надъ собою. Какъ мы поступимъ съ ближними; такъ и Господь поступитъ съ нами. Если простимъ, и сами получимъ прощеніе. Господь сказалъ, и не отречется отъ своего слова.

Братъ возлюбленный, послѣдователь Христовъ! — Когда обида, отъ ближняго получаемая, будетъ возгнѣтать огонь гнѣва и вражды въ твоемъ сердцѣ, и у тебя возникнутъ два образа мыслей и какъ бы два гласа и совѣта сердечные—одинъ: *прощу ему—Богъ ему Судія!*— вѣдай, что это—воля и завѣтъ Спасителя нашего; другой:—*никакъ не прощу — какъ можно простить это*! — это воля и завѣтъ врага Господня и нашего. Съ ужасомъ скорѣе отврати слухъ сердца отъ сего гласа и внушенія! Ужели предпочтешь завѣтъ врага завѣту Господа, — обрадуешь губителя, и огорчишь величайшаго Благодѣтеля нашего? — Вспомни кровавый потъ, тугу, смертную скорбь, крестныя страданія Господа, и прости всѣ обиды ради Его.—Со креста, проливая за

насъ свою кровь, Онъ, самымъ примѣромъ своимъ, завѣщаваетъ намъ, умоляетъ насъ о прощеніи обидъ: простите, какъ бы такъ вѣщаетъ намъ, обидѣвшимъ васъ, — не умножайте моихъ ранъ—члены моего тѣла, враждуя между собою и терзая другъ друга! Принесите Мнѣ сію пріятную жертву мира, исполните желаніе моего сердца, ради вашего же спасенія! Я простеръ на крестѣ руки мои, дабы всѣхъ васъ, чада мои, собрать воедино, оживить васъ—члены моего тѣла; но вражда расторгаетъ и разгоняетъ васъ. И какъ соединю васъ подъ моимъ крестомъ, знаменіемъ примиренія земли и неба, когда вы носите въ сердцѣ вражду,—знаменіе врага моего и вашего?

А. Ф.

II.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМЪ ГРЕКЪ,

ИСПОВѢДНИКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Вѣкъ шестнадцатый, времена стоглаваго собора нѣкоторые называютъ временами темными (¹). Дѣйствительно, трудно указать другое время, когда бы просвѣщеніе въ народѣ и самомъ духовенствѣ стояло на такой невысокой степени, какъ было это въ XVI вѣкѣ. Вотъ картина, нарисованная однимъ изъ новгородскихъ архипастырей начала XVI вѣка и рисующая современное ему образованіе духовенства. „Вотъ, писалъ митрополиту Симону архіепископъ Геннадій, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эк-

(¹) Истор. русс. Церк. пр. Филар. ч. III, стр. 112.

теніи, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то. а онъ другое. Приказываю учить азбуку, —а они не много поучившись азбукѣ, просятся прочь. не хотятъ учить ее. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики — невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, — едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ" (1). Впрочемъ это—свидѣтельство частнаго лица и говоритъ только объ образованіи духовенства новгородскаго. А вотъ слова о томъ же предметѣ цѣлаго собора стоглаваго (1551 г.), касающіяся просвѣщенія въ XVI вѣкѣ всего духовенства. „О ставленикахъ, хотящихъ въ дьяконы и въ попы ставитися, читаемъ въ 25 главѣ стоглавника, а грамотѣ мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ... да о томъ ихъ святители истязують съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ: и они отвѣтъ чинятъ: мы де учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитися нѣгдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому же мало умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ нѣгдѣ". Правда, и въ это темное время были личности свѣтлыя, съ жаждою наукъ, съ желаніемъ узнать св. Писаніе,—были пастыри высоко просвѣщенные (напр. м. Макарій), міряне

(1) Акт. историч. т. 1. № 104, стр. 147—148.

съ образованіемъ европейскимъ (1). Но это были исключенія сколько утѣшительныя, столько же и рѣдкія. Большинство же или вовсе не знало грамоты, или только умѣло кое-какъ читать. Были даже и такія лица, которыя на просвѣщеніе смотрѣли, какъ на ересь, въ чтеніи книгъ видѣли путь къ помѣшательству ума. „Какое несчастіе, говорилъ Курбскій объ этомъ темномъ времени, отнимаютъ оружіе, которымъ бы можно было обличать еретиковъ, а другихъ исправлять, и врачевство называютъ смертоноснымъ ядомъ“ (2). Сами учители вѣры этого времени „чаще занимались болгарскими баснями, или точнѣе бабьими бреднями, чѣмъ услаждались разумѣніемъ великихъ учителей“ (3). А масса, простой народъ? Знавшіе читать читали только сборники, т. е. сборъ всего, что только попадалось подъ руки,—и слова св. Златоуста или другаго какого либо древняго отца Церкви, и статьи о томъ, что „во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло“ (4), или „писаніе Афродитіана перса“, представлявшее нелѣпую смѣсь языческихъ вѣрованій съ христіанствомъ, боговъ греческихъ съ предметами неприкосновенными по святости (5). Тѣ же, кому не далась грамота, учились отъ нечего-дѣлать гадать по звѣздамъ, по ладонямъ, смотрѣть въ „аристотелевы врата“ и „вороннограи“, различать дни черные и под. (6).

Печальна картина просвѣщенія, бывшаго у насъ въ XVI вѣкѣ. Но еще грустнѣе становится на душѣ, ког-

(1) Истор. русс. Церк. пр. Фил III, стр. 94.
(2) Тамъ же стр. 95.
(3) У Востоков. въ опис. Рум. муз. стр. 242.
(4) Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, № VIII, стр. 258.
(5) Москвитян. 1842, № II, стр. 71—2
(6) Истор. русс. Церк. Фил. III, стр. 100.

да представишь себѣ, какова должна была быть въ это время нравственность русскаго общества. Недостатокъ образованія, отсутствіе вслѣдствіе этого здравыхъ понятій о жизни и ея назначеніи, незнаніе самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности,—какой просторъ для разгула страстей самыхъ дикихъ и необузданныхъ! И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что въ XVI вѣкѣ всѣ сословія какъ бы стараются превзойти другъ друга въ порокахъ. Между самыми высшими іерархами церкви встрѣчались лица, которыя, владѣя богатыми помѣстьями, знали только пиры и увеселенія, смѣхъ и шутовство, а о церкви и истинѣ, о вразумленіи и наставленіи пасомыхъ и думать не хотѣли (1). Старались о пріобрѣтеніи высшихъ іерархическихъ степеней, но не для того, чтобы „наставляти иныхъ ко спасенію", а чтобы самимъ „въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покои всегда жить" (2). Не удивительно послѣ этого, если подобные пастыри „тщались взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угождающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, ова же и обѣщавше, аще довершатъ искомое и желаемое" (3). Временное смиреніе и нѣкоторыя пожертвованія послѣ вознаграждались съ лихвою. Получившій высокій церковный санъ начиналъ пріобрѣтать „стяжанія всякія и стада скотскія и всякія сладкія пищи и прохлада обильно насыщаться потомъ подручныхъ ему поселянъ" (4), которые нерѣдко „въ

(1) Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7,—пренія м. Даніила стр. 5 и 8.
(2) Правосл. Собесѣдн. 1859 г. Іюнь стр. 140.
(3) Пр. Собес. 1871, февр. стр. 127.
(4) Пр. Собес. 1861, февр. стр. 130.

скудости и нищетѣ пребывали, ниже ржанаго хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты" (1). Не говоримъ уже объ удовлетвореніи самолюбія „славою, яже отъ человѣкъ", когда льстецы начинали „всяческими хваленіи и ласканіи обливать" архипастыря, а „предстоящій" въ тоже время—увеселять его,—украшеннаго „многоцѣнными ризами и златомъ и сребромъ, смехотвореніи и кощуны различными" (2). Низшее духовенство было еще хуже. Вотъ отзывъ о нашемъ клирѣ XVI вѣка—самого царя Ивана Васильевича Грознаго: „попы церковные, жаловался онъ отцамъ стоглаваго собора, и причетники въ церкви всегда піяни, и безъ страху стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда изо устъ ихъ исходятъ. И міряне, зря на ихъ безчиніе, гибнутъ, тако же творятъ. Попы же въ церквахъ біются и дерутся промежъ себя, и въ монастырехъ такоежъ безчиніе творится" (3). Сами монашествующіе не были свободны отъ пороковъ, которыми заражена была въ XVI вѣкѣ большая часть людей. Очень часто случалось, что инокъ, разумѣется, высокаго церковнаго сана, по „отреченіи своемъ паки" начиналъ „пристяжавать села и стяжанія различна, имже сплетаются попеченія и молвы житейскія", въ слѣдствіе чего утихшія на время „плотскія и душевныя страсти, паки возникнувши, окаянную душу инока" начинали „обступать и воевать и всякимъ образомъ уязвлять"—такъ, что и исполнялась на немъ „притча: песъ обращся на своя блевотины, и свинія омывшися въ калѣ скверная вѣ". А если нельзя было дѣлать пріобрѣте-

(1) Тамъ же стр. 131.
(2) Тамъ же стр. 128.
(3) Стоглави. вопр. 22-й изъ первыхъ.

ній полновѣсныхъ, старались „много сугубить сребро и злато свое", что вело „къ пьянству, чревообъяденію" и другимъ наслажденіямъ въ этомъ родѣ. Для успокоенія своей совѣсти и для меньшаго соблазна другимъ они придумывали разнаго рода „извѣты во грѣсѣхъ" своихъ,—то ссылались на „немощь тѣлесную", то указывали на „друговъ пришествіе", то наконецъ оправдывали свои слабости „различными праздниками и званіемъ сродниковъ и сосѣдъ". Но главное, что такъ успокоительно дѣйствовало на несвѣтлую совѣсть, это—„внѣшнее одѣяніе власяныхъ рубищъ", въ которомъ полагали всю надежду на спасеніе, хотя люди болѣе разсудительные и замѣчали, что одежда монашеская сама по себѣ не только „не пользуетъ ко спасенію нимало, наипачеже осужденію большему виновно будетъ" тѣмъ, кои „такими худыми обложени, житіе проходятъ неприлично имъ и всячески неподобно" (¹). Были и такіе монахи, особенно изъ начальствовавшихъ, которые „всю надежду спасенія полагали въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея, во время священныхъ постовъ, а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не переставали" (²). Само собою разумѣется, что и въ XVI вѣкѣ были между духовенствомъ и бѣлымъ и монашествующимъ личности высокой нравственности; но эти свѣтлыя личности терялись среди толпы темной по жизни.

Если же такъ мало хорошаго представляла въ себѣ жизнь духовенства, обязаннаго быть примѣромъ для

(¹) Прав. Собес. 1861, февр. стр. 122—126; снес. ноябр. стр. 412—414.
(²) Прав. Собес. 1861, март. стр. 161.

другихъ, то что сказать о прочихъ сословіяхъ, и менѣе знавшихъ евангельскій законъ и болѣе имѣвшихъ случаевъ къ своеволію въ жизни? И мы видимъ, что безпорядкамъ разнаго рода не было границъ. Прочитайте напр. „инока Максима грека слово, пространнѣе излагающее, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“ ([1]), и вы увидите, что всѣ заботы этихъ лицъ были направлены только къ тому, чтобы какъ можно больше собрать денегъ, хотя бы для пріобрѣтенія ихъ нужно было сдѣлать несправедливость, обидѣть подчиненнаго, обокрасть беззащитнаго, оправдать виновнаго, погубить невиннаго. А потомъ на собранныя деньги строили себѣ „многоцѣнные домы“ и въ нихъ предавались всѣмъ порокамъ сластолюбія, пировали, объѣдались, пьянствовали съ утра до вечера, сопровождая все это „гусльми и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и буесловіи себе обливающе“, и въ то же время „ничимъ же пособствующе ко утвержденію державы, но точію на излишнее угоженіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ“,— такъ, что царство представляло собою „жену, сѣдящую при пути и наклонену имущу главу свою на руку и на колѣну свою, стенящу горцѣ и плачущу безъ утѣхи, и оболчену во одежду черну, якоже обычай есть вдовамъ женамъ“, а князья и бояре были ничто иное, какъ окружавшіе жену „звѣри, львы и медвѣди, и волцы и лиси“. И пусть бы это дѣлалось въ опредѣленное время, въ урочные дни, при случаяхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ и важныхъ, напр. въ праздники, при посѣщеніи друзей и родныхъ, когда, по словамъ препод. Максима,

([1]) Прав. Собес. 1861, август. стр. 319—337.

еще можетъ быть позволено „прохлаженіе нѣкое и веселіе житейское“. Нѣтъ, пировали каждый день, цѣлую жизнь, до самой смерти. Не удивительно послѣ этого, если къ увеселеніямъ подобныхъ людей „прибывало безсмысліе и безуміе и ума изступленіе“. Люди съ правомъ чинить судъ и расправу поступали еще хуже. Они часто гласно распускали слухи, что подсудимый можетъ быть и оправданъ и осужденъ, т. е. что надежда на правоту или опасеніе вины суть вещи сами по себѣ пустыя, а все дѣло въ томъ, кто „принесетъ множайшую мзду“, тотъ будетъ и правъ. Какъ ни дурно это, но были явленія еще болѣе возмутительныя. Многіе „судіи и анѳипаты“, зараженные „страстію іудейскаго сребролюбія и лихоиманія“, прибывъ на мѣсто своей службы, прежде всего старались узнавать не нужды подчиненныхъ имъ лицъ, а то, кто въ городѣ богатъ и кто бѣденъ. Собравъ нужныя свѣдѣнія, они приказывали своимъ слугамъ тайкомъ, ночью бросать въ домы богачей какія либо непозволенныя вещи, а нерѣдко трупъ мертвеца, и потомъ начинали надъ мнимо-виновными судъ и расправу, кончавшіеся, разумѣется, тѣмъ, что часть имѣнія мнимаго преступника обращалась въ *благопріобрѣтенное* судіи. Это уже подлость, которой нѣтъ и не можетъ быть оправданія. Но бывали случаи еще болѣе поразительные. Приказывали бросать мертвый трупъ не въ домъ частнаго лица, богатство котораго всегда болѣе или менѣе ограниченно, но „посреди стогны“, чтобы обвинить въ убійствѣ не частное лицо, не одного какого либо домовладѣльца, даже „не едину улицу, но всю ону часть града“. Въ этомъ случаѣ уже „сребро много“ собирали себѣ представители правды. И все это дѣлалось открыто, безъ малѣйшаго стыда,

предъ лицемъ иновѣрцевъ „ляховъ и нѣмцевъ“, которые, разумѣется, только дивились изобрѣтательности русскаго ума (¹). Вообще, „русская правда“ существовала въ то время больше въ библіотекахъ и архивахъ, въ видѣ письменнаго памятника, оставшагося отъ времень Ярослава, чѣмъ въ судѣ, на дѣлѣ, въ практикѣ. Случалось иногда, что „весь градъ вопіялъ и свидѣтельствовалъ на обидѣвшаго“, и однако же виновный не признавался такимъ подкупными судіями. Да, темное было тогда время... А если взять во вниманіе еще то обстоятельство, что этотъ разгулъ страстей не былъ сдерживаемъ ничѣмъ и никѣмъ, потому что не было въ то время „ни Самуила великаго, іерея вышняго, противоополчившагося съ дерзновеніемъ Саулу преступнику“, ни „Нааана, исцѣлившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ паденія онаго лютаго избавивша“, ни „ревнителей подобныхъ Иліи и Елисею, не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя Самарійскія“, ни „Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Ѳеодосія великаго“, ни „Василія великаго, во святыни и во всякой премудрости возсіявшаго и премудрѣйшими ученіи ужасивша гонителя Уалента“, ни „Іоанна великаго и златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксію изобличившаго, не стерпѣвша презрѣти теплыя слезы бѣдныя вдовы“ (²); —тогда это темное время невольно называешь ужаснымъ временемъ...

Нужно ли говорить послѣ всего сказаннаго о безнравственности низшихъ сословій, массы, простаго народа, гдѣ нерѣдко источникомъ порока служатъ не

(¹) Прав. Собес. 1861, апрѣл. стр. 199—201.
(²) Прав. Собес. 1861, август. стр. 336—7.

только испорченность, неразвитость, незнаніе лучшаго порядка жизни, но самая обстановка — бѣдная, грязная, иногда невольно вызывающая человѣка на такія дѣйствія, которыя могутъ быть объяснены только или раздраженіемъ, или отчаяніемъ, и на которыя никогда не рѣшится спокойная душа. Бѣдность не порокъ, но часто, слишкомъ часто ведетъ къ пороку, а бѣдность поселянъ въ XVI вѣкѣ, въ слѣдствіе дурнаго управленія ими, нерѣдко доходила до того, что они не имѣли куска чистаго хлѣба и ѣли безъ соли. Не входя въ подробности, мы замѣтимъ только, что съ самыми вздорными суевѣріями и глупыми предразсудками (¹) народъ въ XVI вѣкѣ соединялъ пороки, живо напоминавшіе о временахъ языческихъ (²), и даже такіе, о которыхъ стыдно и говорить (³). Но что особенно бросается въ глаза въ этомъ случаѣ, такъ это самое возмутительное ханжество и фарисейское лицемѣріе. „Жили во грѣхахъ нераскаянно", а между тѣмъ каждый день вычитывали каноны и молитвы (⁴). Предавались всякаго рода порокамъ, и въ то же время, не довольствуясь установленными Церковію постами, налагали на себя но-

---

(¹) Прав. Собес. 1860, март. стр. 377—398; апрѣл. стр. 399—434; май стр. 435—446; Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, № VIII, стр. 259, 14.

(²) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1846, № IV, отд. IV, стр. 59; снес. акт. Истор. Т. 1, № 22. Вотъ какъ проводили наприм. ночь на день рожденія Іоанна Предтечи — во Псковѣ: «егда пріидетъ праздникъ во святую нощь, мало не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устами ихъ неприязненъ кличь, вся скверныя пѣсни и хребтомъ ихъ вихлянія, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, туже женское и дѣвичье шетаніе, блудное имъ воззрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе... (Карам. т. VII, пр. 372).

(³) Прав. Собес. 1861, іюнь, стр. 251—260.

(⁴) Прав. Собес. 1861, май, стр. 213—214.

вые(1). Стояли въ храмѣ не благочинно, въ шапкахъ, разговаривали, смѣялись, кощунствовали (2); но наблюдали время, позже котораго уже считали грѣхомъ явиться въ храмъ Божій (3). Переписку церковныхъ и богослужебныхъ книгъ обратили въ ремесло, въ слѣдствіе чего заботились только о томъ, чтобы написать больше, а не о томъ, чтобы написать правильнѣе и лучше (4); но стоило загладить опись такого ремесленника, — начинали кричать, что—это неуваженіе къ святынѣ, досада прежнимъ чудотворцамъ, ересь (5). Такія явленія могутъ совершаться только при полномъ отсутствіи свѣта умственнаго и религіознаго, во времена самыя темныя.

И вотъ въ это-то темное время русской жизни прибылъ къ намъ, въ Москву, съ Аѳона Максимъ Грекъ, — человѣкъ высоко-образованный, съ пламенною любовію къ истинѣ, съ огненною ревностію къ славѣ Божіей, съ непримиримою враждою къ суевѣрію, невѣжеству, пороку. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что не сдобровать у насъ ученому пришельцу. Такъ и случилось, какъ увидимъ послѣ.

Максимъ Грекъ (6), родившійся, какъ думаютъ (7),

(1) Опис. Рум. Муз. стр. 378; Жур. Мин. Нар. Пр. стр. 261.

(2) Стоглав. вопр. 21 и 22 изъ первыхъ и гл. 38 39.

(3) Восток. опис. Рум. Муз. стр. 378.

(4) Истор. Русск. Цер. Фил. III, стр. 124.

(5) Церк. Истор. М. Платон. ч. II, стр. 235 и 332.

(6) Главнымъ источникомъ свѣдѣній о Максимѣ, кромѣ статей: «Максимъ Грекъ» въ Москвитянинѣ (за 1842 г. № II), «о трудахъ Максима Грека» въ Журналѣ Мин. Нар. Прос. (за 1834 г. № VIII) и «Максимъ Грекъ святогорецъ» въ Твор. Св. Отцевъ (за 1859 г. кн. 2-я), служили для насъ собственныя сочиненія преподобнаго, которыя вѣрнѣе всякихъ другихъ памятниковъ рисуютъ историческія обстоятельства пребыванія Максима въ Россіи. Сочиненія преп., находящіяся въ разныхъ библіотекахъ — въ рукописяхъ, недавно стали печататься въ Прав. Собес. (1859 — 1861 г.) и почти всѣ уже напечатаны,

(7) Твор. Св. Отц. стр. 144.

около 1480 года, былъ сынъ богатаго чиновника города Арты въ Албаніи ([1]). Отца его звали Мануиломъ, а мать Ириною. Съ юныхъ лѣтъ Максимъ полюбилъ науку. Не удовлетворившись воспитаніемъ, полученнымъ въ домѣ родителей и въ своемъ отечествѣ ([2]), онъ въ молодыхъ лѣтахъ отправился путешествовать по Европѣ съ цѣлію довершить свое образованіе. Въ XV вѣкѣ нигдѣ нельзя было найти столько училищъ и учителей, какъ въ Италіи, гдѣ покровительство просвѣщенію государей и свободныя учрежденія нѣкоторыхъ городовъ дали пріютъ наукѣ, не могшей свободно развиваться въ Греціи—въ присутствіи невѣжественныхъ и фанатическихъ турокъ. Въ Италіи въ это время была преимущественно разработываема литература греческая и римская, и главное направленіе образованія было филологическое. Впрочемъ было не мало и чтителей философіи, между которыми, по прежнему, велись жаркіе споры о превосходствѣ Платона, и Аристотеля, и о возможности соглашенія ихъ между собою. Максимъ, посѣщая разные города Италіи, кажется, преимущественно занимался изученіемъ древнихъ памятниковъ своего языка. Греческихъ классиковъ онъ называетъ первыми своими учителями, противъ которыхъ въ послѣдствіи Максимъ вооружался своимъ словомъ ([3]), хотя по временамъ самъ пользовался ихъ свидѣтельствами при изложеніи ученія христіанскаго ([4]). Въ Венеціи Максимъ познакомился съ знаменитымъ типографомъ и вмѣстѣ ученымъ филологомъ—Альдомъ Мануччи, къ которому Максимъ, по

([1]) Слов. М. Евг. т. II, стр. 27.
([2]) Церк. Ист. М. Плат. ч. II, стр. 303.
([3]) Посл. къ М. Даніилу, Прав. Собес. 1861, сент. стр. 371.
([4]) Слово облич. на еллин. прел. Прав. Собес. 1859, апр. стр. 86—9.

его собственнымъ словамъ, часто „хаживалъ по книжнымъ дѣламъ, когда былъ еще молодъ и ходилъ въ мірскомъ платьѣ" (1). Это-то филологическое образованіе послужило Максиму въ послѣдствіи при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строгою отчетливостію, и при повѣркѣ чужихъ переводовъ. Оно открыло ему способъ скоро усматривать характеристическія черты писателя, оно ознакомило его съ началами здравой критики и помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ писаніяхъ древнихъ (2). Живя довольно времени въ странахъ латинскихъ, при господствѣ въ то время латинскаго языка между учеными, Максимъ, естественно, долженъ былъ изучить языкъ латинскій. Не чуждался Максимъ и философіи, хотя и не былъ ея усерднымъ поклонникомъ. Относя философію къ такъ называемому „внѣшнему наказанію" или образованію, Максимъ хотя и называлъ себя ученикомъ ея, но сознавался, что недовольно пребывалъ даже въ преддверіи ея (3). Изъ древнихъ философовъ Максимъ отдавалъ преимущество Платону, котораго онъ называетъ „верховнымъ" (4) и „первымъ" (5); а Аристотеля, на которомъ преимущественно опиралась тогда схоластическая философія, не любилъ особенно за то, что его діалектикой хотѣли тогда уяснять и подтверждать самые высочайшіе и непостижимые догматы Вѣры. „Много у васъ, писалъ послѣ Максимъ латинамъ, Стагиритъ (Аристотель), обтекая васъ,

(1) У Восток. въ опис. Рум. Муз. стр. 369.
(2) Твор. Св. От. стр. 152.
(3) Слов. Облич. Лат. злосл. Прав. Собес. 1860, іюнь, стр. 462.
(4) Посл. къ Ѳедору Карпову. Прав. Собес. 1860, февр. стр. 354.
(5) Посл. къ Вас. Иванов. Прав. Собес. 1861, іюль, стр. 298.

паче же потопляя перипатетическими силлогизмы и хитрословіи, ниже попущая васъ слагатися реченнымъ пророки и апостолы, таинственѣ о горнѣйшей Троицы, аще не по его хитрословнымъ силлогизмомъ догма исправляется, но или яко гнилу сію отметати, или претворити ю безстрашне ко угодію перипатетическія хитрости (1)". Впрочемъ Максимъ умѣлъ цѣнить философію, лишь бы только она была свободна отъ своевольныхъ умозрѣній. „Философская вещь, писалъ онъ, священна вельми есть и поистинѣ божествена безъ малаго чего, о Бозѣ бо и правдѣ Его и во вся преходящемъ (всеобъемлющемъ) непостижимѣмъ Его промыслѣ прилѣжнѣйше повѣствуетъ, аще и не во всѣхъ получаетъ (успѣваетъ), зане божественнаго вдохновенія, якоже божественніи пророцы, не причастна, цѣломудріе же и мудрость и кротость хвалитъ, и всяко ино благоукрашеніе право законополагаетъ и гражданство составляетъ нарочито и, совокупльше рещи, всяку добродѣтель и благодать вводитъ во всемъ свѣтѣ (2)". Какъ ученикъ Евангелія, Максимъ хотѣлъ, чтобы философія была служительницей евангельской истины, „споспѣшествовала ко утверженію христіанскія вѣры", а для этого Максимъ требовалъ—плѣнять разумъ въ послушаніе Христово и „вездѣ понужати" философію и „аки рабыню Евангелія истины водити (3)". Впрочемъ Максимъ не всегда такъ правильно понималъ отношеніе философіи къ истинѣ евангельской. Въ лѣта юности онъ самъ увлекался философіею и даже испыталъ на самомъ себѣ горькіе плоды неразумнаго довѣрія разуму. Въ то время

(1) Сл. Облич. Лат. Злосл. въ Прав. Собес. 1860, Іюнь, стр. 461.
(2) Посл. Ѳед. Карп. въ Прав. Собес. 1860, Февр. стр. 356—7.
(3) Слов. Облич. Лат. Злосл. Прав. Собес. 1860, Іюнь, стр. 462.

преданность Аристотелю, Платону и другимъ мудрецамъ языческимъ была причиною того, что „въ мысляхъ“ большей части ученыхъ „раждалось развращеніе догматовъ и злочестіе“. Само собой понятно, что настроеніе учителей передавалось и ученикамъ. Этой участи подвергся на время и Максимъ. „Свидѣтель азъ сихъ всѣхъ, писалъ онъ послѣ, достовѣренъ, не яко слышатель и самовидѣцъ токмо онѣхъ во Италіи и въ Лонгобардіи, но и сообщительнѣ когда бывъ имъ. И аще не бы, иже о всѣхъ спасеніи пекійся, Богъ, помиловавъ мя, скорѣе посѣтилъ благодатію своею, и свѣтомъ своимъ озарилъ мысль мою, издавна убо и азъ погиблъ бы съ сущими тамо нечестія предстатели (¹)“. Максимъ даже указываетъ по именамъ тѣхъ мудрецовъ, зараженныхъ зловѣріемъ и нечестіемъ, съ которыми столкнула его судьба въ Италіи. Таковъ былъ Кобезмикъ, съ которымъ встрѣтился Максимъ въ Феррарѣ и который, „иныхъ превосходя всякимъ внѣшнимъ ученіемъ“, до того былъ зараженъ убѣжденіями языческими, что, умирая, говорилъ своимъ друзьямъ и ученикамъ: „радуйтеся со мною, любимицы, заутра бо почію въ елисѣяхъ поляхъ съ Сократомъ и Платономъ и всѣми ирои. Толико, замѣчаетъ при этомъ Максимъ, прельстило есть его языческое ученіе“. Другой подобный „ирой“, по имени „Сеса философъ“ встрѣтился съ Максимомъ въ Падуѣ. Этотъ нечестивецъ, по словамъ Максима, „толико зазрѣлъ вѣрѣ и обычаемъ, яко глаголати своимъ друзьямъ, егда во церкви хождаше, да идемъ и мы ко общей прелести“. А кто не знаетъ, прибавляетъ Максимъ, „ангела Поліціана, въ Флорентіи бывшаго, во всякомъ нечестіи воз-

(¹) Слов. Облич. Лат. Злосл. Прав. Соб. 1860, Іюнь, стр. 462—3.

сіявшаго, и нечисте и зле душю свою испустившаго? А ины инде всяким нечестіем исполнени, иже идолом во истину капища воздвигнули бы издавна, аще не бы удержал их запрещаемый папою страх (1)". Удивительно ли после этого, если Максим не любил даже, чтобы его называли философом: „а философом, Бога ради, не зови меня, писал он Феодору Карпову, аз инок есмь, паче всех невежа (2)". Так мало ценил Максим слышанные им от латинских мудрецов уроки философіи, проникнутые неверіем и нечестіем.

Впрочем всепромышляющій Господь, допустившій на время Максиму быть учеником недостойных учителей, скоро указал ему человека, который мог укрепить молодаго искателя мудрости в религіозных убежденіях и в духовно-нравственном направленіи. Это был Іероним Савонарола. Недавно в одном из духовных журналов была довольно подробная речь об этой замечательной личности (3). А потому в настоящем случае мы ограничимся только отзывом самого Максима о Савонароле. „Он был, пишет Максим, исполнен всякой премудрости и разуменія богодухновенных писаній, и внешняго наказанія, т. е., философіи. Он был великій подвижник, украшенный божественною ревностію. Видя, что город Флоренція наиболее страждет двумя богопротивными беззаконіями: лихоимством и безчеловечным взиманіем роста, предпринял он доброе и богоугодное намереніе.

---

(1) Там же стр. 463—4: свет. посл. к Фед. Карп. Правосл. Собес. 1860, Февр., стр. 374—5.

(2) Твор. св. отц. 1859 кн. 2, стр. 152.

(3) Правосл. Обозрен. 1860, Декабр.

на основаніи божественныхъ писаній, однимъ учительнымъ словомъ истребить это зло. Къ нему часто собиралось множество слушателей изъ благородныхъ и первыхъ гражданъ города и, полюбивъ его, стали просить, чтобы онъ проповѣдывалъ имъ въ самой соборной церкви. Онъ принялъ на себя этотъ подвигъ съ усердіемъ и началъ предлагать имъ въ св. четыредесятницу, каждодневно, учительное слово, съ высокой каѳедры, стоя по два часа, а иногда и болѣе". Сказавъ затѣмъ объ успѣхахъ проповѣди Савонаролы, о гнѣвѣ на него папы Александра, о несправедливомъ осужденіи Іеронима и съ нимъ двухъ его сотрудниковъ на смертную казнь, Максимъ прибавляетъ: „что касается до меня, то я съ радостію готовъ бы причислить этихъ трехъ преподобныхъ иноковъ къ древнимъ защитникамъ благочестія, если бы они не были латиняне по вѣрѣ: потому что находилъ въ нихъ туже пламенную ревность о славѣ Христа Спасителя и о спасеніи и исправленіи вѣрныхъ; и это не по слухамъ отъ другихъ, но самъ ихъ видѣвъ и много разъ бывавъ при ихъ поученіяхъ. И не только находилъ въ нихъ туже ревность о благочестіи, какую и въ древнихъ мужахъ, но и туже мудрость, тоже разумѣніе и знаніе богодарованныхъ писаній и туже опытность во внѣшнемъ ученіи. Особенно отличался всѣмъ этимъ Іеронимъ, который по два часа стоя на каѳедрѣ, а иногда и болѣе, проповѣдывалъ, изливая струи ученія въ изобиліи, не книгу держа предъ собою и изъ нея заимствуя доказательства своихъ словъ, но износя ихъ изъ сокровищницы своей богатой памяти, наполненной богомудрыми объяснениіями св. Писанія". Такое сочувствіе Максима къ Савонаролѣ, такое уваженіе къ его жизни, ученію и несчастной судьбѣ, и собственное сви-

дѣтельство Максима, что онъ многократно бывалъ свидѣтелемъ его обличеній и наставленій, даютъ намъ право предполагать, что живая и воспріимчивая душа молодаго грека не могла не вынести изъ этого знакомства многихъ полезныхъ впечатлѣній. И замѣчательно: въ собственномъ характерѣ Максима, въ его дѣятельности у насъ, и въ самой судьбѣ его много было сходнаго съ тѣми чертами, какія онъ самъ изобразилъ въ своемъ сказаніи о Савонаролѣ. Это—строгій образъ жизни, ревность за истину Христову, смѣлость въ обличеніи современныхъ пороковъ, прямота въ словѣ и дѣйствіяхъ,—и за все это гоненія отъ людей не преподобныхъ (1).

Кромѣ Италіи Максимъ посѣщалъ для науки и Францію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный своимъ личнымъ знакомствомъ съ Максимомъ князь Курбскій (2). Есть на это указаніе и въ собственныхъ сочиненіяхъ Максима. Въ посланіи къ Ѳедору Карпову (3) онъ говоритъ объ училищахъ Италіи и Галліи. Въ другомъ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ: „повѣсть страшна и достопамятна", Максимъ прямо пишетъ, что онъ „въ Парижѣ, зѣло юнъ сый, поживе лѣта довольна" (4). Здѣсь Максимъ слушалъ уроки знаменитаго соотечественника своего Іоанна Ласкариса, бывшаго профессоромъ въ парижскомъ университетѣ. Такимъ образомъ Максимъ справедливо говорилъ послѣ, что онъ учился „у нарочитыхъ (избранныхъ) учителей", которыхъ онъ называетъ „искуснѣйшими" (5). Во время своихъ путе-

(1) Твор. св. Отц. стр. 157—165.
(2) Сказ. кн. Курбск. стр. 296.
(3) Прав. Собес. 1860, Февр. стр. 374.
(4) Москвит. стр. 45.
(5) Прав. Соб. 1861, Август. стр. 312 и 315.

шествій Максимъ, кромѣ разныхъ наукъ, изучилъ еще разные языки: итальянскій, французскій; зналъ даже сербскій, болгарскій и славяно-русскій, которому впрочемъ научился уже въ Россіи ([1]). Съ такимъ запасомъ свѣдѣній Максимъ могъ сдѣлать себѣ блестящую карьеру въ своемъ отечествѣ. Но юнаго ученаго занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали отъ шума городскаго, въ тихой обители, среди людей, посвятившихъ себя на служеніе Богу. Тѣмъ болѣе Максимъ могъ рѣшиться на уединеніе, что здѣсь по преимуществу онъ могъ съ полною свободою предаться занятіямъ столь любимою имъ наукою. Къ тому же онъ ясно видѣлъ, что въ отечествѣ, порабощенномъ турками, стали цѣниться не дарованія и труды, а золото и пресмыкательство ([2]). Такой путь былъ не по сердцу Максиму, любившему правду больше всего и чуждавшемуся лести, какъ свидѣтельства низкой души. И вотъ Максимъ, по возвращеніи изъ путешествія, снова оставляетъ родной очагъ и отправляется на Аѳонъ и тогда, какъ и нынѣ, служившій пріютомъ для душъ, всецѣло преданныхъ Богу, гдѣ притомъ можно было найти всѣ удобства не для однихъ подвиговъ иноческихъ, но и для умственнаго усовершенствованія и богословскаго образованія ([3]). Здѣсь Максимъ принимаетъ монашество и становится смиреннымъ инокомъ Ватопедской обители. Неизвѣстно опредѣленно, какъ долго пробылъ на Аѳонѣ ученый инокъ. Есть основаніе думать, что Максимъ служилъ Ватопедскому монастырю не мало времени. Еще прежде, чѣмъ прибылъ онъ въ Россію,

([1]) Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 244.
([2]) Прав. Соб. 1861, Февр. стр. 127.
([3]) Твор. Св. Отц. стр. 166—8.

братія Ватопедской обители неоднократно посылали Максима въ разныя страны „по милостыню“ (¹). Это показываетъ, что Максима уже успѣли понять и оцѣнить, какъ человѣка, который „съ честію“ могъ выполнить нелегкую роль просителя,—а для этого требовалось не мало времени (²). Какъ бы впрочемъ ни было, только Ватопедскому монастырю не суждено было долго пользоваться услугами своего любимаго и достойнаго инока. Скоро онъ былъ посланъ въ Москву, откуда уже и не возвращался. Вотъ какъ случилось это.

Великій князь московскій Василій Ивановичъ, вскорѣ по возшествіи своемъ на великокняжескій престолъ, открылъ въ палатахъ своихъ драгоцѣнное сокровище, которое, однакожъ, не было доступно рѣшительно никому изъ русскихъ (³). Это сокровище состояло въ рѣдкомъ и громадномъ собраніи греческихъ рукописей, переходившихъ къ намъ изъ Греціи съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенія Руси Христовою вѣрою и особенно умножившихся при отцѣ Василія Ивановича, за которымъ, какъ извѣстно, была въ замужествѣ послѣдняя отрасль константинопольскихъ Палеологовъ — Софія (⁴). Желая узнать содержаніе этихъ рукописей и въ то же время не находя въ Россіи человѣка, который бы могъ удовлетворить этому желанію, Василій Ивановичъ, по со-

---

(¹) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 365.

(²) Въ посланіи къ Василію Ивановичу Максимъ пребываніе свое на Аѳонѣ называетъ «многолѣтнимъ» (Прав. Соб. 1861, Авг. стр. 317), а въ посланіи къ царю Ивану Васильевичу (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 377) Максимъ писалъ, что онъ на Аѳонѣ «лѣта десять потрудился тѣлесвѣ и душевнѣ». Имѣя въ виду то, что Максимъ отправился съ Аѳона въ Россію въ 1516 году, можно уже приблизительно опредѣлить время прибытія его на Аѳонъ. Это было около 1507 года.

(³) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299.

(⁴) Истор. о раскол. Пр. Игнат. стр. 79.

вѣту и съ благословенія духовнаго отца своего митрополита Варлаама, рѣшился обратиться на Аѳонъ съ просьбою ([1]) прислать въ Москву ученаго мужа, который бы въ состояніи былъ пересмотрѣть греческія книги, находившіяся въ княжеской библіотетѣ, и, если нужно будетъ, перевесть ихъ ([2]). Великій князь просилъ прислать въ Москву одно опредѣленное лицо, именно ватопедскаго священника, по имени Савву, котораго, вѣроятно, рекомендовали ему приходившіе къ намъ по временамъ греки ([3]). Но Савва не могъ предпринять такого далекаго путешествія. Ватопедскій игуменъ писалъ митрополиту Варлааму, что Савва, будучи „многолѣтенъ и ногами немощенъ", не можетъ исполнить желанія великаго князя, и что вмѣсто его посылается инокъ Ватопедской же обители Максимъ. Аѳонимъ прибавлялъ, что избрали и посылаютъ Максима; „аки искусна божественному Писанію и пригожа на сказаніе всякихъ книгъ и церковныхъ и глаголемыхъ еллинскихъ: понеже отъ младыя юности въ сихъ возрасте, и симъ наказася добродѣтельнѣ, и не яко иный нѣкій, многими

([1]) Въ «сказаніи» о прибытіи Максима въ Москву говорится о грамотѣ велик. князя къ султану и цареградскому патріарху (Москв. стр. 46). Но это не справедливо. Самъ Максимъ говоритъ, что великій князь писалъ: «проту и инокомъ во святѣй горѣ пребывающимъ» (Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299). Какъ могла явиться въ «сказаніи» эта ошибка, см. объ этомъ въ Твор. Свят. Отцевъ стр. 171.

([2]) Поэтому мысль, будто Максимъ вызванъ былъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ (Церк. Истор. м. Плат. ч. II, стр. 38; Нач. церк. Истор. Иннокент. стр. 46; Истор. рус. раск. Пр. Мак. стр. 20, изд. 1-е), не справедлива. До прибытія въ Москву Максимъ не зналъ русскаго языка (Слов. и. Евг. Т. II, стр. 26; Акт. Истор. Т. I, № 122; Времен. Общ. Истор. Т. V, Смѣсь стр. 37).

([3]) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299; Истор. о раск. Пр. Игнат. стр. 80.

почитанми (начитанностію) токмо“ (1). Максимъ прибылъ въ Москву 4-го марта 1518 года (2). Послѣ той рекомендаціи о Максимѣ, какую мы видѣли въ граматѣ ватопедской братіи, можно было быть увѣреннымъ, что его ждетъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. И дѣйствительно митропотитъ и великій князь приняли ученаго грека ласково и съ любовію (3). Послѣдній назначилъ Максиму пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ и содержаніе отъ своего двора (4). Когда Максиму показали княжескую библіотеку, онъ пришелъ въ восторгъ отъ такого множества рѣдкихъ книгъ, какихъ не удавалось встрѣчать и въ самой Греціи (5). Максиму поручено было разобрать библіотеку и. если найдутся книги, еще непереведенныя на славянскій языкъ, перевести ихъ. Скоро Максимъ представилъ князю списокъ непереведенныхъ книгъ, и прежде всего ему поручено было заняться переводомъ Толковой Псалтири (6). Съ любовію и усер-

(1) Акт. Истор. Т. I, № 122.

(2) Москв. стр. 47; Твор. Св. Отц. стр. 172; Акт. Истор. Т. I, №№ 121 и 122 и примѣч. къ нимъ. Многіе думаютъ, что Максимъ прибылъ въ Москву въ 1506 (Слов. М. Евг. Т. II, стр. 27; Истор. о раск. Игнат. стр. 80, Истор. рус. раск. Макар. стр. 20; Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 244), или въ 1507 году (Церк. Ист. М. Плат. ч. II, стр. 38), слѣдовательно еще при Митроп. Симонѣ, — но это несправедливо. Самъ Максимъ писалъ, что онъ вызванъ и прибылъ въ Россію при М. Варлаамѣ (Прав. Соб. 1861, Іюль стр. 299), а Варлаамъ сдѣлался митрополитомъ уже въ 1511 году (Истор. Церк. Іерарх. ч. I, стр. 55; Истор. руск. церкв. Филар. III, стр. 34 и 102).

(3) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 55.

(4) Впрочемъ Максимъ сталъ пользоваться жалованьемъ великаго князя еще съ той поры, какъ изъявилъ согласіе ѣхать въ Россію, т. е. съ 1516 года. Отсюда легко понять, почему Максимъ, пользовавшійся милостію великокняжескою до 1525 года, писалъ въ послѣдствіи, что пользовался ею *девять* лѣтъ (Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 355).

(5) Слов. М. Евг. Т. II, стр. 28; Карамз. Т. VII, стр. 178.

(6) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299; Ист. р. ц. Фил. III, стр. 102; Москв. стр. 47.

діемъ занялся Максимъ этимъ трудомъ. Но такъ какъ въ это время онъ „мало разумѣя бѣ“ (1) славяно-русскій языкъ, то по его же просьбѣ даны были ему въ помощь два латинскихъ толмача: Власій и Димитрій, которымъ онъ переводилъ псалтирь на латинскій, а они уже съ латинскаго на славянскій языкъ. Кромѣ того, для переписки даны были Максиму инокъ Сергіевой лавры Сильванъ и Михаилъ Медоварцевъ (2). Годъ и пять мѣсяцевъ трудился Максимъ надъ переводомъ Псалтири (3), который и былъ наконецъ представленъ великому князу. Василій Ивановичъ передалъ книгу митрополиту Варлааму. Святитель съ восторгомъ одобрилъ на соборѣ первый трудъ Максима (4). Князь въ награду осыпалъ инока новыми милостями (5). Все это однакожъ не обольщало Максима. По окончаніи перевода псалтири, онъ написалъ великому князю письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ Василія Ивановича отпустить его на Аѳонъ (6). Какъ видно изъ письма, Максимъ уже предвидѣлъ, что труды его могутъ быть не поняты или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованіемъ и особенно не знавшими греческаго языка. И потому онъ счелъ нужнымъ объяснить великому князю, что если имъ — Максимомъ сдѣланы въ переводѣ кое-какія поправки, измѣненія и проч., то сдѣланы эти исправленія „не дерзостію, ниже гор-

---

(1) Зиновій въ 53 слов. противъ Косого.

(2) «Сказаніе» о Мак. Фил.; Карамз. Т. VII, прим. 340; Церк. Ист. Плат. ч. II, стр. 245; Прав. Соб. 1861, Авг. стр. 316; Слов. М. Евг. Т. II, стр. 28.

(3) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 300: Москв. стр. 47.

(4) Карамз. Т. VII, стр. 178; Истор. р. ц. Фил. III, стр. 102.

(5) Москвит. стр. 48.

(6) Письмо это въ Прав. Соб. 1861, Іюль и Авг. стр. 296—319.

достію, но ревностію лучшаго, со всѣмъ прилежаніемъ и любовію истины“, — такъ какъ въ книгѣ нашлось не мало вещей, которыя „или время повреди, или писарей невѣденіе растли“, при чемъ Максимъ указалъ для примѣра нѣкоторыя изъ замѣченныхъ имъ и исправленныхъ погрѣшностей. Впрочемъ смиренный инокъ хотя и замѣчалъ о себѣ: „сами естественнѣ грецы глаголаніемъ есмы“, однако труда своего, требовавшаго отличнаго знанія греческаго языка, не считалъ совершеннымъ; напротивъ сознавался искренно, что могло „нѣгдѣ нѣчто презрѣно быть или забвеніемъ, или нѣчто и нашимъ ненаказаніемъ“, и потому просилъ прощенія въ недосмотрахъ и исправленія ихъ людьми болѣе опытными „въ грамматическихъ художествахъ и риторской силѣ“ и болѣе „сильными въ разсужденіи греческаго гласа глубоко-разумнаго“, при чемъ далъ нѣсколько совѣтовъ будущимъ исправителямъ. Указавъ за тѣмъ на труды помощниковъ своихъ — „Власа и Мити толмачей и Михаила Медоварцева и Силвана писарей“ и испросивъ имъ милости у князя, Максимъ писалъ далѣе: „мнѣ же и сущимъ со мною братіи возвращеніе ко святѣй горѣ, за вся просящимъ, даровати да изволиши, отъ долгія сея печали свободити; воздай насъ добрѣ и опаснѣ честному монастырю Ватопеди, издавна насъ ждущу и чающу по вся часы, по подобію птенцовъ, питающая ихъ жаждущихъ, да не лишимся многолѣтнихъ тамошнихъ трудовъ и пoтовъ нашихъ, ихже положихомъ тамо о надежи нашего о Господѣ скончанія. Даруй намъ, о самодержче благочестивѣйшій и милосердѣйшій, тамо совершити намъ Господеви иноческая обѣщанія, идѣже волею обѣщаніе сотворихомъ предъ Христомъ и страшными ангелы Его, въ день постриженія нашего....

Явися убо содѣйственникъ Христу въ наше спасеніе, иже еси теплѣйшій предстатель церкви и убожества священныя обители Ватопеди память воспріими. его же ради и послани есмя и безчисленныя бѣды и труды подъяхомъ, не себе ради, ниже въ себѣ сѣмо пріидохомъ, да не будетъ въ насъ таковая діаволя злая прелесть, но отъ всего братства нашего, яже о Христѣ, умолени. трудъ сей воспріяхомъ, господь нашихъ за ничтоже вмѣнивше, да и тѣхъ и твое повелѣніе исполнимъ. Таковаго убо разума и сущихъ и держащихъ отпусти скорѣе въ мирѣ, ради щедротъ человѣколюбца Бога. Христосъ насъ тамо позва и сѣмо пріити на время уготова, твоей державѣ даруя, Ему же и ты самъ воздаруя; ко отцемъ нашимъ паки отпусти, да и самъ Христосъ дарованія сего должникъ тебѣ будетъ, да и тамо сущимъ православнымъ явлена будутъ нами, елика видѣхомъ, нарочитая и царская твоя исправленіа; да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи бѣдніи христіане, яко имѣютъ еще царя не о языцехъ токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изобилующа. но яко правдою и православіемъ и нарочитѣ и превысочайше паче всѣхъ православенъ есть, яко Константину и Өеодосію великимъ уподобитися мощи, имъ же и твоя держава послѣдующи, буди намъ нѣкогда царствовати отъ нечестивыхъ работы свобоженнымъ тобою; вся бо возможна и удобь совершаема всѣхъ Владыцѣ и якоже древле отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго во царехъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима избави отъ нечестиваго Максентіа, сице и нынѣ новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ агарянъ, благочестивѣйшею державою царствія твоего, да изволитъ свободити и отъ отеческихъ твоихъ

престолъ наслѣдника покажетъ и свободы свѣтъ тобою да подастъ намъ бѣднымъ, милостію и щедротами Его". Такимъ образомъ Максимъ болѣе сочувствовалъ, какъ и слѣдовало, русскому престолу, чѣмъ турецкому. И однакожъ, какъ увидимъ, послѣ не стыдились обвинять его въ политическихъ преступленіяхъ противъ русской державы....

Письмо Максима великому князю, нельзя не сознаться, написано было съ большимъ умѣньемъ дѣйствовать благопріятно на сильныхъ міра сего. И однакоже просьба Максима, не смотря на всю ея справедливость, не была исполнена Василіемъ Ивановичемъ. Видя по первому опыту, какъ многаго можно было ожидать отъ ученаго Грека, великій князь упросилъ Максима остаться еще на нѣсколько времени въ Москвѣ. И когда Максимъ, переводя другія книги (толкованіе на Дѣянія и на евангеліе Матѳея и Іоанна), довольно изучилъ русскій языкъ, Василій Ивановичъ, по совѣту съ митрополитомъ, поручилъ ему заняться пересмотромъ и исправленіемъ тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Трудъ не легкій и крайне щекотливый; тѣмъ не менѣе Максимъ не могъ отказаться отъ него. Не мало времени провелъ Максимъ въ трудахъ книжнаго исправленія и во все это время милости князя сыпались на труженика (¹). Но когда преподобный сталъ оглашать замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки, судьба его перемѣнилась. Люди недовольные Максимомъ за то, что онъ пользовался вниманіемъ великаго князя, который нерѣдко совѣтовался съ ученымъ грекомъ о своихъ дѣлахъ, помимо лицъ болѣе почетныхъ и почтенныхъ (²), стали говорить, что

(¹) Прав. Соб. 1861, сент. стран. 355.

(²) Слов. М. Евг. т. II, стр. 30; снес. Карамз. т. VII, стр. 178 - 9.

Максимъ не исправляетъ, а портитъ книги. Чтобы своимъ крикамъ дать болѣе вѣроятности и силы, они прибавляли, что по этимъ, признаваемымъ неисправными, книгамъ спаслись русскіе чудотворцы, что слѣдовательно порицать эти книги значитъ оскорблять память святыхъ предковъ. „Велію, о человѣче! досаду, кричали Максиму враги его, тѣмъ дѣломъ (исправленіемъ книжнымъ) прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцемъ; они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови, и живуще по преставленіи ихъ, отъ него прославишася святынею и всякихъ чудесъ дѣйствомъ" ([1]). Самого же Максима стали называть не иначе, какъ еретикомъ, богодухновенныя книги растлѣвающимъ ([2]). Что оставалось дѣлать Максиму при такихъ обстоятельствахъ? Нужно было показать и доказать этимъ защитникамъ памяти предковъ, что книги дѣйствительно неисправны и что исправлять ихъ не значитъ причинять „досаду" тѣмъ, кои прежде употребляли эти книги. И вотъ преподобный пишетъ нѣсколько словъ и посланій, въ которыхъ исчисляетъ замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки, иногда безсмысленныя, а нерѣдко и еретическія. Болѣе важныя погрѣшности, замѣченныя Максимомъ, были слѣдующія: въ *часословахъ* о Христѣ Спасителѣ говорилось не какъ о Богочеловѣкѣ, но только какъ о *человѣкѣ*, а Богъ Отецъ назывался здѣсь *собезматерним Сыну*. Въ *толковыхъ Евангеліяхъ* находилась мысль, будто Христосъ *умеръ безконечною смертію*. Въ *тріоди* Христосъ назывался *созданнымъ и сотворенным по самому божеству*. Въ

([1]) Церк. Истор. М. Плат. ч. II, стр. 332.
([2]) Тамъ же стр. 285.

другомъ мѣстѣ этой же книги, именно въ 9-й пѣсни канона великаго четверга, Максимъ нашелъ слѣдующее выраженіе: „сущаго естествомъ не созданна Сына и Слова, пребезначальнаго Отца, не суща естествомъ не созданна воспѣваема“, и, разумѣется, не стерпѣлъ такой хулы и исправилъ (¹). Понятно, что все это - ошибки и ошибки нетерпимыя. Непризнаться въ нихъ значило бы обличить себя въ ереси. Но Максимъ не ограничился только указанными погрѣшностями. Объясняя причины, по которымъ вкрались въ наши богослужебныя книги разнаго рода ошибки, говоря, что это произошло частію „отъ недоумѣнія, или презрѣнія, или забвенія древнихъ приснопамятныхъ переводчиковъ“, частію „отъ премногія грубости и небреженія преписующихъ ихъ“ (²), Максимъ снова указывалъ новыя ошибки, замѣчая, какъ не трудно было людямъ, незнавшимъ хорошо греческаго языка, невѣрно перевесть то или другое слово, въ слѣдствіе чего извращалась самая мысль. Напр., говорилъ преподобный, греческое слово: ψιλὸς—нагой не искусные переводчики приняли за ὑψιλὸς и перевели: *высокій*. Или вмѣсто: ἐκκλεῖσαι—отлучить читали: ἐκκλησία и перевели: *церква* (³). Все это весьма естественно и понятно. Не хотѣли только понять словъ Максима враги его. И хотя преподобный замѣчалъ, что исправленіемъ книгъ онъ нисколько не оскорбляетъ памяти святыхъ предковъ, служившихъ по этимъ книгамъ, потому что прежніе святые, при всей своей святости, могли не замѣтить ошибокъ, по незнанію ими греческаго языка, такъ какъ не всякому даются всѣ дарова-

---

(¹) Тамъ же стр. 291—2 и 304.
(²) Церков. Истор. Плат. ч. II, стр. 331.
(³) Тамъ же стр. 224—5.

нія духовныя, и русскіе святые, прославившіеся, по благодати, данной имъ свыше, даромъ чудесъ, не владѣли даромъ языковъ (¹),—Максима обвиняли въ дерзости, въ еретичествѣ, въ хулѣ на святыхъ. Впрочемъ мы были бы крайне несправедливы, если бы стали утверждать, что преслѣдованіе Максима за исправленіе имъ церковно-богослужебныхъ книгъ проистекало отъ непониманія пользы дѣла, начатаго имъ по волѣ великаго князя и митрополита, и справедливости основаній, которыми преподобный защищалъ свой трудъ. Не понять всего этого было невозможно, какъ ни тупы были способности „суперниковъ“ ученаго Грека. Несправедливо было бы также объяснять возстаніе противъ Максима чрезвычайною привязанностію нашихъ предковъ къ церковно-богослужебнымъ книгамъ, не терпѣвшею ни малѣйшихъ перемѣнъ въ нихъ (²). Привязанность эта была, но не до такой степени сильна, чтобы за перемѣну слова неправильнаго готова была признать правильнымъ осужденіе человѣка, позволившаго себѣ сдѣлать эту перемѣну. Еще при жизни Максима, цѣлый соборъ (1551 г.) архипастырей вмѣстѣ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ призналъ и неисправность тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и нужду въ ихъ исправленіи (³). Наконецъ никакъ нельзя думать, будто дѣло исправленія книгъ, начатое Максимомъ, встрѣтило себѣ оппозицію собственно въ массѣ, большинствѣ, въ народѣ невѣжественномъ и грубомъ, тогда уже зараженномъ раскольническою привязанностію къ старинѣ, къ буквѣ, къ мелочи, хотя бы пустой

(¹) Тамъ же стр. 332—3.
(²) Истор. р. раск. Макар. стр. 20—21; Истор. о раск. Игнат. стр. 82.
(³) Стоглавн. гл. 27 и 28.

и недостойной вниманія ([1]). Нѣтъ. Печальная исторія съ Максимомъ имѣла другія причины, — начало этой драмы скрывалось въ другихъ современныхъ дѣлу обстоятельствахъ,—врагами ученому Греку были только *нѣкоторыя*, хотя и вліятельныя лица; эти лица возстали противъ преподобнаго по своимъ личнымъ, своекорыстнымъ побужденіямъ. Вотъ какъ и въ слѣдствіе чего обрушились на Максима всѣ бѣды и несчастія.

Въ 1521 году умеръ митрополитъ Варлаамъ, при которомъ преподобный Максимъ и прибылъ въ Россію и который, какъ мы уже замѣчали, понималъ пользу и благонамѣренность трудовъ ученаго пришельца. Къ сожалѣнію, мѣсто этого достойнаго святителя заступилъ человѣкъ съ сильными страстями, несвойственными архипастырю. Даніилъ, преемникъ Варлаама, человѣкъ, по замѣчанію Карамзина ([2]), гордый, безъ сомнѣнія, еще прежде, чѣмъ сдѣлался митрополитомъ, зналъ вниманіе и расположенность къ Максиму великаго князя, какъ инокъ Волоколамскаго монастыря, хотѣвшаго на себѣ одномъ сосредоточивать милости Василія Ивановича ([3]). Мечтателя о митрополичьемъ посохѣ уже одно это раздражало и вооружало противъ преподобнаго. Есть люди, которые возвышеніе другаго считаютъ своимъ собственнымъ униженіемъ, хотя бы соперникъ шелъ совершенно по другой дорогѣ. Даніилъ принадлежалъ къ числу такихъ безпокойныхъ для себя и для другихъ натуръ. Впрочемъ, довольно опытный въ интригахъ, новый митрополитъ московскій на первыхъ порахъ если и не сочувствовалъ трудамъ Максима ([4]), за то и не

([1]) Церк. Истор. М. Плат. ч. II, стр. 38—9.
([2]) и (3) Карамз. т. VII стр. 179.
([4]) Истор р. церкв. Филар. III, стр. 102.

воэставалъ противъ нихъ гласно. Онъ относился къ простому иноку Ватопедской обители съ холодностію и съ свойственнымъ мелкой русской натурѣ пренебреженіемъ. Даніила занимали болѣе важныя дѣла, чѣмъ переводъ на славянскій языкъ полезныхъ греческихъ рукописей и исправленіе ошибокъ въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Тогда архіерейскимъ каѳедрамъ еще принадлежали деревни, села, цѣлыя вотчины крестьянъ. Митрополитъ обращалъ главное вниманіе на эту полезную статью, хотя и не въ видахъ пользы подчиненныхъ ему лицъ ([1]). Остальное время посвящалось веселью и пиршествамъ, въ кругу льстецовъ и смѣхотворцевъ ([2]). Человѣку, такъ хорошо умѣвшему жить и пользоваться жизнію, занятія ученаго Грека, разумѣется, должны были казаться не болѣе, какъ скучными. Впрочемъ спустя нѣсколько времени Даніилъ обратилъ вниманіе на Максима. Ему хотѣлось видѣть въ русскомъ переводѣ исторію блаженнаго Ѳеодорита, вѣроятно, для того, чтобы справиться, нѣтъ ли въ ней доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, котораго (двуперстія) Даніилъ держался ([3]). Максимъ, которому Митрополитъ поручилъ переводъ исторіи Ѳеодорита, рѣшительно отказался исполнить волю владыки, выставляя на видъ то обстоятельство, что въ этомъ сочиненіи помѣщены, между прочимъ, письма Арія, Македонія и другихъ еретиковъ, которыя могутъ послужить камнемъ претыканія и соблазна для людей простыхъ и слабыхъ, „ко еже искусити правѣ всяко писа-

---

([1]) Прав. Соб. 1861, февр. стр. 127—132; март. стр. 161 и 172.

([2]) Прав. Соб. 1861, февр. стр. 128; Чтен. Моск. Истор. Общ. «судное дѣло» стр. 8.

([3]) Истор. русск. раск. Макар. стр. 25—30.

ніе". Причина какъ нельзя болѣе основательная. Если въ то время наши грамотѣи читали съ наслажденіемъ „слово Аѳродитіана Перса" и вѣрили баснямъ, въ немъ изложеннымъ; то умныя, хотя и еретическія, письма Арія и подобныхъ ему еще болѣе могли обольщать простодушныхъ. Но вѣрно для Даніила больше значило повиновеніе его капризамъ, хотя бы и неразумнымъ, чѣмъ православіе пасомыхъ ([1]). Онъ крайне оскорбился непослушаніемъ Максима и съ этого времени сдѣлался непримиримымъ врагомъ его ([2]). Когда же инокъ-грекъ, „жегомый ревностію" о славѣ Божіей, сталъ не прямо, но тѣмъ не менѣе понятно для всѣхъ обличать Даніила въ пристрастіи къ увеличенію доходовъ съ принадлежавшихъ ему селъ и деревень, къ увеселеніямъ равнаго рода и вообще къ жизни, несвойственной святителю-монаху ([3]), — вражда Даніила къ Максиму дошла до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ, забывая всякую справедливость, рѣшается на все, лишь бы только погубить противника. Митрополиту тѣмъ легче было достигнуть этого, что Максимъ своими обличеніями пороковъ бояръ, суевѣрій народа, недостатковъ духовенства, вооружилъ противъ себя всѣ сословія и ни въ комъ не могъ расчитывать себѣ на поддержку. Къ счастію преподобнаго, на его сторонѣ оставался въ это время одинъ человѣкъ, о вниманіе котораго къ Максиму могли разбиться всѣ козни враговъ инока-грека. Великій князь Василій Ивановичъ во все время занятій Максима переводомъ и исправленіемъ книгъ „оброки довольны отъ царскихъ своихъ хранилищъ сему иноку

([1]) Карамз. т. VII, прим. 344.
([2]) Журн. М. Нар. Просв. стр. 269
([3]) Снес. Церк. Истор. Плат. ч. II, стр. 292—3.

Максиму даяше и сущимъ съ нимъ, человѣколюбіемъ милосердуя ихъ“ (¹). Милости Великаго князя къ Максиму продолжались до конца 1524 года, и враги преподобнаго молчали, строя козни противъ него тайно и запасаясь силами для борьбы въ будущемъ. Но въ 1524 году представился случай, благопріятный для противниковъ Максима. Великій князь, недовольный супругою своею Саломоніею за ея неплодство, вздумалъ развестись съ нею и жениться на Еленѣ Глинской, чтобы имѣть такого наслѣдника, какимъ былъ Грозный (²). Мы не знаемъ, какъ смотрѣлъ на этотъ разводъ М. Даніилъ, но извѣстно, что въ числѣ лицъ, не хотѣвшихъ угождать людямъ больше, чѣмъ Богу, и предлагавшихъ въ наставленіе князю слова Спасителя (Мѳ. 19, 9), былъ и Максимъ, который писалъ Василію Ивановичу: „царя истиннаго и самодержца онаго мни, благовѣрнѣйшій царю, который ко еже правдою и благозаконіемъ устрояти житейская подручниковъ прилѣжитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ же и похотемъ одолѣти тщится всегда, глаголю же ярости и гнѣву напрасному и беззаконнымъ плотскимъ похотемъ. Иже бо сими сицевыми безсловесны одолѣваемъ бываетъ, нѣсть небеснаго Владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобіе (³)“. Этими смѣлыми словами Максимъ и показывалъ великому князю незаконность принятаго имъ намѣренія, и ограждалъ себя отъ его несправедливаго гнѣва. Но великій князь слишкомъ поддался движеніямъ „безсловеснаго естества“, чтобы могъ слушать спокойно подоб-

(¹) Сказан. о Макс. Фил. въ журн. М. Н. Пр. стр. 244—5.
(²) Карамз. т. VII, стр. 180 и примѣч. 343.
(³) Прав. Собес. 1861, Март. стр. 154—5.

ныя наставленія, и слишкомъ не любилъ противорѣчій (1), чтобы могъ простить Максиму его мнѣніе, несогласное съ желаніемъ самодержца. Любимый прежде инокъ впалъ въ немилость Василія Ивановича, а съ этимъ вмѣстѣ открылся полный просторъ страстямъ, возбужденнымъ справедливыми обличеніями преподобнаго. Враги Максима воспользовались случаемъ — отмстить иноку, осмѣлившемуся судить и осуждать архипастырей и другихъ сильныхъ міра сего. Чтобы вѣрнѣе погубить невиннаго, они скрыли свою ненависть и личное неудовольствіе на Максима и стали, по видимому, преслѣдовать интересы великаго князя. Предлогъ къ обвиненію преподобнаго былъ давно отысканъ, — это исправленіе имъ книгъ. Теперь, называя по прежнему это исправленіе порчею, враги прибавляли, что Максимъ исправляетъ книги „по своему разуму", безъ согласія великаго князя. Новый предлогъ къ раздраженію князя, новая потеря для Максима. Теперь онъ остался одинъ и долженъ былъ бороться съ сильными врагами при помощи своихъ собственныхъ средствъ—правоты и невинности. 10 февраля 1525 года Максима изъ Чудова монастыря перевели въ Симоновъ, да только въ темницу (2). Это эпилогъ къ драмѣ. Затѣмъ послѣдовало собраніе доносовъ на преподобнаго, и въ этомъ принималъ участіе даже самъ великій князь. Обѣщали даже награды тѣмъ, кто лучше „солжетъ" на Максима. И вотъ съ такими средствами къ открытію истины обнаружили, что къ Максиму ходили два боярина, бывшіе подъ гнѣвомъ...... Максима потребовали къ распросамъ.

---

(1) Карамз. т. VII, примѣч. 346.
(2) Москвит. стр. 55.

Но такъ какъ на жалобы бояръ, приходившихъ къ Максиму и говорившихъ ему: „которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ", преподобный отвѣчалъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ: „господине! которая земля преступаетъ Божія заповѣди, отъ Бога казни чаетъ; а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству",—то прямыхъ и достаточныхъ причинъ къ обвиненію ученаго Грека пока еще не было и его оставили на свободѣ (¹). Но эта свобода была предвѣстницей имѣвшаго послѣдовать за тѣмъ продолжительнаго и тяжкаго заключенія. Не имѣя возможности обвинить Максима въ какихъ либо политическихъ или государственныхъ преступленіяхъ, враги его обратились къ такому предмету, который въ рукахъ невѣжества и неблагонамѣренности могъ служить прекраснымъ средствомъ погубить преподобнаго,—стали указывать на поврежденіе имъ церковныхъ книгъ. Такъ какъ дѣло касалось вещей, хранительницею которыхъ была власть церковная, то вскорѣ (того же февраля 1525 года) составился въ Москвѣ „въ палатѣ великаго князя" соборъ для обсужденія книжнаго исправленія Максимова. На соборѣ, предсѣдателемъ котораго былъ, разумѣется, митрополитъ Даніилъ, присутствовалъ и самъ князь великій Василій Ивановичъ и „съ братіею своею, со княземъ Юріемъ, и со княземъ Андрѣемъ, и со архіепископы и епископы, и со архимандриты и со игумены". Были даже „старцы изъ многихъ монастырей", бояре, князья, вельможи и воеводы (²). Максимъ явился на со-

(¹) Тамъ же стр. 56.
(²) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, прѣніе Даніил. съ Макс. стр. 1.

боръ съ спокойнымъ духомъ, увѣренный въ своей правотѣ и православіи. Въ слѣдъ за нимъ явились на соборъ, по волѣ Митрополита, и обвинители Максима: архимандритъ чудовскій Іона и Васьянъ Топорковъ, монахъ Волоколамской Іосифовой обители (¹), великій человѣкоугодникъ князя Василія, по замѣчанію Курбскаго, человѣкъ лукавый и жестокосердый, по замѣчанію Карамзина (²), поставленный въ апрѣлѣ того же 1525 года во епископа коломенскаго (³), значитъ, не даромъ принявшій на себя роль свидѣтеля противъ Максима. Началось „прѣніе Даніила, митрополита московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ". Максима обвиняли и за переводъ Толковой Псалтири (⁴), хотя онъ былъ сдѣланъ имъ по волѣ великаго князя и одобренъ предшественникомъ Даніила, митрополитомъ Варлаамомъ, — и за то, что Максимъ въ Тріоди выразился о сѣдѣніи Сына со Отцемъ: „сѣдѣлъ еси, сѣдѣвъ (⁵)",— и за то наконецъ, что воскресшую плоть Христову наименовалъ „описуемою (⁶)". На первое обвиненіе Максимъ отвѣчалъ, что дѣйствительно „нѣкія малыя описи" допущены имъ при переводѣ Псалтири; но, прибавлялъ преподобный, „ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево что дерзнуто бысть мною (Богъ свидѣтель), но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, смутившей тогда мою мысль, или нѣчто излишнему винопитію, погрузившу

(¹) Москв. стр. 57, примѣч. 33.
(²) Карамз. т. VIII, стр. 214.
(³) Тамъ же т. VII, примѣч. 331; срав. т. VIII, примѣч. 380.
(⁴) Правосл. Соб. 1861, Сент. стр. 369—370.
(⁵) Церковн. Истор. Плат. ч. II, стр. 293—6.
(⁶) Тамъ же стр. 309.

ия, написася тогда тако (1)“. Касательно выраженія: сѣдѣлъ еси и под. Максимъ сначала замѣчалъ, что оно правильно (2), но потомъ, когда ему объяснили, что такое выраженіе означаетъ „мимошедшее время, а не настоящее и всегдашнее“, преподобный сознался въ ошибкѣ, только не принималъ отвѣтственности за нее на себя, замѣтивъ: „вѣдомо да есть вамъ боголюбивѣйшимъ епископомъ и пресвѣтлымъ княземъ и бояромъ, яко егда бываше мною грѣшнымъ исправленіе тріодное, латинскою бесѣдою, сказалъ есмь толмачемъ вашимъ Митѣ да Власу: за неже не у совершеннѣ изучившумися вашей бесѣдѣ; аще убо хульно нѣчто мнится вамъ въ реченіяхъ тѣхъ? сѣдѣлъ еси и сѣдѣвъ: имъ праведно есть вмѣнити сицевое нелѣпотное презрѣніе, а не мнѣ: понеже азъ тогда не вѣдахъ различіе сицевыхъ реченій. Аще бо вѣдѣлъ бы, никакоже быхъ замолчалъ, но всяко исправилъ быхъ такову нелѣпотну опись: которая бо польза мнѣ отъ сихъ черныхъ рубищъ, и молитвъ иноческаго жительства...., аще обрящуся хуля на Господа и Бога и Спаса моего Іисуса Христа, на него же уповахъ отъ младыхъ ногтей (3)“. Что же касается до наименованія плоти Христовой (воскресшей) описуемою,— то Максимъ доказывалъ, что защищать противное названіе значитъ впадать въ ересь, въ „несмысленное баснословіе, а не богословіе“, — значитъ проповѣдывать, будто по воскресеніи Христа человѣческое естество Его уничтожилось или превратилось въ божество (4). Какъ всякой можетъ видѣть, Максимъ говорилъ правду, и

(1) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 309.
(2) Чтен. Москов. Истор. Общ. стр. 1.
(3) Церк. Истор. М. Филар. ч. II, стр. 295—6.
(4) Тамъ же стр. 309—315.

осудить его значило бы или не дорожить истиною, или не имѣть снисхожденія къ немощамъ человѣческимъ. И однакожъ Максима осудили, какъ еретика, развратившаго святое Писаніе, запретили ему пріобщаться св. таинъ, даже ходить въ церковь, и вывезли его изъ Москвы въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь (1) такъ тайно, что многіе не знали, живъ ли даже невинный страдалецъ. Какъ объяснить этотъ пристрастный судъ и несправедливое осужденіе преподобнаго? Максимъ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ. Въ посланіи къ митрополиту Даніилу онъ прямо говоритъ, что его судили и осудили не за ошибки, допущенныя имъ при исправленіи книгъ,—ошибки незначительныя, чтобы не сказать пустыя,—но за то, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя нерасположеніе митрополита Даніила. Значитъ, тутъ дѣйствовали личныя страсти, отъ которыхъ трудно ожидать справедливости. Когда Максимъ явился на соборъ, Даніилъ не постыдился напомнить ему его непослушаніе, которое тотъ показалъ, отказавшись перевесть исторію Θеодорита: „достигоша тебѣ, окаянне, грѣси твои", сказалъ онъ „съ негодованіемъ" подсудимому, „о немже отрекся превести ми священную книгу блаженнаго Θеодорита (2)". Максимъ говоритъ, что онъ оказалъ непослушаніе Даніилу „дважды и трижды", хотя и неизвѣстно, въ чемъ состояли другія приказанія Митрополита, неисполненныя Максимомъ. Это—одна причина немилостиваго суда надъ Максимомъ.

(1) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, стр. 4; Слов. М. Евген. т. II, стр. 31; Москвит. стр. 58. Нѣкоторые думаютъ, что Максимъ былъ посланъ въ Тверской Отрочь монастырь (Жур. Мин. Нар. Просв. стр. 245; Карамз. т. VII, стр. 180), но это несправедливо. Сюда былъ посланъ Максимъ послѣ собора, бывшаго на него въ 1531 году.

(2) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 237.

Другія мы уже отчасти видѣли и увидимъ послѣ, когда будемъ говорить о соборѣ на Максима, бывшемъ въ 1531 году.

Видя, что справедливыя оправданія, какія представлялъ Максимъ на соборѣ 1525 года, не дѣйствуютъ на пристрастныхъ и гордыхъ судей, преподобный обратился къ другому средству—спасти себя. Трижды повергался онъ на землю „предъ священнымъ соборомъ, прощенія прося, о нихъ же по невѣденію описался", думая покорностію умилостивить Даніила. Но смиреніе понятно тому, кто самъ не зараженъ гордостію. А Даніилъ, къ сожалѣнію, всего болѣе страдалъ этимъ недугомъ. Невинно-виновнаго заключили въ оковы и бросили въ Волоколамскую темницу. Здѣсь „отъ вселукавыхъ монаховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ", Максимъ „много претерпѣлъ многолѣтныхъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даніила митрополита прегордаго и лютаго" (¹). Отъ дыма, въ которомъ, по обычаю времени, держали нѣсколько лѣтъ страдальца, и смрада, отъ холода и голода, отъ оковъ и побоевъ (²) Максимъ по временамъ впадалъ въ безпамятство, доходилъ до омертвѣнія. Но за то и благодать Божія не оставляла несчастнаго. Явившійся ему ангелъ сказалъ: „терпи, старецъ! сими муками избавишься вѣчныхъ мукъ" (³). И Максимъ терпѣлъ, надѣясь на лучшее будущее.

Когда Максимъ былъ заключенъ въ темницу, Даніилу, главному врагу его, казалось бы, можно было ус-

(¹) Москвит. стр. 58, примѣч. 39.
(²) Правосл. Соб. 1861, сент. стр. 363.
(³) Сказаніе о Максимѣ философѣ.

покоиться. Ослушникъ его воли былъ наказанъ, самолюбіе удовлетворено, непрошеный обличитель нескромной жизни владыки удаленъ съ глазъ и лишенъ возможности подмѣчать и обличать слабости людей „высокаго сана церковнаго", думавшихъ, что надъ ними нѣтъ и не можетъ быть никакого контроля. А чтобы отнять у Максима послѣднюю возможность къ оправданію, ему приказано было „не учити кого, ни писати, или писаніе составляти, или посылати къ кому, или пріимати отъ кого" (1). Это послѣднее распоряженіе, полезное для враговъ страдальца, было невыносимымъ бременемъ для самаго Максима, не привыкшаго, по примѣру другихъ, сидѣть, сложа руки. А самая обстановка преподобнаго еще болѣе располагала къ тому, чтобы въ трудѣ книжномъ искать успокоенія изнемогавшей подъ тяжестію страданій душѣ. И Максимъ, не смотря на запрещеніе писать, не молчалъ. Онъ составлялъ „посланія", въ которыхъ „неповинна во всемъ себе глаголаше". Это признано дерзостію, новымъ непослушаніемъ. нераскаянностію „необратнаго его нрава", и вмѣнено ему въ новую вину. Къ ней присоединены многія другія его „хулы", которыя, по выраженію суднаго списка, „изобрѣтоша" Даніилъ и его клевреты. И вотъ митрополитъ, желая покончить съ безпокойнымъ грекомъ разъ на всегда, снова въ 1531 году созываетъ соборъ и требуетъ на него Максима. Списокъ дѣяній этого собора сохранился (2), и мы имѣемъ возможность нарисовать довольно полную картину уликъ на Максима. Въ этомъ случаѣ ничто не было забыто, или

(1) Чтен. Москов. Истор. Общ. стр. 4

(2) Въ чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, № 7, стр. 4—13.

лучше: всѣмъ хотѣли воспользоваться, лишь бы только погубить грека. Обвиненія, скажемъ чужими словами, церковныя, государственныя, политическія, народныя, семейныя и чисто ученыя подобраны, словно мозаика, такъ, что нужно отдать полную справедливость изобрѣтательности враговъ преподобнаго. Прежде всего обвиняли Максима въ „хулѣ на Господа Бога и на пресвятую Богородицу, и на церковные уставы и законы, и на святыя чудотворцы, и на святыя монастыри и на прочая". Это—церковная сторона дѣла, и обвиненія общія. За тѣмъ слѣдовали обвиненія въ другомъ родѣ, и частныя—именно, въ недоброжелательствѣ Максима къ Россіи и въ частности къ великому князю, будто бы Максимъ съ своими друзьями „великому князю злая умышлялъ и посылалъ грамоты къ турецкимъ пашамъ, и къ самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и на всю его благочестивую державу". Далѣе Максимъ обвинялся въ томъ, что признавалъ несправедливымъ поставленіе митрополита русскаго въ Москвѣ русскими епископами, а не въ Царѣградѣ, что укорялъ церкви и монастыри за то, что они „стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ", чѣмъ будто бы хулилъ прежнихъ чудотворцевъ и святителей, имѣвшихъ у себя тѣже „стяжанія", что нескромно отзывался о митрополитѣ и другихъ русскихъ архіереяхъ, говоря, что „имъ надобе пиры и села, и скакати и смѣяти съ воры".—о нашихъ церковныхъ книгахъ, которыя Максимъ называлъ „непрямыми", въ слѣдствіе чего „чернилъ ихъ и гладилъ", причемъ указаны были Максиму поправки его, будто бы неправильныя и даже еретическія. Наконецъ Максиму стави-

ли въ вину то, что онъ, вопреки приговору прежняго собора, не признавалъ себя виновнымъ, не каялся, не плакалъ, а напротивъ предъ всѣми и каждымъ оправдывалъ себя и свое православіе, писалъ и разсылалъ, вопреки запрещенію соборному, посланія, сѣявшія будто бы въ народѣ „жидовская и еллинская ученія, и аріанская и македоніанская и прочая ереси". Въ заключеніе Максима обвиняли „въ волшебныхъ хитростяхъ еллинскихъ и жидовскихъ и въ чернокнижныхъ волхвованіяхъ (¹)". Читая эти обвиненія, удивляешься, до какихъ несправедливостей и клеветъ на ближняго доводитъ иногда человѣка оскорбленное самолюбіе! Трудно было Максиму расчитывать теперь на милость отъ собора, когда онъ не получилъ ея и прежде, когда обвиняли его въ слишкомъ не многомъ сравнительно съ настоящимъ. Да его и требовали на судъ, кажется, не столько для того, чтобы выслушать оправданія невиннаго, сколько для того, чтобы разъ осужденнаго несправедливо признать виновнымъ окончательно. По крайней мѣрѣ изъ „суднаго списка" видно, что соборъ больше занятъ былъ исчисленіемъ мнимыхъ преступленій Максима, чѣмъ выслушаніемъ его оправданій. Многіе пункты обвинительные изложены даже не въ видѣ вопросовъ, на которые подсудимый долженъ бы былъ отвѣчать, а въ формѣ опредѣленія, признаннаго несом-

---

(¹) Во время пребыванія въ Италіи, Максимъ не чуждъ былъ увлеченія мечтательными обѣщаніями астрологіи раскрыть человѣку будущее. Это, думаютъ, и было причиною временнаго уклоненія его отъ пути истины (Твор. Св. Отц. стр. 155). Но въ Москвѣ Максимъ былъ уже противъ астрологіи, писалъ въ опроверженіе мнѣній астрологическихъ нѣсколько посланій, въ которыхъ называлъ астрологію «блазненнымъ звѣздотеченіемъ» (Прав. Соб. 1860, февр. стр. 375), «нечестіемъ» и под. (Прав. Соб. 1860, іюнь стр. 460).

нѣнно истиннымъ. По всей вѣроятности, „посланія“ Максима, которыя онъ разсылалъ изъ волоколамской темницы, были проникнуты такою невинностію составителя ихъ, что митрополитъ, для предупрежденія вліянія ихъ на общественное мнѣніе въ пользу Максима, счелъ нужнымъ „изобрѣсти“ новыя „хулы“ преподобнаго и объявить (только объявить) ихъ ему на соборѣ, чтобы этимъ окончательно убѣдить всѣхъ и каждаго въ виновности грека. Самое разнообразіе обвиненій наводитъ на мысль, что Даніилъ хотѣлъ сдѣлать Максима ненавистнымъ для каждаго русскаго, къ какому бы званію онъ ни принадлежалъ.

Впрочемъ какъ ни важны были обвиненія, взведенныя на Максима на соборѣ 1531 года, но сквозь фразы замѣтно просвѣчивалась неправда, и потому участь Максима послѣ этого собора не измѣнилась къ худшему, хотя трудно было и придумать что либо тяжелѣе тѣхъ лишеній, какимъ подверженъ былъ благочестивый инокъ еще въ волоколамской темницѣ. Перемѣнено было одно — мѣсто пребыванія Максима. Его заключили послѣ собора 1531 года въ Тверской Отрочь монастырь. Запрещеніе ходить въ церковь и пріобщаться св. Таинъ по прежнему тяготѣло надъ страдальцемъ. Тяжело было положеніе Максима. Но строго воспитанный въ страхѣ Божіемъ, наученный вѣрѣ въ премудрый и всеблагой Промыслъ, Максимъ и среди страданій не унывалъ духомъ. Напротивъ онъ даже радовался своимъ земнымъ несчастіямъ, видя въ нихъ залогъ блаженства на небѣ. Вотъ мысли благочестиваго инока объ этомъ предметѣ, которыя онъ высказалъ въ сочиненіи: „словеса инокъ въ темницѣ затворенъ и скорбя, имже себя утѣшаше и утверждаше въ терпѣніи“, написанномъ

имъ въ 1532 году. „Не тужи, ни скорби, ни тоскуй, писалъ Максимъ, утѣшая самого себя, о нихъ же, любезна ми душе, страждеши безъ правды, о нихъ же паче подобаше ти благая пріяти, о нихъ же ихъ духовнѣ пользовала еси, предложивши имъ трапезу св. Духа исполнену, сирѣчь отцетворное сказаніе богодухновеннаго пѣснопѣнія Давидова, преведши я отъ бесѣды еллинскія на бесѣду шумящаго вѣщанія русскаго и ины многи книги душеполезныя овѣхъ убо преведше, овѣхъ же, по премногу имущихъ ложное чужихъ словесъ, красотою истины утвердивши. Но паче благодарствуй твоему Владыцѣ и хвали и славь Его благоразумно, о нихъ же сподобилъ тя есть въ нынѣшнемъ житіи малыми привременными скорбьми отдати съ лихвою весь долгъ и многъ талантъ, ими же должна была еси. Внимай убо, да не сѣтованія время возмниши злѣ, но паче божественныя радости, да не стражеши окаянная сугубою тщетою,— и въ настоящемъ и въ будущемъ вѣцѣ мучима аки неблагодарна. Весели же ся паче и радуйся. Богомудренно, смиренно же и благодарственно тщися имѣти всегда, благонадежно же и честно житіе, ими же удобовосхищаемо бываетъ царство небесное, ему же нѣсть ничто же точно отъ всѣхъ сущихъ. Аще сице вооружаеши себе всегда и тѣмъ образомъ тщишися веселити Владыку своего, радуйся и веселися, якоже Господь твой повелѣваетъ: твоя бо есть мзда велія на небесѣхъ“ (1).

Къ счастію Максима, въ Твери былъ въ это время архипастырь достойный во всѣхъ отношеніяхъ. Акакій, архіепископъ тверской, съ благочестіемъ соединялъ смѣ-

(1) Москвит. стр. 80.

лость, способную дѣлать правду независимо отъ того, чтб скажутъ объ этомъ другіе, забывшіе о правдѣ. Не смотря на преслѣдованіе Максима московскимъ митрополитомъ и нелюбовь къ нему самого великаго князя, добродушный пастырь принялъ страдальца со всею любовію, какая невольно раждалась къ невинному узнику. Онъ часто приглашалъ его къ своей трапезѣ (¹), и здѣсь въ откровенной бесѣдѣ выражалъ все свое сожалѣніе о несчастномъ страдальцѣ. Недаромъ Максимъ называетъ Акакія въ своихъ сочиненіяхъ „боголюбивымъ епископомъ и промысленникомъ" своимъ. Даже послѣ того, какъ Максимъ, любившій говорить правду, написалъ, по случаю пожара въ Твери, обличительное и очень непріятное для тверскаго архипастыря слово (²), въ которомъ доказывалъ, что благочестіе тверитянъ состоитъ больше „въ пѣніихъ красногласныхъ боголѣпныхъ священниковъ, и шумѣ доброгласномъ свѣтлошумныхъ колоколовъ" и въ исполненіи другихъ внѣшнихъ обрядовъ, чѣмъ во внутреннемъ служеніи Богу,— Акакій не переставалъ оказывать любовь и вниманіе къ страдальцу обличителю, хотя другіе и были недовольны за это Максимомъ и даже требовали, чтобы онъ не писалъ подобныхъ нравоучительныхъ словъ, что, разумѣется, не было исполнено Максимомъ.

Утѣшенный вниманіемъ Акакія, Максимъ рѣшился дать публичное оправданіе въ взведенныхъ на него винахъ, въ которыхъ не могъ принести оправданія на соборѣ 1531 года. Зная впрочемъ, что все зависитъ

(¹) Снес. Прав. Собес. 1861, ноябрь стр. 223.

(²) Москвит. стр. 84—91; Прав. Соб 1861, іюнь, стр. 260—276. Были и другія недоразумѣнія между Акакіемъ и Максимомъ. См. Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 421—423.

отъ воли великаго князя, безъ согласія котораго его не могъ бы заключить въ темницу никакой митрополитъ. Максимъ не прежде приступилъ къ исполненію своего намѣренія, какъ по смерти Василія Ивановича (1533 г.). И вотъ онъ пишетъ „исповѣданіе православныя вѣры", которымъ „извѣщалъ о Христѣ Іисусѣ всякаго православлаго, священника же и князя, что онъ по всему истиннѣйши есть православенъ инокъ, православную вѣру соблюдая цѣлу и непремѣнну и непорочну". Дѣйствительно, читая это „исповѣданіе" видишь, какой чистый сосудъ вѣры православной представлялъ въ себѣ преподобный Максимъ, и вмѣстѣ дивишься недобросовѣстности враговъ его, обозвавшихъ страдальца еретикомъ, который будто бы проповѣдывалъ „жидовская и еллинская ученія, аріанскія и македоніанскія и прочія пагубныя ереси". Изложивъ свое исповѣданіе вѣры, Максимъ прибавлялъ: „такова убо, вкратцѣ рещи, еже въ сердцѣ и на языцѣ моемъ имамъ и мудрствую о святѣй и непорочнѣй и христіанстѣй вѣрѣ, право и неблазненно мудрованіе. Почему ибо иному еретика мене называти нѣціи не ужасаются, да глаголютъ, да доведутъ, исправленія да сподобятъ мене, въ явѣ да обличатъ. Не отрѣваю исправленія, не стыжуся обличеній, дондеже отъ отеческія любви, съ миромъ и кротостію происходятъ". „По житію моему, замѣчалъ съ христіанскимъ смиреніемъ преподобный, и беззаконіемъ никто же инъ грѣшнѣйшій мене". Но „послухъ ми Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Богъ, яко кромѣ множества моихъ беззаконій ничтоже иное не свѣмъ себѣ, ни хульно что о святѣй и непорочнѣй христіанстѣй вѣрѣ, ниже лукавое что умыслихъ, и навѣтное на котораго вѣрна,

аще и озлобивъ мене бысть, или озлобляя видится". Максимъ прибавлялъ къ этому, что если онъ мудрствовалъ или нынѣ мудрствуетъ неправославно, то пусть будетъ онъ осужденъ съ злочестивымъ Аріемъ во тьму кромѣшную.

Но такъ какъ Максима обвиняли не только въ еретичествѣ, но и во враждѣ къ великому князю и къ русской державѣ, то преподобный счелъ нужнымъ, пиша „исповѣданіе вѣры", опровергнуть и эту клевету. „Азъ, писалъ онъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа просвѣщаемъ и наставляемъ безпрестани, всею душею молюся всѣхъ Владыцѣ и Содѣтелю, о милости, животѣ, здравіи и спасеніи и временѣхъ мирныхъ, и пребытіи и соблюденіи богохранимыя державы благовѣрнаго великаго князя русскаго Іоанна Васильевича, и о братѣ его князѣ Георгіѣ, десятижды по вся дни преклоняя немощныя колѣна моя о нихъ предъ царствующимъ на небесѣхъ Господомъ нашимъ и Богомъ, Іисусъ Христомъ; иже и свидѣтель мнѣ есть, яко истинно глаголю. Како убо нѣцыи безъ правды оклеветающе мене, измѣнника и врага богохранимѣй державѣ его называютъ? да не поставитъ имъ Господь Богъ сицевое прегрѣшеніе".

Въ заключеніе Максимъ писалъ, что если его слово истины непріятно для русскихъ властей, то зачѣмъ держатъ его здѣсь силою, зачѣмъ и призывали съ Аѳона. По правиламъ соборовъ, святители не судятъ внѣ своихъ предѣловъ, но должны знать каждый свою область. Поэтому если Маскимъ и неправославенъ, судъ надъ нимъ принадлежитъ вселенскому патріарху, а не русскимъ святителямъ. Если же онъ сдѣлалъ какое либо преступленіе въ Россіи, пусть докажутъ это, и въ

такомъ случаѣ Максимъ „не отрицался всякія смертныя казни“ (1).

Какъ ни много было правды въ словахъ Максима, участь его однакоже послѣ этого не перемѣнилась. Новый князь Иванъ Васильевичъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы понимать, кто былъ правъ и кто виноватъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія и въ судѣ надъ Максимомъ. М. Даніилъ былъ слишкомъ устойчивъ въ своихъ антипатіяхъ, чтобы могъ „многолѣтнюю“ вражду къ Максиму перемѣнить на милость къ нему. А крамольные бояре, правившіе за малолѣтствомъ Грознаго царствомъ, заняты были только тѣмъ, чтобы губить другъ друга. И невинный страдалецъ долженъ былъ ждать лучшаго будущаго....

Скоро впрочемъ обстоятельства перемѣнились, и Максимъ могъ надѣяться, что страданія его скоро прекратятся. Въ 1538 году умерла Елена, заступившая мѣсто безплодной Соломоніи. А въ 1539 году получилъ достойное возмездіе за свои подвиги и М. Даніилъ. Онъ былъ лишенъ митрополіи и посланъ въ заточеніе въ тотъ самый Волоколамскій монастырь (2), въ которомъ нѣсколько лѣтъ томился, по его волѣ, Максимъ. Мѣсто Даніила заступилъ Іоасафъ, пастырь симпатичный и способный на добро. При такомъ положеніи дѣлъ у Максима естественно могла родиться мысль снова засвидѣтельствовать предъ всѣми свою невинность. Но преподобный прежде, чѣмъ рѣшился писать новое оправ-

(1) «Исповѣданіе вѣры» напеч. въ Прав. Соб. 1859, янв. стр. 23—39; въ Ц. Ист. Пл. ч. II, стр. 235—302.

(2) Слов М. Евг. т. I, стр. 113; Обоз. дух. литер. Филар. стр. 188. Значитъ, мысль, будто Даніилъ былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь (Жур. Мин. Нар. Просв. стр. 246), не справедлива.

даніе себѣ и своимъ трудамъ по дѣлу книжнаго исправленія, счелъ долгомъ совѣсти примирить съ собою изгнанника—Даніила. Въ этомъ поступкѣ видна высокая душа, благородный характеръ человѣка, способнаго забыть въ несчастномъ ближнемъ врага своего. Самое же посланіе Максима къ Даніилу проникнуто такою почтительностію къ заточенному митрополиту, что трудно, не зная обстоятельствъ, предположить, чтобы оно было писано къ Даніилу уже въ то время, когда самъ онъ нуждался въ защитѣ и помощи другихъ. Сказавъ въ началѣ, что Слово Божіе заповѣдуетъ христіанину быть въ мирѣ со всѣми, Максимъ писалъ далѣе, что, повинуясь этой заповѣди, онъ рѣшился чрезъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей узнать расположеніе къ нему Даніила, и, извѣстясь, что заточенный митрополитъ по прежнему негодуетъ на невиннаго, вознамѣрился „краткими письмены излѣчить многолѣтнее не доброе мнѣніе“ о немъ Даніила. Для этого Максимъ сначала говоритъ, что онъ „о православной вѣрѣ ни мудрствовалъ, ни писалъ, ни училъ лукаво или хульно“, что если и осудили его „аки хульника и священныхъ писаній тлителя“, то не справедливо,—изъ-за „нѣкихъ малыхъ описей“, допущенныхъ имъ „не по ереси, ниже по лукавству нѣкоему“, но по немощи человѣческой, о чемъ Максимъ и предъявлялъ на соборѣ, прося прощенія грѣхамъ невѣдѣнія, хотя вмѣсто прощенія его въ оковахъ заточили и „различными озлобленіями озлобляли“. Максимъ писалъ далѣе, призывая во свидѣтеля Бога, что онъ и доселѣ находится „внутрь ограды благочестивыхъ правыхъ догматъ“, и желаетъ пребыть въ православной вѣрѣ „даже до послѣдняго издыханія своего,“ что сочиненія, написанныя имъ противъ латинъ, іуде-

евъ и „на прелесть сквернѣйшаго Моамееа“ лучше всего показываютъ это. Да и что за польза была бы спасенію моему, замѣчаетъ при этомъ Максимъ, „отъ многихъ сихъ скорбей и иноческихъ одеждъ и подвигъ, аще обрящусь недугуя хульнымъ кимъ мудрованіемъ о православной вѣрѣ христіанстѣй?“ Касаясь за тѣмъ своихъ отношеній къ митрополиту, Максимъ умолялъ Даніила не побѣждаться зломъ, но побѣждать благимъ злое. „Свѣмъ и помню добрѣ, яко опечалилъ есмь священную ти душу, и дважды и трижды не послушавъ тебе, въ нихъ же ми еси повелѣлъ тогда. И сіе вѣдомо мнѣ бысть, ими же твое преподобство тогда провѣщалъ еси съ негодованіемъ ко мнѣ судимому отъ тебе и соборнѣ испытуему. Реклъ бо еси ко мнѣ тогда: достигоша тебе, окаянне, грѣхи твоя, о немъ же отреклся превести ми священную книгу блаженнаго Өеодорита“. Объяснивъ за тѣмъ причину непослушанія своего, Максимъ прибавлялъ: „аще убо что согрѣшено ми бысть къ тебѣ по преслушанію и о томъ ся тебѣ каю: прости ми Господа ради, да и самъ сподобишься отъ него тоя же благодати и благословенія: понеже и ты, аки человѣкъ, повиненъ всяко еси ему по нѣчему“. Предполагая, что Даніилъ не захочетъ въ немилости своей къ Максиму признать личностей, преподобный продолжаетъ: „аще же преподобство твое, негодующе еще на мя, глаголетъ: не за нѣкое твое ко мнѣ преслушаніе, но за развращеніе церковнаго нѣкоего слова и праваго ученія возбранихъ тя по божественной ревности отъ пречистыхъ Божіихъ таинъ, аки хульника: къ симъ, святый владыко, оно паки отвѣщаю твоему преподобству: свидѣтель вамъ отъ мене Самъ той, иже всѣхъ неумытный Судія, яко ничтоже отнюдь таково что

отъ мене по лукавству дерзнуто бысть.... ниже тогда, ниже нынѣ“, и при этомъ указываетъ на свое „исповѣданіе вѣры“, о которомъ уже была рѣчь. Въ заключеніе Максимъ говоритъ, что теперь онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы утишить гнѣвъ владыки, и если Даніилъ будетъ оставаться при прежнемъ своемъ недобромъ мнѣніи о Максимѣ, тогда разсудитъ ихъ самъ Богъ на судѣ своемъ. „А я тебѣ, государю моему, много челомъ бью о земли многогрѣшный черноризецъ Максимъ святогорецъ“ (¹). Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела на Даніила эта искренняя исповѣдь Максима. Скорая смерть митрополита (2 февраля того же 1539 года) избавила Максима отъ труда писать ему новыя „посланія“, если первое осталось безъ дѣйствія.

За то тѣмъ съ большею свободою Максимъ могъ писать теперь въ оправданіе свое—тѣмъ, въ рукахъ которыхъ была власть. И вотъ онъ пишетъ два „слова отвѣщательныхъ о исправленіи книгъ,“— одно на имя бояръ, другое новому митрополиту Іоасафу. Сказавъ въ первомъ словѣ, что намѣренъ писать боярамъ „ниже лаская“ имъ, „аки желая получить славу нѣкую привременную, и отраду отъ лютыхъ, въ нихъ же обдержимь лѣтъ уже 19“,—но по божественной ревности и чтобы показать, что онъ не еретикъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, и не портитъ книгъ,—Максимъ исчисляетъ далѣе замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки и, доказавъ ихъ неправильность, обращается къ боярамъ съ слѣдующими словами; „вы же благовѣрнѣйшіи и славнѣйшіи

(¹) Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 265 — 272; прав. Соб. 1861, сент. и окт.

князи и бояре судите, молю вашея честности, аще ненависти достоинъ азъ сихъ ради? И аще праведнѣ есть оклеветатися, аки еретикъ отъ нѣкіихъ, и отлучитися сообщенія вѣрныхъ, и святыхъ Божіихъ даръ толико лѣтъ? Писано есть въ святыхъ евангеліяхъ: отъ словесъ твоихъ оправдишися, и отъ словесъ твоихъ осудишися. Аще убо и азъ праведна и достовѣрна глаголю, покажите ко мнѣ бѣдному благость и милость, аки благовѣрніи и нелицемѣрніи судіи, и отъ лютыхъ сихъ, имиже содержимъ есмь лѣта уже многа, и отъ неправедныя клеветы, еюже оклеветаемь есмь, избавите мя, да и азъ сподоблюся со всѣми благовѣрными молитися всѣхъ Содѣтелю и Владыцѣ о мирѣ, милости и многолѣтномъ здравіи, и побѣдѣ на враги, благовѣрнаго самодержца великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и о всѣхъ васъ. Аще же неправедна и безмѣстна глаголю, да не презрите мене, молю вы, безъ пути заблуждающа, и душепогибающа безуміемъ моимъ: но съ приличнымъ прилѣжаніемъ устроите исправленіе мое и спасеніе, и даруйте мнѣ, молю ваше благовѣріе, еже во святую гору возвращеніе, да идѣже отъ юности моея многи и различны труды духовные же и тѣлесные положихъ о надеждѣ спасенія, тамо и кости моя смиренны положатся... Почто же и держимъ есмь здѣ? ни во что же прочее азъ потребенъ есмь вамъ". Сказавъ за тѣмъ, что Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, что иноки обязаны жить тамъ, гдѣ дали свои обѣты, Максимъ продолжаетъ: „вы оттуду (съ Аѳона) призывасте мя, и приведосте мя здѣ служити ми вамъ на время, въ чемъ потребовасте; и благодатію Христовою споспѣшествуемъ, вѣрно послужихъ государскимъ вашимъ повелѣніямъ, лѣта многа. Нынѣ же праведно

есть предъ Богомъ и человѣки, и вашему благовѣрію пригодно, даровати мнѣ сію благодать вмѣсто всѣхъ прежнихъ трудовъ моихъ и многолѣтнаго сего озлобленія, его же терпѣхъ праведнѣ ли, или ни, праведный Судія вѣсть, иже воздаетъ комуждо по дѣломъ его“ (¹).

Въ словѣ—митрополиту Іоасафу, излагая тѣже мысли касательно книжнаго исправленія, показывая другія ошибки въ книгахъ, произшедшія отъ незнанія переводчиками греческаго языка, который, по словамъ Максима, „зѣло есть хитрѣйшій, и не всякъ можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей,“ и то „аще грекъ будетъ и умомъ остръ,“—преподобный въ заключеніе писалъ: „аще убо будетъ что глаголано добрѣ и прямѣ, благодареніе Богу учащему человѣка: аще ли же ни, по прочитаніи сего слова раздравъ бумагу ввержи въ огнь, а меня худоумнаго поучати святительски вкупѣ и отечески благоизволи. Радъ есмь исправленію, не отрицаюся обличеній, изъ любви духовныя происходящихъ“ (²).

Неизвѣстно, что сдѣлали по просьбѣ Максима бояре. Но думаютъ, что митрополитъ Іоасафъ понялъ невинность страдальца и вознамѣрился по возможности облегчить его участь. Не въ состояніи будучи освободить Максима отъ оковъ, онъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, разрѣшилъ его по крайней мѣрѣ отъ запрещенія пріобщаться св. Таинъ (³). Къ сожалѣнію, мы должны ска-

---

(¹) Церк. Истор. м. Плат. Ч. II, стр. 302—322.
(²) Церк. Истор. м. Плат. стр. 323—326; свес. Моск. стр. 61.
(³) Слов. м. Евг. т. II, стр. 31; Жур. М. Нар. Просв. стр. 246; Моск. стр. 61; Истор. русск. церк. пр. Филар. III, стр. 149.

зать, что это несправедливо. Въ посланіи къ митрополиту Макарію, преемнику Іоасафа, Максимъ еще жаловался, что онъ лишенъ права пріобщаться св. Евхаристіи, и просилъ Макарія избавить его отъ этого тяжкаго наказанія, которое, замѣчалъ Максимъ въ посланіи, несъ онъ уже 17 лѣтъ ([1]).

Въ 1542 году митрополитъ Іоасафъ былъ лишенъ крамольными боярами своей каѳедры и заключенъ въ Бѣлозерскій монастырь ([2]). На его мѣсто, по единодушному согласію, избранъ былъ (19 марта того же года) новгородскій архіепископъ Макарій ([3]). При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, Максимъ могъ надѣяться на многое. Кто же лучше Макарія могъ оцѣнить преподобнаго и понять его правоту? Макарій самъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ самъ искренно преданъ былъ ученымъ занятіямъ; онъ самъ лучше всякаго другаго видѣлъ неисправность тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ и старался объ ихъ исправленіи. Такому ли архипастырю было не отозваться

([1]) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 364. Объ этомъ же писалъ Максимъ и въ «посланіи къ князю Петру Шуйскому» (Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 418). Прибавивъ къ 1525 году, въ который осужденъ Максимъ, 17 лѣтъ, получимъ 1542 или даже 43 годъ. Значитъ, несправедлива мысль, будто Максимъ получилъ позволеніе пріобщаться св. Таинъ еще въ 1541 году (Моск. стр. 61). Какимъ же образомъ могла явиться мысль, что Максимъ былъ разрѣшенъ еще м. Іоасафомъ? Къ такому ошибочному мнѣнію подало поводъ «сказаніе о Максимѣ грекѣ», въ которомъ дѣйствительно говорится, что Максимъ «ослабу улучи отъ епископа тверскаго Акакія по благословенію м. Іоасафа: къ церкви хожденія и св. Таинъ пріобщенія» (Карамз. Т. VII, примѣч. 345). Но всякій согласится, что «сказаніе» менѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ свидѣтельство самого Максима.

([2]) Карамз. т. VIII, стр. 70; Истор. р. церк. Фил. III, стр. 34—5; Истор. Росс. Іерарх. Ч. I. стр. 57.

([3]) Карамз. т. VIII, стр. 72 и прим. 120; Слов. м. Евг. т. II, стр. 11.

на мольбы несчастнаго инока аѳонскаго,—свѣтильника вѣры православной, мужа ученѣйшаго, человѣка не только способнаго на труды книжные, но и любившаго эти труды болѣе всего въ жизни? И мы видимъ, что Максимъ питалъ большія надежды на новаго митрополита. Собравъ нужныя свѣдѣнія о Макаріѣ „чрезъ многихъ достовѣрныхъ людей, наипаче же отъ самаго боголюбиваго епископа тверскаго Акакія, велегласнаго проповѣдника добродѣтелей" новаго митрополита, Максимъ рѣшился написать Макарію посланіе (¹), въ которомъ не находитъ словъ, чтобы достойно восхвалить архипастырскія достоинства преемника Іоасафова, — его заботливость о благоустройствѣ церковномъ, его ревность о наставленіи заблуждающихъ, его смѣлость предъ людьми вліятельными, но требовавшими вразумленій, его справедливость и милость къ страждущимъ и несчастнымъ. Рѣчь Максима по мѣстамъ дышетъ такою восторженностію, иногда онъ употребляетъ такія сильныя выраженія, что преподобный счелъ нужнымъ оговориться, что онъ пишетъ такъ не „ласкательнѣ", но на основаніи самыхъ достовѣрныхъ слуховъ (²) и по „любви къ благовѣрію" (³), представителемъ котораго въ глазахъ Максима былъ Макарій. Впрочемъ, восхваляя Макарія, Максимъ не забылъ и себя. Послѣ извиненія въ томъ, что онъ осмѣлился утруждать митрополита своимъ посланіемъ, преподобный начинаетъ рѣчь о своихъ собственныхъ нуждахъ, проситъ Макарія дозволить ему „божественныхъ Спаса Христа даровъ причастіе", котора-

---

(¹) Оно помѣщено въ Прав. Собес. 1861, сент. стр. 357—367.
(²) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 358—9.
(³) Тамже стр. 363.

го Максимъ лишенъ былъ уже 17 лѣтъ. „Свидѣтель отъ мене твоему преподобству, писалъ Максимъ въ свое оправданіе, самъ единъ Сердцевѣдѣцъ, иже тайны тмы дѣла и помышленія открыти и обличити хощетъ, на страшномъ своемъ второмъ пришествіи, яко ничтоже лукаво, ни хульно о православнѣй вѣрѣ вашей же и моей ниже свѣмъ себе, ниже писахъ отнюдъ, ниже глаголахъ, яко же нѣціи оболгаша мене"... Самъ Макарій легко могъ убѣдиться въ невинности и православіи Максима; но онъ зналъ. что противъ преподобнаго были бояре — крамольные и самоуправные, и потому могъ затрудняться признаніемъ Максима невиннымъ. Устраняя это затрудненіе, преподобный писалъ, что онъ предъ боярами уже засвидѣтельствовалъ „свою православную вѣру свѣтлѣ и безъ обиновенія, благодатію покланяемаго божественнаго Параклита просвѣщенъ бывъ и укрѣпленъ". Обращаясь снова къ клеветамъ. которыя взводили на Максима, преподобный въ доказательство невинности своей употребляетъ даже клятву, хотя и сознается, что прибѣгаетъ къ такому средству оправданія съ крайнимъ прискорбіемъ, только въ слѣдствіе настоятельной нужды. „И аще азъ солгахъ ли коли благовѣрію вашему книжнымъ дѣломъ, или нынѣ лжу, или ина убо мудрствую въ мысли, иноже глаголю къ вамъ или пишу,—да попустить праведный Судія и на мене тую же проказу Гіезіину и горкое оно умертвіе Аріево. Увы мнѣ окаянному, въ какову нужу клятвенную доидохъ окаянный азъ!" Въ заключеніе Максимъ опровергаетъ другую клевету, будто онъ — врагъ русскому царству, и проситъ Макарія отпустить его на Аѳонъ. „Самаго Содѣтеля и Владыку всѣхъ Іисуса Христа, единаго сердцевѣдца, призываю свидѣтеля вамъ господамъ

моимъ на душу мою, яко чистъ есмь отъ всѣхъ, ихъ же на мене глаголаша суперники мои, имъ же Судія Богъ, и яко изначала и до сего часа доброхотенъ богомолецъ благочестивыя державы вашея и быхъ и есмь и буду, до конца и здѣ и вездѣ, по заповѣди Спасовѣ, юже презираяй спасенія не улучитъ. Благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворити милость о мнѣ бѣдномъ, дадите ми видѣти святую гору, молитвенницу всей вселеннѣй, отдадите мя вашимъ богомольцомъ преподобнымъ отцемъ и братіи моей, умилени будите христіанолѣпнѣ ихъ къ вамъ о мнѣ молитвами и слезами; не изволите явитися преслушающе богомольца вашего вселенскаго патріарха, моляща васъ о мнѣ; праведенъ онъ и благочестивъ архіерей, якоже и всѣ вы".

Послѣдними словами препод. Максимъ указываетъ на ходатайство объ немъ аѳонской братіи и даже самого вселенскаго патріарха. Неизвѣстно, какъ и когда (¹) просили о Максимѣ подвижники св. горы; но памятникомъ ходатайства за Максима цареградскаго патріарха Діонисія служитъ его посланіе къ царю Ивану Васильевичу. Въ этомъ посланіи, послѣ обычныхъ привѣтствій и благожеланій, патріархъ отъ своего имени, отъ имени Германа патріарха іерусалимскаго, бывшаго въ это время въ Константинополѣ, отъ лица освященнаго собора митрополитовъ и епископовъ (числомъ до 70), собравшихся въ Царьградъ для поставленія Діонисія (²), про-

---

(¹) Еще въ посланіи м. Варлааму Аѳонимъ отъ лица братіи монастыря писалъ: «да отошлете паки къ намъ здравыхъ братію нашу» (Акт. Истор. № 122, стр. 176). Потомъ, какъ увидимъ ниже, братія аѳонская просили александрійскаго патріарха—вступиться за Максима.

(²) Значитъ, посланіе писано въ іюнѣ 1544 года, въ который Діонисій былъ избранъ и посвященъ въ патріарха (Хр. Чт. 1861, авг. стр. 81), а не въ 1545 году (Моск. ст. 62).

силъ Ивана Васильевича Грознаго „помиловать и отпустить бѣднаго и убога и странна Максима инока на старость уже дошедша и близь суща смертныхъ вратъ, да сподобится возвратитись въ землю свою и погребатись въ постриженіи своемъ, еже во святѣй горѣ и во обѣтѣхъ его иноческаго житія своего“. Патріархъ писалъ довольно сильно, замѣчая, что въ противномъ случаѣ царь русскій „самому Богу погрубитъ“ и патріарховъ „богомольцевъ своихъ оскорбитъ“ (1). А въ 1545 году отъ 4 апрѣля прислано было въ Москву на имя великаго князя другое посланіе отъ александрійскаго патріарха Іоакима, въ которомъ святитель, послѣ привѣтствій, наставленій и благожеланій Ивану Васильевичу, писалъ ему слѣдующее: „слово имамы мало прошеніе глаголати царствію твоему, и молимъ, да услышишь внятно. Ту въ земли царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ инокъ отъ св. горы аѳонскія, учитель православныя вѣры, имя ему Максимъ, егожъ отъ дѣйства діаволя и злыхъ человѣкъ козней, опалился нань величайшее царствіе твое и крѣпцѣ вверглъ его въ темницахъ и узахъ нерѣшимыхъ, и не можетъ ни туды, ни сюды ходити и учити, якоже Богъ даровалъ есть ему. О немъ бо слышахомъ и писанія пріяхомъ отъ многихъ и великихъ человѣкъ сущихъ ту, глаголю, отъ св. горы Аѳонскія: яко той именемъ Максимъ связанный отъ царства твоего, неправедно связанъ есть и поиманъ отъ царства власти твоея“. Сказавъ далѣе, что такой поступокъ недостоинъ православнаго христіанина, и осо-

(1) Посл. напечат. въ журн. Мин. Нар. Просв. 1834. № VIII, стр. 272—5.

бенно царя, обязаннаго быть справедливымъ, что можно еще такъ обращаться съ людьми недоброжелательными и злыми, но ничуть не съ иноками, и особенно не съ Максимомъ, который тѣмъ только и виноватъ предъ русскимъ царствомъ, что училъ и „пользовалъ“ его подданныхъ,—Іоакимъ продолжалъ: „сего ради молимъ царствіе твое, да егда узриши наше писаніе, да освободишь вышеписаннаго инока Максима и да даси ему всяку волю и свободу идти, идѣже аще хощетъ, и наипаче въ постриженіи его. Помози и поспѣши ему, поелико Богъ положитъ въ сердци твоемъ, по похвальному обычаю царствія твоего, и не хоти посрамити насъ о семъ; аще бо послушаешь словесъ моихъ царствіе твое. имати будеши похвалу отъ Бога и отъ человѣкъ, и отъ насъ молитву и благословеніе“. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на великаго князя, патріархъ писалъ въ заключеніе, что онъ первый разъ обращается съ просьбой къ Ивану Васильевичу, и потому въ правѣ надѣяться на его вниманіе. „Николи же бо писахъ къ тебѣ, ни просихъ прошеніе, ни утѣшеніе: да не оскорби убо мене о семъ и понудиши мене писати иное писаніе царствію твоему, второе моленіе и прошеніе, зане не престану отъ таковаго прошенія и моленія, дондеже услышитъ мене веліе царствіе твое и даруеши мнѣ такова человѣка“ (1).

Неизвѣстно, писалъ ли еще патріархъ Іоакимъ Ивану Васильевичу, согласно своему обѣщанію, но Максимъ не былъ освобожденъ и отпущенъ на Аѳонъ по-

(1) Посл. это помѣщ. въ 1 т. доп. къ акт. Истор. подъ № 297 и въ Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 275—8

слѣ перваго письма александрійскаго архипастыря. Подозрительная политика того времени не любила исполнять подобныя просьбы, не смотря на то, что Максимъ болѣе и болѣе представлялъ доказательствъ своей невинности и своихъ добрыхъ отношеній и чувствъ къ Россіи. Въ 1541 году, когда Москва обрадована была неожиданнымъ бѣгствомъ изъ Россіи грозныхъ полчищъ крымскаго хана, Максимъ въ тверскомъ заточеніи воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Богу за спасеніе Россіи (1). Не много нужно было ума, чтобы понять, что человѣкъ, котораго обвиняли въ недоброжелательныхъ для Россіи сношеніяхъ съ врагами ея, не могъ, если бы это была правда, радоваться тому, что Россія избавилась отъ одного изъ враговъ своихъ. Или— не могъ скорбѣть, видя внутренніе безпорядки и неустройства русскаго царства, какъ дѣлалъ это Максимъ, когда, будучи пораженъ наглымъ поступкомъ бояръ съ митрополитомъ Іоасафомъ, изобразилъ безъ страха тогдашнее состояніе русскаго царства подъ образомъ жены, окруженной лютыми звѣрями, одѣтой въ рубище, сѣдящей при пути (2). Первое обстоятельство люди неблагонамѣренные еще могли объяснить лицемѣріемъ изъ желанія получить облегченіе страданіямъ. Но какъ объяснить послѣдній фактъ? Можно—не инымъ чѣмъ, какъ только искреннимъ доброжелательствомъ Максима къ Россіи.

Какъ видно изъ посланія Максима къ митрополиту Макарію, преподобный зналъ о ходатайствѣ за него

---

(1) Моск. стр. 62; Ж. М. Н. Просв. стр. 262—3.
(2) Прав. Соб. 1861, авг. стр. 319—337; снес. Моск. стр. 62.

предъ великимъ княземъ восточныхъ патріарховъ. Быть можетъ, ободренный этимъ обстоятельствомъ, Максимъ рѣшился написать Ивану Васильевичу посланіе и отъ себя лично, чтобы общими просьбами скорѣе умилостивить Грознаго. Преподавъ наставленіе великому князю, сказавъ, что́ особенно требуется отъ царя и чего онъ долженъ избѣгать, чтобы царство его наслаждалось благоденствіемъ, Максимъ въ концѣ посланія обращается къ Ивану Васильевичу съ такою рѣчью: „благовѣрнѣйшій царю! молю преславную державу благовѣрія твоего, прости мя въ томъ, яко не обинуяся глаголю пригодная ко утверженію богохранимыя державы твоея и всѣхъ свѣтлѣйшихъ твоихъ вельможъ; долженъ бо есмь, ово убо прещенія ради онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ Господа своего въ землю, ово же за премногое бреженіе и честь, еяже сподобилъ мене девять лѣтъ государь мой, приснопамятный отецъ твой государевъ, князь великій самодержецъ всея Русіи, Василій Іоанновичъ, иже и большія бы чести сподобилъ мене впредь, аще не бы, по грѣхомъ моимъ, поклепали мене государю моему преславному нѣціи небратолюбцы, имъ же Богъ судія. Инъ убо ино что отъ многоцѣнныхъ и маловременныхъ красныхъ міра сего мимоходящаго да принесетъ благовѣрному царствію твоему, азъ же убогій, ихъ же стяжахъ, лучшее, глаголю жѐ, слово растворенное солію писанное приношу тебѣ царю преславному, егоже и пріемъ, со обычною тихостію твоею, воздаруй ми рабу твоему и богомольцу нищему еже во святую гору возвращеніе, щедротъ ради Христовыхъ. отпусти мене съ миромъ отсюду, да же и тамо всею душею и языкомъ и веселымъ сердцемъ проповѣдаю и величаю превосходящую славу благоврѣныя

державы царствія твоего, и чистѣйшею мыслію и сердцемъ радостнымъ молитвы возсылаю о крѣпкомъ царствѣ твоемъ къ царю небесному Іисусъ Христу Богу твоему". Максимъ прибавлялъ при этомъ, что Русь больше въ немъ не нуждается, такъ какъ все, что могъ, онъ сдѣлалъ для нея; между тѣмъ на Аѳонѣ — „скудость отъ всѣхъ потребныхъ на составленіе и устроеніе многолюдныя обители," — тамъ можетъ быть пригоденъ и Максимъ (¹).

Но что значили для московскаго двора временъ Грознаго нужды смиренныхъ иноковъ Аѳонской горы, когда онъ не считалъ себя обязаннымъ исполнять справедливыя просьбы самихъ патріарховъ восточныхъ? И Максима по прежнему продолжали держать въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ. Не извѣстно даже, было ли разрѣшено ему въ это время пріобщаться св. Таинъ. Въ посланіи къ Ивану Васильевичу нѣтъ рѣчи объ этомъ предметѣ. Но это не значитъ, что не было и нужды въ подобной рѣчи. Максимъ могъ не упоминать предъ царемъ о тяготѣвшемъ на немъ запрещеніи, такъ какъ снять это запрещеніе могъ одинъ только митрополитъ.

Что же сдѣлалъ въ этомъ отошеніи митрополитъ Макарій, на котораго Максимъ такъ много надѣялся и которому писалъ свое посланіе? Макарій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять невинности страдальца, но и на столько робокъ и уклончивъ (²), что не могъ сдѣлать что либо рѣшительное. Макарій написалъ Мак-

---

(¹) Правос. Соб. 1861, Сент. стр. 346—357.
(²) Снес. Истор. о раск. Пр. Игнат. стр. 105 и 109.

симу утѣшительное письмо, въ которомъ съ похвалою отозвался о сочиненіяхъ преподобнаго, просилъ его присылать ихъ къ нему — митрополиту на будущее время, и даже послалъ Максиму „денежное благословеніе“. Но не то нужно было Максиму, или вѣрнѣе: всего этого было слишкомъ мало для невиннаго страдальца. Максиму нужна была свобода отъ оковъ и особенно—позволеніе пріобщаться св. Таинъ. Касательно же этихъ пунктовъ Макарій на первыхъ порахъ ничего новаго и хорошаго не сдѣлалъ для Максима. О первомъ онъ писалъ: „узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ“. Касательно же втораго пункта Максиму совѣтывали пріобщаться св. Евхаристіи „въ тай и съ лестнымъ недугомъ, или и истиннымъ“, т. е., будучи не въ силахъ снять съ Максима осужденіе публично, рекомендовали ему пріобщаться секретно, подъ предлогомъ болѣзни, или даже—заболѣть для этого. Но правдивая душа преподобнаго не была способна ни на малѣйшую ложь. Въ отвѣтъ на такой совѣтъ Максимъ писалъ: „аще отнюдь достоинъ имъ судимъ есмь божественныхъ Таинъ причастію въ тай и съ лестнымъ недугомъ, или и истиннымъ: чесо ради мнѣ возбраняютъ отъ того въ явѣ и предъ всѣми людьми? Азъ сокровеннѣ и со лжею причащатися божественныхъ Таинъ нѣсмь ученъ отъ святыхъ апостолъ и преподобныхъ отецъ нашихъ. Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите, на всякъ день призываетъ іерей вѣрныя, въ явѣ показуя имъ покрытъ священный потиръ. И божественный пѣснопѣвецъ: молитвы моя Господеви воздамъ предъ всѣми людьми Его, во дворѣхъ дому Господня, посредѣ тебе Іерусалимъ; а не глаголетъ сокровеннѣ и на постели лежа съ лест-

нымъ недугомъ, якоже тіи мнѣ совѣтуютъ“. Кто же давалъ Максиму совѣтъ пріобщаться тайно? На этотъ вопросъ трудно сказать что либо опредѣленное. Видно только, что не митрополитъ, но кто либо изъ лицъ, расположенныхъ къ преподобному. Можно даже думать, что такой совѣтъ поданъ былъ Максиму не друзьями его, а врагами, которые могли видѣть въ немъ средство къ новымъ обвиненіямъ преподобнаго. Если бы Максимъ согласился на такой совѣтъ, его могли обвинить въ непослушаніи церковной власти, въ нарушеніи церковныхъ правилъ, въ самовольствѣ. Когда же преподобный отказался тайно пріобщаться св. Таинъ, не получивъ на это публичнаго разрѣшенія, на него явилась новая клевета, будто Максимъ не хочетъ пользоваться милостію потому, что требуетъ на новомъ соборѣ формальнаго себѣ оправданія. А это значило—судъ митрополита Даніила и особенно великаго князя Василія, отца Грознаго, признать несправеливымъ, — дѣло щекотливое и небезопасное. Опровергая эту клевету, преподобный писалъ Макарію: „ниже суда вопрошахъ предъ съвръшенымъ соборомъ, ниже отметаюся причастія безъ суда соборнаго; да не будетъ, Владыко святый! не внимай отнюдъ, молю тя, таковыхъ не праведныхъ оглаголаній, имиже клевещутъ мя. Азъ же глаголахъ къ нимъ, стужая имъ о еже подати мнѣ божественное причастіе: яко аще имате отнюдь сумнѣніе о яже во мнѣ православнѣй вѣрѣ и сблажняетесь о мнѣ: прочтите у себе ливель (libellum, вѣроятно, „исповѣданіе вѣры“), его же писахъ о живущей во мнѣ вѣрѣ со всякою истиною. И аще убо достоинъ есмь милости и прощенія: слава преблагому Богу! Аще же нѣгдѣ погрѣшаю отъ православныя вѣры, исправте мя духомъ

кротости апостололѣпнѣ. Съ радостію бо пріиму исправленіе и благодаря буду вамъ зельнѣ. Таковъ отвѣтъ Владыко азъ къ нимъ сотворихъ, о Богѣ свидѣтелѣ (1). Оно же не рекохъ, имъ же они клевещутъ мене неправеднѣ, яко аще не дадите ми судъ, не пріиму отъ божественнаго причастія. Ни, владыко святый, ни! свидѣтель неумытный Судія, ничтоже таково никогда же рекохъ, ниже нынѣ глаголю. Господа ради не пріими отнюдь таковыя клевѣты. Милость Владыко выну просихъ и нынѣ прошу отъ Бога самого и отъ твоего преподобства, а не судъ, ни разсужденіе соборное (2)". хотя, разумѣется, Максимъ, сознавая свою правоту, не могъ бояться новаго изслѣдованія дѣла.

(1) Эти слова наводятъ на мысль, не бояре ли давали Максиму совѣтъ пріобщаться тайно. Имъ Максимъ писалъ «слово отвѣщательное о исправленіи книгъ русскихъ», въ которомъ просилъ разрѣшить ему пріобщеніе св. Таинъ и ссылался въ доказательство своего православія на свое «исповѣданіе вѣры», называя его «книжицею» (libellum) и прося, въ случаѣ, если онъ погрѣшаетъ, вразумить и исправить его (Церк. Истор. Плат. ч. II, стр. 303 и 320—1). Въ такомъ случаѣ понятнымъ дѣлается такой странный совѣтъ. Лице духовное, знавшее силу запрещеній церковныхъ, едва ли бы рѣшилось дать его.

(2) «Посланіе», въ которомъ Максимъ отрекается пріобщаться тайно и изъ котораго мы заимствовали представленныя выше свѣдѣнія, напечатано въ Москвит. стр. 91—6. Это посланіе обыкновенно относятъ къ 1541 году и думаютъ, что оно писано Максимомъ м. Іоасафу (Обз. дух. Лит. стр. 196; Ж. М. Н. Пр. стр 260; Москв. стр. 91). Мы полагаемъ, что это посланіе писано м. Макарію и нераньше 1546—7 года. Основанія для этого слѣдующія. Въ этомъ посланіи Максима и въ другомъ, писанномъ имъ Макарію (Прав. Соб. 1861, Септ. стр. 357—367), есть весьма много сходства. Въ посланіи къ Макарію Максимъ хвалитъ его за разнаго рода церковныя исправленія, за «обильное ученіе безъ обиновенія», за милость єко всѣмъ подручникомъ, наипаче же къ требующимъ милости и заступленія сирымъ и вдовицамъ и лихоимствуемымъ безчеловѣчнѣ нищимъ и убогимъ и приходящимъ иноземцемъ страннымъ». И въ посланіи, которое признаютъ написаннымъ Іоасафу,

Какъ бы то ни было, только и въ 1546—7 году страдальческая участь Максима не перемѣнилась. По его собственнымъ словамъ, онъ „подложенъ" былъ въ это время тремъ наказаніямъ: „божественныхъ Таинъ не причастію, лишенію возвращенія еже во святую гору, и лишенію всѣхъ книгъ и иныхъ нѣкихъ житейскихъ

Максимъ пишетъ: «чего ради таково неправдованіе презираеши, святый Владыко, безъ исправленія? Кто тебѣ въ церковныхъ строеніихъ вышше въ земли рустѣй, или кто тебѣ словеснѣйшій и ко обидимымъ милостивѣйшій? Кто противляйся тебѣ, преосвященнѣйшій? колико обидимыхъ изъ темницъ и отъ узъ разрѣшилъ еси? заточенныя воззвалъ еси, присмертныя оживилъ еси?.. Владыко святый! воля Господа Бога, да твоя»... Макарію, котораго, по словамъ Максима (Прав. Соб. 1861, сент. стр. 360), Иванъ Васильевичъ «благопокорнѣ слушалъ, принималъ его архіерейскіе совѣты и поученія» и исполнялъ ихъ на дѣлѣ, можно было сказать: «кто противляйся тебѣ»?... Но къ Іоасафу, бывшему митрополитомъ въ правленіе крамольныхъ бояръ, изгнавшихъ святителя, эти слова неприложимы. Самая характеристика лица, которому писано Максимомъ посланіе, адресованное будто бы Іоасафу, болѣе прилична Макарію, чѣмъ Іоасафу. Это лице послало Максиму «писаніе исполнь премудрости и разума духовнаго», въ которомъ «хвалило зѣло списанія» Максимовы, «зельнымъ духовнымъ желаніемъ повелѣвало» преподобному присылать ихъ къ нему, въ слѣдствіе чего Максимъ и 'послалъ митрополиту «тетрадки десять.» — Все это такъ и наводитъ на мысль о Макаріѣ, архипастырѣ просвѣщенномъ, любознательномъ, трудолюбивомъ. Далѣе: въ концѣ посланія есть такого рода замѣтка: «аще кто противляся речетъ, яко связавый паки разрѣшитъ, да вѣсть сицевый, яко еже по Бозѣ и правдѣ связано, инъ разрѣшити не можетъ, *живу сущу связавшему*». Если посланіе писано Іоасафу въ 1541 году, какъ думаютъ, то кого же разумѣть подъ связавшимъ Максима, еще живымъ въ то время? Даніилъ умеръ въ 1539 году 2 Февраля (Истор. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 57; Слов. м. Евг. ч. II, стр. 113), а великій князь Василій Ивановичъ—въ 1533 году. Если же допустить, что посланіе писано Макарію, въ такомъ случаѣ эти слова можно относить къ Іоасафу, который также, какъ и Даніилъ, могъ признавать осужденіе Максима справедливымъ, и который жилъ нѣсколько времени при митрополитѣ Макаріѣ (снес. Истор. росс. іерар. ч. I, стр. 57—8). Въ заключеніи посланія Максимъ убѣждаетъ митрополита подражать св. Амвросію, который смѣло возсталъ противъ несправедливости и жестокости Θеодосія и даже отлучилъ его на время отъ церкви. Къ Іоа-

потребъ“ (¹). Нельзя сказать, чтобы Максимъ, находившійся въ Твери, не имѣлъ преданныхъ и благожелательныхъ ему лицъ въ Москвѣ. Онъ самъ упоминаетъ объ „инокѣ Алексѣѣ, протосинтелѣ и судохранителѣ“ митрополичьемъ, который переписывался съ преподобнымъ и извѣщалъ его о настроеніи умовъ при дворѣ и митрополитѣ (²), а—также о другомъ „вѣрномъ служебникѣ“ митрополичьемъ, по имени Андреѣ, чрезъ котораго Максимъ сносился съ митрополитомъ, посылая ему свои „десять тетрадокъ“ (³). Былъ въ перепискѣ Максимъ и съ другими, болѣе вліятельными въ то время лицами, напр. съ княземъ Петромъ Шуйскимъ, который посѣщалъ Максима и бесѣдовалъ съ нимъ (⁴),

---

сафу подобный совѣтъ опять не приложимъ, потому что при немъ Иванъ Васильевичъ не управлялъ дѣлами царства, находившимися въ рукахъ бояръ. Наконецъ послѣднее самое сильное доказательство того, что разсматриваемое нами посланіе писано Максимомъ митрополиту Макарію, а не Іоасафу, мы находимъ въ «посланіи» преподобнаго къ «Адашеву» (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 382 — 6). Здѣсь Максимъ пишетъ, что вмѣстѣ съ «тетрадкой» Адашеву онъ посылаетъ чрезъ Андрея Семенова «десять тетрадки къ государю преосвященному митрополиту», и еще ему же «посланейцо», которое совѣтуетъ Адашеву прочитать. А въ посланіи, писанномъ будто бы Іоасафу, Максимъ также упоминаетъ о десяти тетрадкахъ, которыя посылаетъ митрополиту и именно съ «вѣрнымъ служебникомъ его Андреемъ» (Москвит. стр. 94). Въ посланіи къ Адашеву Максимъ пишетъ: «а мене, Бога ради, заклинаю васъ Іисусъ Христомъ, не оставите безъ причастія; судъ, господине, не прашивалъ и не прошу, — милости прошу». Тѣже слова, какъ уже видѣли, находимъ и въ посланіи, о которомъ идетъ рѣчь. Но Адашевъ, какъ извѣстно, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту Макарію.

(¹) Москвит. стр. 95; снес. Правосл. Собес. 1861 года, Ноябр. стр. 413—419. По временамъ Максимъ не имѣлъ даже чернилъ и киновари для письма (тамъ же стр. 425).

(²) Москв. стр. 92.

(³) Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 382—3; Москв. стр. 94.

(⁴) Прав. Соб. 1861, Ноябр. стр. 417.

а равно и съ сыномъ его Михаиломъ (1), съ извѣстнымъ священникомъ Сильвестромъ (2) и съ не менѣе извѣстнымъ Алексѣемъ Адашевымъ (3), который „жаловалъ" Максима „всякимъ дѣломъ и образомъ", посылалъ ему „граматы" исполненныя „всякія христоподобныя любве и истины", снабжалъ преподобнаго нужными ему книгами и даже одеждой (4). Но Макарій и другіе сильные міра того времени, съ которыми Максимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не были „Амвросіями", чтобы съ „дерзновеніемъ" ходатайствовать за невиннаго предъ боярами, управлявшими всѣмъ въ это время. Общественное мнѣніе было не въ пользу Максима. И этого было достаточно, чтобы люди и понимавшіе его правоту, молчали, или ограничивались только перепискою съ нимъ, да еще „денежными благословеніями".

Безпорядки церковные, соблазнительное поведеніе духовенства, безнравственность народа, нарушеніе уставовъ церковныхъ въ слѣдствіе крайней поврежденности самыхъ книгъ, содержавшихъ эти уставы, и многія другія причины побудили митрополита Макарія и царя Ивана Васильевича созвать въ 1551 году въ Москвѣ соборъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Стоглаваго. Можно было думать, что на соборѣ, поставившемъ для себя главною цѣлію исправленіе богослужебныхъ чиновъ и церковныхъ уставовъ, вспомнятъ о человѣкѣ,

(1) Тамъ же стр. 420—1.
(2) Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 379—381.
(3) Тамъ же стр. 382—6.
(4) «Клобучекъ Греческій, писалъ Адашеву Максимъ, нѣсть у мене отраленъ, Бога ради, послите ми такова» (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 386).

который одинъ могъ замѣнить собою всѣхъ, присутствовавшихъ на соборѣ, какъ знатокъ не только церковно-славянскаго, но и греческаго языка, необходимаго при повѣркѣ церковно-богослужебныхъ нашихъ книгъ съ самими подлинниками,—книгами греческими. По крайней мѣрѣ когда поднятъ былъ вопросъ о неисправности тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и нуждѣ исправлять ихъ, мысль о Максимѣ, находившемся въ заточеніи за это самое исправленіе, невольно должна была возникнуть въ умѣ каждаго члена собора. И однакожъ никто ни однимъ словомъ не упомянулъ о Максимѣ, — такъ велико было опасеніе подвергнуться непріятностямъ за сочувствіе къ невинному страдальцу, такъ мало было любви къ правдѣ и христіанскаго дерзновенія въ членахъ собора. Всѣ знали, что Иванъ Васильевичъ—сынъ той самой Елены Глинской, на бракъ съ которой Василья Ивановича Максимъ не соглашался. И этого было достаточно, чтобы молчать о Максимѣ, хотя все требовало слова о немъ самаго настоятельнаго и твердаго (¹).

Впрочемъ и въ это смутное время были люди, для которыхъ правда была выше своекорыстныхъ расчетовъ и себялюбивыхъ цѣлей. Артемій, игуменъ Троицко-Сергіевой Лавры, и нѣкоторыя другія благожелательныя Максиму лица (въ томъ числѣ, вѣроятно, Сильвестръ и Адашевъ) не устрашились предстать предъ царя и умолять его объ освобожденіи невиннаго страдальца изъ тверскаго заточенія. И Иванъ Васильевичъ, обратившійся послѣ безпорядковъ юности на путь правды, желавшій быть, по собственному его выраженію,

(¹) М. Евг. Слов. ч. II, стр. 32.

„вѣрѣ поборникомъ, Богу служителемъ, славы церкви рачителемъ", внялъ просьбамъ людей, заслуживавшихъ вниманіе за одну благородную смѣлость свою. Быть можетъ, этому содѣйствовали и собственныя просьбы Максима, съ которыми онъ обращался къ царю въ своихъ „посланіяхъ" къ нему (1). Въ началѣ 1553 года (2) Максимъ былъ освобожденъ изъ тверскаго заточенія, но не отпущенъ на Аѳонъ, о чемъ умолялъ Максимъ и царя и митрополита (3), а переведенъ на житье въ Троицко-Сергіеву Лавру. Вѣроятно, въ это время разрѣшено было Максиму и пріобщаться св. Таинъ (4). Но милости царя и митрополита къ невинному страдальцу были уже не въ пору. Отъ оковъ и темничной жизни, а еще болѣе отъ внутреннихъ, душевныхъ скорбей и страданій, Максимъ дошелъ до того состоянія, когда земныя радости перестаютъ имѣть цѣну для че-

---

(1) Кромѣ посланія Ивану Васильевичу, о которомъ мы уже говорили, Максимъ писалъ ему другое, въ которомъ просилъ царя отпустить его на Аѳонъ (см. Пр. Соб. 1861, окт. стр. 376—9).

(2) Въ Истор. р. ц. Фил. (ч. III, стр. 119), и въ Москвит. (стр. 63) указывается 1551 годъ—на основаніи Карамзина. Но у Карамзина сказано: «неповинный (Максимъ) въ заточеніи бысть во Твери 22 лѣта и послѣди вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ изведенъ бысть изо Твери и повелѣно ему жити въ Троицкомъ монастырѣ (т. VIII, прим. 386).» Приложивъ 22 года къ 1531-му, когда Максимъ заточенъ въ Тверь, получимъ 1553-й годъ.

(3) Отъ чего Максима такъ настойчиво удерживали въ Россіи и не отпускали на Аѳонъ, — трудно сказать. Когда Максимъ спросилъ объ этомъ одного боярина, тотъ отвѣчалъ: «мнѣнья на тебя держатъ, что сюда еси пришелъ, а человѣкъ еси разумной, и свѣдалъ еси наша добрая и лихая, и тебѣ тамо отшедъ сказати» (Карамз. т. VII, примѣч. 344). Въ этихъ словахъ много правды.

(4) Въ хронографѣ гр. Толстаго (л. 429) сказано: «благословеніемъ Макарія митрополита нача (Максимъ) къ церкви ходити и св. Таинъ причащатися» (Карам. т. VIII, примѣч. 386). Но когда это было, неизвѣстно.

ловѣка. Это былъ уже не энергическій, способный на всякій трудъ инокъ, а изможденный, больной старецъ (¹), для котораго нужно было заготовлять гробъ. Да и можно ли было не надломиться этому исполину, съ 1525 года дышавшему только темничнымъ воздухомъ? Нужно еще удивляться, какъ воспріимчивая, впечатлительная натура Максима могла перенести столько страданій тѣлесныхъ и душевныхъ въ теченіе болѣе четверти вѣка....

Послѣдніе дни земной жизни Максимъ провелъ спокойно, на сколько могъ быть спокойнымъ человѣкъ, постоянно думавшій о счастіи возвратиться на Аѳонъ и теперь видѣвшій, что ему суждено никогда не видѣть этого счастія (²). Царь былъ внимателенъ къ преподобному и даже удостоивалъ его своихъ посѣщеній. Въ 1553 году (въ Маѣ) Иванъ Васильевичъ, во время посѣщенія Троицко-Сергіевой Лавры, былъ у Максима, слушалъ его наставленія и даже предложилъ на его обсужденіе намѣреніе свое — совершить путешествіе въ Кириллову обитель, въ благодарность за исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни. Максимъ и на этотъ разъ остался вѣренъ самому себѣ. Онъ не счелъ нужнымъ признать намѣреніе русскаго самодержца прекраснымъ, потому только, что оно родилось въ такой великой душѣ, а

(¹) Снес. Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 424.

(²) Въ посланіи къ князю Петру Шуйскому Максимъ уже писалъ «и не оно прошу, да отпущенъ буду въ ову честную и многожелаемую всѣмъ православнымъ святую гору,—вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошеніе нѣсть вамъ любезно, ниже благопріятно,—но оно прошу отъ вашея велелѣпныя свѣтлости, да мя сподобите причастія пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ, ихъ же не причастенъ пребываю лѣтъ ужь 17» (Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 418).

напротивъ смѣло замѣтилъ царю: „Государь! пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе казанскаго царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское! Тогда всѣ святые возрадуются о тебѣ и вознесутъ моленіе. Богъ и святые внимаютъ нашимъ молитвамъ не по мѣсту, но по доброй волѣ нашей и по самовластію“. Какой свѣтлый, глубокій взглядъ на значеніе нашего внѣшняго служенія Богу! Но царь не внялъ совѣту преподобнаго. Тогда Максимъ, озаренный свыше, поручилъ вельможамъ передать Ивану Васильевичу слѣдующія, свойственныя только мужу облагодатствованному, слова: „аще не послушаеши мене, по Бозѣ совѣтующаго ти, и презриши крови избіенныхъ отъ поганыхъ, вѣдай о семъ, сынъ твой умретъ“. Царь не послушался и послѣ этого. И слова преподобнаго оправдались: царевичъ Димитрій умеръ прежде, чѣмъ Иванъ Васильевичъ успѣлъ достигнуть Кириллова монастыря (¹). Вѣроятно, послѣ этого обстоятельства уваженіе царя къ Максиму еще болѣе усилилось. Когда составился (въ 1554 году) въ Москвѣ соборъ, по случаю ереси Матѳея Бакшина, Иванъ Васильевичъ посланіемъ приглашалъ Максима

(¹) Истор. Курбск. стр. 49—51; Карам. т. VIII, стр. 212 и примѣч. 388; Москв. стр. 63—4.

на соборъ, прося, если это не возможно будетъ, по крайней мѣрѣ прислать къ нему свой отзывъ о новомъ ученіи ([1]). Но преподобнаго занимали въ это время другія мысли. Онъ видѣлъ, что многострадальная жизнь его приближается къ концу, и готовился къ смерти. Въ 1556 году Максимъ скончался, испытавъ въ жизни все, что можетъ быть тяжелаго для человѣка—христіанина. Тѣло его погребено было близъ церкви Сошествія Св. Духа ([2]). Древній сказатель о прибытіи Максима въ Москву свидѣтельствуетъ, что по смерти Максима пробудилось къ нему общее уваженіе; всѣ спѣшили къ останкамъ невиннаго страдальца, называя его—то пророкомъ, то великимъ учителемъ. Въ 1578 году нѣкоторые (Курбскій), хорошо знавшіе жизнь Максима, называли его не иначе, какъ святымъ и преподобнымъ. Когда въ 1588 году прибылъ въ Москву константинопольскій патріархъ Іеремія, рукоположившій перваго нашего патріарха Іова, всѣ сочли за долгъ совѣсти просить восточнаго святителя, чтобы торжественно произнесено было разрѣшеніе почившему страдальцу; и патріархъ далъ прощальную грамату ([3]). Въ XVII вѣкѣ къ числу особенныхъ чтителей преподобнаго Максима принадлежитъ преподобный Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевской Лавры, заботившійся о томъ, чтобы труды ученаго и праведнаго мужа были извѣстны церкви, и испытавшій на себѣ все то, что̀ терпѣлъ преподобный Максимъ ([4]). Митрополитъ москов-

([1]) Акт. Истор. т. I, № 161.
([2]) Слов. М. Евг. т. II, стр, 31—2.
([3]) Москвит. стр. 64. Здѣсь ошибочно указанъ 1589 годъ; Слов. М. Евг. т. II, стр. 36.
([4]) Русск. Вѣстн. 1857 г. № 17, ст. «русскіе исповѣдники просвѣщенія въ XIII вѣкѣ».

скій Платонъ, устроившій раку и часовню надъ гробомъ преподобнаго ([1]) принесъ свою дань почтенія Максиму.

И. Ильовскій.

([1]) Слов. М. Евг. т. II, стр. 32; Москв. стр. 64.

III.

ПИСЬМА ПРАВОСЛАВНАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ЦЕРКОВНОМЪ СОСТОЯНІИ ЗАПАДА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный другъ!

Не легкое дѣло возлагаешь ты на меня, прося сообщить тебѣ свѣдѣнія о церковно-богословскомъ состояніи западныхъ государствъ. Ты спрашиваешь меня, чтó я думаю о нынѣшнемъ религіозномъ состояніи Германіи,— въ какомъ положеніи тамъ теперь находится протестантство. На эти вопросы ты требуешь отъ меня прямаго и опредѣленнаго отвѣта, и между тѣмъ я долженъ съ прискорбіемъ сознаться тебѣ, что желанія твоего исполнить не могу. Да, хотя я теперь нахожусь въ отечествѣ протестантства, хотя я окруженъ многочисленными явленіями, повидимому могущими служить достаточными данными для рѣшенія предложенныхъ тобою вопросовъ,— тѣмъ не менѣе отказываюсь рѣшительно отъ всякаго притязанія на полноту свѣдѣній, которыя я намѣренъ сообщить тебѣ. Протестантство, какъ ты знаешь, поста-

вляетъ отличительною своею чертою свободное испытаніе истинъ Вѣры, свободу мысли, свободу совѣсти; на положительный, церковный авторитетъ протестанты привыкли смотрѣть, какъ на стѣсненіе личной свободы вѣрующихъ, и вотъ—благодаря теперь этому принципу—постороннему наблюдателю представляется при болѣе близкомъ взглядѣ на протестантскую Германію одинъ хаосъ, одно безконечное разнообразіе вѣчно противорѣчивыхъ мнѣній, взглядовъ и системъ богословскихъ. Вступая въ разговоры и сношенія съ различными германскими богословами, я такъ былъ озадаченъ этимъ новымъ для меня наплывомъ безконечно различныхъ богословскихъ воззрѣній, что мнѣ сначала было рѣшительно невозможно дать себѣ какой либо опредѣленный отчетъ въ получаемыхъ мною впечатлѣніяхъ и свѣдѣніяхъ. Постараюсь однакоже сообщить тебѣ, что́ могу.

Мы привыкли въ Россіи соединять мысль о германскомъ богословіи съ понятіемъ о *раціонализмѣ*; поэтому съ него начну теперь свой обзоръ.

Подъ именемъ раціонализма разумѣютъ въ Германіи собственно только то богословское направленіе, которое лѣтъ тридцать тому назадъ владычествовало почти при всѣхъ германскихъ университетахъ, и тогда имѣло рѣшительное вліяніе на духовенство и чрезъ него на всѣ образованные классы протестантскаго общества. Это направленіе, — какъ тебѣ, можетъ быть, уже извѣстно, — было попыткою путемъ холодныхъ разсудочныхъ умозаключеній подорвать авторитетъ христіанства, какъ божественнаго откровенія, и поколебать все сверхъестественное и чудесное въ дѣлѣ домостроительства нашего спасенія; раціоналисты хотѣли низвести Евангеліе и все христіанство въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ

дѣлъ, хотя впрочемъ они не отвергали участія въ немъ Божественнаго промысла въ томъ *же посредственномъ* смыслѣ, въ какомъ промыслъ участвуетъ во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и событіяхъ нравственнаго міра ([1]). При безхарактерности и удободвижимости богословскихъ идей протестантовъ, это направленіе конечно могло утвердиться и распространиться въ Германіи; но, какъ ты видишь, характеръ его былъ чисто отрицательный и притомъ отвлеченно умственный, а потому раціонализмъ, не смотря на всѣ благопріятныя для него обстоятельства (о которыхъ говорить было бы здѣсь неумѣстно), могъ утвердиться только въ школѣ, въ университетахъ и въ системахъ ученыхъ, но не имѣлъ достаточно силъ и внутреннихъ условій, чтобы положить начало какимъ либо обществамъ или сектамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ протестантскихъ богослововъ, съ которыми мнѣ здѣсь приходилось говорить, заслуга раціонализма для германскаго протестантства заключается въ томъ, что „онъ возстановилъ права научнаго испытанія въ области вѣроученія и противопоставилъ слѣпому церковному авторитету свѣтъ разумнаго изслѣдованія". Тебѣ, можетъ быть, кажется страннымъ, что эта „заслуга" приписывается раціонализму, тогда какъ „свободное испытаніе" есть принципъ протестантства съ самыхъ временъ реформаціи. Но въ отвѣтъ на твое недоумѣніе я долженъ сказать тебѣ, что протестантство въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ своего существованія оставалось совершенно невѣрнымъ собственнымъ своимъ началамъ: оно признавало за каждымъ частнымъ лицемъ право

([1]) Смотр. статью мою о новѣйшемъ германскомъ раціонализмѣ въ Христ. Чтеніи за 1859 годъ, октяб. кн.

свободнаго испытанія истинъ Вѣры, оно утверждало, что единственный авторитетъ, единственная норма — есть священное Писаніе, и на этомъ основаніи признавало законность реформы, произведенной Лютеромъ и его сподвижниками; а между тѣмъ фактически оно опровергало собственное свое начало, принимая слѣпо символическія сочиненія реформаторовъ XVI вѣка, и требуя подчиненія имъ, какъ неизмѣннымъ образцамъ Вѣры и непогрѣшимому авторитету. Отъ оковъ этого-то самозваннаго авторитета раціонализмъ освободилъ протестантовъ, и въ этомъ—по словамъ многихъ изъ нынѣшнихъ германскихъ богослововъ — заключается главное его значеніе.

Хотя раціонализмъ въ указанномъ отрицательномъ смыслѣ нынѣ не существуетъ болѣе въ Германіи, какъ опредѣленная, замкнутая система, тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить, что выводы его на долго утвердились между протестантами и даже пріобрѣли у нихъ популярное значеніе. При частныхъ разговорахъ не только съ богословами, но и съ людьми, не посвященными въ тайны науки, весьма нерѣдко приходится слышать отзывы и сужденія, явно обнаруживающія, что идеи, выработанныя раціонализмомъ, донынѣ пользуются немаловажнымъ вліяніемъ на мысли и сужденія протестантовъ: такъ наприм. многіе и теперь отрицаютъ дѣйствительность евангельскихъ чудесъ, личное бытіе злыхъ духовъ и ихъ вліяніе на человѣка—на основаніяхъ чисто раціоналистическихъ. Къ счастію надобно однако сказать, что, благодаря здравому смыслу германцевъ, и особенно тому глубокому религіозному чувству, которое такъ живо и дѣйственно въ народѣ, не испорченномъ еще превратно направленнымъ умственнымъ вос-

питаніемъ,—раціоналистическія идеи далеко не имѣютъ той силы въ Германіи, какъ у насъ обыкновенно думаютъ. Скажу даже болѣе: сколько могу судить по своимъ опытамъ и наблюденіямъ, мнѣ кажется, что раціонализмъ (опять конечно не въ смыслѣ научной системы, а какъ бродящія въ обществѣ идеи о недѣйствительности чудесныхъ сторонъ христіанства), едва ли не сильнѣе въ нашихъ образованныхъ классахъ, чѣмъ у германцевъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что ни при одномъ германскомъ университетѣ (за исключеніемъ, можетъ быть, тюбингенскаго) въ настоящее время нѣтъ богослововъ—раціоналистовъ, пользующихся какимъ либо особеннымъ вѣсомъ и значеніемъ. Кто смотритъ на религію, какъ на союзъ конечнаго съ безконечнымъ, какъ на дѣйствительный и непосредственный завѣтъ между Богомъ и человѣкомъ, кто вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ религію, какъ дѣло *сверхчувственное* и *непостижимое*,—тотъ не можетъ быть названъ раціоналистомъ (въ германскомъ смыслѣ этаго слова), хотя бы онъ отрывками и усвоилъ себѣ нѣкоторые научные выводы прежнихъ раціоналистическихъ системъ. Подорвать авторитетъ раціонализма и преградить ему путь къ дальнѣйшему господству надъ умами въ Германіи—было дѣломъ знаменитаго *Шлейрмахера*; онъ утвердилъ въ Германіи значеніе религіи, какъ непосредственнаго и потому *сверхчувственнаго* общенія между Богомъ и человѣкомъ; и, давая вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскому откровенію значеніе акта независимаго отъ мысли и дѣятельности человѣка, онъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ раціонализмомъ. Шлейрмахера уже давно нѣтъ на свѣтѣ, но вліяніе его и теперь обнаруживается въ Германіи повсюду. Единственное средство къ возстановле-

нію утраченныхъ подъ ударами раціонализма началъ Вѣры заключалось въ томъ, чтобы изъ области пытливою и новѣйшею философіею настроеннаго ума перевести предметы Вѣры въ область сердца, и въ совѣсти, какъ главномъ выраженіи религіознаго чувства, дать имъ новое, болѣе прочное, основаніе (такъ называемый Standpunkt des Gewissens); это-то понято было Шлейрмахеромъ и приведено имъ въ исполненіе съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Хотѣлось бы мнѣ теперь сообщить тебѣ, въ какомъ видѣ нынѣ въ Германіи обнаруживаются слѣды дѣятельности Шлейрмахера, но письмо мое уже довольно велико, рука устала, и времени у меня мало; надѣюсь, что переписка наша не прекратится, и тогда я въ слѣдующій разъ продолжу начатое мною нынѣ обозрѣніе.

Остаюсь и проч.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Судя по письму, только-что полученному мною отъ тебя, я заключаю, что ты понялъ послѣднія строки моего перваго посланія такъ, будто въ Германіи, благодаря дѣятельности Шлейрмахера, образовалась и нынѣ владычествуетъ обширная и вліятельная секта шлейрмахеріанъ. Но такой секты и слѣдовъ нѣтъ. Да и какимъ образомъ Шлейрмахеру образовать подобное общество? Какъ человѣку, весь авторитетъ котораго заключался въ значеніи его, какъ человѣка ученаго, безъ всякой церковной и для другихъ обязательной санкціи, сдѣлать мысли и мнѣнія свои символическою нормою для другихъ? Притомъ самый языкъ и образъ раскрытія мыслей были у Шлейрмахера слишкомъ научны и отвле-

ченны, чтобы доставить его ученію значеніе неизмѣннаго образца Вѣры для опредѣленнаго общества. Шлейрмахера въ Германіи и теперь превозносятъ, всякій богословъ считаетъ своимъ долгомъ познакомиться съ его твореніями и болѣе или менѣе усвоиваетъ себѣ его духъ и направленіе; но системы его во всѣхъ ея подробностяхъ держатся только немногіе. Какъ плодотворный дождь на иссохшую почву, подѣйствовало его ученіе на сердца германцевъ; онъ безспорно внесъ новую жизнь въ протестантское богословіе, возстановилъ низвергнутое раціонализмомъ значеніе лица Искупителя, какъ средоточія и основы всякой вѣры и всякаго спасенія, и далъ вообще христіанству новое дѣйствительное значеніе въ глазахъ неологовъ и прогрессистовъ. Заботясь о возстановленіи значенія лица Спасителя, какъ средоточія христіанства, Шлейрмахеръ, правда, пожертвовалъ почти всѣми прочими догматами откровенія, признавая все прочее несущественнымъ и маловажнымъ. Тѣмъ не менѣе заслуга его для Германіи почти неоцѣнима, — въ чемъ я легко могъ убѣдится по личному наблюденію. Въ самомъ дѣлѣ, не вліянію ли Шлейрмахера слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать то, что въ настоящее время мы въ Германіи, сравнительно съ прежнимъ, найдемъ уже немного людей, которые не питали бы яснаго сознанія о важности и необходимости религіозныхъ началъ въ жизни? Такъ какъ мы у себя къ несчастію привыкли видѣть, что бо́льшая часть лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ общества, считаютъ богословіе предметомъ до нихъ вовсе не касающимся, и вмѣстѣ съ полнымъ невѣжествомъ своимъ по части предметовъ Вѣры обнаруживаютъ и рѣшительное равнодушіе къ нимъ, — то меня не могло

не поразить, когда я въ Германіи почти у всякаго, съ кѣмъ приходилось вступать въ разговоръ изъ людей образованныхъ, встрѣчалъ не только сочувствіе и уваженіе къ предметамъ Вѣры, но нерѣдко и довольно отчетливое знакомство съ произведеніями ихъ отечественнаго богословія. Ты, можетъ быть, усомнишься въ справедливости моихъ словъ, принимая во вниманіе то понятіе объ индифферентизмѣ и невѣріи нѣмцевъ, которое естественно надобно составить себѣ при нѣкоторомъ знакомствѣ съ богословскою литературою Германіи. Но въ отвѣтъ я долженъ сказать тебѣ прежде всего, что едва ли гдѣ нибудь теорія такъ расходится съ практикою, какъ у германцевъ: составляя въ тиши своего кабинетнаго уединенія разныя отвлеченныя теоріи и умозрѣнія, нѣмецъ нерѣдко даетъ полный просторъ своимъ умственнымъ комбинаціямъ, и на основаніи своихъ несостоятельныхъ протестантскихъ началъ, приходитъ къ такимъ богословскимъ результатамъ, которые по видимому свидѣтельствуютъ о совершенной холодности его къ Вѣрѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ это невѣріе есть не болѣе, какъ логическій плодъ протестантскихъ началъ, и тотъ же ученый часто, независимо отъ своихъ наукословныхъ построеній, остается человѣкомъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и съ живымъ сознаніемъ необходимости религіозныхъ основъ жизни. Лучшимъ примѣромъ такого настроенія можетъ служить недавно умершій въ Германіи профессоръ *Бауръ*, знаменитый основатель и представитель такъ называемой тюбингенской критической школы (1): не смотря на то, что Бауръ

---

(1) Въ одномъ изъ будущихъ своихъ писемъ я сообщу тебѣ нѣкоторыя подробности объ этомъ богословскомъ направленіи.

своею ученою дѣятельностію старался подорвать историческую достовѣрность всѣхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, онъ однакоже — по свидѣтельству всѣхъ лично знавшихъ его — отличался глубокимъ религіознымъ чувствомъ и умеръ съ теплою, непоколебимою вѣрою въ Спасителя.—Индифферентизмъ и невѣріе направляется у германцевъ обыкновенно противъ тѣхъ или другихъ частныхъ христіанскихъ догматовъ, не имѣющихъ въ протестантскомъ мірѣ — при отсутствіи тамъ церковнаго авторитета—достаточныхъ опоръ; но оно весьма рѣдко принимаетъ у нихъ видъ того холоднаго, безотчетнаго и абсолютнаго матеріализма, который къ несчастію такъ широко успѣлъ распространиться у насъ въ послѣднее время. Словомъ сказать, нѣмцы при всемъ своемъ „протестантскомъ невѣріи" остаются однако народомъ глубоко проникнутымъ начатками Вѣры и страха Божія.

Подобное же явленіе я встрѣчалъ и у другихъ протестантскихъ народовъ, наприм. въ Англіи и Даніи; но думаю однако, что не ошибаюсь, приписывая въ Германіи это сознаніе важности и достоинства предметовъ Вѣры собственно дѣятельности Шлейрмахера: безъ него Германія вѣроятно и теперь находилась бы въ оковахъ раціонализма, охлаждавшаго прежде религіозное чувство и подавлявшаго въ обществѣ всякій живой богословскій интересъ.

Какія странныя чувства, другъ мой, невольно возникаютъ въ моей душѣ, когда я въ этомъ отношеніи начинаю сравнивать протестантскую Германію съ нашимъ отечествомъ! У насъ святая Вѣра хранится во всей своей первоначальной, божественной чистотѣ; она открыта у насъ для всякаго, желающаго уразумѣть ее; она, какъ

всякая истина, говоритъ сама за себя: стóитъ только захотѣть и съ безпристрастіемъ приняться за дѣло, чтобы путемъ даже чисто научныхъ соображеній и изслѣдованій убѣдиться въ ея божественной неповрежденности. Между тѣмъ многіе ли у насъ, положа руку на сердце, могутъ сказать, что они твердо и сознательно держатся такого убѣжденія? Много ли найдется у насъ людей, которые были бы проникнуты живымъ сознаніемъ того, что хранимая нами православная Вѣра дѣйствительно есть истинная, и одна сохраняетъ въ себѣ во всей чистотѣ богопреданное, святое ученіе апостоловъ? Конечно ты согласишься со мною, что такихъ людей у насъ, говоря относительно, очень немного, и что вообще нельзя съ прискорбіемъ не сознаться въ томъ, что мы плохіе представители святой нашей Вѣры. Горько въ этомъ сознаться; правда, какъ говоритъ пословица, глаза колетъ; но что же дѣлать, если это такъ; вѣдь сознаніе есть необходимое начало къ исправленію. Повѣрь, другъ мой, нигдѣ мысль о томъ, какъ плохо мы пользуемся ввѣренною намъ православною истиною и какъ мало мы сознаемъ ея цѣну, не можетъ возникнуть съ такою силою, какъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ состояніемъ церковно-богословскаго быта на западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри въ этомъ отношеніи на германцевъ; у нихъ нѣтъ этой истины въ ея божественной чистотѣ; она давно искажена у нихъ человѣческими наростами, и искажена такъ, что во многихъ случаяхъ трудно ее и узнать. А между тѣмъ какое живое стремленіе къ тому, чтобы найти и усвоить ее, какое глубокое сознаніе ея важности и спасительности вѣетъ на васъ повсюду въ протестантскомъ мірѣ! Посмотри, какимъ почтеніемъ въ Германіи пользуются

служители Вѣры; какимъ вниманіемъ и уваженіемъ общественное мнѣніе тамъ окружаетъ науку Вѣры;—а у насъ?... Нѣтъ, другъ мой, что̀ бы у насъ ни говорили въ обществѣ и литературѣ объ упадкѣ нашего духовенства, о его неспособности къ тому, чтобы внести въ общество живительную закваску христіанскихъ началъ, —я всегда скажу, что у насъ само общество виновато: оно разорвало нравственную связь свою съ служителями Вѣры, оно оттолкнуло отъ себя духовенство, какъ касту, дѣло которой до него не касается; оно не заботится у насъ надлежащимъ образомъ ни о воспитаніи духовенства, ни о матеріальныхъ его нуждахъ, ни наконецъ о поддержаніи нравственнаго его самосознанія, — одного изъ главныхъ условій истиннаго пастыря Церкви. Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что мы не пользуемся, какъ слѣдуетъ, талантомъ ввѣреннымъ намъ Богомъ; мы не цѣнимъ его и даже часто его не знаемъ. Господь восхотѣлъ, чтобы дарованный Имъ свѣтъ истины былъ поставленъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*, говорилъ Онъ своимъ ученикамъ, *яко да видятъ ваша добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ*;—а мы между тѣмъ ставимъ его подъ спудомъ... И подобно тому, какъ самъ Господь щедрою рукою раздавалъ живительный хлѣбъ своего Божественнаго ученія всякому, желавшему вкушать его, такъ Онъ заповѣдалъ и всѣмъ истиннымъ своимъ ученикамъ идти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари. Исполняется ли у насъ эта обязанность? Стараемся ли, по крайней мѣрѣ, исполнить ее? Нѣтъ, даже у самихъ себя, между лицами, причисляющими себя къ православной Церкви, мы не исполнили заповѣди Спасителя, какъ

должно. Причина, опять скажу, въ недостаткѣ вѣры, въ непониманіи всей цѣны и важности ввѣреннаго намъ таланта, драгоцѣннаго наслѣдія св. Православія. Пользуясь сравненіемъ самаго Спасителя, я скажу, что боготкровенная Вѣра есть животворная вода, истекающая изъ живаго и всегда чистаго источника св. Церкви. Сосудъ, въ который пріемлется эта вода, есть наша собственная, внутренная (субъективная) вѣра, степень нашего сочувствія къ истинамъ Вѣры, степень подчиненія всѣхъ силъ нашего существа спасительному вліянію Откровенія. У насъ животворная вода ученія Христова донынѣ, благодареніе Господу, хранится чистою безъ примѣси какихъ либо постороннихъ веществъ; но сосудъ нашъ невзраченъ; не отличается онъ ни крѣпостію, ни блескомъ, ни приличными его содержанію украшеніями; а потому для посторонняго наблюдателя, привыкшаго, по обыкновенному ходу человѣческихъ дѣлъ, судить по наружности,—по сосуду о самомъ содержаніи его,—св. Вѣра наша представляется въ невыгодномъ свѣтѣ.—У протестантовъ большею частію совершенно наоборотъ: сосудъ Вѣры великолѣпно отдѣланъ и разукрашенъ, но живительная влага слова Божія въ немъ изсохла или перемѣшана съ разлагающимися соками человѣческихъ мудрованій. Если раскрыть благомыслящему протестанту, какова та вода, которую мы носимъ въ своихъ скудѣльныхъ сосудахъ, то онъ (въ чемъ я самъ уже неоднократно имѣлъ случай убѣждаться) весьма скоро можетъ узнать ея чистоту, лишь бы только духовное око его не слишкомъ было омрачено предубѣжденіями. Вообще при нынѣшнемъ состояніи протестантства, когда зло, постепенно выступая наружу, высказываетъ со всею очевидностію несостоятельность протестантскихъ

началъ и гибельность выработанныхъ ими плодовъ, можно сказать рѣшительно, что недостаетъ только богопризванныхъ дѣлателей, недостаетъ истиннаго посѣва для приготовленной почвы.

Но извини... я отступилъ отъ своего предмета; это произошло невольно отъ того, что мысль моя вслѣдствіе неоднократныхъ моихъ опытовъ сильно занята нынѣ тѣмъ, до какой степени слабо протестантство, какъ мало оно удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ вѣрующихъ и какъ значительно сердцà приготовлены къ принятію православной истины. Въ слѣдующій разъ я разскажу тебѣ о нѣкоторыхъ случаяхъ, приведшихъ меня къ этому заключенію.

П. Ф.

ВЫПИСКА

ИЗЪ ЖУРНАЛА НАЧАЛЬНИКА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ПРОТОІЕРЕЯ ЛАНДЫШЕВА.

ЯНВАРЬ (1859 года).

1. (*Четв.*). Крещена мною внучка недавно умершаго Зайсана Комдожской волости Маныша Сазина, дѣв. *Туяна*, 2 л., во св. крещеніи *Анисія*, дочь принявшаго св. крещеніе декабря 10 дня 1858 г. Капыя Манышева, въ христіанствѣ Николая Григорьева, который еще при жизни отца проявлялъ желаніе креститься, но удерживался опасеніемъ гнѣва родительскаго; жена его, мать Туяны, узнавъ о его намѣреніи принять св. крещеніе, оставила его; но это не только не удержало его отъ исполненія его намѣренія, напротивъ побудило ускорить выполненіемъ его.—Брошенная матерью, Туяна еще 23 декабря была привезена ко мнѣ; и только сего дня нашлась воспріемная мать для нее, бѣдная, но усердная новокрещенная женщина, бездѣтная жена новокрещеннаго инородца, пожелавшая принять ее къ себѣ на воспитаніе. Вскорѣ отецъ сей Анисьи, Николай Григорьевъ, сдѣлался тяжко боленъ горячкою съ кровохарканіемъ. Здоровый онъ находилъ себѣ мѣсто и пропитаніе, работая при одномъ богатомъ домѣ: но больнаго всѣ здоровые чуждались. Потому онъ помѣщенъ

съ полубольными дряхлыми новокрещенными стариками. живущими въ полученномъ отъ миссіи домикѣ, братьями Ѳедотомъ 95 лѣтъ и Петромъ 73 л., изъ коихъ первый имѣетъ слѣпую жену Анну 70 л. и служащаго имъ трудолюбиваго внука 19 л. новокрещеннаго Арсенія. Это бѣднѣйшее семейство постоянно имѣетъ у себя, безъ всякаго съ моей стороны распоряженія, бѣднѣйшихъ, безпріютныхъ и больныхъ новокрещенныхъ, которые у другихъ не могутъ найти пріюта. И въ настоящее время въ этомъ домѣ проживаетъ старикъ изъ с. Чемала съ десятилѣтнимъ сыномъ. страждущимъ отъ гнилыхъ ранъ, принятые добрыми стариками и послушнымъ внукомъ ихъ, безъ моего вѣдома. Такихъ квартирмейстеровъ, у коихъ почти всегда есть подобные квартиранты, въ Улалѣ домовъ до 6-ти. Всѣ они люди бѣдные, но въ простотѣ духа, безсознательно богатые вѣрою и любовію къ ближнимъ. Въ пособіе имъ и другимъ бѣднымъ ежегодно закупается мною ячменя отъ 50 до 100 п. и муки отъ 30 до 50 п. Здѣсь Николай лежалъ болѣе 4-хъ недѣль. будучи отчаянно боленъ. Медицинскія пособія миссіи облегчали его болѣзнь только на краткое время; оставивъ ихъ. онъ пожелалъ пріобщиться св. Таинъ, и животворящее тѣло и кровь Спасителя оказало животворное дѣйствіе и на тѣло: больной вскорѣ выздоровѣлъ.

Въ тотъ же день оглашены мною прибывшіе въ Улалу въ послѣднихъ числахъ декабря: татаринъ Комдожской волости, по имени и состоянію *Тербезень* (нищій), 50 л., нареченный *Григоріемъ*, и дѣти его: сынъ *Тортошъ*, 7 л., нареченный *Іоанномъ*, и дочь *Юстокой*, 3 л., нареченная *Анною*. Въ первый разъ я видѣлся съ симъ Тербезенемъ и его семействомъ въ Черни еще въ 1856 году,

при проѣздѣ моемъ въ село Кебезень, и имѣлъ случай говорить о Христѣ Спасителѣ, ради насъ обнищавшемъ, и дарующемъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его нетлѣнное богатство и вѣчную блаженную жизнь. Тогда, хотя онъ и не отвергалъ предложенной ему духовной трапезы, но не было замѣтно, чтобы онъ съ удовольствіемъ принималъ ее. Жена его, дочь крещеннаго мною въ 1854 году Зайсана Кузнецкой волости Василія Карпова, охотнѣе слушала тогда слова мои, и прежде его рѣшилась быть христіанкою, принявъ св. крещеніе въ іюлѣ 1858 года. Нынѣ и онъ, послѣдуя ея примѣру, объявилъ желаніе креститься. Но, подавленный бѣдностію, въ то время, какъ я говорилъ ему о небѣ, онъ твердилъ о хлѣбѣ. Это было поводомъ къ многократному объясненію того, что онъ долженъ креститься не для полученія нашей помощи въ пропитаніи, но для того, чтобы, познавъ истинннаго Бога и увѣровавъ въ Него, очиститься въ крещеніи отъ грѣховъ, и послѣ, при помощи Божіей, жить чисто и непорочно, по закону Божію, а по смерти быть участникомъ вѣчной блаженной жизни во свѣтѣ Божіемъ, со всѣми угодившими Ему; а въ здѣшней жизни нужду ли судитъ Господь терпѣть, или благословитъ довольствомъ за труды, нужно за все благодарить Бога, и совершенно предать всего себя въ волю Божію. Григорій все это принялъ и на все согласился. Впрочемъ ради самаго Христа, къ меньшей братіи котораго сопричислялся, воспріявшій имя христіанское, Григорій, необходимо было постоянно доставлять сему бѣдному семейству пропитаніе во время его пребыванія въ Улалѣ до весны.—Бѣдный, но добрый инородецъ Яковъ Никитинъ доброхотно, безъ моего распоряженія, принялъ его на

это время въ сожитіе въ домикѣ, полученномъ имъ отъ миссіи.

Окончивши занятія по своему отдѣленію, я, по обязанности своей, долженъ былъ заняться, съ прибывшимъ въ Улалу изъ Кузнецкаго отдѣленія миссіонеромъ Василіемъ Вербицкимъ, распоряженіями объ устроеніи его положенія. Кузнецкій округъ съ своими инородцами съ самаго основанія нашей миссіи входилъ въ кругъ дѣйствія миссіонерскаго; но отдѣлить туда особаго миссіонера оказалось возможнымъ только съ 1858 года, по увеличеніи оклада содержанія Алтайской миссіи. На этотъ новый трудъ изъявилъ согласіе посвятить себя миссіонеръ священникъ Василій Вербицкій, и въ концѣ 1858 года совершенно переселился на жительство въ Кузнецкій округъ съ походною церковію св. Іоанна Крестителя. Первымъ мѣстопребываніемъ его было избрано с. Калтана въ 40 верстахъ отъ г. Кузнецка.— Около этого мѣста жили крещенные инородцы, но по жизни своей они мало отличались отъ некрещенныхъ, и потому, не менѣе некрещенныхъ, нуждались въ проповѣдываніи имъ евангельскаго ученія. Край этотъ, по трудности сообщенія, до послѣдняго времени рѣдко былъ посѣщаемъ священниками; въ послѣднее время епархіальное начальство, заботясь объ умноженіи приходскихъ церквей, и въ Калтанѣ предположило построить постоянную церковь, и потому походную церковь св. Іоанна Крестителя положено отдалить еще на 20 верстъ въ глубь горъ—въ улусъ Кузедѣевскій, состоящій изъ давно крещенныхъ инородцевъ, но тоже весьма слабыхъ въ христіанствѣ. Улусъ этотъ представляетъ еще то удобство для основанія здѣсь постояннаго стана миссіи, что находится на пути и къ Черновымъ некрещеннымъ,

татарамъ, и къ улусамъ давно крещенныхъ инородцевъ, но еще не оставляющихъ суевѣрныхъ обычаевъ своихъ предковъ, и имѣющихъ нужду въ христіанскомъ обученіи. Первую потребность основанія миссіонерскаго стана обыкновенно составляетъ устроеніе дома для помѣщенія походной церкви и пребыванія миссіонера. Эту необходимую постройку мы предприняли, не имѣя въ виду никакихъ готовыхъ средствъ, единственно въ надеждѣ на помощь Божію и пособіе благотворительныхъ людей. Въ настоящее время домъ сей почти совершенно устроенъ; недостаетъ только рамъ въ окна и двери. На сей предметъ выдано мною о. Василію занятыхъ 365 р., большая часть коихъ (225 р.) уже уплачена полученными миссіею въ семъ году отъ московскаго священника о. Николая Лаврова [1]. Остальные же 140 руб. и доселѣ еще не выплачены инородцу села Улалы Карпу Пăраеву, почти ежегодно одолжающему миссію, съ самаго отрытія оной, безъ процентовъ, которому сверхъ сего мы должны еще 200 р.—Миссіонеръ о. Василій съ церковнослужителемъ А. Быстрицкимъ, и самая походная церковь, съ половины декабря 1858 г. и доселѣ помѣщаются въ семъ улусѣ въ инородческихъ домахъ.

— 10. (*Субб.*). Прибыли въ Улалу по разнымъ общимъ и частнымъ нуждамъ: Іеромонахъ Акакій, церковнослужитель А. Быстрицкій, послушникъ Мухинъ и бывшій въ Томскѣ рясофорный монахъ Михаилъ Невскій. Здѣсь же находились миссіонеры: священникъ о. Василій Вербицкій, священникъ О. Александръ Гусевъ, іеро-

---

(1) О. Николай Лавровъ—постоянный благотворитель миссіи, болѣе 20 л доставляетъ ей главныя средства къ содержанію и пособію бѣднымъ, и деньгами и вещами.

діаконъ о. Смарагдъ и монахъ Дометіанъ. По причинѣ различныхъ затрудненій въ полученіи обывательскихъ подводъ, братія общимъ совѣтомъ, къ коему послѣ присоединился и миссіонеръ о. Арсеній Ивановскій, нашли необходимымъ и. возможнымъ учредить собственными средствами двух-недѣльное сообщеніе всѣхъ становъ миссіи съ улалинскимъ, для пересылки пакетовъ и проч., хотя эта мѣра для членовъ миссіи и не легка.

— 11. (*Воскр.*). Литургію служили соборнѣ. О. Михаилъ Невскій въ назиданіе народа читалъ на татарскомъ языкѣ бесѣду св. Макарія Александрійскаго съ Ангеломъ, объяснявшимъ постановленія церкви о молитвѣ за умершихъ и различныя состоянія душъ умершихъ людей, крещенныхъ и некрещенныхъ.

— — Сего дня, въ утѣшеніе намъ, получено посланное изъ Москвы отъ 3 декабря отъ благотворителя миссіи священника Николая Лаврова извѣстіе со 150 руб. сер. въ пособіе миссіи.

— Съ 13 января началась тягостная и прискорбная переписка съ Бійскимъ земскимъ начальствомъ о возвращеніи одного новокрещеннаго семейства на жительство въ урсульское христіанское общество, безполезно продолжавшаяся до конца 1859 г. Отецъ этого семейства Тодоръ Тадалыковъ во св. крещеніи Николай, еще въ 1857 году пріѣзжалъ въ урсульскій станъ съ цѣлію принять христіанскую вѣру; но по случаю отлучки миссіонера желаніе его осталось безъ исполненія. Въ 1858 г., въ проѣздъ по Алтаю миссіонера священника Ивановскаго, Тодоръ обратился къ нему съ прошеніемъ о просвѣщеніи себя съ семействомъ св. крещеніемъ, что́ и было исполнено 21 мая и 7 іюня, послѣ чего новокрещенное семейство переселилось на жительство въ

урсульскій станъ. Такъ какъ обращеніе въ христіанство семейства Тодора сдѣлано было вопреки желанію отца его идолопоклонника, то отецъ всѣми силами старался совратить сына снова въ идолопоклонство; не могши сдѣлать этого по случаю жительства новокрещеннаго семейства въ христіанскомъ обществѣ, онъ обратился 10 октября въ Бійскій земскій судъ съ явкою, что сынъ его съ семействомъ, хотя оглашенъ миссіонерами, но не желаетъ креститься, и такою ложью успѣлъ исходатайствовать распоряженіе земскаго начальства о возвращеніи новокрещеннаго семейства снова въ общество идолопоклонниковъ, гдѣ это семейство пребываетъ и доселѣ, едва ли по христіански: потому что по Алтаю стали разноситься слухи о послѣдовавшемъ указѣ раскрещивать крещенныхъ.

— 18. (*Воскр.*). Получено отъ благотворителя миссіи священника московской спиридоновской церкви о. Николая Лаврова еще 75 руб., на нужды миссіи.

— 25. (Воскр.) Крещенъ мною, пришедшій для сего въ Улалу 17 дня сего мѣсяца, оглашенный *Антоній*, бывшій *Кырґызикъ*, 40 л. Онъ много разъ прежде видѣлся со мною въ Черни еще въ 1856 году, хотѣлъ креститься и изучалъ молитвы, проживая въ ожиданіи моего пріѣзда, цѣлую недѣлю, въ Сары - Котлинскомъ домѣ миссіи, но, не дождавшись меня, ушелъ на промыслъ. Въ іюлѣ 1858 г. онъ, будучи оглашенъ мною и нареченъ Антоніемъ, готовился къ крещенію, обучаясь и ожидая моего выздоровленія отъ тяжкой болѣзни, тогда меня посѣтившей, прожилъ въ Улалѣ около 3 недѣль, и видя, что я не въ силахъ крестить его, съ моего согласія пошелъ на промыслъ.

— 26. (*Понед.*). Сей новокрещенный Антоній по вос-

пріемнику Ильинъ, привезъ изъ Черни желающую принять св. крещеніе свою родственницу, слѣпую вдову, *Чуньджудекъ* 36 л., имѣющую 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ двое меньшіе привезены вмѣстѣ съ матерію, а старшіе остались въ чужой юртѣ: ибо родственникъ, жившій съ ними вмѣстѣ, выгналъ ихъ, изъ собственной ихъ юрты, и Антоній не имѣлъ возможности привести всѣхъ; у нихъ нѣтъ ни одежды, ни обуви, кромѣ лохмотьевъ. Отогрѣвшись и утоливши голодъ, Чуньджудекъ просила меня послать и за остальными дѣтьми, что ей и обѣщано. Означенный выше (янв. 1-го). Яковъ Никитинъ, родственникъ сихъ сиротъ, узнавъ о ихъ пріѣздѣ, съ радостію увелъ ихъ къ себѣ и оставилъ жить въ своей весьма тѣсной хатѣ до пріисканія лучшаго пріюта.

— 27. (*Вторн.*). Вчерашніе посѣтители съ утра до полудня толковали о своихъ нуждахъ; мы старались между тѣмъ внушать имъ единое на потребу, къ которому все прочее Господь обѣщаетъ въ придатокъ (Матѳ. 7, 33).—Якову Никитину, неимѣющему пропитанія и для своихъ малолѣтнихъ (4) дѣтей и престарѣлой матери, для прокормленія сихъ и прежде (янв. 1) принятыхъ квартирантовъ, отпущено хлѣба; а полунагой вдовѣ Чуньджудекъ, во имя Іисуса Христа, которое она уже выучилась произносить въ краткой молитвѣ,—дана шуба.

— Къ симъ посѣтителямъ прибавились новые гости—постоянно больная глазами новокрещенная инородка Южской волости Ирина, бывшая Чунюжекъ, съ двумя малолѣтними дѣтьми, и той же волости новокрещенный Иванъ Кьеджалановъ, проживающій еще въ прежнихъ кочевьяхъ своихъ, при р. Ишѣ. Хотя они и другіе

кочующіе съ ними новокрещенные дали обязательство, при крещеніи ихъ, переселиться въ христіанское общество; но бѣдность и привычка къ мѣсту и удобствамъ его доселѣ удерживаетъ ихъ тамъ. Посему въ концѣ 1858 г. положено начало новому христіанскому селенію: на сумму, пожертвованную отъ настоятеля и братіи воронежскаго Митрофанова монастыря, построены для нихъ двѣ избы близъ ихъ кочевьевъ, при р. *Симаидѣ*, подлѣ пасеки одного осѣдлаго инородца усерднаго христіанина; и послѣ въ продолженіи лѣта сего 1859 г. еще построены здѣсь, на счетъ миссіи, 3 избы.—Иринѣ дозволено вмѣстѣ съ ея бѣдными родственниками жить въ одной изъ сихъ избъ, а Ивану хотя дозволено помѣститься въ другой, но не иначе, какъ по согласію съ другими бѣднѣйшими изъ тамошнихъ новокрещенныхъ, которымъ она уже обѣщана. Безпомощной Иринѣ дано ячменю и муки, и больные глаза ея помазаны освященнымъ елеемъ, отъ иконы Божіей Матери, и ея дѣтямъ данъ платокъ. Всѣ они повторяли изученныя молитвы, и вмѣстѣ со вдовою Чуньджудекъ и другими слушали христіанское ученіе.

— Сего дня полученъ указъ изъ томской духовной консисторіи отъ ноября 1858 г. за № 10208, съ прописаніемъ распоряженія консисторіи по дѣлу объ отнятіи калмыками у новокрещеннаго инородца 5-й Алтайской Дючины Андрея Григорьева новокрещенной его жены Анастасіи Павловой, бывшей Паппаракъ, и увлеченіи ея въ идолопоклонство. Дѣло это, начавшееся еще въ 1856 году, причинило много скорби миссіи.

— 28. (Среда). По ежедневной просьбѣ слѣпой вдовы Чуньджудекъ (26 янв.), готовящейся къ крещенію, посланы въ прежнее мѣсто жительства ея, за оставши-

мися тамъ сыномъ и дочерью ея, іеродіаконъ Смарагдъ и толмачъ; для привоза сихъ полунагихъ дѣтей дана шуба. Но посланные привезли только одну 10 л. дочь вдовы; а сына уже не застали; онъ увезенъ къ Зайсану.

30. (Пятн.) Послѣ литургіи, при посѣщеніи больныхъ, тремъ тяжко больнымъ даны гомеопатическія средства; изъ нихъ одинъ инородецъ, сильно страдающій отъ мучительной болѣзни, принявъ 2 крупинки, на другой же день почувствовалъ облегченіе, и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Вообще въ продолженіе сего мѣсяца многіе больные, кромѣ напутствія, требовали почти ежедневнаго попеченія и лѣченія. Изъ нихъ 12-ть были лѣчимы гомеопатическими средствами, и получали иногда весьма скорую и надежную помощь. Янв. 15 дня одна пожилая дѣвица, едва не лишившаяся жизни отъ остраго спазматическаго удушья (Asthma spasmodicum), не болѣе какъ въ 2 часа выздоровѣла, принявши 2 крупинки *Ipecacuanhae*.

— 31 (Субб.) Пріемлющимъ св. крещеніе инородцамъ закономъ опредѣлена трехъ-лѣтняя льгота отъ податей; но исходатайствованіе назначенія сей льготы соединено съ крайними затрудненіями; и потому весьма немногіе изъ нашихъ новокрещенныхъ воспользовались сею монаршею милостью. Обыкновенно посылаемые нами въ Бійскій земскій судъ списки новокрещенныхъ, по требованію суда иногда и въ 2 экземплярахъ, въ продолженіи 10 лѣтъ и болѣе бывали повѣряемы въ томъ отношеніи: дѣйствительно ли означенные въ нихъ инородцы приняли св. крещеніе, и состоятъ ли и подъ какимъ № записаны въ ревизскихъ сказкахъ? И поелику они почти никогда не были отыскиваемы въ ре-

визскихъ сказкахъ; то эти списки или оставались безъ движенія, или, по прошествіи 10 лѣтъ, обращались ко мнѣ съ вопросомъ: дѣйствительно ли существуютъ означенные въ нихъ инородцы, и гдѣ они записаны въ ревизіи? Посему, въ слѣдствіе ходатайства моего, томская казенная палата отъ 22 марта 1857 г. увѣдомила меня, что для устраненія затрудненій по сему дѣлу списки новокрещенныхъ должны быть представляемы отъ миссіи въ палату съ означеніемъ №№, подъ коими сіи новокрещенные значатся въ ревизіи; и тогда не будетъ никакого препятствія въ назначеніи льготы.— Многаго стоило намъ списать копіи съ ревизскихъ сказокъ 14 волостей кочевыхъ инородцевъ Бійскаго округа; а копій со сказокъ инородцевъ Кузнецкаго округа и доселѣ мы не могли пріобрѣсти. И отыскивать имена пріемлющихъ св. крещеніе инородцевъ въ сихъ сказкахъ, писанныхъ, по непривычкѣ къ правильному выговору и писанію татарскихъ названій, весьма невѣрно, составляетъ работу тяжкую и продолжительную. Посему это дѣло еще и доселѣ неприведено въ порядокъ: списки новокрещенныхъ за многіе годы еще не приготовлены къ отсылкѣ въ казенную палату.—Сего дня закончено и отослано представленіе о назначеніи льготы 7 человѣкамъ 1-й полов. Телеутской волости Кузнецкаго округа, и въ семъ же году назначена имъ льгота.

ФЕВРАЛЬ.

Въ семъ мѣсяцѣ главнымъ образомъ я былъ занятъ: 1) ученіемъ готовящихся къ крещенію, новокрещенныхъ и другихъ инородцевъ и русскихъ людей, которыхъ посѣщалъ я самъ, или которые приходили ко мнѣ

по разнымъ случаямъ и нуждамъ; 2) лѣченіемъ 19 больныхъ, изъ коихъ трое были люди русскіе изъ другихъ селеній, и 3) хлопотали о заготовленіи матеріаловъ къ постройкѣ богослужебнаго дома въ с. Вилюлѣ, и проч.

Февр. 1 (Воск.). Все время отъ литургіи до всенощной было раздѣлено на занятія съ больными, требующими лѣкарствъ, и бѣдными, просящими насущнаго хлѣба и другихъ необходимыхъ вещей, въ чемъ отказать было трудно, такъ что некогда было и самому принять пищи.

— 2. (Понед.) Въ церкви на литургіи была и слѣпая Чуньджудекъ, и по окончаніи литургіи оглашенныхъ, будучи выведена изъ церкви, просила поскорѣе крестить ее. Но она и дѣти ея еще не изучили молитвъ, и мы желали, чтобы она возможно болѣе усвоила истинъ христіанскаго ученія, и потому медлили крестить ее, тѣмъ болѣе, что она свободна отъ житейскихъ попеченій. Куплено и дано ей ячменю.

— 6. (Пятн.) Заготовлены списокъ новокрещенныхъ Телеутовъ, 31 чел. съ указаніемъ №№ ревизіи, и представленіе въ казенную палату о назначеніи имъ трехлѣтней льготы.

— 8. (Воскр.) Послѣ литургіи необходимо было заняться разбирательствомъ спора и примиреніемъ 2-хъ новокрещенныхъ. Одинъ изъ нихъ, бѣдный человѣкъ, задолжалъ инородцу, имѣющему жительство въ с. Мыютѣ (120—130 в.), 2 р. 50 к. ассиг. Тотъ, обыкновеннымъ у нихъ ростомъ, вскорѣ довелъ эту сумму до 20 р. сер.; и самъ будучи долженъ на эту сумму второму изъ находящихся на лицо, передалъ ему право получить деньги съ перваго, который далъ слово упла-

тить слѣдующій съ него долгъ, но не въ той мѣрѣ. Улалинское общество, къ коему я отослалъ спорющихъ, чтобы развязать сей узелъ, присудило послать за третьимъ въ с. Мыюту на счетъ виновнаго. Но поелику и тотъ и другой изъ спорящихъ опасались, чтобы какъ нибудь не остаться виновнымъ и не подвергнуться взыску за поѣздку, а притомъ и никто не соглашался ѣхать, опасаясь того, что трудно будетъ найти виновнаго; то спорющіе, коихъ примирить было весьма просто, снова обратились ко мнѣ. Взыскивающему долгъ сказано мною: твои 20 р. сер. не пропадутъ,—ты получи ихъ съ Мыютинскаго должника своего лично, а должнику сказано: и ты свой долгъ 2 р. 50 коп. асс. отдай лично тому же Мыютинцу; а ростъ обѣщайся заплатить въ той мѣрѣ, какую назначитъ г. засѣдатель. А чтобы Мыютинецъ не имѣлъ на васъ обоихъ претензій; то пусть улалинское общество дастъ вамъ отъ себя свидѣтельство, что такъ разсудили, по моему совѣту, для того, чтобы не было между вами грѣха. Такъ и сдѣлали, и спорящіе остались весьма довольны.

— — Нанятъ пильщикъ изготовить тесъ и плахи для устройства богослужебнаго дома въ с. Билюлѣ. Средствъ для сего, кромѣ одолженныхъ добрымъ Параевымъ, въ виду еще нѣтъ. Лѣсъ доставленъ билюлинскими инородцами, которые обѣщаютъ помочь и въ заготовленіи другихъ матеріаловъ. Въ Билюлѣ (20 в. отъ Улалы на Ю.), домъ для поставленія походной церкви и богослуженія нуженъ потому, что быстрые рѣки между с. Билюлею и с. Улалою, часто наводняясь отъ дождей, пресѣкаютъ сообщеніе, и особенно весною вскрываясь рано, препятствуютъ новокрещеннымъ

пріѣзжать въ Улалу въ великій постъ говѣть и пріобщаться.

— 9. (Понед.). Новокрещенный зайсанъ Кузенской волости Василій Карповъ, по усердію его и 11-ти семействъ жителей новозаводимаго съ 1858 г. селенія Паспаула (отъ Улалы въ 55 в. на В. при впаденіи р. Паспаула въ р. Ушу), крещенныхъ большею частію въ послѣдніе годы кочевыхъ инородцевъ Кузенской и Южской волостей, привезъ составленный ими приговоръ о томъ, что они желаютъ имѣть у себя миссіонерскую церковь, и на устройство помѣщенія для походной церкви обязуются доставить потребное количество сосновыхъ бревенъ и моху. Не имѣя въ виду никакихъ средствъ для этой постройки, я отказался было принять приговоръ. Но Зайсанъ сильно огорчился.—Весьма пріятно усердіе, и опасны слѣдствія отказа. Паспаулъ внутри Черни, и близь его много кочуетъ Черновыхъ некрещенныхъ татаръ. И потому, въ надеждѣ на помощь Божію, если угодно Ему поддерживать это усердіе къ церкви ея новыхъ чадъ, я рѣшился принять приговоръ и сказалъ: молитесь Богу; авось пошлетъ намъ помощь; будемъ по маленьку готовить нужное для постройки; при Божіемъ благословеніи, хотя и не скоро, авось построимъ и у васъ церковь.—Паспаульцы, еще при началѣ заселенія своего въ 1858 году, говорили мнѣ о построеніи церкви у нихъ; и потому я имѣлъ намѣреніе предположенную къ построенію въ с. Таштѣ (въ 26-ти верс. отъ Улалы на В.) богослужебную храмину, для коей пожертвовано и прислано изъ Москвы 252 р. чрезъ о. Николая Лаврова неизвѣстнымъ благотворителемъ,—построить въ Паспаулѣ, тѣмъ болѣе, что Таштинцы занимаемое ими мѣсто находили не совсѣмъ

удобнымъ и подумывали переселиться. Но отложивъ это намѣреніе и поспѣшивъ заготовить лѣсъ на это помѣщеніе, они не уступили оной паспаульцамъ.— Таштинскій богослужебный домъ вчернѣ уже построенъ и покрытъ; весною 1860 года будетъ отстроенъ окончательно.

— 11. (Среда). Мыютинскій миссіонеръ о. Арсеній Ивановскій, завѣдывающій и Чемамскимъ станомъ миссіи. извѣстилъ, что въ с. Чемалѣ больная новокр. вдова *Ольга*, уже близъ году изувѣченная лошадью, находится въ бѣдственномъ положеніи, съ изломанною ногою и безъ пищи.—Не имѣя у себя денегъ ни копѣйки, я занялъ 1 р. сер. и немедленно послалъ о. Смарагда закупить для нее, если можно въ Чемалѣ же. ячменя 15 п., отдавъ этотъ рубль въ задатокъ, что́ и исполнено.

— Варилъ пластырь для больнаго раскольника д. Шульгина Логу, и толковалъ съ пріѣхавшимъ за тѣмъ отцомъ больнаго (старшиною Пьяновымъ) о различіи лжеучителей ихъ отъ законныхъ пастырей, принявшихъ благодать священства преемственно отъ Пастыреначальника Іисуса Христа, о томъ, чего должно ожидать самозванцамъ за присвоеніе правъ, данныхъ Богомъ законнымъ пастырямъ, и какая участь ждетъ тѣхъ, кто идетъ въ слѣдъ этихъ татей, и не слушаетъ пастырей законныхъ. Старикъ то оправдывался тѣмъ, что они люди темные. то винилъ табакъ и бритье усовъ; то ссылался на испорченность книгъ. и говорилъ, что Богъ взыщетъ на томъ. кто вѣру помутилъ.—Посовѣтовавъ ему изъ-за табаку и бритоусія, которые не вредятъ душѣ его, не отлучать себя отъ единства вѣры, и выйти изъ тьмы на свѣтъ благодати Божіей, пребывающей

въ Христовой Церкви, я сказалъ ему, что вѣру ихъ мутятъ слѣпые кривотолки ихъ, ведущіе ихъ въ погибель, что слушать ихъ нѣтъ никакого слѣду; и не углубляясь въ книжныя разсужденія (старикъ былъ не начётчикъ), представилъ ему примѣръ изъ ихъ общественной жизни, спросивъ: а что, старшина, если бы кто изъ вашихъ общественниковъ вздумалъ самъ собою сдѣлаться старшиной, сталъ бы распоряжаться по своему, вопреки тебѣ и начальству, не велѣлъ бы никого слушать и возмутилъ бы общество,—что̀ бы съ нимъ сдѣлали?—„Вѣстимо, сказалъ старикъ, шкуру бы списали.“—Ну, а тѣхъ похвалитъ начальство, спросилъ я, кто, слушаясь этого вольницы, не сталъ бы повиноваться тебѣ и начальству? „Да то же не станутъ гладить по шерсти,—отвѣчалъ онъ въ духѣ старшины,—пожалуй, тутъ же и растянутъ: знай одного, а другой не слушай, хоть вдвое того лучше будь: на то есь старшина; худо-ли, добро-ли, что прикажетъ, исполняй, а тамъ жалуйся; коли старшина не въ законѣ распорядился, такъ онъ и въ отвѣтѣ.“—Вотъ то-то и есть! сказалъ я; самъ же ты и разсудилъ. Зачѣмъ же вы не слушаетесь законныхъ учителей, поставленныхъ отъ Бога, а слушаетесь самозванцевъ лжеучителей, отводящихъ васъ своими кривыми толками отъ свѣта истины во тьму и погибель? Чѣмъ вы оправдаетесь въ этомъ передъ Богомъ? — Тутъ старикъ снова указалъ на испорченность книгъ, но самъ же и прибавилъ: „а вотъ ты далъ намъ книгу—ту (Библія), наши говорятъ, тамъ разницы мало; да вотъ еще мы все тебя поминаемъ,—все правда, что ты говорилъ намъ объ церкви, да объ кабакѣ; послѣ наши отыскали въ книгахъ все, что ты говорилъ; мы всё тебя поминаемъ.“—А что та-

кое? спросилъ я. „Ну, какъ ты сказалъ, что коли церкви не хотите, такъ будетъ у васъ кабакъ на мѣсто церкви, — такъ и случилось. Чего мы сдѣлаемъ? Какъ ни бились, исправникъ Сорокинъ заставилъ подписаться. Я, помнишь, въ ту пору пріѣзжалъ къ тебѣ хлѣбъ сдавать; а ты наказывалъ пересказать обществу, чтобы какъ можно не принимать кабака, я и пересказалъ всѣ твои рѣчи; и согласились было всѣ за одно, не подписываться. Да какъ исправникъ началъ валять кулаками старшину, да лучшихъ, а тутъ „лозъ!" закричалъ; ну и распустились. А вотъ теперь тò само и есь, что ты говорилъ; пошло воровство, плутовство, распутство; жена пошла прочь отъ мужа, мужъ отъ жены, дѣти не смотрятъ на отцовъ; народъ сталъ гулливый да лѣнивый; то и дѣло шумъ, да драка, да судбище; а тутъ, тово и гляди, убивство выдетъ! пропали мы да и только.—Все мы тебя поминаемъ.—Согрѣшили мы грѣшные."—Такъ вотъ же что, старина! сказалъ я; покайтесь, да обратитесь ко Господу Богу съ молитвой, да присоединитесь къ святой Его церкви: она за васъ замолитъ; и будь увѣренъ, Господь помилуетъ васъ; пожалуй, и кабака не будетъ, когда будетъ церковь; а если и останется еще, то церковь вѣрнѣе сохранитъ васъ отъ кабака! „Ну да видишь, отецъ,—не одной матери дѣти; одинъ такъ, а другой инака." — Между тѣмъ пластырь былъ уже готовъ. Старикъ спѣшилъ къ больному, и прощаясь благодарилъ на добромъ словѣ.

— 12 (Четв.). Сего дня прибыли въ Улалу и объявили желаніе быть христіанками еще двѣ кочевыя инородки 5-й Алтайской Дючины, сироты, дѣв. *Колъ* (рука) 21 г. и сестра ея *Илябасъ* (не плачь) 13 л. Старшая,

въ слѣдствіе горячки, охромѣла, и ходитъ на деревяшкѣ. Сиротство и убожество ознакомили ихъ съ христіанами и христіанствомъ; такъ что они сами сильно пожелали быть христіанками, и сего дня же просили крестить ихъ. Но какъ они, такъ и слѣпая вдова Чунжудекъ съ тремя дочерьми сего дня только оглашены, и наречены: Колъ—*Даріею*, Илябасъ—*Маріею*, Чунжудекъ—*Доминикою*; дочери ея: Уулашъ—*Маріею*, Керекпесь—*Анною*, и Юулюшъ—*Евдокіею*.

— 13 (Пятн.). Сихъ оглашенныхъ приготовлялъ къ крещенію, передавая имъ, сообразно ихъ пріемлемости, главныя истины Христіанскаго ученія, и обучая молитвамъ. Въ свободное отъ ученія время оглашенные шили себѣ рубахи изъ нашего холста.

— 14 (Субб.). Оглашенные сами нашли воспріемниковъ для себя, исповѣданы и крещены мною. — Какъ трудно исповѣдывать, особенно въ первый разъ, дѣтей лѣтъ 7—15!—Они часто или готовы объявить себя, безсознательно, во всемъ грѣшными, или при всемъ стараніи привести ихъ въ сознаніе своей грѣховности, увѣряютъ въ совершенной своей безгрѣшности, даже и послѣ того, какъ нѣсколько разъ объяснишь имъ таинство покаянія, его спасительное дѣйствіе и необходимость. Этотъ опытъ повторился и сего дня.—Впрочемъ вообще здѣшніе инородцы откровенны и прямодушны, такъ что исповѣдывать ихъ гораздо легче, даже и въ первый разъ, нежели русскихъ природныхъ, здѣшнихъ христіанъ.

— 15 (Воскр.). Принявшіе вчера св. крещеніе сего дня за литургіей сподобились пріобщиться св. Таинъ тѣла и крови Христовой. Таинство причащенія было объяснено имъ многократно.

—— Привезена ко мнѣ изъ аила Ужулѣна новокрещенною Кумандинкою Анною Пекушевою, живущая у нее племянница ея, 15 лѣтъ, дѣв. *Эрко*, владѣющая только одною ногою, которая впрочемъ немного скорчена и не расправляется, и притомъ страдающая отъ застарѣлыхъ гнилыхъ ранъ. Эркэ, по совѣту Анны, увѣровавъ въ единаго истиннаго Бога, просила ее отвезти ко мнѣ, и пріѣхавъ просила меня крестить ее, чтобы не умереть некрещенною.—Эркэ внимательно слушала огласительное ученіе и просила немедленно дать ей христіанское имя. Сего-дня же будучи оглашена, Эркэ наречена *Еленою*. Дано ей и лѣкарство, приличное ея болѣзни.

— 16 (Понед.). Оглашенная Елена хорошо понимала высказанныя ей истины христіанскаго вѣроученія; изучила краткія молитвы и молитву Господню „Отче нашъ" —на ихъ языкѣ, и по ея прошенію сего дня же крещена мною.

— — Д. Сары-Копши новокр. Іона, желая уговорить своего слѣпаго отца и братьевъ оставить худую „вѣру" и обратиться къ истинному Богу, просилъ помочь ему въ этомъ позволеніемъ переселить ихъ въ д. Сары-Копшу и съ ними помѣститься въ домѣ принадлежащемъ миссіи: ибо у него нѣтъ своего дома. Это ему дозволено.—Іона. живя здѣсь съ родителемъ и братьями и постоянно стараясь, по мѣрѣ своего разумѣнія, приводить ихъ въ познаніе истиннаго Бога и Спасителя всѣхъ человѣковъ, успѣлъ склонить ихъ, чтобы они, оставивъ суевѣріе свое, приняли христіанскую вѣру. Семейство это крещено миссіонеромъ улалинскаго отдѣленія, священникомъ о. Іоанномъ Смольяниковымъ, Марта 10 дня.

— — Трое серьёзно больныхъ изъ новокр. имѣли не-

обходимую нужду въ скорой помощи, какую могутъ оказать только гомеопатическія средства, которыя и были даны имъ. Двое изъ нихъ на другой же день поправились отъ пріема *Aconit*; а третьему, Прокопію Тыдыкову, тоже лѣкарство помогло чрезъ 1 часъ.

—— Новый больной, страждущій впрочемъ уже 4-й день рвотою, соединенной съ другими болѣзненными припадками, мальчикъ Іаковъ Чевалковъ, 6 л., которому сего дня было послано гомеоп. средство *Ipecac.*, не оказавшее пользы, требовалъ личнаго разсмотрѣнія; болѣзнь развилась въ сильной степени; но вновь данное гомеопатическое средство *Nux vom.*, еще до ухода моего отъ него, успокоило больнаго и на слѣдующій день онъ былъ уже почти здоровъ.

— 21 (Субб.). Изготовлено представленіе въ томскую казенную палату о назначеніи 3-хъ лѣтней льготы 44-мъ душамъ инородцевъ, принявшихъ св. крещеніе въ 1857 году, со спискомъ ихъ, и означеніемъ N N ревизіи.

——О. Смарагдъ отпущенъ съ разными порученіями по селеніямъ новокрещенныхъ до сел. Кебезеня, особенно для приготовленія новокрещенныхъ къ говѣнію и исповѣди, и для заготовленія хлѣба и другихъ необходимыхъ вещей въ пособіе бѣднымъ и больнымъ въ с. Сары-Коппу и с. Кебезень.

— 23 (Понед. 1-й н.). Вчера прибывшій изъ д. Тавды съ новокрещеннымъ Иваномъ Александровымъ, желающій принять св. крещеніе калмыкъ, мальчикъ 14 лѣтъ *Тукмашъ*, оглашенъ и нареченъ *Поликарпомъ*. Оба они усердно слушали огласительное ученіе и изучали молитвы. При обученіи ихъ предлежалъ двойной трудъ: внушить обще-христіанскія истины и предотвратить отъ заблужденій раскольниковъ, съ которыми они живутъ.—

Поликарпъ мальчикъ весьма способный и внимательный, какихъ между калмыками не много; и потому учить его было легко и пріятно.

— — Съ перваго же дня великаго поста многіе изъ улалинцевъ начали говѣть и ходить въ церковь къ богослуженію.

— 26—28. Въ сіи дни исповѣданы мною не знающіе русскаго языка говѣвшіе новокр. инородцы 32 человѣка. Прочіе говѣвшіе исповѣданы о. Іоанномъ.

— —Изготовлено представленіе въ томскую казенную палату со спискомъ принявшихъ св. крещеніе въ 1858 году инородцевъ Бійскаго округа 64 душ. муж. пола и означеніемъ N N ревизіи, о причисленіи ихъ на трехлѣтнюю льготу, которая и назначена въ семъ же году.

— — Въ числѣ 6 человѣкъ больныхъ, которымъ въ сіи дни гомеопатическія средства оказали въ разныхъ болѣзняхъ скорую помощь, была меньшая дочь слѣпой Домны, бывшей Чунжудекъ, страдавшая поносомъ, рвотою и болью горла. Домна всё еще ожидавшая и боявшаяся мщенія прежнихъ *курюмесей* (невидимыхъ духовъ) за ея крещеніе, была чрезвычайно рада, что они ничего не могли сдѣлать.

МАРТЪ.

Въ продолженіе сего мѣсяца преимущественно занятіями моими были: 1) почти ежедневное церковное богослуженіе, за которымъ, вмѣсто каѳизмъ, было историческое чтеніе изъ книгъ ветхаго и новаго Завѣта и изъ священной исторіи; 2) исповѣдь говѣвшихъ, при значительномъ количествѣ ихъ всегда начинавшаяся дня за два и болѣе до причащенія, и объясненіе таинствъ Покаянія и Причащенія и проч.; 3) напутствіе боль-

ныхъ, лѣченіе ихъ, и вообще выполненіе нуждъ ихъ, которыхъ въ семь мѣсяцѣ состояло на моемъ попеченіи изъ улалинцевъ и жителей другихъ селеній 18 человѣкъ, и 4) попеченіе и хлопоты о заготовленіи матеріаловъ для постройки богослужебныхъ домовъ въ селеніяхъ Таштѣ, Паспаулѣ и Билюлѣ, и для перестройки улалинской церкви, сколько это было возможно; объ устроеніи при майминской церкви караулки, съ особою комнатою для помѣщенія безпріютныхъ и для обученія мальчиковъ грамотѣ; а также и объ окрашеніи кровли на сей церкви и оградѣ и проч.

Марта 1. (Воскр. 1 н.). За литургіей причастниковъ было болѣе 100 человѣкъ.

— — Миссіонеръ о. Іоаннъ Смольяниковъ отпущенъ въ с. Кебезень и Сары-Копшу для исповѣди и пріобщенія приготовляемыхъ къ сему о. Смарагдомъ живущихъ тамъ новокрещенныхъ.

— 4 (Среда). Рясофорный монахъ Михаилъ Невскій отпущенъ съ толмачемъ въ д. Билюлю для отправленія богослуженія, ученія и приготовленія къ исповѣди живущихъ тамъ новокрещенныхъ.

— 8 (Воскр. 2 н.) За литургіей причастниковъ было 42 человѣка большею частію изъ жителей д. Билюли, вчера прибывшихъ съ Михаиломъ Невскимъ въ с. Улалу; въ Билюлѣ остались только немощные, просившіе прибыть туда для исповѣди и пріобщенія ихъ.

— — Купленъ и отправленъ къ живущимъ въ с. Кебезени новокрещеннымъ мельничный жерновъ. Живя отъ русскихъ селеній за 150 верстъ, и отъ проживающихъ съ ними въ с. Кебезени осѣдлыхъ инородцевъ обучаясь русскому хозяйству, новокрещенные уже начинаютъ заводить пашни, привыкаютъ къ печеному хлѣбу, и

нуждаются въ мельницѣ; посему, чтобы заохотить ихъ къ такимъ нововведеніямъ и ускорить развитіе ихъ хозяйства, оказалось нужнымъ сдѣлать имъ это пособіе.

— 15 (Воскр. 3 н.). За литургіей пріобщены 17 человѣкъ говѣвшихъ.

— 18 (Среда). Прибывшая сего дня изъ Черни татарка *Чильбичекъ*, 16 лѣтъ, замужняя дочь принявшаго св. крещеніе въ 1858 году Аѳанасія Данилова, бывшаго Тискинека, изъявила желаніе креститься, оглашена и наречена *Даріею*.

— 19 (Четв.). Сія Дарія была обучаема и просила немедленно крестить её, опасаясь того, чтобы мужъ ея, пріѣхавъ, не воспрепятствовалъ креститься ей.

— 20 (Пятн.). Оглашенная Дарія, по надлежащемъ обученіи, исповѣдана и крещена.

— 21 (Субб.). Вчера прибывшій мужъ Даріи, Итькулакъ, 19 л., не только не воспрепятствовалъ ея крещенію, но и самъ изъявилъ желаніе быть христіаниномъ и по 25 марта ежедневно слушалъ огласительное ученіе и изучалъ молитвы.

— 22 (Воскр. 4 нед.). За литургіей пріобщались 78 чел. говѣвшихъ.

— 25 (Среда) За литургіей причастниковъ было 22 человѣка.

— — Новокрещенные круглые сироты Комдожской волости Антоній (13 лѣтъ) и Григорій (8 л.) Кириловы, проживавшіе большею частію въ с. Маймѣ, сего дня объявили мнѣ, что съ нихъ уже лѣтъ 5-ть, какъ взыскиваютъ въ подати ежегодно со старшаго по 3 р. с., а съ младшаго по 71½ к. с., за сей же годъ взыскано вдвойнѣ: въ первый разъ посланнымъ отъ Зайсана, а потомъ самимъ Зайсаномъ; что посему они не имѣютъ

возможности пропитываться и просятъ защиты и помощи. Посему младшій изъ нихъ принятъ для обученія грамотѣ въ улалинскомъ училищѣ миссіи; а старшему дана выписка объ нихъ изъ ревизіи, гдѣ выставлена и статья закона, по которой они, какъ еще не достигшіе 18-ти лѣтняго возраста, въ окладѣ не состоятъ и должны быть совершенно свободны отъ всякаго взыску податей и повинностей до 18-ти лѣтъ,—съ тѣмъ, чтобы онъ самъ просилъ о семъ земское начальство.—Но онъ, изъ боязни просить о семъ, не рѣшился и не рѣшается явиться для сего къ земскому чиновнику.

— 29 (Воскр. 5 н.). За литургіей причастниковъ было 57 человѣкъ.

АПРѢЛЬ.

И въ семъ мѣсяцѣ, кромѣ всегдашней работы—письмоводства (въ которомъ хотя временно и пользуюсь помощію того или другаго изъ членовъ миссіи, но постояннаго помощника не имѣю), преимущественно былъ я занятъ: 1) почти ежедневнымъ церковнымъ богослуженіемъ; 2) исповѣдію говѣвшихъ; 3) ученіемъ новокрещенныхъ и готовящихся ко крещенію; 4) посѣщеніемъ и лѣченіемъ больныхъ; и 5) хлопотами о перекрытіи майминской церковной ограды и о поправкѣ строеній при улалинскомъ станѣ миссіи.

Апрѣля 1. (Среда 6 н.). Новокрещенная женщина с. Улалы 48 л., Анна Кипріанова, будучи давно нездорова, неоднократно присылала ко мнѣ своихъ дѣтей за лѣкарствомъ; но посланные не могли въ точности объяснить ея болѣзнь; мнѣ же не удавалось лично быть у ней и въ подробности изслѣдывать ея болѣзнь. Сего дня она, собравшись съ силами, сама пришла ко мнѣ,

и сказавъ, что не выйдетъ изъ моего дому до тѣхъ поръ, пока не будетъ вылѣчена, расположилась какъ у себя дома. Такой рѣшительный приступъ озадачилъ меня. Разузнавъ о ея болѣзни (*Dyspepsia*, соединенная съ безсонницею, тошнотою, отвращеніемъ отъ пищи, постоянною болью живота и головы, зябкостью и проч.) прежде всего я поспѣшилъ отыскать и дать ей поскорѣе приличное гомеопатическое лѣкарство, намѣреваясь потомъ посовѣтовать ей успокоиться у себя дома. Давъ ей *Chin.*°/₀, я озаботился тутъ же сдѣлать соображеніе касательно дальнѣйшаго лѣченія; но пока я пріискивалъ приличныя за тѣмъ средства, больная заснула, и проспавъ около 4-хъ часовъ крѣпкимъ сномъ, наконецъ встала, и сказала, что она чувствуетъ себя здоровою; укрѣпясь пищею, ушла домой, и съ того времени доселѣ здорова.—Не знаю, чему приписать столь быстрое излѣченіе хронической болѣзни: лѣкарственной ли силѣ столь малаго пріема, или крѣпкой вѣрѣ больной.

— 4. (Субб. 6 н.). За литургіей причастниковъ было 26 человѣкъ.

— 5. (Вербное воскр.). За литургіей пріобщались 34 человѣка.

— 9 (Велик. четв.). За литургіей причастниковъ было 52 человѣка, большею частію изъ новокрещенныхъ д. Верхняго Карагужа.

— 11. (Велик. субб.) Служилъ литургію и пріобщалъ 58 человѣкъ.

— 12. (Свѣт. воскр.). За литургіей читано Евангеліе на славянскомъ и татарскомъ языкѣ (здѣшнемъ); Символъ Вѣры, молитву Господню: „Отче нашъ“ и Христосъ Воскресе — пѣли также на двухъ языкахъ. Причастниковъ было 79 человѣкъ; въ томъ числѣ слѣ-

ные и престарѣлые, человѣкъ до 15-ти собравшись на пиръ вѣры, также удостоились трапезы Господней; и они привѣтствовали другъ друга, произнося: „Христосъ Воскресе!“ и на ихъ лицахъ видна была живая сердечная радость.

— 13. (Понед. Пасхи). Послѣ литургіи была, какъ и ежегодно бываетъ, торжественная встрѣча, за селеніемъ, иконъ изъ майминской приходской церкви, приносимыхъ въ облаченіи, съ крестомъ и пѣніемъ, въ сопровожденіи всѣхъ жителей с. Улалы. Такая встрѣча весьма благотворно дѣйствуетъ на народъ во славу Божію и честь св. иконъ.

— 18. (Субб.). Литургію служили соборнѣ, въ палаткѣ, разставленной на томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ Макарій служилъ здѣсь первую литургію, надъ могилами погребенныхъ здѣсь старца о. Петра и 5-ти человѣкъ изъ семействъ членовъ миссіи.

— 19. (Воскр. Ѳом.). Здѣсь же отслуживъ литургію и панихиду, ходилъ къ 3-мъ безнадежно больнымъ и и пріобщилъ ихъ.

— 20 (Понед.) Оглашены: братъ новокрещеннаго с. Улалы Южской волости Василія Таштамышева *Татаръ*, 8 л., нареченный *Симеономъ*, и прибывшіе сюда для принятія св. крещенія еще на Пасхѣ, 5-й Алтайской Дючины калмыкъ *Эмчи*, 25 л., нареченный *Василіемъ*, и отпущенная некрещеннымъ мужемъ дочь новокрещеннаго двоеданца с. Мыюты Михаила Алексѣева, *Чолтуймакъ*, 24 л., нареченная *Александрою*. Отпустивъ о. Смарагда въ с. Кебезень, и поручивъ дальнѣйшее обученіе оглашенныхъ рясофорному монаху Михаилу Невскому, я выѣхалъ въ г. Бійскъ.

25—28. Возвратясь въ Улалу, по 27-е число зани-

мался съ оглашенными и крестилъ ихъ, а 28-го пріобщилъ св. Таинъ.

— 29. (Среда). Новоопредѣленный на службу къ миссіи церковнослужитель Іосифъ Александровскій отправленъ съ семействомъ на жительство въ с. Чемалъ. На пути, будучи заваленъ глубокимъ снѣгомъ, какой тамъ рѣдко бываетъ и зимой, онъ съ большимъ трудомъ добрался до Чемала уже 2 мая.

— 30. (Четв.). Посѣщалъ 4-хъ тяжко больныхъ.— Всѣхъ больныхъ требовавшихъ лѣкарствъ и попеченія въ апрѣлѣ было 30 чел., которые, за исключеніемъ 2-хъ, всѣ—улалинскіе жители. Изъ нихъ 7 оставалось отъ марта и 23 вновь заболѣли. Въ теченіе апрѣля изъ сего числа 25 выздоровѣли, 1 умер. и 4 остались больными къ Маю.

СПИСОКЪ

ШКОЛЪ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ ПРОСТАГО НАРОДА, ОТКРЫТЫХЪ ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ВЪ 48 ЕПАРХІЯХЪ; НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ДѢЛУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ ВЪ ПОЛЬЗУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Сообщая въ прошедшемъ году свѣдѣнія ([1]) о заведеніи школъ грамотности духовенствомъ православнымъ, мы искренно сожалѣли, что не могли собрать полныхъ и подробныхъ свѣдѣній ни объ одной изъ православныхъ епархій, хотя и знали, что вопросъ объ образованіи простаго народа серьозно занимаетъ русское духовенство. Теперь редакція Христіанскаго Чтенія съ удовольствіемъ извѣщаетъ, что въ ежемѣсячно посылаемыхъ Святѣйшему Сѵноду рапортахъ епархіяльныхъ преосвященныхъ она нашла средства слѣдить за ходомъ распространенія грамотности въ каждой епархіи. Слѣдующій алфавитный списокъ православныхъ епархій, съ показаніемъ числа школъ въ каждой и числа учащихся обоихъ половъ, извлеченъ изъ рапортовъ православныхъ русскихъ архіереевъ за ноябрь мѣсяцъ прошлаго года; подобные списки, время отъ времени, редакція Христіанскаго Чтенія будетъ сообщать и впредь. Оставляя за собой обязанность болѣе подробно говорить объ этихъ

([1]) Христ. Чт. сент. 1861 г. см. *Внутреннее Обозрѣніе*.

услугахъ православнаго духовенства народному образованію въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала. Редакція охотно предлагаетъ всѣмъ другимъ журналамъ и газетамъ перепечатать эту вѣдомость, надѣясь, что всякій, заинтересованный судьбами отечественнаго образованія, съ радостію просмотритъ ее.

къ 1 декабря 1861 года состояло:

	въ епархіяхъ:	школъ.	учащихся.	
			мужеск.	женскаго.
1.	Архангельской	122.	1,111.	312.
	Астраханской	59.	1,597.	308.
	Варшавской	9.	76.	38.
	Владимірской	277.	5,175.	685.
5.	Вологодской	481.	7,277.	947.
	Волынской.	1,216.	10,780.	841.
	Воронежской.	209.	3,820.	326.
	Вятской.	346.	3,005.	1,051.
	Донской.	154.	2,186.	322.
10.	Екатеринославской	259.	4,755.	471.
	Енисейской	не полу	чено еще	свѣдѣній.
	Иркутской.	—	—	—
	Кавказской	—	—	—
	Казанской	231.	2,662.	512.
15.	Калужской.	220.	3,409.	356.
	Кишиневской	639.	9,316.	1,177.
	Кіевской.	1,335.	23,228.	6,112.
	Костромской	660.	5,782.	1,360.
	Курской.	201.	2,806.	559.
20.	Литовской.	247.	3,952.	109.
	Минской.	580.	7,405.	1,297.
	Могилевской.	111.	1,715.	245.
	Московской	135.	1,854.	296.
	Нижегородской.	564.	4,373.	456.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	школъ.	учащихся.	
		мужеск.	женскаго.
25. Новгородской	250.	2,952.	626.
Олонецкой.	201.	1,485.	592.
Оренбургской	79.	887.	643.
Орловской.	516.	7,311.	1,145.
Пензенской	267.	4,588.	311.
30. Пермской	66.	724.	216.
Подольской	1,241.	18,822.	4,281.
Полоцкой	200.	1,596	185.
Полтавской	209.	2,243.	413.
Псковской.	59.	786.	291.
35. Рязанской	703.	15,258.	1,629.
Рижской.	296.	5,289.	4,028.
Самарской.	234.	5,288.	1,008.
С. Петербургской	238	4,223.	1,027.
Саратовской.	523.	7,171.	1,166.
40. Симбирской	342.	3,244.	2,263.
Смоленской	616	9,514.	572.
Таврической.	65.	2,279.	328.
Тамбовской	99.	1,669.	96.
Тверской	760.	10,309.	2,463.
45. Тобольской	163.	1,947.	207.
Томской.	свѣдѣній	еще не	получено.
Тульской	850.	11,618.	835.
Уфимской	135.	1,749.	419.
Харьковской	224.	5,398.	740.
50. Херсонской	285.	4,718.	541.
Черниговской	841.	13,384.	2,421.
Ярославской.	234.	2,378.	477.
Всего въ 48 епархіяхъ. . .	17,751.	253,114.	46,703.

Если взять во вниманіе отношеніе числа учащихся мужескаго пола въ разныхъ епархіяхъ къ цѣлому православному народонаселенію той или другой епархіи,

какое показано въ извлеченіи изъ отчета г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода за 1859-й годъ, то окажется, что на 1000 человѣкъ православнаго народонаселенія мужескаго пола приходится учащихся въ церковныхъ школахъ въ епархіяхъ:

1.	Рижской . . .	61.
	Кіевской . . .	31.
	Подольской . .	29.
	Кишиневской .	28.
5.	Рязанской. . .	23.
	Минской . . .	21.
	Тульской . . .	21.
	Черниговской .	20.
	Волынской . .	19.
10.	Смоленской . .	18.
	Вологодской . .	17.
	Астраханской .	16.
	Тверской . . .	15.
	С. Петербургской	12.
15.	Херсонской / Таврической	12 (¹)
	Костромской . .	12.
	Литовской. . .	11.
	Олонецкой . .	11.
20.	Екатеринославской	11.
	Саратовской . .	11.
	Орловской . .	10.
	Владимірской. .	9.
	Пензенской . .	9.
25.	Самарской. . .	9.
	Нижегородской .	8.
	Архангельской .	8.
	Калужской . .	7.
	Харьковской . .	7.
30.	Новгородской .	6.
	Полоцкой . . .	6.
	Симбирской . .	6.
	Казанской . .	5.
	Ярославской . .	5.
35.	Донской . . .	5.
	Уфимской / Оренбургской	5 (²)
	Могилевской . .	4.
	Тобольской . .	4.
40.	Варшавской . .	4.
	Воронежской . .	4.
	Курской . . .	3.
	Вятской . . .	3.
	Московской . .	2.
45.	Псковской . .	2.
	Полтавской . .	2.
	Тамбовской . .	1.
	Пермской 8 на 10,000.	

(¹) (²) Епархіи херсонская и таврическая, уфимская и оренбургская еще не были раздѣлены въ 1859 г., и потому православное народонаселеніе ихъ показано въ отчетѣ вмѣстѣ. Не имѣя свѣдѣній, сколько изъ него приходится на долю каждой изъ нихъ, мы показываемъ въ нихъ число учащихся сравнительно съ общимъ числомъ ихъ народонаселенія.

Огромная разность между числомъ учащихся въ церковныхъ школахъ въ разныхъ епархіяхъ сравнительно съ общимъ народонаселеніемъ ихъ прежде всего бросается въ глаза всякому при разсмотрѣніи этой таблицы. Не будемъ брать во вниманіе число учащихся въ рижской епархіи; по особому положенію православныхъ въ этой епархіи, тамъ давно уже обращено вниманіе на народное образованіе и ассигнуется особая сумма на жалованье наставникамъ и на учебныя принадлежности; не удивительно потому, что тамъ число учащихся сравнительно съ другими епархіями гораздо болѣе. Но всѣ другія епархіи, сколько извѣстно, находятся въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи, т. е. всѣ не получаютъ ровно никакихъ средствъ для дѣла народнаго образованія: а между тѣмъ число учащихся въ школахъ отъ 31 человѣка на 1000 нисходитъ до 1-го, и даже менѣе. Отъ чего зависитъ такая разность? Гдѣ искать причины ея? Въ народѣ ли, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можетъ быть, еще не пришелъ къ сознанію пользы и необходимости грамотности и смотритъ на нее, какъ на что-то еретическое, какъ въ былыя времена? Или въ духовенствѣ, которое не во всѣхъ мѣстахъ съ одинаковымъ усердіемъ берется за дѣло народнаго обученія? Или, можетъ быть, такая разность зависитъ отъ того, что въ иныхъ мѣстахъ простой народъ обучается въ школахъ, не подлежащихъ вѣдѣнію сельскаго духовенства? Извѣстно, напримѣръ, что уже давно заведены (хотя и не вездѣ) школы грамотности между такъ называемыми казенными крестьянами. Изъ отчетовъ епархіальныхъ преосвященныхъ не видно, чтобы школы эти включались въ представляемыя ими вѣдомости, хотя въ нихъ, по крайней

мѣрѣ бо́льшею частію, наставниками или сельскіе священники, или окончившіе курсъ семинаристы. Желательно было бы знать, сколько такихъ школъ и сколько въ нихъ учащихся. Общіе выводы о распространеніи грамотности можно дѣлать только по собраніи всѣхъ свѣдѣній.

О самомъ обученіи въ церковныхъ школахъ мы имѣемъ только общія свѣдѣнія: учатъ обыкновенно чтенію, письму, священной исторіи, катихизису и по мѣстамъ первымъ 4-мъ дѣйствіямъ ариѳметики и церковному пѣнію; ученіе въ большей части школъ начинается въ сентябрѣ и продолжается до мая мѣсяца. На четыре лѣтніе мѣсяца оно бо́льшею частію прекращается, такъ какъ учащіеся въ это время заняты полевыми работами. Такое распредѣленіе времени, вполнѣ соотвѣтствуя обстоятельствамъ и потребностямъ учащихся, безспорно имѣетъ и свои недостатки: неуспѣвшіе порядочно усвоить себѣ грамотности до мая мѣсяца конечно въ теченіе 4-хъ вакаціальныхъ мѣсяцевъ могутъ позабыть и то, что́ усвоили. Мы не беремъ на себя смѣлости совѣтовать измѣнить такой порядокъ: это значило бы не уважать требованій самой жизни. Тѣмъ менѣе умѣстно въ этомъ случаѣ какое либо положительное предписаніе. Свободно начатое священниками дѣло народнаго образованія и совершаться должно съ полною свободою. Всякая регламентація здѣсь, по нашему крайнему убѣжденію, будетъ только убивать духъ и разовьетъ наклонность къ формалистикѣ: а кому неизвѣстно, какъ малоплодна, а по временамъ и прямо безплодна бываетъ такая наклонность?... О методѣ преподаванія въ школахъ, о томъ, какіе предметы больше интересуютъ учащихся, какое вліяніе имѣетъ образованіе въ школахъ

какъ на самихъ учащихся, такъ и на ихъ родителей и родственниковъ уже взрослыхъ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Редакція Христіанскаго Чтенія покорнѣйше проситъ всѣхъ, кого интересуетъ этотъ предметъ и кому онъ ближе знакомъ, сообщать ей свои замѣтки о народныхъ церковныхъ школахъ, не стѣсняясь литературною обработкою ихъ. Въ какой бы формѣ ни были сообщены подобныя замѣтки, она не преминетъ обнародовать ихъ, если найдетъ соотвѣтствующими своему изданію.

Направленіе образованія въ церковныхъ народныхъ школахъ религіозно-нравственное,—каково оно и должно быть, по нашему твердому убѣжденію. Всякое другое направленіе, какъ бы ни было оно благонамѣренно, поведетъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, къ одному изъ двухъ: или народъ потеряетъ довѣріе къ своимъ учителямъ и наставникамъ, или—что̀ еще хуже—потеряетъ самую вѣру. Не давно намъ случилось говорить съ однимъ парнемъ лѣтъ 17-ти, изъ мастеровыхъ, который, обучаясь въ одной изъ воскресныхъ школъ, между прочимъ услышалъ тамъ, что (какъ выражался онъ) дождь не Богъ даетъ, а какіе-то пары. Религіозное чувство его до того было потревожено этимъ, что онъ перестал ходить въ школу. Недѣли черезъ три послѣ этого онъ обратился къ намъ за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія. Признаемся откровенно, — мы съ большимъ трудомъ могли успокоить его... Да и не легко, дѣйствительно, было сдѣлать это: вѣдь онъ разсказывалъ, какъ положительный фактъ, что другіе товарищи его послѣ такого объясненія стали смѣяться надъ тѣмъ, что въ деревняхъ молятся, чтобы Богъ далъ дождя... Вотъ наглядное доказательство, къ чему можетъ повести простой народъ образованіе безъ религіоз-

но-нравственнаго направленія; это вмѣстѣ и указаніе для всѣхъ учителей и наставниковъ, съ какою осторожностію должно относиться къ религіознымъ убѣжденіямъ простолюдиновъ. *Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской* (Мат. 18, 6), сказалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ.

Судя по тѣмъ даннымъ, которыя существуютъ уже и теперь, можно надѣяться, что нашъ простой народъ, въ большинствѣ своемъ, скоро сдѣлается грамотнымъ,—умѣющимъ читать. Существенно необходимо потому позаботиться о томъ, чтобы было—что́ читать ему. Безспорно полезнѣе и необходимѣе всего для простаго народа (какъ должно бы быть и для всякаго истинно-вѣрующаго) чтеніе священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ—новаго Завѣта, и въ особенности св. Евангелія. Евангеліе въ настоящее время есть и на русскомъ языкѣ: по цѣнѣ оно доступно и для простаго народа, хотя мы не знаемъ, есть ли оно даже въ каждой сельской школѣ. Годъ тому назадъ мы не встрѣчали его вовсе въ нѣкоторыхъ селахъ; нѣкоторые священники даже и не слыхали объ его изданіи. Мы полагаемъ, что св. Евангеліе должно быть не только въ каждой школѣ, но и въ каждомъ домѣ, гдѣ только есть человѣкъ грамотный. Знакомый съ нашимъ простымъ народомъ (разумѣемъ народъ не испорченный фабриками, или близостію къ большимъ городамъ и проѣзжимъ дорогамъ) знаетъ, какъ много въ немъ благоговѣнія и сердечной привязанности не только къ Евангелію, но и вообще къ священнымъ книгамъ. Пишущій эти строки и теперь съ сердечнымъ умиленіемъ вспоминаетъ, какъ, будучи

еще ребенкомъ, онъ по возможности удовлетворялъ этой привязанности, когда, бывало, въ большіе праздники и даже въ простые воскресные дни, соберутся послѣ утрени человѣкъ десять, а иногда и болѣе, и просятъ почитать что-нибудь „отъ божественнаго". Чтеніе ограничивалось обыкновенно Четьими-Минеями, потому что больше никакихъ книгъ не было. Сколько при этомъ было вздоховъ, выходившихъ прямо отъ сердца! Что нужды до того, что слушавшіе, равно какъ и читавшій, можетъ быть, не понимали многаго изъ того, что̀ читалось; вѣра состоитъ не столько въ пониманіи, сколько въ живости и искренности чувства. Что̀ бы ни толковали поборники такъ называемой разумной вѣры, мы полагаемъ, что одно знаніе вѣры, хотя бы и отчетливое, не есть еще вѣра, что оно даже меньше имѣетъ правъ на названіе вѣры, чѣмъ живое и искреннее убѣжденіе, хотя бы оно и не могло дать отчета, почему и какъ оно вѣруетъ.

Само собою разумѣется, что при развитіи грамотности въ народѣ ему для чтенія недостаточно будетъ одного Евангелія и Четьихъ-Миней. (Чтеніе послѣднихъ — замѣтимъ мимоходомъ—безспорно могущее имѣть огромное благотворное вліяніе на народное образованіе, можетъ иногда, при недостаткѣ научнаго образованія и при живости религіознаго чувства, вести къ превратнымъ понятіямъ въ жизни, такъ какъ не усвоивши себѣ духа истинно-христіанской жизни, можно иногда остановиться на одной формѣ ея, всегда болѣе или менѣе измѣнчивой и, говоря относительно, случайной). Нужно потому образованнымъ классамъ позаботиться о томъ, чтобы дать народу для чтенія книги, наиболѣе пригодныя для него по содержанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ

доступный для него по своей цѣнѣ. Послѣднее условіе такъ существенно необходимо, что безъ него самыя лучшія изданія для чтенія простаго народа будутъ лежать въ книжныхъ лавкахъ безъ всякой пользы. Кому неизвѣстно, что для многихъ изъ нашихъ простолюдиновъ и 10 копѣекъ серебромъ составляетъ не маловажную сумму? По крайней мѣрѣ такъ было это нѣсколько лѣтъ назадъ.

Какія же книги по преимуществу нужны для простаго народа [1]? Полагаемъ, что вѣрнѣе всего можно рѣшить этотъ вопросъ, обративши вниманіе на то, какія по преимуществу книги теперь пользуются уваженіемъ у грамотнаго простонародія. Намъ не разъ приходилось пересматривать библіотеку грамотныхъ простолюдиновъ: кромѣ книгъ церковныхъ, намъ обыкновенно попадались мелкія брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, излагающія или житія святыхъ, или нравственныя наставленія. Другихъ книгъ мы не встрѣчали. Книги такъ называемыя беллетристическія, въ родѣ—Георгъ, англійскій милордъ, или Гуакъ, или Битва русскихъ съ кабардинцами и пр., не встрѣчаются у крестьянъ, а только у (бывшихъ) дворовыхъ, говоря правду, сравнительно болѣе испорченныхъ, вслѣдствіе болѣе близкаго отношенія къ бывшимъ своимъ господамъ. Популярныя книги, относящіяся къ естественнымъ наукамъ, еще меньше извѣстны въ простомъ народѣ; тоже должно сказать и о всѣхъ историческихъ и географическихъ описаніяхъ. — Не показываетъ ли это, что самая настоятельная въ настоящее время потребность

---

[1] Здѣсь мы имѣемъ въ виду не литературныя достоинства изданій для простаго народа, а ихъ содержаніе и направленіе.

у простаго грамотнаго народа, которой тотчасъ же нужно удовлетворить, есть именно потребность въ книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія? Не отвергаемъ пользы для народа и другихъ книгъ; но полагаемъ, что напередъ нужно удовлетворить уже существующимъ потребностямъ, а потомъ, по мѣрѣ возникновенія новыхъ, удовлетворять и имъ. Всякой другой порядокъ представляется намъ нарушеніемъ, большимъ или меньшимъ насиліемъ естественнаго развитія жизни простаго народа. Нѣтъ спора, что можно искуственнымъ образомъ вызвать какія угодно потребности: но мы не думаемъ, чтобы подобный искуственный вызовъ былъ многоплоденъ. Всякое искуственно взрощенное растеніе не имѣетъ такой крѣпости и силы, какъ развившееся естественно: обыкновенно оно скоро чахнетъ. И такъ, повторяемъ, изданія книжекъ духовно-нравственнаго содержанія для чтенія простому народу въ настоящее время составляютъ существенную, вопіющую необходимость. Хорошо было бы, если бы при подобныхъ изданіяхъ прилагались какія нибудь священныя изображенія или картины. Подобныя изображенія могли бы удовлетворять, кромѣ религіозныхъ, и эстетическимъ потребностямъ нашего народа, которыя, мимоходомъ замѣтимъ, теперь удовлетворяются такими уродливыми произведеніями суздальской живописи, что изъ рукъ вонъ...

Кто можетъ удовлетворить этой потребности? Кому приняться за это дѣло? Всякой, кто сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія и сознаетъ въ себѣ способность къ этому, пусть въ добрый часъ, съ благословеніемъ Божіимъ, и начинаетъ. Но, конечно, больше всего лежитъ эта обязанность на духовенствѣ... Извѣстно, что

уже нѣсколько лѣтъ существуетъ комитетъ для изданія книгъ для простаго народа; сколько извѣстно намъ, онъ довольно уже сдѣлалъ съ этою цѣлію. Къ сожалѣнію только, ничего изъ сдѣланнаго имъ не явилось пока въ печати. Пора, давно пора приняться за изданіе по крайней мѣрѣ того, что̀ уже сдѣлано. Иначе нашъ простой народъ, выучившись грамотѣ, и не имѣя, чѣмъ удовлетворять развившейся потребности чтенія, весь обратится къ чтенію бездарныхъ и безсмысленныхъ, а иногда и безнравственныхъ, произведеній своекорыстной спекуляціи, въ родѣ Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича, разныхъ гадательныхъ книжекъ и пр. и пр. Вѣдь гораздо труднѣе будетъ пріучать народъ къ чтенію полезныхъ книгъ, когда въ немъ разовьется вкусъ къ чтенію книгъ пошлыхъ... Живой опытъ наглядно подтверждаетъ это: у грамотнаго двороваго рѣдко можно встрѣтить даже церковную книгу, а книгу религіозно-нравственнаго содержанія—еще рѣже. Содержаніе этихъ книгъ уже не интересуетъ его. Онъ скорѣе купитъ и станетъ читать какой нибудь пѣсенникъ и чѣмъ грубѣе и безнравственнѣе содержаніе его, тѣмъ больше будетъ восхищаться имъ.

Распространять между простымъ народомъ полезныя для него изданія книгъ лучше и удобнѣе всего чрезъ самыя же школы. Нашъ простолюдинъ не поѣдетъ въ городъ за тѣмъ, чтобы купить тамъ книгу; да если бы ему пришлось быть въ городѣ и по другимъ причинамъ, онъ едва-ли пойдетъ въ лавку покупать книги. Онъ убѣжденъ, что тамъ такія книги, которыя не для него писаны и не по его карману; да притомъ онъ, хотя безотчетно, боится, что его тамъ обманутъ: или дадутъ книгу, не пригодную для него, или возьмутъ за нее

лишнюю цѣну. Всякому, думаемъ, извѣстно, что доселѣ нашъ простой народъ покупалъ себѣ книги, за исключеніемъ церковныхъ, или во время ярмарокъ въ балаганахъ, и всегда у такого же продавца, каковъ онъ самъ, или—еще чаще—у такъ называемыхъ разносчиковъ, которые разносятъ или иногда развозятъ по деревнямъ всякаго рода и вида товары. Продажа книгъ при школахъ подъ надзоромъ священника съ одной стороны избавитъ простой народъ отъ необходимости отыскивать, гдѣ купить ему нужную книгу, съ другой—можетъ совершенно успокоить его на счетъ самаго содержанія книги.

Выше мы представили таблицу, показывающую отношеніе числа учащихся мужескаго пола къ цѣлому православному народонаселенію въ разныхъ епархіяхъ. Учащихся женскаго пола, какъ и естественно ожидать, гораздо меньше. Вотъ подобная таблица для лицъ женскаго пола: на 10,000 православнаго народонаселенія женскаго пола приходится учащихся въ церковныхъ школахъ въ епархіяхъ:

1.	Рижской	486.		Костромской	23.
	Варшавской	95.	15.	Архангельской	20.
	Кіевской	78.		Уфимской, Оренбургской	20.
	Подольской	65.		Вологодской	19.
5.	Симбирской	42.		Саратовской	16.
	Олонецкой	40.	20.	Самарской	16.
	Кишиневской	37.		Херсонской, Таврической	16.
	Черниговской	35.		Орловской	15.
	Минской	34.		Тульской	14.
10.	С. Петербургской	32.	25.	Волынской	14.
	Тверской	32.		Новгородской	12.
	Астраханской	29.			
	Рязанской	23.			

	Смоленской	10.		Псковской	7.
	Владимірской	10.		Могилевской	6.
	Харьковской	10.	40.	Курской	6.
30.	Екатеринославской	10.		Пензенской	5.
	Вятской	10		Московской	4.
	Ярославской	9.		Тобольской	4.
	Казанской	9.		Полтавской	4.
	Донской	8.	45.	Литовской	3.
35.	Калужской	7.		Воронежской	3.
	Нижегородской	7.		Пермской	2.
	Полоцкой	7.		Тамбовской	1.

Принимая во вниманіе вліяніе, какое въ низшихъ сословіяхъ имѣетъ мать на воспитаніе дѣтей, нельзя не пожелать отъ души бóльшаго распространенія грамотности между женскимъ поломъ нашего простаго народа. Все воспитаніе дѣтей въ простомъ народѣ, каково бы оно ни было, почти исключительно лежитъ на матеряхъ. Отецъ, занятый полевыми работами и домашнимъ хозяйствомъ, рѣдко имѣетъ возможность заняться дѣтьми; да если бы и имѣлъ, едва-ли почтетъ подобное занятіе своимъ дѣломъ. Дѣти почти исключительно растутъ подъ надзоромъ матери. Какое огромное благотворное вліяніе могъ бы имѣть этотъ надзоръ, если бы матери сами сколько нибудь были образованы! Грамотныя матери, кромѣ того, могли бы въ послѣдствіи времени сами учить своихъ дѣтей грамотѣ...

Большинство школъ въ епархіяхъ открыто духовенствомъ, и очень малое количество лицами другихъ сословій и вѣдомствъ; больше половины школъ помѣщается въ домахъ священнослужителей, которые на свой счетъ часто заводятъ и книги и первыя принадлежности школъ; остальныя школы помѣщаются въ цер-

ковныхъ сторожкахъ, въ домахъ крестьянъ, въ домахъ помѣщиковъ, въ домахъ нарочно устроенныхъ для школъ крестьянами или подаренныхъ священниками, помѣщиками, церковными старостами, или въ отведенныхъ обществомъ. Конечно школы большею частію бѣдны пособіями учебными и не имѣютъ хорошихъ помѣщеній: современемъ, безъ сомнѣнія, сами крестьяне будутъ заботиться о пособіяхъ и помѣщеніяхъ. Но въ настоящее время болѣе образованныя и болѣе богатыя сословія русскаго народа могутъ значительно облегчить усилія духовенства православнаго въ открытіи новыхъ школъ и въ организаціи открытыхъ,—своими пожертвованіями въ пользу образованія простаго народа.

Пожертвованія на этотъ предметъ могутъ быть доставляемы и присылаемы въ Канцелярію Правленія С. Петербургской Духовной Академіи. Ежемѣсячные отчеты о полученіи и употребленіи пожертвованій будутъ печататься въ журналѣ «Христіанскаго Чтенія» (1).

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 28 февраля, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, состоящій по армейской кавалеріи, генералъ-лейтенантъ графъ *Толстой* назначенъ членомъ государственнаго совѣта, съ увольненіемъ его, по прошенію, отъ должности сѵнодальнаго оберъ-прокурора и съ оставленіемъ по армейской кавалеріи.

— Того же числа, харьковскій военный губернаторъ, управляющій и гражданскою частію въ харьковской гу-

---

(1) Редакція покорнѣйше проситъ другіе журналы и газеты — свѣтскіе и духовные—перепечатать это приглашеніе къ пожертвованіямъ — въ пользу образованія простаго народа.

берніи, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ *Ахматовъ* назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества и по армейской кавалеріи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ Редакцію Христіанскаго Чтенія доставлены пожертвованія: 1) изъ г. Спасска, Тамбовской губ., отъ коллежскаго ассессора Алексѣя Комарова—въ пользу православныхъ поклонниковъ Іерусалима 1 р. сер., 2) отъ причта Троицкой церкви села Верхотишанки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ.,—въ пользу пострадавшихъ Сирійскихъ христіанъ 1 р. сер., 3) изъ села Зубовки-Успенскаго. Чистопол. уѣзд., Казанской губ., отъ его благородія Василья Егорова—на возстановленіе православія на Кавказѣ — 25 р. сер., и въ пользу сельскихъ школъ — 13 руб. сер. Деньги, пожертвованныя въ пользу сельскихъ школъ, препровождены въ Редакцію Духа Христіанина при отношеніи отъ 8 марта за № 159; остальныя—въ канцелярію г. оберъ-прокурора Св. Сvнода при отношеніяхъ отъ 1—8 марта за №№ 123—158.

I.

О ЯВЛЕНІИ БОГА МОИСЕЮ НА ХОРИВѢ.

(Исх. Гл. 33).

Богоявленія или явленія Бога человѣку суть такія явленія въ мірѣ, многознаменательнѣе, выше и вожделѣннѣе коихъ не было, нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, и даже на небѣ. Ибо что̀ выше Бога, и что̀ драгоцѣннѣе для нашего сердца Его близости къ намъ? Потому явленія Бога составляютъ предметъ не только благоговѣйнаго размышленія для богослова, но и благочестиваго созерцанія для каждаго христіанина. Если къ какимъ явленіямъ на землѣ должны устремляться умъ и сердце человѣка; то первѣе и болѣе всего къ явленіямъ Бога на землѣ нашей; на нихъ должны витать наши мысль, чувство и воображеніе. Обращаться всѣмъ духомъ къ сему предмету, значитъ—питать *разумъ духовный*, согрѣвать и услаждать небесною радостію сердце, и освящать самое воображеніе, которое, не бывъ обращено къ достойнымъ предметамъ, часто пресмыкается по земной персти и оскверняется нечистотами міра, во злѣ лежащаго.

Останавливаемъ благоговѣйно испытательный взоръ

на одномъ изъ такихъ Божественныхъ явленій,—явленіи Бога Моисею на Хоривѣ.

Дабы, сколько можно, ближе, обстоятельнѣе, полнѣе и глубже разсмотрѣть сіе явленіе Бога Моисею и войти въ разумѣніе и духъ его,—испытаемъ первѣе: Кто сей явившійся Моисею? Почему и для чего являлъ Онъ себя? Когда и при какихъ обстоятельствахъ было сіе богоявленіе? Въ какомъ мѣстѣ совершилось оно? Какой его духъ и характеръ?

Кто сей явившійся Моисею на Хоривѣ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что явившійся ему есть Господь Богъ. Ибо о семъ ясно сказуетъ повѣствованіе самаго Моисея, гдѣ, изображая сіе явленіе, онъ прямо именуетъ явившагося Господомъ. Но можно недоумѣвать, какое Лице Тріипостаснаго Бога явило Себя въ семъ случаѣ. Изъ сказаній божественнаго Писанія нельзя не усматривать, что вся Пресвятая Троица, совершая дѣло спасенія нашего, въ своемъ Троичномъ совѣтѣ раздѣлила сіе великое, отъ первыхъ до послѣднихъ дней рода человѣческаго совершаемое дѣло домостроительства своего, по чредамъ служенія,—и первѣе,—до времени изшествія Спасителя на торжественную проповѣдь,—дѣйствовалъ Богъ Отецъ, *начный дѣло* спасенія нашего, *многочастнѣ* и *многообразнѣ глаголавый во пророкахъ*, *рано*, по слову пророческому, *востая и посылая* ихъ (Іер. 7, 25).

Почему, надобно полагать, что пророкамъ въ чудныхъ духовныхъ видѣніяхъ открывался наипаче Богъ Отецъ, призывавшій и посылавшій ихъ на сіе дѣло, Коего зрѣли они то ветхимъ деньми, то сидящимъ на престолѣ превознесеннѣ. Но во всѣхъ богоявленіяхъ, бывшихъ Аврааму, Исааку, Іакову и Моисею, ощущаемыхъ не пророческими, а внѣшними очами, соглас-

но съ мнѣніемъ отцевъ и учителей Церкви, нужно признавать Сына Божія, второе Лице Пресвятой Троицы,— Спасителя человѣковъ, который былъ *вчера и днесь, той же и во вѣки*. Такъ и въ семъ случаѣ, явившійся Моисею былъ Сынъ Божій,—Іисусъ Христосъ.

Почему и для чего сіе богоявленіе? Первая причина или глубочайшее основаніе на то,—почему было какъ сіе, такъ и вообще всѣ богоявленія въ ветхозавѣтной церкви, изъ коихъ сіе есть какъ бы одинъ нерукотворенный чудный образъ въ ряду образовъ являвшагося на землѣ Господа,—лежитъ въ самомъ существѣ Бога и существѣ человѣка, и взаимномъ ихъ отношеніи. Господь Богъ есть первообразъ человѣка, человѣкъ есть образъ Бога, хотя не по естеству, какъ Единородный Сынъ Божій, образъ Ѵпостаси Отчей; то по сходству и подобію,—образъ живой и точный. *И вдуну въ лице его дыханіе жизней*, сказуетъ Писаніе о твореніи человѣка. Симъ изображается такая близость Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, какая между дышущимъ и дыханіемъ. Почему какъ естественно человѣку стремиться къ Богу и желать явленія Господа, дабы зрѣть свой Первообразъ и болѣе уподобляться и приближаться къ Нему; такъ взаимно и Господь, по свободному своему снисхожденію, желаетъ являть Себя образу своему— человѣку, дабы болѣе и болѣе привлекать его къ единенію съ Собою. Такимъ образомъ богоявленія, хотя явленія чрезвычайныя, но состоятъ въ порядкѣ, установленномъ Богомъ: они какъ бы нужны, необходимы, по самому отношенію Бога къ человѣку. Образу и первообразу нужно стоять въ близкомъ отношеніи между собою, и Господу подобаетъ не являться только изрѣдка, чрезъ долгій рядъ вѣковъ, а быть съ человѣкомъ,

какъ это будетъ нѣкогда, и было отчасти прежде. Но грѣхъ положилъ средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ. Мгла нечестія и нечистоты человѣка, и съ другой стороны тучи гнѣва Божія сокрыли и удалили человѣка отъ Бога, или паче Бога отъ человѣка. Впрочемъ Господь, милостивый въ самомъ гнѣвѣ, оставленный человѣкомъ, но не оставившій человѣка, яко *любы*, по естеству самому, и *Богъ приближаяйся*, а *не Богъ издалеча* (Іер. 53, 23), идетъ къ убѣгающему отъ лица Его грѣшнику-человѣку, и, опредѣливъ своимъ милосердіемъ разрушить нѣкогда средостѣніе, отдѣлявшее Его отъ человѣка,—по силѣ сего опредѣленія, уже являетъ Себя человѣку, и, движимый любовію къ нему, предваряетъ нѣкоторымъ образомъ назначенное время.

Такъ богоявленія суть съ одной стороны возстановленія преждебывшаго естественнаго порядка и отношенія Бога къ человѣку, съ другой — ранній плодъ новаго устроенія или домостроительства Божія, и залогъ будущаго не только временнаго, но и вѣчнаго общенія Бога съ человѣкомъ.

По милосердому совѣту Пресвятыя Троицы, Господу нужно было явиться на землѣ и видимо обитать съ человѣками тридесять три лѣта. Но Господь, какъ въ царствѣ природы, такъ и, тѣмъ паче, въ царствѣ благодати, если что хочетъ произвести великое и чрезвычайное, предваряетъ это презнаменовательными событіями, уготовляющими людей къ срѣтенію сего событія. Почему, восхотѣвъ пріити на землю и обитать на ней, Онъ прежде, нежели *пріискреннѣ пріобщился плоти и крови* нашей навсегда, временно и образно принималъ естество наше, или, точнѣе, видъ его, и являлся избраннымъ своимъ, дабы пріуготовивъ и, такъ сказать.

пріучивъ мысль ихъ къ видимому явленію Себя, пріуготовить ихъ къ принятію Его, имѣющаго пріити во плоти нашей, и дабы такимъ образомъ величайшая и средоточная тайна всѣхъ таинъ Вѣры христіанской,— *явленіе Бога во плоти*, не показалась во всемъ и всѣмъ *безуміемъ*, или *юродствомъ*.

Такъ здѣсь съ одной стороны видно основаніе, почему Господь и наипаче Сынъ Божій, видимо и притомъ въ образѣ человѣка являлъ Себя,—ибо Онъ восхотѣлъ нѣкогда явиться видимо для всѣхъ, пріявъ навсегда естество человѣческое;—такъ съ другой—открывается и цѣль Его явленія, состоящая въ приготовленіи насъ къ Его особенному явленію во плоти. Кромѣ того, родъ человѣческій въ лицѣ избраннаго народа имѣлъ нужду въ руководителяхъ на пути спасенія, каковы были Авраамъ и Моисей, нарочитые изъ боговидцевъ. Но и сіи руководители въ свою чреду нуждались въ высшемъ руководствѣ. Быть можетъ, эта часть предуготовительнаго ветхозавѣтнаго домостроительства —наставленіе людей, и вся могла совершиться или ангеломъ, или даже людьми избранными, какъ и была, въ нѣкоторой мѣрѣ совершаема. Но Господь не все чрезъ ангеловъ, или пророковъ, а и самъ, еще до принятія плоти, является видимымъ наставникомъ и руководителемъ избранныхъ своихъ, — руководителей, въ свою чреду, избраннаго народа,—въ ознаменованіе своей къ нимъ любви чрезвычайной.

Сверхъ сего, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ потребно было явленіе не ангела, а самаго Господа ангеловъ,—для извѣщенія, вразумленія, утѣшенія и ободренія своихъ избранныхъ.

Это тѣмъ болѣе было прилично и нужно въ то вре-

мя: ветхозавѣтная Церковь, особенно до временъ Моvсея (а до сего времени по преимуществу и совершались богоявленія), по свойству этого времени, была, можно сказать, въ младенческомъ возрастѣ, относительно Церкви благодатной. Почему праведникамъ ветхозавѣтнымъ, какъ дѣтямъ по времени возраста Церкви, наипаче нужны были видимыя водительства и явленія Господа.

По симъ, нужно полагать, причинамъ и цѣлямъ совершилось и явленіе Бога Моисею. Но сіи причины и цѣли общи ему со всѣми другими богоявленіями. Есть еще причины и цѣли сего явленія частныя, кои вытекаютъ изъ времени, обстоятельствъ и особенной нужды сего явленія.

Давъ законъ на Синаѣ, законодатель посылаетъ Моисея превести народъ еврейскій въ землю обѣтованную. И такъ Моисею предлежитъ путь и подвигъ вести народъ многочисленный и ропотливый, который послѣ ряда разительныхъ чудесъ десницы Божіей, ему благодѣющей, въ присутствіи, предъ лицемъ, можно сказать, самаго Бога, въ виду грозныхъ явленій Синая, ужасно отступилъ отъ Бога, и вынудилъ Моисея, въ жару ревности и негодованія, сокрушить скрижали богоначертанныя,—нужно вести сей народъ среди пустыни въ землю чуждую, населенную народомъ сильнымъ. Но Господь отказываетъ ему въ своемъ шествіи съ нимъ. *Самъ не пойду съ тобою*, вѣщаетъ Онъ, *яко люди жестоковыйни суть*. Притомъ и время богоявленій уже прекращалось, ибо Церковь изъ возраста дѣтскаго выходила уже въ юношескій возрастъ состоянія подзаконнаго, и потому синайское торжественное богоявленіе, можно полагать, было бы уже заключительнымъ явленіемъ нарочитыхъ богоявленій, если бы не приложи-

лось еще сіе явленіе.—Господь видимое явленіе свое по временамъ, захотѣлъ уже замѣнить постояннымъ, но невидимымъ пребываніемъ въ скиніи, сообразно времени и состоянію членовъ Церкви. И Моисей всею силою духа, всѣмъ желаніемъ возжелалъ явленія Господа, который положилъ уже прекратить свои явленія и непосредственное водительство свое, которымъ пользовался Израиль, особенно въ лицѣ избранныхъ своихъ. Господь, дающій усердной молитвѣ болѣе, *нежели ихъ же проситъ*, отлагаетъ опредѣленіе свое, обѣщая Моисею самъ предти предъ лицомъ его, и чуднымъ образомъ является ему.

Такъ богоявленіе сіе состоитъ какъ бы уже не въ ряду другихъ богоявленій, есть особенный даръ Божій, слѣдствіе снисхожденія Божія молитвенному желанію Моусея,—плодъ его молитвы.

Гдѣ совершилось сіе богоявленіе? На горѣ Хоривѣ. Почему на горѣ? Нельзя не остановить на семъ особаго вниманія, ибо у Господа ничего нѣтъ не намѣреннаго и безъ цѣли. Какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ благодати Онъ все творитъ премудро и разумно. Тѣмъ паче замѣчательно сіе мѣсто богоявленія, что и другія, торжественнѣйшія наипаче явленія Бога совершались на горахъ. *Высоты горъ суть* какъ бы жертвенники въ великомъ храмѣ природы, мѣста особенно Божіи, на коихъ Онъ являлъ особенную свою славу. Такъ Пророкъ по преимуществу усвояетъ Богу высоты горъ: *и высоты горъ того суть* (Пс. 94, 4); *дивенъ въ высокихъ Господь*. Посему-то горы преимущественно Господь благоволилъ избрать мѣстами явленій своихъ человѣкамъ, какъ мѣста болѣе богоприличныя по самой высотѣ своей, какъ бы приближающія человѣка къ Богу.

Господь нисходитъ къ человѣку видимо; нужно, чтобы и человѣкъ восходилъ къ Богу. Къ вездѣсущему и всесовершеннѣйшему Духу нельзя, конечно, приближаться возшествіемъ внѣшнимъ, къ Нему токмо можно восходить духомъ. Но если восхожденіе на горы, возвышая внѣшнія чувства наши, можетъ способствовать тѣмъ возвышенію духа; то и самое восхожденіе на высоты горъ можетъ, хотя посредственно, возводить къ Богу. Не потому ли наипаче святые подвижники благочестія, имѣя *чувствія обучена въ различеніи вещей духовныхъ* (Евр. 5, 14), избирали для своего пребыванія горы, какъ-то: синайскія, аѳонскія, кіевскія и другія?

Посему-то и Господь, примѣняясь къ нуждамъ и свойствамъ человѣка, всѣ великія, божественныя явленія свои наипаче совершилъ на горахъ. Что выше явленій славнаго законодательства Божія Моисею, Преображенія Господня, Его смерти и вознесенія? Но все это совершалось на горахъ: Синаѣ, Ѳаворѣ, Голгоѳѣ и Елеонѣ. Самая Церковь Божія изображается у пророковъ въ видѣ горы. Это, конечно, потому, что она прообразована Сіономъ, горою, нарочитымъ мѣстомъ жилища Божія. Но почему домомъ своимъ Давидъ, или паче самъ Господь чрезъ Давида избралъ для Себя мѣсто сіе,—какъ не по тѣмъ причинамъ, о коихъ мы упомянули выше?

Какой духъ и характеръ сего богоявленія? Сіе явленіе Бога Моисею, а паче бесѣда Его къ нему дышетъ благостію и снисхожденіемъ. Сіе явленіе и есть плодъ сего снисхожденія,—хотя Богъ здѣсь по свойству времени и завѣта и прикрывается грозностію, подобно какъ Іосифъ явившійся братьямъ своимъ, доколѣ не открылся имъ въ собственномъ видѣ. И эта часть обра-

щенія Іосифа съ братьями, который есть прообразъ Христа Спасителя, есть, нужно полагать, образъ обращенія Спасителя съ человѣками въ в. Завѣтѣ.

Съ другой стороны нельзя въ семъ явленіи не видѣть удивительной силы молитвы Моисея или его желанія молитвеннаго—также простоты дерзновенія любви его къ Богу.

Не менѣе удивительна и бесѣда, какую ведетъ здѣсь Господь съ Моисеемъ. Это можно бы подумать, не зная,—разговоръ двухъ существъ, равныхъ между собою: такой языкъ любви и близости Бога къ Моисею и Моисея къ Богу.—Господь глаголалъ къ Моисею: *якоже ащебы кто возглаголалъ къ своему другу*, говоритъ Писаніе. Оттого языкъ сей бесѣды столь трогателенъ, что можетъ размягчать самое ожесточѣнное сердце. Тонъ сей бесѣды простъ и искрененъ; но въ простотѣ своей имѣетъ божественную высоту недостижимую.—По своему образу богоявленіе сіе имѣетъ характеръ особенно таинственный.

Вникнемъ отчасти въ нѣкоторыя подробности сего богоявленія, дабы ближе войти въ духъ этой бесѣды Бога съ Моисеемъ и въ смыслъ сего явленія.

Послѣ того, какъ Господь далъ законъ Моисею и обѣщалъ послать съ нимъ ангела своего, руководителя и защитника, уготовилъ такимъ образомъ водителя народа своего въ путь странствія,—Моисей обращаетъ къ Богу какъ бы послѣднее прощальное и молитвенное слово дерзновенія. *И рече Моисей ко Господу: се Ты мнѣ глаголеши: изведи люди сія: Ты же не явилъ ми еси, кого послеши со мною*. Кто же мой спутникъ и помощникъ? *Ты же мнѣ реклъ еси: вѣмъ тя паче всѣхъ*,—что Ты знаешь меня сердцемъ и любовію,—ибо всѣхъ зна-

ешь всевѣдѣніемъ твоимъ, являешь ко мнѣ благоволеніе твое; какъ и я вѣмъ Тя не умомъ только, а и сердцемъ, люблю Тебя *всею мыслію, всею крѣпостію, всѣмъ сердцемъ моимъ*;—*и Ты вѣси мене паче всѣхъ.* Ты глаголалъ мнѣ, что я обрѣлъ благоволеніе у Тебя. Такъ твоими же словами умоляю Тебя: *аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе самого.* Въ сихъ словахъ высказывается желаніе всего человѣчества;—Моисей здѣсь говоритъ какъ бы языкомъ всего человѣческаго рода. Видѣть Господа естественно человѣку, какъ видѣть сыну лице отца. Не видѣть человѣку Бога — не естественное состояніе, показывающее средостѣніе вражды, грѣхомъ положенное. Такъ, желаніе видѣть Господа, искать лица Его—есть коренное желаніе души человѣка. И убѣгаютъ Его,—просятъ горы, чтобы покрыли отъ Него,—только тѣ, кои потеряли сыновство свое и правоту свою.

Какъ же Моисей, бесѣдуя съ Господомъ, видѣвъ Господа и до сей еще бесѣды съ Нимъ, проситъ, чтобы Господь явилъ ему Себя? Прежде видѣлъ и теперь видитъ, но не такъ, какъ теперь желаетъ видѣть: *да разумно вижду Тя*—т. е. ясно, полно. Прежде видѣлъ и теперь видитъ, но, нужно полагать, подъ закровомъ или завѣсою облака, сквозь которое сіяла слава Божія, и притомъ въ образѣ человѣка; а Моисей желаетъ видѣть Его самаго — въ полной славѣ Божества: *яви мнѣ Тебе самаго, да разумно вижду Тя.*—Вождѣленно мнѣ, какъ и всякому человѣку, созданному Тобою и вѣдущему Тебя сердцемъ, зрѣть Тебя, Боже сердца моего, какъ бы такъ говоритъ Моисей: но я имѣю къ сему другія побужденія и, дерзаю сказать, права на сіе. *Яви мнѣ Тебе самаго* — и я увѣрюсь, что обрѣлъ благодать у

Тебя; увѣрюсь, что народъ сей, который Ты ввѣряешь мнѣ, близокъ къ Тебѣ и великъ сею близостію, если Ты, ради его, явишь мнѣ Себя. Увидѣвъ Тебя, твое величіе, я буду надѣяться на посылаемаго Тобою ангела со мною, и не видѣвъ его; Твоимъ снисхожденіемъ я убѣждусь, что Ты будешь покровительствовать мнѣ и чрезъ ангела своего. Что̀ же на это Господь Моисею? Онъ ущедряетъ и даетъ,—даетъ болѣе, нежели просилъ онъ. *Азъ самъ предъиду предъ тобою и упокою тя*. Такъ Господь побѣждается молитвою усердною! Такъ много можетъ молитва праведнаго, и такъ велико снисхожденіе Божіе! Прежде сказалъ Господь: *не пойду*, а теперь не только являетъ ясно, кто будетъ водитель, но говоритъ: *Я самъ пойду*: молитва какъ бы связываетъ и премѣняетъ опредѣленіе Господа благопремѣнительнаго. Господь побѣждается любовію, и милосердо отлагаетъ свое опредѣленіе, будучи не измѣняемъ въ существѣ своемъ. Да устыдится при семъ гордость человѣческая, часто неизмѣняющая своего опредѣленія, потому только, что сказано слово,—дабы иначе, не унизить себя, по ея понятію.

Азъ самъ предъиду предъ тобою. Обнадеженный такимъ чрезвычайнымъ снисхожденіемъ Божіимъ, Моисей какъ бы приступаетъ къ Нему ближе съ прошеніемъ своимъ: молитва его, питаемая сею снисходительностію Господа, дѣлается крѣпче, дерзновеннѣе и настойчивѣе. — Чего прежде не дерзалъ просить (ибо просилъ только объявить, кого пошлетъ Господь), того проситъ теперь съ настойчивостію,—проситъ, чтобы самъ Богъ шелъ съ ними. *И рече къ Нему Моисей: аще самъ Ты не идеши съ нами, да не изведеши мя отсюду. И како вѣдомо будетъ во истину, яко обрѣтохъ благодать у Тебе*

азъ же и людіе твои, точію идущу Ти съ нами? И прославленъ буду азъ же и людіе твои паче всѣхъ языкъ, елицы суть на земли. Въ простотѣ любви, имущей дерзновеніе, убѣждаетъ Господа итти съ нимъ, представляя Ему, что Его шествіе необходимо для славы людей Его и для славы Его самаго, избравшаго народъ сей. Иначе, говоритъ, если Ты оставишь насъ, какъ воззрятъ на народъ твой, Тобою оставленный, другіе народы, коихъ очи устремлены на насъ? И какъ воззрятъ на Тебя, избравшаго, изведшаго, и—оставившаго народъ свой? Таковъ языкъ святой простоты, любви, близости и дерзновенія къ Богу! Подобный языкъ и у Авраама, когда онъ бесѣдуетъ съ Господомъ, шедшимъ узрѣть Содомъ и Гоморъ—грады, исполненные беззаконія. Такъ праведники, отдѣленные мѣстомъ и временемъ, но соединенные во единомъ Богѣ, коему служатъ, сходны между собою по духу, — и, имѣя одинъ духъ, имѣютъ и одинъ языкъ.

Какъ же отвѣтствуетъ Господь на это слово дерзновенія? Съ такимъ же, какъ прежде, или еще бóльшимъ снисхожденіемъ *рече Господь къ Моисею: и сіе тебѣ слово сотворю*,—и сію просьбу твою—т. е. дѣйствительно самъ пойду съ тобою,—*обрѣлъ бо еси благодать предо Мною, и вѣмъ тя паче всѣхъ*,—увѣряетъ его тѣми самыми причинами, какія представлялъ Ему Моисей въ убѣжденіе Его.

Но молитва Моисея не останавливается, и простирается далѣе: приближаясь къ сердцу Божію, она имѣетъ большій жаръ, силу и дерзновеніе. Чрезвычайность полученнаго дара ободряетъ прошеніе и вызываетъ новую мольбу. *И глагола Моисей: покажи ми славу твою.* Что̀ такое слава Божія явленія, которой проситъ Моисей? Слава Божія есть величіе Божіе, безконечно-совершен-

ныя Его свойства, есть также явленіе совершенствъ, видимое и ощутительное для разумныхъ тварей, а равно и сознаніе сей славы тварями, или прославленіе Бога—славословіе. Слава, какъ величіе существа Божія, неизмѣнна, всегда равна себѣ и сіятельна, какъ солнце. Такъ она и является въ единствѣ лицъ Пресвятыя Троицы—одинаково и неизмѣнно, священно вѣчно. Въ семъ отношеніи Господь Богъ всегда равно есть Богъ славы. Но не измѣняемая въ себѣ, въ существѣ своемъ, поколику она заключается въ солнцѣ Тріединаго Божества и изъ него истекаетъ (такъ Сынъ въ троичномъ единствѣ *есть выну сіяніе славы отчей*) слава Божія въ явленіяхъ своихъ и откровеніяхъ разумнымъ тварямъ разнообразится,—по премудрымъ причинамъ и цѣлямъ,—имѣетъ разумную мѣру и разные способы откровенія своего; здѣсь слава разнствуетъ отъ славы и бываетъ разновидна, болѣе или менѣе ясная и лучезарная,—болѣе или менѣе посредственная. Такъ и міръ видимый есть слава Божія—зерцало, явленіе славы Божества, но явленіе посредственное, помышленіемъ постигаемое. Это отблескъ славы Божіей, какъ бы, вдали, какъ свѣтъ солнца отражается на лунѣ. Тѣмъ паче разнообразна слава Божія, какъ прославленіе Бога отъ тварей разумныхъ и даже неразумныхъ. Иначе славитъ Господа ангелъ, иначе человѣкъ, иначе солнце и луна. Въ семъ-то разумѣ сказано объ одномъ: *не даде славы Богу*. Слава Божія въ семъ знаменованіи, особенно со стороны разумныхъ тварей, есть слѣдствіе явленія славы Божіей,—слава Божія озаряетъ умъ и согрѣваетъ сердце тварей разумныхъ и производитъ славословіе,—подобно какъ солнце согрѣваетъ землю, и согрѣтая земля возноситъ къ нему на высоту пары свои.

Такъ разнообразна слава Божія, поколику она является разумнымъ тварямъ. Отсюда можно видѣть, какъ Моисей, видѣвшій уже не однократно славу Божію, проситъ Господа Бога показать Ему славу свою, какъ будто имъ еще невидѣнную. Моисей видѣлъ славу Божію, или явленіе величія Божія, когда бесѣдовалъ съ Нимъ на Синаѣ. *Взыде Моисей на гору и покры облако гору, и сниде слава Божія на гору Синайскую, и воззва Господь Моисею изъ среды облака. Обличіе же славы Господней, яко огнь пламенуя на версѣ горы.*—Видѣлъ Моисей славу Господа и въ скиніи свидѣнія. *Егда вниде Моисей въ скинію, сниде столпъ облачный и стаа посредѣ скиніи, и глагола Господь къ Моисею.* Такъ Моисей видѣлъ славу Божію, но видѣлъ ее не въ полномъ свѣтѣ,—глаголалъ лицемъ къ лицу—видѣлъ лице Божіе, но подъ покровомъ, сквозь завѣсу облака, не вполнѣ проницаемаго, и свѣта огня, не вполнѣ приступнаго, и славу,—не во всемъ ея блескѣ. Но онъ хочетъ видѣть славу въ полномъ сіяніи, зрѣть лице Божіе, безъ всякаго покрова,—во всемъ величіи славы. *Покажи ми славу Твою* — полную славу лица твоего, открыто, — *да ясно вижду Тя.*

Что побуждало Моисея къ такому желанію? Побуждало многое: и коренное желаніе человѣческаго сердца, какъ сказано выше, видѣть Бога, и самая слава Божія подвигала къ сему сердце Моисея, привлекая къ себѣ сладостію своею. Нѣтъ ничего отраднѣе для души, какъ зрѣть славу Божію, осіяваясь и проникаясь ею. Это сладчайшая пища всѣхъ тварей разумныхъ, безъ коей они не имѣютъ полнаго насыщенія. *Насыщуся*, говоритъ о себѣ одна боголюбивая душа, *внегда явитимися славѣ твоей*. Слава Божія есть источникъ всѣхъ сладостей

душъ блаженствующихъ въ царствѣ славы,—такъ что безъ свѣта сего, вѣчно тамъ сіяющаго, солнца, померкла бы радость ихъ. Только нѣкоторые лучи славы сея просіяли на Өаворѣ, но они такъ усладили зрителей ея, что Петръ, упоенный сею славою, какъ бы въ самозабвеніи, желалъ вѣчно остаться на горѣ сей. Алканіе Моисея ощутить сію славу Божію, коему дано отчасти уже вкусить на Синаѣ сея славы, еще болѣе изощряетъ желаніе зрѣть полноту славы. Увидѣвши зарю, мы нетерпѣливѣе ждемъ появленія солнца. Настоящее состояніе души Моисеевой подобно состоянію человѣка, который, вкусивъ каплю меда, желаетъ болѣе вкусить его,—или,—видя прекрасную картину сквозь тусклое стекло,—или лице друга, закрытое полупрозрачнымъ покровомъ, хочетъ видѣть его безъ покрова.

Но Моисей имѣлъ къ сему и особенныя побужденія, какъ выше отчасти изъясняли мы. И онъ вопіетъ во услышаніе Богу: *покажи ми славу Твою*. Ты обѣщаешь мнѣ итти самъ со мною и сопровождать меня и народъ твой; яви же мнѣ славу твою, чтобы я и въ другое время, когда не буду зрѣть Тебя лицемъ къ лицу, утѣшался и получалъ подкрѣпленіе въ трудностяхъ и искушеніяхъ на пути воспоминаніемъ явленія твоей славы, и симъ воспоминаніемъ поддерживалъ вѣру во всемогущество твое. Ты повѣдалъ мнѣ, что Ты сотворилъ небо и землю,—вся тварь проповѣдуетъ славу твою своею красотою и порядкомъ,—какія дивныя чудеса явила чрезъ меня десница твоя во Египтѣ! Покажи же мнѣ славу лица твоего — славу Бога и Творца. Ты явилъ мнѣ ее на Синаѣ, но подъ закровомъ. Покажи же мнѣ славу твою открыто и всю.

Но таковое желаніе преступило мѣру. Ревность люб-

ви Моисея къ Богу и упоеніе сладостію нѣкоего видѣнія славы Божіей увлекли его прошеніе, подобно какъ и Петрово, за надлежащіе предѣлы. Впрочемъ Господь, коего уши въ молитву праведныхъ, не отвергаетъ сего прошенія мужа, обрѣтшаго благодать у Него. Но исполняетъ его въ такой мѣрѣ, сколько это возможно—не для Бога, а для самаго Моисея; щадитъ, такъ сказать, не свою славу, а его немощь,—являетъ славу, но особеннымъ способомъ; не являя самаго лица своего, въ коемъ полнота славы Его и величія, являя славу свою, не являетъ ее при томъ безъ всякаго покрова,—въ единомъ чистѣйшемъ свѣтѣ Божества.

И рече Господь къ Моисею: Азъ предыду предъ тобою славою моею. Явлюся, изыду къ тебѣ предъ лице твое, и пройду предъ взорами твоими,—и ты узришь шествіе мое. *Славою Моею.* Это—всѣ видимыя знаменія Его приближенія, окружавшія сіе явленіе — особенно чудное облако, которое служитъ какъ бы облаченіемъ Божія величія, являющагося на землѣ, подобно какъ и свѣтъ служитъ облаченіемъ или ризою для Господа. Иначе, безъ покрова величіе славы Божіей и не можетъ явиться на землѣ, для бренныхъ очей нашихъ.

И воззову, вѣщаетъ далѣе Господь, *о имени моемъ: Господь предъ тобою.—И воззову о имени моемъ*: подамъ тебѣ гласъ, скажу, извѣщу тебя о приближеніи моемъ. *Господь предъ тобою*; какъ бы: вотъ Іегова предъ тобою, по твоему желанію.

И помилую, его же аще милую, и ущедрю, его же аще щедрю. Слова, коими хотящій явиться продолжаетъ изъяснять имя свое. Это—поясненіе слова: *Господь* (*Іегова*) т. е. самосущій и приводящій въ исполненіе опредѣленія свои; — сказаніе имени сего другими поясни-

тельными словами. *Помилую, егоже аще милую* и проч. Слова, выражающія власть, свободу и независимость Господа Іеговы. Какъ бы такъ говоритъ Господь: се Азъ Іегова, имѣющій животъ въ Себѣ и дающій жизнь всему, всѣ хотѣнія и всякъ глаголъ свой приводящій въ исполненіе,—се Азъ, который имамъ власть безпредѣльную и независимую надъ всякою плотію и всякимъ бытіемъ; — се Азъ, коему единому принадлежитъ безграничное надъ всѣмъ право, который ни кому не имѣетъ долга давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, — который егоже милуетъ, милуетъ, и егоже восхощетъ щедритъ, щедритъ; и коему никто не властенъ сказать: что твориши? — Сими преимущественно именами величія и славы Господь именуетъ Себя, въ этомъ случаѣ, сообразно съ духомъ и цѣлію явленія. *И рече: не возможеши видѣти лица моего*: не возможно видѣть лице Божіе уже и потому, что это не въ порядкѣ вещей и не благовременно,—рано; ибо откровеніе славы Божіей и созерцаніе ея собственно принадлежитъ къ царству славы: *тамъ узримъ Его, якоже есть*, какъ и зрятъ лице Господа Бога ангелы Божіи. А до времени *откровенія сей славы* въ будущемъ вѣкѣ, можно зрѣть ее токмо *зерцаломъ въ гаданіи*,—окомъ вѣры, и если окомъ внѣшнимъ, то не иначе, какъ подъ завѣсою плоти или подъ облаченіемъ внѣшнихъ видимыхъ знаменій, каковъ столпъ облачный, свѣтъ и под. Тѣмъ паче это нужно сказать о времени сѣней и гаданій. Но видѣть всю полноту славы Божіей и не возможно, не только по нашей грѣховности, но и по самому естеству,—по немощи плоти. *Не бо узритъ человѣкъ Бога и живъ будетъ*. Немощное тѣлесно-духовное естество наше не можетъ теперь перенести явленія сего. Сильный трепетъ бла-

гоговѣнія и радости произведетъ такой восторгъ, который отторгнетъ душу отъ тѣла. *Не бо узритъ и живъ будетъ*. И обыкновенныя сильныя чувства самой радости лишаютъ нерѣдко жизни. Въ немощный сосудъ настоящаго нашего естества не можетъ теперь вліяться свѣтъ славы Божіей; иначе онъ проторгнется, послѣдуетъ отдѣленіе души отъ тѣла. На Ѳаворѣ только нѣкіе лучи славы Божіей просіяли,—и немощная природа низверглась долу. Только тамъ и тогда, когда тѣла наши преобразятся, и праведники просвѣтятся, яко солнце, только тогда и узритъ человѣкъ Бога, и живъ будетъ, будетъ блаженъ симъ видѣніемъ. На Ѳаворѣ и Моисей, пришедъ въ иное состояніе, уже не повергся долу, подобно апостоламъ, но открытымъ лицемъ взираетъ на сіяніе славы преображенія Господня. *Теперь живуще во плоти отходимъ отъ Бога*, не можемъ приблизиться лицу Его видимо. Теперь *Господь стоитъ за стѣною плоти нашей, проглядаяй оконцами, проницаяй сквозѣ мрежи* (Пѣс. 2, 9) и таинственно проницаетъ въ душу нашу.—*И рече Господь: се мѣсто у Мене*, избранное мое—одна изъ горъ моихъ. *Ибо высоты горъ того суть;* а сію гору Господь особенно возлюбилъ и содѣлалъ мѣстомъ своихъ явленій. *И станеши на камени*, утверждаяся какъ бы крѣпостію всею *и ставъ добрѣ*, въ ожиданіи явленія *Бога крѣпкаго живаго. Егда же прейдетъ слава моя*, когда Господь изшедшій къ нему, мимоидетъ его и отдалится слава Его, или облаченіе Его величія и силы.

И положу тя въ разсѣлинѣ камене,—сила славы и благоговѣніе трепета повергнутъ Моисея долу, прежде, нежели Господь приблизится къ нему.

Въ разсѣлинѣ камене, дабы болѣе укрыть отъ силь-

наго блеска славы. Ибо, какъ око здоровое, тѣмъ паче больное, не можетъ взирать на солнце: такъ человѣкъ—на солнце славы Божіей.

И покрыю рукою моею надъ тобою. Рукою, поколику можно полагать, что Господь явился во образѣ человѣка; или, вѣрнѣе, самымъ явленіемъ славы и особеннымъ дѣйствіемъ своей силы удержалъ Господь Моисея въ разсѣлинѣ камене, *дондеже мимо шелъ.* явившись ему. *И отыму руку мою.* Когдя мимо иду, отыму руку мою —и отдаляя славу и прекращая особенное дѣйствіе силы своей.

И тогда узриши задняя моя, — слѣдъ мимо-шедшей и видимой славы Божіей, уже отдалявшейся отъ Моисея: подобно какъ солнце, отдаляясь отъ насъ на край горизонта, оставляетъ слѣдъ по себѣ; или прекрасное отраженіе лучей на концѣ горизонта. Мы тогда можемъ удобно видѣть не только сей слѣдъ теченія солнца — *задняя его славы*, но и удобнѣе самое солнце, самое какъ бы лице его—кругъ свѣта, котораго въ полдень, когда онъ шелъ надъ главами нашими, не могли вынесть глаза наши, къ нему возведенные, ниспускались долу и закрывались.

Лице же мое не явится тебѣ. Ибо невозможно видѣть лица Его. *Не бо узритъ человѣкъ лице Его и живъ будетъ.* Только тогда и тамъ—въ новомъ тѣлѣ узритъ Его всяко око: и праведники будутъ зрѣть Его, якоже есть. До того времени будемъ довольствоваться видѣніемъ Бога *вѣрою, якоже зерцаломъ въ гаданіи*,—въ знаменіяхъ и *закровахъ.*

Есть и у насъ или паче у Него мѣсто и для насъ, *есть гора*, на коей Господь является намъ. Это Церковь—гора святая, *юже возлюби Господь*, и на ней та-

инственно и духовно, но дѣйствительно открывается намъ, приближается къ намъ и являетъ славу свою. Есть *камень*, на коемъ должно намъ утверждать себя—это краеугольный камень нашего спасенія—*Іисусъ Христосъ. Есть разсѣлины камня* — это Христовы язвы, въ кои мы должны повергаться вѣрою и любовію. И здѣсь-то мы можемъ и должны вѣрою зрѣть славу Божію и ощущать ее сердцемъ, пока узримъ Господа лицемъ къ лицу. Будетъ время, когда достойные изъ насъ—не только *приступятъ*, какъ и теперь, *къ Сіонстѣй горѣ*, но и вступятъ на другую гору—въ небесную Церковь славы, гдѣ слава Божія будетъ свѣтить, вмѣсто солнца.

Да сподобитъ Господь, по благодати своей, всѣхъ насъ зрѣть славу Его!

А. Ф.

II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИМВОЛОВЪ,

БЫВШИХЪ ВЪ ЦЕРКВИ ДО НИКЕЙСКАГО СОБОРА.

(Окончаніе).

Естественно предполагать, что каждая изъ помѣстныхъ древнихъ церквей, основанныхъ апостолами, имѣла свой символъ, который получила непосредственно отъ *самовидцевъ* и *служителей Слова*; но до насъ дошли [1] только не многіе изъ нихъ. Когда никейскій символъ былъ единогласно принятъ всею православною Церковію и окончательно утвержденъ на ефесскомъ со-

---

(1) Потери древнихъ символовъ очень много способствовало то, что древняя Церковь хранила символы въ устномъ преданіи. «Многія поколѣнія варваровъ, пишетъ св.Ириней, чуждыхъ намъ по языку, но нечуждыхъ по Вѣрѣ, храня только древнее апостольское преданіе безъ буквъ и чернилъ, вѣруютъ во единаго Бога Отца» (adv haer. lib. III. c. 4) и пр., и приведши весь символъ по порядку, говоритъ: «эта Вѣра проповѣдывалась народамъ безъ писаній» (ibid. lib. IV. c. 41). «Символъ, по словамъ Іеронима, не писался на бумагѣ чернилами, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца» (Epist. ad Pammach). Василій В., разсуждая о важности преданій, спрашиваетъ: «самое исповѣданіе Вѣры, по которому мы вѣруемъ въ Бога Отца, изъ какихъ имѣемъ писаній (Къ Амфил. о Св. Духѣ гл. 27 см. новоизд. кормч. стр. 394)?» Онъ же пишетъ, что исповѣданіе св. Григорія хранилось въ Неокесаріи чрезъ преданіе — ἀκολουθία μνήμης. Epist. 75. ad. Neoc.

борѣ, прочіе древніе символы, бывшіе до него, должны были уступить ему свое мѣсто, и, оставаясь безъ употребленія въ церквахъ, легко выходили изъ памяти. Современные писатели, обращая вниманіе только на символъ никейскій, который опредѣленнѣе прочихъ излагалъ Вѣру и былъ во всеобщемъ употребленіи, не находили нужнымъ вносить въ свои сочиненія другіе символы, не имѣвшіе такого каноническаго значенія, какъ символъ никейскій. И потому до насъ дошли только тѣ изъ нихъ, которые были преданы письмени по особымъ обстоятельствамъ; — ихъ насчитываютъ до двѣнадцати. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ полные символы, бывшіе въ употребленіи разныхъ помѣстныхъ церквей, а другіе передаютъ только содержаніе символа; *первые* принадлежали разнымъ церквамъ, а *вторые* сдѣланы частными лицами; первые доказываютъ, что символы, бывшіе въ Церкви до никейскаго собора, заключали въ себѣ тѣже догматы, имѣли тѣже члены, которые и мы принимаемъ въ своемъ символѣ; вторые убѣждаютъ насъ, что Церковь всегда соединяла съ словами символа тотъ же самый смыслъ, какой даетъ имъ она и въ настоящее время. Къ первымъ принадлежатъ символы: римскій, аквилейскій, символъ, помѣщенный въ постановленіяхъ апостольскихъ, іерусалимскій, антіохійскій и кесарійскій. Вторый классъ составляютъ исповѣданія: Иринея, Тертулліана, Оригена, Григорія Чудотворца и мученика Лукіана.

СИМВОЛЪ РИМСКІЙ.

Между древними, дошедшими до насъ, символами, римскій обращаетъ на себя преимущественное внима-

ніе, какъ по простотѣ своего первоначальнаго вида, такъ и потому, что римско-католики и лютеране даютъ ему исключительно названіе *апостольскаго* ([1]). Дѣйствительно, подлинность апостольскаго происхожденія его не подлежитъ сомнѣнію: кромѣ согласія, какое имѣетъ онъ съ другими древними символами, и въ порядкѣ догматовъ и въ самыхъ выраженіяхъ, это доказывается прямыми свидѣтельствами древнихъ писателей. Св. Амвросій Медіоланскій пишетъ: „вѣруемъ апостольскому символу, который римская церковь хранитъ постоянно неизмѣннымъ". По словамъ папы Вигилія, „Римъ и прежде никейскаго собора, со временъ апостольскихъ, предавалъ вѣрнымъ символъ, постоянно въ одномъ и томъ же видѣ ([2])". Будучи предстоятелемъ римской церкви, Вигилій имѣлъ всѣ средства знать безошибочно истинное происхожденіе символа, и въ сочиненіи, направленномъ противъ современныхъ ему еретиковъ (Несторія и Евтихія), долженъ былъ говорить одну истину, изъ опасенія, чтобы противники не обличили его во лжи. „Римская церковь, пишетъ Руфинъ, не дѣлала никакихъ прибавленій къ своему символу, но исповѣдывала его такъ, какъ научилась отъ апостоловъ. Ибо въ ней издревле хранился обычай преподавать символъ готовящимся ко св. крещенію публично, въ присутствіи вѣрныхъ, а слухъ тѣхъ, которые были тверды въ Вѣрѣ, не потерпѣлъ бы прибавленія къ нему даже и одного слова ([3])". Въ настоящее время символъ этотъ

([1]) Leo Magn. Epist. XCVI. Gael. Durand. Specul. de Rat. div. offic. lib. IV. f. 50. Genébrar. de Trin. lib. III. см. Wits. I. exerc. Sacr. in simb. Apost. § V. p. 3.

([2]) Adv. Nestor. et Eutich. lib. IV.

([3]) Exp. Simb. p. 17.

имѣетъ слѣдующій видъ: „вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, и во Іисуса Христа Сына Его единороднаго, Господа нашего, зачавшагося отъ Духа Свята, рожденнаго отъ Маріи Дѣвы, страдавшаго при Понтійскомъ Пилатѣ; распятаго, умершаго, погребеннаго и низшедшаго во адъ; въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, оттуда грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую и въ Духа Святаго, св. каѳолическую Церковь, общеніе святыхъ, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти и жизнь вѣчную. Аминь“ (1). Въ этомъ видѣ римскій символъ преимущественно отличается отъ никейскаго двумя выраженіями: исповѣданіемъ „о нисшествіи Іисуса Христа во адъ“ и „общеніи святыхъ“.

Словъ „нисшедшаго во адъ“ нѣтъ ни въ одномъ изъ древнихъ православныхъ символовъ, кромѣ аквилейскаго. По свидѣтельству изслѣдователей церковныхъ древностей, они внесены въ римскій символъ уже въ послѣдствіи времени, — не ранѣе послѣдней половины V и не позже первой половины VII вѣка (2). Руфинъ (3) прямо говоритъ: „словъ: „низшедшаго во адъ“ не имѣютъ ни римская, ни восточная церкви“; Петръ

(1) Римскій символъ въ этомъ видѣ найденъ въ греческой псалтири, которая писана для употребленія папы Григорія VII, и теперь хранится въ публичной кембриджской библіотекѣ. Suic. Tesaur. Eccl. s. v. σύμβολον, p. 1089.

(2) По изысканіямъ Уссерія (Dissert de simb. apostol. p. 2) древняя римская церковь читала символъ слѣдующимъ образомъ: «вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, и во Христа Іисуса, Сына Его единороднаго, Господа нашего, рожденнаго отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы, распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ, погребенна, и въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Отца и паки грядущаго судити живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, св. каѳолическую Церковь, воскресеніе плоти. Аминь».

(3) Exp. simb. p. 22.

Хрисологъ (ум. 451 г.) и Максимъ Туринскій (ум. 466) въ своихъ толкованіяхъ на символъ не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на это выраженіе: но на соборѣ толедскомъ, бывшемъ 633 г. 9 декабря, изъ 62 епископовъ, уже читали его (1). Оно въ первый разъ встрѣчается въ символѣ сдѣланномъ на аріанскомъ соборѣ въ Ариминѣ (359 г.), гдѣ представляется еще съ слѣдующимъ поясненіемъ: „нисшедшаго во адъ, чтобы устроить все, что тамъ должно было совершиться (καὶ τὰ ἐκεῖσε οἰκονομήσαντα); вереи ада, увидя Его, поколебались (2)“. Нельзя думать, чтобы римская церковь заняла слова „низшедшаго во адъ“ изъ этаго еретическаго символа; самое различіе, съ какимъ она приводитъ ихъ, ручается за это; вѣроятнѣе всего они взяты изъ символа, извѣстнаго подъ именемъ Аѳанасіева, и сначала не имѣли никакого особаго значенія; по крайней мѣрѣ Руфинъ, при объясненіи этаго выраженія въ своемъ аквилейскомъ символѣ, почитаетъ его тожественнымъ съ словомъ „погребенна“, которое имѣетъ, говоритъ онъ, туже силу значенія, такъ что и безъ словъ: низшедшаго во адъ, символъ представляетъ одинъ и тотъ же смыслъ (3). Подтвержденіе сему можно находить и въ томъ, что въ древнихъ спискахъ римскаго символа слова сіи отнесены къ IV члену (4), какъ поясненіе слова „погребенна,“ тогда какъ въ позднѣйшее время, когда стали смотрѣть на нихъ, какъ на изложеніе особаго догмата, стали относить ихъ ихъ къ V члену (5).

---

(1) Pears. Exp. simb. Apost. art. V, p. 401.
(2) Socr. Hist. eccl. c. VII, l. 37. p. 133.
(3) Exp. simb. p 22.
(4) Woss. disser. de trib. simb. § 34. p. 512.
(5) Pears. l. c. n. 7.

Какъ бы то ни было, самый догматъ, выражаемый сими словами, заключаетъ въ себѣ ученіе несомнѣнно православное. Ученіе о сошествіи Іисуса Христа во адъ, основанное на словахъ апостола Петра объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ и *сущимъ въ темницѣ духовомъ сошедъ проповѣда* (1 Петр. 3, 19), встрѣчается у самыхъ древнихъ отцевъ Церкви; такъ Іустинъ мученикъ говоритъ: „воспомянулъ Господь Святый Израилевъ о тѣхъ мертвецахъ, которые почивали во гробахъ (τῶν κεκοιμημένων εἰς γῆν χώματος), и снисшелъ къ нимъ, чтобы благовѣстить имъ о спасеніи чрезъ Него (Dial. cum Triph.)". Слова Іустина повторяетъ св.Ириней неоднократно (Adv. haeres. lib. III, c. 23, lib IV, c. 39. lib. V, c. 26). Указаніе на сіе встрѣчается и у другихъ отцевъ и писателей Церкви: Ермы (Past. lib. 3), Климента александрійскаго (Strom. lib. IV), Оригена (Hom. 53 in Math.), Аѳанасія великаго (De incarn. et epist. ad Epict.) и мн. др.

Исповѣданіе, въ римскомъ сvмволѣ, Вѣры въ „общеніе святыхъ" не есть новый догматъ, а только поясненіе понятія о Церкви. Такое значеніе даетъ ему сама же римская церковь, когда учитъ, что этимъ внушается единеніе воинствующей земной Церкви съ торжествующею небесною. „Подъ общеніемъ святыхъ, говоритъ одинъ изъ ея писателей, нужно разумѣть то, что мы находимся въ общеніи съ тѣми святыми, которые пребывали въ той же Вѣрѣ, которую и мы сохраняемъ (¹)". „Когда исповѣдуемъ въ символѣ общеніе со святыми, пишетъ другой богословъ, то чрезъ это принимаемъ, что земная Церковь не только имѣетъ общеніе даровъ своихъ со всѣми своими видимыми членами, но и съ

(¹) Sub. nom. Avgustin. serm. de temp. 181.

Церковію торжествующею, небесною, которая содѣйствуетъ ей своими молитвами и предстательствомъ предъ Богомъ (¹)“. Самыя слова: „въ общеніе святыхъ“ внесены въ символъ не ранѣе VII вѣка, потому что Елипандъ (ок. 633 г.) въ своихъ сочиненіяхъ передаетъ символъ безъ этихъ словъ (²). Такимъ образомъ выраженія, которыми римскій символъ въ теперешнемъ своемъ видѣ особенно отличается отъ никейскаго, не измѣняютъ его смысла, не заключаютъ въ себѣ новаго ученія, и явились въ немъ не ранѣе конца пятаго вѣка, значитъ тогда, когда уже на ефесскомъ соборѣ символъ никеоцареградскій былъ окончательно утвержденъ Церковію, какъ правило Вѣры для всего православнаго міра, и введенъ въ общее употребленіе.

Аквилейскій.

Особый видъ римскаго символа представляетъ символъ аквилейскій; въ немъ, кромѣ разсмотрѣннаго уже нами исповѣданія о низшествіи Іисуса Христа во адъ, Богъ Отецъ называется *невидимымъ* и *безстрастнымъ*,—„вѣрую во единаго Бога Отца, невидимаго и безстрастнаго,“ а въ членѣ о воскресеніи стоитъ указательное мѣстоименіе *сей*: „воскресеніе сей плоти“. Этими двумя особенностями онъ отличается отъ другихъ древнихъ символовъ, а вмѣстѣ и отъ никейскаго. Руфинъ, который передаетъ его, указываетъ и причины, по которымъ онъ получилъ такое измѣненіе. Первое сдѣлано, по словамъ его, въ противоположность ученію Савеллія или патрипассіанъ, при-

---

(¹) Bellarm. in. Simbol.
Pears. in. expos. hujus. artic. diss. s. cit p. 619.

нимавшихъ, что воплотился и пострадалъ самъ Богъ Отецъ: „для устраненія ихъ нечестія, предки наши, пишетъ Руфинъ, назвали Отца невидимымъ и безстрастнымъ, чего нѣтъ ни въ какомъ другомъ символѣ". Нужно ли такое прибавленіе къ символу, и полезно ли оно? Объ этомъ такъ разсуждалъ св. Амвросій: „когда появились патрипассіане, нѣкоторые нашли нужнымъ назвать Отца невидимымъ и безстрастнымъ, какъ будто Сынъ Божій по Божеству былъ видимъ и потерпѣлъ страданія. Наши предки желали быть врачами, но не требовалось такого врачевства. Потому что Вѣра осталась чистою, савелліанъ не стало, но явились аріане, которые воспользовались сдѣланнымъ къ символу прибавленіемъ, и утверждали, что римская церковь и другія, у которыхъ нѣтъ въ символѣ этихъ словъ, Отца исповѣвѣдуютъ и видимымъ и страдавшимъ, а тамъ, гдѣ есть они, Сына признаютъ видимымъ и страдавшимъ, значитъ низшимъ Отца и чуждымъ Божества" (1). О другой особенности аквилейскаго символа Руфинъ разсуждаетъ такъ: „наша церковь исповѣдуетъ воскресеніе *сей* плоти, для большей осмотрительности и осторожности, чтобы показать, что воскреснетъ та именно плоть, которую вѣрный, при произнесеніи этихъ словъ, осѣняетъ знаменіемъ креста (2)". По всей вѣроятности, это указаніе, что воскреснетъ именно *сія* плоть, сдѣлано для обличенія распространившагося въ III вѣкѣ мнѣнія, будто воскресшія тѣла будутъ (3) другой природы и другаго вида, нежели настоящія.

---

(1) Exp. simb. Ap. ad. op. Ambr. Curs. Compl. Partrop. T. XVII.

(2) Rufin. exp. simb. p. 21.

(3) Оригенъ былъ виновникомъ распространившагося мнѣнія, что тѣла воскресшія будутъ небеснаго естества, чуждыя плотяности. Nimeier. Dissert. de simb. Ap. § 125.

Разсматривая древній римскій и аквилейскій символы, нельзя не остановить вниманія на томъ, что въ томъ и другомъ изъ нихъ не было последняго члена нашего символа о *жизни вѣчной*. „Исповѣданіе воскресенія плоти служитъ заключеніемъ нашему символу", писалъ Руфинъ при изложеніи символа аквилейскаго; „въ символѣ Вѣры и надежды нашей, говорилъ блаж. Іеронимъ, послѣ исповѣданія Святыя Троицы и единства Церкви все таинство христіанскаго догмата заключается воскресеніемъ плоти" (1). Но если въ римскомъ и аквилейскомъ символахъ словами ясно и не выражалась вѣра въ жизнь вѣчную, она исповѣдывалась въ нихъ чрезъ признаніе воскресенія плоти. „Исповѣдуя воскресеніе плоти, пишетъ одинъ изъ учителей римской церкви, мы вѣруемъ въ жизнь вѣчную; потому что послѣ воскресенія не будетъ конца ни блаженству, ни мукамъ" (2). „Тогда, по словамъ блаж. Августина, мы, освободившись изъ подъ условій времени, будемъ наслаждаться вѣчною жизнію въ несказанной любви и блаженствѣ" (3). Августинъ также не читалъ въ символѣ словъ: „и въ жизнь вѣчную", но чрезъ исповѣданіе воскресенія исповѣдуетъ вмѣстѣ и догматъ о жизни вѣчной, который соединяется съ ученіемъ о воскресеніи, какъ необходимое слѣдствіе его. Посему-то иногда оба послѣдніе члена символа соединяются во-единъ: „вѣрую въ воскресеніе плоти для жизни вѣчной". Такимъ образомъ, древняя римская и аквилейская церковь, хотя не имѣли въ символѣ члена о жизни вѣчной, но несомнѣнно принимали этотъ догматъ. Символы этихъ церквей, не смотря на свои осо-

(1) Epist. LXI. ad Pammach.
(2) Petr. Chris. sermo LX. in simb.
(3) Lib. de fide et simb. op. T. VI. p. 120.

бенности, нисколько не разнятся съ нашимъ, потому что и въ нихъ исповѣдуется таже Святая Троица, св. Церковь и жизнь будущая, съ тѣмъ только различіемъ, что Божество Сына Божія и Ѵпостась Святаго Духа выражены въ нихъ съ меньшею ясностію и точностію. Въ другихъ символахъ, и Божество Сына является въ бо́льшемъ свѣтѣ, и о лицѣ Святаго Духа говорится подробнѣе. Таковъ

СИМВОЛЪ, ПОМѢЩЕННЫЙ ВЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

Въ немъ „Единый нерожденный и истинный Богъ" исповѣдуется особенно „Отцемъ Христа", Божество котораго изображается величественными чертами. Онъ называется не просто: „Единороднымъ Сыномъ Бога Отца", какъ въ римскомъ и аквилейскомъ символѣ, но „перворожденнымъ всея твари, рожденнымъ прежде вѣкъ по благоволенію Отца, не сотвореннымъ, но чрезъ котораго все сотворено, что̀ на небеси и на земли, видимое и невидимое, который въ послѣдокъ дній сошелъ съ небесъ, принялъ плоть и родился отъ святыя Дѣвы... и придетъ въ концѣ вѣка со славою судить живыхъ и мертвыхъ, и царству Его не будетъ конца". Духъ Святый именуется „Утѣшителемъ, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра, былъ посланъ апостоламъ отъ Отца, по обѣтованію Спасителя, а послѣ нихъ и всѣмъ, которые вѣруютъ во св. каѳолическую Церковь". Нѣкоторые относятъ происхожденіе постановленій апостольскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заключающійся въ нихъ символъ, къ III вѣку. Но важность свидѣтельства апостольскихъ правилъ и Трулльскаго собора, въ которыхъ постановленія апостольскія приписываются св. Клименту, современнику апостоловъ (¹), не оставляетъ

(¹) Прав. ап. 85; прав. Трулл. соб. 2.

сомнѣнія, что эта книга явилась въ концѣ I-го вѣка; значитъ и символъ, который въ ней находится, относится тоже ко временамъ апостольскимъ, и передаетъ намъ голосъ самихъ апостоловъ и Церкви имъ современной. Древность всѣхъ выраженій, которыми онъ отличается отъ другихъ символовъ, доказывается между прочимъ обстоятельствами, въ которыхъ была апостольская Церковь. Такъ, Богъ Отецъ называется въ немъ *единымъ нерожденнымъ*, а Господь Іисусъ Христосъ *Сыномъ Его единороднымъ*; потому что были лжеучители, которые проповѣдывали многихъ не рожденныхъ, многихъ сыновъ, какъ показываетъ 49-е апостольское правило, повелѣвающее извергать епископа или пресвитера, осмѣливающихся крестить въ трехъ безначальныхъ, или трехъ сыновъ, или трехъ утѣшителей. Въ тоже время Симонъ волхвъ училъ, по свидѣтельству св. Иринея, что онъ, какъ Отецъ, явился на Синаѣ, какъ Сынъ, проповѣдывалъ Евангеліе и, какъ Утѣшитель, сошелъ на апостоловъ" (1) и, такимъ образомъ, соединяя въ одномъ себѣ всѣ три лица божества, уничтожалъ ѵпостасное различіе ихъ (2). Какъ оплотъ противъ сего еретическаго лжемудрованія, въ символѣ Отецъ называется *нерожденнымъ* и *Отцемъ Христа*, а Сынъ *единороднымъ, рожденнымъ по благоволенію Отца*. Ибо кто можетъ быть отцомъ самъ себѣ, и кто родится по своему благоволенію? Послѣднее выраженіе, встрѣчающееся у самыхъ древнихъ отцевъ (3),

---

(1) Adv. haeres. lib. I. c. 19. cf. August. de haeres. c. 1.

(2) Rudd. Eccl. Apost. c. V.

(3) Іустинъ мученикъ говоритъ: Богъ Сынъ потому называется Премудростію, Словомъ, Ангеломъ, что исполняетъ волю Отца и родился по волѣ Отца (ἐν τῷ ἀπὸ τοῦ πατρὸς θελήσει γεγέννησθαι). Разгов. съ Триф. гл. 67; Таціанъ выражается: «и волею Его (Отца) простоты произошло (προπήδα) Слово.» Orat. Contr. Graec. c. V.

нужно было и для того, чтобы устранить отъ понятія о Божественномъ рожденіи Сына всякій грубый образъ представленія и мечтанія утонченной, развратной фантазіи гностиковъ, о какой-то мужеско-женской природѣ, къ которымъ еретики не рѣдко прибѣгали для объясненія недовѣдомаго таинства предвѣчнаго рожденія Сына ([1]). Во времена апостоловъ были также лжеучители, которые, почитая Отца Іисуса Христа однимъ изъ высшихъ эоновъ, отличали Его отъ самаго Бога; чтобы обличить ихъ нечестіе, единъ истинный Богъ называется прямо *Отцемъ Христа* ([2]). Тогда же Керинѳъ волновалъ Церковь своимъ ученіемъ о тысящелѣтнемъ царствѣ Христовомъ ([3]); для истребленія разсѣеваемыхъ имъ плевелъ въ самомъ символѣ употреблено выраженіе, противоположное его заблужденію, что царствію Іисуса Христа *не будетъ конца*.

Въ исповѣданіи о Святомъ Духѣ символъ постановленій апостольскихъ имѣетъ также самое близкое отношеніе къ ересямъ современнымъ апостоламъ. Духъ Святый называется въ немъ „единымъ Утѣшителемъ, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра; Онъ былъ посланъ апостоламъ отъ Отца, по обѣтованію Господа, а послѣ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ; указывается, что одинъ и тотъ же Духъ вѣщалъ чрезъ пророковъ и наставлялъ апостоловъ, — съ цѣлію обличить заблужденіе тѣхъ, которые утверждали, что св. писатели ветхаго Завѣта водились не Духомъ Святымъ, а иною нѣкоею силою ([4]), и что есть не одинъ, но

(1) Dray. Nev. Uberi. ab. d. c. A. B. p. 100.
(2) Ibid.
(3) August. de haer c. 8. Eus. H. Eccl. c. III. c. 28. p. 100.
(4) Dray Ibid. p. 102.

много утѣшителей (¹). Такъ училъ Керинѳъ, производившій законъ Моисеевъ и пророчества отъ злаго начала (²); а изъ 49 апостольскаго правила, запрещающаго крестить въ трехъ или многихъ утѣшителей, видно, что были и такіе, которые принимали не одного, а нѣсколько лицъ Святаго Духа. Согласіе этого исповѣданія съ никейскимъ символомъ очевидно съ перваго взгляда: оба они имѣютъ не только одно число членовъ, одинъ и тотъ же порядокъ догматовъ, но проповѣдуютъ одно и тоже ученіе о Святой Троицѣ, Церкви и послѣдней судьбѣ человѣка (³). Во время аріанскихъ споровъ выраженія сего символа о Сынѣ Божіемъ: *перворожденъ всея твари* и *по благоволенію Отца*, долгое время подвергались пререканію. Аріане ссылались на нихъ, думая видѣть въ нихъ свидѣтельство, что древняя Церковь учила согласно съ ними объ Іисусѣ Христѣ. Но истинный, православный смыслъ сихъ выраженій

(¹) Пр. Ап. 49.

(²) Начертаніе Библ. Ист. преосв. Филарета.

(³) Символъ постановленій апостольскихъ имѣетъ слѣдующій видъ: «вѣрую и крещусь во единаго *нерожденнаго*, единаго только истиннаго Бога, Вседержителя, Отца *Христа*, Творца и Содѣтеля вселенной, изъ него же вся, и въ Господа нашего Іисуса Христа, единороднаго Сына Его, *перворожденнаго всея твари*, прежде вѣкъ рожденнаго *по благоволенію Отца*, не сотвореннаго, но чрезъ котораго все сотворено, что на небеси и на земли, видимое и невидимое, который въ послѣдокъ дней сошелъ съ небесъ, принялъ плоть, родился отъ св. Дѣвы Маріи. Распятъ при Понтіѣ Пилатѣ, умеръ за насъ и въ третій день по страданіи воскресъ изъ мертвыхъ, восшелъ на небеса и сѣдитъ одесную Отца, паки пріидетъ въ концѣ вѣка со славою судить живыхъ и мертвыхъ и царству Его не будетъ конца. Крещусь также и въ Святаго Духа, Утѣшителя, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра, былъ посланъ апостоламъ отъ Отца, по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа, а послѣ нихъ и всѣмъ, которые вѣруютъ во св. каѳолическую Церковь, въ воскресеніе плоти, въ царство небесное и жизнь будущаго вѣка (Catech. Const. Apost. l. VII. c. 41).

раскрылъ еще св. Аѳанасій великій самимъ же аріанамъ. „Глупые (ἄφρονες), говоритъ онъ имъ, показывая православіе перваго выраженія, если Христосъ перворожденъ рѣшительно (ὅλως) всея твари; то отсюда слѣдуетъ, что Онъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ тварей и не есть тварь; въ противномъ случаѣ Онъ былъ бы перворожденнымъ самого Себя" (1). Но кто не видитъ нелѣпости послѣдняго предположенія, а посему кто не сознаетъ, что это выраженіе утверждаетъ, а не унижаетъ Божество Іисуса Христа? И можетъ ли оно имѣть другое значеніе, когда самъ Апостолъ употребляетъ его, описывая величіе славы Іисуса Христа? Равно и слова символа: рожденъ по благоволенію Отца, совершенно чужды того еретическаго смысла, какой старались открыть въ нихъ приверженцы аріанскаго образа мыслей. „Отецъ родилъ Сына, говоритъ великій противникъ аріанъ, не по закону необходимости, значитъ не противъ своей воли, но отсюда нельзя выводить, чтобы Онъ родилъ Его по своему произволу, по которому сотворилъ прочія твари. Потому что не всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются не противъ воли, зависятъ отъ произвола. Богъ милосердъ, не по необходимости, и не противъ своей воли, но и не по произволу; ибо Онъ милосердъ по своей природѣ. Оттого-то хотя и говорится, что рожденіе Сына совершилось по волѣ Отца, такъ какъ оно произошло не противъ воли Его, но нельзя отсюда выводить, что Сынъ явился по произволу Отца, какъ прочія твари, и потому подобенъ имъ" (2). Такимъ образомъ символъ постановленій апостольскихъ проповѣ-

(1) Contr. Ar. or. II, n. 63.
(2) Contr. Arian. or. III. n. 59.

дуетъ во всѣхъ своихъ выраженіяхъ одно истинное православное ученіе, которое мы исповѣдуемъ въ символѣ никейскомъ. Въ томъ и другомъ заключена одна вѣра во Единую Святую Троицу, тотъ и другой передаютъ намъ ее такъ, какъ возвѣщали апостолы, открылъ самъ Іисусъ Христосъ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкоторые члены того и другаго выражены разными словами.

Символъ іерусалимскій.

Символъ іерусалимской церкви до того сходенъ съ никеоцареградскимъ символомъ, даже въ самыхъ выраженіяхъ, что многіе ошибочно утверждали, будто „св. Кириллъ Іерусалимскій, который передаетъ намъ этотъ символъ (1), излагаетъ по членамъ никейскую вѣру (2). Онъ читается такъ: „Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ. И во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія единороднаго, истиннаго Бога, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго, чрезъ котораго все сотворено, воплотившагося и вочеловѣчившагося отъ Дѣвы и Святаго Духа, распятаго, погребеннаго, восшедшаго на не-

(1) Св. Кириллъ объяснялъ символъ готовящимся ко крещенію (τοῖς φωτιζομένοις) въ 5 огласительномъ словѣ; но въ древнихъ манускриптахъ онъ не написанъ въ этомъ мѣстѣ, по древнему обычаю, одобряемому и св. Кирилломъ: «не писать символа, а передавать его устно». Въ позднѣйшихъ спискахъ, вмѣсто символа іерусалимскаго, вписанъ никейскій, вошедшій во всеобщее употребленіе и получившій каноническое достоинство. Въ настоящемъ видѣ іерусалимскій символъ можно составить частію изъ надписей надъ главами оглашеній, а преимущественно изъ самыхъ словъ св. Кирилла, который, излагая символъ, приводитъ въ разныхъ мѣстахъ различные его члены.

(2) Theoph. Chronic. ad ann. 355, p. 34. Cas. Oudin. Comment. de scr. eccl. T. I. sec. IV, p. 459.

беса и сѣдящаго одесную Отца и грядущаго во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ. Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, глаголавшаго въ пророкахъ. И во едино крещеніе покаянія, во оставленіе грѣховъ, во едину святую каѳолическую, апостольскую Церковь, въ воскресеніе плоти и въ жизнь вѣчную" (Toutée not. VII. ad Catech. V ed. ejusd.). Сравнивая его съ символомъ никейскимъ, видимъ, что въ немъ съ одной стороны не достаетъ нѣкоторыхъ словъ никейскаго, а съ другой есть такія, которыхъ тотъ не имѣетъ, и, наконецъ, послѣдніе четыре члена его поставлены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ символѣ никейскомъ. Такихъ разностей не могло бы быть, если бы св. Кириллъ передавалъ никейскій символъ; потому что онъ не позволилъ бы себѣ измѣнить въ немъ ни одного слова. Убѣждая вѣрныхъ хранить символъ, онъ считалъ и себя достойнымъ анаѳемы, „если бы осмѣлился что нибудь измѣнить въ символѣ или передавать его иначе" (1). А между тѣмъ въ своемъ символѣ св. Кириллъ исповѣдуетъ ту же Вѣру, которая излагается и въ никейскомъ, перечисляетъ тѣ же члены, ясно и опредѣленно исповѣдуетъ въ немъ не только таинство Святыя Троицы, но и Божество Сына, который прямо называется истиннымъ Богомъ. Это согласіе іерусалимскаго символа съ никейскимъ тѣмъ драгоцѣннѣе и важнѣе для насъ, что свидѣтельство іерусалимской церкви. какъ матери всѣхъ другихъ церквей, должно имѣть для насъ особое значеніе. Среди ея совершилось великое таинство искупленія, она слышала проповѣдь самаго Спасителя, имѣла непосредственными наставниками сво-

(1) Catech. V. n. 12.

ими св. апостоловъ. И если св. апостолы не оставили Церкви безъ опредѣленнаго руководства въ дѣлѣ Вѣры, то нигдѣ нельзя искать его съ большимъ основаніемъ, какъ въ этой церкви. Самъ св. Кириллъ указываетъ на сіе, когда говоритъ, что „символъ составленъ не по произволу человѣческому“ (οὐ γὰρ ὡς ἔδοξεν ἀνθρώποις) (¹), и называетъ символъ „св. апостольскою вѣрою, преданною намъ для исповѣданія“ (ἡ ἁγία καὶ ἀποστολικὴ πίστις) (²), — *апостольскою*, не по сущности только ученія, но и по самому происхожденію. Объясняя, почему въ символъ вошли тѣ или другія выраженія, онъ указываетъ на еретиковъ современныхъ апостоламъ. „Мы исповѣдуемъ, пишетъ онъ, Бога Отца Вседержителемъ, Творцемъ неба и земли, въ обличеніе еретиковъ, которые Отца Іисуса Христа отличали отъ Творца міра“ (³). Но извѣстно, что Керинѳъ и Меандръ учили, что міръ сотворенъ не Богомъ Отцемъ, но какимъ-то другимъ существомъ. „Мы называемъ Іисуса Христа единымъ (⁴), равно какъ и Духа Святаго именуемъ единымъ (⁵) Утѣшителемъ по той причинѣ, что были еретики, (опять современные апостоламъ), которые допускали многихъ Сыновъ и Святаго Духа отличали отъ Утѣшителя.“ Это, такъ сказать, внутреннія доказательства апостольскаго происхожденія іерусалимскаго символа; внѣшнимъ ручательствомъ за это служитъ, кромѣ свидѣтельства Кирилла, еще то весьма важное обстоятельство, что этотъ символъ встрѣчается уже въ литургіи апостола Іакова, въ которой впрочемъ

(¹) Ibid.
(²) Catech. XVIII. n. 32.
(³) Catech. IX. n. 7.
(⁴) Catech. X. n. 4.
(⁵) Catech. XIII. n. 3.

онъ не приводится вполнѣ, а только начало его (1). Но, происходя отъ апостоловъ, символъ іерусалимской церкви могъ сохраниться до св. Кирилла: непрерывное преемство пастырей іерусалимской церкви представляло къ сему легкое и благонадежнѣйшее средство, а множество пришельцевъ, сходившихся съ разныхъ сторонъ на поклоненіе св. мѣстамъ, ознаменованнымъ чудесами Христа и Его апостоловъ, были безпрестанными наблюдателями за чистотою Вѣры этой церкви, такъ что и малѣйшее уклоненіе отъ древней общей Вѣры нашло бы строгихъ, неподкупныхъ обличителей (2). Такимъ образомъ свидѣтельство іерусалимскаго символа заслуживаетъ полнаго - довѣрія, а согласіе его съ никейскимъ символомъ должно быть лучшимъ ручательствомъ за истинность послѣдняго. Впрочемъ, при всемъ сходствѣ обоихъ символовъ, въ іерусалимскомъ прямо не высказывается вѣра въ единосущіе Сына со Отцемъ, между тѣмъ это составляетъ отличительную черту никейскаго; но что и эта особенная черта никейскаго символа не есть новый догматъ, изобрѣтенный самими отцами, а былъ въ Церкви прежде никейскаго собора, это видимъ изъ символа церкви антіохійской.

Символъ антіохійскій.

Антіохійскій символъ передаетъ намъ св. Кассіанъ (3) въ сочиненіи своемъ de incarnatione Domini, которое

(1) Usserius diss. de simb. Apost. quae acc. chron. ejusd. p. 8.

(2) Этимъ признакомъ доказываетъ неповрежденность вѣры въ римской церкви Ириней (adv. haeres. lib. III. c. 3. n. 2); отчего же не приложить того же признака въ подтвержденіе истинности символа іерусалимскаго?

(3) Св. Кассіанъ могъ знать символъ антіохійскій, хотя и былъ аббатомъ въ Марсели. Онъ родомъ скиѳъ изъ странъ близкихъ къ Ду-

писано по просьбѣ папы Льва въ опроверженіе ереси Несторія. Несторій былъ родомъ изъ Антіохіи, въ ней же былъ монахомъ и пресвитеромъ (¹). потому-то св. Кассіанъ и говоритъ ему: „послѣ многихъ доказательствъ противъ тебя изъ св. Писанія, я обращусь къ антіохійскому символу, который ты исповѣдывалъ при св. крещеніи; такимъ образомъ тебя обличитъ твое же собственное исповѣданіе, и ты, будучи побѣжденъ мѣстами св. Писанія, поразишь себя собственнымъ оружіемъ.“ (²) Этотъ символъ св. Кассіанъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: „Вѣрую во единаго и одного только истиннаго Бога, Отца, Вседержителя. Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, и въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Его единороднаго, перворожденнаго всея твари, рожденнаго *изъ Него* (ex eo natum) *Бога истиннаго отъ Бога истиннаго*, *единосущнаго* Отцу, чрезъ котораго сотворены вѣка и все, который пришелъ ради насъ, родился отъ Маріи Дѣвы, распятъ и погребенъ и въ третій день воскресъ по писаніямъ, восшелъ на небо и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и проч.“ (³).

наю (Cassiod. de div. inst. c. 29), былъ монахомъ въ Египтѣ и Палестинѣ, а послѣ, поселившись въ Антіохіи, сдѣлался ученикомъ и другомъ св. Златоуста (Theod. Hist. Eccl. l. V. c. 30 et 31), съ которымъ былъ и въ Константинополѣ; когда, по изгнаніи св. Златоуста, друзья его подверглись преслѣдованіямъ, Кассіанъ удалился на западъ въ Галлію, гдѣ и умеръ въ Марсели 430 г. Gennad. de vir. illustr. c. 49.

(¹) Socr. Hist. eccl. lib. VIII, c. 24.

(²) Oper. Cass. p. 743 de incarn. Domini lib. IV, c. III.

(³) Св. Кассіанъ не передаетъ всего символа антіохійскаго, но, безъ сомнѣнія, онъ не ограничивался исповѣданіемъ одной Троицы, а имѣлъ члены о Церкви, воскресеніи и жизни вѣчной: потому что если бы оставалось св. Кассіану сказать только исповѣданіе и въ Духа Святаго, онъ не написалъ бы и проч., но если это сдѣлалъ для краткости —

Здѣсь единосущіе Сына со Отцемъ выражено съ полною ясностію и точностію. Кто исповѣдуетъ, что „рожденъ истинный Богъ отъ Бога истиннаго,“ и что „Сынъ рожденъ изъ Отца“, тотъ хотя бы и не употреблялъ слова единосущный, исповѣдуетъ уже единосущіе. Ибо если существо Божіе едино, и единъ истинный Богъ, то очевидно, что рожденный отъ истиннаго Бога—Богъ истинный долженъ быть единаго естества со Отцемъ, иначе нужно допустить два существа Божія и два истинныхъ Бога, на что ни кто изъ здравомыслящихъ не можетъ согласиться. Съ другой стороны, когда Сынъ называется рожденнымъ изъ Отца, то необходимо признается чрезъ это уже самое единосущнымъ Отцу; въ противномъ случаѣ, нужно было бы предположить, что въ Богѣ Отцѣ, существѣ простѣйшемъ, чистѣйшемъ Духѣ, кромѣ своего естества, есть другое, изъ котораго произошелъ Сынъ, родившійся изъ Него, что̀ явно нелѣпо. Оттого, весьма естественно, что въ антіохійскомъ символѣ послѣ выраженій: Сынъ родился изъ Отца, истинный Богъ отъ истиннаго Бога, въ которыхъ выражается догматъ единосущія лицъ Святыя Троицы, Сынъ прямо называется единосущнымъ Отцу (ὁμοούσιος). Это слово не привносило въ символъ новаго понятія, но опредѣляло и точно выражало то, что̀ внушалось предъидушими словами, и было какъ бы заключеніемъ предъидущихъ сужденій. Если Сынъ есть истинный Богъ, родился изъ Бога Отца—прямое слѣдствіе, что Онъ единосущенъ Отцу. Для чего же предполагать, что это понятіе, которое такъ тѣсно логически

явный знакъ, что ему оставалось еще перечислять нѣсколько членовъ, которые оставляетъ, какъ не нужные для своей цѣли.

соединяется съ предъидущими, есть позднѣйшая вставка? Напрасно поэтому нѣкоторые утверждаютъ, что слово единосущный въ антіохійскій символъ занято изъ никейскаго ([1]). Мнѣніе свое они преимущественно основываютъ на томъ, что будто бы отцы собора, бывшаго въ Антіохіи 262 г. противъ Павла самосатскаго, запретили употребленіе слова единосущный—ὁμοούσιος ([2]). Но такъ думать не даютъ ни малѣйшаго повода дошедшіе до насъ акты и посланія этаго собора; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобное запрещеніе; напротивъ обстоятельства спора съ Павломъ самосатскимъ приводятъ даже къ противоположному заключенію, что спорное слово, имѣвшее въ антіохійской церкви большое значеніе, было въ антіохійскомъ символѣ. Павелъ самосатскій, по свидѣтельству св. Иларія, ([3]) училъ, что если Церковь исповѣдуетъ Сына единосущнымъ Отцу, то Онъ и Отецъ одно и тоже лице (ἓν πρόσωπον), а Христосъ Іисусъ простой человѣкъ, на котораго низошло Слово; потому что если допустить, что Онъ былъ само воплотившееся Слово, то необхо-

---

([1]) Bing. orig. Eccl. lib. X, c. IV, § IX, p. 148.

([2]) Къ этому ошибочному мнѣнію подали поводъ аріане, для которыхъ нестерпимо было слово ὁμοούσιος, какъ ниспровергавшее ихъ ересь въ самомъ корнѣ; они между прочими своими хитростями, къ которымъ прибѣгали, чтобы удалить изъ символа ненавистное имъ слово, рѣшились коварно сослаться на важность соборнаго опредѣленія, и, прикрываясь притворнымъ уваженіемъ къ соборнымъ постановленіямъ, упорно отвергали въ символѣ слово единосущный. Аѳанасій В., обличавшій всѣ аріанскіе ковы, не могъ обличить настоящей ихъ лжи, потому что у него не было подъ рукою актовъ этаго собора, и долженъ былъ повѣрить аріанамъ на слово, какъ самъ говоритъ: ὡς αὐτοί φασι· τὴν γὰρ ἐπιστολὴν οὐκ ἔχον ἐγὼ (de sinod. n. 43. p. 757. T. I, ed. Par. 1698).

([3]) De sinod. adv. Arian. p. 114. ed. Col. Arg. 1617.

димо принять, что самое человѣчество сдѣлалось единосущнымъ Богу, а Богъ единосущнымъ человѣку [1]. Нельзя не видѣть, что все свое нечестивое ученіе Павелъ основывалъ на исповѣданіи Сына „единосущнымъ Отцу“, и всѣ свои діалектическіе выводы дѣлалъ изъ слова ὁμοούσιος. Но какъ могъ еретикъ утверждать на немъ свои лжемудрованія и ссылаться на него въ доказательство своихъ положеній, если бы это слово не имѣло въ Церкви догматическаго значенія, если бы оно не было въ канонѣ Вѣры — символѣ? Современникомъ Павлу самосатскому былъ св. Діонисій александрійскій; на него нѣкоторые изъ александрійцевъ жаловались римскому Діонисію, что ихъ пастырь не признаетъ Сына единосущнымъ Отцу (λέγοντα μὴ ὁμοούσιον τὸν υἱὸν τῷ πατρί), и онъ въ оправданіе свое говоритъ, что онъ хотя и не употребляетъ самаго слова ὁμοούσιος, но принимаетъ самый догматъ, и приводитъ разныя доказательства, какими пользовался при объясненіи этаго члена Вѣры [2]. Св. архипастырь александрійскій навлекъ на себя подозрѣніе въ неправославіи единственно потому, что не употреблялъ слова единосущный [3]; такой жалобы не было бы, еслибы слово ὁμοούσιος не было общеупотребительно и не имѣло въ Церкви каноническаго достоинства. Безъ этого и отцамъ антіохійскаго собора не нужно было бы писать пространнаго

(1) Dorn. Gech. d. Lehr. v. J. Chr. I. B.

(2) Это дѣло подробно описываетъ св. Аѳанасій В. De Sin. l. c. et squ. cf. de decr. Cons. Nic.

(3) Впрочемъ Діонисій александрійскій, въ своемъ посланіи къ антіохійскому собору противъ Павла самосатскаго, называетъ Іисуса Христа прямо единосущнымъ (ὁμοούσιον) Отцу. См. это посланіе Labb. Sacr. S. cons. T. I.

посланія (¹) съ объясненіемъ этого слова; тѣмъ менѣе можно было ожидать такого посланія, (даже оно кажется совершенно излишнимъ), если допустить, что сами же св. отцы запретили употребленіе въ Церкви разсматриваемаго слова. Напротивъ изъ того, что отцы съ такою заботливостію и такъ подробно раскрываютъ истинный смыслъ его, мы въ правѣ заключать, что оно было очень важно; и эта важность его легче всего объясняется тѣмъ, что оно было въ символѣ антіохійской церкви, въ которомъ (какъ и во всякомъ символѣ) каждое слово, будучи точнымъ опредѣленіемъ догмата, по необходимости получаетъ большое значеніе. Наконецъ въ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ соборъ осуждаетъ Павла самосатскаго, можно искать доказательства, что въ это время въ символѣ антіохійской церкви было уже слово ὁμοούσιος: потому что въ соборномъ опредѣленіи сказано, что еретикъ отлученъ отъ церкви за отступленіе свое отъ символа Вѣры (ἀπὸ τοῦ κανόνος τῆς πίστεως), содержимаго церковію (²). Но мы видѣли, что главнымъ основаніемъ всей ереси его было превратное толкованіе члена символа о единосущіи, а ересь состояла въ діалектическихъ выводахъ изъ слова единосущный; отсюда прямое заключеніе, что за это-то уклоненіе отъ истиннаго смысла догмата и за злонамѣренное изъясненіе слова ὁμοούσιος еретикъ лишается своего епископскаго достоинства и отлучается отъ Церкви. Такимъ образомъ открывается, что не только догматъ единосу-

(¹) Это посланіе можно найти въ концѣ актовъ ефесскаго собора (T. IV, l. I, et Theod. Teltz) и въ концѣ слова Кирилла александрійскаго о воплощеніи; другое посланіе того же собора, болѣе пространное, см. Хр. Чт. 1842 г. ч. I, стр. 231.

(²) Euseb. Hist. eccl. lib. VII, c. 30. p. 815. et Aug. Taur. 1746.

щія, но и самое то слово, которымъ никейскій соборъ выразилъ этотъ догматъ, были въ исповѣданіи Церкви за долго прежде.—Мы встрѣчаемъ это въ одномъ символѣ церкви антіохійской, но онъ, по словамъ св. Кассіана, представляя въ частности исповѣданіе помѣстной церкви, выражаетъ собою общую Вѣру Церкви вселенской; ибо всѣ помѣстныя содержатъ ее одну и туже (1). Происхожденіе этаго символа св. Кассіанъ относитъ къ „апостоламъ, которые предали его Церкви (2)". Самый наконецъ составъ этаго символа простой, точный и ясный доказываетъ происхожденіе его въ началѣ христіанства. По всей вѣроятности, св. апостолы, которые положили основаніе антіохійской церкви (3), оставили ей и символъ. Св. Петръ, по свидѣтельству Іеронима (4), семь лѣтъ провелъ въ Антіохіи, проповѣдуя Евангеліе: отчего же не допустить, что онъ далъ антіохійской церкви точное исповѣданіе Вѣры, изображающее существенное отношеніе Бога Отца къ Богу Сыну?

СИМВОЛЪ КЕСАРІЙСКІЙ.

Всѣ, доселѣ разсмотрѣнные нами символы, по своему происхожденію принадлежащіе самимъ апостоламъ, только сходствомъ своимъ съ никейскимъ свидѣтельствовали, что онъ передаетъ именно ту Вѣру, которую проповѣдывали апостолы; но символъ церкви кесарійской представляетъ не свидѣтельство уже, а такъ сказать ручательство за эту истину: потому что самый никейскій

(1) De incar. Domini. lib. IV. c. VI, p. 749.
(2) Ibid. c. V, p. 148.
(3) Дѣян. 11, 22—25.
(4) Hier. in chronic.

символъ есть только не много распространенный символъ церкви кесарійской. Когда на никейскомъ соборѣ Евсевій-Памфилъ, епископъ Палестинской Кесаріи, навлекъ на себя, за свою нерѣшительность, подозрѣніе въ неправославіи и расположенности къ аріанскому образу вѣрованія,—онъ для своего оправданія представилъ на соборѣ, какъ доказательство своего православія, древній символъ своей кесарійской церкви, который передаетъ въ слѣдующемъ видѣ: „Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Слово Божіе, Бога изъ Бога, свѣта отъ свѣта, жизнь отъ жизни, Сына единороднаго, перворожденнаго всея твари, рожденнаго отъ Бога Отца прежде всѣхъ вѣкъ, чрезъ котораго все сотворено, воплотившагося для нашего спасенія и пожившаго между людьми, восшедшаго къ Отцу и имѣющаго пріити судить живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую также и во единаго Святаго Духа.“ Этотъ символъ, говорилъ Евсевій предъ лицемъ всего собора, свидѣтельствуясь Богомъ, „я преемственно получилъ, какъ образъ и правило Вѣры, отъ своихъ предшественниковъ, епископовъ кесарійскихъ, его заучивалъ, готовясь ко крещенію, исповѣдывалъ предъ купелію, имъ руководился въ ученіи, будучи пресвитеромъ и въ санѣ епископа“ (1). По требованію св. отцевъ, исповѣданіе его было прочитано въ общемъ засѣданіи собора, въ присутствіи самаго императора, и отцы признали его пра-

(1) Socr. Hist. Eccl. l. I, c. VIII, p. 24. Евсевій раскрываетъ всѣ эти подробности въ посланіи къ своей кесарійской паствѣ, что̀ само ручается уже, что онъ передаетъ символъ вѣрно, а то, что Сократъ приводитъ это посланіе, какъ подлинное, описывающее истинныя событія, достаточно убѣждаетъ, что Евсевій говоритъ правду.

вославнымъ (εὖ τε ἔχειν καὶ δοκίμως). „Самъ боголюбезный императоръ, пишетъ Евсевій къ своей паствѣ, первый засвидѣтельствовалъ, что мое исповѣданіе православно, и что онъ самъ также исповѣдуетъ св. Вѣру, и убѣждалъ всѣхъ согласиться съ нимъ, подписаться подъ представленнымъ мною символомъ и единодушно принять его“ (1). Предложеніе императора было принято всѣми;—отцы собора нашли только необходимымъ яснѣе выразить въ символѣ единосущіе Сына со Отцемъ. Для этой цѣли нѣсколько измѣнили третій членъ древняго кесарійскаго символа, внесли въ него слово ὁμοούσιος и нѣкоторыя выраженія, направленныя противъ заблужденій Арія, и такимъ образомъ составили символъ, который былъ изданъ отъ лица собора и дошелъ до насъ подъ именемъ никейскаго. Но прибавленія, сдѣланныя къ кесарійскому символу, нисколько не измѣняя смысла его, только сдѣлали его болѣе яснымъ и противоположнымъ аріанскому богохульству. Потому что никто не почтетъ измѣненіемъ смысла, когда къ словамъ древняго символа: Богъ отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, жизнь отъ жизни, которыя сами собою выражаютъ единство естества Бога Отца и Бога Сына, прибавлено положительное и ясное опредѣленіе: „исповѣдывать Сына рожденнымъ изъ сущности Отца, единосущнымъ Отцу.“ Пастыри Церкви чрезъ это только указали, какъ нужно понимать прежній символъ, дали для всей Церкви болѣе опредѣленный образецъ Вѣры. Въ символѣ кесарійскомъ, а потому и никейскомъ, мы не видимъ послѣднихъ членовъ о Церкви, воскресеніи и жизни вѣчной. Но отсюда нельзя заключать, что ихъ не было въ

(1) Ibid.

древнихъ символахъ, и что они вновь составлены на константинопольскомъ соборѣ, прибавившемъ ихъ къ символу никейскому. Напротивъ они были необходимою принадлежностію всякаго символа; потому что встрѣчаются въ каждомъ изъ нихъ, который дошелъ до насъ въ полномъ своемъ составѣ,—ихъ мы читаемъ въ символахъ римскомъ, аквилейскомъ, символѣ постановленій апостольскихъ, іерусалимскомъ; необходимо предположить, что они были и въ кесарійскомъ и антіохійскомъ. Но Евсевій и св. Кассіанъ не передаютъ ихъ потому, что эти члены не нужны были для тѣхъ цѣлей, съ которыми тотъ и другой писатель говорятъ о древнихъ исповѣданіяхъ Церкви. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что св. Кипріанъ, упоминая о символѣ своей карѳагенской церкви, говоритъ именно о послѣднихъ четырехъ членахъ его. „Хотя новатіане не разнятся съ нами въ вопросахъ крещенія, пишетъ св. отецъ, но не могутъ имѣть права крестить; потому что не одинъ законъ символа у насъ съ еретиками; ибо они, исповѣдуя оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную чрезъ св. Церковь, обманываютъ самихъ себя, не имѣя церкви“ (¹). Въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „когда мы говоримъ: вѣрую въ жизнь вѣчную и въ оставленіе грѣховъ чрезъ св. Церковь,—разумѣемъ, что оставленіе грѣховъ достигается только въ Церкви, а у еретиковъ, у которыхъ нѣтъ Церкви, не можетъ быть и отпущенія грѣховъ“ (²).

Такимъ образомъ, изъ обозрѣнія древнихъ символовъ (³) открывается, что они содержали и тѣ же чле-

---

(¹) Epist. ab. Magn.

(²) Epist. ad. Episc. Numid.

(³) Нѣкоторые ученые (Bing. Orig. Eccl. lib. X. c. IV) къ православнымъ символамъ относятъ то исповѣданіе, которое Арій предстa-

ны, и тѣже догматы, которые исповѣдуемъ мы въ своемъ никеоцареградскомъ символѣ. Въ немъ, во всѣхъ тѣхъ членахъ, въ которыхъ говорится о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, не встрѣчается ни одного выраженія, ни одного слова, котораго не было бы въ символахъ Церкви, бывшихъ прежде него. Въ немъ также ясно выражается Божество Святаго Духа и равносущность Его со Отцемъ и Сыномъ. Послѣдніе четыре члена никеоцареградскихъ въ древнихъ символахъ представляются въ бо́льшемъ разнообразіи: они то выражаются иными словами, то слѣдуютъ не въ одномъ и томъ же порядкѣ, то наконецъ соединяются между собою; но во всѣхъ видахъ они содержатъ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо кто вѣруетъ „во оставленіе грѣховъ

валъ Константину, какъ доказательство своего единомыслія съ никейскими отцами; они считаютъ его древнимъ символомъ церкви александрійской. Но такъ думать нѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что ни Сократъ ничего не говоритъ объ этомъ, приводя самое исповѣданіе, ни даже самъ Арій; между тѣмъ для него было бы очень важно и полезно указать, что онъ принимаетъ древнее исповѣданіе той церкви, которая отлучила его; врагъ Сына Божія говоритъ только, что научился этой вѣрѣ изъ Евангелія. (Socr. Hist. Eccl. lib. I. c. 26. p. 62). Это молчаніе, краткость и обоюдность выраженій о Іисусѣ Христѣ, не исключающихъ аріанскаго образа мыслей, заставляютъ видѣть здѣсь хитрое произведеніе самаго Арія. Наконецъ, если бы это былъ символъ церкви александрійской, православные не осудили бы его и не отвергнули бы, а только пояснили бы смыслъ его; такъ поступили они съ символомъ изъ постановленій апостольскихъ и Лукіана, на которые ссылались аріане, какъ благопріятные для себя. Исповѣданіе Арія по Сократу читается такъ: «вѣрую во Единаго Бога Отца вседержителя, и въ Господа Іисуса Христа, Сына Его, рожденнаго отъ Него прежде всѣхъ вѣкъ, Бога Слова, которымъ все сотворено на небѣ и на землѣ, который сошелъ и воплотился, страдалъ, воскресъ, восшелъ на небо и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, воскресеніе плоти, въ жизнь будущаго вѣка, царство небесное, и во едину каѳолическую Церковь, распространенную по всему міру» (Socr. l. c.).

чрезъ св. каѳолическую апостольскую Церковь“ (¹), тотъ исповѣдуетъ уже и самую Церковь и всѣ ея таинства. Не одно ли и тоже вѣровать во едино крещеніе покаянія (²), или исповѣдывать едино крещеніе во оставленіе грѣховъ? А кто принимаетъ „воскресеніе плоти для жизни вѣчной (³)“, тотъ очевидно не сомнѣвается уже, что будетъ самая жизнь. Даже если бы въ которомъ символѣ и не было высказано исповѣданіе о св. Церкви,—оно необходимо подразумѣвалось, какъ естественное, неизбѣжное слѣдствіе исповѣданія Святыя Троицы. „Когда, пишетъ Тертулліанъ, свидѣтельствуется вѣра въ три лица Святыя Троицы и чрезъ это запечатлѣвается залогъ спасенія, тогда необходимо уже должна быть упомянута и св. Церковь; потому что гдѣ три: Отецъ, Сынъ, и Святый Духъ, тамъ и Церковь, которая составляетъ тѣло Его“ (⁴). Но кто исповѣдуетъ св. Церковь, тотъ принимаетъ и все то, чему она учитъ и вѣруетъ; и хотя бы въ символѣ онъ и не упоминалъ ни о крещеніи, ни о воскресеніи, ни о жизни будущаго вѣка, необходимо долженъ вѣровать въ эти догматы, потому что Церковь, которой онъ дѣлался членомъ, проповѣдывала эти истины. Такимъ образомъ, повторимъ снова, древніе символы, сохранившіеся до насъ, являются совершенно сходными съ символомъ никейскимъ; въ нихъ встрѣчаются тѣже члены и тѣже догматы, какъ и въ никейскомъ.

Никейскій символъ сходенъ съ древними по своему виду и по своимъ выраженіямъ, но Вѣра—не въ сло-

(¹) S. Cypr. epist. ad. Magn.
(²) Символъ іерусалимскій. S. Cyr. Catech. V,
(³) Символъ римскій. Pears. diss. de simb. Apost. art. XII, p.
(⁴) De Bapt. c. VI.

вахъ, а въ смыслѣ, и „недостаточно, чтобы кто только читалъ символъ согласно съ Церковію; нужно, чтобъ онъ и толковалъ его согласно съ нею“ (¹). Поэтому чтобы видѣть совершенное согласіе нашего символа съ древними, нужно увѣриться, что древняя Церковь съ одними и тѣми же словами соединяла тотъ же смыслъ, какой соединяетъ съ ними и современная намъ Церковь. Въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ древнихъ исповѣданій, въ которыхъ символъ не передается буквально, но перечисляются его члены и указывается его содержаніе.

Первый изъ отцевъ Церкви (²), который оставилъ намъ подобнаго рода исповѣданіе, есть *Ириней*. Онъ, называя символъ „непоколебимымъ правиломъ вѣры (τὸν κάνονα τῆς ἀληθείας ἀκλινῆ), которое всякій принимаетъ въ крещеніи“ (³), изображаетъ его въ слѣдующемъ видѣ: „церковь, разсѣянная по всему міру до концевъ земли, получила отъ апостоловъ и учениковъ ихъ вѣру во единаго Бога Отца Вседержителя, сотворившаго небо и землю, моря и вся, яже въ нихъ: и во единаго Іисуса Христа, Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія: и въ Духа Святаго, предвозвѣстившаго чрезъ пророковъ Божіе домостроительство (τὰς οἰκονομίας) и пришествіе, воплощеніе отъ Дѣвы, страданіе, воскресеніе изъ мерт-

(¹) Cyril. Alex. Epist. ad Nest. de excomm.

(²) Io. Генр. Альстедій thesaur. Chronol. CXXXIII, думаетъ найти символъ у Климента Римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа, Іустина мученика, но, по справедливому замѣчанію ученыхъ, сіи св. отцы мимоходомъ только приводятъ нѣкоторыя выраженія, какъ будто изъ символа, но нигдѣ не передаютъ многихъ или нѣсколькихъ членовъ его. Pears. exp. simb. Ap. art. V, p. 400. Budd. Isag. in. Theol. univ. lib. post. c. II, p. 444.

(³) Adv. haer. lib. I. c. I.

выхъ и восшествіе съ плотію на небеса возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа, и пришествіе Его съ небесъ во славѣ Отца, возглавить всяческая и воскресить всякую плоть всего человѣчества (πάσης ἀνθρωπότητος), да Христу Іисусу, Господу нашему и Богу, и Спасителю и Царю, по благоволенію Отца невидимаго. всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣдается Ему. Онъ сотворитъ праведный судъ во всѣхъ: зло духовное и отпадшихъ ангеловъ, сдѣлавшихся отступниками, равно какъ и нечестивыхъ, неправедныхъ, беззаконныхъ и богохульныхъ людей пошлетъ въ огнь вѣчный, а праведнымъ, смиренномудрымъ, хранящимъ заповѣди и пребывающимъ въ любви Его, отъ самаго рожденія или послѣ покаянія, даруетъ нетлѣніе и сподобитъ вѣчной славы" (1). Это исповѣданіе св. Иринея есть древнѣйшій памятникъ, въ которомъ передается символъ, и свидѣтельство его заслуживаетъ полную достовѣрность. По выраженію Василія В., онъ былъ близкимъ къ апостоламъ (ὁ ἐγγὺς τῶν ἀποςόλων) и самъ слушалъ ученіе мужей апостольскихъ (Поликарпа и Папія) (2), такъ что богооткровенныя истины переходили къ нему только изъ вторыхъ устъ; по обстоятельствамъ своей жизни, онъ могъ лично убѣдиться, какъ понимаетъ и исповѣдуетъ Вѣру вся Церковь Христова, потому что онъ родился и озарился свѣтомъ Евангелія на востокѣ, проходилъ пастырское свое служеніе на западѣ; отличался между современниками образованіемъ, чистотою своей вѣры и не порочностію своей жизни, за что почтенъ

(1) Ibid. c. II.
(2) Iren. lib. III. c. 3. Hieron. Catal. script. in Pap.

былъ епископскимъ достоинствомъ и причтенъ Церковію къ лику святыхъ: слѣдовательно былъ такимъ свидѣтелемъ, который не только могъ знать истинную Вѣру, но и способенъ былъ и другимъ передать ее безъ поврежденія. Направляя сочиненіе, въ которомъ излагаетъ свое исповѣданіе Вѣры, противъ современныхъ ересей, онъ естественно долженъ былъ говорить одну истину, изъ опасенія, чтобы тѣже самые, которыхъ онъ опровергаетъ, не обличили его самаго во лжи. И онъ дѣйствительно ссылается на вселенскую Церковь, какъ на непреложную свидѣтельницу, что онъ передаетъ истинную Вѣру и ту самую, которую она „тщательно хранитъ, будучи разсѣяна по всему міру и согласно исповѣдуетъ, какъ бы обитающая въ одномъ домѣ, вѣруетъ, какъ бы имѣющая одну душу, одно сердце, согласно проповѣдуетъ, учитъ и передаетъ, какъ бы говорящая одними устами,“—и слѣдовательно передаетъ намъ въ словахъ не свою, а общую Вѣру всей Церкви.

Такимъ образомъ, свидѣтельство св. Иринея должно имѣть для насъ великую важность. Но онъ передаетъ туже самую Вѣру, которую мы исповѣдуемъ въ своемъ никеоцареградскомъ символѣ, называетъ Бога Отца Творцемъ вселенной, признаетъ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, Богомъ Спасителемъ и Царемъ, исповѣдуетъ вѣру въ воплощеніе Его отъ Духа Святаго и рожденіе отъ Дѣвы Маріи, исповѣдуетъ его судіею и мздовоздаятелемъ всѣхъ; Духа Святаго изображаетъ третьимъ лицомъ Святой Троицы, глаголавшимъ чрезъ пророковъ, раздаятелемъ благодатныхъ даровъ; св. Церковь признаетъ хранительницею священнаго сокровища Вѣры и руководительницею ко спасенію. Такимъ образомъ въ исповѣданіи св. Иринея являются всѣ члены

никеоцареградскаго символа, представляется не только вѣра во Святую Троицу, но и въ таинство воплощенія и дѣвство Богоматери. а Церковь называется учительницею св. Вѣры.

Другой древній писатель Церкви, въ сочиненіяхъ котораго встрѣчается исповѣданіе Вѣры, былъ *Тертулліанъ*, принадлежавшій къ африканской церкви. Подобно св. Иринею онъ былъ ревностнымъ обличителемъ современныхъ ересей, пока самъ не увлекся лжеученіемъ монтанистовъ. Опровергая разныя заблужденія. онъ нѣсколько разъ излагаетъ символъ, какъ изображеніе истинно православной Вѣры, и дѣлаетъ это то въ краткихъ, то болѣе пространныхъ выраженіяхъ, смотря потому. какъ требовали того обстоятельства. Такъ въ сочиненіи: De praescriptione adversus haereticos. онъ излагаетъ символъ въ слѣдующемъ видѣ: „вѣруемъ, что единъ только Богъ и нѣтъ другаго, кромѣ Творца міра. который произвелъ все изъ ничего чрезъ Слово свое, рожденное прежде всѣхъ. Это Слово. называемое Сыномъ Его, какъ Богъ (in nomine Dei) различно являлся патріархамъ, слышанъ былъ въ пророкахъ; наконецъ Духомъ Отца и силою Его ниспосланъ въ Марію Дѣву. воплотился въ ея утробѣ и есть Іисусъ Христосъ. Онъ проповѣдывалъ новый законъ и новое обѣтованіе царства небеснаго, творилъ чудеса. распятъ на крестѣ. въ третій день воскресъ. восшелъ на небеса и возсѣдитъ одесную Отца. Онъ послалъ замѣнительную силу (vicariam vim) Святаго Духа. который дѣйствуетъ въ вѣрующихъ. Пріидетъ со славою, чтобы взять святыхъ въ царство жизни вѣчной и небесныхъ обѣтованій и чтобы нечестивыхъ (profanos — язычниковъ) осудить на огнь вѣчный, воскресивши тѣхъ и другихъ чрезъ воскресеніе

плоти.“ Въ этомъ исповѣданіи есть выраженія, которыя, повидимому, имѣютъ смыслъ противный никейскому исповѣданію;—въ немъ Слово, рожденное прежде всѣхъ, является посланнымъ Духомъ Бога Отца и Силою Его въ Дѣву, а Духъ Святый называется замѣнительною силою. Первое какъ будто унижаетъ достоинство Сына Божія, дѣлая Его служебнымъ орудіемъ для нашего спасенія; второе какъ будто уничтожаетъ личность Святаго Духа. Но самъ Тертулліанъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій указываетъ, какъ нужно смотрѣть на сіи выраженія. Такъ въ другомъ своемъ изложеніи символа, сдѣланномъ по случаю опроверженія ереси Праксея, онъ ясно показываетъ, что принимаетъ и Божество Сына и ипостасное бытіе Святаго Духа; потому что Іисуса Христа онъ называетъ прямо Богомъ, а Святаго Духа представляетъ дѣйствующимъ, какъ лице самостоятельное. „Мы вѣруемъ, пишетъ онъ, въ единаго Бога, но съ тѣмъ однакожъ разграниченіемъ (dispensatione), что у единаго Бога есть Сынъ, Слово Его, который отъ Него самаго произошелъ (processerit), чрезъ котораго все сотворено, и безъ котораго не сотворено ничего. Онъ посланъ отъ Отца въ Дѣву и родился изъ нея Богъ и человѣкъ. Сынъ человѣческій и Сынъ Божій, названъ Іисусомъ Христомъ. Онъ пострадалъ и умеръ и погребенъ, по писаніямъ, воскрешенъ Отцемъ, вознесся паки на небо, сѣдитъ одесную Отца, придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ съ неба послалъ отъ Отца, по обѣтованію своему, Святаго Духа Утѣшителя, Освятителя вѣры тѣхъ, которые исповѣдаютъ Отца и Сына и Святаго Духа (¹).“

(¹) Adv. Prax. c. II. Тоже самое исповѣданіе Тертулліанъ передаетъ въ другомъ своемъ сочиненіи de velandis virgin. c. 7, но въ сокраще-

Неточность нѣкоторыхъ выраженій Тертулліана происходитъ отъ того, что онъ направляетъ свои исповѣданія противъ господствовавшихъ въ его время ересей. Тогдашніе еретики, главою и представителемъ которыхъ былъ Праксей, доказывали единство Божіе и уничтожали троичность ([1]). Тертулліанъ въ своихъ исповѣданіяхъ преимущественно желаетъ показать ипостасное различіе лицъ Святыя Троицы. Онъ исповѣдуетъ три лица Божества, каждому изъ нихъ усвояетъ дѣйствительное бытіе, но вмѣстѣ признаетъ и единство ихъ естества, или, какъ самъ выражается, „не уничтожаетъ Монархіи ([2])“. „Троичность лицъ, пишетъ онъ, не противна единству Божеской природы; власть и честь одна и таже у всѣхъ лицъ Святыя Троицы. Одинъ Богъ во всѣхъ лицахъ, по единству существа; тѣмъ не менѣе соблюдается таинство домостроительства, которое сіе единое Божество разлагаетъ на троичность ипостасей и представляетъ трехъ: Отца и Сына и Святаго Духа ([3])“,— „трехъ не по состоянію (statu), но по порядку (gradu),

---

номъ видѣ: «правило Вѣры (символъ) совершенно одно, непоколебимо и неизмѣняемо, т. е. вѣровать во единаго Бога вседержителя, Творца міра, и Сына Его Іисуса Христа, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, воскресшаго въ третій день изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Отца, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ по воскресеніи плоти.» По краткости этаго исповѣданія и отсутствію въ немъ имени Святаго Духа, нѣкоторые, забывая, что здѣсь Тертулліанъ кратко только повторяетъ сказанное пространнѣе въ другомъ мѣстѣ (adv. Prax. c. II), утверждаютъ, будто во времена Тертулліана въ символѣ не было ни исповѣданія Божества Сына, ни члена о Святомъ Духѣ (Dorn. Gech. de Lehr. v. I. Chr. Th. I, c. 1) Но изъ приведенныхъ нами исповѣданій Тертулліана сама собою уже открывается неосновательность этого мнѣнія.

([1]) Guerike. Handb. d. Kircheng. Abschn. IV, 1 Heft. Seit. 209.

([2]) Berd. Marech. Concord. Patr. T. I. doctr. Tert. S. I: c. VI n. 1. p. 177.

([3]) Ibid.

не по существу, но по формѣ, не по власти, но по виду. Всѣ лица одного естества, одного достоинства и одной власти (¹)“. „Слово рождено Богомъ, потому и называется Сыномъ Божіимъ и Богомъ по единству существа. Духъ отъ Духа и отъ Бога Богъ, какъ свѣтъ отъ свѣта исходитъ (²). „Богъ Отецъ никогда не былъ одинъ, но всегда имѣлъ съ собою Слово, которое было въ лонѣ Его (³)“. Должно ли искать яснѣйшаго свидѣтельства о божественности Іисуса Христа и единосущіи Его съ Отцемъ? Нужно ли еще доказательства, что Тертулліанъ допускалъ Божество, личность и единосущіе со Отцемъ и Сыномъ Святаго Духа, называя Его то Божественнымъ правителемъ (Dei villicus), то намѣстникомъ Господа Іисуса (Christi vicarius) (⁴)? Такимъ образомъ исповѣданія Тертулліана вполнѣ согласны съ символомъ никейскимъ: какъ тамъ Богъ является въ трехъ лицахъ, такъ и здѣсь исповѣдуется Святая Троица; какъ тамъ Сынъ Божій называется Богомъ единосущнымъ Отцу, такъ и здѣсь Онъ именуется Сыномъ Божіимъ и Богомъ по единству существа; наконецъ, какъ тамъ Духъ Святый со Отцемъ и Сыномъ спокланяемъ и сславимъ, такъ и здѣсь Онъ одного съ Ними достоинства и одной власти.

Послѣ Тертулліана (⁵) свидѣтелемъ истинности никейскаго символа является *Оригенъ*, который въ своемъ сочиненіи „О началахъ“ въ предисловіи представляетъ слѣдующее исповѣданіе вѣры: „виды того, что явно пре-

(¹) Adv. Prax. c. II.
(²) Apolog. c. XXI.
(³) Adv. Prax. c. V
(⁴) De praescr. adv. haer. c. 28.
(⁵) Bing. orig. Eccl. l. X, c. IV § 2. p. 63. Budd. Isag. in Theol. univ lib. post c. I § VI. p. 347. Guer. Allg. simb. Th. 1. p. 5.

подается чрезъ проповѣдь апостольскую, суть: во-первыхъ, что единъ Богъ, который все сотворилъ и устроилъ, который изъ ничего далъ бытіе вселенной, отъ перваго сотворенія и устроенія міра Богъ всѣхъ праведниковъ: Адама, Авеля, Сиѳа, Еноса, Еноха, Ноя, Сима; Авраама, Исаака, Іакова, 12 патріарховъ, Моисея и пророковъ, и что сей Богъ въ послѣдокъ дней, какъ прежде обѣщалъ чрезъ своихъ пророковъ, послалъ Господа нашего Іисуса Христа, самъ далъ законъ, пророковъ и евангеліе, Онъ есть Богъ апостоловъ, ветхаго и новаго Завѣта. Во-вторыхъ. Іисусъ Христосъ, тотъ самый, который пришелъ, рожденъ отъ Отца прежде всей твари. Онъ поколику служилъ Отцу при созданіи всего (ибо чрезъ Него все сотворено), то въ послѣднія времена, Себе умаливъ, сдѣлался человѣкомъ: воплотился, хотя былъ Богъ, и пребылъ человѣкомъ, будучи Богомъ. Принялъ на Себя плоть подобную нашей плоти, съ тѣмъ только различіемъ, что родился отъ Дѣвы дѣйствіемъ Святаго Духа. И поелику сей Іисусъ Христосъ родился и страдалъ на самомъ дѣлѣ, и не по подобію только общей смерти, умеръ этою смертію дѣйствительно; то дѣйствительно и воскресъ изъ мертвыхъ и послѣ воскресенія обращался съ учениками своими и вознесся. Въ-третьихъ, предали, что вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ участвуетъ въ чести и достоинствѣ Духъ Святый“. Догматъ о Пресвятой Троицѣ въ этомъ исповѣданіи очевидно передается также ясно и опредѣленно, какъ мы принимаемъ это въ символѣ никеоцареградскомъ. Признавая Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, равночестнымъ Отцу, Богомъ и въ самомъ вочеловѣченіи, Оригенъ раскрываетъ и причину воплощенія, и тайну рожденія отъ Дѣвы дѣйствіемъ Святаго Духа.

Самаго Духа Святаго исповѣдуетъ участвующимъ въ чести и достоинствѣ со Отцемъ и Сыномъ. Такимъ образомъ не только своимъ свидѣтельствомъ подтверждаетъ догматы, содержащіеся въ никейскомъ символѣ, но и уясняетъ ихъ, не только показываетъ, что Церковь современная ему содержала ихъ, но и открываетъ, что она понимала ихъ такъ, какъ и теперь проповѣдуетъ.

Ученикъ Оригена *св. Григорій Неокесарійскій*, въ своемъ исповѣданіи Вѣры передаетъ намъ туже Вѣру и тоже ученіе. Исповѣданіе свое онъ получилъ чудеснымъ образомъ. По настоянію Федима, епископа амасійскаго, обладавшаго даромъ прозрѣнія, св. Григорій былъ поставленъ епископомъ въ Неокесарію, въ которой въ то время, вмѣстѣ съ ея многолюдными окрестностями, было не болѣе семнадцати христіанъ; всѣ прочіе поклонялись идоламъ. Вновь посвященный епископъ сознавалъ всю трудность своего назначенія, которую еще болѣе увеличивали свирѣпствовавшія въ то время двѣ противоположныя ереси — Павла самосатскаго, уничижавшаго Іисуса Христа, какъ простаго человѣка и сливавшаго ипостаси Святыя Троицы, и требожниковъ, которые допускали трехъ боговъ, различныхъ по существу. Требовалась великая осторожность и мудрость, чтобы быть достойнымъ пастыремъ, при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Св. Григорій чувствовалъ это и просилъ себѣ времени для приготовленія къ священному служенію, но по выраженію св. Григорія Нисскаго, не почелъ нужнымъ совѣтоваться съ *плотію и кровію* (Гал. 1. 16), а обратился съ пламенною молитвою къ Богу низпослать ему свыше откровеніе сокровеннаго, и рѣшился не приступать къ проповѣданію слова Божія, пока въ какомъ нибудь явленіи не будетъ открыта ему

истина. Молитва и живая вѣра св. пастыря скоро была услышана. Однажды въ тихую и темную ночь, св. Григорій, послѣ долгой съ колѣнопреклоненіемъ слезной молитвы, легъ на свое жесткое ложе не для успокоенія, но для размышленій о Вѣрѣ. Вдругъ ночной мракъ уступилъ мѣсто яркому блистанію, полночь обратилась въ ясный полдень и въ лучезарномъ свѣтѣ явился въ великолѣпномъ одѣяніи старецъ величественнаго вида; на лицѣ его выражалось благородство и все въ немъ дышало добродѣтелію и величіемъ. Григорій устрашившись видѣнія, поспѣшно встаетъ съ одра, обращается къ явившемуся и проситъ сказать: кто онъ и за чѣмъ пришелъ? Этотъ тихимъ голосомъ успокоилъ его встревоженный духъ, сказавъ, что явился къ нему по повелѣнію Божію, разрѣшить его недоумѣнія и научить его православной Вѣрѣ. Потомъ старецъ указалъ ему въ противоположную сторону, гдѣ Григорій увидѣлъ жену, по красотѣ своей превосходившую всякій человѣческій образъ. Послѣ сего оба явившіеся начали между собою разговоръ; жена просила Евангелиста Іоанна открыть молившемуся тайну благочестія, а этотъ говорилъ, что онъ готовъ исполнить все для Матери Господа, и на самомъ дѣлѣ далъ св. Григорію въ краткихъ и опредѣленныхъ словахъ нужное наставленіе. Св. пастырь не проронилъ ни слова изъ того, что слышалъ, и лишь только кончилось видѣніе, немедленно записалъ все наставленіе, которое имѣло слѣдующій видъ: „Единъ Богъ, Отецъ Слова живаго, Премудрости и Силы самосущей и образъ вѣчнаго; совершенный родитель совершеннаго, Отецъ Сына единороднаго. Единъ Господь, единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, образъ и выраженіе Божества, Слово дѣйственное, Мудрость, содержащая со-

ставъ всего, и Сила. зиждущая все твореніе. Истинный Сынъ истиннаго Отца, невидимый невидимаго, нетлѣнный нетлѣннаго, безсмертный безсмертнаго. вѣчный вѣчнаго. И единъ Духъ Святый отъ Бога исходящій, посредствомъ Сына явившійся людямъ. жизнь, въ которой причина живущихъ, святый источникъ, святыня, подающая освѣщеніе. Имъ является Богъ Отецъ, который надъ всѣмъ и во всемъ. и Богъ Сынъ. который чрезъ все. Троица совершенная. славою и вѣчностію и царствомъ нераздѣльная и неразлучная. Посему нѣтъ въ Троицѣ ни сотвореннаго. ни служебнаго. ни привходящаго, чего бы прежде не было, и что вошло бы послѣ. Ни Отецъ никогда не былъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа, но Троица непреложна. неизмѣнна и всегда одна и таже (1)". Нѣкоторые отвергаютъ подлинность этого символа, или по крайней мѣрѣ сомнѣваются въ чудесномъ его происхожденіи. Основаніемъ сему служитъ молчаніе о немъ Евсевія, Іеронима, Софронія (2). Но Евсевій. неизвѣстно почему (Аѳанасій библіотекарь предполагаетъ (3), что это произошло не изъ добраго источника) ничего не говоритъ въ своей Церковной Исторіи ни о славѣ Григорія Чудотворца. ни даже о чудесахъ его, извѣстныхъ всѣмъ. Впрочемъ нужно предполагать, что онъ много говорилъ о Григоріѣ въ апологіи за Оригена (она не дошла до насъ). къ которой былъ присоединенъ даже панегирикъ Григоріевъ своему великому учителю: (4) Іеронимъ во всемъ слѣдовалъ Евсевію. а Софроній былъ только толковникомъ Іеро-

(1) Прилож. къ Прав. исповѣд. стр. 197. изд. С.п.б. 1840.
(2) Sand. de Script. Eccl. p. 39.
(3) Chronol. ad. ann. Chr. 246.
(4) Bell. defens. fid. nic. S. II. c. XII. § 3. p. 252.

нима. Итакъ молчаніе этихъ писателей не даетъ основанія сомнѣваться въ подлинности символа принадлежащаго Григорію. Объ немъ ясно упоминаютъ (1), не только Руфинъ (2), но и св. Григорій Нисскій (3). Послѣдній, приведши самое исповѣданіе, прибавляетъ: „даже до настоящаго времени оно преподается всему неокесарійскому народу, который остается чистымъ отъ всякаго еретическаго нечестія. Кто желаетъ увѣриться въ подлинности его, тотъ пусть обратится къ церкви, въ которой св. Григорій преподавалъ это ученіе; она покажетъ ему самыя слова, писанныя собственною рукою Чудотворца, сохраняемыя ею даже доселѣ (4)". Свидѣтельство Григорія Нисскаго подтверждается свидѣтельствомъ брата его Василія В. (epist 75 ad Neoc.). Онъ пишетъ неокессарійцамъ: „мы отъ своей воспи-

(1) Лаббей (diss de Eccl. script.) допускаетъ, что Григорій чудотворецъ оставилъ символъ, но сомнѣвается, дошелъ ли онъ до насъ въ подлинномъ видѣ? «Хотя извѣстно, говоритъ онъ, изъ свидѣтельства Григорія Нисскаго (in vit. Greg. Thaum), что Григорію являлась сама Богородица, чтобы сообщить ему исповѣданіе православной Вѣры; но то ли оно, которое приводитъ Воссій? Въ этомъ справедливо сомнѣвается Беллярминъ вмѣстѣ съ Петавіемъ, отвергавшимъ (T. 2. Theol. Dogm.) подлинность этаго исповѣданія». Но Беллярминъ, какъ видно изъ его сочиненій, никогда не сомнѣвался въ подлинности символа, о которомъ идетъ дѣло. Онъ не признаетъ подлиннымъ только обширнѣйшаго Григоріева изложенія Вѣры по членамъ (κατὰ μέρος), изданнаго также Воссіемъ (Bell defens. fid. nic. S. II. c. XII. § 3. p. 283); и Петавій также не отвергаетъ подлинности этого символа, но приводитъ его какъ исповѣданіе Вѣры Григорія чудотворца, называя славнымъ памятникомъ церковнаго преданія и православнаго исповѣданія о Святой Троицѣ» (praef. in. T. 2. c. IV. n. 5). Онъ сомнѣвается опять въ подлинности только обширнѣйшаго изложенія вѣры, приписываемаго Григорію Чудотворцу (de Trin. l. I. c. IV, n. 10). Такимъ образомъ ошибка Лаббея очевидна.

(2) Hist. Eccl. lib VII. c. 25.

(3) Vit. Greg. Thaum. op. T. 2. p. 918, 919.

(4) Ibid.

тательницы, женщины благочестивой, произшедшей изъ среды васъ, разумѣю славную Макрину, узнали и заучили исповѣданіе Святыя Троицы словами блаженнѣйшаго Григорія, которыя по преданію (ἀκολουθία μνήμης) сохранились до ней, и она сама сохранила, и насъ еще дѣтей научила и наставила тѣмъ же догматамъ благочестія". Василій В. здѣсь говоритъ именно о символѣ Григорія: потому что, по словамъ св. Григорія Нисскаго, неокесарійцы обыкновенно заучивали по преданію отъ отцевъ исповѣданіе Григорія Чудотворца, а Святитель Каппадокійскій говоритъ, что онъ отъ бабки своей, родомъ неокесаріанки, научился истинной вѣрѣ во Святую Троицу подлинными словами Григорія еще въ дѣтствѣ, вѣроятно живя у ней въ домѣ въ Понтѣ вмѣстѣ съ родителями. Ясно, что оба св. отца говорятъ объ одномъ и томъ же исповѣданіи. Но Василій В. пишетъ, что и въ его время неокесарійцы такъ чтили и живо помнили Григорія Чудотворца, что время нисколько не ослабило ихъ уваженія и памяти, и они не позволили прибавить у себя ни одного дѣйствія, слова или таинственнаго обряда къ тому, что оставилъ имъ Григорій (Or. sp. sanct. c. 29). Слѣдственно, если св. Василій научился символу Григорія Чудотворца; то несомнѣнно именно тому символу, который оставленъ былъ неокесарійской церкви самимъ ея основателемъ. Самое содержаніе символа заставляетъ происхожденіе его отнести именно ко временамъ Григорія Чудотворца, потому что оно прямо направлено противъ ересей Савеллія и трибожниковъ, которые при жизни великаго Чудотворца тревожили Церковь. Наконецъ, въ доказательство подлинности символа Григорія Чудотворца, должно указать на то, что онъ приводится въ актахъ V вселен-

скаго собора (¹), какъ принадлежащій именно этому святителю. Чудесное происхожденіе символа также, какъ и подлинность его, не должно подлежать сомнѣнію. Нѣтъ никакого основанія не довѣрять свидѣтельству св. Григорія Нисскаго. Ибо можно ли сомнѣваться въ истинѣ свидѣтельства того, который жилъ спустя съ небольшимъ полвѣка по смерти Григорія, провелъ дѣтство свое въ Неокесаріи, и слышалъ объ этомъ отъ современниковъ неокесарійскаго первосвятителя? Можно ли представлять невозможнымъ или страннымъ, что мужъ св. жизни, назначенный быть пастыремъ новаго стада Христова, чудеснымъ образомъ получаетъ наставленіе въ Вѣрѣ (²)? Но чѣмъ чудеснѣе происхожденіе символа св. Григорія, и чѣмъ несомнѣннѣе истинность этого событія, тѣмъ важнѣе для насъ его свидѣтельство. Въ этомъ символѣ, творцомъ котораго должно признать самаго Іоанна Богослова, нѣтъ всѣхъ тѣхъ членовъ.

(¹) Bell. defens. fid. nic. L. II. c. XII. p. 252.

(²) Скажутъ, для чего Григорій желалъ получить непосредственное наставленіе отъ Бога? Отвѣтъ на это даетъ св. жизнеописатель его Григорій Нисскій, говоря, что «тогда были люди, искажавшіе православное ученіе, и правдоподобными доказательствами производившіе часто и въ самыхъ благомыслящихъ сомнѣніе въ истинѣ». Недовѣрчивость къ самому себѣ и опасеніе быть обманутымъ, заставило св. Григорія для совершеннаго успокоенія своей совѣсти просить высшаго, небеснаго свидѣтельства! Побужденіе благородное, цѣль возвышенная, и недивно, что мужъ, которому дано откровеніе, получилъ его. Жизнь его была исполнена чудесъ и откровеній: отъ избранія въ высокое достоинство епископства до дня кончины съ нимъ была чудодѣйственная сила Божія, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ церковные писатели, которымъ только случалось упоминать объ немъ (Bell. ibid. p. 249), что достаточно подтверждается именемъ чудотворца, которымъ величаетъ его св. Церковь. Такимъ образомъ историческая дѣйствительность откровенія, чрезъ которое св. Григорій получилъ символъ, утверждается и на достовѣрности свидѣтельства Григорія Нисскаго, и на внутреннихъ признакахъ самаго событія и наконецъ на свойствахъ самаго Григорія.

которые обыкновенно представляются въ другихъ символахъ, но въ немъ яснѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, исповѣдуется таинство Святыя Троицы, потому-то св. Василій В. и почитаетъ его лучшимъ ручательствомъ за чистоту вѣры того, кто принимаетъ это исповѣданіе. „Какое, пишетъ онъ неокесарійцамъ, можетъ быть болѣе вѣрное ручательство за чистоту моей вѣры, какъ не то, что я исповѣдую догматы благочестія словами блаженнѣйшаго Григорія?" Но символъ св. Григорія согласно съ никейскимъ проповѣдуетъ и равночестность лицъ Святыя Троицы, и единосущіе Сына со Отцемъ; въ немъ читаются только другія слова, но смыслъ одинъ и тотъ же, слышатся иные звуки, но въ сердцѣ напечатлѣвается одна и таже истина. Такъ единая св. апостольская Церковь всегда исповѣдывала едину вѣру, ибо водилась всегда однимъ Духомъ.

Послѣдній свидѣтель апостольскаго преданія, сохранявшагося въ символѣ, оставившій Церкви свое исповѣданіе, былъ *Лукіанъ*, славный по учености пресвитеръ антіохійскій и мученикъ за вѣру при Максиминѣ (311 г.) (1). Онъ, отличаясь высокимъ образовані-

(1) Лукіанъ родился въ Самосатѣ отъ благородной фамиліи (ок. 260 г.), особенно славился около 290 г. и былъ, по свидѣтельству Евсевія, мужъ знаменитый, какъ по своей уединенной подвижнической жизни, такъ и по знанію богословскихъ наукъ (Hist. Evseb. lib. VIII. c. II, et lib. XI. c. 6). Онъ учился толкованію св. Писанія у Макарія Едесскаго и, сдѣлавшись пресвитеромъ въ Антіохіи, основалъ славную школу, выходившіе изъ которой носили имя Лукіянистовъ (Theodoret. Hist. Eccl. l. I, c. 4). Свида отдаетъ Лукіану, по чистотѣ ученія Вѣры, и по ревности къ сохраненію ея, преимущество предъ всѣми писателями этого вѣка (sub. voc. Λοῦκιαν), и не безъ основанія, какъ показываютъ приводимые имъ отрывки изъ Лукіяновыхъ писемъ. Въ 311 году, когда Максиминъ воздвигъ снова гоненіе на христіанъ, къ нему въ Никомидію былъ представленъ Лукіанъ и говорилъ предъ императоромъ защитительную рѣчь за Вѣру, за что былъ брошенъ въ темницу. Здѣсь

емъ, имѣлъ многихъ учениковъ, и по всей вѣроятности написалъ исповѣданіе съ цѣлію предохранить своихъ послѣдователей отъ заблужденій Павла самосатскаго, потому что прямо направилъ его противъ этого еретика (¹). Оно изложено у св. Аѳанасія (²) и Иларія (³) съ небольшею разностію и читается такъ: „согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ преданіемъ, вѣруемъ

онъ, какъ повѣствуетъ Филосторгій, не имѣя ни алтаря, ни жертвенника, и лишенный возможности встать, совершалъ Евхаристію, по своему сану пресвитера, на своей груди, и, пріобщившись самъ, пріобщалъ и другихъ (Hist. Eccl. lib. II, c. 13). Ему отсѣчена голова и тѣло брошено въ море, но дельфинъ принесъ его къ берегу никомидійскаго залива, гдѣ онъ и погребенъ, а послѣ св. Елена воздвигла на этомъ мѣстѣ храмъ и основала городъ Елеонополь. Лукіанъ отличался знаніемъ еврейскаго языка, сравнивалъ между собою древніе греческіе переводы ветхаго Завѣта, исправлялъ ихъ, возстановилъ въ первообразной чистотѣ переводъ LXX и повѣрилъ его по еврейскому подлиннику. Собственный манускриптъ его найденъ при Константинѣ В. у іудеевъ (Athan. sin. S. ar.) и былъ введенъ въ употребленіе въ церквахъ въ Антіохіи и въ Константинополѣ (Hier. Apol. ad Ruf. T. I. p. 225.

(¹) Петавій (de Trin. Lib. I, c. IV, n. 13), а вслѣдъ за нимъ и Гуецій (Origenian. l. I, c. III, § 6) почитаютъ Лукіана не правомыслящимъ о Святой Троицѣ и благопріятствующимъ аріанамъ. Поводомъ къ этому, быть можетъ, послужило то, что аріане называютъ самихъ себя лукьянистами и св. Лукіана почитаютъ отцемъ своего ученія. Но можно ли полагаться на аріанъ, которые часто клевещутъ несправедливо, которые Оригена и даже св. Діонисія александрійскаго почитаютъ своими единомысленниками (Bell. de fid. nic. S. II. c. XIII. § p. 26)? Также несправедливо думаютъ, что Александръ, епископъ александрійскій, пишетъ объ этомъ Лукіанѣ, будто бы онъ былъ осужденъ тремя епископами въ ереси Самосатскаго, и на много лѣтъ отлученъ отъ церкви; Александръ не называетъ своего Лукіана ни пресвитеромъ, ни мученикомъ; значитъ, онъ говоритъ совершенно о другомъ лицѣ. Аѳанасій В., разсуждая о исповѣданіи, сдѣланномъ св. Лукіаномъ, ничего не говоритъ объ этомъ. Блаж. Іеронимъ хвалитъ Лукіана за чистоту ученія (Cat. script. Eccl. c. 77), а св. Златоустъ написалъ ему прекрасное похвальное слово (Vies des saint. per. Abb. Balt. av. 7 jour. juni), и Церковь его постоянно считала своимъ мученикомъ.

(²) De Sin. op. T. 2. p. 735.

(³) De Sin. ad. Arian. p. 107.

во единаго Бога Отца, Вседержителя, Зиждителя, Творца всяческихъ и Промыслителя, отъ котораго все. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Его единороднаго, Бога, чрезъ котораго все, рожденнаго (*у Аѳанасія*: прежде вѣкъ) отъ Отца, Бога отъ Бога, всецѣлаго отъ всецѣлаго, единственнаго отъ единственнаго, совершеннаго отъ совершеннаго, царя отъ царя, Господа отъ Господа, Слово, премудрость, животъ, истинный свѣтъ, истинную жизнь (*у Аѳанасія*: живое Слово, живую премудрость, истинный свѣтъ, путь, истину), воскресеніе, Пастыря, дверь, непреложнаго и неизмѣняемаго, безразличный образъ Отчаго Божества, Отчей сущности, воли, силы и славы, перворожденнаго всей твари, сущаго въ началѣ у Бога; Бога—Слово, по изреченному въ Евангеліи: *и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1), *Имже вся быша* и въ *Немъ же всяческая состоятся*, въ послѣдніе дни сошедшаго свыше, родившагося отъ Дѣвы, по писаніямъ, сдѣлавшагося человѣкомъ (*у Иларія*: агнцемъ), ходатая Бога и человѣковъ, посланника Вѣры нашей, начальника жизни (какъ Самъ говоритъ: *яко снидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго Мя* (Іоан. 6, 38), пострадавшаго за насъ, воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Отца и паки имѣющаго придти со славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, подаваемаго въ утѣшеніе, и освященіе, и совершеніе вѣрующимъ, какъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ ученикамъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, то есть: Отца, истинно сущаго Отца, Сына, истинно сущаго Сына, и Святаго Духа, истинно сущаго Святаго Духа, такъ что не просто и не напрасно полагаются

сіи имена, но означаютъ въ точности собственную каждаго изъ именуемыхъ ипостасъ, Его чинъ и славу; почему по ипостаси три, а по согласію Единъ". Далѣе присоединяются анаѳемы противъ отвергающихъ предвѣчное, безначальное рожденіе Сына и дерзающихъ почитать Его тварію или произведеніемъ. Это исповѣданіе Вѣры получило особенное значеніе въ спорахъ аріанъ съ православными. Аріане употребляли тысячи хитростей, прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ слова ὁμοούσιος—единосущный, „точный и опредѣленный смыслъ котораго, по словамъ Аѳанасія В., лишалъ ихъ возможности обманывать недальновидныхъ. Они все могли по своему произволу перетолковать своими софизмами: одно это слово, уничтожавшее ересь ихъ въ самомъ корнѣ, было страшно для нихъ" (1). Оттого-то, не соглашаясь принять никейскаго символа, они писали безчисленныя свои исповѣданія, или отыскивали древнія православныя, не имѣвшія ненавистнаго имъ слова, и предлагали замѣнить ими никейское. Съ этою цѣлію на антіохійскомъ соборѣ 341 г., который составился по случаю освященія въ Антіохіи великолѣпнаго храма, построеннаго Констанціемъ, написанъ былъ символъ отличный отъ никейскаго. Но когда замѣтили, что въ немъ слишкомъ неопредѣленно говорится о Божествѣ втораго лица Святыя Троицы, тогда издали другой символъ, о которомъ, по свидѣтельству Созомена (2), утверждали, что „нашли это исповѣданіе, написанное рукою того самаго Лукіана, который потерпѣлъ мученичество въ Никомидіи и от-

(1) Athan. de Syn. n. 43. p. 760.
(2) Hist. Eccl. 176. III. c. 5.

личался необыкновеннымъ знаніемъ св. Писанія". „Правду ли они сказали, замѣчаетъ Созоменъ, или только хотѣли подкрѣпить важностью мученика собственное свое сочиненіе, мнѣ неизвѣстно". Но недовѣрчивость Созомена не даетъ еще права почитать самое исповѣданіе неподлиннымъ. Могли ли епископы ложно приписать исповѣданіе Лукіану, въ Антіохіи, гдѣ сочиненія этаго мужа пользовались большимъ уваженіемъ и сохранялись съ величайшею заботливостію, гдѣ свѣжа еще была память св. мученика и живы были еще многіе изъ его современниковъ? Ложѣ скоро обнаружилась бы сама собою, особенно, когда извѣстна была привычка аріанъ ложно ссылаться на знаменитыхъ мужей древности, а между тѣмъ они всенародно утверждали ([1]), что это исповѣданіе принадлежитъ подлинно Лукіану и никто изъ православныхъ не опровергалъ этого. Св. Аѳанасій ([2]) и св. Иларій ([3]) въ своихъ сочиненіяхъ приводятъ этотъ символъ, и оба доказываютъ православный смыслъ его, но ни тотъ ни другой ничего не говорятъ, даже не намекаютъ о подлогѣ сдѣланномъ аріанами. Св. отцы не поступили бы такъ, если бы дѣйствительно здѣсь скрывался обманъ. Наконецъ, обращаясь къ составу самаго исповѣданія, нельзя не замѣтить, что оно не благопріятствуетъ аріа-

---

([1]) Такъ на аріанскомъ соборѣ въ Тарсѣ въ Киликіи, гдѣ было до 34 епископовъ Азіи, отвергаютъ никейскій символъ съ словомъ ὁμοούσιος, именно потому, что нѣтъ этого слова въ символѣ Лукіана, которое, какъ исповѣданіе сдѣланное мученикомъ, должно быть предпочтено всякому другому. (Sozom. Hist. Eccl. l. VI, c. 12: на селевкійскомъ соборѣ (395 г. въ сентяб.) также по настоянію Сильвана, епископа изъ Тарса, былъ принятъ символъ Лукіана (Socr. l. II, c. 39. p. 146—148).

([2]) De Sinod. n. 41. p. 755.

([3]) De Sin. c. 107.

намъ, а направлено противъ ереси Павла самосатскаго и Савеллія, очень близкихъ между собою. Для чего бы аріанамъ было дѣлать это, если бы они сами писали исповѣданіе? Собственныя выгоды аріанъ требовали дать другой тонъ и составъ какъ цѣлому исповѣданію, такъ и отдѣльнымъ его выраженіямъ. По крайней мѣрѣ, они не внесли бы въ этотъ символъ тѣхъ выраженій, которыя прямо ниспровергаютъ самое основаніе аріанства, и которыхъ очень много; потому что этотъ символъ, не имѣя въ себѣ только слова ὁμοούσιος—единосущный, проповѣдуетъ совершенно ту же Вѣру, какую и никейскій, и аріане, принимая его, исповѣдали бы Вѣру никейскую. Совершенное Божество Сына высказывается въ немъ не менѣе выразительно и сильно, какъ и въ самомъ никейскомъ символѣ. Ибо слова: „Богъ отъ Бога, всецѣлый отъ всецѣлаго, совершенный отъ совершеннаго“ точно также выражаютъ Божество Сына и тожество Его по существу со Отцемъ, какъ и: Богъ отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго“ (1). „Когда въ этомъ символѣ проповѣдуется, пишетъ Аѳанасій В., что Сынъ произошелъ изъ сущности Отца, и что Онъ не твореніе и не произведеніе Отца, но естественное Его порожденіе (γνήσιον γέννημα) и отъ вѣчности Слово и Премудрость, соприсносущный Отцу; то исповѣдуется таже самая Вѣра, какая выражается и словомъ: ὁμοούσιος“ (2). Св. Иларій вслѣдъ за Аѳанасіемъ В. превосходно доказалъ, что и тѣ самыя выраженія, которыя аріане считали благопріятствующими себѣ, содержатъ одно православное ученіе (3). Св.

(1) Bell. defens. fid. nic. S. II. c. XIII. § 4. p. 266.

(2) Athan. de Sinod. n. 45. p. 758.

(3) Изъ разсужденій его видно, что современниковъ особенно соблазняло въ этомъ символѣ выраженіе: «по ипостаси три», потому что по

Лукіанъ былъ послѣднимъ изъ временъ до никейскаго собора свидѣтелемъ апостольскаго преданія, хранившагося въ символѣ, оставившимъ намъ письменное изложеніе своей вѣры. Прошло не много лѣтъ послѣ его мученической смерти, которою онъ запечатлѣлъ истинность исповѣдуемой имъ Вѣры; явилось аріанство и вызвало православный символъ никейскій, который служитъ теперь и будетъ служить до скончанія вѣка правиломъ и образцомъ православной Вѣры.

Такимъ образомъ во всѣхъ древнихъ, сохранившихся до насъ, символахъ, бывшихъ въ Церкви до никейскаго собора, видимъ яснымъ образомъ единство Вѣры, которую „Церковь, скажемъ словами св. Иринея, разсѣянная по всему міру, во всѣ времена, тщательно блюла какъ бы живя въ одномъ семействѣ, одною душею и однимъ сердцемъ. Она проповѣдывала свою Вѣру, учила ей и предавала ее повсюду одинаково, какъ бы имѣющая одни уста. Въ свѣтѣ много было народовъ и различныхъ нарѣчій, но содержаніе символа всегда одно и тоже. Германскія церкви неиначе исповѣдывали, какъ и грузинскія, и у кельтовъ не иначе, какъ на востокѣ, а египетскія церкви были согласны съ ливійскими. И какъ солнце, Божіе созданіе, во всемъ мірѣ одно и

неопредѣленности значенія словъ ὑπόςασις и οὐσία, которыя принимались за тожественныя, многіе думали, что св. Лукіанъ, раздѣляя сущности Отца и Сына, проповѣдуетъ аріанство. «Но, пишетъ св. Иларій, нужно было уничтожить заблужденіе, отвергавшее дѣйствительное бытіе Отца и Сына и Святаго Духа. Ослѣпленные имъ все ограничивали однимъ числомъ именъ, какъ бы не существовало особаго лица, которому бы принадлежало каждое имя; одного Отца почитали и Святымъ Духомъ и Сыномъ. Оттого-то св. Лукіанъ въ своемъ исповѣданіи и говоритъ о трехъ ипостасяхъ, подъ которыми разумѣетъ лица Святыя Троицы, а не раздѣляется существо Отца и Сына и Святаго Духа различіемъ подобнаго естества (Hilar. de Sinod. p. 107).

тоже; такъ и символъ, проповѣдь истины, являлся повсюду одинаковымъ, и просвѣщалъ всѣхъ людей, желающихъ въ разумъ истины пріити" (1) Являлось множество ересей, возникало много заблужденій; еретики употребляли всю изобрѣтательность ума и утонченность діалектики, чтобы привлечь въ свои заблужденія, и прельщали многихъ. Но Вѣра Церкви пребывала неизмѣнною; Церковь не отступала отъ ней, а только для своихъ членовъ точнѣе и яснѣе опредѣляла ее. Возставали на Церковь гонители, надѣясь силою уничтожить истинную Вѣру: кровь мучениковъ лилась, но *зданіе Божіе*, откровенная Вѣра, *стояла твердо*, и исповѣданіе Церкви было одно и тоже. Символы, высказанные въ благопріятныхъ для Церкви обстоятельствахъ, во всемъ согласны съ явившимися въ годину ея бѣдствій. Всѣ они согласны между собою какъ въ своихъ членахъ, такъ даже и во многихъ выраженіяхъ. Не видно ни какихъ измѣненій, нѣтъ никакихъ прибавленій, которыя бы существенно измѣняли смыслъ символа. Самое позднѣйшее исповѣданіе Лукіана содержитъ ту же Вѣру, тѣже догматы, какъ и самое древнее, выраженное Иринеемъ. Славная и могущественная церковь римская въ разсматриваемый нами періодъ времени имѣла символъ согласный во всемъ съ символомъ незнаменитой церкви кесарійской. Такъ на всемъ пространствѣ каѳолической Церкви и во всѣ времена символъ является одинаковымъ. „Ни тотъ, кто пространно излагалъ его, нисколько не увеличивалъ его содержанія, не вводилъ новыхъ догматовъ, ни тотъ, кто передавалъ кратко и сжато, не уменьшалъ сущности Вѣры" (2), кото-

(1) Adv. haeres. l. I, c. 10
(2) Iren. adv. haeres. lib. I, c. III.

рая во всѣхъ исповѣданіяхъ, бывшихъ въ православной Церкви, является всегда одна и та же. Согласіе сихъ древнихъ исповѣданій во всѣхъ догматахъ съ символомъ никейскимъ убѣждаетъ насъ, что и въ немъ передается та самая Вѣра, которую получила Церковь непосредственно изъ устъ самихъ *бывшихъ самовидцевъ и служителей Слова* (Лук. 1, 2).

Такимъ образомъ никейскій символъ вводитъ насъ въ общеніе по Вѣрѣ со всею православною Церковію, не только нынѣ существующею на землѣ, но и торжествующею уже на небѣ, и тою, которая будетъ послѣ насъ. Мы исповѣдуемъ въ немъ то, что проповѣдывалъ св. Петръ, чему училъ св. Павелъ; вѣруемъ тѣмъ догматамъ благочестія, за которые мученики потерпѣли безчисленныя страданія, тѣмъ небеснымъ истинамъ, которыя засвидѣтельствованы сонмами исповѣдниковъ, тѣмъ глаголамъ живота вѣчнаго, которые оставлены намъ, какъ священное наслѣдіе отъ лика всѣхъ святыхъ, какъ залогъ нашей надежды, какъ печать нашего спасенія чрезъ вѣру во Святую Троицу.

О КОРЕННЫХЪ СВОЙСТВАХЪ И ОБЩЕМЪ ЗНАЧЕНІИ

ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ.

Господь возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да представить ю Себѣ славну Церковь, не имущу скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна.

Милостивые государи и государыни!

Слово „Церковь" такъ часто оглашаетъ слухъ нашъ и вмѣстѣ такъ часто бываетъ на нашихъ собственныхъ устахъ, что если судить по наружности, можно бы думать, будто оно выражаетъ понятіе вполнѣ опредѣленное и ясное для сознанія каждаго христіанина. Между тѣмъ, при небольшой наблюдательности, не трудно убѣдиться, что именно ученіе о Церкви у многихъ весьма недостаточно раскрыто и у большинства можетъ подать поводъ къ многочисленнымъ недоумѣніямъ. Считаю поэтому весьма не излишнимъ остановить сегодня (¹) ваше благосклонное вниманіе на понятіи о Церкви и нѣсколько уяснить этотъ предметъ по его неотъемлемымъ свойствамъ и коренному значенію въ человѣческихъ обществахъ.

(¹) Сказано въ недѣлю Православія 1861 года въ свѣтскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

И такъ, что̀ такое истинная Христова Церковь, торжество православія которой мы нынѣ празднуемъ?

Православная Христова Церковь есть общество истинно вѣрующихъ, основанное Іисусомъ Христомъ, общество, въ которомъ, при посредствѣ законно поставленныхъ пастырей и подъ невидимымъ управленіемъ Святаго Духа, продолжается и будетъ продолжаться до скончанія вѣка то же великое дѣло просвѣщенія и освященія людей, которое совершено нашимъ Искупителемъ во время земной Его жизни, и продолжается притомъ съ тѣмъ, чтобы привести *всѣхъ* людей на путь спасенія и возсоединенія съ Богомъ.

Въ этомъ опредѣленіи заключается мысль о томъ, что Іисусъ Христосъ *самъ* учредилъ для продолженія своего дѣла на землѣ общество людей, общество внѣшнее и *видимое*.

Главная причина и вмѣстѣ главное доказательство этой мысли вытекаетъ изъ самаго понятія о воплощеніи Сына Божія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Сынъ Божій для спасенія людей не принималъ на Себя *зрака раба* и не являлся *въ подобіи человѣчестѣмъ*, а прямо нисходилъ въ сердце каждаго человѣка своею искупительною благодатію, то можно было бы по справедливости согласиться съ протестантами въ томъ, что Онъ основалъ церковь совершенно невидимую, чисто внутреннюю. Но Ѵпостасное Слово *плоть бысть и вселися въ ны*, такъ что люди видѣли славу Его тѣлесными очами: для того, чтобы возвратить людямъ царствіе Божіе, Господь благоволилъ дѣйствовать и страдать видимымъ образомъ,—во плоти. Средство, избранное Имъ для распространенія свѣта между людьми, сидѣвшими еще *во тмѣ и сѣни смертнѣй*, и вообще для возстановленія падшаго

человѣчества, вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ потребностямъ нашимъ, которыя вытекаютъ изъ двойственности нашей природы. Вознесшись за тѣмъ на небо, Господь, по непреложному своему обѣтованію, продолжалъ и продолжаетъ дѣйствовать въ мірѣ и ради міра, дабы совершенное Имъ дѣло искупленія могло принести плоды и грядущимъ поколѣніямъ. Дѣло, совершенное Имъ *видимымъ* образомъ, должно было также видимымъ образомъ продолжаться на землѣ, т. е. *видимая* Церковь Христова была также необходима для усвоенія людьми заслугъ Искупителя, какъ необходимо было Господу явиться самому видимымъ образомъ между людьми для ихъ просвѣщенія и освященія. По намѣреніямъ самаго Спасителя между Его послѣдователями должно было образоваться внутреннее живое единство, отличавшее ихъ видимымъ и осязательнымъ образомъ, какъ опредѣленное общество, такъ что можно было сказать: вотъ ученики Іисуса Христа, вотъ Его Церковь, въ которой Онъ продолжаетъ жить, въ которой Духъ Его вѣчно дѣйствуетъ, въ которой всегда будетъ провозглашаться Его божественное слово. И дѣйствительно, обращаясь къ исторіи временъ апостольскихъ, мы видимъ, что Церковь Христова съ самаго начала явилась, какъ опредѣленное внѣшнее общество. Когда по исполненіи временъ Духъ Святый нисшелъ на принявшихъ слово живота вѣчнаго, представители и члены раждавшейся Церкви не были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и не отдѣльно другъ отъ друга внутренно приняли свѣтъ и силу Утѣшителя Духа; нѣтъ,—они были соединены вмѣстѣ, составляя единое братское общество; имъ прямо повелѣно было ждать въ Іерусалимѣ нисшествія Святаго Духа. Духъ Божій явился

такъ же видимымъ образомъ, ощутительнымъ для внѣшнихъ чувствъ,—въ видѣ огненныхъ языковъ, означавшихъ благодатную силу Его, очищающую сердца отъ всѣхъ нечистотъ и соединяющую ихъ любовію, въ сопровожденіи бурнаго дыханія вѣтра.

Такимъ образомъ съ одной стороны каждый въ частности изъ учениковъ Христовыхъ не иначе былъ исполненъ духовныхъ дарованій, какъ подъ условіемъ нравственнаго единенія со всѣми прочими учениками; съ другой стороны Духъ Божій нисшелъ съ неба и сообщилъ свои благодатные дары вѣрующимъ подъ видимыми, чувственными знаками. По установленію Божественной Главы Церкви единеніе человѣка съ Богомъ не можетъ слѣдовательно имѣть мѣсто иначе, какъ при посредствѣ внѣшнихъ знаковъ и подъ условіемъ видимой связи съ обществомъ вѣрующихъ. Говоримъ, вопервыхъ, при посредствѣ внѣшнихъ видимыхъ знаковъ, т. е. таинствъ, которыя и суть тѣ чувственные знаки и видимыя дѣйствія, съ которыми невидимо связаны извѣстные благодатные дары; во-вторыхъ, подъ условіемъ единенія съ обществомъ вѣрующихъ, такъ какъ для благодатнаго вступленія въ царство Божіе необходимо обратиться къ тѣмъ, которые уже принадлежатъ къ этому царству. И съ тѣхъ поръ, какъ кто нибудь уже вступилъ въ общество чадъ Божіихъ, въ св. Церковь, онъ долженъ соединяться съ этимъ обществомъ все болѣе и болѣе крѣпкими узами; крещеніе, которое есть дверь въ небесный ковчегъ нашего спасенія, даетъ намъ опредѣленныя права, но вмѣстѣ налагаетъ на насъ непремѣнную обязанность принимать участіе во всѣхъ радостяхъ, равно какъ во всѣхъ скорбяхъ Церкви. Самое совершеніе таинствъ, равно какъ распростране-

ніе божественной истины, поручено Спасителемъ Его Церкви;—слѣдовательно единеніе съ Іисусомъ Христомъ предполагаетъ единеніе съ Церковью; узы, связывающія насъ со Спасителемъ, соединяютъ насъ и съ Его Церковью; одно отъ другаго неотдѣлимо: Христосъ въ Церкви и Церковь во Христѣ. *Никто же когда плоть свою возненавидѣ*, говоритъ Апостолъ, *но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь Церковь.... тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Ефес. 5, 29. 32).

По этой-то причинѣ Церковь не можетъ не имѣть средствъ къ тому, чтобы исполнить свое назначеніе — сохранять чистымъ и неповрежденнымъ слово Божіе; *она не можетъ быть подвержена заблужденіямъ,—должна быть непогрѣшима.* Какъ приписать такое свойство обществу, состоящему изъ людей, когда каждый человѣкъ конечно можетъ погрѣшать и дѣйствительно часто погрѣшаетъ, — а чего нѣтъ ни въ одной изъ частей, того не можетъ быть и въ цѣломъ? Чтобы рѣшить это простое недоумѣніе человѣческаго смысла, надобно обратить вниманіе на то, что Церковь, будучи составлена изъ людей, не есть однако учрежденіе чисто человѣческое. Подобно тому, какъ въ Іисусѣ Христѣ Божество и человѣчество, будучи неслитны, тѣмъ не менѣе соединены нераздѣльно, такъ точно и въ Церкви Господь продолжаетъ жить какъ въ своемъ тѣлѣ, неслитно, но вмѣстѣ и нераздѣльно. Другими словами, Церковь, какъ тѣло Христово, имѣетъ значеніе Божественное и человѣческое въ одно и тоже время; самъ Ходатай Бога и человѣковъ продолжаетъ дѣйствовать въ ней, и она потому необходимо должна и по внѣшнему историческому своему проявленію имѣть сторону и Божественную и

человѣческую. Соединенныя неразрывными узами, эти двѣ стороны Церкви проникаютъ другъ друга и продолжаютъ тоже общеніе свойствъ, Божескихъ и человѣческихъ, которое имѣетъ мѣсто въ лицѣ самаго Спасителя. Неизмѣнная и непогрѣшимая истинность есть неотъемлемое и исключительное свойство одного Божества; но такъ какъ Церковь есть тѣло Христово, тѣснѣйшимъ таинственнымъ образомъ съ Нимъ соединенное,—то и Церковь также непогрѣшима. Въ этомъ смыслѣ Спаситель сравниваетъ Себя съ лозою, а совокупность учениковъ своихъ, т. е. Церковь съ рождіемъ; въ этомъ же смыслѣ пріобрѣтаетъ полное свое значеніе таинственное наименованіе Церкви тѣломъ и невѣстою Іисуса Христа.

Съ этой точки зрѣнія теперь становится понятнымъ то уваженіе, которое мы должны питать къ Церкви; вполнѣ объясняется дѣйствительность ея непогрѣшимости и ей исключительно принадлежащей власти усвоять людямъ заслуги Искупителя; становится наконецъ понятнымъ и то, что Церковь есть въ одно и то же время и видимая и невидимая, и что обѣ эти стороны ея также необходимо и гармонически должны соединяться между собою узами любви, какъ гармонически Божественное и человѣческое соединяются вообще во всемъ дѣлѣ нашего искупленія.—Изъ сказаннаго очевидно, что непогрѣшимость Церкви въ дѣлахъ Вѣры не можетъ имѣть своимъ представителемъ ни одного изъ членовъ Церкви въ частности. Будучи частію одного органическаго цѣлаго, каждый частный вѣрующій только тогда можетъ быть свободенъ отъ заблужденій въ дѣлахъ Вѣры, когда онъ мыслитъ и дѣйствуетъ за одно съ Церковью. Въ самомъ дѣлѣ, если Церковь, какъ богоучрежденное обще-

ство—необходима; то это именно потому, что единеніе всѣхъ есть первое условіе христіанской духовной жизни; отчужденіе отъ Церкви убиваетъ истинную Вѣру и всякое здравое дѣйствительное благочестіе. Въ этомъ отношеніи съ организмомъ духовнымъ бываетъ тоже, что̀ и съ физическимъ: отсѣките какой нибудь членъ, и дальнѣйшее существованіе его становится невозможнымъ. Идея церковнаго единенія, лежащая такимъ образомъ въ основаніи всякаго истиннаго духовнаго успѣха общества, и предполагающая собою свободное и сознательное подчиненіе общему со стороны всякаго частнаго члена Церкви, эта идея, говорю, есть единственная, которая можетъ истинно согрѣть сердце, успокоить умъ и вполнѣ соотвѣтствовать нашимъ религіознымъ и нравственнымъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не радуетъ души, ничто не проливаетъ такой отрады въ сердце, какъ идея гармоническаго, согласнаго движенія многочисленныхъ лицъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ свѣта, безконечно различныхъ по своему образованію, положенію и настроенію, и которые тѣмъ не менѣе — съ полнымъ сохраненіемъ личности и свободы — составляютъ одну великую семью братьевъ, взаимно способствующихъ другъ другу въ достиженіи одной общей высшей цѣли, при помощи небесной благодати! Это общество должно служить осуществленіемъ идеи любви и вмѣстѣ идеи нашего искупленія.

Изъ представленнаго мною понятія о сущности Церкви само собою вытекаетъ, что къ числу существенныхъ ея свойствъ должно принадлежать и *единство*. Божественная истина есть единая, вѣчная и неизмѣнная; Сынъ Божій, Спаситель нашъ, также единъ и

вѣчно самому Себѣ равенъ; и потому, какъ единъ Христосъ и завѣщанная Имъ Церкви истина, такъ единична и учрежденная имъ Церковь. Другими словами, истинная Церковь всегда и вездѣ одна и таже, хотя бы между различными частями ея, раздѣленными временемъ или пространствомъ, не существовало никакой наружной видимой связи. Этимъ внутреннимъ и всегдашнимъ единствомъ всѣхъ частей Церкви объясняется справедливость и необходимость молитвъ за усопшихъ и призыванія святыхъ. Удовлетворяя всѣмъ дѣйствительнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка, представленное нами православное ученіе о Церкви прямо и ясно подтверждается св. Писаніемъ. Въ послѣдней бесѣдѣ своей съ учениками Господь сказалъ: *да будутъ вси едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да вѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня... Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня.* Какое здѣсь богатство мыслей и чувствъ! Господь вселенной проситъ о единеніи всѣхъ, имѣющихъ увѣровать въ Него,—и образцомъ этаго единства Онъ поставляетъ собственное свое единство съ Отцомъ небеснымъ; т. е. единство вѣрующихъ такого возвышеннаго рода, что оно только можетъ проистекать изъ божественнаго начала, оно можетъ только поддерживаться тою же вѣрою, тою же любовію, тѣмъ же непоколебимымъ упованіемъ, которыя имѣютъ свою основу и поддержку въ Богѣ. И какъ это единство такимъ образомъ опирается на божественномъ основаніи, то оно должно приносить и сверхъестественные плоды: чрезъ него міръ уразумѣетъ высокое посланничество Сына Божія. Нужно слѣ-

довательно, чтобы единство было видимымъ, нужно, чтобы оно обнаружилось согласнымъ исповѣданіемъ одного ученія, участіемъ въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ, единеніемъ въ молитвѣ и жизни, нужно—однимъ словомъ, — чтобы Церковь была едина; иначе она не можетъ служить доказательствомъ божественнаго посланничества нашего Спасителя. Св. апостолъ Павелъ, показывая то живое основаніе, на которомъ зиждется все зданіе Христовой Церкви, говоритъ: *да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія; истинствующе же въ любви да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ*. Эти слова какъ будто вносятъ въ наши сердца ту силу, которая воздвигла и поддерживаетъ Церковь. *О Христѣ Іисусѣ нѣсть іудей ни еллинъ*, ибо мы *наздани* всѣ равно *на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*. Объединяющая сила Церкви должна была разрушить всякое средостѣніе ограды, такъ, чтобы всѣ члены этого общества, этого величественнаго и святаго организма, были единымъ тѣломъ и единымъ духомъ, *якоже и звани* были *въ единомъ упованіи званія* нашего. *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ*.

И такъ, внѣ этого тѣла, этой Церкви, мы слабы, мы безсильны, мы не можемъ содѣвать свое спасеніе.

Это-то высокое понятіе о Церкви, эта непоколебимая увѣренность въ ея божественности и непогрѣшимости вдохновляла мужество, стойкость и крѣпость въ величайшихъ отцовъ и учителей Церкви: они знали, что какова бы ни была сила тѣхъ грозныхъ бѣдствій, ко-

торыя по временамъ поражали Церковь Господню,—на всегда однако останутся непреложными слова Писанія: *врата адовы не одолѣютъ* Церкви; всегда Господь останется въ ней и съ нею до скончанія вѣка. Пусть поэтому и нынѣ никто не соблазняется тѣми бѣдствіями, которымъ св. Церковь по временамъ подвергалась и подвергается; если даже по видимому въ иное время Церковь подлежала гнету окружавшихъ ее золъ, то и это отнюдь не должно ослаблять наше глубокое уваженіе къ Церкви. Въ теченіи своего долгаго существованія, Церковь, какъ всякому извѣстно, далеко не всегда была окружена внѣшнимъ блескомъ и могуществомъ, но, какъ учрежденіе божественное, она никогда не падала и не погрѣшала во всёмъ своемъ составѣ, никогда внутренняя сила ея не могла оскудѣвать. Она есть царство Божіе, воинствующее еще на землѣ, и потому должна находиться въ постоянной борьбѣ съ чуждыми и враждебными ей силами и стремленіями плотскими; она должна переносить всѣ бѣдствія трудной и продолжительной борьбы, ибо *многими скорбьми подобаетъ внити въ* небесное *царствіе Божіе*. Подобно ковчегу Ноя, нѣкогда носившемуся по бурнымъ волнамъ разъяренной стихіи, затопившей землю, — и св. Церковь Христова нынѣ какъ ладья—утлая, правда, на видъ, но крѣпкая и нерушимая по составу своему,—качается по бурному житейскому морю. Нерѣдко она какъ будто уже исчезаетъ, поддаваясь напору враждебныхъ волнъ, но за тѣмъ опять является, твердо и неуклонно стремясь къ тихой и безопасной пристани. Кормчій ея самъ Господь Іисусъ Христосъ; Онъ правитъ ею неуклонно. *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе Вѣры и познаніе Сына Божія... въ мѣру возраста исполненія Христова.*

Будучи видимою, единою и непогрѣшимою, Церковь Христова есть вмѣстѣ Церковь *Святая*. Она свята по основанію своему, которое есть Христосъ, святѣйшій святыхъ; воздвигнутая на этомъ Камнѣ, она, какъ сказано, можетъ твердо противостоять нечестію и неправдѣ. Далѣе, Церковь свята и по назначенію своему и по плодамъ своимъ: она стремится къ тому, чтобы сдѣлать всякаго изъ насъ святымъ и непорочнымъ предъ Господомъ въ любви. Она дѣйствительно и достигаетъ того, что нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ ея членовъ по самой жизни своей на землѣ святы и служатъ постояннымъ живымъ храмомъ Святаго Духа. Мысль эта подтверждается всею исторіею Христовой Церкви и не можетъ конечно подлежать никакому сомнѣнію. Жизнь, всецѣло посвященная добродѣтели, полнота любви къ Богу и ближнимъ, ангельская чистота души и плоти, твердое самоотреченіе отъ всего земнаго, которыми отличались св. угодники Божіи, посвящая себя единому Богу и постоянно шествуя предъ лицемъ Его, представляютъ прекрасный плодъ, произращенный на нивѣ Церкви, всегда орошаемой божественною благодатію. Останавливаясь мыслію на этихъ великихъ образцахъ нравственнаго совершенства, мы должны всею душею радоваться тому, что таже Церковь, явившая святость свою въ лицѣ великихъ подвижниковъ, нынѣ также близка къ намъ своею освящающею благодатію, такъ что при ея помощи мы всегда можемъ по стопамъ угодниковъ Божіихъ стремиться съ упованіемъ къ постепенно большему преуспѣянію на пути нравственнаго своего усовершенствованія.

Не стану, мм. гг., распространяться о прочихъ свойствахъ Церкви, указанныхъ въ символѣ Вѣры: ихъ зна-

ченіе уже вытекаетъ изъ сказаннаго мною и потому не требуетъ особыхъ объясненій. Такъ мы называемъ Церковь *соборною*, т. е. вселенскою или каѳолическою, потому что она имѣетъ не временнное или мѣстное значеніе, а назначена для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Мы называемъ ее *апостольскою*, потому что апостолы первые насадили царство Божіе между людьми. и отъ нихъ ведетъ свое начало церковная іерархія. Не останавливаясь на раскрытіи этихъ общеизвѣстныхъ предметовъ, обращаюсь къ тому,—какія чувства и стремленія должны быть пробуждаемы въ насъ при взглядѣ на то величественное и дивное зданіе, которое мы называемъ Церковью. Безъ сомнѣнія, прежде всего—чувство глубокаго и всецѣлаго къ ней благоговѣнія. Св. Церковь еще въ то время, когда мы были младенцами, возродила насъ для новой, духовной жизни искупительною благодатію св. крещенія; она приняла насъ въ свое спасительное лоно, и въ теченіи всей нашей жизни поддерживаетъ насъ освящающею силою Господнею, воспитывая насъ для вѣчнаго живота. Итакъ наше отношеніе къ ней должно быть отношеніемъ добрыхъ и любящихъ дѣтей къ любвеобильной матери: мы обязаны любить Христову Церковь, какъ свою духовную мать, обязаны и повиноваться ей, какъ своей духовной матери. Если дитя, еще не умѣющее ходить, вырываетъ руку свою изъ руки матери,—оно неминуемо падаетъ: такъ точно бываетъ и съ нами: если мы отвергнемъ благодатную помощь Церкви и отринемъ отъ себя ея спасительное руководство, то съ нами бываетъ тоже, что съ младенцемъ, падающимъ на землю, который не можетъ самъ собою подняться. Мы тогда подобны человѣку, который по неразумному упованію на свои соб-

ственныя силы выскакиваетъ изъ спасительной лодки, надѣясь собственными силами доплыть до берега; но скоро силы его ослабѣваютъ, волны начинаютъ заливать его, и онъ погибаетъ безвозвратно! Но этого мало: имѣя столь великое вліяніе на нравственную жизнь каждаго частнаго человѣка, св. Церковь не менѣе дѣйственна и относительно жизни общественной; и отсюда вытекаетъ другая обязанность наша, — заботиться всѣми мѣрами о бо́льшемъ распространеніи спасительнаго вліянія Христовой Церкви на общественный, гражданскій бытъ нашего отечества. Боясь утомить ваше вниманіе, я ограничусь немногими общими замѣчаніями въ этомъ отношеніи.

Благосостояніе человѣческихъ обществъ зависитъ отъ внутренней гармоніи между жизнію людей знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Различіе въ распредѣленіи какъ внѣшнихъ благъ, такъ и гражданскихъ правъ и преимуществъ, всегда существовало и всегда будетъ существовать; всѣ такъ называемыя соціалистическія и коммунистическія теоріи составляютъ чистую химеру. Но чтобы тѣмъ не менѣе люди, различные между собою по всѣмъ условіямъ своего внѣшняго быта, могли составлять одно стройное, гражданское общество, для этого между ними должны существовать прочныя нравственныя узы, безъ которыхъ никакіе внѣшніе законы не оградятъ членовъ общества отъ угнетенія, несправедливости и внутреннихъ волненій. Древній языческій міръ служитъ тому самымъ лучшимъ доказательствомъ: паденіе языческаго Рима, не смотря на все внѣшнее могущество и блескъ его, началось съ того, что нисшіе рабочіе классы народа возстали противъ высшихъ; между ними произошелъ раздоръ, который послѣ кровавыхъ граж-

данскихъ войнъ могъ быть задавленъ только жестокимъ деспотизмомъ римскихъ императоровъ. Первый ударъ со внѣ долженъ былъ по этому поколебать сгнившее въ самыхъ своихъ основахъ зданіе римскаго царства. Но вотъ является христіанская Церковь и влагаетъ новую нравственную закваску въ человѣческія общества; эта закваска, неизвѣстная языческому міру, начинаетъ мало по малу проникать общественный бытъ народовъ, преобразуя взаимныя отношенія между людьми и связуя разнородные классы общества въ одно гармоническое цѣлое. Закваска эта заключалась въ дарованной намъ святою Церковью возвышенной идеѣ христіанской любви и христіанскаго смиренія. Когда любовь и смиренное, но вмѣстѣ христіански-свободное, послушаніе на основахъ, утверждаемыхъ православною Церковью, господствуетъ въ извѣстномъ народѣ, общество можетъ мирно итти впередъ по пути усовершенствованія своего внутренняго и внѣшняго быта. Если же вліяніе и значеніе Церкви въ обществѣ начинаетъ ослабѣвать, тогда гражданскіе законы лишаются главной и лучшей своей опоры, и никакія правительственныя мѣры, никакія усилія частныхъ лицъ не спасутъ общества отъ растлѣнія и внутренняго паденія, нераздѣльнаго отъ слабости нравственныхъ основъ. Не будемъ обманывать самихъ себя, и пусть никто въ этомъ случаѣ не увлекается блескомъ внѣшняго, кажущагося прогресса и благоденствія, преуспѣяніемъ наукъ, искуствъ и гражданскихъ узаконеній: если въ нѣдрахъ общества усиливается отчужденіе отъ Церкви, то нравственныя начала не имѣютъ прочной, положительной опоры, — а безъ нихъ всякая мысль о прогрессѣ будетъ пустымъ

самообольщеніемъ! Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить Франція въ концѣ прошедшаго столѣтія: когда хранившіяся еще въ римской церкви основы христіанской Вѣры и любви—вмѣстѣ съ самою этою церковью—во Франціи уступили мѣсто невѣрію, распространенному въ народѣ такъ называемыми энциклопедистами,—раздоръ между различными классами общества скоро обнаружился, всѣ опоры внѣшняго порядка и благоустройства пали, земля напоилась кровію многочисленныхъ невинныхъ жертвъ, и деспотизмъ — скоро замѣнившій безначаліе — долженъ былъ желѣзнымъ своимъ игомъ утишить волненіе необузданныхъ страстей. Одна только богодарованная Вѣра можетъ служить залогомъ дѣйствительнаго преуспѣянія, и мирнымъ путемъ внутренняго нравственнаго преобразованія водворять законную свободу, утверждать общественныя отношенія на началахъ истинно прочныхъ и благотворныхъ, и такимъ образомъ проложить дорогу новому, дѣйствительному прогрессу. Гражданское общество есть великая семья, и потому, подобно частному семейному кругу, оно, и не будучи проникнуто началами Вѣры, можетъ конечно усвоить себѣ внѣшній лоскъ просвѣщенія; но пока это просвѣщеніе не проникнуто истинно христіанскимъ духомъ, до тѣхъ поръ оно мертво и безплодно въ дѣлѣ внутренняго нравственнаго развитія народныхъ силъ. Напротивъ, въ союзѣ съ св. Церковью, съ оружіемъ ея Вѣры въ сердцѣ и душѣ, мы можемъ вполнѣ надѣяться на успѣхъ всѣхъ добрыхъ нашихъ начинаній и стремленій, какъ въ общественномъ, такъ и въ частномъ быту; при помощи Церкви мы можемъ призвать благословеніе Бо-

жіе на наши труды, и твердо, неуклонно исполнять наше земное назначеніе, не отступая ни предъ какою преградою, не увлекаясь ни какими искушеніями, шествуя путемъ истиннаго и богоугоднаго прогресса.

Ив. Осипинъ.

III.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ КЪ ВѢРѢ,
ПО ПОВОДУ ПОЯВЛЕНІЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ АГАССИЦА.»

Самое поверхностное знакомство съ нынѣшнимъ духомъ и направленіемъ естественныхъ наукъ достаточно, чтобы убѣдить наблюдателя въ томъ, что эти науки въ своихъ изслѣдованіяхъ годъ отъ году болѣе и болѣе чуждаются всякой мысли объ отношеніи разсматриваемыхъ ими явленій видимаго міра къ Богу, Творцу и Міроправителю. Нынѣ считается чуть не неприличнымъ, —во всякомъ случаѣ отсталымъ и излишнимъ,—упомянуть о Творцѣ и обнаружить вѣру въ Его премудрую и всемогущую дѣятельность въ такомъ сочиненіи, которое написано по части естествознанія. Даже въ Англіи, гдѣ вѣра и мысль о Богѣ успѣли укорениться между образованными классами общества болѣе прочно, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, гдѣ слово „Творецъ" все еще пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства въ строго-научныхъ сочиненіяхъ,—и тамъ нынѣ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію силъ и законовъ природы, на мѣстѣ живаго, личнаго и всеуправляюща-

го Бога, какъ Творца всей видимой природы, мало по малу начинаетъ являться безличная, вѣчная, сама изъ себя все производящая „natura (природа) naturans“.

А что сказать послѣ этого о направленіи, господствующемъ въ этомъ отношеніи у насъ?... Мы не станемъ разбирать затаенныя причины того молчанія, которое является у насъ тамъ, гдѣ при разборѣ и научномъ изслѣдованіи силъ, законовъ и явленій природы представляется случай и даже—съ точки зрѣнія христіанской—прямая обязанность высказать слово правды о явныхъ, осязательныхъ для всякаго благомыслящаго человѣка, доказательствахъ личности, премудрости, благости и всемогущества Божественнаго Міроправителя. Къ несчастію, дѣло уже на этомъ не останавливается: какъ при устномъ изложеніи естественныхъ наукъ, такъ и при печатномъ раскрытіи ихъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ стараются прямо или косвенно, явно или прикровенно, поколебать въ юныхъ и неутвердившихся умахъ и сердцахъ нашего молодаго поколѣнія тѣ начатки страха Божія и христіанскаго благочестія, которые должны быть *началомъ премудрости* т. е. основою всякой дѣятельности истинно благотворной для науки и общества Коснется ли рѣчь анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла,—душа наша со всѣми своими психологическими отправленіями, съ своимъ врожденнымъ нравственнымъ закономъ, съ безконечнымъ своимъ стремленіемъ къ истинному, доброму и прекрасному, съ своею идеею о Существѣ Высочайшемъ и о собственномъ своемъ безсмертіи, словомъ сказать,—со всѣмъ, что есть въ человѣкѣ истинно *человѣческаго*,—является бездушнымъ динамическимъ продуктомъ дѣятельности нервной системы. чуждымъ всякой самостоятельности, всякаго высшаго

происхожденія, небеснаго назначенія и безсмертія. Идетъ ли рѣчь о происхожденіи и образованіи земли и ея обитателей, — на мѣстѣ творческой, разумной и самостоятельной силы являются бездушные и безсознательные законы міровые, сами изъ себя все производящіе и образующіе весь дивный порядокъ, все премудрое устройство мірозданія, по какой-то слѣпой необходимости, гораздо менѣе понятной для нашего разсудка, чѣмъ мысль о свободной творческой силѣ. Приходится ли наконецъ разсуждать о частныхъ царствахъ и классахъ природы органической и не органической, опять тѣ же матеріальныя силы и законы все производятъ, все объясняютъ, все сами собою довершаютъ. На что̀ намъ мысль о Богѣ, на что́ вѣра въ Его вездѣприсутствіе и всемогущую дѣятельность, когда современная наука увѣряетъ, что матерія сама все производитъ при помощи своихъ собственныхъ законовъ и силъ, когда даже и то, что мы привыкли называть міромъ нравственно свободныхъ и разумныхъ явленій человѣческаго духа, въ существѣ дѣла есть произведеніе тѣхъ же необходимыхъ, физическихъ и матеріальныхъ міровыхъ силъ!!

Какъ различно отъ этого направленія современныхъ намъ естествоиспытателей и модныхъ ученыхъ то начало, которымъ проникнуты труды великихъ ученыхъ, оплодотворившихъ въ 16 и 17 вѣкахъ науки естествознанія своими безсмертными открытіями! Раскрывая и объясняя законы міровыхъ движеній, Коперникъ, Кеплеръ, Галилей и Ньютонъ всегда были проникнуты мыслію о великомъ Зиждителѣ вселенной; говоря о законахъ природы, эти истинные корифеи науки никогда не теряли изъ вида самаго Божественнаго Законодателя, начальнаго Виновника этихъ законовъ, обнаруживаю-

щаго въ нихъ свое безконечное всемогущество, свою премудрость и благость. Нынѣшніе же естествоиспытатели, напротивъ, такъ *всецѣло* углубляются въ анализъ явленій, ихъ причинной связи и взаимныхъ соотношеній, что они или совершенно исключаютъ изъ области естествознанія всякую мысль о начальныхъ причинахъ и основахъ явленій, какъ о чемъ-то недоступномъ и непостижимомъ, или же прямо отрицаютъ дѣйствительность Божественнаго Творца и Законодателя природы и вообще бытіе какого либо духовнаго начала въ видимой природѣ. Такой образъ воззрѣнія не могъ, какъ сказано, не обнаруживать своего вліянія на всю вообще область духовныхъ силъ и явленій: на нихъ стали смотрѣть, какъ на плодъ дѣятельности и сочетанія чисто матеріальныхъ силъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ того же воззрѣнія мало по малу сдѣлалось въ наши дни отрицаніе всякой нравственной свободы, полный и безусловный фатализмъ, и вотъ явилось законченнымъ зданіе моднаго матеріализма, преемника сроднаго ему и недавно еще господствовавшаго пантеизма.

Можно сказать утвердительно, что изъ числа ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ силъ и явленій видимаго міра, едва ли не 9/10 держатся нынѣ болѣе или менѣе пантеистическаго или матеріалистическаго направленія, и отличаются другъ отъ друга только большею или меньшею степенью послѣдовательности,—говоря точнѣе — непослѣдовательности, съ какою они прилагаютъ къ жизни свои научныя воззрѣнія. Мы не преувеличиваемъ здѣсь нисколько: конечно, далеко не всякій естествоиспытатель поставляетъ себѣ цѣлію открыто высказывать и распространять тѣ начала абсолютнаго матеріализма, который недавно наприм. про-

повѣдывалъ въ Германіи извѣстный Фохтъ; но тайно или явно большая часть ихъ держится однако такихъ началъ, которыя совершенно подрываютъ всякое христіанское или вообще религіозное вѣрованіе. Къ счастію еще сама практическая жизнь вмѣстѣ съ голосомъ совѣсти и внутренними опытами духовной природы человѣка часто служитъ противоядіемъ противъ матеріалистическихъ выводовъ науки, которая, если бы она была предоставлена самой себѣ, могла бы обнаруживать гораздо болѣе гибельное и разрушительное вліяніе на нравственный бытъ общества, чѣмъ какое она на дѣлѣ производитъ. Едва ли не самымъ злѣйшимъ врагомъ божественнаго откровенія и благотворнаго его вліянія на общество надобно признать именно это самодовольное и гордое естествознаніе. отрѣшенное отъ *всякой* мысли о Божественномъ Творцѣ. Раціонализмъ оставлялъ еще какъ бы одну тропинку, могшую вести желающаго въ область Вѣры и Откровенія,—это была мысль о самостоятельной, личной Божественной Силѣ, дѣйствительность которой раціоналисты никогда не отрицали, хотя они не признавали возможности сверхъестественныхъ и чудесныхъ явленій въ видимомъ мірѣ. Нынѣшній матеріализмъ напротивъ разрываетъ послѣднія узы. соединявшія человѣка съ его Творцемъ. и уничтожаетъ послѣдній свѣтъ, могшій еще способствовать обращенію заблудшаго ума на истинный путь.

Главная причина этого грустнаго направленія естествознанія заключается въ совершенномъ почти незнакомствѣ большинства ученыхъ естествоиспытателей нашего времени съ нравственною природою человѣка и съ тою тѣсною, неразрывною связью, которая имѣетъ мѣсто между нравственными нашими силами и прирож-

деннымъ намъ религіознымъ чувствомъ. Не трудно усмотрѣть одну изъ главныхъ и отличительныхъ болѣзней нашего вѣка въ томъ, что большинство его передовыхъ двигателей въ области науки и умственной жизни, будучи нерѣдко одарены блестящими дарованіями и обширными познаніями, остаются однако совершенно неразвитыми по отношенію къ тому внутреннѣйшему зерну жизни истинно нравственной и человѣческой, безъ котораго всѣ наши умственныя сокровища, всѣ изобрѣтенія и улучшенія внѣшняго матеріальнаго быта людей остаются одною мишурною и обманчивою скорлупою безъ дѣйствительно-благотворнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ нравственныхъ судебъ человѣчества. Что касается въ частности до нашей отечественной учености, то весьма не трудно видѣть, что при крайнемъ недостаткѣ у насъ живаго и истинно вліятельнаго преподаванія предметовъ Вѣры, при совершенномъ отсутствіи здраво-философскаго образованія, не-откуда взяться у насъ противодѣйствію наплыву матеріалистическихъ идей, которыя поэтому, нерѣдко безъ всякой борьбы, овладѣваютъ умами питомцевъ просвѣщенія.

Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ взоръ наблюдателя напрасно сталъ бы искать въ большинствѣ современныхъ намъ произведеній естественныхъ наукъ какой либо мысли о божественномъ происхожденіи и управленіи силъ и явленій видимой природы, мы встрѣчаемъ однако въ одномъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ опытовъ по части естествознанія явленіе совершенно другаго рода и истинно отрадное. Мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на изданную недавно „Естественную Исторію сѣверо-американскихъ штатовъ, сочиненіе Луи Агассица“ (Contributions to the natural history of the

united states). Агассицъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе знаменитыхъ ученыхъ естествоиспытателей нащего времени, и является въ указанномъ сочиненіи прямымъ защитникомъ христіанскаго міросозерцанія. Онъ доказываетъ здѣсь, между прочимъ, что различіе и взаимное соотношеніе родовъ и видовъ органическихъ существъ основывается на опредѣленномъ предначертанномъ творческомъ планѣ и необходимо предполагаетъ собою предшествовавшій актъ свободной, премудрой и всемогущей воли, совершенно исключающей возможность самодѣятельности слѣпыхъ физическихъ силъ.

Вотъ какъ авторъ начинаетъ первую весьма замѣчательную часть своего ученаго труда:

„Раздѣляя царство животныхъ на классы, семейства, роды и виды, мы раскрываемъ плоды нашихъ изслѣдованій относительно сродства и соотношенія животныхъ; такое раздѣленіе, составляющее первую задачу научнаго изслѣдованія видимой природы, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, вниманія всякаго мыслящаго человѣка. Имѣютъ ли эти дѣленія и подраздѣленія одно искуственное значеніе, или они имѣютъ основаніе въ самой природѣ? Составляютъ ли они простое изобрѣтеніе ума человѣческаго для лучшаго обозрѣнія и облегченія другихъ изысканій, или они основываются на идеяхъ творческихъ и должны быть разсматриваемы, какъ категоріи съ предлежательно-разумнымъ значеніемъ? По моему убѣжденію, системы и классификаціи, составленныя великими корифеями нашей науки, суть въ существѣ дѣла лишь переложеніе идей Творца на человѣческій языкъ. А если такъ, не должны ли мы признать эту способность человѣческаго ума къ усвоенію себѣ Творческихъ

идей, эту силу къ инстинктивному истолкованію мыслей Божіихъ — непререкаемымъ доказательствомъ нашего сродства съ Божественнымъ Духомъ? Не заслуживаетъ ли эта духовная связь наша со всемогущимъ Творцемъ самаго напряженнаго нашего изслѣдованія? Если придать законный и дѣйствительный вѣсъ вѣрованію, что человѣкъ созданъ по образу Божію, то безъ сомнѣнія естествоиспытатель не погрѣшитъ, стараясь при помощи своихъ собственныхъ наблюденій и опытовъ приблизить къ своему разумѣнію творческія дѣла Божественнаго разума; онъ долженъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ черпать изъ внутренняго опыта познанія о собственной своей душѣ, чтобы затѣмъ вѣрнѣе представлять себѣ то безконечное Существо, отъ котораго онъ получилъ свое начало. Такое стремленіе можетъ съ перваго раза показаться дерзкимъ и самонадѣяннымъ; но кого мы назовемъ истинно смиреннымъ? Того ли, который, проникая въ тайны природы и переводя ихъ въ область познаній, горделиво называетъ ихъ „своею собственною научною системою"—или же того, который, занимаясь тѣми же изслѣдованіями, познаетъ свое сродство съ Творцемъ природы, и, проникнутый глубокою признательностію за это высокое происхожденіе свое, стремится къ тому, чтобы сдѣлаться *вѣрующимъ* истолкователемъ Божественнаго ума и войти въ ту внутреннюю связь съ симъ послѣднимъ, которая по законамъ нашего бытія не только дозволена намъ, но и составляетъ прямое наше назначеніе. Признаюсь, вопросъ объ основахъ нашей научной классификаціи органическихъ существъ представляется мнѣ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ. Можно доказать, что человѣкъ не изобрѣлъ систематическаго распредѣленія предметовъ вн-

димаго міра, а только позналь его, и что этотъ разумно-художественный распорядокъ, проявляющійся во всемъ растительномъ и животномъ царствѣ, необходимо долженъ находиться въ духовной, внутренней связи съ идеями Творческаго Духа. Можно дойти до яснаго убѣжденія въ томъ, что внѣшній окружающій насъ міръ, разоблачая предъ нами свое дивное разумное устройство, не можетъ быть произведеніемъ слѣпыхъ и необходимыхъ физическихъ силъ, но напротивъ является предъ нашими взорами, какъ *свободное* произведеніе всемогущей премудрости, сначала создавшей идеи своихъ тварей, а затѣмъ осуществившей эти идеи во внѣшней дѣйствительности. Словомъ сказать, мы можемъ доказать, что появленію тѣхъ или другихъ предметовъ видимаго міра необходимо *долженъ былъ* предшествовать свободно-разумный планъ ихъ устройства и взаимнаго соотношенія. А этимъ, очевидно, совершенно подрывается сила той безотрадной теоріи, которая хочетъ видѣть источникъ всего мірозданія въ слѣпыхъ законахъ матеріи, произведшихъ будто бы все дивное устройство вселенной,—теоріи, которая безъ мысли о Богѣ подчиняетъ всѣхъ и все однообразному и вѣчно неизмѣнному вліянію физическихъ силъ, связывающихъ все законами роковой необходимости. Думаю, что наука наша нынѣ достигла такой степени развитія и усовершенствованія, что мы можемъ приступить къ подобному изслѣдованію".

Этими благородными и привлекательными размышленіями знаменитый авторъ упомянутаго сочиненія начинаетъ свои изысканія, и полагаетъ тѣмъ, какъ намъ кажется, начало новой эпохѣ въ исторіи научной разработки естествознанія; онъ является поборникомъ новаго *христіанскаго* направленія естественныхъ наукъ,

живо напоминающаго о трудахъ и воззрѣніяхъ Кеплера, Ньютона и Линнея.

У насъ въ Европѣ это направленіе, какъ сказано, почти совершенно изгнано изъ естественныхъ наукъ. Германская философія въ новѣйшее время дошла до совершеннаго превращенія богооткровеннаго ученія о томъ, что Богъ сотворилъ человѣка по своему образу; ибо по ученію недавно еще весьма распространенной школы Фейрбаха, не Богъ сотворилъ человѣка по образу и подобію своему, а напротивъ, самъ человѣкъ измыслилъ Бога по своему образу. Поэтому-то безъ сомнѣнія весьма замѣчательно и отрадно видѣть, какъ знаменитый и опытный естествоиспытатель въ родѣ Агассица посвящаетъ бо́льшую часть перваго тома своего превосходнаго произведенія на такія соображенія и изысканія, которыя уже давно считаются отжившими и отсталыми у молодыхъ и модныхъ собратьевъ его по наукѣ.

Чтобы доказать дѣйствительность *разумнаго*, *личнаго* Творца органическаго міра, авторъ сначала обращаетъ вниманіе своихъ читателей на существованіе совершенно *различныхъ* типовъ животныхъ и растеній при *одинаковыхъ* внѣшнихъ физическихъ условіяхъ. Отсюда онъ выводитъ необходимое заключеніе, что при однихъ и тѣхъ же физическихъ данныхъ должны были — для первоначальнаго образованія *разнородныхъ* животныхъ — дѣйствовать другія творческія силы, независящія отъ физическихъ условій природы. Такъ какъ матеріальныя силы, дѣйствующія на землѣ, въ существѣ дѣла были одинаковы во всѣ времена и всегда проявлялись по тѣмъ же законамъ, какъ и теперь, — такъ какъ далѣе эти силы нынѣ не производятъ никакихъ новыхъ клас-

совъ органическихъ существъ; то очевидно, что эти силы сами по себѣ отнюдь не могли быть достаточны для того, чтобы призвать къ бытію какіе либо начатки органическихъ существъ. Ясно притомъ, что каждый классъ животныхъ, продолжая свое существованіе чрезъ преемственный рядъ поколѣній, находится въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ отношеніи къ окружающему его міру, и что такимъ образомъ отношенія животныхъ къ силамъ и законамъ природы также въ точности опредѣлены и предначертаны независимо отъ этихъ послѣднихъ.

Тѣ же заключенія авторъ выводитъ и наоборотъ изъ того неоспоримаго факта, что *однородныя* животныя встрѣчаются подъ весьма *различными* внѣшними условіями. Климатическое вліяніе и физическія силы оказываются здѣсь опять совершенно недостаточными для объясненія этого явленія. Такъ наприм. нѣтъ никакого различія между волками или лисицами, живущими на самыхъ различныхъ поясахъ земнаго шара. Вообще говоря, внѣшніе физическіе законы и силы никогда не находятся въ причинномъ отношеніи къ существамъ органическаго міра. Вліяніе климатическихъ и матеріальныхъ условій на растенія и животныхъ всегда ограничивается внѣшними, болѣе или менѣе незначительными видоизмѣненіями этихъ послѣднихъ, нисколько не касаясь ихъ *существенныхъ* свойствъ и принадлежностей.

Никакимъ образомъ, говоритъ авторъ далѣе, нельзя дѣйствіемъ безсмысленныхъ силъ природы объяснить чудное устройство органическаго міра, его строго-логическія сочетанія, его внутреннюю гармонію и все безконечное его разнообразіе при сохраненіи однако общаго строгаго единства; все это *необходимо* предпола-

гаетъ независимую отъ матеріальныхъ силъ, высшую Премудрость, какъ источникъ и начало всѣхъ этихъ существъ. Такъ какъ эти отношенія въ равной мѣрѣ касаются и первобытнаго періода органической жизни на нашей планетѣ, то мы по необходимости снова приходимъ къ заключенію, что дѣйствительному появленію царства животныхъ и растеній должны были предшествовать не только слѣпыя силы природы, но и Творческія идеи предвѣчной Премудрости. Эта мысль пріобрѣтаетъ еще новую силу и несомнѣнность, если обратимъ вниманіе на то, что дознанная наукою постепенность въ происхожденіи разныхъ видовъ органическихъ существъ, царемъ и вѣнцемъ которыхъ является человѣкъ, не можетъ не служить важнымъ доказательствомъ разумно-свободнаго и личнаго достоинства Творческихъ силъ.

Всѣ упомянутыя нами положенія отдѣльно разсматриваются и подтверждаются многочисленными примѣрами въ слѣдующихъ отдѣлахъ сочиненія автора. Главнымъ выводомъ всѣхъ ученыхъ и глубокихъ изслѣдованій автора служитъ то, что *всѣ явленія органическаго міра останутся совершенно непонятными, если мы не допустимъ дѣйствительности Высочайшей Премудрости, Божественнаго Всевѣденія и Всемогущества*, дѣйствовавшаго разумно-творчески по предначертанному плану, независимо отъ какого либо вліянія со стороны имъ же созданныхъ матеріальныхъ силъ природы.

„Вообще говоря“, заключаетъ авторъ свои изысканія, „естествознаніе не можетъ не сдѣлаться анализомъ Творческихъ идей, осуществившихся во вселенной; и нельзя конечно удивляться тому, что эти мысли о Творцѣ приняты мною во вниманіе при классификаціи животныхъ,

имѣющей столь близкое отношеніе къ общимъ Творческимъ идеямъ".

Разсмотрѣнное нами сочиненіе пользуется громаднымъ успѣхомъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; это служитъ живымъ свидѣтельствомъ того, что, какъ ни плачевнымъ можетъ показаться религіозное состояніе Америки по чрезвычайной раздробленности, разрозненности и ошибочности ея церковныхъ обществъ, но въ извѣстномъ отношеніи это состояніе, можетъ быть, гораздо лучше нашего.

Какъ желательно было бы, чтобъ по крайней мѣрѣ наши преподаватели естественныхъ наукъ, знакомя юношество съ силами, законами и явленіями видимаго міра, усвоили себѣ истинно-христіанскій духъ этого сочиненія. Но къ несчастію нельзя еще въ настоящее время надѣяться на это. Наши ученые спеціалисты по части естественныхъ наукъ конечно готовы будутъ воспользоваться научными сокровищами Агассица; но христіанскіе выводы и мысли его они вѣроятно оставятъ въ сторонѣ, какъ вещи, не касающіяся ихъ спеціальности;— того требуетъ эмпирическій духъ нашего времени.

И. Фенинъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖУРНАЛА

МИССІОНЕРА КУЗНЕЦКАГО ОТДѢЛЕНІЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ,

СВЯЩЕННИКА ВАСИЛІЯ ВЕРБИЦКАГО.

1858 года декабря 13 дня переселились мы изъ Калтана въ улусъ Кузедѣевскій, въ 20 верстахъ вверхъ по р. Кондомѣ. Заслышавъ нашъ переѣздъ, шаманъ *Оськэ* бросилъ свою избушку и откочевалъ въ ближайшій улусъ. Должно быть служителю веліара несносно наше сосѣдство.

15 Декабря. Въ улусѣ Кузедѣевскомъ совершилось дѣло необычайное у инородцевъ: отпѣто тѣло замерзшаго ихъ собрата. Доселѣ кладбище этого христіанскаго улуса, въ теченіе 18 лѣтъ своего существованія, никогда не видало надгробнаго обряда христіанскаго надъ своими мертвецами. И теперь хотѣли было зарыть замерзшій трупъ несчастнаго Василія безъ послѣдняго утѣшенія Вѣры, — общественной молитвы, да не низведенъ будетъ онъ, по грѣхамъ своимъ, на мѣсто мученія, но да вчиненъ во дворѣхъ праведныхъ. Я замѣтилъ копателямъ могилы, что, безъ дозволенія земской полиціи, нельзя зарывать тѣла скоропостижно-умершихъ. Въ отвѣтъ на это они показали мнѣ бумагу и намѣревались уже опускать гробъ въ могилу. Я остановилъ ихъ, сказавъ, что надобно сначала отпѣть, что

тѣла христіанскія погребаются по совершеніи надъ ними христіанскаго обряда; объяснилъ пользу сего обряда какъ для умершаго, такъ и для живыхъ, и вызвался сейчасъ же отпѣть умершаго, разумѣется безмездно. Но такъ какъ они еще дичатся насъ, то и не приняли моего вызова, сказавъ, что они попросятъ кузнецкаго священника отпѣть послѣ. Я указалъ имъ на послѣднія слова бумаги: „предать тѣло землѣ по христіанскому обряду.“ Жалкіе инородцы, видя, что навязчивость моя непобѣдима, рѣшились наконецъ, безъ дальнихъ хлопотъ, одолжить меня своимъ согласіемъ на отпѣтіе ихъ собрата, что̀ я и исполнилъ, не смотря на жестокій морозъ, съ душевнымъ удовольствіемъ. Вотъ наши первоначальныя отношенія къ чадамъ; но уповаю на Господа Бога, что это продолжится не долго. Жена умершаго Василія имѣетъ у себя въ семействѣ двоихъ дѣтей, которыя оба больны; я вызвался посмотрѣть ихъ болѣзнь и предложилъ врачевство душевное и тѣлесное. Не знаю, что будетъ съ 8 лѣтнимъ ея сыномъ, но такой страшной и зловонной язвы на его распухшей губѣ мнѣ никогда не случалось видѣть. Приложена пока тертая морковь, смѣшанная съ деревяннымъ масломъ. 14-ти лѣтней же дѣвочкѣ, прежде всякаго леченія, необходимо было дать рубашку, ибо она прикрывалась какими-то тряпками и не сходила съ печи. Если картина бѣдности не привлекательна и тамъ, гдѣ и здоровые и въ силахъ инородцы поражены ею, то бѣдность невольная еще болѣе возмущаетъ чувства.—60-ти лѣтній Василій поѣхалъ за хлѣбомъ для голоднаго и больнаго семейства, застигнутъ бураномъ, сбился съ пути и замерзъ. Такимъ образомъ къ голоду несчастнаго семейства прибавилось еще сиротство. Въ

подобныхъ обстоятельствахъ много надобно душевной силы, чтобъ не сказать: *лучше есть смерть паче живота горька* (Сир. 30, 17).

25 *декабря*. По отправленіи литургіи въ улусѣ Кузедѣевскомъ, отправился съ церковнослужителемъ своимъ въ главный станъ Миссіи Улалу.

1859 года.

Январь мѣсяцъ пробылъ въ Улалѣ и занимался письменными дѣлами Миссіи, по порученію начальника, подъ его руководствомъ.

На возвратномъ пути изъ Улалы закупалъ хлѣбъ на годовое содержаніе своего отдѣленія. Вблизи насъ, въ Черни, хлѣбопашество не развито. Крестьянамъ самимъ не достаетъ полнаго количества на цѣлый годъ, а золотые промыслы, рудники и заводы, закупая въ большомъ количествѣ хлѣбъ, поднимаютъ на него цѣну. Отъ того содержаніе въ Кузнецкомъ округѣ дороже, чѣмъ въ Бійскомъ, а при нынѣшнихъ неурожаяхъ, и довольно затруднительно.

Февраль и мартъ. Въ теченіе св. четыредесятницы отправлялъ богослуженіе по улусамъ, состоящимъ по р. Кондомѣ, исповѣдывалъ, пріобщалъ и наставлялъ живущихъ въ нихъ крещенныхъ инородцевъ.

30 *марта*. Вскрылась рѣка Кондома, дружно и быстро неся свой раздробленный покровъ. По вскрытіи рѣкъ во всѣхъ улусахъ кузнецкаго округа отправляется языческій *праздникъ березы*. Въ каждомъ улусѣ есть завѣтная береза, къ которой въ весеннее время народъ всѣмъ улусомъ, въ праздничномъ одѣяніи, собирается для умилостивленія демоновъ, чтобы они не насылали болѣзней, способствовали ловлѣ звѣрей и рыбы

и проч. Въ нашемъ улусѣ стали поговаривать о любимомъ своемъ праздникѣ. Я объяснилъ своимъ чадамъ, что праздникъ этотъ неприличенъ человѣку крещенному; что всего, въ чемъ мы имѣемъ нужду, должно просить у единаго истиннаго Бога, что демоны не властны ни напустить несчастія на человѣка, ни отвратить оное, если Господь пошлетъ въ наказаніе за грѣхи наши. Инородцы не противорѣчили мнѣ, но на лицахъ ихъ отражалось уныніе, даже одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „отъ чего же только въ нашемъ улусѣ не будетъ весенняго праздника?"—Зачѣмъ не будетъ праздника? отвѣтилъ я имъ. Вотъ, скоро будетъ у насъ самый радостный праздникъ — Пасха Христова, а если для васъ недостаточно, что мы будемъ молиться только въ церкви: то прошу васъ усердно, для вашего же счастія и спасенія, не празднуйте богомерзкій праздникъ березы, а вмѣсто его мы отпразднуемъ въ пятницу на св. Пасхѣ: обойдемъ съ иконами весь улусъ, спустимся на Кондому, освятимъ въ ней воду, которая и будетъ во здравіе и намъ и скоту нашему, помолимся всѣ вмѣстѣ всемогущему Господу во-первыхъ о спасеніи души нашей, которая несравненно дороже тѣла, а во-вторыхъ уже о низпосланіи намъ того, что̀ нужно для земнаго нашего пребыванія. Всѣ инородцы наши согласились, и исполнили свое слово. Завѣтная береза, увѣшенная ленточками и конскими волосами, стоящая на горѣ, не далеко отъ улуса, въ первый еще разъ, въ теченіе 18 лѣтъ, была безъ весеннихъ посѣтителей.

17 *апрѣля*. И мы исполнили свое обѣщаніе: при стеченіи всего улуса, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ сіяющими отъ удовольствія лицами, совершили крестный

ходъ вокругъ улуса, и на р. Кондомѣ молитвенно взывали къ Божіей Матери, всегдашней Заступницѣ и Помощницѣ, да напоитъ отъ источника воды живы чадъ нашихъ, зараженныхъ суевѣріями и шаманствомъ и да помажетъ душевныя очи слѣпцамъ нашимъ.

Апрѣль. Послѣ св. Пасхи занимался собираніемъ учениковъ для инородческаго училища. Дѣти въ семъ случаѣ оказались умнѣе своихъ родителей. Многіе съ удовольствіемъ бѣжали на призывный звукъ колокола въ училище, помѣщавшееся лѣтомъ въ сѣняхъ единственной моей келліи. Но зараженные предразсудками родители ихъ наказывали нѣкоторыхъ изъ нихъ розгами за хожденіе въ училище.

5 *мая.* Много хлопотъ было въ заготовленіи матеріаловъ для строенія миссіонерскаго дома въ улусѣ Кузедѣевскомъ. Но наконецъ, съ помощію Божіею, приготовлены главные матеріалы для дома, совершено молебствіе съ водосвятіемъ въ основаніе его, и произведена закладка. Фундаментъ подведенъ изъ жерновыхъ камней, которыми весьма богаты мы, такъ какъ гора этихъ камней отстоитъ отъ насъ версты на 4. Ближайшая къ улусу нашему деревня Кузедѣевская только выдѣлкою ихъ и достаетъ себѣ насущное пропитаніе, и потому у жителей ея, на улицахъ, много валялось круглыхъ камней, которые по чему-либо не пошли въ дѣло, и по просьбѣ нашей съ удовольствіемъ привезены ими въ основаніе нашего дома. Къ постройкѣ мы приступили единственно въ уповаціи на волю Божію: ибо всѣхъ средствъ къ совершенному окончанію ея въ виду не имѣется. Даже половинное количество лѣса куплено на собственное мое жалованье.

9 *мая.* Пренесеніе честныхъ мощей св. Николая чу-

дотворца. Святителя Николая почитають въ Кузнецкомъ округѣ даже не крещенные инородцы и ставять предъ его иконою свѣчи. И чудотворецъ Божій внемлетъ усердію простыхъ сердецъ, принимаетъ даже видимое участіе въ обращеніи заблуждшихъ на путь истины. Нельзя умолчать о весьма замѣчательномъ произшествіи, случившемся въ 1843 году съ инородцемъ улуса Сыркашева (въ 70 верстахъ отъ Кузнецка на правомъ берегу р. Томи), по имени *Банбаракомъ*. Инородцу этому явился угодникъ Божій въ полѣ, 30 мая, верст. въ 3-хъ отъ улуса, училъ его Вѣрѣ христіанской, совѣтовалъ непремѣнно креститься, и, влагая ему въ руки свой посохъ, коснулся имъ трехъ перстовъ правой руки, отчего инородецъ пришелъ въ безпамятство. Опомнившись, онъ болѣе не видалъ угодника Божія, а рука у него оказалась загнутою назадъ къ поясницѣ, со сложеніемъ креста, и онъ никакъ не могъ отдѣлить ее; равно и правая нога сдѣлалась согбенною. Въ рукѣ и ногѣ ощущалась боль. Въ этомъ положеніи инородецъ былъ представляемъ г. кузнецкимъ исправникомъ Катанаевымъ и преосвященнѣйшему Аѳанасію, въ бытность его преосвященства въ Кузнецкѣ 24 іюня. 2-го же іюля Ванбаракъ принялъ св. крещеніе, и по выходѣ его изъ купели, рука отдѣлилась отъ спины; 5-го числа того-же мѣсяца онъ сталъ владѣть ею свободно, а 9-го числа начали разгибаться персты, равно и нога. Новокрещенный Николай (такъ назвали Банбарака въ честь явившагося ему угодника Божія) былъ весьма усерденъ къ храму Божію, ежегодно пріобщался св. Таинъ и до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1849 г., жилъ въ домѣ крестной своей матери, супруги г. исправника А. Н. Катанаевой. Дѣй-

ствительность сего произшествія могутъ подтвердить какъ воспріемники Николая, такъ и многіе граждане г. Кузнецка.

Въ *іюнѣ* мѣсяцѣ наблюдалъ за постройкою дома, заботился о недостающихъ матеріалахъ, училъ инородческихъ мальчиковъ грамотѣ, въ числѣ 8 человѣкъ, которые въ праздничные дни помогали мнѣ въ собираніи полезныхъ въ медицинѣ растеній и корней для составленія домашней аптеки. Флора окружающей насъ мѣстности богата даже сильно дѣйствующими средствами, каковы: балдырьянъ, прикрытъ, ревень, копытень, трефоль и мног. друг.

Въ *іюлѣ* мѣсяцѣ проповѣдывалъ слово Божіе по рѣчкѣ *Тельбеси*, гдѣ 6 человѣкъ приняли св. крещеніе.

8 *іюля*. Проѣзжая чрезъ желѣзный рудникъ тельбесьскій, отслужилъ здѣсь обѣдницу, и, по просьбѣ урядника и мастеровыхъ служителей, освятилъ воды Тельбеси и ихъ жилища, къ неописанному ихъ удовольствію, такъ какъ священнослужители ихъ здѣсь, въ дебряхъ, никогда не бываютъ. Грозны остроконечные каменные утесы тельбесьскіе и, содержа въ себѣ много желѣза и магнита, привлекаютъ громовыя тучи. Раскаты грома бываютъ здѣсь очень сильны. Видѣлъ и разработку руды. Если бы труженики, разсѣкающіе желѣзистый камень, жили между собою въ мирѣ и любви, не далеки были бы царствія Божія.

1 *августа*. Послѣ литургіи совершили крестный ходъ вокругъ всего улуса и на р. Кондому. Торжественное выполненіе христіанскихъ обрядовъ очень дѣйствуетъ на инородцевъ. Особенно всѣ мы были обрадованы присылкою къ этому времени новыхъ живописныхъ на

полотнѣ иконъ: Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Крестителя Господня и Святителя и Чудотворца Николая, пожертвованныхъ въ походную церковь завѣдуемаго мною отдѣленія миссіи боголюбивыми: священникомъ города Арзамаса, Алексіемъ Назаретскимъ и Нижегородскаго Спаса Преображенскаго Собора діакономъ Петромъ Никольскимъ. *Да наслѣдятъ* они за *приношенія Господеви веселіе и вѣнецъ радости*, *и имя вѣчное* (Сир. 14, 11, 15, 6).

Съ 20 *августа* по 2-е *сентября* былъ во всѣхъ улусахъ *Бачатскихъ* съ проповѣдію слова Божія и призваніемъ ко спасенію. Избранныхъ оказалось только 7 человѣкъ, а прочіе званные, хотя и признавали христіанскую Вѣру святою, но боялись сдѣлать досаду шайтану, который будто бы мститъ имъ за принятіе св. крещенія, напуская болѣзни, какъ на нихъ самихъ, такъ и на скотъ ихъ. Одинъ даже разсказывалъ, что у нѣкоего новокрещеннаго инородца всѣ лошади попадали одна за другою отъ окропленія ихъ святою водою. Были между собесѣдниками и такіе, которые, не желая сами креститься до времени, просили привесть въ крещенную вѣру грудныхъ дѣтей своихъ, вполнѣ сознавая, что съ принятіемъ христіанской Вѣры, Господь даруетъ имъ здоровье и счастіе, и на оборотъ— встрѣчались между крещенными родителями такіе, которые упрашивали не крестить дѣтей ихъ, но только обмолитвить, до тѣхъ поръ, пока они возрастутъ и сами будутъ говорить молитвы; нашлась даже одна инородка въ Большомъ-Бачатскомъ улусѣ, которая жаловалась мнѣ на кама за то, что онъ не камлаетъ надъ ея больнымъ полугодовымъ сыномъ. Въ улусахъ Бачатскихъ опять оказалось 14 паръ невѣнчанныхъ браковъ,

Всѣ они переписаны и высланы въ селеніе Бачатское для вѣнчанія, о чемъ я лично просилъ о. благочиннаго.

3 *сентября*. Узнавши, что я возвратился изъ Бачатскихъ улусовъ, пришла ко мнѣ изъ улуса Усть-Калтанскаго (въ 15 верст.) 56 лѣтняя вдова *Кыйхолу* и просила лекарства для ея сына, который крещенъ мною въ прошедшемъ 1858 г. Сколько я убѣждалъ тогда эту женщину принять христіанство, но безъ успѣха! Отъ нея только и слышно было, что „крещусь предъ смертью". Я сказалъ ей теперь, что одно лекарство не можетъ пособить твоему сыну. Должно быть онъ никогда тебѣ не предлагалъ о крещеніи; за это и наказанъ болѣзнію. Поэтому, чтобы выздоровѣлъ твой сынъ, да чтобы и твоя душа не погибла, ты должна креститься и вѣровать истинному Богу. Кыйхолу согласилась, но только послѣ выздоровленія сына. Я выразилъ сомнѣніе и указалъ ей на знакомаго татарина *Пёстёка*, который, лежа въ сильнѣйшей горячкѣ, далъ мнѣ слово непремѣнно креститься, если я облегчу ему страданія, но, не въ продолжительное время, выздоровѣвъ отъ гомеопатическаго средства, и до сихъ поръ, не смотря на мои напоминанія, не исполняетъ обѣщанія. Кыйхолу болѣе не отлагала крещенія. Лекарство самое простое, а во многихъ случаяхъ, когда нужны вяжущія средства, самое дѣйствительное—сушеную *кору черемховаго дерева* мы отослали съ другою женщиною, объяснивъ ея употребленіе, а оглашенная Евдокія Кыйхолу осталась учиться Вѣрѣ христіанской, молитвамъ и изображенію на себѣ крестнаго знаменія, и

7 *сентября*, въ р. Кондомѣ, въ теплый и ясный полдень, приняла св. крещеніе.

Съ 27 *сентября* по 16 *октября*. Посѣщалъ улусы, расположенные по р. Томѣ и Мрассѣ. Крайнія жилища осѣдло живущихъ (хотя и значащихся кочевыми) инородцевъ на Томи — Чульжанъ отъ г. Кузнецка въ 79 верстахъ, а на Мрассѣ—Сосновая Гора, въ 83 верстахъ. Выше Чульжана нѣтъ жителей, равно какъ и выше Сосновой Горы, на протяженіи 100 верстъ, пространство не населенное, а потомъ живутъ юртами въ собственномъ смыслѣ кочующіе инородцы. Отъ г. Кузнецка до предѣловъ этихъ осѣдлыхъ жилищъ — Чульжана и Сосновой Горы расположено 16 улусовъ болѣе или менѣе многолюдныхъ, между которыми сообщеніе бываетъ или верхомъ, или въ лодкѣ. Мною на этотъ разъ избрано послѣднее. Плаваніе началось отъ улуса Балбинскаго, на пространствѣ 178 верстъ (78 по Томи и 100 по Мрассѣ). Прибрежные виды, особенно по Мрассѣ, удивительно разнообразны, какъ очертаніемъ горъ, такъ и сложеніемъ камней. Въ однихъ мѣстахъ видны какбы искуственныя башни съ карнизами и колоннами, въ другихъ глубокія ущелья, а тамъ, *на горѣ высоцѣ и холмѣ вознесеннѣ вода текущая* сребрится въ шумныхъ водопадахъ (Иса. 30, 25). Инородцы, здѣсь обитающіе, очень искусны управлять лодками, потому что выросли на этомъ занятіи. Телегу здѣсь весьма трудно найти, тогда какъ у каждаго домохозяина есть своя лодка. Томскіе и мрасскіе инородцы бойчѣе, развязнѣе и трудолюбивѣе кондомскихъ. Хлѣбопашествомъ впрочемъ занимаются весьма мало по недостаточности удобной земли. Главныя ихъ занятія: звѣропромышленность, рыболовство и вязаніе неводовъ; живутъ чисто, опрятно и довольно достаточно, много изъ нихъ людей торгующихъ, общій ихъ порокъ — лихоимство: — безъ

большихъ процентовъ не ссудятъ бѣднаго, чего незамѣтно ни у алтайцевъ, ни у телеутъ Кузнецкаго округа. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1854 г. былъ здѣсь нашъ о. Арсеній и нашелъ темную смѣсь язычества съ христіанствомъ: самые близкіе по крови были далеки по духу. Крещенный мужъ имѣлъ съ супружествѣ некрещенную жену, и на оборотъ — крещенная жена сожительствовала съ некрещеннымъ мужемъ. Дѣти и другіе члены семействъ на половину были христіане, на половину идолопоклонники. Ревность о. Арсенія о спасеніи погибающихъ снѣдала его. Долго и много убѣждалъ онъ всѣхъ обратиться къ истинному Богу. Казалось, всѣ внимали его проповѣди. Многолюднѣйшіе улусы Чувашинскій и Сибергинскій объявили желаніе креститься и съ удовольствіемъ слушали разсказы изъ священной исторіи опытнаго и даровитаго толмача улалинскаго. Но не ему суждено пожать плоды евангельскаго сѣмени. Назначенный къ мрасскимъ инородцамъ достойный пастырь о. Петръ Побѣдоносцевъ въ теченіе лѣта сего года побѣдоносно дѣйствовалъ въ очищеніи противозаконной смѣси христіанства. Въ настоящее время осталось некрещенныхъ здѣсь очень мало. И потому теперь остается еще не легкій подвигъ утвержденія новообращенныхъ въ христіанствѣ, что особенно трудно, между прочимъ и потому, что здѣсь гнѣздо и училище шаманства, отсюда шаманы, какъ болѣе уважаемые, вывозятся и въ другія мѣста. Кромѣ частыхъ пастырскихъ бесѣдъ и внушеній, къ утвержденію инородцевъ въ христіанствѣ лучше всего способствуетъ очищеніе души въ таинствѣ покаянія. Между инородцами Кузнецкаго округа вовсе не было введено христіанскаго говѣнія, тогда какъ я убѣдился собствен-

нымъ опытомъ, что многіе причастившись честнаго Тѣла и животворящей Крови Господа и Спаса нашего, переставали камлать, да и другихъ, обращающихся къ прежнему суевѣрію, называютъ *скверницами*.

Плаваніе мое по р. р. Томи и Мрассѣ продолжалось до самой шуги, которая на порогахъ рѣшительно препятствовала слѣдованію нашему противъ воды. Впрочемъ всѣ улусы мною обозрѣны. Кромѣ ознакомленія съ мѣстностію, мною собраны нужныя свѣдѣнія о нарѣчіи здѣшнихъ инородцевъ и крещено 5 человѣкъ, обратившихся изъ идолопоклонства, и 5 младенцевъ новокрещенныхъ родителей.

Въ *ноябрѣ* мѣсяцѣ занимался съ толмачомъ переводомъ избранныхъ мѣстъ священнаго Писанія на татарскій языкъ кондомскихъ инородцевъ, которыхъ нарѣчіе весьма близко къ нарѣчію мрасскихъ инородцевъ, но различно отъ нарѣчія бачатскихъ телеутъ.

Наступаетъ зима съ своими морозами, которые немилосердо преслѣдуютъ меня даже въ жилищѣ моемъ. Богъ знаетъ, какъ мы пробьемся эту зиму въ двойственной температурѣ нашей квартиры, которая, по истопѣ печи, содержитъ на верху жаръ до 20 градусовъ, тогда какъ на полу вода замерзаетъ и пары превращаются въ иней. Въ новоустроенномъ же, съ помощію собственнаго жалованья моего, миссіонерскомъ домѣ нѣтъ ни печей, ни рамъ, и средствъ къ удовлетворенію этой насущной потребности въ виду не имѣется.

Въ 1859 году разными мѣрами, съ опасностію жизни моей сопряженными, при содѣйствіи мѣстнаго гражданскаго начальства, достигнуто по крайней мѣрѣ то, что шаманство въ улусахъ крещенныхъ инородцевъ

окружающей меня мѣстности не производится открыто, какъ было прежде; если и молятся богамъ, иже не спасаютъ, если кадятъ бѣсомъ и уготовляютъ демону трапезу, то это дѣлается въ глубочайшей тайнѣ, далеко отъ жилищъ, въ чащахъ лѣса и засѣкахъ.

ИСЦѢЛЕНІЯ,

СОВЕРШИВШІЯСЯ ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ, ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ

СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА,

ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО.

XVII.

Тульской губерніи, богородицкаго уѣзда, прихода села Спасскаго, деревни Коптевки, временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Алексѣя Стефановича Хомякова, Мартинъ Семеновъ, по прозванію Купцовъ, 70-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ, показалъ:

Въ 1859 году 20-го февраля, на сырной недѣли въ четвертокъ, пошелъ онъ въ сосѣднюю деревню Котовку по своимъ надобностямъ къ крестьянину Авксентію Павлову. Послѣ обѣда пошелъ онъ въ сѣнникъ отдохнуть и уснулъ. Крестьянинъ Павловъ разбудилъ его. Онъ почувствовалъ въ лѣвой рукѣ, въ боку и ногѣ онѣмѣніе, и самъ не могъ встать, а поднялъ его Павловъ и отвезъ домой. Въ домѣ употреблены были кровопусканіе и другія врачебныя пособія, но болѣзнь до того усилилась, что его переворачивали съ боку на бокъ. Болѣзнь сія продолжалась болѣе года. Послѣ нѣсколько ослабѣла. Онъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, началъ съ палкою перетаскивать ногу. Услышавши о готовящемся открытіи мощей святителя Тихона въ За-

донскѣ, онъ возъимѣлъ желаніе поклониться святымъ мощамъ. Въ дорогѣ шелъ не болѣе семи верстъ въ сутки.

Пришедши въ Задонскъ 9-го числа августа, онъ приложился къ ракѣ святителя Тихона, и въ тоже время почувствовалъ, что онѣмѣніе нѣсколько разрѣшилось, онъ сталъ чувствовать болѣе развязности въ рукѣ и въ ногѣ. Въ этотъ день онъ въ первый разъ могъ самъ подпоясаться. На возвратномъ пути онъ могъ уже проходить отъ 15-ти до 20 верстъ въ сутки, хотя совершеннаго выздоровленія еще не чувствуетъ.

Справедливость показанія подвердили: священникъ приходскій по священству и пять человѣкъ родственниковъ и нѣсколько сосѣдей подъ присягою.

XVIII.

Орловской губерніи, города Ливновъ, солдатка вдова Еѳросинія Гавріилова Бабичева, 48-ми лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она, занимаясь мелочною продажею яблокъ и проч., назадъ тому лѣтъ 6-ть на ярмаркѣ въ Ливнахъ, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя, въ ненастную и дождливую погоду промочила и застудила ноги и почувствовала въ нихъ судороги. Такъ какъ она сама не могла уже идти, то наняла мужичка, который и привезъ ее съ товаромъ въ квартиру, занимаемую ею у двоюродной сестры въ пригородной слободѣ. Въ продолженіи 6-ти лѣтней болѣзни своей она, по причинѣ бѣдности своей, ничѣмъ не лечилась. Священникъ нѣсколько разъ ее исповѣдывалъ и пріобщалъ Святыхъ Таинъ, и однажды особоровалъ. Болѣзнь ея, постепенно усиливаясь во всемъ тѣлѣ, дошла до того, что она не могла не только хо-

дить, но даже и лежать на спинѣ, а находилась почти въ висячемъ положеніи съ помощію укрѣпленнаго надъ ея кроватью шеста, за который она держалась попеременно то одною, то другою рукою, и питалась приношеніями отъ двоюроднаго брата и другихъ. Когда услышала она въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 года объ открытіи мощей святителя Тихона въ городѣ Задонскѣ, то мысленно молилась ему усердно о помилованіи ея и дала обѣтъ идти въ Задонскъ на поклоненіе угоднику Божію, какъ скоро будетъ имѣть облегченіе. Съ того времени она начала вставать съ постели и ходить по избѣ, опираясь на палку. Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца іюля она, хотя съ большимъ трудомъ, отправилась въ Задонскъ, пригласила съ собою пятнадцатилѣтнюю племянницу свою, дѣвицу Надежду Сахарову. Въ пути, при ежедневномъ постепенномъ облегченіи, не болѣе, какъ въ недѣлю, она пришла въ Задонскъ.

Въ августѣ 1-го числа, приложившись къ надгробію святителя Тихона, она получила совершенное исцѣленіе. О семъ объявила она архимандриту задонскаго монастыря и осталась, по усердію, до открытія мощей. Въ сіе время она увидѣлась въ задонскомъ монастырѣ съ купцомъ Шубинымъ, который зналъ о ея болѣзни и питалъ ее во время оной, и разсказала ему о своемъ исцѣленіи.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили три человѣка, знающіе о ея болѣзни.

XIX.

Тульской губерніи, епифановскаго уѣзда, деревни Извольской, Казановки тожъ, помѣщика Льва Львовича г. Карбоньеръ временно-обязанный крестьянинъ,

Климентъ Онуфріевъ, подъ присягою показалъ: три года тому назадъ, по уборкѣ хлѣба въ осеннее время (это было въ воскресенье), домашніе его пошли въ поле для сгребанія жнивы. Онъ пріѣхалъ туда же, наложилъ жнивы возъ и привезъ оной домой безъ всякой помѣхи. Какъ до вечера оставалась еще довольно времени; то онъ поѣхалъ въ другой разъ. Въ сей разъ домашніе его наложили возъ больше прежняго. Онъ находился на возу и увязывалъ его веревкою. Когда натягивалъ веревку, она оборвалась и онъ упалъ съ воза и ударился о землю такъ сильно, что разшибъ себѣ голову. Такъ какъ онъ упалъ на правый бокъ, то отшибъ себѣ правую руку и правую ногу. Семейные его свалили жниву, положили его на телѣгу, и почти за-мертво привезли домой. По ночному времени и дальнему разстоянію отъ села никто не рѣшился ѣхать за священникомъ. На другой день священникъ исповѣдывалъ его, пріобщилъ Святыхъ Таинъ и особоровалъ. Съ того времени онъ не владѣлъ правою рукою, не могъ ею перекреститься, а молился лѣвою. Ходить онъ могъ не иначе, какъ съ помощію другихъ, и то передвигая правую ногу. Отъ того обувь на правой ногѣ изнашивалась скорѣе, нежели на лѣвой. Шея его также сильно была повреждена. Онъ думалъ, что навсегда останется калѣкою. Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи мощей святителя Тихона, онъ возъимѣлъ сильное желаніе побывать въ Задонскѣ. Съ большимъ трудомъ онъ дотащился до Задонска. Когда наряду съ другими онъ приложился къ мощамъ святителя Тихона, почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни. Послѣ сего онъ не разсудилъ долѣе оставаться въ задонскомъ монастырѣ и отправился обратно домой.

На дорогѣ замѣтилъ въ себѣ перемѣну къ лучшему. Ногою онъ сталъ свободнѣе идти и рукою могъ креститься. Удивлялся онъ сей перемѣнѣ и самъ себѣ не вѣрилъ.

Отошедши верстъ 25-ть отъ Задонска, онъ остановился ночевать въ домѣ церковнаго старосты, куда по какой-то надобности пришелъ приходскій священникъ. Онъ разсказалъ священнику о своемъ исцѣленіи, и священникъ сказалъ ему, что онъ не хорошо сдѣлалъ, что не заявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Ему не хотѣлось возвращаться въ монастырь, однакожъ рѣшился возвратиться и объявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Въ настоящее время онъ можетъ посѣщать храмы Божіи, и по силѣ своей помогаетъ домашнимъ въ ихъ занятіяхъ. По исцѣленіи своемъ ходилъ для богомолья въ нѣкоторыя святыя обители.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою 6-ть человѣкъ сосѣдей, знавшіе о его болѣзни.

XX.

Орловской губерніи, города Ельца, мѣщанина Андрея Максимова сынъ, Тимоѳей Андреевъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ, показалъ:

На седьмомъ году возраста своего почувствовалъ онъ сильную ломоту въ обѣихъ ногахъ. Вскорѣ открылись на оныхъ раны отъ колѣнъ до пятъ. Раны болѣе были около ступни. Отъ сего онъ едва передвигался, то съ палкою, то ползкомъ, около 10-ти лѣтъ. Услышавши объ открытіи мощей святителя Тихона, онъ, Тимоѳей, пожелавъ быть въ Задонскѣ, выползъ изъ дома на четвереньках въ сопровожденіи матери. На третьей верстѣ онъ почувствовалъ облегченіе и хотя съ болью, но на

ногахъ пошелъ съ другими. Пришедши въ Задонскъ 11-го числа августа, онъ вмѣстѣ съ матерью пошелъ ко всенощному бдѣнію. За множествомъ народа не могши приложиться къ ракѣ святителя Тихона, онъ взялъ изъ лампады, висящей предъ мощами, масла и выпилъ оное. Послѣ сего ему сдѣлалось гораздо легче. 14-го августа онъ приложился къ мощамъ святителя Тихона и почувствовалъ еще большее облегченіе. Раны на ногахъ начали вдругъ затягиваться. По возвращеніи изъ Задонска, началъ ходить свободно.

Справедливость показанія подтвердили: мѣстный священникъ по священству, пономарь сей же церкви, отецъ, мать, своякъ и одинъ изъ сосѣдей.

XXI.

Орловской губерніи, города Ельца мѣщанинъ, Иванъ Васильевъ Рязановъ подъ присягою показалъ: 1861 года въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца приключилась ему болѣзнь, какъ предполагаетъ онъ, отъ простуды. Сзади костреца появилась шишка въ куриное яйцо и съ продолженіемъ времени быстро разросталась и наконецъ сдѣлалась величиною почти съ человѣческую голову. Отъ сей болѣзни у него была сильная стрѣльба отъ шишки по самую ступень правой ноги и продолжалась день и ночь. Ходилъ онъ съ большимъ трудомъ съ помощію костыля. Для облегченія отъ страшнаго мученія, прибѣгалъ онъ къ разнымъ медицинскимъ пособіямъ и къ простымъ женщинамъ, но облегченія нималѣйшаго не получилъ. Услышавши о близкомъ открытіи мощей святителя Тихона, онъ далъ обѣтъ ѣхать въ Задонскъ. Въ пятницу 11-го числа августа онъ удостоился приложиться къ гробницѣ святителя Тихона и тутъ

же почувствовалъ облегченіе въ болѣзни. Стрѣльба совершенно уничтожилась и онъ пошелъ свободно безъ костыля. Изъ Задонска на пути домой онъ прошелъ 15-ть верстъ съ палочкою. Стрѣльбы по сіе время не ощущаетъ. Но по пріѣздѣ домой онъ увлеченъ былъ простыми бабками къ средствамъ леченія, въ намѣреніи извести шишку, разными припарками. Въ настоящее время онъ затрудняется въ ходьбѣ. Нога у него, какъ бы одеревенѣла. Но стрѣльбы и по настоящее время не чувствуетъ.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили: жена, тетка и двое сосѣдей.

XXII.

Курской губерніи, старооскольскаго уѣзда, села Никольскаго, деревни Ржавца, вдова, дворовая женщина наслѣдниковъ умершаго поручика Викторова, Елизавета Давыдова Безбородова, 69-ти лѣтъ отъ роду, мать глухонѣмаго Василья Леонтьева, и родная сестра его Варвара Леонтьева, по мужу Васильева, солдатка 35-ти лѣтъ отъ роду, подъ присягою показали: Василій, имѣющій отъ роду 32 года, глухонѣмый, до 5-ти лѣтняго возраста не ходилъ ногами. Съ сего времени началъ ходить слабо, согнувшись. Глазами смотрѣлъ не ясно и почти всегда ихъ зажмуривалъ. Ни о чемъ не имѣлъ понятія. Крестнаго знаменія самъ никогда на себѣ не могъ положить. Когда подавали ему ѣсть, то мать его крестила своею рукою. Ѣсть не могъ просить, хотя бы и до двухъ дней не ѣлъ. Подавали пищу ему или мать, или сестра. Во всю жизнь свою онъ сидѣлъ, пригнувъ голову свою къ колѣнамъ. Рѣдко самъ могъ приподняться; но на все требовалась сторон-

ная помощь. Спалъ не много, и то тревожно. Какъ онъ былъ безсмысленъ, то и свойства онъ былъ спокойнаго и необидливаго. Въ первыхъ числахъ августа 1861 г., сестра его Варвара положила твердое обѣщаніе вести его съ собою въ Задонскъ. Съ большимъ трудомъ Варвара вела Василія. Почти цѣлый день едва могла она пройти съ нимъ двѣ версты, такъ какъ онъ, то ведомый ею, то самъ положивъ на нее руку свою, шелъ слабо, вяло и сгорбясь. Когда они вышли на воронежскую дорогу, то сторонніе, ѣхавшіе, изъ жалости и сострадания взяли ихъ на свою повозку и довезли до Воронежа. Отъ Воронежа также прошли они версты 4, но Василію было легче. Разные поклонники, ѣхавшіе въ Задонскъ, подвозили ихъ, кто сколько могъ. Такимъ образомъ они доѣхали до Задонска. Когда Варвара съ Васильемъ вошла въ церковь, и когда онъ приложился къ мощамъ святителя Тихона (куда Варвару не допустили, а только одного его, Василія), и когда онъ, приложившись къ мощамъ, подходилъ къ сестрѣ своей, то она замѣтила тотчасъ въ немъ перемѣну. Онъ началъ креститься, цѣловалъ крестъ, бывшій у него на груди, началъ ходить прямѣе, хотя держалъ при себѣ два костылька. Они прожили въ Задонскѣ полтора мѣсяца. Василій все болѣе и болѣе укрѣплялся въ ногахъ и сталъ ходить прямо. безъ всякой сторонней помощи. Изъ Задонска пошли они пѣшкомъ. Въ дождливое время ихъ кто либо подвозилъ. Изъ Задонска заходили въ Елецъ, изъ Ельца въ Ливны, и 23-го октября возвратились въ Старый Осколъ. Въ настоящее время глухонѣмый Василій, привыкшій болѣе другихъ къ сестрѣ своей Варварѣ, наставляемый отъ сестры знаками, сталъ молиться Богу, ходить съ нею въ церковь, можетъ самъ

предъ иконою поставить свѣчу, можетъ креститься и изрѣдка класть поклоны, цѣлуетъ часто на груди висящія у него иконы разныхъ святыхъ, пьетъ, ѣстъ, спитъ мало, но спокойно. Скоро онъ ходить не можетъ, но ходитъ прямо и тихо. Говорить и слышать не можетъ, а о нужномъ показываетъ иногда знаками. Ведетъ себя скромно.

Справедливость показанія о предшествующемъ состояніи глухонѣмаго Василія подтвердили многіе подъ присягою; и о настоящемъ его состояніи удостовѣрилъ своимъ подписомъ города Стараго Оскола соборный протоіерей Евфимій Казминскій.

XXIII.

Рязанской губерніи, ряжскаго уѣзда, села Уклова, временно-обязанная крестьянка г. Лопухина, Евдокія Иванова Аношина, 50 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Пять лѣтъ тому назадъ она въ сентябрѣ мѣсяцѣ родила сына Сергія и съ сихъ родовъ почувствовала онѣмѣніе во всемъ тѣлѣ,—съ груди до ногъ, такъ что ходить могла не иначе, какъ только съ помощію двухъ костылей. Болѣзнь сія еще болѣе усилилась съ пасхи того же года и въ продолженіи двухъ лѣтъ до пасхи же она не ходила, а постоянно лежала; ее поворачивали съ боку на бокъ. Послѣ сего въ пасхальную вечерню у нея на лѣвой ногѣ сталъ дѣйствовать палецъ—мизинецъ. Продолжая лежать въ постели безъ всякаго движенія, она молила Бога и святителя Николая Чудотворца, чтобы Господь далъ ей возможность дойти до храма Божія. Въ туже весну, въ первый день послѣ праздника святителя Николая Чудотворца, когда въ ихъ хра-

мѣ была боголюбская икона Божіей Матери изъ села Зимарова, раненбургскаго уѣзда, ей сильно захотѣлось быть въ храмѣ. По просьбѣ ея подняли ее съ кровати и подъ руки довели, или, вѣрнѣе, донесли до церкви. Въ церкви она просидѣла, согнувши ноги въ колѣнахъ, въ продолженіи всей обѣдни, будучи не въ состояніи подняться. Послѣ обѣдни она попросила отслужить молебенъ Божіей Матери, и изъ церкви ее опять привели подъ руки. Послѣ сего она почувствовала себя немного лучше, сама стала приподниматься на кровати и потихоньку могла спускаться съ оной; но ходить еще не могла. Въ послѣдствіи времени, она стала понемногу чувствовать себя все лучше и лучше: и наконецъ, съ большимъ трудомъ, при пособіи двухъ палокъ, могла ходить; но въ ногахъ всегда чувствовала сильнѣйшую боль, такъ что, по ея выраженію, ноги у нея какъ будто кипѣли въ чугунѣ. Въ такомъ положеніи она рѣшилась отправиться въ городъ Задонскъ къ открытію мощей святителя Тихона. Изъ Ухлова отправилась она вмѣстѣ съ своею сосѣдкою, крестьянкою, вдовою Анною Дмитріевою Морозовою и, по своему обѣщанію, рѣшилась идти пѣшкомъ. Въ теченіи трехъ дней, съ великимъ трудомъ она дошла до города Раненбурга наканунѣ Преображенія Господня. Изъ опасенія за слабость своего здоровья, въ городѣ Раненбургѣ въ праздникъ Преображенія онѣ пріобщились Святыхъ Таинъ. На другой день Преображенія вышла она изъ города Раненбурга и встрѣтила крестьянина, который везъ московскую, неизвѣстную ей, купчиху, также больную, коего и просила она подвезть ее. Крестьянинъ подвезъ ее верстъ 15 до того мѣста, гдѣ долженъ былъ повернуть съ дороги въ свою деревню. Съ сего

мѣста она пошла пѣшкомъ и чувствовала себя крайне усталою. Посему встрѣчавшихся попутчиковъ она просила подвозить ее. За 15 верстъ отъ Задонска она совершенно ослабѣла и не могла подняться. Въ такомъ положеніи ее привезли въ Задонскъ. Здѣсь она помѣстилась въ одной квартирѣ съ вышеумянутою купчихою. На другой день утромъ, 10-го числа августа, она, при помоши двухъ палокъ, съ большимъ трудомъ, пошла въ церковь, въ которой почивали неоткрытыя еще мощи святителя Тихона. По окончаніи ранней обѣдни, она приложилась къ ракѣ святыхъ мощей и пробыла то въ церкви, то около церкви до самаго вечера и возвратилась на квартиру. Въ пятницу, 11-го числа августа, она, при помощи палокъ, отправилась утромъ опять въ туже церковь и опять то въ храмѣ, то около онаго, пробыла до самаго вечера. Вечеромъ сего же 11-го числа, во время всенощнаго бдѣнія, она вдругъ почувствовала себя очень легко, такъ что и стоя молилась, и на колѣни становилась, и руки у нея поднимались какъ-то свободнѣе во время сей молитвы,—словомъ—она получила какъ будто новую жизнь. Изъ церкви, по окончаніи всенощнаго бдѣнія, она шла уже совершенно свободно, сначала съ одной палкой, а потомъ, приподнявъ оную, шла и безъ ея помощи. Не довѣряя самой себѣ, она и радовалась, и благодарила Бога и угодника Его святитителя Тихона. Въ субботу, 12-го числа августа, она уже свободно пришла изъ своей квартиры въ церковь и опять пробыла до вечера, то въ храмѣ, то около онаго. Въ день открытія мощей святителя Тихона она снова пробыла весь день въ храмѣ или около онаго, чувствовала себя здоровою и молилась Богу. Августа 14-го она отправилась домой съ своимъ односельцемъ, крестьяниномъ

Иваномъ Артамоновымъ Гоголинымъ, на его лошади, хотя могла идти пѣшкомъ. Въ настоящее время она чувствуетъ себя здоровою, боли въ ногахъ не имѣетъ, ходитъ безъ палокъ и занимается всѣми домашними работами.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мужъ и двѣ дочери болѣвшей и нѣсколько сосѣдей.

XXIV.

Орловской губерніи, мценскаго уѣзда, села Желабухи. государственная крестьянка Вѣра Иванова Вужукина. отъ роду 38 лѣтъ, подъ присягою показала, что она страдала съ 17 лѣтъ отъ рожденія бѣснованіемъ. Сія болѣзнь обнаруживалась въ ней такими припадками: по временамъ она кричала, рвала на себѣ платье, била себя, рвала у себя волосы на головѣ, и въ такомъ положеніи желала иногда лишить себя жизни. Такіе припадки случались съ нею и дома и въ церкви. Подобные припадки случались и въ тѣхъ мѣстахъ, куда ходила она на богомолье, какъ напримѣръ въ Оптиной и Жабынской пустыняхъ, въ Духовѣ монастырѣ и другихъ, особенно сіи припадки обнаружились въ Задонскомъ монастырѣ. Часа за два до открытія мощей святителя Тихона она билась, кричала разными голосами и впала наконецъ въ безпамятство. Во время обнесенія мощей святителя Тихона около монастыря она находилась въ народной толпѣ, ощутила сладостное благоуханіе и такое радостное состояніе, котораго никогда она прежде не чувствовала. Вскорѣ началось съ нею чиханіе, которое скоро прекратилось. Съ того времени она освободилась отъ бѣснованія и возвратилась домой здоровою.

Справедливость показанія подтвердили подъ прися-

гою несколько родственниковъ и сосѣдей и бывшая съ нею въ Задонскѣ крестьянка Варвара Алексѣева.

XXV.

Рязанской губерніи, данковскаго уѣзда, села Долгова бывшая однодворка, а нынѣ государственная крестьянка, дѣвица Елена Иванова Плетнева, 16 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Съ 12 съ половиною лѣтъ она, въ слѣдствіе прежде бывшей болѣзни, сдѣлалась больна ногами такъ, что въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ не могла не только ходить, но и владѣть ими. Постоянно она сидѣла. Для принятія Святыхъ Таинъ родные носили ее въ церковь, или, по крайней нуждѣ, въ домъ священника. Лѣвое колѣно ея было сведено; пятка лѣвой ноги пригибалась къ верху. На обѣихъ ногахъ было много ранъ. Изъ ступни лѣвой ноги отъ боли выпали три кости, величиною съ полвершка.

Къ открытію мощей святителя Тихона мать привезла ее въ Задонскъ. Въ пятницу, во время вечерни, мать ея, съ дѣвицею села Долгова, Ѳеклою Никифоровою, внесла ее на рукахъ въ церковь, гдѣ почивали мощи святителя Тихона и приложила ее къ ракѣ. Въ сіе время она тотчасъ почувствовала облегченіе въ ногахъ и, съ помощію матери и дѣвицы Ѳеклы, отошла отъ раки на своихъ ногахъ. На другой день въ субботу она была у заутрени и обѣдни и ходила къ онымъ съ помощію матери и дѣвицы Никифоровой. Двѣ ночи она ночевала около монастыря подъ открытымъ небомъ, въ теченіи коихъ она вставала сама и молилась Богу, обращая взоръ свой къ монастырю. Въ воскресенье, когда мощи святителя Тихона обносили около мона-

стыря, она на своихъ ногахъ приложилась къ мощамъ и получила совершенное исцѣленіе.

Съ сего времени раны на ея ногахъ начали мало по малу закрываться и въ настоящее время осталась одна только небольшая рана на лѣвой ногѣ. Къ ранѣ сей для размягченія прикладывается теплый творогъ.

Нынѣ, съ помощію палки, какъ въ церковь, такъ и всюду, куда нужно, она ходитъ свободно, и со дня на день ощущаетъ большее облегченіе.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мать, отецъ исцѣленной, вышеозначенная дѣвица Ѳекла и 6-ть человѣкъ сосѣдей.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ въ 5-й день февр. Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Св. Сѵнода о назначеніи ректора костромской семинаріи, архимандрита *Веніамина*, епископомъ селенгинскимъ, викаріемъ иркутской епархіи.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. бывшаго оберъ-прокурора Св. Сѵнода, Высочайше соизволилъ: 1) разрѣшить служившему въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ протоіерею *Дебольскому* носить наперсный крестъ съ каменьями, принесенный ему въ даръ совѣтомъ училища; 2) утвердить опредѣленіе Св. Сѵнода о возведеніи находящейся въ городѣ Челябинскѣ женской общины въ общежительный третьеклассный монастырь, подъ наименованіемъ Одигитріевскаго-Богородичнаго, и 3) утвердить опредѣленіе его же касательно принятія женской общины въ городѣ Троицкѣ, уфимской епархіи, подъ покровительство духовнаго и гражданскаго начальствъ.

— Опредѣленіями Св. Сѵнода положено преподать благословеніе: отъ 4-го января—почетному блюстителю по хозяйственной части при муромскомъ духовномъ училищѣ, муромскому почетному гражданину, Михаилу *Шведову*, за пожертвованіе въ пользу означеннаго училища 350 руб. сер.; отъ 1-го марта—почетному блюстителю по хозяйственной части при самарской семинаріи, самарскому 2-й гильдіи купцу, Василію *Буржеву*, за пожертвованіе на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ

187 руб. сер.; дѣйствительному статскому совѣтнику Валерію *Чарыкову*, за пожертвованіе на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ и на пріумноженіе ученической библіотеки 350 руб.; самарскому 3-й гильдіи купцу Михаилу *Лаптеву*, безмездно уступившему подъ помѣщеніе семинаріи на шестилѣтній срокъ передѣланную имъ въ жилье лавку, приносившую ему 200 руб. сер. въ годъ дохода; отъ 9-го февраля, за успѣшное и безмездное обученіе дѣтей мѣстныхъ жителей—заштатному священнику въ Смоленскѣ Ѳеодору *Пляшкевичу*, крестовоздвиженской церкви священнику Тимоѳею *Галенкину*, входоіерусалимской церкви, въ Вязмѣ, дьячку Якову *Смирягину*, николаевской церкви дьячку Ѳедору *Попову*, благовѣщенской церкви дьячку Ивану *Тулубьеву*, успенской церкви, въ Дорогобужѣ, діакону Ильѣ *Нечаеву*, сычевскаго уѣзда, села Короваева-Алмазова, священнику Іоанну *Ольховскому*, гжатскаго уѣзда, села Вырубова священнику Александру *Уклонскому*, бѣльскаго уѣзда, села Холма діакону Михаилу *Верзилову* и духовщинскаго уѣзда, села Кулагина, благочинному священнику Павлу *Чамову*.

Р. А., Е. І. пожертвовано въ пользу церковныхъ школъ, открытыхъ въ новосильскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, 100 экземпляровъ Евангелія на рускомъ языкѣ. Книги отосланы канцеляріею правленія академіи къ тульскому преосвященному.

Редакціею Христ. Чтенія получены 25 р. сер. отъ Е. Ѳ. въ пользу своекоштныхъ студентовъ академіи и переданы въ правленіе академіи.

Редакція Хр. Чтенія честь имѣетъ довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ, что въ ней можно получать *только тѣ книги*, о которыхъ объявляется на обертке журнала, начиная съ мартовской книжки настоящаго года.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VII.

О СВОБОДѢ ХРИСТІАНСКОЙ.

Идѣже Духъ Господень, говоритъ св. Апостолъ, *ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Но Духъ Господень есть Духъ любви, есть любовь совершеннѣйшая и самосущая: *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 16). Поэтому въ жизни и дѣятельности человѣка только тогда дышетъ духъ истинной свободы, когда всею его жизнію движетъ и управляетъ Духъ Христовъ, Духъ любви, или, что̀ одно и тоже, когда христіанинъ живетъ и дѣйствуетъ истинно по-евангельски, по-христіански.

Такимъ образомъ духовная, христіанская свобода также, какъ и истинная любовь къ Богу и человѣчеству, есть особенный, отличительный характеръ дѣятельности христіанской, тѣмъ съ бо̀льшею силою открывающійся въ жизни христіанина, чѣмъ болѣе онъ усвояетъ себѣ духъ Евангелія и сообразно съ нимъ располагаетъ свою жизнь,—есть особеннаго рода самостоятельность и независимость, которою обладаетъ только истинный хри-

стіанинъ, но которой вовсе не имѣютъ люди, чуждые ученія и духа Евангелія, хотя бы они не были ни кѣмъ стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ и пользовались самою полною внѣшнею свободою и независимостію: ибо *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34). Это состояніе духовнаго рабства, какъ болѣе обыкновенное и повсюдное, не всегда ясно сознаваемое, но всегда многими испытанное или испытываемое, можетъ отчасти объяснять противоположное ему состояніе духовно-нравственной, евангельской свободы.

Творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Въ обыкновенномъ смыслѣ рабомъ называется тотъ, кто не можетъ распоряжаться самимъ собою, не можетъ дѣлать то, чтó хочетъ самъ, чтó находитъ для себя наиболѣе лучшимъ и полезнымъ, сообразнымъ съ своими силами и способностями, наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣлямъ своей жизни, а долженъ состоять въ полномъ распоряженіи своего господина и сообразоваться единственно съ его волею и желаніями, какъ орудіе, какъ средство, долженъ служить цѣлямъ и потребностямъ его жизни, исполнять повелѣнія его, хотя бы они превышали его силы. Таково особенно было, за немногими исключеніями, несчастное состояніе рабовъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, водившемся духомъ эгоизма и самолюбія. Этимъ-то жалкимъ состояніемъ Евангеліе изображаетъ внутреннее, собственно нравственное состояніе человѣка, творящаго зло и неправду. И дѣйствительно, прослѣдите развитіе какого угодно порока въ душѣ и жизни человѣка, и вы замѣтите, что оно въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ постоянное, бóльшее и бóльшее, подчиненіе души и всѣхъ силъ ея игу тяжкому и неудобоносимому! Развращеніе человѣка часто начинается съ проступковъ

малыхъ, едва замѣтныхъ и, повидимому, извинительныхъ и простительныхъ. Но если онъ первымъ внушеніямъ и обольщеніямъ порока не противопоставитъ разумной осторожности, не послушается голоса совѣсти, а съ покорностію раба станетъ повиноваться и удовлетворять имъ; то они мало-по-малу образуютъ въ волѣ человѣка привычку, о которой справедливо говорятъ, что она—*вторая природа*, и притомъ часто крайне искажающая и извращающая истинную, настоящую природу человѣка: потому что она тѣлесныя и духовныя силы человѣка заставляетъ дѣйствовать не такъ, какъ требуетъ того природа ихъ и цѣль, для которой онѣ даны намъ, но совершенно вопреки тому и другому. Долговременная привычка переходитъ наконецъ въ погибельную страсть, около которой сосредоточивается вся внутренняя и внѣшняя жизнь человѣка: страсть управляетъ и движетъ его сердцемъ; страсть постоянно занимаетъ его умъ; страсть постоянно наполняетъ его воображеніе образами предметовъ, которыми она можетъ быть удовлетворяема; страсть тайно или явно, замѣтно или незамѣтно для другихъ, опредѣляетъ всѣ самыя внѣшнія отношенія его къ обществу. Онъ отдаетъ ей всего себя, всѣ свои силы, и душу, и тѣло; какъ рабъ злому и жестокому господину, онъ часто служитъ ей даже до крайняго изнуренія всѣхъ своихъ силъ, до потери здоровья и самой жизни. Таковы ужасныя слѣдствія духовно-нравственнаго рабства, иногда видимыя и во внѣшней жизни человѣка. Правда, долговременная привычка, незамѣтное подчиненіе этому духовному игу часто притупляютъ въ человѣкѣ чувство тяготы имъ, — подобно тому, какъ и внѣшнее долговременное рабство мало-по-малу пріучаетъ къ себѣ че-

ловѣка. Но бываютъ минуты, когда и въ самомъ порочномъ человѣкѣ пробуждается голосъ совѣсти, когда воспоминанія о его преступной жизни представляютъ ему во всей наготѣ его внутреннее безобразіе и внятно говорятъ его сознанію, какъ мало онъ жилъ и дѣйствовалъ истинно по человѣчески, какъ глубоко унизилъ самъ себя, какъ далеко отклонился отъ истинныхъ цѣлей своей жизни. При этомъ иногда пробуждается въ немъ желаніе измѣнить свою жизнь, сдѣлаться лучшимъ... Но здѣсь-то и оказывается часто, какъ велика власть страсти, укоренившейся въ душѣ человѣка и, подобно яду, отравившей всѣ ея силы; здѣсь-то не рѣдко обнаруживается во всей силѣ, какъ самъ по себѣ человѣкъ безсиленъ противостоять страсти, какъ часто онъ невольно и почти безсознательно покоряется ей, не смотря на то, что и умъ, и сердце, и совѣсть, и самый опытъ жизни ясно внушаютъ ему, что должно бороться со страстію, должно подавлять и побѣждать ее. Въ подобныя минуты и самъ онъ живо чувствуетъ и сознаетъ, что онъ—невольникъ и рабъ своей страсти!

Это состояніе духовнаго рабства разнообразится по различію внѣшняго состоянія и положенія людей, по различію того общества и тѣхъ обстоятельствъ жизни, среди которыхъ они находятся, по различію ихъ природныхъ расположеній и характеровъ, равно какъ тѣхъ страстей и пороковъ, которымъ они бываютъ преданы. Но всегда оно въ своемъ существѣ и въ своихъ слѣдствіяхъ во всѣхъ людяхъ одинаково. Страсть разврата порабощаетъ себѣ умъ и всѣ силы души человѣка, изнуряетъ самое его тѣло: подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ на человѣка и страсть безмѣрнаго честолюбія, не дающая честолюбивому покоя ни днемъ, ни ночью.

Зависть къ счастію и благоденствію другихъ также мучитъ бѣдняка, также безпокоитъ и терзаетъ его сердце, какъ и безумная страсть — богатаго скупца, приковывающая его къ бездушному сокровищу и заставляющая изнывать надъ нимъ день и ночь. Женщина, крайне пристрастившаяся къ нарядамъ и удовольствіямъ свѣта, проживающая на нихъ состояніе мужа и дѣтей, ради нихъ забывающая обязанности матери семейства, въ существѣ дѣла точно также жалка, также подавлена своею страстію и покорена ей, какъ и игрокъ, готовый принести въ жертву своей страсти послѣднее достояніе своего семейства. Торговецъ, привыкшій обманомъ выманивать деньги у своихъ покупателей, судія, привыкшій торговать закономъ, также жалки въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, какъ и воръ—въ своей, а иногда и болѣе, — въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаютъ обманъ и лихоимство не по какой либо вопіющей нуждѣ, а единственно ради прихотей, ради удовлетворенія другихъ своихъ страстей и грѣховныхъ привычекъ. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ состояніе духовнаго рабства бываетъ тѣмъ тяжелѣе и ужаснѣе, чѣмъ болѣе страстей и злыхъ похотей, взаимно усиливающихъ и подкрѣпляющихъ одна другую, подавляющихъ и угнетающихъ душу человѣка!...

Всѣхъ такихъ плѣнниковъ и рабовъ грѣха Божественный Начальникъ и Совершитель нашей Вѣры призываетъ къ Себѣ и обѣщаетъ дать имъ покой и миръ, изъ плѣна и рабства возвести ихъ въ состояніе духовной, блаженной свободы: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28).

Какимъ же образомъ Господь даетъ духовную свободу приходящимъ къ Нему и ищущимъ у Него успокоенія?

Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха, и какъ *никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 45), то люди, по самой падшей природѣ, всѣ плѣнники и рабы грѣха, подлежащіе вѣчному наказанію и осужденію. Ужасную тяготу этого всеобщаго рабства отъ лица всего человѣчества выражаетъ Апостолъ, когда говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)?—Избавить человѣка отъ этаго состоянія силенъ только Тотъ, кто самъ *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Исаіи 53, 9). Принявъ на Себя наше естество, кромѣ грѣха, Онъ своими спасительными страданіями и крестною смертію избавляетъ и насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, своимъ живоноснымъ воскресеніемъ подаетъ и намъ надежду воскресенія въ новую духовную жизнь, *отъ работы истлѣнія* открываетъ и намъ путь въ вѣчную, блаженную *свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21). Здѣсь—залогъ, здѣсь—основаніе духовной, спасительной свободы всего человѣчества! *Той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и всего міра* (1 Іоан. 2, 2). *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13). Для сего Онъ ниспослалъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него Духа Святаго, Духа Утѣшителя, усвояющаго имъ безконечныя заслуги Христа—Спасителя, таинственно возраждающаго ихъ въ новую духовную жизнь, изъ чадъ гнѣва, изъ рабовъ грѣха содѣлывающаго ихъ чадами Божіими, подающаго имъ *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), укрѣпляющаго ихъ въ борьбѣ со всякимъ зломъ и неправдой. И только тамъ можетъ быть истинная свобода, *идѣже Духъ Господень*!

Но въ этомъ великомъ, прежде всего и болѣе всего Божіемъ, дѣлѣ духовнаго освобожденія человѣка, и его личная самостоятельность, прирожденная ему свобода избирать между добромъ и зломъ не должны оставаться недѣятельными, а напротивъ должны принять участіе въ немъ,—и оно такъ необходимо, что безъ него никакимъ образомъ не можетъ совершиться духовное освобожденіе человѣка. Къ этому участію призываетъ людей самъ Христосъ Спаситель, когда, обращаясь ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, говоритъ имъ: *пріидите ко Мнѣ*!—Чтобы пріобрѣсть духовную свободу, надобно *пріити* ко Христу—Спасителю, надобно вѣровать всѣмъ сердцемъ слову Евангелія, надобно надѣяться и уповать, что непреложный въ словесѣхъ своихъ Господь подлинно дастъ плѣненнымъ свободу, во всей полнотѣ и силѣ исполнитъ свое великое обѣтованіе: *аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете* (Іоан. 8, 36).—Другое, столь же необходимое условіе для полученія духовной свободы, требуемое самимъ Христомъ-Спасителемъ, это—наша покорность Его ученію, наше искреннее и постоянное желаніе исполнять Его Божественный законъ и жить сообразно съ нимъ: *возмите иго мое на себе... и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть* (Матѳ. 11, 29. 30). Онъ называетъ свой божественный законъ игомъ, но это иго—*благое* и *легкое*, не порабощающее, но освобождающее,—нѣкоторое *иго* въ отношеніи къ трудамъ, которые человѣкъ долженъ понести при борьбѣ съ искушеніями своихъ страстей, но свобода въ отношеніи къ тѣмъ высокимъ утѣшеніямъ благодати, къ тому *покою души*, къ тому миру сердца и совѣсти, которымъ наслаждается истинный христіанинъ,—нѣкоторое *иго*, когда этотъ за-

конъ еще не вполнѣ воцарился въ нашей жизни и дѣятельности, но высокая свобода, когда онъ уже сдѣлался закономъ жизни, ея источникомъ и началомъ; ибо тогда *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), потому что поступать по этому закону для него есть тоже, чтó и дѣйствовать по собственнымъ мыслямъ, чувствованіямъ и желаніямъ. Объ этой-то высокой свободѣ духа, обрѣтаемой въ исполненіи божественнаго закона, говоритъ Царь-Пророкъ: *хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди твоя взысках*ъ (Псал. 118, 45)!

И дивно ли, что человѣкъ въ исполненіи закона божественнаго находитъ истинную широту, истинную свободу духа, вполнѣ достойную существа разумно-свободнаго? — Всевѣдущій Законодатель нашъ знаетъ природу человѣка такъ, какъ никогда не можетъ знать ее самъ человѣкъ, при помощи своей, умозрительной и опытной, премудрости. Поэтому нравственный законъ, даруемый Богомъ человѣку, есть въ существѣ своемъ не что иное, какъ живое, самое вѣрное и полное выраженіе истинно-нравственныхъ потребностей человѣчества, есть, такъ сказать, полный и живой образъ дѣятельности, вполнѣ сообразной съ существенными потребностями нашей тѣлесной и духовной природы, есть живой образъ самаго же человѣка съ его духовно-нравственной стороны, дѣйствующаго истинно по человѣчески,—разумно и свободно.

Если мы обратимъ вниманіе на жизнь и дѣятельность всѣхъ истинныхъ послѣдователей Евангелія, всѣхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія: то дѣйствительно примѣтимъ, что жизнь ихъ подлинно была запечатлѣна характеромъ той высокой, чудной свободы духа, той самостоятельности и независимости, которую мо-

жетъ дать человѣку только одно христіанство, и которая подлинно уподобляетъ его Богу — существу высочайше свободному и независимому. Въ ликѣ святыхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія мы находимъ людей всѣхъ званій и состояній, различныхъ характеровъ и образованія,—царей и подданныхъ, владѣтелей и рабовъ, пастырей и пасомыхъ, міранъ и пустынниковъ, людей, обладавшихъ огромными богатствами, и бѣдняковъ, не имѣвшихъ ни крова, ни одежды, мужчинъ и женщинъ, преклонныхъ лѣтами старцевъ и цвѣтущихъ юношей. Но при всѣхъ этихъ внѣшнихъ различіяхъ, мы видимъ, что одинъ и тотъ же духъ евангельской свободы, точно также, какъ и духъ любви, также, какъ и ревность о Вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ, одушевляетъ всю ихъ жизнь и дѣятельность. На высотѣ земнаго величія они были чужды гордости и своенравія, никѣмъ не стѣсняемые и непринуждаемые, тѣмъ не менѣе они управляли своими дѣйствіями сообразно съ требованіями закона и совѣсти, умѣли возноситься выше всякихъ порывовъ гнѣва, личныхъ расчетовъ и страстей. Въ состояніи подчиненія и зависимости они были смиренными и покорными исполнителями повелѣній власти, но безъ раболѣпства и угодничества человѣческимъ прихотямъ и страстямъ. Безъ гордости и превозношенія они возвѣщали истину Евангелія людямъ бѣднымъ и смиреннымъ: безъ лести и лукавства они говорили ее и царямъ и вельможамъ; обличали пороки и нравственное растлѣніе людей простыхъ, отъ которыхъ ничего не надѣялись, равно какъ и ничего не боялись, но возвышали голосъ обличенія и противъ злоупотребленій, совершаемыхъ сильными и великими міра сего, хотя бы и предвидѣли, что ихъ ожидаетъ

гнѣвъ и немилость. Они умѣли по справедливости оцѣнивать достоинства и доблести людей знаменитыхъ, но еще выше ставили нравственное достоинство человѣка, хотя бы и прикрытое рубищемъ нищаго. Они умѣли воздавать должное наукѣ и просвѣщенію, но въ тоже время боролись со всякою лжеименною мудростію, взимавшеюся на разумъ Божій; высоко уважали христіанскую простоту ума и сердца, но въ тоже время съ силою противостояли всякому грубому невѣжеству со всѣми его предразсудками и суевѣріями. Въ вѣка всеобщаго растлѣнія и разврата не только сами не увлекались рабскимъ подражаніемъ общему примѣру, но силою своего слова, характера и примѣра обращали и другихъ на путь спасенія. Въ минуты общественныхъ, народныхъ бѣдствій, опустошительныхъ войнъ, губительныхъ язвъ, когда всѣ унывали и падали духомъ, теряли спокойствіе и благоразуміе, они стояли выше всѣхъ скорбей и бѣдствій, являлись ангелами утѣшителями бѣдствующихъ, и, хотя часто сами плакали и рыдали, смотря на бѣдствія своихъ братій, но въ тоже время, съ полною свѣтлостію ума, съ обдуманностію и благоразуміемъ изыскивали и находили средства къ облегченію ихъ участи. Окруженные богатствомъ и довольствомъ, они умѣли находить должную границу своимъ желаніямъ, и были чужды необузданной роскоши и изнѣженности; въ крайней нищетѣ и бѣдности умѣли переносить ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ и мужествомъ, безъ зависти къ богатству и изобилію другихъ; а иногда и добровольно отдавали свои богатства неимущимъ и бѣднымъ, сами избирая нищету ради царствія небеснаго. Въ здоровьѣ и крѣпости тѣлесныхъ силъ трудились постоянно и неутомимо; но и въ не-

мощи и старости не теряли мужества и бодрости духа. При самыхъ внезапныхъ переворотахъ счастія, при самыхъ тяжкихъ ударахъ жизни, которыми Провидѣніе испытывало ихъ, они хотя страдали, подобно Іову, но не падали духомъ, въ оковахъ и темницѣ были также нравственно-мужественны и неодолимы, какъ и среди всеобщаго уваженія, среди почестей и достоинствъ общественныхъ; подъ ударами гонителей, въ истязаніяхъ и мученіяхъ, были также тверды и непоколебимы въ исповѣданіи евангельской истины, какъ и въ самыя мирныя времена благоденствія и торжества св. Церкви. Среди суеты и шума богатыхъ и многолюдныхъ городовъ также умѣли находить единое на потребу и стоять выше всѣхъ обольщеній и искушеній свѣта, какъ и среди непроходимыхъ и необитаемыхъ пустынь. Такова жизнь истинныхъ послѣдователей Христа-Спасителя, всегда проникнутая духомъ христіанской свободы и независимости, всегда возвышающаяся надъ побужденіями грѣховными, страстными, плотскими, дѣлающая человѣка всегда способнымъ управлять самимъ собою,— царемъ и владыкой себя самаго, живымъ подобіемъ Существа высочайше независимаго и свободнаго!

Само собою очевидно, что эта евангельская свобода не есть въ существѣ своемъ одно и тоже съ такъ называемою свободою гражданскою; потому что она равно и одинаково можетъ быть достояніемъ всѣхъ,—царя и подданнаго, раба и господина, вельможи и простаго ремесленника, пользующагося всѣми правами гражданства, равно какъ почему либо лишеннаго ихъ, — словомъ: людей всѣхъ званій, сословій и состояній. — Но если она — не одно и тоже съ свободою гражданскою: то имѣетъ ли какое либо отношеніе къ ней?

Въ человѣкѣ есть непреодолимое желаніе свободы и независимости, и потому онъ ищетъ ея, между прочимъ, и въ быту гражданскомъ, въ своемъ общественномъ положеніи. Но если гдѣ, то здѣсь нужно искать ея болѣе всего при руководствѣ Евангелія, при непрестанномъ памятованіи силы и духа истинно-христіанской, духовной свободы человѣка. Иначе,—каковы бы ни были сами по себѣ общественныя учрежденія и постановленія, — самая свобода гражданская для однихъ будетъ служить только средствомъ къ бо́льшему порабощенію и угнетенію своихъ ближнихъ; для другихъ—предлогомъ къ своеволію и буйству.

Начальствующій и управляющій, безъ сомнѣнія, пользуется бо́льшею свободою сравнительно съ тѣми, надъ которыми онъ начальствуетъ. Но если при этомъ онъ не имѣетъ истинной, достойной христіанина, свободы духа, если онъ—рабъ своихъ страстей и похотей, своего самолюбія и своенравія: тогда его личная свобода и независимость бываетъ въ отношеніи къ подчиненнымъ источникомъ бо́льшаго порабощенія ихъ, угнетенія и униженія: потому что тогда онъ часто требуетъ не того, чего требуетъ законъ, но что внушаютъ ему его злыя страсти и прихоти,—требуетъ не одного должнаго повиновенія себѣ, но и безпрекословнаго исполненія всѣхъ своихъ желаній, хотя бы самыхъ преступныхъ и противозаконныхъ.—Вотъ источникъ всякаго превышенія власти и злоупотребленія ею, всякаго неправильнаго и противозаконнаго преобладанія въ общественной жизни однихъ людей надъ другими! Напротивъ, если духъ евангельской свободы одушевляетъ христіанина и ставитъ его выше всякаго самообольщенія и самозабвенія, всякой гордости и тщеславія; то

какъ бы ни были важны его права, какъ бы ни была велика и обширна его власть, — она никогда не прострется на законныя права другихъ, никогда не стѣснитъ свободы ихъ совѣсти, никогда не посягнетъ на ихъ общественную честь и положеніе. Словомъ: гдѣ преобладаетъ духъ нравственнаго рабства, тамъ онъ чрезъ людей, въ которыхъ дѣйствуетъ, усиливается распространить свое владычество и на другихъ. Напротивъ духъ евангельской, христіанской свободы и въ общественной жизни охраняетъ неприкосновенность правъ другихъ людей, ни на кого не дѣйствуетъ насильно и принудительно, исключая тѣхъ случаевъ, когда видитъ, что одни усиливаются подавить права и свободу другихъ и когда онъ необходимо, по самому существу своему и характеру, долженъ, сообразно съ требованіями закона, употребить и силу, чтобы защитить общественную свободу и безопасность. Такъ, напримѣръ, дѣйствуетъ судья, когда лишаетъ гражданской свободы обманщика, хищника, или убійцу.

Если со стороны начальствующихъ и обладающихъ злоупотребленіе свободой и независимостію своего общественнаго положенія обнаруживается въ превышеніи власти; то со стороны подчиненныхъ и управляемыхъ оно обнаруживается неповиновеніемъ законнымъ требованіямъ власти, нарушеніемъ самыхъ священныхъ и неприкосновенныхъ правъ начальствующихъ и управляющихъ. То и другое въ существѣ своемъ — одно и тоже; и только въ отношеніи къ злоупотребляющимъ лицамъ различается своими названіями, — одно называется именемъ деспотизма, угнетенія, другое — буйства, своеволія, хотя и первое можетъ быть названо своеволіемъ и буйствомъ высшихъ въ отношеніи къ

низшимъ, и послѣднее — деспотизмомъ низшихъ, угнетеніемъ ими высшихъ. И если гибельно въ отношеніи къ общественному благоденствію незаконное преобладаніе нѣкоторыхъ лицъ: то не менѣе, а иногда еще болѣе гибельно и разрушительно своеволіе и буйство народа, распаляемаго своими страстями, слѣпо повинующагося имъ, ищущаго свободы, но въ тоже время вовсе чуждаго свободы духа, не умѣющаго и не могущаго управлять самимъ собою. Въ подобныхъ случаяхъ мнимая свобода народа часто ведетъ къ самымъ величайшимъ жестокостямъ и насиліямъ. Такая-то лживая свобода въ одной изъ образованнѣйшихъ странъ Европы нѣкогда попрала самыя неприкосновенныя и священныя права семейныя и общественныя, произвела неслыханныя звѣрства и жестокости, предавъ сотни тысячъ людей невинныхъ смертной казни, стѣснила самую свободу совѣсти всенароднымъ отверженіемъ и поруганіемъ христіанства. И „вездѣ, говоритъ одинъ изъ пастырей нашей церкви, гдѣ не доставало свободы христіанской,—свободы ума и сердца отъ страстей, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась только на краткое время. Буйство страстей, свергнувъ всѣ узы, вскорѣ само на себя налагало новыя, многочисленнѣйшія,—свергнувъ нерѣдко узы мнимыя, налагало дѣйствительныя,—свергнувъ благотворныя и необходимыя, налагало совершенно излишнія и гибельныя,—свергнувъ благое иго закона, порядка и человѣколюбія, налагало рабскій яремъ безначалія и тиранства“ (1).

(1) Преосв. Иннок. въ словѣ на день рожденія Государя Императора Николая Павловича, сказанномъ въ кіевопеч. лав. 1833 г. 25-го іюня.

Такимъ образомъ не трудно видѣть и понять, въ чемъ собственно заключается отношеніе духовной, христіанской свободы къ свободѣ гражданской. Христіанство, какъ религія совершеннѣйшей любви и духовной свободы, поставляющая человѣка выше всѣхъ страстей и расчетовъ своекорыстія и самолюбія, тѣмъ самымъ и въ обществѣ гражданскомъ побуждаетъ его дѣйствовать въ духѣ самоотверженія, милосердія, человѣколюбія, — побуждаетъ, не стѣсняя правъ, не умаляя преимуществъ и выгодъ однихъ лицъ и сословій, улучшать, гдѣ того требуетъ законъ любви и милосердія, общественное положеніе другихъ. Такъ, напримѣръ, дѣйствовало христіанство въ уничтоженіи рабства въ христіанскихъ государствахъ. Такимъ образомъ духъ свободы христіанской поддерживаетъ и развиваетъ въ христіанскихъ обществахъ духъ свободы гражданской, и притомъ производитъ это безъ всякихъ смятеній и общественныхъ переворотовъ. Онъ не разрушаетъ общественнаго порядка, но только усовершаетъ и улучшаетъ этотъ порядокъ, болѣе и болѣе приближая его къ духу Евангелія, измѣняя то, чтó можетъ быть измѣнено къ лучшему, постепенно, мирно и тихо, какъ свойственно дѣятельности истинно-разумной и свободной, отмѣняя то, чтò не сообразно съ этимъ духомъ. „Оставляя порядокъ всѣхъ званій гражданскихъ неприкосновеннымъ, истинное христіанство симъ самымъ не благопріятствуетъ однако же нисколько духу преобладанія и порабощенія. Напротивъ вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто вѣщалъ небоязненно истину предъ Тиверіями и Неронами, когда самые Буры и Сенеки

умолкли? Истинные христіане! Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ зрѣлищахъ гладіаторскихъ, куда стремились люди, хвалившіеся тонкимъ вкусомъ и образованіемъ? Христіане! Кто наиболѣе искуплялъ плѣнныхъ, и своихъ и чужихъ, у варваровъ, и самыхъ варваровъ потомъ отучилъ всѣхъ плѣнныхъ обращать въ рабовъ? Христіане! Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ, во всѣхъ ея видахъ? Изъ христіанства! Какіе народы пользуются наибольшею свободою? — Христіанскіе! И такое благотворное дѣйствіе на свободу гражданскую христіанство произвело тогда, когда бòльшая часть христіанъ суть христіане только по имени. А что было бы, если бы, вмѣсто блистательныхъ умозрѣній, распространилось и усилилось дѣятельное христіанство между людьми" (1)?

Чтобы утвердить и укрѣпить такое благотворное вліяніе свободы христіанской на гражданскую и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить христіанъ отъ всякихъ злоупотребленій именемъ свободы, слово Божіе внушаетъ имъ, чтобы они строго различали свободу отъ свободы, — истинную отъ ложной, самоуправство и произволъ отъ дѣйствій хотя самостоятельныхъ и независимыхъ, но въ тоже время справедливыхъ и законныхъ: *яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу* (1 Петр. 2, 16); *вы бо на свободу звани бысте, братіе: точію да не свобода ваша въ вину плоти, но любовію работайте другъ другу* (Гал. 5, 13).

Ѳ. Надеждинъ.

---

(1) Преосв. Иннок. тамъ же.

II.

РАЗБОРЪ СУЖДЕНІЙ

НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О НОЕВОМЪ ПОТОПѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ (1).

II.

Слово Божіе, ясно открывая намъ, что Ноевъ потопъ былъ всемірнымъ или всеобщимъ на землѣ, въ тоже время неизбѣжно внушаетъ мысль, что онъ былъ *единственнымъ* въ своемъ родѣ, т. е. такимъ, которому подобнаго никогда не было отъ сотворенія міра до временъ праотца Ноя. Оно поставляетъ этотъ потопъ въ столь близкомъ отношеніи къ шестидневному сотворенію міра, что между первымъ и послѣднимъ событіемъ читающій библію не можетъ и подозрѣвать никакого подобнаго событія во времена первобытныя. Приступая къ описанію потопа, оно говоритъ: *и помысли Богъ, яко сотвори человѣка на земли, и размысли. И рече Богъ: потреблю человѣка, егоже сотворихъ, отъ лица земли, отъ человѣка даже до скота, и отъ гадъ даже до птицъ небесныхъ: зане размыслихъ, яко сотворихъ я. Ное же*

---

(1) Первый отдѣлъ этого разбора см. въ Христ. Чтеніи 1861 года за мѣсяцъ ноябрь.

обрѣте благодать предъ Господемъ Богомъ (Быт. 6, 6—8). Какъ одинъ только разъ Богъ сотворилъ всѣ исчисленныя здѣсь твари, такъ одинъ же разъ Онъ рѣшился и истребить ихъ такъ, какъ истребилъ при праведномъ Ноѣ. Это убѣжденіе неизмѣнно внушается не только здѣсь, въ книгѣ Бытія, но и во всѣхъ прочихъ книгахъ св. Писанія. Нигдѣ въ словѣ Божіемъ нѣтъ никакого намёка на другія подобныя событія, но вездѣ, гдѣ только говорится о Ноевомъ потопѣ, онъ представляется *единственнымъ* такъ же, какъ одинъ только жилъ на землѣ праотецъ Ной, или какъ одинъ только былъ первобытный міръ, по выраженію св. апостола Петра: *и перваго міра не пощаде Богъ, но осмаго Ноа правды проповѣдника сохрани, потопъ міру нечествовавшихъ наведе* (2 Петр. 2, 5. Сравн. Псал. 28, 10. Прем. 10, 4. Сирах. 44, 16. 17. Матѳ. 24, 38. Лук. 17, 27. 1 Петр. 3, 20. Евр. 11, 7). Между тѣмъ многіе изъ новѣйшихъ естествоиспытателей, и притомъ изъ тѣхъ самыхъ естествоиспытателей, которые на основаніи неопровержимыхъ фактовъ природы находятъ необходимымъ допустить всеобщность бывшаго нѣкогда на землѣ наводненія, смотрятъ на это событіе не какъ на единственное въ своемъ родѣ, но какъ на одно изъ многихъ подобныхъ событій на земномъ шарѣ, называемыхъ у нихъ геологическими переворотами; находя же въ сказаніи бытописателя Моисея о Ноевомъ потопѣ обстоятельства не благопріятствующія такому взгляду, геологи вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаютъ сомнѣнію и буквальный смыслъ Моисеева сказанія, или по крайней мѣрѣ предоставляютъ всякому разумѣть подъ нимъ, чтó кому угодно [1].

---

[1] *Кювье* (Cuvier), высказавъ мысль, что земля наша была жертвою всеобщаго переворота отъ наводненія не дальше, какъ за шесть тысячь

Главныя основанія, по которымъ считаютъ всеобщее наводненіе на землѣ, бывшее около времени упоминаемаго въ св. Писаніи Ноева потопа, однимъ изъ нѣскольнихъ геологическихъ переворотовъ, суть слѣдующія:

a) Признаки всеобщаго наводненія на землѣ,—говорятъ геологи,—болѣе свойственны могущественнѣйшему и продолжительнѣйшему перевороту при естественномъ образованіи земной коры, нежели кратковременному и какъ бы случайному потопу при праведномъ Ноѣ. Особенно необыкновенная громадность этихъ признаковъ представляетъ такое явленіе, которое трудно или даже невозможно объяснить Ноевымъ потопомъ въ томъ видѣ, какъ онъ изображается въ св. Писаніи, т. е. дѣйствіями воды, поднимавшейся на землѣ мало по малу, относительно спокойнымъ образомъ (allmählig, verhältnissmässig ruhig). Слѣдовательно, подъ образомъ библейскаго всемірнаго потопа надобно разумѣть

лѣтъ до нашего времени, полагалъ, что она подвергалась этому, по крайней мѣрѣ, пять или шесть разъ (Le Discours prélim. sur les ossements fossil. 1825. pag. 139 и дал.). *Букландъ* (Buckland), собравъ въ сочиненіи своемъ Reliquiae Diluvianae множество доказательствъ всемірнаго наводненія, въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи: Geology and Mineralogy привелъ нѣсколько доказательствъ принятаго имъ мнѣнія, будто это наводненіе было послѣднимъ изъ многихъ геологическихъ переворотовъ (Revolutions). *Бубе* (Boubée), приписывающій бывшее на землѣ наводненіе *одной и той же причинѣ, одному и тому же времени и одному и тому же событію*, въ сочиненіи своемъ: Manuel géologique, называетъ его le Déluge des gèologues въ отличіе отъ потопа Моисеева. A. *Вагнеръ* (Wagner), показавшій единство указываемаго природою наводненія съ упомянутымъ въ Словѣ Божіемъ потопомъ въ 1-мъ изданіи своей Geschichte der Urwelt, 1845 г., во второмъ изданіи того же сочиненія, 1847 г., послѣдовалъ позднѣйшему мнѣнію Букланда. *Курцъ* (Kurtz), раздѣляя ихъ мнѣніе, исчисляетъ его доказательства въ Bibel und Astron. 4. Aufl. 1858. pag. 435—441.

естественный переворотъ въ одну изъ геологическихъ эпохъ (¹).

Не касаясь въ настоящемъ случаѣ самой идеи о геологическихъ переворотахъ вообще, въ отвѣтъ на приведенное сужденіе мы находимъ нужнымъ сказать, что періодъ времени, въ который появились на земной поверхности слѣды всеобщаго наводненія, отдѣльно самъ по себѣ, не можетъ быть названъ эпохою геологическою въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще принимается это выраженіе у естествоиспытателей.

Существенными принадлежностями такъ называемыхъ геологическихъ эпохъ считали и еще считаютъ: α) не столько самое разрушеніе всего существовавшаго прежде на земной поверхности, сколько съ одной стороны развитіе физической жизни на землѣ еще прежде внезапнаго губительнаго переворота; а съ другой стороны слѣдовавшее за такимъ разрушеніемъ правильное наслоеніе изъ разнороднаго матеріала новыхъ пластовъ и формацій, съ остатками растеній и животныхъ, окаменѣвшими въ послѣдствіи времени; такимъ образомъ эти эпохи принимаются болѣе за времена созиданія и правильнаго возрастанія земной коры, отъ чего она и достигла настоящаго своего вида и состава. Но совершенно не то представляютъ намъ слѣды всеобщаго наводненія на землѣ въ періодъ *дилювіальный*; всѣ они до такой степени нестройны и разсѣяны на земной поверхности,—какъ выставляютъ это на видъ и противники всеобщности Ноева потопа,—что въ нихъ нельзя находить никакихъ признаковъ созиданія, но только

(¹) Kurtz — въ указанн. сочин. стр. 438. Ср. Buckland-s Geology and Mineralogy. Tom 1. pag. 94—110.

одного разрушенія и разстройства вещей, существовавшихъ прежде. Самые диллювіальные наносы, или массы песку, глинъ и щебня, которыя здѣсь ближайшимъ образомъ должны быть поставлены въ сравненіе съ древнѣйшими формаціями, служатъ ближайшимъ опроверженіемъ мнѣнія о сходствѣ ихъ съ этими формаціями, и слѣдовательно о сходствѣ причинъ, которыя произвели ихъ; составляя первый и болѣе всеобщій признакъ бывшаго нѣкогда на землѣ наводненія, они вовсе не походятъ на тѣ правильные осадки, которые послужили къ образованію земной коры, но безсвязностію своего внутренняго состава и разбросанностію своего внѣшняго расположенія ясно обнаруживаютъ одно безпорядочное разрушеніе, безъ всякаго созиданія. Это очевидно изъ фактическихъ описаній, какими изображаютъ дилювіальныя массы наносовъ сами геологи. „Въ ихъ толщахъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—рѣдко замѣтно правильное расположеніе составныхъ частей; песокъ, глина, округленные голыши болѣе твердыхъ породъ, чаще перепутаны въ массѣ наносовъ и только самая общая сортировка замѣтна тѣмъ, что круглѣйшіе валуны лежатъ обыкновенно поверхъ всей толщи; на обрывахъ наносныхъ холмовъ иногда замѣтны слѣды различныхъ стланей, но при внимательномъ разсматриваніи оказывается, что пласты очень коротки, безпрестанно выклиниваются, попеременно перехватываются на разныхъ горизонтахъ, какъ пальцы одной руки, всунутые между пальцами другой; очень рѣдко замѣтно въ нихъ горизонтальное отложеніе по закону тяжести, по большей же части положеніе ихъ или согласуется съ неровностями подпочвы, или они образуютъ изогнутые, волнистые или сводообразные пласты, облекающіе другъ

друга. Такое устройство наносовъ ясно увѣряетъ, что они образовались изъ крошекъ разрушенныхъ болѣе твердыхъ породъ и принесены на теперешнія мѣста ихъ болѣе или менѣе порывистыми, безпорядочными токами водъ" (1). При такомъ описаніи припомнимъ устройство формацій земной коры, предшествовавшихъ времени всеобщаго наводненія и послужившихъ матеріаломъ для дилювіальныхъ наносовъ, и мы не усумнимся допустить рѣшительное отличіе послѣднихъ отъ первыхъ. Первыя вообще представляютъ однородность своего образованія (sont homogénes), параллелизмъ въ расположеніи слоевъ и пластовъ, спокойное кристаллизованіе и осажденіе породъ и пр., т. е. такія свойства, которыя, по убѣжденію всѣхъ новѣйшихъ естествоиспытателей, никакъ не могутъ быть объяснены какимъ-нибудь внезапнымъ наводненіемъ, подобнымъ Ноеву потопу, какъ думали въ прошедшемъ столѣтіи (2). Если же такъ, то противоположныя свойства дилювіальныхъ наносовъ, разнородность (sont heterogénes), несвязность, безпорядочность, не служатъ ли очевиднымъ доказательствомъ того, что они произошли совершенно отъ другой причины, а не отъ тѣхъ, которымъ обыкновенно все приписывается въ геологіи, и что они скорѣе суть слѣды какого-нибудь внезапнаго наводненія, подобнаго Ноеву потопу? β) Далѣе

(1) Профес. Ст. Куторга въ Естест. Истор. земной коры, стр. 378 и 380. изд. С. П. Б. 1858 г.

(2) *Woodward* въ сочиненіи своемъ: Essay towards a natural history of the earth, 1695 г., слѣдующіе за нимъ *Burnet* въ своей Théorie de la terre, *Whiston* въ Nouvelle Theorie de la terre, и многіе другіе доказывали, что всѣ формаціи земной коры и заключающіеся въ нихъ окаменѣлые остатки суть слѣдствія Ноева потопа; а разсматриваемые нами геологи не хотятъ приписать Ноеву потопу и слѣдовъ дилювіальнаго разрушенія. Первые приписываютъ ему все, послѣдніе — ничего. Слишкомъ рѣзкій переходъ сужденій отъ одной крайности къ другой

необходимою принадлежностію каждой геологической эпохи полагается чрезвычайная, изчисляемая цѣлыми десятками тысящелѣтій, продолжительность какъ развитія животной и растительной жизни прежде разрушительнаго переворота, такъ и образованія осадочныхъ пластовъ и формацій послѣ этого переворота,—чѣмъ обыкновенно объясняютъ и чрезвычайныя толщи горныхъ породъ и многочисленность внѣдренныхъ въ нихъ окаменѣлыхъ остатковъ органическихъ тварей. Но сколько бы мы ни ограничивали продолжительность эпохъ, предшествовавшихъ дилювіальному періоду (на что̀ впрочемъ согласится не всякой изъ геологовъ), во всякомъ случаѣ съ этой точки зрѣнія самихъ естествоиспытателей весьма ясно открывается рѣшительное несходство послѣдняго съ первыми. Въ составѣ дилювіальныхъ формацій вообще и въ частности признаковъ древняго наводненія въ этотъ періодъ времени, ни на одной мѣстности земнаго шара не встрѣчается ни такой толщины, какою отличаются нѣкоторыя изъ формацій первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ, ни той постепенности образованія, какая усматривается во всѣхъ другихъ осадочныхъ породахъ и доказываетъ бо̀льшую или меньшую продолжительность ихъ образованія; а напротивъ одни изъ упомянутыхъ признаковъ отъ чрезвычайной продолжительности времени скорѣе уничтожились бы, нежели сохранились бы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ настоящее время, напримѣръ *обнаженныя лощины*, другіе же показываютъ на себѣ ясные слѣды внезапнаго скопленія въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они находятся нынѣ, напримѣръ *эрратическіе камни*, остовы животныхъ и раковины *на высокихъ горахъ* и въ *костяныхъ пещерахъ*. На этихъ основаніяхъ

безпристрастнѣйшіе изъ естествоиспытателей, въ отличіе періода древняго всеобщаго наводненія на землѣ отъ всѣхъ другихъ временъ, имѣвшихъ вліяніе на устройство земной поверхности, прямо утверждаютъ, что это наводненіе было не продолжительное, а кратковременное и даже внезапное (¹), и притомъ происходило такъ, что самые слѣды наводненія образовались и улеглись на своихъ мѣстахъ не прежде или послѣ него, но во время самаго этого наводненія кратковременнаго и скоропреходящаго, т. е. съ нимъ начались, съ нимъ и окончились. Французскій геологъ *д'Орбиньи* (d'Orbigny), описывая подобные наносы въ Америкѣ, которые онъ называетъ terrain pampéen, говоритъ: „пампейскіе осадки Буеносъ-Айреса на поверхности, равной ³/₄ поверхности Франціи или 95,000 квадратнымъ километрамъ, состоятъ вездѣ изъ красноватаго ила весьма соленаго, почти безъ слоевъ (presque sans stratification), расположены съ замѣчательнымъ однообразіемъ и заключаютъ въ себѣ смѣшанно цѣлые скелеты животныхъ, которыхъ кости разбросаны вездѣ (les os séparés partout). Гигантское протяженіе этихъ осадковъ, соотвѣтствующее только огромнымъ хребтамъ горъ, которыя возвышаются на этомъ материкѣ, могутъ ли быть объяснены, какъ думаютъ многіе геологи, причинами нынѣ дѣйствующими?.. Мы видѣли, какъ рѣдко отъ причинъ, нынѣ дѣйствующихъ, млекопитающія животныя уносятся рѣками въ дѣвственныя страны; ибо мы не встрѣчали ни одного изъ нихъ въ притокахъ рѣки Амазонской и Лаплаты. Между тѣмъ пампейскіе осадки съ костями

(¹) Какъ то: *Deluc*, *Dolomieu*, *Cuvier*, *Leonhard*, которыхъ мнѣнія изложены въ 1-мъ отдѣлѣ этого разбора.

этихъ животныхъ находятся и въ провинціяхъ Хикито и Моксо (Chiquitos et Moxos), и во всѣхъ углубленіяхъ долинъ; мы находимъ ихъ и въ широкихъ углубленіяхъ горъ Кохабамбы (Cochabamba) на высотѣ 2,575 метровъ, и на равнинахъ Андскаго хребта, на прямой высотѣ въ 4,000 метровъ. Каково бы ни было возвышеніе ихъ надъ поверхностію моря, и въ долинахъ и на горахъ, эти осадки съ костями животныхъ всегда состоятъ изъ красноватаго ила. Посему мы убѣждаемся, что одна и таже причина произвела ихъ вездѣ, и что они суть не что иное, какъ результатъ поверхностнаго обмытія материка водами, приведенными въ движеніе (resultat d'un lavage superficiel du continent par les eaux mises en mouvement)" (¹). Столь рѣзкія особенности описанныхъ наносовъ и другихъ признаковъ древняго наводненія на землѣ даютъ намъ право по крайней мѣрѣ не прилагать къ нимъ той предзанятой геологами идеи о геологическихъ переворотахъ, которою они руководствуются при объясненіи фактовъ на землѣ, еще болѣе древнихъ. Если же нужно эти явленія дилювіальнаго періода приписать какой-либо причинѣ, то по здравому разсужденію трудно представить другое событіе на землѣ, котораго дѣйствія болѣе соотвѣтствовали бы указаніямъ самой природы, кромѣ описаннаго въ словѣ Божіемъ Ноева потопа; безъ него, безъ сказанія св. Писанія о всемірномъ потопѣ, и притомъ понимаемаго въ самомъ буквальномъ смыслѣ, эти указанія остались бы совершенно непонятною и неразрѣшимою загадкою. γ) Наконецъ существенною принадлежностію

(¹) См. Nouvell. Encyclop. theolog. édit. par Migne, 1854 an. Tom. XLVIII. Dictionnair. de Cosmogon. et de paléontolog. pag. 1333.

каждой геологической эпохи полагали и полагають появленіе въ теченіи ея *новыхъ* родовъ тварей,—растеній и животныхъ,—которыхъ не было въ эпохи предшествовавшія. Не распространяясь о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо или несправедливо такое убѣжденіе, мы здѣсь считаемъ достаточнымъ замѣтить, что въ наносахъ, собственно называемыхъ дилювіальными, не смотря на необыкновенное множество находимыхъ въ нихъ окаменѣлыхъ остатковъ животныхъ, погибшихъ въ это время, нѣтъ ни одного рода тварей, которыя несомнѣнно могли бы быть признаны не существовавшими прежде; но всѣ ископаемыя животныя этого времени встрѣчаются въ формаціяхъ, почитаемыхъ геологами за древнѣйшія, болѣе или менѣе предшествовавшія потопной катастрофѣ, какъ доказываютъ тщательные выводы палеонтологовъ (¹). *Буккландъ*, замѣтивъ этотъ фактъ, на немъ же прежде всего основалъ свое послѣдующее мнѣніе, будто событіе, оставившее на землѣ признаки великаго наводненія, есть не что иное, какъ послѣдній изъ многихъ геологическихъ переворотовъ на землѣ (²). Но взирая на предметъ съ той же палеонтологической точки зрѣнія, нельзя не удивляться при настоящемъ случаѣ странности и непослѣдовательности его

(¹) Напр. *Бронна* (Bronn) въ его Geschichte der Natur. Band. 3, гдѣ помѣщены подробныя сравнительныя таблицы ископаемыхъ растеній и животныхъ.

(²) Вотъ собственныя слова его: «открытія, сдѣланныя послѣ изданія Reliquiae diluvianae, доказываютъ, что многія изъ описанныхъ тамъ животныхъ существовали въ теченіи болѣе одного періода, предшествовавшаго катастрофѣ, которою они были уничтожены. Посему представляется болѣе вѣроятнымъ, что изслѣдуемое событіе было скорѣе послѣднимъ изъ многихъ геологическихъ переворотовъ, которые произведены были сильными водяными потоками, нежели относительно спокойнымъ наводненіемъ, описаннымъ въ св. Писаніи. Geology and Miner. T. 1. p. 94.

мыслей, въ замѣнъ которыхъ, кажется, всего проще и справедливѣе было бы держаться такого сужденія: если каждая изъ геологическихъ эпохъ должна отличаться появленіемъ новыхъ родовъ тварей, то господство въ какое-нибудь время тварей одинаковыхъ съ прежними, безъ всякаго сомнѣнія доказываетъ, что разсматриваемое время есть непосредственное продолженіе прежнихъ, а не новая геологическая эпоха. Поэтому заключеніе Букланда и его послѣдователей о періодѣ всеобщаго наводненія на землѣ справедливо встрѣтило сильныя возраженія со стороны основательнѣйшихъ мыслителей. „То обстоятельство, — говоритъ А. Вагнеръ въ 1-мъ изданіи своего сочиненія,—то обстоятельство, что дилювіальныя животныя встрѣчаются не только въ дилювіальныхъ осадкахъ, но также и въ формаціяхъ, лежащихъ глубже, никакъ не можетъ быть достаточнымъ доказательствомъ противъ потопа (т. е. въ защиту приведенной мысли Букланда о потопѣ). Фактъ конечно справедливъ, и подтверждается многими примѣрами; но это не доказываетъ ничего болѣе, какъ только то, что между эпохою Ноева потопа и окончаніемъ шестидневнаго сотворенія міра могли быть различныя мѣстныя наводненія, которыя поглощали обитавшихъ въ ихъ области животныхъ, но отнюдь не истребляли родовъ, которые могли сохраниться въ другихъ мѣстахъ“ (¹). Слѣдовательно и со стороны пале-

(¹) Geschichte der Urwelt. 1 Aufl. 1845. 2 Abtheil. pag. 536. Во второмъ изданіи того же сочиненія Вагнеръ для избѣжанія геологическихъ трудностей допустилъ два всемірныхъ потопа, которыхъ слѣды будтобы перемѣшаны въ дилювіальныхъ формаціяхъ, — изъ которыхъ одинъ болѣе соотвѣтствуетъ упоминаемому въ св. Писаніи состоянію земли въ видѣ *бездны* въ 1-й день шестидневнаго творенія—Быт. 1, 2; а другой—собственно Ноеву потопу (2 Aufl. B. 1. p. 526. 527). Но это

онтологической идея геологическихъ переворотовъ не приложима къ бывшему на землѣ великому наводненію.

Что касается громадности признаковъ древняго всеобщаго наводненія на землѣ, то замѣчаніе такого рода можетъ относиться во первыхъ къ массамъ наносовъ того времени. Но изъ вышесказаннаго уже достаточно открывается, что дилювіальные наносы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара, и притомъ немногихъ, отличаются обширностію своего протяженія, но вообще не имѣютъ особенно замѣчательной массивности и толщины, въ которой они уступаютъ многимъ изъ пластовъ другихъ формацій. Изъ прочихъ же признаковъ особенную громадность представляютъ только заносные *камни* (blocs érratiques, Wanderblöcke), на которые геологи преимущественно и указываютъ, какъ на яснѣйшее доказательство (luculenteste Zeugniss) разсматриваемаго нами мнѣнія (¹). Огромныя каменныя глыбы, многія отъ 3,000 до 10,000, а нѣкоторыя даже отъ 100,000 до 160,000 кубическихъ футовъ въ объёмѣ, нѣкогда оторваны отъ первоначальныхъ мѣстъ своего происхожденія, и, бывъ занесены за нѣсколько сотъ миль на мѣсто настоящаго своего нахожденія, съ того времени въ теченіи цѣлыхъ тысящелѣтій не подвинуты ни на нѣсколько шаговъ никакою изъ физическихъ силъ, дѣйствующихъ нынѣ! Ни величайшіе морскіе приливы, ни сильнѣйшія землетрясенія, ни разительнѣйшія поднятія горныхъ хребтовъ, ни какія-ни-

---

мнѣніе несогласно съ свойствами дилювіума (diluvium), рѣзко отличающагося отъ всѣхъ предшествовавшихъ формацій и послѣдующаго аллювіума (alluvium), и еще болѣе запутываетъ дѣло, какъ замѣчаетъ и ученый *Керль* (Keerl) въ сочиненіи: Der mensch, das Ebenbild Gottes 1861. B. 1. pag. 511.

(¹) *Kurtz* въ указан. сочиненіи стран. 438 и 439. *Buckland* въ указ. сочин. Tom. 1. pag. 94.

будь другія причины не могутъ объяснить столь громаднаго явленія; тѣмъ болѣе, — говорятъ геологи, — не можетъ объяснить его Ноевъ потопъ, относительно тихій и спокойный! Дѣйствительно ни одна изъ теорій, построенныхъ естествоиспытателями для объясненія переноса эрратическихъ камней и разсѣянія ихъ по земной поверхности физическими причинами, до сихъ поръ не удовлетворила требованіямъ науки и не оказалась вполнѣ соотвѣтствующею фактамъ опыта. Изъ всѣхъ подобныхъ теорій болѣе достойна упоминанія теорія ледниковъ или *глетчеровъ* (Gletscher), которые будтобы въ древнія времена міра имѣли болѣе обширное значеніе и, спускаясь періодически или спустившись одновременно съ вершинъ горныхъ хребтовъ, оторвали отъ нихъ огромныя каменныя глыбы и разнесли ихъ по мѣстамъ отдаленнымъ. Но столь ни авторитетны въ геологіи лица, защищавшія эту теорію ([1]), противъ нихъ нашлись сильные доводы, на основаніи которыхъ и объяснено, что естественные ледники никакъ не въ состояніи были перенести камней необыкновеннаго размѣра во многія мѣста земнаго шара, напр. изъ Норвегіи въ Финляндію и Россію, изъ центральныхъ Альпъ на гору Юру и къ сѣверу до Мюнхена. Знаменитый *Броннъ*, разсуждая объ этомъ предметѣ, между прочимъ говоритъ, что протяженіе, по которому должны были двигаться глетчеры, напримѣръ, изъ Скандинавіи, гдѣ самая высокая гора Snöhattan — на сѣверъ отъ Христіаніи, на 62½° широты, — имѣетъ вышины только до 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря, до мѣстностей Фин-

([1]) Напр. *Агассицъ* (Agassiz) въ Untersuchungen uber die Gletscher von Solothurn. 1841.

ляндіи на протяженіи 150—180 географическихъ миль, даже въ томъ случаѣ, если принять находящіеся здѣсь эрратическіе камни лежащими на высотѣ морскаго уровня, представляло бы общую наклонность только въ 0,0016 фута, а въ другихъ случаяхъ еще гораздо менѣе; чтó *опровергаетъ всякую возможность* столь отдаленнаго движенія не только глетчеровъ съ каменными глыбами, но и однихъ ледяныхъ глетчеровъ (1). Притомъ самое состояніе температуры, необходимое для образованія необыкновенныхъ ледниковъ предъ дилювіальнымъ временемъ, не только не вѣроятно и не можетъ быть достаточно объяснено никакою естественною причиною, но прямо противорѣчитъ общему мнѣнію естествоиспытателей о возвышеннѣйшей температурѣ допотопнаго міра. Однимъ словомъ, невозможность объяснить явленіе эрратическихъ камней никакими теоріями наконецъ раскрыта столь твердо, что геологи нашлись вынужденными прибѣгнуть въ настоящемъ случаѣ къ своему геологическому перевороту, какъ къ послѣднему средству, непонятнымъ образомъ не только уклоняясь еще отъ одного извѣстнаго намъ средства, но и унижая его предъ всѣми другими естественными причинами, — отъ Ноева потопа, описаннаго въ Словѣ Божіемъ. Но точно ли этого громаднаго явленія никакъ не возможно объяснить Ноевымъ потопомъ, понимаемымъ въ буквальномъ смыслѣ Писанія? Напротивъ, это средство, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, бывъ представлено во всей силѣ и во всемъ своемъ величіи, должно было произвести на поверхности земнаго шара и явленія необыкновенныя. Какъ существа, жившія въ моряхъ, при

(1) *Bronn's* Geschichte der Natur. B. 1. 1841. pag. 440 и 441.

выступленіи ихъ изъ береговъ, должны были увлечься съ своими раковинами въ такія мѣста, куда достигали вышеестественные потоки водъ; какъ земныя животныя и птицы, при постепенномъ и вмѣстѣ быстромъ возвышеніи потопа, имѣли возможность удалиться на такія возвышенности, на которыхъ они никогда не жили и не бывали, или должны были уже въ видѣ труповъ быть втиснуты въ разныя каменныя пещеры; такъ точно и горные хребты должны были испытать при этомъ страшномъ событіи именно такое расторженіе и разнесеніе своихъ частей, какое замѣчается въ дилювіальное время на нашей землѣ. „Какъ бы сильны, — говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, разсуждая объ эрратическихъ камняхъ, разбросанныхъ по сторонамъ альпійскихъ горъ Швейцаріи, — какъ бы могущественны ни были силы необыкновеннаго объёма воды, которая внезапно прорвала бы замыкавшія ее горныя цѣпи на одномъ пунктѣ, однако ея никакъ недостаточно для того, чтобы объяснить перенесеніе этихъ эрратическихъ камней. Возвышенныя альпійскія долины слишкомъ малы въ сравненіи съ большою главною долиною Швейцаріи, чтобы прорвавшаяся изъ нихъ вода тотчасъ не расплылась по ней во всѣ стороны и чрезъ это не потеряла своей силы. Какъ же могли быть занесены необыкновенно-огромные камни на Юру до 4,000 футовъ высоты?... Напротивъ, если эта главная долина была наполнена потоками изъ *хлябей небесныхъ* и *источниковъ бездны*, если эти массы воды отъ постоянно прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ потоковъ находились въ необыкновенномъ движеніи, и если котловины отъ гнета водяныхъ массъ, которыя собрались въ нихъ, внезапно расторглись и потоки прорвались съ страшнымъ напоромъ, то

мы имѣемъ два дѣятеля (zwei Factoren,—т. е. разрывъ преградъ и приливъ воды отвнѣ), посредствомъ которыхъ гигантскіе камни могли быть перенесены частію на Юру, частію еще дальше. Отсюда объясняется и то обстоятельство, что эти камни вообще не округлены, но угловаты и остроконечны; они могли остаться такими только въ томъ случаѣ, если они не были влекомы долгое время, но перенесены необыкновенными потоками съ поразительною скоростію и тотчасъ положены на мѣстѣ. А для этого совершенно достаточны силы, дѣйствовавшія при потопѣ; да, онъ только, по тѣмъ указаніямъ, какія находятся въ св. Писаніи, былъ въ состояніи перенести такіе гигантскіе камни на такія высоты и столь далекія разстоянія" ([1]). Прибавимъ къ этому, что перенесеніе оторвавшихся камней водою гораздо легче, нежели передвиженіе ихъ какими-либо другими силами; потому что въ водѣ всѣ тѣла, слѣдовательно и камни, теряютъ значительную часть своего вѣса. Удѣльный вѣсъ большей части камней относится къ вѣсу чистой воды почти какъ $2^{1}/_{2}$ къ 1; и потому камень въ 25 фунтовъ вѣситъ въ водѣ только 15 фунтовъ; слѣдовательно вода, особенно вода быстро возраставшаго и быстро убывавшаго потопа могла на $^{2}/_{5}$ части сдѣлать болѣе всякой другой силы, которою здѣсь думаютъ замѣнить ее геологи. Самое же отторженіе огромныхъ скалъ и раздробленіе горныхъ породъ, равно какъ и многія другія второстепенныя обстоятельства дилювіальнаго разрушенія, легко объясняются второстепенными же, но столь же необыкновенными и разительными явленіями, которыя необходимо должны были

([1]) *Keerl* въ указан. сочиненіи стр. 518 въ примѣчаніи.

обнаружиться вслѣдствіе всемірнаго наводненія. Всеобщее покрытіе водою различныхъ минераловъ и металловъ земной коры, окисляющихся отъ влажности, смѣшеніе соленой морской воды съ прѣсными водами озеръ и рѣкъ, тяготѣніе надъ поверхностію земли въ теченіи полгода или болѣе необъятныхъ водяныхъ массъ, въ другое время скрывающихся внутри ея или въ высшихъ слояхъ атмосферы,—всѣ эти обстоятельства могли особеннымъ образомъ усилить дѣятельность земной коры, произвести необыкновенныя мѣстныя землетрясенія и волканическія изверженія, вообще возбудить множество другихъ второстепенныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ общей причинѣ разрушенія, и вмѣстѣ съ нею совершившихъ такіе факты, для которыхъ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей мы не можемъ назначить ни мѣры, ни явныхъ дѣятелей. Посему въ настоящемъ случаѣ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя достаточно, если онъ видитъ, что всѣ частные факты природы, указывающіе на какое-то наводненіе, могутъ быть объяснены единственнымъ въ своемъ родѣ потопомъ — Ноевымъ, и всѣ возможныя частныя причины этихъ фактовъ могутъ быть соглашены съ всеобщимъ дѣйствіемъ потопа библейскаго; а такое убѣжденіе мало по малу уже выработывается наукою и иногда высказывается благонамѣреннѣйшими изслѣдователями. „Если, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—понять потопъ согласно съ тѣми указаніями, какія содержатся въ св. Писаніи, то онъ объясняетъ совершенно всѣ явленія (vollkommen alle Erscheinungen), которыя соединяются подъ именемъ дилювіальныхъ образованій (Diluvialgebilde)“ (¹).

(¹) *Keerl* въ указ. сочин. на стр. 511.

Такимъ образомъ признаки всеобщаго наводненія на земномъ шарѣ, изслѣдуемые безпристрастно, безъ предзанятыхъ теорій, и во всей ихъ величественной полнотѣ, сближаютъ насъ съ сказаніемъ слова Божія о Ноевомъ потопѣ. Въ этихъ признакахъ не только нѣтъ указа́нія на нѣсколько подобныхъ явленій, будто бы предшествовавшихъ потопу, а напротивъ рѣзкія черты отличія этой всемірной катастрофы отъ древнѣйшихъ явленій въ образованіи земной коры служатъ яснымъ подтвержденіемъ той же мысли, какая внушается и прямымъ сказаніемъ св. Писанія, т. е. что Ноевъ потопъ есть единственное въ своемъ родѣ событіе, которому равнаго не было ни прежде, ни послѣ. Въ частности въ упомянутыхъ признакахъ нѣтъ и того, что́ превышало бы силу наводненія, описаннаго пророкомъ Моисеемъ. Если въ природѣ слѣды древняго наводненія громадны и неизгладимы, то и въ словѣ Божіемъ не ясно ли выражается чрезвычайность этого дѣйствія Божія, безпримѣрнаго съ самаго времени сотворенія міра? Въ описаніи Ноева потопа не только изображается тогдашнее истребленіе живыхъ существъ съ лица земли, но дается разумѣть громадное разрушеніе и самой земли отъ того же наводненія. Предъ началомъ потопа правосудный Богъ говоритъ Ною: *время всякаго человѣка пріиде предъ Мя, яко исполнися земля неправды отъ нихъ: и се Азъ погублю ихъ и землю* (Быт. 6, 13) (¹); и по

(¹) Употребленное здѣсь выраженіе: *ихъ и землю* (את הארץ). въ другихъ изданіяхъ еврейской библіи читается: *ихъ съ земли* (מאת הארץ); но первое чтеніе, конечно, есть древнѣйшее, если оно находится въ греческомъ переводѣ 70-ти толковниковъ; притомъ, если бы оно первоначально имѣло видъ втораго чтенія, то послѣдующіе приведенные нами тексты достаточно подтверждаютъ правильность и перваго чтенія.

окончаніи потопа милосердый Богъ говоритъ: *не приложу ктому прокляти землю за дѣла человѣческія* (Быт. 8, 21); и еще: *и не умретъ всяка плоть ктому отъ воды потопныя, и ктому не будетъ потопъ водный, еже истлити всю землю* (Быт. 9, 11). Значитъ, вмѣстѣ съ живыми тварями пострадала отъ этой кары Божіей и земля — жилище тварей; и могло ли быть иначе при той чрезвычайной быстротѣ возвышенія и пониженія потопныхъ водъ на всемъ земномъ шарѣ, какая здѣсь ясно открывается, и при той высотѣ, до которой онѣ достигли въ день высшаго своего стоянія? Напрасно геологи представляютъ это библейское событіе столь тихимъ и спокойнымъ; такая мысль несогласима съ представленіемъ такого потопа. Если же въ св. Писаніи представляются нѣкоторые слѣды спокойнаго возвышенія и пониженія потопныхъ водъ, такъ что Ноевъ ковчегъ остался цѣлымъ и деревья, съ которыхъ голубь принесъ вѣтвь, остались не истребленными совершенно; то это обстоятельство, по замѣчанію безпристрастнѣйшихъ мыслителей (1), объясняется тою самою мѣстностію, на которой находился Ноевъ ковчегъ, и съ точки которой преимущественно изображается и самое событіе. По счастливому стеченію обстоятельствъ, или лучше, по особенному промышленію Божію, долина Тигра и Евфрата была, можетъ быть, единственною мѣстностію на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ притоки потопныхъ водъ, наполняя ее спокойно, *взяли ковчегъ* и тихо поднимали его на своей поверхности, гдѣ хребты горъ, окружающіе эту долину со всѣхъ сторонъ — съ сѣвера кавказскіе, съ юга ливанскіе, и другіе,—воспре-

(1) *Keerl-я* въ указ. сочин. стр. 514.

пятствовали ему удалиться на слишкомъ далекое разстояніе и разбиться въ стремительныхъ потокахъ другихъ мѣстностей, гдѣ возвышеніе потопныхъ водъ не сопровождалось особенно сильными потрясеніями земной коры, такъ что ковчегъ и поднявшись безопасно *ношашеся верху воды* и потомъ тихо *сѣде на горахъ Араратскихъ* (Быт. 7, 17. 18. 8, 4). Все это, какъ частность, можетъ быть соглашено со всеобщимъ разрушеніемъ земной поверхности во время всемірнаго Ноева потопа.

Е. Ловягинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ,

ОТЪ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453 г.) ДО 1836 ГОДА,

ОТЪ ГЕОРГІЯ II (СХОЛАРІЯ) ДО ГРИГОРІЯ VI ([1]).

Послѣднимъ патріархомъ Константинополя, подъ управленіемъ христіанскихъ государей, былъ Аѳанасій II. Константинополь былъ взятъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II въ 1453 году, 29 мая, во вторникъ послѣ Троицына дня. Во время завоеванія погибъ и блаженный патріархъ Аѳанасій, убитый со столькими другими мучениками вѣры и отечества, духовными и міррянами. Тогда же палъ и самъ царь Константинъ, мужественно сражаясь на городской стѣнѣ противъ врывавшихся толпами непріятелей. Завоеватель Магометъ, вступивъ побѣдителемъ въ Константинополь съ 300,000 войска, дозволилъ имъ въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней грабежъ, убійство и плѣненіе несчастныхъ

([1]) Переведено изъ книги: Κατάλογος ἱϛορικὸς τῶν πρώτων ἐπισκόπων καὶ τῶν ἐφεξῆς πατριαρχῶν τῆς ἐν Κωνϛαντινουπόλει ἁγίας καὶ μεγάλης τοῦ Χριϛοῦ ἐκκλησίας. Ὑπὸ τοῦ ἀρχιδιακόνου Ζαχαρίυ Μαθᾶ Ἀνδρίυ. Ἐν Ναυπλῳ. 1837. стр. 153 — 299. Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ константинопольскихъ до взятія Константинополя турками, отъ 36 г. по Р. Х. по 1453-й г., напечатанъ въ Христ. Чт. на 1843 годъ, Ч. I, стр. 290—315. 401—453. Ч. II, стр. 538—553. Ч. III, стр. 278—292. Ч. IV, стр. 412—436.

жителей. По прошествіи этихъ ужаснѣйшихъ дней, государь, видя городъ почти обезлюдѣвшимъ, озаботился собрать разсѣявшихся жителей Константинополя и перевелъ изъ сосѣднихъ мѣстъ христіанъ въ столицу для заселенія ея. Зная, что единственною связью для христіанскихъ грековъ служитъ ихъ отечественная Вѣра, онъ далъ имъ совершенную свободу въ дѣлахъ Вѣры и повелѣлъ имѣть по прежнему патріарха. Тогда на мѣсто приснопамятнаго Аѳанасія единодушно былъ избранъ и поставленъ находившимися въ столицѣ епископами первый, по взятіи Константинополя, патріархъ

1453 г.

1) *Геннадій II*, въ мірѣ Георгій, по прозванію Схоларій, мужъ извѣстный своимъ благочестіемъ, умомъ и ученостію и пламенный проповѣдникъ православной Вѣры, родомъ изъ Константинополя. Бывши міряниномъ, онъ занималъ должность судьи царскаго суда (во дворцѣ). Послѣ онъ принялъ монашество и былъ почтенъ Церковію званіемъ каѳолическаго учителя православныхъ церквей (какъ онъ подписался самъ въ соборномъ посланіи восточной церкви къ богемцамъ). Когда онъ былъ избранъ на патріаршество, султанъ принялъ его милостиво и оказалъ ему почти всѣ почести, какія воздавались избраннымъ патріархамъ, при ихъ торжественномъ представленіи, христіанскими царями. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно (Магометъ, кромѣ турецкаго, зналъ современный греческій языкъ, также итальянскій и арабскій), облекъ его въ почетную мантію, вручилъ серебряный жезлъ и назначилъ тысячу червонцевъ на годовое содержаніе. Онъ подарилъ также богато осѣдланную лошадь патріарху, который возсѣ-

ши на нее выѣхалъ торжественно изъ дворца, сопровождаемый многими сановниками Порты, и отправился въ знаменитый храмъ св. апостоловъ, назначенный султаномъ для патріархіи (храмъ святой Софіи онъ уже обратилъ въ мечеть). Но скоро патріархъ оставилъ этотъ великолѣпный храмъ, боясь пустынности мѣста и алчности турокъ, которые потомъ взяли и этотъ храмъ и обратили его въ свою мечеть. Патріархъ же испросилъ для патріархіи храмъ Всеблаженной (Παμμακαρίστου), гдѣ каѳедра патріарховъ оставалась до 16-го столѣтія. Послѣ того и этотъ храмъ былъ внезапно и насильно отнятъ. Тогда патріархія на короткое время была переведена ко храму св. Димитрія, у Деревянныхъ воротъ (ξυλόπορτα) и наконецъ ко храму св. великомученика Георгія въ Фанарѣ, гдѣ остается и нынѣ. Но это все случилось въ послѣдствіи времени; тогда же въ храмъ Всеблаженной пришелъ и самъ султанъ къ патріарху Геннадію и бесѣдовалъ съ нимъ о христіанской вѣрѣ и обо многомъ спрашивалъ его (и до нынѣ сохранилась эта бесѣда, записанная досточтимымъ Геннадіемъ, подъ заглавіемъ: Геннадія монаха и патріарха нищихъ Христовыхъ о единомъ пути къ спасенію человѣковъ“ (1). Султанъ Магометъ обнародовалъ въ фирманѣ своемъ на имя патріарха Геннадія о всѣхъ правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ имъ Церкви. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1. Никто никакимъ образомъ да не противится повелѣніямъ патріарха, касающимся Вѣры и Церкви.

2. Патріархъ и всѣ епископы навсегда освобождаются отъ всякой подати.

---

(1) См. К. Иконом. Церковн. Слов. стр. 247.

3. Всѣ христіане да владѣютъ безпрепятственно своими церквами, и онѣ никогда ни подъ какимъ предлогомъ не должны быть обращаемы въ оттоманскія мечети.

4. Браки, похороны и всѣ прочія христіанскія таинства и обряды да совершаются свободно.

5. Христіане да празднуютъ Пасху (и всѣ прочіе свои праздники) со всею свободою и обычнымъ порядкомъ въ теченіе 3-хъ дней, въ которые и врата стѣны въ Фанарѣ должны оставаться отпертыми въ продолженіе всей ночи и пр. [1].

Оградивъ такимъ образомъ права Церкви отъ произвола послѣдующихъ государей, досточтимый Геннадій правилъ церковію пять лѣтъ съ половиною достойно своей мудрости и добродѣтели. Деспотическая сила часто попирала тѣ или другія изъ этихъ правъ; самъ Магометъ нарушалъ нѣкоторыя изъ нихъ при преемникахъ Геннадія, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго; однако сущность этихъ правъ оставалась. Благоразуміе пастырей утверждало и расширяло ихъ. Такимъ образомъ, подобно кивоту завѣта, православная Церковь, и пребывая плѣненною въ рукахъ иноплеменныхъ, сохранилась неприкосновенною, неоскверненною и невредимою во всѣхъ своихъ духовныхъ пра-

---

[1] Къ этому можно присовокупить изданное тогда же повелѣніе султана, которымъ подъ смертною казнію запрещались браки магометанъ съ христіанами. Такъ оградилъ смѣшеніе народовъ этотъ слѣпой служитель совѣтовъ Божіихъ, сохраняя еллинскій народъ не смѣшеннымъ и чистымъ. Скоро онъ изгналъ и осквернителей острововъ и многихъ другихъ еллинскихъ странъ, венеціанъ, генуэзцевъ и другихъ разбойниковъ, которые, врываясь въ слабѣйшее государство Византійское, наносили вредъ Церкви Божіей и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.»

вахъ; лишившись почестей мірскаго царства, она опять облеклась въ порфиру мученическихъ кровей, соблюдая въ себѣ сокровище божественныхъ догматовъ и каноновъ чистымъ, нетронутымъ и нерасхищеннымъ. Самъ завоеватель ея поставленъ былъ стражемъ и защитникомъ свободы чадъ ея о Христѣ, противъ навѣтовъ другихъ лжебратій, которые оказывались въ отношеніи къ Церкви болѣе жестокими, чѣмъ самые палачи, нападали на нее и разоряли ее и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи. Когда благоволилъ Царь вѣковъ, для блага своихъ избранныхъ, возвратиться опять вѣку Нероновъ для Церкви, онъ даровалъ вѣрнымъ ея чадамъ духъ мученическаго терпѣнія и мужества и поставилъ первымъ пастыреначальникомъ ихъ мужа, исполненнаго апостольской благодати, досточтимаго Геннадія. Конечно, многіе изъ его преемниковъ оказались ниже его по добродѣтели, а нѣкоторые недобрыми пастырями, какіе встрѣчались между преемниками и древнихъ блаженныхъ отцевъ; при всемъ томъ до нынѣ не прервалась и во вѣки не оскудѣетъ златая цѣпь достойныхъ преемниковъ Первозваннаго и пастыреначальниковъ великой церкви. Но довольно объ этомъ. Блаженный Геннадій, отягощенный неутомимыми трудами, многими болѣзнями и различными огорченіями (¹), созвалъ соборъ и отрекся отъ патріаршества; онъ даже не остался въ Константинополѣ, но перешелъ въ по-

(¹) Какъ скорбѣла блаженная и отчизнолюбивая душа Геннадія о завоеваніи царства, видно изъ его словъ, писанныхъ имъ изъ монастыря къ Іосифу Ѳессалоникскому. Онъ говоритъ слѣдующее: «Наше время невыразимо бѣдственно и чуждо всякаго добра. И остается, сидя гдѣ нибудь въ углу, оплакивать въ молчаніи крайнее безчестіе народа и молиться о прекращеніи такой жизни.

строенную близъ Серръ на Моникійской горѣ древнюю обитель честнаго Предтечи (которая существуетъ и нынѣ) и тамъ провелъ остатокъ блаженной своей жизни, занимаясь обработкою разныхъ своихъ сочиненій, написанныхъ имъ и до избранія въ патріархи и послѣ. Сочиненія святѣйшаго Геннадія многочисленны и разнообразны; они касаются не только церковныхъ и богословскихъ предметовъ, но и философскихъ, риторическихъ, грамматическихъ и другихъ; изъ нихъ одни изданы, другія остаются еще неизданными. Онъ отошелъ ко Господу въ 1460 г. Послѣ его отреченія поставленъ былъ патріархомъ

1459 г.

2) *Исидоръ II* изъ ксанѳопульской обители, который прежде былъ духовникомъ и снискалъ себѣ всеобщее уваженіе за свое благодушіе и священнолѣпные подвиги. Онъ былъ рукоположенъ также ко храму Всеблаженной и получилъ отъ султана уже установленныя почести. Онъ пасъ Церковь преподобно и боголюбезно 6 лѣтъ и два мѣсяца. По кончинѣ его избранъ былъ

1465 г.

3) *Софроній I* Сиропулъ, іеромонахъ. Но черезъ годъ онъ сверѓнутъ былъ съ патріаршества, и на его мѣсто возведенъ

1466 г.

4) *Іоасафъ I*, іеромонахъ, по прозванію Кокка, мужъ правдивый и благородный, до крови защищавшій божественные догматы и каноны. Только въ искушеніяхъ отъ своихъ приближенныхъ онъ оказался малодушнымъ, побѣжденный излишнимъ братолюбіемъ. Видя, что нѣ-

которые изъ клириковъ между собою ссорились и враждовали въ такія времена и пренебрегали отеческими наставленіями, онъ не остался равнодушнымъ, но и не наказалъ ихъ, а самъ „открекся души своей“ (по выраженію Пророка), впалъ въ ипохондрію, бросился въ колодезь и едва не утонулъ; но на этотъ разъ его успѣли спасти. Спустя немного времени султанъ, призвавъ его, приказалъ одного лжеименнаго христіанина, имѣвшаго законную жену, сочетать незаконнымъ бракомъ съ другою женою, болѣе красивою. Патріархъ, взглянувъ на султана, сказалъ: это, государь, противно законамъ нашей Церкви. Услышавъ такой отвѣтъ, султанъ разгнѣвался и началъ грозить. Но патріархъ продолжалъ отказываться отъ беззаконія. Тогда разгнѣванный тиранъ отсѣкъ, вмѣсто главы, сѣдую бороду достоуважаемаго отца и свергнулъ его съ каѳедры съ безчестіемъ на 4-мъ году патріаршества. Онъ порвалъ также ноздри у екклисіарха Максима за то, что и онъ не соглашался на совершеніе беззаконнаго брака. Султанъ такимъ образомъ нарушилъ тогда два изъ признанныхъ имъ прежде правъ Церкви, а патріархъ съ Максимомъ ушли отъ него радуясь, какъ доблестные исповѣдники законовъ Божіихъ и достойные преемники Златоустовъ, Фотіевъ и самихъ апостоловъ. Какъ постыждаютъ подобные примѣры тѣхъ пастырей, которые при христіанскихъ царяхъ легко поддавались ихъ противозаконнымъ желаніямъ, предавая церковные догматы и каноны или по трусости, или изъ корыстолюбія! Преемникомъ Іоасафа былъ

1469 г.

5) *Маркъ II*, іеромонахъ, по прозванію Ксилокаравъ, родомъ византіецъ, мужъ добрый и достойный пра-

витель духовнаго корабля церковнаго. Но и онъ не долго былъ патріархомъ. Нѣкоторые трапезунтцы, измѣнившіе Вѣрѣ, находившіеся въ Константинополѣ и извѣстные султану, вообразивъ, что для нихъ будетъ особенная честь, если возведутъ на патріаршій престолъ Симеона Трапезунтскаго, предложили султану Магомету ежегодно вносить по тысячѣ червонцевъ, если, по его повелѣнію, свергнутъ будетъ Маркъ и другой получитъ патріаршество. Султанъ охотно согласился, сберегая такимъ образомъ сумму, назначенную имъ отъ себя на годовое содержаніе патріарховъ, и пріобрѣтая сверхъ того богатое приношеніе отъ каждаго изъ нихъ. И такъ насильно свергается многоуважаемый Маркъ во 2-й годъ патріаршества и разбойнически возводится на его мѣсто Симеонъ. Это было многоболѣзненное начало патріаршей подати, которую установилъ султанъ взимать съ каждаго новопоставленнаго патріарха, а послѣ того увеличили безумная (мачиха султана) Марія, сербъ Рафаилъ и другіе. Впослѣдствіи же лихоимство султановъ возвысило взносъ каждаго новаго патріарха до 25 и 30 тысячъ піастровъ. Такъ врагъ душъ, лишивъ многострадательную Церковь православную, какъ другаго многострадальнаго Іова, временной славы, имуществъ и многихъ чадъ, нанесъ ей и другой ударъ, поставивъ въ необходимость приносить дары, стараясь, лукавый, чтобы народъ нищихъ Христа ради остался совершенно сирымъ и неимѣющимъ духовнаго пастыря; но ошибся въ этомъ. И въ такія тяжелыя времена все таки были патріархи. Если между ними появлялись нѣкоторые лукавые, покупавшіе за деньги у турокъ утвержденіе въ санѣ, безъ чего нельзя было обойтись; то, съ другой стороны, на тверди церковной

сіяли часто и другіе, въ священное пастырство которыхъ вѣрные съ радостію переносили отъ иноплеменныхъ всякія лишенія. Вспоминаю сказанное въ книгѣ Іова. „И се пріидоша ангели предъ лице Божіе и діаволъ посреди ихъ“. Но тѣмъ не менѣе, ангелы оставались ангелами, а одинъ діаволъ былъ діаволомъ. И такъ послѣ незаконнаго сверженія патріарха Марка патріаршествовалъ

1470 г.

6) *Симеонъ I*, епископъ и урожденецъ трапезунтскій. Его въ Трапезунтѣ любили и уважали за пастырскія добродѣтели, но онъ омрачилъ добрую славу свою, согласившись, изъ честолюбія, на беззаконное патріаршество. Однако скоро и ему возмѣрили тою же мѣрою. Константинопольскіе клирики раздѣлились между собою: одни хотѣли возстановленія Марка, другіе держались Симеона, патріаршествовавшаго уже два года съ половиною. Марія, мачиха султана Магомета, увидя это, захотѣла, чтобы назначенъ былъ патріархомъ филиппопольскій епископъ Діонисій, котораго она давно чтила благоговѣйно. Она поднесла султану на серебряномъ блюдѣ 2000 золотыхъ (вдвое противъ установленнаго взноса) и просила его о перемѣщеніи Діонисія изъ Филиппополя на патріаршество. Султанъ принялъ даръ и, сказавъ: „дѣлай, мать, что хочешь“, тотчасъ увеличилъ вдвое противъ прежняго взносъ каждаго патріарха. Симеонъ былъ свергнутъ. Удалившись, онъ жилъ на покоѣ въ обители стенимахійской (во Ѳракіи), а предмѣстникъ его Маркъ былъ перемѣщенъ на ахридскую митрополію. На патріаршество же возведенъ

1472 г.

7) *Діонисій I*, родомъ изъ Пелопонеса. Онъ былъ служителемъ досточтимаго Марка ефесскаго Евгеника, которымъ и былъ обученъ наукамъ и монашеской жизни. При взятіи Константинополя онъ попалъ въ плѣнъ, потомъ былъ выкупленъ однимъ христіаниномъ, жителемъ адріанопольскимъ и довольно времени жилъ въ Адріанополѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Тамъ видѣла его и стала питать къ нему уваженіе Марія (бывшая въ томъ городѣ съ султаномъ). Послѣ сего Діонисій соборно былъ рукоположенъ въ митрополиты филиппопольскіе за великое свое благочестіе. Но впослѣдствіи онъ былъ униженъ тѣмъ, что возведенъ на патріаршество Маріею и при помощи двухъ тысячъ золотыхъ. Дурное возвышеніе по истинѣ есть паденіе. Онъ часто послѣ стеналъ и проклиналъ возвысившую его и проклятое золото, не пользуясь по справедливости доброю славою, а иногда и подвергаясь клеветамъ, не смотря на прежнее свое благочестіе. Наконецъ не вынесши этого, онъ чрезъ 6 лѣтъ отказался отъ престола и, удалившись, жилъ на покоѣ въ монастырѣ, въ раскаяніи, обработывая землю и пріобрѣтая вновь прежнюю добродѣтель, насажденную въ его душѣ блаженнымъ Маркомъ. Въ преемники ему опять былъ вызванъ

1478 г.

Симеонъ во второй разъ, и опять отсчиталъ червонцевъ не тысячу, а двѣ тысячи (ибо столько было записано въ спискѣ государственныхъ доходовъ и ихъ настоятельно требовалъ государственный казначей). Патріаршествовавъ около трехъ лѣтъ, онъ былъ сверг-

нуть съ престола по проискамъ другаго еще безстыднѣйшаго человѣка. Часто виновникъ общественнаго зла первый вкушаетъ плоды своего злодѣянія. И такъ, свергаетъ Симеона и дѣлается его преемникомъ

1481 г.

8) *Рафаилъ I*, монахъ, родомъ сербъ, человѣкъ низкаго происхожденія, малообразованный и невоздержный. Имѣя нѣкоторыхъ знакомыхъ между лицами приближенными къ султану, онъ чрезъ нихъ обѣщалъ взнести въ государственную казну двѣ тысячи золотыхъ и сверхъ того пять сотъ на облаченіе, если сдѣлаютъ его патріархомъ. Султанъ согласился на это, смотря всегда на то, кто больше дастъ; Симеонъ былъ свергнутъ съ патріаршества, а возведенъ Рафаилъ и рукоположенъ противъ воли епископовъ, почему многіе архіерси не хотѣли священнодѣйствовать съ нимъ. По прошествіи года онъ не могъ заплатить установленныхъ двухъ тысячъ золотыхъ, свергнутъ съ престола и въ оковахъ брошенъ въ темницу, гдѣ и кончилъ жизнь. Послѣ сверженія его, соборнымъ избраніемъ поставленъ

1482 г.

9) *Максимъ II*, называемый прежде Мануиломъ, тотъ мужественный екклисіархъ, который при Іоасафѣ Коккѣ славно потерпѣлъ порваніе ноздрей за священные каноны. И онъ внесъ установленные 2000 золотыхъ и прибавленные сербомъ Рафаиломъ 500, потому что это количество сдѣлалось узаконеннымъ. Максимъ былъ мужъ образованный, извѣстный своимъ благочестіемъ; онъ постоянно училъ въ церкви слову Божію, какъ истинный пастыреначальникъ. Зная турецкій языкъ,

онъ первый перевелъ на него Символъ Вѣры для нѣкоторыхъ трапезунтскихъ христіанъ, жившихъ при дворѣ. Къ этому переводу онъ былъ приглашенъ самимъ султаномъ, который слышалъ о его учености и добродѣтели. Пасши Церковь 6 лѣтъ, святѣйшій Максимъ отошелъ ко Господу (¹). На его мѣсто соборно избранъ

1488 г.

10) *Нифонтъ II*, ѳессалоникскій митрополитъ, родомъ изъ Пелопонеса, обучавшійся монашеской жизни на Аѳонѣ, мужъ добродѣтельный и весьма мудрый. Патріаршествовавъ болѣе 2-хъ лѣтъ, онъ насильно былъ свергнутъ съ престола, оклеветанный отступникомъ Вѣры трапезунтцемъ Амирудзи предъ султаномъ Баязетомъ II, будто онъ получилъ въ наслѣдство большое имущество отъ патріарха Симеона Трапезунтскаго (который, по сверженіи своемъ, жилъ на покоѣ въ Константинополѣ и умеръ при Нифонтѣ 1489 г.). Оставшееся послѣ него имущество его все захватилъ христоненавистный Баязетъ II, нарушая тѣмъ права патріаршія. Тогда и Нифонтъ былъ оклеветанъ и свергнутъ, при чемъ вся утварь патріархіи была расхищена. Нифонту наслѣдовалъ

1490 г.

Діонисій I, во второй разъ призванный изъ монастыря. Патріаршествовавъ два года и 6 мѣсяцевъ, онъ

(¹) При немъ умеръ Магометъ II (1482 г.) и наслѣдовалъ ему Баязетъ II, крайне жестокій гонитель христіанъ.

опять отказался, по любви къ уединенію, и патріархомъ сдѣлался

1493 г.

11) *Максимъ III*, серрскій митрополитъ (въ мірѣ называвшійся Манассіею), который чрезъ 6 лѣтъ свергнутъ былъ съ престола; за нимъ снова былъ призванъ

1499 г.

Нифонтъ II во второй разъ. Едва пробывши на каѳедрѣ 1 годъ, онъ опять былъ свергнутъ нѣкоторыми неспокойными людьми. Въ беззаконное и насильственное правленіе легко успѣваютъ люди нечестные и лукавые. Нифонтъ удалился въ Валахію, а ему наслѣдовалъ

1500 г.

12) *Іоакимъ*, митрополитъ драмскій, человѣкъ молодой по возрасту, но зрѣлый по разсудительности, ученый и добродѣтельный. Онъ бывалъ прежде и въ странѣ иверовъ (грузиновъ), которые особенно почитали его. Достойно управляя патріаршествомъ, онъ впалъ въ искушенія. Нѣкто, бывшій епископъ селимврійскій, за злодѣянія изверженный Церковію, явился къ султану и просилъ себѣ патріаршества, предлагая сверхъ установленныхъ 2500 золотыхъ еще 1000. Султанъ принялъ приношеніе, и Іоакимъ едва не былъ свергнутъ. Но паства, предваривъ сіе, внесла отъ себя 1000 золотыхъ и тѣмъ удержала Іоакима на каѳедрѣ, любя его за благочестіе и боясь впасть въ нечестивыя руки епископа селимврійскаго. Въ четвертый годъ Іоакимъ опять былъ оклеветанъ предъ султаномъ, будто онъ приказалъ по-

чинить поврежденную кровлю одного храма въ Хрисополѣ; тогда христоборный Баязетъ насильственно свергнулъ его и приказалъ находившимся въ столицѣ епископамъ избрать другаго патріарха. По соборномъ совѣщаніи они вызвали Нифонта, а когда тотъ не принялъ приглашенія, былъ поставленъ

1504 г.

13) *Пахомій I*, митрополитъ зихнонскій. Едва прошелъ годъ, а по инымъ 7 мѣсяцевъ, его свергли приверженцы Іоакима. Средство къ сверженію было легкое: они заплатили султану извѣстную сумму денегъ и опять былъ вызванъ

1505 г.

Іоакимъ во второй разъ. Видя, что и онъ самъ и церковная казна отягощены долгами, онъ, съ позволенія правительства, отправился въ Молдавію и просилъ тогдашняго господаря о денежной помощи. Не встрѣтивъ ожидаемаго участія, онъ умеръ отъ печали въ Валахіи на возвратномъ пути своемъ. Тогда опять былъ призванъ

1506 г.

Пахомій во второй разъ, мужъ дѣятельный и ревнитель Вѣры. При немъ Арсеній критянинъ, поклонникъ папы, пришедъ въ находившійся тогда подъ владычествомъ венеціанъ пелопонесскій городъ Монемвасію, властью латинскаго правительства и святѣйшаго старца своего (папы Льва I) насильно выгналъ оттуда православнаго и законнаго пастыря и заставилъ рукоположить себя въ митрополиты монемвасійскіе, составивъ

соборъ, на которомъ епископа реонтскаго провозгласилъ патріархомъ константинопольскимъ, а епископовъ лакедемонскаго и христіанопольскаго и двухъ пресвитеровъ членами сѵнода. Сдѣлалъ онъ это, какъ бы смѣясь надъ константинопольскою церковію. Этого-то самозванца патріархъ Пахомій предалъ отлученію. Когда же слухъ объ этомъ и патріаршія грамоты достигли Пелопонеса, Арсеній, боясь народнаго гнѣва, бѣжалъ въ Венецію, гдѣ и скончался ([1]), а на его мѣсто былъ поставленъ законный пастырь монемвасійскій. Послѣ того патріархъ Пахомій отправился въ Валахію и Молдавію, гдѣ получилъ почетный пріемъ и денежное вспомоществованіе отъ христіанъ (тогда патріархи жили на счетъ добровольныхъ приношеній христіанъ, а извѣстные нынѣ обязательные взносы еще не были введены). На возвратномъ пути Пахомій, отравленный прислужниками, надѣявшимися воспользоваться бывшими у него деньгами, скончался въ Селимвріи Ѳракійской, въ 6-й годъ своего патріаршества. Преемникомъ ему былъ избранъ

1511 г.

14) *Ѳеолептъ I*, митрополитъ янинскій ([2]); преемникомъ его чрезъ 8½ лѣтъ былъ

([1]) Отецъ его былъ православный и мудрый константинополецъ Михаилъ Апостолій (отъ котораго осталось намъ не мало сочиненій). И самъ Арсеній былъ умный человѣкъ, но еретикъ. Прибывши въ Римъ, онъ льстилъ папамъ, надѣясь получить отъ нихъ какую нибудь помощь для плѣненной Греціи (а какой помощи благоразумный человѣкъ могъ ожидать отъ папы?). Пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ Римѣ «колѣнопреклоненный», какъ самъ говоритъ, предъ всесвятѣйшимъ Львомъ. Поздно узналъ Арсеній, что онъ колѣнопреклонялся и курилъ ѳиміамъ предъ глухимъ идоломъ. Впослѣдствіи онъ выпросилъ у папы рекомендательную грамоту и съ нею отправился угнетать собственное отечество, бѣдствія котораго оплакивалъ, живя среди иноземцевъ.

([2]) Въ его время умеръ сперва Баязетъ (1514 г.), а потомъ и сынъ его и преемникъ Селимъ I (1519 г.) и вступилъ на престолъ, называе-

1520 г.

15) *Іеремія I*, іеромонахъ, мужъ досточтимый и просвѣщенный. Онъ патріаршествовалъ 3 года, пасъ церковь боголюбезно и пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Но когда онъ отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе всесвятому гробу, нѣкоторые изъ константинопольскаго клира, недовольные имъ, въ отсутствіе его нашли для себя благопріятный предлогъ къ избранію другаго патріарха. Средство къ утвержденію новаго патріарха было самое легкое. Поднесли султану обыкновенную въ такихъ случаяхъ сумму, прибавивъ къ ней еще 500 золотыхъ. Такимъ образомъ взносъ за каждаго нововозводимаго патріарха опредѣленъ на послѣдующее время въ 4000 золотыхъ (круглое число!). Эти нечестивцы, получивъ позволеніе избрать новаго патріарха, избрали

1523 г.

16) *Іоанникія I*, епископа созопольскаго. Никто изъ христіанъ не оказывалъ ему должнаго уваженія, даже не цѣловалъ руки, напротивъ всѣ считали его самозванцемъ и незаконнымъ. Патріархъ Іеремія, находившійся тогда въ Іерусалимѣ, узнавъ объ этомъ, сообщилъ тремъ патріархамъ: іерусалимскому, александрійскому и антіохійскому, и они, собравшись вмѣстѣ, отлучили недостойнаго Іоанникія и за тѣмъ отправились каждый въ свою епархію. Патріархъ Іеремія тоже выѣхалъ изъ Іерусалима. Лишь только онъ прибылъ въ Галату, къ нему собрались всѣ христіане и единогласно провозгласили его истиннымъ патріархомъ и отцемъ. Они от-

---

мый у турокъ великимъ и законодателемъ Селиманъ, султанъ весьма дѣятельный.

правились во дворецъ и подали просьбу о возстановленіи его. Султанъ удовлетворилъ всенародному требованію, взявши по этому поводу взносъ въ четыре тысячи золотыхъ. Такимъ образомъ несчастный Іоанникій былъ низложенъ,—и снова возведенъ на патріаршій престолъ во второй разъ

1523 г.

Іеремія I. Во второе патріаршество его произошло въ церкви великое смятеніе. Турецкіе законовѣды и ученые (улемы), узнавши, что во время бывшаго передъ тѣмъ пожара сгорѣли фирманы, данные Магометомъ II патріарху Геннадію относительно Церкви, подали совѣтъ разрушить до основанія константинопольскіе храмы, ссылаясь на свой законъ, по которому въ городѣ, неподчинившемся добровольно, но взятомъ силою оттомановъ, не можетъ оставаться христіанскій храмъ. Узнавши объ этомъ, приближенные къ патріарху Іереміи обратились къ великому визирю и другимъ знатнымъ особамъ съ просьбами, со слезами, дарами и съ чѣмъ только не обращались они, чтобы отвратить грозившую бѣду. Власти умилостивились и особенно великій визирь (Ибрагимъ); онъ внушилъ патріарху представить въ верховный турецкій судъ престарѣлыхъ турокъ, которые могли бы засвидѣтельствовать, что Константинополь сдался добровольно. Убѣдившись показаніями этихъ достойныхъ довѣрія свидѣтелей, судьи объявили храмы неприкосновенными для магометанъ. Султанъ съ своей стороны издалъ фирманъ, подтверждавшій безопасное существованіе христіанскихъ церквей. Послѣ этого прибылъ въ Константинополь ахридскій архіепископъ и, явившись къ султану, предложилъ ему

сто золотыхъ ежегодной дани, если онъ возвратитъ архіепископіи его сербскую епископію, которая за три почти вѣка предъ тѣмъ была отторгнута отъ ахридской и подчинена митрополіи ѳессалоникской. Но просьба архіепископа была оставлена безъ уваженія, по силѣ закона, по которому „имущество, остававшееся въ чьемъ бы то ни было владѣніи непрерывно въ продолженіе ста лѣтъ, не отчуждается". Но чтобы государственная казна не потерпѣла ущерба, отказавшись отъ обѣщаннаго каждогоднаго взноса ста червонцевъ, прибавили эту сумму къ той, которая взималась съ патріарха и послѣдняя возрасла такимъ образомъ до 4100 червонныхъ. Послѣ сего патріархъ Іеремія лично отправился въ Молдавію и Валахію, но на пути заболѣлъ и умеръ въ великомъ Терновѣ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ вторичнаго вступленія своего на патріаршій престолъ. Преемникомъ ему избранъ

1543 г.

17) *Діонисій II*, митрополитъ никомидійскій, человѣкъ безпокойный. Въ его время, по приказанію султана, снятъ былъ крестъ съ главы храма Всеблаженной (подобно тому какъ и Омаръ въ 750 году приказалъ снять крестъ, водруженный на горѣ Елеонской). Послѣ смерти Діонисія, недостойно занимавшаго патріаршій престолъ 8 лѣтъ, избранъ

1551 г.

18) *Іоасафъ II*, митрополитъ адріанопольскій, мужъ славный и достопочтенный, благоразумный въ своихъ отношеніяхъ къ правительству и искусный въ словѣ. Онъ

убѣдилъ султана установленный для патріарха взносъ уменьшить на тысячу червонцевъ. Къ Іоасафу прислалъ Филиппъ Меланхтонъ лютеранское исповѣданіе съ діакономъ Димитріемъ, котораго патріархъ отправлялъ въ Германію, чтобы удостовѣриться, желаютъ ли лютеране, не задолго предъ тѣмъ отторгшіеся отъ папы, присоединиться къ восточной Церкви. Но когда Димитрій представилъ полученное отъ Меланхтона лютеранское исповѣданіе, тогда всѣ сношенія и переговоры о единеніи оказались напрасными. Чрезъ 14 лѣтъ патріаршества Іоасафъ былъ низложенъ за то, что оставивъ прежнее благочестіе, впалъ въ любостяжаніе, такъ что (какъ сказываютъ) унизился даже до симоніи. На его мѣсто возведенъ

1565 г.

19) *Митрофанъ III*, митрополитъ кесарійскій. Противъ него воздвигъ гоненіе Михаилъ Кантакузенъ, родомъ анхіалитъ, человѣкъ низкій и презрѣннѣйшій, но хитрый и дерзкій, хорошо знавшій турецкій языкъ и пріобрѣтшій большую силу у турокъ подкупомъ. Онъ производилъ безпорядки какъ въ гражданскихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ, возводя и низводя митрополитовъ и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ грабя и обирая слабыхъ. Михаилъ оклеветалъ предъ турками (въ чемъ, неизвѣстно) и Митрофана, который сверхъ всякаго ожиданія былъ лишенъ каѳедры. Между тѣмъ султанъ, узнавъ о дѣйствіяхъ этого мелкаго тирана, приказалъ повѣсить его близъ собственнаго дома его въ городѣ Анхіалѣ. Послѣ этого Митрофанъ, патріаршествовавшій 7 лѣтъ, не пожелалъ возвратиться на каѳедру, но доб-

ровольно отказался отъ нея и посвятилъ дни свои уединенію ([1]). Преемникомъ ему былъ избранъ

1572 г.

20) *Іеремія II*, митрополитъ ларисскій, по прозванію Τρανός (свѣтлый); и въ самомъ дѣлѣ великій и свѣтозарный пастырь Церкви, прославившійся какъ многими доблестями и великою ревностію, такъ и основательнымъ знаніемъ еллинской словесности, а болѣе всего— божественныхъ писаній. Къ этому патріарху тюбингенскіе лютеранскіе богословы присылали три посланія о лютеранскихъ догматахъ, требуя отвѣта отъ восточной Церкви. Приснопамятный Іеремія отвѣчалъ тремя соборными посланіями и въ нихъ обличалъ нововведенія реформатовъ въ дѣлахъ Вѣры и вмѣстѣ излагалъ ученіе истинно евангельское. Онъ писалъ и другое посланіе къ нѣмцамъ о божественной евхаристіи, и много другихъ разнаго содержанія и къ различнымъ лицамъ, проповѣдуя ученіе истины и единовѣрцамъ и неправославнымъ, какъ достойный преемникъ божественныхъ отцевъ и апостоловъ ([2]). Онъ ревностно заботился также о благолѣпіи священныхъ храмовъ, украсивъ и храмъ Всеблаженной и патріархію, и еще съ большею ревностію о благоустроеніи Церкви и благонравіи духовенства. Но зависть и его низвергла съ каѳедры при посредствѣ свѣтской власти на восьмомъ

([1]) Въ его время умеръ султанъ Солиманъ (въ 1566 г.), оставивъ преемникомъ сына Селима. Послѣ 9-ти лѣтняго царствованія и онъ померъ и преемникомъ его сдѣлался Муратъ III (1575).

([2]) Патріархъ Іеремія издалъ кромѣ того соборное постановленіе о рукополагающихъ и рукополагаемыхъ за деньги, провозгласивъ ихъ самоизложенными (Мелет. Цер. ист. Т. 3. стр. 401).

году его славнаго патріаршества. Преемникомъ его снова назначенъ

1579 г.

Митрофанъ III во второй разъ. Но едва протекло 9 мѣсяцевъ послѣ вступленія его на каѳедру, какъ онъ скончался, и тогда на патріаршій престолъ снова приглашенъ

1580 г.

Іеремія II въ другой разъ. Цѣлые четыре года онъ служилъ украшеніемъ Церкви. Пришлось и ему потерпѣть за Церковь многія гоненія, подобно великому Аѳанасію и прочимъ многострадальнымъ поборникамъ православія. Его опять насильственно низвергли съ престола и сослали въ Родосъ по навѣтамъ, какъ говорятъ, преемника его Пахомія, называвшаго его злонамѣреннымъ порицателемъ турецкаго правительства. На мѣсто его правительствомъ возведенъ нечестивый

1584 г.

21) *Пахомій II*, родомъ изъ Лезбоса, по прозванію Батиста (названіе одной итальянской фамиліи). Но и этотъ восхититель власти, спустя годъ, изгнанъ и низложенъ соборно. Вмѣсто его возведенъ

1585 г.

22) *Ѳеолептъ II*, митрополитъ филиппопольскій, человѣкъ честный, но къ управленію многосложными дѣлами Церкви неспособный. Почему, пробывъ патріархомъ годъ, онъ былъ лишенъ каѳедры и на мѣсто его опять приглашенъ

1586 г.

Іеремія II въ третій разъ. Въ это патріаршество свое онъ путешествовалъ въ Россію въ сопровожденіи трехъ архіереевъ и рукоположилъ перваго патріарха православной русской церкви блаженнаго Іова (въ 1588 г.). По возвращеніи въ Константинополь, онъ пасъ Церковь 8 лѣтъ боголюбезно и съ приснопамятною славою и преставился къ Господу. Преемникомъ ему былъ

1594 г.

23) *Матѳей II*, митрополитъ янинскій. Онъ патріаршествовалъ около 2-хъ лѣтъ, или (по другимъ извѣстіямъ) только 19 дней и вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ оставилъ каѳедру. Говорятъ, что онъ постригся въ великую схиму. Но всего вѣрятнѣе, что это случилось послѣ вторичнаго его удаленія съ каѳедры (¹). Послѣ же перваго на его мѣсто избранъ

1594 г.

24) *Гавріилъ I*, митрополитъ ѳессалоникскій, мужъ благочестивый и доблестный, который послѣ шестимѣсячной болѣзни почилъ о Господѣ. Тогда избранъ патріархомъ

(¹) Преосвященный Мелетій аѳинскій (авторъ Церк. Ист.) считаетъ почти два года паріаршества Матѳея. Онъ выписываетъ изъ кодекса Великой Церкви и самый разсказъ о его удаленіи въ уединеніе. Но по Бандурію и нѣкоторымъ другимъ иностраннымъ историкамъ, Матѳей оставилъ каѳедру чрезъ 19 или 16 дней послѣ возведенія своего въ патріаршество. Послѣ него они считаютъ Гавріила ѳессалоникійскаго, Ѳеофана аѳинскаго и мѣстоблюстителя Мелетія Пига, за ними опять Матѳея (какъ выше мы сказали). Подобно тому и блаженной памяти Мелетій въ Церк. Истор. Т. 3 стр. 401, перечисляя другихъ, хотя и упомянулъ мимоходомъ въ своемъ спискѣ о преемникѣ Матѳея Гавріилѣ (какъ выше замѣчено), но далѣе на стр. 403 ничего не говоритъ о Гавріилѣ, а

1594 г.

26) *Феофанъ* аѳинскій. Но и онъ чрезъ 6 или 7 мѣсяцевъ скончался, послѣ чего, до назначенія новаго патріарха, управлялъ престоломъ константинопольскимъ, съ званіемъ мѣстоблюстителя, единодушно избранный

1595 г.

Мелетій I, патріархъ александрійскій, прозванный Пига, мужъ извѣстный своею мудростію и подвигами, славный проповѣдникъ православія, источавшій, достойно своего прозванія, чистѣйшія струи божественнаго ученія. Ему приписываютъ разнаго рода сочиненія въ формѣ посланій къ благочестивѣйшему царю русскому Василію, къ обитавшимъ въ польшѣ православнымъ грекамъ и русскимъ и къ жителямъ Хіоса. Въ своихъ посланіяхъ, Мелетій, утверждая православныхъ въ отеческомъ благочестіи, опровергаетъ заблужденія латинянъ и реформатовъ, кои въ то время соперничали другъ передъ другомъ въ распространеніи своихъ заблужденій въ странахъ православныхъ. Извѣстны также слова Мелетія, названныя имъ строматами (смѣсью), кругъ церковныхъ поученій и другія творенія. Но подробно-

---

прямо начинаетъ разсказъ о преемникѣ Матѳея Неофитѣ. Также и въ упомянутомъ отрывкѣ изъ кодекса великой церкви Неофитъ называется преемникомъ Матѳея, что и было на самомъ дѣлѣ. Но Гавріилъ былъ преемникомъ Матѳея послѣ перваго его патріаршества, а Неофитъ послѣ втораго, о которомъ и говоритъ кодексъ церковный. А блаженный Мелетій ошибся, сдѣлавъ скачокъ отъ перваго ко второму патріаршеству Матѳея и оставивъ въ сторонѣ патріарховъ, бывшихъ между тѣмъ и другимъ. Отсюда произошла разница въ хронологіи, по которой первое патріаршество Матѳея было въ 1601 году. Но точнѣйшія изслѣдованія кодексовъ церковныхъ приводятъ къ совершенно другимъ заключеніямъ.

сти о жизни этого мудраго отца Церкви относятся собственно къ исторіи александрійскихъ патріарховъ. Въ описываемое же нами время Мелетій, исполняя неотступную просьбу константинопольцевъ, управлялъ престоломъ около 11 мѣсяцевъ, а потомъ былъ приглашенъ снова

1595 г.

Матѳей II, во второй разъ. Чрезъ четыре года этотъ патріархъ былъ уволенъ съ каѳедры, или лучше сказать, отказался отъ нея и принялъ схиму (какъ сказано въ кодексѣ великой церкви) (¹). На мѣсто его назначенъ

1600 г.

26) *Неофитъ II*, митрополитъ аѳинскій, который впрочемъ, спустя годъ и два мѣсяца, былъ лишенъ престола, а патріархомъ снова назначенъ

1601 г.

Матѳей II, въ третій разъ. Но спустя недолгое время, онъ умеръ, и преемникомъ ему избранъ

1603 г.

27) *Рафаилъ II*, митрополитъ миѳимнійскій. Онъ занималъ престолъ 5 лѣтъ и потомъ насильственно лишенъ его и сосланъ въ заточеніе (²). При немъ турки захватили въ свои руки храмъ Всеблаженной, а для пат-

---

(¹) Въ это время умеръ Муратъ III и преемникомъ ему сдѣлался сынъ его Мехметъ III (1595 г.).

(²) Въ его время умеръ Мехметъ III (1663) и преемникомъ его сдѣлался Ахметъ I, покорившій Молдавію и Валахію.

ріархіи былъ назначенъ храмъ святаго Георгія. На мѣсто Рафаила опять приглашенъ

1608 г.

Неофитъ II, въ другой разъ. Но и онъ чрезъ 6 лѣтъ былъ насильственно свергнутъ. Когда дѣла пришли въ безпорядокъ и никто не рѣшался принять на себя патріаршества, мѣстоблюстителемъ престола назначенъ былъ

1614 г.

Кириллъ I, Лукарисъ, мудрѣйшій патріархъ александрійскій. Послѣ довольно продолжительнаго его управленія избранъ въ патріархи

1614 г.

28) *Тимоѳей I*, митрополитъ древнихъ Патръ, родомъ изъ Панорма, мѣстечка, лежащаго не подалеку отъ Кизика на берегу Пропонтиды. Это былъ достойный подвижникъ благочестія, преданный божественному, человѣкъ энергическій и разсудительный. Онъ перестроилъ находящійся въ Фанарѣ храмъ святаго Георгія, который турки уступили патріархіи послѣ отнятія храма Всеблаженной, обращеннаго ими въ мечеть. Храмъ святаго Горгія прежде былъ женскимъ монастыремъ древнимъ и очень малымъ. Но блаженный Тимоѳей (1614 г.), съ дозволенія правительства, перестроилъ его, распространилъ (на сколько позволяли тогдашнія средства) и вокругъ его построилъ нѣсколько келлій для помѣщенія пріѣзжающихъ въ столицу архіереевъ: еще предшественникъ Тимоѳея Рафаилъ издалъ соборное постановленіе, чтобы всѣ являющіеся въ Констан-

тинополь преосвященные жили въ келліяхъ этой въ то время вновь назначенной патріархіи, а не проживали въ мірскихъ домахъ столицы, чтобъ не унизить святительскаго достоинства. Блаженный Тимоѳей въ воспоминаніе объ отнятомъ храмѣ Всеблаженной наименовалъ храмомъ Пресвятыя Богородицы эту церковь, посвященную издревле святому Георгію ([1]). Онъ остается патріархіей и до настоящаго времени ([2]). Приснопамятный Тимоѳей пасъ церковь праведно и боголюбезно 8 лѣтъ, послѣ чего почилъ о Господѣ ([3]) Преемникомъ ему былъ

1622 г.

29) *Кириллъ I*, Лукарисъ, бывшій предъ тѣмъ патріархомъ александрійскимъ, и уже управлявшій престоломъ константинопольскимъ въ званіи мѣстоблюстителя (о чемъ мы упомянули выше). Онъ былъ родомъ изъ Крита, и въ мірѣ назывался Константиномъ. Постригшись въ монашество, онъ путешествовалъ по Бельгіи, Британіи и другимъ землямъ и наконецъ избранъ (1603 г.) преемникомъ блаженнаго Мелетія Пига на престолѣ александрійскомъ и съ честію занималъ его

([1]) См. Мелет. Церк. Ист. Томъ 3 стр. 429.

([2]) Въ патріаршество Тимоѳея былъ въ Константинополѣ соборъ, на которомъ присутствовали кромѣ константинопольскаго патріарха и другіе трое — александрійскій Кириллъ, антіохійскій Еѳимій и іерусалимскій Софроній. На этомъ соборѣ послѣдовало, между прочимъ, опредѣленіе о низложеніи Лаврентія, епископа Синайской горы, за то, что онъ, вопреки древнему преданію, совершалъ божественныя тайны, не снимая митры съ головы, какъ разсказываетъ Мелетій (Цер. Ист. Томъ 3, стр. 430). Лаврентій хотѣлъ, можетъ быть, подражать папѣ, который совершаетъ тайны въ тіарѣ. См. К. Эконом. Επισομμ Διατ. pag. 84.

([3]) При Тимоѳеѣ умеръ Ахметъ I и на престолъ вступилъ Мустафа. Но чрезъ 3 мѣсяца онъ былъ низверженъ и преемникомъ ему сдѣлался Османъ I, въ 1618 году.

15 лѣтъ. Это былъ мужъ мудрѣйшій и знаменитѣйшій не только ученостію и благочестіемъ, но и гоненіями, кои онъ испыталъ по вступленіи на вселенскій престолъ, бывши пять разъ возводимъ на него и четыре раза низводимъ. Относящіяся къ этому обстоятельства мы изложимъ ниже. Здѣсь же ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Весь почти 17-й вѣкъ былъ временемъ многихъ и великихъ скорбей для Церкви. Нечестіе нѣкоторыхъ пастырей и разнообразныя происки и хитрости вторгавшихся отвнѣ еретиковъ, покровительствуемыхъ варварскимъ и корыстолюбивымъ турецкимъ правительствомъ, поставили Церковь въ затруднительное положеніе. Возобновились насильственныя низложенія патріарховъ, которыя повторялись чаще, чѣмъ неправильныя и беззаконныя удаленія пастырей Церкви, бывшія при еретическихъ императорахъ. Спустя годъ и 4 мѣсяца по вступленіи Кирилла на престолъ, нѣкто Григорій, епископъ амасійскій (органъ находившихся въ Константинополѣ іезуитовъ), сговорившись съ двумя низложенными архіереями, ахридскимъ Митрофаномъ и серрскимъ Іоасафомъ, оклеветалъ патріарха предъ турками въ дружбѣ съ европейцами и измѣнѣ. Кириллъ насильственно былъ лишенъ каѳедры и изгнанъ (¹). Патріархомъ же избранъ

1623 г.

30) *Григорій IV*, амасійскій. Но и онъ чрезъ 3 мѣсяца въ оковахъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Родосъ,

(¹) Въ 1622 году умеръ Османъ и опять воцарился Мустафа I. Но и онъ снова былъ сверженъ въ 1623 году и преемникомъ ему сдѣлался Муратъ IV.

какъ не соборнымъ опредѣленіемъ избранный, а отъинуду пришедшій. Вмѣсто его назначенъ

1623 г.

31) *Анѳимъ II*, до того времени адріанопольскій. При немъ Григорій, похититель патріаршества, соборно былъ низложенъ и отлученъ. Но и самъ Анѳимъ, видя, что дѣла Церкви находятся въ бѣдственномъ положеніи, а долгъ Церкви возросъ до огромныхъ размѣровъ, спустя 50 дней послѣ вступленія на каѳедру, оставилъ ее и удалился въ уединеніе на Аѳонъ. На его мѣсто опять былъ приглашенъ

1624 г.

Кириллъ I Лукарисъ, во второй разъ. Этотъ мудрый патріархъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ англійскаго посланника и еще большимъ—бельгійскаго посла, какъ старый знакомый англичанъ и бельгійцевъ, пользовавшійся прежде дружескимъ пріемомъ въ ихъ государствахъ. Оба эти двора находились въ то время въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, а бельгійскій, кромѣ того, сильно противодѣйствовалъ низкимъ продѣлкамъ іезуитовъ (которые утвердившись въ Галатѣ и Ставродомѣ и устроивъ училища, даромъ учили дѣтей грековъ, а бѣднымъ родителямъ ихъ давали пропитаніе, покупая цѣною такой благотворительности простыя и несвѣдущія души, въ которыхъ насаждали они мало помалу папское нечестіе). Но мудрый патріархъ не переставалъ своими наставленіями утверждать православныхъ въ отеческомъ благочестіи и разоблачать тайные замыслы папистовъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ въ Константинополѣ типо-

графію, поручивъ управленіе ею монаху изъ Корфу Григорію Метаксѣ, и издавалъ необходимыя книги благочестиваго содержанія, въ опровержение тѣхъ нечестивыхъ книгъ, которыя во множествѣ были печатаемы іезуитами и раздавались ими даромъ (1). Послѣдніе, видя въ патріархѣ сильнаго врага себѣ, оклеветали его предъ правительствомъ, какъ хулителя магометанскаго закона, и ссылались въ доказательство на катихизическое сочиненіе патріарха Кирилла (изданное имъ еще въ бытность его въ Лондонѣ), въ которомъ онъ обличалъ ложное ученіе Магомета. Іезуиты утверждали предъ турками, что эту книгу патріархъ напечаталъ незадолго предъ тѣмъ въ константинопольской типографіи. Правительство, раздраженное противъ Кирилла, отправило солдатъ, которые разрушили до основанія типографію и обратили въ прахъ всѣ типографскія принадлежности, а самъ начальникъ типографіи Метакса едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Потомъ посланы были другіе схватить Кирилла, но онъ укрылся въ домѣ бельгійскаго посланника. Послѣдній поспѣшилъ вступиться за него и убѣдилъ великаго визиря, что это клевета іезуитовъ. Такимъ образомъ Кириллъ опять

(1) «Ничто не ново подъ солнцемъ». Что дѣлали тогда іезуиты для истребленія православія, въ томъ же самомъ обвиняютъ теперь протестантовъ. «Что было то и будетъ» (Еккл. 1, 9). Чего достигли папистыъ отношеніи къ православнымъ грекамъ, тогоже достигнутъ и протестаны! «Родъ преходитъ и родъ приходитъ, но Господь пребываетъ во ѣки». Высокій градъ православной Церкви поставленъ на возвышеной скалѣ. Обитатели его безстрашно смотрятъ сверху на то, какъ ражескія ладьи и волны злочестія сокрушаются о вѣчные утесы горы ожіей. И раздается съ неба гласъ: «доздѣ, сланое море нечестія, оздѣ дойдеши, бушуя и волнуясь, и не прейдеши». Разбитыя и неріязненныя суда и пѣнящіяся волны убѣгаютъ назадъ въ свои собгвенныя бездны. «Въ тебѣ самой сокрушатся волны».

удержался на патріаршемъ престолѣ. Тогда іезуиты замыслили противъ него новыя козни. Они обвинили патріарха въ кальвинизмѣ и старались увѣрить въ этомъ простодушныхъ архіереевъ и клириковъ. Склонили на свою сторону также нѣкоторыхъ дурныхъ людей большими обѣщаніями и деньгами. Такимъ образомъ всюду распустили слухи, что патріархъ держится кальвинскаго образа мыслей. Слухъ объ этомъ дошелъ до православной Россіи. Тогда русскіе послали къ іерусалимскому патріарху Ѳеофану, проживавшему въ Яссахъ, узнать, въ какой мѣрѣ справедливы такіе слухи. Блаженный Ѳеофанъ созвалъ мѣстный соборъ и отвѣчалъ посланіемъ, состоящимъ изъ 15 главъ, что патріархъ Кириллъ есть истинный и православный патріархъ. Но чрезъ два года (1632) явилась въ Константинополѣ книга, напечатанная въ Женевѣ, содержавшая въ себѣ 18 главъ и 4 вопроса, и наполненная кальвинистическимъ нечестіемъ. На заглавномъ листѣ эта книга приписывалась самому Кириллу, вселенскому патріарху. Неизвѣстно, кто былъ настоящій ея авторъ. Несомнѣнно впрочемъ, что книга была писана не блаженнымъ Кирилломъ (сколько бы ни утверждали протестанты, издавшіе цѣлое сочиненіе, въ которомъ говорится, что въ Швейцаріи сохраняется подлинникъ ея, написанный рукою самаго Кирилла, равно и нѣкоторыя другія письма въ кальвинскомъ духѣ, на латинскомъ языкѣ!). Несомнѣнно также, что различныя ереси лютеранскія и кальвинскія, волновавшія тогда всю Европу, пытались вторгнуться и въ православную Церковь. Въ то время потерпѣвшій столько бѣдъ Константинополь сдѣлался свидѣтелемъ съ одной стороны безстыдныхъ папскихъ козней, съ другой миролюбивой

повидимому дружелюбной политики лютеранъ и кальвинистовъ. Послѣдніе дѣйствовали тогда въ Константинополѣ еще не открыто и не прямо, но тѣмъ не менѣе соперничали съ папистами въ томъ, кому первому захвативъ въ свою власть восточную Церковь, которая въ то время казалась сиротствующею и невѣжественною и страшно угнетаемою подъ чужеземнымъ владычествомъ ([1]). Не смотря на это, всегда пребывающій, невидимый Женихъ и Царь сохранилъ ее невредимою. Съ появленіемъ же кальвинистической книги подъ именемъ патріарха Кирилла произошло въ Константинополѣ большое смятеніе и Кириллъ снова обвиненъ предъ правительствомъ во франкской вѣрѣ и измѣнѣ, и насильственно низведенъ съ престола, спустя 8 лѣтъ со времени вторичнаго вступленія на него. На мѣсто Лукариса избранъ

1632 г.

23) *Кириллъ II*, епископъ веррійскій, по прозванію Контарисъ, достойнѣйшее орудіе іезуитскихъ козней. Но онъ былъ на каѳедрѣ только 6 дней (отъ 5 до 11 октября) и вслѣдъ за тѣмъ насильственно низверженъ правительствомъ и сосланъ въ заточеніе въ Тенедосъ. Вмѣсто его опять приглашенъ славный Лукарисъ

([1]) Когда блаженный Кириллъ былъ александрійскимъ патріархомъ и когда лютерокальвинская ересь еще неизвѣстна была въ восточной Церкви, онъ въ письмѣ своемъ къ одному бельгійцу Іоанну Hytenboart написалъ слѣдующія приснопамятныя строки (между прочимъ онѣ оказываютъ и отеческое православіе его): «Нѣкоторые порицаютъ невѣжество восточной Церкви, говоря, что ученость и философія перешли въ другія страны. Между тѣмъ нынѣ православныхъ потому и можно назвать очень счастливыми, что они мало свѣдущи, и что имъ неизвѣстно, какія пагубныя ученія оскверняютъ слухъ людей въ настоящее время.» (Подъ этимъ онъ разумѣлъ различныя ереси лютеранъ и кальвинистовъ).

1632 г.

Кириллъ I, въ третій разъ и украшалъ престолъ полтора года. Но неусыпная заботливость папистовъ нашла другое орудіе, Аѳанасія критскаго, извѣстнаго великому визирю (Зафири). Изъ-за него Кириллъ опять былъ удаленъ, а патріархомъ поставленъ самъ же критянинъ

1633 г.

33) *Аѳанасій III*, по прозванію Пателларій, епископъ ѳессалоникскій. Писатель 17 вѣка Димитрій Прокопіу Мосхополитъ, изъ Македоніи (въ перечнѣ греческихъ ученыхъ), называетъ его философомъ, филологомъ, поэтомъ, прекрасно владѣвшимъ греческимъ и латинскимъ языкомъ и отличнѣйшимъ проповѣдникомъ. Но мудрый въ словѣ, Пателларій оказался на дѣлѣ тщеславнымъ человѣкомъ и изъ честолюбія готовымъ попирать божественные каноны Церкви. Къ счастію слабое патріаршествованіе его было непродолжительно: чрезъ 40 дней по вступленіи на каѳедру, онъ былъ насильственно удаленъ съ нея въ великій пятокъ и опять отправленъ въ Ѳессалонику, избѣжавъ заточенія, благодаря сильнымъ своимъ покровителямъ. Отсюда тщеславный патріархъ бѣжалъ въ Анкону и написалъ просьбу папѣ объ утвержденіи за собою, по прибытіи въ Римъ, титула константинопольскаго патріарха (папа, какъ извѣстно, имѣетъ при себѣ номинальныхъ патріарховъ восточной Церкви). Папа отвѣчалъ Пателларію, что согласенъ дать ему 73-е мѣсто въ ряду кардиналовъ, если подпишетъ латинскій символъ вѣры. Несчастный Пателарій затрепеталъ, услышавъ о повелѣніи державнаго папы! И хотя онъ дозволилъ уже себѣ сдѣлаться

нарушителемъ каноновъ, но быть къ томуже измѣнникомъ отеческому ученію не рѣшился. Потому онъ поспѣшно удалился изъ Анконы въ Молдовлахію, откуда въ послѣдствіи опять прибылъ въ Константинополь. По удаленіи его возвращенъ изъ заточенія достославный

1633 г.

Кириллъ I Лукарисъ, въ четвертый разъ. Онъ патріаршествовалъ 1 годъ и два мѣсяца, послѣ чего снова былъ изгнанъ врагами; и снова, съ помощію ихъ, восходитъ на престолъ

1634 г.

Аѳанасій III, во второй разъ (льстившій своимъ покровителямъ іезуитамъ, по крайней мѣрѣ по наружности). Въ одномъ поученіи, произнесенномъ имъ на день святыхъ апостоловъ, онъ объяснялъ слова „ты еси Петръ" и т. д. нѣсколько неправильно и превратно, относя ихъ косвенно къ преимуществамъ римской каѳедры, какъ каѳедры первопрестольнаго Апостола. Но тогда явился другой Аѳанасій, мужъ неустрашимый, и обличилъ патріарха въ приверженности къ папизму, и даже напечаталъ свое обличеніе. Вслѣдствіе этого безславный и презрѣнный Пателларій, патріаршествовавшій около года, низведенъ съ престола и заточенъ въ Родосъ сильнымъ пашею Ибрагимомъ, который вмѣсто его опять возвелъ на патріаршій престолъ Контариса

1635 г.

Кирилла II, въ другой разъ. Чрезъ годъ и 6 мѣсяцевъ потерялъ свое мѣсто и самъ Ибрагимъ, а вслѣдъ

за тѣмъ и Контарисъ заточенъ въ Родосъ, какъ человѣкъ корыстолюбивый и безпокойный. Тогда патріархомъ назначенъ

1636 г.

34) *Неофитъ III*, до того времеми гераклійскій, котораго неправедный Контарисъ незадолго предъ тѣмъ насильственно изгналъ изъ Геракліи. Но чрезъ годъ Неофитъ отказался отъ каѳедры, будучи не въ силахъ поправить разстроенныя дѣла патріархіи, происшедшія отъ накопленія большаго долга. Въ продолженіе 15 лѣтъ (1622—1637) двѣнадцать разъ смѣнялись четыре патріарха (Лукарисъ, Контарисъ, Пателларій и наконецъ Неофитъ), отчего долгъ патріархіи возросъ до 100.000 піастровъ. Заимодавцами были турки, французы, армяне и евреи, которые влачили по судамъ поручителей архіереевъ, требуя отъ нихъ процентовъ, или капитала. Такія страданія понесла Церковь по винѣ преимущественно двухъ пастырей, Контариса и Пателларія. Въ послѣдствіи времени она подвергалась еще ужаснѣйшимъ страданіямъ. Происки лжебратій, вторгавшихся отвнѣ, постоянно вступавшихъ въ союзъ съ самыми недостойными, или самыми легкомысленными изъ архіереевъ, поджигали въ нихъ тщеславное исканіе патріаршества: а еретики, хотя и неразумно и тщетно, но все-таки надѣялись, съ помощію преданныхъ имъ патріарховъ, дѣйствовать ко вреду догматовъ восточной Церкви. Съ другой стороны корыстолюбивое турецкое правительство легко принимало всякую клевету, смотря на смѣну патріарха, какъ на средство получить деньги. Доблестные и добрые пастыри были лишаемы своихъ каѳедръ, будучи не въ силахъ про-

тиводѣйствовать ни ненасытному любостяжанію властей, ни навѣтамъ чужеземцевъ, которые, при посредствѣ европейскихъ посольствъ, разжигали страсть къ патріаршеству въ тщеславныхъ епископахъ. Церковь стенала, долгъ возросталъ, патріархи мѣнялись одинъ за другимъ. Послѣ отреченія Неофита, снова назначенъ патріархомъ

1637 г.

Кириллъ I Лукарисъ, въ пятый и послѣдній разъ. Тогда поднялась противъ него неудержимая злоба іезуитовъ. Разными кознями и наконецъ содѣйствіемъ Контариса они возбудили султана Мурата IV противъ Лукариса, выставивъ его опаснѣйшимъ и достойнымъ многихъ казней измѣнникомъ правительству. Чрезъ годъ и шесть мѣсяцевъ послѣдняго своего патріаршества блаженный Кириллъ насильственно заточенъ въ Лемоконію (крѣпость близъ Константинополя); тамъ, по повелѣнію султана, задушенъ и останки его брошены въ море ([1]). А на патріаршій престолъ восходитъ снова

[1] Такъ кончилась бѣдственная жизнь блаженнаго патріарха Лукариса, а вслѣдъ затѣмъ погибъ и жестокій его гонитель Контарисъ. Этотъ Контарисъ во второе свое патріаршество (1638 г.) составилъ въ Константинополѣ соборъ, который предалъ проклятію упомянутую выше кальвинистическую брошюру и выставленнаго въ заглавіи ея сочинителя Кирилла Лукариса. Соборъ этотъ подтвержденъ въ послѣдствіи другимъ, созваннымъ въ Яссахъ, при патріархѣ Парѳеніи старцѣ. Третій соборъ, созванный въ Іерусалимѣ патріархомъ іерусалимскимъ Досиѳеемъ, снова анаѳематствовалъ сказанную неправославную брошюру и составителя ея Кирилла, называя его очень справедливо Лжекирилломъ и освобождая отъ клеветы вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса, привелъ ясныя доказательства, что не онъ былъ авторомъ этого нечестиваго сочиненія. Вотъ его слова: «Церковь никогда не знала такого кальвиномудрствующаго Кирилла. Самъ патріархъ Кириллъ, патріаршествовавшій въ Александріи цѣлые 15 лѣтъ и почти столько же въ Константинополѣ, не заявилъ себя зараженнымъ каль-

1638 г.

Кириллъ II, Контарисъ, въ третій и также въ послѣдній разъ. Спустя годъ по вступленіи его на патріаршій престолъ, ненавидимый всѣми за низверженіе приснопамятнаго Кирилла, онъ самъ былъ обвиненъ предъ султаномъ, какъ клеветникъ и злодѣй. Султанъ, желая отдѣлаться отъ этого безпокойнаго человѣка, не оскорбляя впрочемъ (какъ ему казалось) политическихъ

винизмомъ ни въ собраніи архіереевъ, ни съ церковной каѳедры, ни передъ кѣмъ либо изъ приближенныхъ ему. Напротивъ, въ своихъ проповѣдяхъ, онъ излагалъ совершенно противоположное ученіе, право правя слово истины.» (За тѣмъ соборъ приводитъ сорокъ отрывковъ изъ сохранившихся до того времени собственноручныхъ сочиненій его, въ которыхъ Кириллъ раскрывалъ необходимость для спасенія всѣхъ православныхъ догматовъ, отвергаемыхъ Кальвиномъ). Постановивши такое опредѣленіе, іерусалимскій соборъ обличилъ въ своихъ главахъ и кальвинскія заблужденія (см. Досиѳ. патріарх. іерус. Ἐγχειρίδιον ἐξέλεγχον τὴν καλβινικὴν φρενοβλάβειαν). А тѣ, которые прежде анаѳематствовали Лукариса (особенно сторонники врага его Кирилла Контариса), приводили причину, что самъ Лукарисъ, прожившій 8 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ приписываемаго ему кальвинистическаго сочиненія, оставилъ его безъ отвѣта и опроверженія. Но молчаніе Кирилла легко объяснить, когда вспомнимъ, что среди величайшихъ гоненій на Лукариса онъ имѣлъ сильныхъ защитниковъ себѣ въ иностранцахъ, которые были лютеране и кальвинисты, и потому можетъ быть и сами въ тихомолку пустили въ свѣтъ эту книгу, или же, если она была издѣліемъ іезуитовъ, охотно содѣйствовали ея распространенію. Могло быть, что Кириллъ не желалъ оскорблять своихъ покровителей прямымъ и письменнымъ опроверженіемъ ея. Но когда очень многіе изъ православныхъ спрашивали его, онъ съ клятвою отрекался отъ нея, говоря, что не онъ ея сочинитель. Потомъ (и это самое главное оправданіе для Кирилла) блаженный во всѣхъ своихъ публичныхъ поученіяхъ, и прежде и послѣ появленія книги, постоянно проповѣдывалъ православные догматы, которыми опровергается кальвинское нечестіе. Какимъ же образомъ онъ могъ устно проповѣдывать одно, а писать другое? Далѣе, какъ онъ рѣшился бы дать на самаго себя оружіе своимъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ, которые и самые благочестивые поступки его толковали въ дурную сторону? Вотъ что мы должны были сказать въ короткихъ словахъ о клеветѣ, взводимой на Ки-

враговъ его, въ угожденіе которымъ прежде онъ приказалъ умертвить Лукариса, сослалъ Контариса въ заточеніе въ Карѳагенъ (1), повелѣвъ его тамъ удушить, что и исполнили тѣ самыя лица, которыя отвезли туда Контариса. Послѣ него избранъ въ патріархи

1639 г.

35) *Парѳеній I*, митрополитъ адріанопольскій, прозванный Старцемъ, родомъ съ о. Хіоса, мужъ добродѣтельный. При немъ (1642) былъ созванъ соборъ въ Яссахъ. Поводъ къ нему былъ слѣдующій: лютеране и кальвинисты повсюду распускали слухи, будто мудрѣйшій патріархъ константинопольскій Кириллъ Лукарисъ принялъ ученіе кальвинистовъ. Они показывали самую книгу въ Россіи, и благочестивымъ обитателямъ Польши, а также въ Молдавіи и Валахіи и въ другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого тогдашній молдовлахійскій господарь, Василій, по прозванію Лупулъ (2), написалъ патріарху

рилла. Но если бы она, положимъ, и имѣла основаніе, при всемъ томъ ничто нечистое не могло запятнать чистаго и неповрежденнаго православія восточной Церкви! Частныя заблужденія и ереси того или другаго лица (будетъ ли то патріархъ, или епископъ, или кто другой изъ священнаго клира, или мірянъ) обращаются на собственную его голову. Хотя бы въ нѣдрахъ ея и были нѣкоторые съ заблужденіями латинскими или кальвинистическими, или даже совершенно невѣрующіе, такіе люди останутся лжеименными христіанами и лишенными благодати чадами православной Церкви, которые дерзаютъ возставать противъ духовной своей матери. Но милосердая къ ихъ неразумію, она снова сердобольно приглашаетъ каждаго изъ нихъ, взывая исполненнымъ кротости гласомъ Спасителя: «Савле, Савле, что мя гониши? трудно ти есть противу рожна прати».

(1) Другіе пишутъ въ Кархидонъ, но, кажется, вѣрнѣе всего въ Халкидонъ. Фабрицій говоритъ, что Контарисъ былъ заключенъ въ темницу. Но это было сначала, а потомъ послѣдовало упомянутое заточеніе, окончившееся убійствомъ.

(2) Василій происходилъ изъ одного албанскаго мѣстечка въ Мисіи отъ древней македонской фамиліи. Это былъ мужъ благочестивый и

Парѳенію просьбу созвать соборъ въ Яссахъ для разслѣдованія клеветъ, взведенныхъ на православную Церковь. Патріархъ послалъ на соборъ своими мѣстоблюстителями нѣсколько архіереевъ и Мелетія Сирига ([1]), мудраго проповѣдника. На ясскій соборъ прибылъ съ другими архіереями и извѣстный митрополитъ кіевскій и всея Россіи Петръ Могила, мудрѣйшій и благочестивѣйшій ([2]). По открытіи засѣданій снова были преданы анаѳемѣ главы кальвинской брошюры и ея сочинитель. Потомъ созванъ былъ соборъ въ Іерусалимѣ. Такъ разоблачена распространенная протестантами (и самими іезуитами, искавшими посѣять раздоры) клевета

милосердый, онъ послалъ въ пользу святаго гроба Господня 42,000 венгерскихъ флориновъ на уплату лежавшаго на немъ долга. Іерусалимская церковь впала въ этотъ долгъ по той причинѣ, что латиняне, поддерживаемые французскимъ посольствомъ въ Константинополѣ, употребляли всѣ средства исторгнуть изъ рукъ православныхъ храмъ воскресенія, и едва не выхлопотали у султана фирманъ на это. Но предстоятели іерусалимской церкви во-время успѣли отклонить его, пославъ въ султанское казначейство огромныя деньги, какія только собраны были тогда и прежде. Блаженнѣйшій Ѳеофанъ іерусалимскій патріаршествовалъ въ то самое время (1632 г.), когда въ Константинополѣ былъ патріархомъ Кириллъ Лукарисъ, который за одно съ Ѳеофаномъ, мужественно подвизался на защиту святаго гроба. И впослѣдствіи латиняне часто дѣлали весьма много вреда іерусалимской церкви своими навѣтами. Но въ описываемое нами время щедрый господарь Василій заплатилъ даже не только этой церкви, но и константинопольской (1641). А отъ великой церкви онъ получилъ въ даръ святыя мощи преподобно-мученицы Параскевы Новыя, которыя и донынѣ почиваютъ въ ясскомъ монастырѣ Трехъ Святителей (См. Мелет. Церк. Ист. т. 3 стр. 450 и Досиѳ. патр. іерус.).

([1]) Это былъ тотъ самый Мелетій, который (при Парѳеніѣ Старцѣ) издалъ извѣстное возраженіе на кальвинскія главы и вопросы Джекирилла Лукариса.

([2]) Блаженный Петръ Могила митрополитъ кіевскій написалъ Исповѣданіе Православной Вѣры, утвержденное всею восточною Церковію. Эта книга сохраняется до настоящаго времени и вышла уже вторымъ изданіемъ.

на православную Церковь, будто она приняла мнѣнія Лютера и Кальвина. Это надѣлало столько шума въ Европѣ, что даже французскій посланникъ прямо просилъ патріарховъ, константинопольскаго и іерусалимскаго, письменно изложить исповѣданіе восточной Церкви. Но съ другой стороны лютеране и кальвинисты, видя славно возвѣщаемое восточное православіе, послѣ вышесказаннаго іерусалимскаго собора, крайне были раздражены этимъ и стали разглашать, что восточная церковь латинствуетъ; на доказательство этой мысли преимущественно направляли они всѣ свои сочиненія. Изъ этихъ сочиненій самое дерзкое и смѣшное было Эймона (Iacob Aymon) издавшаго и самый автографъ, о которомъ мы выше упомянули, принадлежавшій будто Лукарису и хранившійся въ Швейцаріи, въ доказательство того, что Лукарисъ держался кальвинскихъ заблужденій. Такимъ образомъ на истину съ крайнею неумѣренностію нападаютъ два совершенно враждебные стана. Но человѣкъ благоразумный равно чуждается и безумія и тупоумія. Такъ происходило это дѣло. А Парѳеній Старецъ патріаршествовалъ 5 лѣтъ и 2 мѣсяца и послѣ того лишенъ каѳедры и заточенъ въ Кипръ (откуда переселившись впослѣдствіи въ Хіосъ, тамъ и скончался) (1). Послѣ него вступилъ на патріаршій престолъ.

1644 г.

36) *Парѳеній II*, митрополитъ янинскій, родомъ также изъ Янинъ, по прозванію Младшій, человѣкъ почтенный,

(1) Въ его время 1640 г. умеръ Муратъ IV и ему наслѣдовалъ Ибрагимъ I-й.

возвышеннаго духа и энергическій, но расположенный къ роскоши и вслѣдствіе того любостяжательный. Во время церковныхъ службъ и бдѣній часто замѣчали въ немъ недостатокъ усердія, вслѣдствіе чего и приближенныя къ нему лица также не заботились о достойномъ совершеніи богослуженія. Чрезъ 2 года и 2 мѣсяца онъ былъ низложенъ и преемникомъ его былъ единодушно избранъ

1646 г.

37) *Іоаникій II*, ираклійскій митрополитъ. Пробывши патріархомъ только 11 мѣсяцовъ и столько же дней, онъ добровольно оставилъ патріархію. Тогда снова былъ вызванъ

1647 г.

Парѳеній II (1), во 2-й разъ. Онъ пробылъ патріархомъ только до 1650 г., когда былъ оклеветанъ предъ турками какимъ то Павлакіемъ, будто велъ переписку съ русскимъ правительствомъ (это была интрига іезуитовъ, какую они позволяли себѣ и противъ другихъ патріарховъ). Слѣдствіемъ клеветы было насильственное низложеніе Парѳенія. Его посадили въ каикъ, подъ предлогомъ отправленія въ заточеніе, убили и бросили въ море (2). Эта клевета на патріарха и трагическая

(1) При немъ въ 1648 г. по смерти султана Ибрагима на престолъ взошелъ сынъ его Магометъ IV.

(2) Мелет. Церк. ист. т. III стр. 449. Политика турецкая этого времени представляется довольно странною. Турки давали позволеніе патріархамъ отправляться самимъ въ Россію, какъ напр. такое позволеніе дано было Іереміи II, потомъ вѣшали ихъ, какъ измѣнниковъ. Причиною такого непостоянства турокъ было ихъ корыстолюбіе; они знали, что отправлявшіеся въ Россію патріархи приносили оттуда страждущей церкви (особенно константинопольской) большую денежную помощь.

его кончина, равно какъ и воспоминаніе о случившихся въ недавнее время событіяхъ съ двумя Кириллами привели въ смущеніе христіанъ и самыхъ смѣлыхъ изъ духовныхъ лицъ. Отъ этого снова усилилась довольно частая, и потому самая вредная, смѣна патріарховъ; ибо патріархи вскорѣ послѣ своего избранія по страху отказывались отъ патріаршествованія. Послѣ Парѳенія соборомъ опять былъ призванъ

1650 г.

Іоанникій II, во второй разъ. Видя безпорядокъ въ дѣлахъ Церкви, онъ чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцовъ добровольно отказавшись отъ патріаршества, скрылся. Вмѣсто него былъ избранъ

1651 г.

38) *Кириллъ III*, бывшій сначала коринѳскимъ, а потомъ терновскимъ митрополитомъ, по прозванію Σωχνός. Но и онъ, пробывши патріархомъ только 20 дней, отказался отъ патріаршества и удалился въ уединеніе. Тогда снова занялъ престолъ

1651 г.

Аѳанасій III Пателларій, въ 3-й разъ и послѣдній. Онъ возвратился на престолъ вслѣдствіе вліянія своихъ покровителей. Не смотря на это, митрополиты его не признали. И потому чрезъ 15 дней онъ отказался отъ каѳедры и со стыдомъ и раскаяніемъ въ душѣ бѣжалъ. Тогда соборомъ избранъ былъ патріархомъ

1652 г.

39) *Паисій I*, ларисскій митрополитъ. При немъ русская православная церковь братски сообщила великой цер-

кви константинопольской о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ съ патріархомъ Никономъ. По поводу этихъ обстоятельствъ въ послѣдствіи при царѣ Алексіѣ, отцѣ Петра Великаго, греко-русская церковь держала свой собственный соборъ, на которомъ по низложеніи Никона возведенъ былъ въ санъ патріарха Іоасафъ. На этотъ соборъ были приглашены 2 восточные патріарха. Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій. Паисій константинопольскій послѣ годичнаго, а по другимъ только девятимѣсячнаго своего патріаршествованія бѣжалъ, и тогда опять былъ вызванъ

1653 г.

Іоанникій II, въ 3-й разъ. Онъ былъ патріархомъ почти 2 года и наконецъ за то, что не въ состояніи былъ внести обычной подати, государственнымъ казначеемъ былъ посаженъ въ темницу. Продержанный въ ней 16 дней, онъ отказался отъ патріаршества, и вырвавшись оттуда, поспѣшно бѣжалъ. Вмѣсто него соборъ снова вызвалъ

1655 г.

Кириллъ III, во 2-й разъ. Пробывши патріархомъ едва двѣ недѣли, онъ насильно сосланъ былъ въ заточеніе на островъ Кипръ государемъ, который потребовалъ отъ него подати какъ за предшествовавшаго патріарха, такъ и за него самаго. Вмѣсто него былъ вызванъ

1655 г.

Паисій I, во второй разъ. Это былъ человѣкъ непостоянный и безпокойный, поэтому чрез 11 мѣсяцевъ

его вторичнаго патріаршествованія онъ былъ низложенъ и посланъ на кизическую каѳедру. Но спустя не много, онъ былъ изгнанъ и изъ Кизика и получилъ предстоятельство въ Ефесѣ. Вмѣсто него избранъ былъ

1656 г.

40) *Парѳеній III*, митрополитъ хіосскій, человѣкъ благочестивый, правдивый, образованный и ревнитель православія. Отъ него ожидали большаго улучшенія въ дѣлахъ Церкви. Но сѣятель плевелъ всегда бодрствуетъ! Царствовавшій въ то время въ Тавридѣ ханъ татарскій, узнавши отъ отправленнаго патріархомъ къ гетману казацкому посла, что митрополитъ греческій, бывшій недавно никейскимъ, пользуется расположеніемъ и уваженіемъ христолюбивыхъ казаковъ, сталъ подозрѣвать, что патріархъ константинопольскій послалъ его къ этому гетману съ цѣлію возбудить мужественныхъ казаковъ и русскихъ къ войнѣ съ султаномъ и его союзниками—татарами. Ханъ донесъ объ этомъ визирю султана. Въ это же время въ руки одного аббата іезуитовъ попало письмо патріарха, въ которомъ онъ просилъ государя валахскаго прислать денежную помощь для уплаты вновь увеличившагося долга патріархіи. Въ этомъ письмѣ между другими евангельскими изреченіями патріархъ написалъ и слѣдующее: „пріидетъ царство небесное, въ которомъ милостивые получатъ воздаяніе“. Аббатъ іезуитскій тайно послалъ визирю это письмо. Человѣкъ, доставившій письмо визирю, объясняя это изреченіе, относилъ выраженія о царствѣ небесномъ къ царству русскихъ, котораго будто бы скоро ожидалъ патріархъ, злоумышлявшій противъ От-

томанской державы. Этого достаточно было для визиря. Онъ призвалъ патріарха къ себѣ и тщательно распросивши обо всемъ, хотя нашелъ его невиннымъ, но для большей безопасности и въ примѣръ другимъ, осудилъ его на самый постыдный родъ смерти—удавленіе, и вотъ знаменитый патріархъ чрезъ 3 мѣсяца своего патріаршествованія въ лазареву субботу (1657) былъ удавленъ на рѣшетчатыхъ воротахъ Константинополя (пармак-капи). Въ такомъ положеніи патріархъ пробылъ 3 дня и потомъ брошенъ въ море. Но христіане извлекли изъ моря честные его останки и похоронили ихъ на одномъ изъ константинопольскихъ островов [1]. Съ этого времени запрещено было патріархамъ лично представляться султану и принимать отъ него знаки утвержденія въ своемъ достоинствѣ. Такая честь представлялась неприличною и неудобною для людей невѣрныхъ и непримиримыхъ враговъ султанской династіи. Пріемъ новаго патріарха предоставленъ былъ визирю, какъ это дѣлается и теперь. Послѣ осужденія патріарха Парѳенія, когда Церковь была въ глубокой скорби, врагами ея вызванъ былъ на патріаршій престолъ

(Продолженіе будетъ).

---

(1) Мелетія церк. ист. т. III, стр. 466.

III.

О ЗНАЧЕНИИ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВОДА ВЕТХАГО ЗАВѢТА LXX ТОЛКОВНИКОВЪ,

ПО ОТЗЫВУ ОДНОГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ прошломъ году пасторъ Ральфъ Чортонъ, членъ королевской коллегіи въ Кембриджѣ, издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Вліяніе перевода ветхаго Завѣта LXX толковниковъ на ходъ христіанства". Сочиненіе это относится къ числу такъ называемыхъ призовыхъ, судьба которыхъ, по словамъ „Christian Remembrancer", большею частію лежать, какъ во гробѣ, въ лѣтописяхъ университетовъ. Не то выпало на долю сочиненію г. Чортона. Оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Считаемъ не безполезнымъ привесть краткій отзывъ объ немъ, заимствованный изъ Christian Remembrancer. При предпринятыхъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ переводахъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ на русскій языкъ съ еврейскаго и при разныхъ взглядахъ на то, какъ совершать это дѣло, замѣчанія о значеніи текста семидесяти толковниковъ, сдѣланныя членомъ англиканской церкви, могутъ, по нашему мнѣнію, принесть свою долю

пользы трудящимся надъ переложеніемъ священнаго текста на русскій языкъ.

„Трудъ г. Чортона, говоритъ рецензентъ, слагается изъ такихъ матеріаловъ, которыхъ публика, во всякомъ случаѣ англійская церковь, не позволитъ себѣ потерять изъ виду. Тутъ дѣло идетъ о предметѣ сколько важномъ, столько же и новомъ; предъ нами открывается такая область церковной исторіи, которую рѣдко кто посѣщалъ, а еще менѣе изслѣдовалъ. Кто изъ насъ когда либо намѣренно останавливался мыслію на томъ, что болѣе 300 лѣтъ цѣлая христіанская Церковь могла читать ветхій Завѣтъ только при посредствѣ LXX! Кто изъ насъ когда либо разсуждалъ про себя, что этотъ греческій переводъ былъ предтечею Христа и христіанства, уготовлявшимъ путь язычникамъ, подобно первому Предтечѣ, въ пустынѣ! И какъ рѣдко мы помышляемъ о томъ, что, подъ его водительствомъ и „пароѳяне, и мидяне, и еламиты, жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта, Асіи, Фригіи и Памфиліи, Египта и странъ Ливійскихъ, прилежащихъ къ Киринеѣ, и пришедшіе изъ Рима, іудеи и обращенные изъ язычества, критяне и аравитяне“ чудесно пріяли крещеніе Святымъ Духомъ въ день пятьдесятницы, и такимъ образомъ составили первоначальную основу христіанской Церкви!

Но если таково было его внѣшнее вліяніе въ дѣлѣ приготовленія міра къ пришествію Мессіи, то во сколько же разъ выше и важнѣе, во сколько разъ продолжительнѣе, а лучше сказать, вѣковѣчнѣе его внутреннее вліяніе на языкъ и ученіе новаго Завѣта! Нѣтъ ни од-

ного стиля, начиная съ Евангелія отъ Матеея до Апокалипсиса, который не служилъ бы очевиднѣйшимъ доказательствомъ присутствія и вліянія перевода LXX! Нѣтъ ни одного догматическаго термина, который не былъ бы заимствованъ изъ его терминологіи!

Теперь мы видимъ, что наступило время возвести переводъ Седьмидесяти Толковниковъ въ то самое положеніе, которое онъ занималъ въ первенствующей Церкви. Не естественнымъ (unnatural) попыткамъ критиковъ—гебраистовъ уронить какъ-либо переводъ LXX, по всей справедливости положенъ конецъ. Теперь мы можемъ ясно видѣть, что всякой ударъ, наносимый греческому переводу ветхаго Завѣта, отражается на греческомъ языкѣ новаго Завѣта.

Г. Чортонъ начинаетъ свой опытъ мастерскимъ очеркомъ того преобладающаго вліянія, которое греческій языкъ имѣлъ въ свѣтѣ въ эпоху христіанства. Онъ показываетъ, что изъ пяти великихъ имперій—имперія греческая была избрана Провидѣніемъ—быть главнымъ орудіемъ ко введенію того духовнаго *царства, которому не будетъ конца*! Царства вавилонское и персидское частію служили къ достиженію сей цѣли въ великомъ домостроительствѣ Божіемъ; но дѣло, присужденное имъ, по видимому, имѣло наиближайшее отношеніе къ іудейской Церкви; тогда какъ третье и четвертое царство гораздо большую имѣютъ важность въ дѣлѣ призванія язычниковъ ко вступленію въ Церковь Христову. Отъ того-то „и тому народу, изъ котораго возникло третіе великое царство, Богъ судилъ приготовить всемірный языкъ, дабы расширить такимъ образомъ разумѣніе человѣка, и слѣдовательно сдѣлать человѣка способнымъ оцѣнить истины божественнаго откровенія? — Стр. 11.

Именно тому особенному діалекту греческаго языка, который мы называетъ македонскимъ или эллинскимъ, суждено было сдѣлаться нарочитымъ орудіемъ въ дѣлѣ приведенія язычниковъ къ познанію обѣтованій и пророчествъ ветхаго Завѣта. Цѣль сія достигнута была главнымъ образомъ завоеваніями Александра, который лично былъ въ Іерусалимѣ, и въ войскахъ котораго было много обращенныхъ изъ язычества въ іудейство. Александрія была основана для замѣны собою коммерческихъ городовъ Тира и Сидона, порты которыхъ значительно уже были повреждены постояннымъ накопленіемъ въ нихъ песковъ. Іудеи составляли въ немъ значительную часть народонаселенія, и естественно потому было имъ желать, чтобы еврейскія писанія были переведены на отечественный ихъ языкъ, на языкъ обитаемой ими страны. Птоломеи, которымъ достался Египетъ, при раздѣленіи завоеваній Александра, съ радостію выслушали ихъ желанія, и, когда открылся случай, охотно назначили особенныя жилища или помѣщенія въ Фаросѣ тѣмъ, которые избраны были для приведенія въ исполненіе сего предпріятія.

Симъ труженикамъ рукописи присланы были изъ Іерусалима, и они выполнили свою задачу такъ, какъ только можно было ожидать. Языкъ ихъ былъ македоно-греческій, въ сочетаніи съ еврейскими идіомами, слѣдовательно тотъ дивно-смѣшанный греко-еврейскій, который мы называемъ эллинскимъ и который образуетъ собою характеристическій стиль новаго Завѣта. Мы не будемъ доказывать теперь, въ какой степени принадлежитъ вдохновеніе сему переводу; довольно и того, что онъ тождественъ съ языкомъ евангелистовъ и апостоловъ. Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя читать исторіи Седь-

мидесяти, не вѣруя въ тоже время, что Богъ Моисея и пророковъ былъ ихъ помощникомъ.

Таково было всеобщее убѣжденіе христіанской Церкви въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ. Только во дни Іеронима послышался первый голосъ противу канонической авторитета греческаго перевода. Тогда возникло несчастное препирательство между Іеронимомъ и Августиномъ, отголоски котораго отдаются и теперь еще въ ушахъ нашихъ. Спору нѣтъ, что возстановленіе въ нѣкоторой степени познанія еврейскаго языка и появленіе латинской Вулгаты есть великое благословеніе; но это благословеніе должно считать благословеніемъ, не причиняя тѣмъ ни малѣйшаго ущерба переводу LXX. Если бы не было никакого дѣленія между восточною и западною церквами, то, можетъ быть, это препирательство само собою, мало по малу, кончило бы свой вѣкъ; но несчастіе къ несчастію: оно снова возникло въ эпоху реформаціи, а школа женевская, какъ извѣстно, всегда отличалась неуваженіемъ къ LXX.

Съ двухъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на переводъ LXX. Съ одной можно смотрѣть на него, какъ на переводъ,—и въ семъ отношеніи, пожалуй, онъ можетъ занимать второстепенное мѣсто. Съ другой—можно смотрѣть на него, какъ на мощное орудіе въ дѣлѣ обращенія язычниковъ и какъ на авторитетный словарь (Dictionary) новаго Завѣта. То, чего, по видимому, недостаетъ въ немъ, какъ въ переводѣ, болѣе чѣмъ восполняется его подлежательнымъ (subjective) вліяніемъ на христіанство. Спросите, напр., въ настоящее время, что больше царствуетъ надъ христіанскимъ міромъ—еврейскій или греческій текстъ? Мы не будемъ дѣлать, однакожъ, на сей разъ сравненій: мы ищемъ мира и

гармоніи; и скажемъ хоть одно въ семъ случаѣ: „еже *Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*".

На семъ-то неразрушимомъ союзѣ новаго Завѣта съ переводомъ LXX г. Чортонъ и построилъ свой дивный опытъ. Онъ счастливо выбралъ константинопольскій символъ Вѣры для проведенія своихъ догматическихъ наглядныхъ объясненій: это дало ему возможность собрать всѣ догматическіе термины новаго Завѣта какъ бы въ фокусѣ. Сравнивая сіи послѣдніе съ подобными терминами LXX, онъ въ тоже время показываетъ ихъ тождественность. Опытъ его кратокъ, и потому содержитъ въ себѣ только небольшой образчикъ изъ великаго множества другихъ образцевъ. Во всякомъ случаѣ въ немъ удовлетворительно рѣшается главная его задача, и въ читателѣ правильно возбуждается потребность къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Мы сердечно желаемъ, чтобы на семъ началѣ составился когда-либо догматическій словарь новаго Завѣта, въ особенности благопотребный для нашего молодаго духовенства. Онъ послужилъ бы самою дѣйствительною оградою отъ вторженія къ намъ раціоналистическихъ толкованій.

Намъ думается, что послѣ этого краткаго обозрѣнія труда г. Чортона, всего лучше привести его собственную перечень, такъ выразительно заключающуюся у него въ слѣдующихъ строкахъ:—„цѣль моя была—вышеприведенными словами представить наиболѣе важные образцы вліянія языка александрійскаго перевода. Въ иныхъ случаяхъ, формы, усвоенныя LXX толковниками, можно просто назвать еврейскими идіомами, въ буквальномъ ихъ переводѣ. Но многія изъ выраженій, введенныя ими въ греческій языкъ, освящены самимъ Учителемъ Истины, слѣдовательно онѣ наиближайшимъ обра-

зомъ,—сколько то можетъ быть доступно для человѣческаго языка—подходятъ къ истинному обозначенію собою глубинныхъ таинъ божескаго Естества и отношенія человѣка къ Богу. Эти тайны, какъ превосходящія всякое разумѣніе, естественно еще далѣе отстоятъ отъ достижимости ихъ языкомъ, который есть выраженіе мысли. Но отъ сочетанія идіомъ языковъ—еврейскаго и греческаго (непосредственною причиною чего, въ рукахъ провидѣнія Божія, послужило разсѣяніе іудеевъ) образованъ такой именно языкъ, по богатству и силѣ своей природы, какого требовало христіанское ученіе, „*да возможетъ* такимъ образомъ и человѣкъ *разумѣть, что широта и долгота и глубина и высота любви Христовой, преспѣющей разумъ*“. Стр. 119. Въ семъ смыслѣ, эллинскій діалектъ былъ однимъ изъ тѣхъ избранныхъ орудій, которыми Богъ открываетъ истины евангельскія человѣку.“ Стр. 21.

По мнѣнію нашему, не было и нѣтъ лучшаго опроверженія всѣхъ скептическихъ и раціоналистическихъ мнѣній о богодухновенности Писанія, какъ то, которое мы находимъ у г. Чортона, хотя онъ и не имѣлъ его собственно въ виду. Трудъ его тѣмъ болѣе сдѣлаетъ всякаго скептика безотвѣтнымъ, что онъ не былъ составленъ имъ въ видѣ отвѣта. Онъ почти отвѣчаетъ тому, что у математиковъ извѣстно подъ именемъ *высшаго положенія*. Догматическая терминологія LXX сопоставлена у г. Чортона съ догматической терминологіей четвероевангелія и апостольскихъ посланій, — и оказалось, что онѣ рѣшительно однѣхъ и тѣхъ же измѣреній—dimensions. Мы полагаемъ, что богодухновенность новаго Завѣта, въ отношеніи ея къ *буквѣ*, никогда съ

такою положительностію, съ такою очевидностію доселѣ еще не была изслѣдована и доказана".

п. к. н.

Что сказано здѣсь рецензентомъ о текстѣ греческомъ, тоже самое имѣетъ приложеніе и къ нашему славянскому переводу, который почти вездѣ буквально сходенъ съ греческимъ текстомъ. Догматическая терминологія греческаго текста точно такъ же вездѣ передается въ буквальномъ переводѣ на славянскій языкъ, и какъ ни мало распространено у насъ чтеніе св. Писанія, во всякомъ случаѣ съ нѣкоторыми терминами знакомы уже если не всѣ, то большинство. Естественно возникаетъ вопросъ: нужно ли измѣнять эту терминологію при переложеніи священныхъ книгъ ветхаго Завѣта на русскій языкъ? По нашему крайнему убѣжденію, безъ особенно-настоятельной необходимости — не слѣдуетъ. Мы не видимъ никакой цѣли въ подобномъ отступленіи отъ принятой и усвоенной терминологіи: а одно желаніе передать буквально точно еврейскій текстъ на русскомъ нарѣчіи едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ сему? Цѣль переложенія священныхъ книгъ ветхаго Завѣта на русскій языкъ заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы сдѣлать священный текстъ болѣе понятнымъ и доступнымъ для чтенія большинства: но сдѣлается ли онъ болѣе понятнымъ, если всѣ слова буквально перелагать съ еврейскаго? Не думаемъ. Нѣкоторые опыты подобнаго переложенія показываютъ напротивъ, что священный текстъ дѣлается чрезъ это еще меньше вразумительнымъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто прежде былъ знакомъ съ нимъ сколько нибудь...

Но этого мало: не поставимъ ли мы чрезъ это въ разладъ ветхій Завѣтъ съ новымъ? Новый Завѣтъ написанъ на греческомъ языкѣ; при переложеніи его на русское нарѣчіе очевидно нѣтъ никакого основанія отступать отъ принятой и усвоенной терминологіи. Не будетъ ли противорѣчія и запутанности, когда тѣже самыя понятія въ ветхомъ Завѣтѣ будутъ выражаться иными терминами? И всякой ли читающій способенъ будетъ примирить это кажущееся противорѣчіе и эту сбивчивость? Примѣры, думаемъ, яснѣе покажутъ эту сбивчивость и запутанность.

1. Извѣстно, что въ еврейскомъ языкѣ есть много словъ для означенія понятія о верховномъ Существѣ. Слова эти передаются въ греческомъ текстѣ (а оттуда и въ нашемъ славянскомъ) въ переводѣ и большею частію не совсѣмъ точномъ. Какъ поступать при переложеніи этихъ словъ на русское нарѣчіе? Опытъ свидѣтельствуетъ, что каждый переводчикъ, или можетъ быть каждая редакція, употребляетъ свои термины въ переводѣ именъ Божіихъ. Нѣтъ спора, что разность эта не вредитъ истинамъ Вѣры: но безспорно съ другой стороны и то, что лучше было бы, если бы въ этомъ случаѣ было больше опредѣленности, и во всякомъ случаѣ опредѣленность эта должна быть, когда переводъ будетъ издаваться отъ имени церкви. Какъ же достигнуть этого? По нашему мнѣнію, всего лучше не отступая безъ особенной нужды отъ терминологіи, принятой въ греческомъ текстѣ и за тѣмъ перешедшей въ нашъ славянскій. Слова: *Господь*, *Богъ*, *Владыка* и под. понятны каждому, между тѣмъ какъ новыя, поставленныя вмѣсто ихъ, хотя бы они иногда и точнѣе выражали смыслъ подлинника, кто знаетъ, скоро ли

усвоятся и будутъ произносимы съ какимъ либо представленіемъ въ душѣ. Для примѣра беремъ отличительное имя Божіе: *Іегова*. Въ настоящее время большая часть переводчиковъ оставляютъ слово это безъ перевода. Едва ли можно признать это безусловно хорошимъ. Не говоря о томъ, что слово это не даетъ никакой мысли, не раждаетъ никакого представленія у огромнаго большинства нашего простаго народа, — и изъ самыхъ образованныхъ людей многіе ли съ произнесеніемъ этого звука соединяютъ какое нибудь опредѣленное понятіе? Такъ не лучше ли замѣнить его общепринятымъ терминомъ, хотя и не выражающимъ прямо сущности его, но все же дающимъ хоть какую нибудь мысль о верховномъ Существѣ, — тѣмъ болѣе, что нельзя ручаться даже и за то, чтобы непонятный терминъ этотъ не потревожилъ и совѣсти многихъ вѣрующихъ простолюдиновъ? Вѣдь во всемъ новомъ Завѣтѣ ниразу не встрѣчается слово это безъ перевода... А не бываетъ ли иногда, къ прискорбію, и такихъ явленій, что непонятный терминъ для обозначенія даже высочайшей святыни обращается въ предметъ кощунственнаго глумленія?

2. Какъ передавать на русскомъ языкѣ собственныя имена? И въ этомъ отношеніи дѣлаемые въ настоящее время переводы представляютъ не мало разностей. И здѣсь, по нашему мнѣнію, безъ нужды не слѣдуетъ отступать отъ греческаго текста. Странно въ ветхозавѣтныхъ книгахъ читать *Йцхакъ*, *Ноахъ*, а въ Евангеліи и посланіяхъ *Исаакъ*, *Ной*; тамъ *Моше*, а здѣсь *Моисей*; или въ книгѣ Бытія *Хайя* или *Хава*, а въ посланіяхъ апостольскихъ *Ева* и проч. Или же измѣнить ли и новозавѣтное чтеніе сообразно съ теперешнимъ произно-

шеніемъ евреевъ? Полагаемъ, что въ такомъ случаѣ будетъ уже не переводъ новаго Завѣта на русскій языкъ, а передѣлка и притомъ довольно произвольная. Вѣдь никто не можетъ доказать, что собственныя имена и въ древности — при Авраамѣ и Моисеѣ произносились точно такъ же, съ тѣми же оттѣнками звуковъ, какъ произносятся теперь евреями; да и сами евреи, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, произносятъ ихъ неодинаково.

3. Еще съ большимъ правомъ тоже самое должно сказать о нѣкоторыхъ догматическихъ терминахъ. Переводить ихъ буквально съ еврейскаго, оставляя вовсе безъ вниманія текстъ греческій, значитъ не уяснять, а затемнять текстъ. Напр., въ числѣ главныхъ видовъ жертвъ есть жертва всесожженія. Такъ оно переводится у насъ, буквально съ греческаго, и въ ветхомъ и въ новомъ Завѣтѣ; между тѣмъ еврейское слово עלה не выражаетъ не только всесожженія, но и простаго сожиганія; или: для всѣхъ понятно выраженіе: *Ангелъ Господень*; что, если замѣнить его, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, выраженіемъ: *исполнитель Сущаго?* Текстъ, очевидно, не уяснится, а затемнится чрезъ это.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО,

ОБВИНЕНІЯ ПРОТИВЪ НЕГО И ЕГО ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ:

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

Реформа Петра I; положеніе духовенства послѣ Петровой реформы; его цивилизаторскія и прогрессивныя усилія и новый характеръ ихъ и новыя препятствія; больницы и богадѣльни при монастыряхъ и церквахъ; миссіонерская дѣятельность и обращеніе язычниковъ и магометанъ ко Христовой вѣрѣ — подъ ея цивилизующее вліяніе; духовно-учебныя заведенія послѣ Петра, увеличеніе числа ихъ и числа воспитанниковъ въ нихъ, значеніе духовно-учебныхъ заведеній XVIII вѣка въ исторіи образованія этого столѣтія; ниже ли было образованіе духовенства сравнительно съ образованіемъ другихъ сословій? Духовно-учебныя заведенія распространяютъ образованіе въ свѣтскомъ обществѣ; ихъ услуги при открытіи свѣтскихъ училищъ. Переходъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія — по распоряженію правительства и по собственному желанію — и въ свѣтское званіе; множество лицъ такого рода въ настоящее время. Невѣжественныя выходки нѣкоторыхъ періодическихъ свѣтскихъ изданій противъ отечественнаго духовенства и много ли въ этихъ выходкахъ историческаго смысла и знакомства съ судьбами отечественной цивилизаціи?...

Въ своемъ бѣгломъ историческомъ обзорѣ услугъ русскаго духовенства отечественной цивилизаціи мы достигли реформы Петровой, которою начинается новая *пора* (эпоха) русской исторіи.

„Сдѣлавшись царемъ, Петръ понялъ, что ему, какъ государю, предстоитъ трудная борьба съ сосѣдними державами, вооруженными обще-европейскимъ знаніемъ, сильными европейскимъ искуствомъ на сушѣ и на мо-

рѣ. Чтобы одолѣть враговъ, царю надлежало усвоить западное образованіе для своихъ подданныхъ: того требовала безопасность Россіи. Слѣдовательно государственное преобразованіе возникло изъ сознанной потребности *политическаго* и *государственнаго самосохраненія*" (¹)... Совершая свою реформу въ виду этой потребности, Петръ естественно долженъ былъ обращать главное свое вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя ближе всего вели къ этой цѣли. Такимъ образомъ армія и флотъ были самыми первыми предметами заботливости Петровой и на нихъ потратилъ онъ главнымъ образомъ и силы генія своего и къ нимъ направилъ главныя средства государственныя. Цивилизація прежде всего коснулась военнаго сословія; но какъ военное, такъ и гражданское, такъ равно и духовное сословіе понуждаемы были цивилизоваться только для цѣлей усиленія государства; такой характеръ имѣла не только реформа Петрова, но и послѣдующія царствованія до Екатерины II. Государство завѣдывало цивилизаціей, и цѣлію всѣхъ дѣйствій правительства было не общество, но государство, т. е. само правительство, на сколько оно находилось въ связи съ обществомъ. Въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I цѣлію распоряженій правительства было общество т. е. благосостояніе подданныхъ, впрочемъ только свободнаго состоянія, особенно высшаго класса. Въ настоящее царствованіе отношеніе государства къ обществу измѣнилось. Цѣлью государственныхъ распоряженій стало не само государство, какъ было при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ; не часть общества, не одни его

(¹) Слова Павлова. См. приложенія къ мѣсяцеслову 1862 г. стр. 49.

высшіе классы, какъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I, но все общество, всѣ его сословія, какъ высшія, такъ и низшія, потому что при Александрѣ II низшее сословіе должно быть свободно, какъ свободны средній и высшій классы. Участіе духовенства въ цивилизаціи отечественной видоизмѣнялось, сообразно измѣненію въ характерѣ правительственныхъ распоряженій: дѣятельность его становилась тѣснѣе или обширнѣе, смотря по направленію правительственныхъ распоряженій, но она никогда не принимала характера ретроградняго. Отечественное духовенство послѣ Петра до настоящаго времени ни на одну минуту не покидало своего древняго значенія въ русскомъ народѣ, не смотря на многія неблагопріятныя для себя условія. Слѣдующіе факты подтвердятъ это общее наше сужденіе.

Полагая силу правительства въ единствѣ дѣйствій, а силу государства въ единствѣ направленія народной жизни, Петръ I все, что̀ прежде управлялось само собою, что̀ не входило въ кругъ общаго государственнаго управленія, хотя и не враждовало съ нимъ, ввелъ подъ строгую форму единоисточнаго управленія. Духовенство подпало этой общей участи и, съ уничтоженіемъ патріаршества, получило во внѣшней сторонѣ жизни своей характеръ чиновническій, и, оставаясь самостоятельнымъ собственно въ дѣлахъ Вѣры, въ распоряженіи внѣшними своими дѣйствіями подпало одинаково со всѣми другими сословіями контролю государства. Добрыя, свободныя цивилизаторскія предпріятія его, прежде въ немъ находившія и побужденіе и утвержденіе себѣ, теперь или и диктовались и предписывались, или, по меньшей мѣрѣ, утверждались высшею властію. Духовенство потеряло свое видное мѣсто въ государ-

ственномъ быту, но потерялъ не потому, чтобы его мѣсто тотчасъ же заняло другое, болѣе образованное сословіе, а потому, что мѣсто всѣхъ сословій заняла высшая централизующая правительственная власть. Государство стало рости на счетъ общества и сословій, или „*рости въ кору, стѣсняя сердцевину*", по меткому выраженію К. Аксакова. Въ пору преимущественной заботливости правительства о войскѣ и внѣшней самостоятельности русскаго царства, монастыри служили прибѣжищемъ для раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ. Такъ было въ шведскую войну. Занятый положеніемъ своихъ воиновъ, Петръ I указалъ монастырямъ на предметъ ихъ сострадательной дѣятельности, заставляя открыть въ монастыряхъ госпитали. Указомъ 1724 года предписывалось: „иноки должны принимать въ монастыри больныхъ солдатъ или уволенныхъ отъ службы и не способныхъ къ работѣ, равно и другихъ бѣдныхъ; для нихъ должны быть выстроены больницы". При Биронѣ въ тѣхъ же видахъ (въ 1734 г.) предписано было не постригать въ монашество никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ. Это опредѣленіе было уничтожено въ 1740 г. Но монастыри по прежнему оставались госпиталями для раненыхъ и увѣчныхъ солдатъ. При Елисаветѣ монастыри не разъ наполняли отставными солдатами и офицерами, и эта повинность выполнялась съ жестокостію; Арсеній Маціевичъ жалуется въ своемъ протестѣ Суноду, что „инвалидами наполнили и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили и за нихъ только сражались инвалиды". Еще Петръ I предписалъ, чтобы при приходскихъ церквахъ заводимы были богадѣльни, въ которыхъ призрѣвались бѣдные—

и прихожане и пришлые богомольцы; мало сохранилось доселѣ этихъ первыхъ въ Россіи благотворительныхъ и гуманныхъ учрежденій, точно также, какъ монастыри перестали быть госпиталями для солдатъ. Но все таки эти больницы и богадѣльни существуютъ еще въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и при нѣкоторыхъ церквахъ доселѣ, оставаясь памятниками того времени, когда духовенство предупредило позднѣйшія казенныя и общественныя больницы и богадѣльни, заведенныя по образцу западному и подъ диктовку западной цивилизаціи, самостоятельными проявленіями гуманности и человѣколюбія. Причина, почему русское духовенство перестало оказывать эти услуги общественному благосостоянію, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что спустя меньше, чѣмъ полвѣка послѣ смерти преобразователя, оно было обобрано и само предоставлено государственной и общественной благотворительности.

Другую, болѣе широкую и важную услугу отечественной цивилизаціи духовенство оказывало тѣмъ, что продолжало начатое имъ издавна дѣло распространенія и утвержденія христіанства между разными племенами и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи. Никто изъ самыхъ рьяныхъ прогрессистовъ не станетъ спорить противъ того, что христіанская вѣра, болѣе всѣхъ другихъ, располагаетъ къ цивилизаціи. Но отъ прежняго времени много еще оставалось даже во внутреннихъ областяхъ имперіи магометанъ и язычниковъ, особенно въ губерніяхъ казанской и нижегородской. Начиная съ преосвященнаго Питирима (1719) до позднѣйшаго времени духовенство дѣятельно приготовляло цивилизаціи новое поле обращеніемъ язычниковъ и магометанъ ко Христу. Съ Петра до Елисаветы включительно обра-

щено въ трехъ губерніяхъ казанской, нижегородской и воронежской около милліона. Духовенство заводило для новообращенныхъ школы; особенно много школъ открыто было въ царствованіе Елисаветы, и издержки на миссіи и на школы шли съ церковныхъ имуществъ, пока тѣ не были отобраны. Кромѣ школъ духовенство переводило на языки новообращенныхъ книги, давая полудикимъ племенамъ первые начатки и сѣмена письменности и развитія; такъ въ 1805 г. изданъ былъ краткій катихизисъ съ молитвами на языкахъ татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, мордовскомъ, корельскомъ и персидскомъ, а въ 1814 г. — 1820 г. Новый Завѣтъ. Особенно прямо содѣйствовало успѣхамъ цивилизаціи обращеніе калмыковъ, потому что это обращеніе сопровождалось въ нихъ перемѣной кочевой бродячей жизни на осѣдлую. Еще раньше вступленія Грузіи въ составъ Россіи, русская церковь уже исправляла и печатала богослужебныя книги и библію для грузинъ на ихъ языкѣ, и начала миссіонерскую дѣятельность тамъ, заводила училища среди осетинъ, и въ 1824 году было просвѣщено Евангеліемъ нѣсколько семействъ самыхъ упорныхъ кавказскихъ магометанъ Удовъ. На далекомъ сѣверѣ, у камчадаловъ, въ Сибири, въ Якутскѣ, у чукчей и самоѣдовъ, на американскихъ островахъ, вездѣ миссіонерская дѣятельность русскаго духовенства углаживала пути гражданственности; первыя школы тамъ были школы миссіонерскія, и теперь въ Новоархангельскѣ, до котораго даже неизвѣстно и разстояніе отъ нашихъ цивилизованныхъ столицъ, заботами духовенства устроена духовная семинарія.

Распространяя по окружающей средѣ *„истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданствен-*

ность" (¹), духовенство въ своей собственной средѣ не коснѣло въ невѣжествѣ и долго было впереди всѣхъ другихъ сословій какъ по развитію внутренняго содержанія образованія, такъ и по распространенію его по массѣ своего сословія, не смотря на самыя неблагопріятныя условія. Камеръ-контора, Департаментъ при Синодѣ, Коллегія экономіи, преемственно завѣдывавшія церковными имуществами и составлявшія родъ государственнаго контроля за ихъ употребленіемъ, уже значительно затрудняли свободныя усилія духовенства къ своему просвѣщенію, не давая ему самостоятельно распоряжаться своими имуществами. Но наконецъ въ 1764 г. эти имущества были совершенно отобраны. Чтобы можно было судить о томъ, въ какой мѣрѣ государство вознаградило церковь за отобранныя духовныя имущества, мы укажемъ здѣсь соотвѣтствіе положеннаго намѣсто имуществъ жалованья. Всѣхъ крестьянъ за всѣми монастырями и каѳедрами, не считая Малороссію, по ревизіи 1764 года числилось 910,866 душъ, а на все духовенство вмѣсто этого коммисія положила сперва 365,203 р. т. е. по 36 коп. за душу. Не смотря однако на то, что гражданская власть своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя имѣнія много стѣсняла самостоятельность дѣйствій духовенства относительно образованія своего, вмѣсто 5 училищъ патріаршаго періода, къ 1764 г. было 26 духовныхъ училищъ и въ нихъ до 6,000 учениковъ. И послѣ отобранія имѣній на скудное жалованье и стольже скудныя свои средства духовенство не только не уменьшило, а напротивъ увеличило число училищъ духовныхъ, такъ

(¹) Фраза Грановскаго. Т. 1 стр. 411.

что къ 1808 году было уже четыре академіи, 36 семинарій и 16 малыхъ училищъ. Духовный регламентъ полагалъ собирать на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній съ монастырскихъ имѣній двадцатую, а съ церквей тридцатую долю хлѣба (¹): но можно уже составить понятіе, въ какой мѣрѣ неудобенъ былъ этотъ сборъ. Когда отобраны были церковныя имущества въ 1764 г., то пресѣклись прежніе способы содержанія училищъ, а новые были слишкомъ скудны: на всѣ духовныя заведенія назначено было отпускать 38,000 р.; число учениковъ все-таки въ слѣдующіе 20 лѣтъ удвоилось; — по монастырямъ отыскивались и употреблялись на содержаніе училищъ остатки прежняго довольства. Средства содержанія конечно дорожали съ годами, но не въ такой же мѣрѣ, чтобы въ 40 лѣтъ отъ 1764 до 1804 г., когда Императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать 360,000 р. асс. на духовно-учебныя заведенія, дороговизна возвысилась почти въ десять разъ. Юношество духовное тогда „по состоянію родителей скудное въ средствахъ образованія, болѣе терпѣніемъ и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій приготовлялось къ служенію церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному“ (²).

Сдѣланнаго не воротишь и фактовъ исторіи, конечно, не переиначишь: но мы не можемъ оставить факта отобранія церковныхъ имуществъ безъ нѣкоторыхъ размышленій,—конечно безполезныхъ, и сожалѣній тоже позднихъ,—тѣмъ болѣе, что по поводу статьи: *Арсеній*

(¹) Регл. о епископахъ ст. 11. 12.

(²) Слова изъ рѣчи бывшаго ректора петербургской академіи, нынѣ митрополита московскаго.

Мацієвичъ г. И. Чистовича (¹), высказано было нѣсколько новыхъ мыслей объ этомъ фактѣ Р. С. Т. въ газетѣ—*День*. „Государство", пишется въ этой газетѣ, „взяло у монастырей не только крестьянъ, но и земли съ угодьями, и самые крестьяне взяты были не *съ цѣлію освобожденія*, ибо *тотчасъ же раздавались* десятками, чуть, не сотнями тысячъ въ *частное владѣніе*..... За отобранныя имущества дано было не вознагражденіе, опредѣляемое стоимостію того, что̀ отобрано, а, такъ сказать, обязательство государства принять содержаніе духовенства на свой счетъ"... (²) Здѣсь въ этомъ пунктѣ исторіи русской лежитъ поворотная точка въ исторіи нашего образованія. Поступивъ на казенное содержаніе, духовныя заведенія, подобно другимъ заведеніямъ, сдѣлались на время государственными, а не сословными, какими были, не общинными, какъ германскіе, и не коллегіями, составляющими свои самостоятельныя общины, какъ англійскіе университеты. Не беремся судить, какое бы употребленіе сдѣлало духовенство изъ своихъ имуществъ, если бы они не были отобраны; но самое лучшее, конечно, было бы, если бы часть земли, принадлежавшей 910,000 монастырскихъ крестьянъ, по надлежащемъ надѣлѣ самихъ крестьянъ, была назначена на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Тогда, можетъ быть, направленіе и вообще русскаго образованія измѣнило бы свой характеръ, и тогда не было бы тѣхъ бездушныхъ, безъ преданій, безъ славы, безъ историческихъ воспоминаній духовныхъ заведеній; можетъ быть, тогда бы церковь

(¹) День № 15.
(²) День № 16.

въ параллель свѣтскимъ-государственнымъ учрежденіямъ ученымъ выставила свои университеты, свои коллегіи, поставивъ ихъ въ тоже самое отношеніе къ казеннымъ свѣтскимъ заведеніямъ, въ какомъ находятся оксфордскій и кембриджскій университеты къ лондонскому. Два первыхъ англійскихъ университета образовались именно такимъ образомъ, т. е. владѣя собственными имуществами. Русское просвѣщеніе могло бы развиться тогда болѣе самостоятельно и болѣе широко, и безъ того антагонизма, какой существовалъ и существуетъ доселѣ между свѣтской образованностію и духовной. Государство было бы тогда въ прямой выгодѣ, потому что пріобрѣтало бы образованныхъ людей, образованіе которыхъ не стоило бы ему ни гроша, и церковь занимала бы болѣе почетное и независимое положеніе. Но, увы, много хорошаго могло бы быть сдѣлано изъ церковныхъ имуществъ, и сдѣлано было, кажется, самое худшее и самое непроизводительное употребленіе изъ нихъ; можетъ быть, сто аристократическихъ семействъ обогатились на счетъ церковныхъ имуществъ и получили обильныя средства для своей цивилизаціи, но за то обѣднѣло цѣлое сословіе, а государство взяло на себя новую тягость—содержать духовенство и духовно-учебныя заведенія, народъ же, особенно сельскій, лишился близкихъ ему благотворительныхъ заведеній. Но, что дѣлать, тогда уже было такое направленіе почти во всей Европѣ и у насъ, что и государственные и сословные и народные интересы приносились въ жертву интересамъ высшихъ классовъ, которые одни считались имѣющими право на благоденствіе и цивилизацію.

И при всемъ томъ, что духовенство такъ обобрали,

у одного его въ 1783 году было около 15,000 учащихся, едва ли не болѣе, чѣмъ учащихся другихъ сословій во всей тогдашней Россіи; потому что въ это время существовалъ одинъ только университетъ и только что основана была *коммиссія для учрежденія народныхъ училищъ* въ государствѣ. За исключеніемъ высшаго богатаго и еще больше обогащеннаго церковными имуществами класса, которому частыя поѣздки въ чужіе края и множество чужестранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ насильно такъ сказать давали образованіе, духовенство все-таки было самымъ образованнымъ сословіемъ. „Въ XVIII вѣкѣ, когда гимназій почти не существовало, а элементарныя школы находились въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, единственный въ то время московскій университетъ оказывалъ мало вліянія на публику за недостаткомъ основательно подготовленныхъ слушателей. При Александрѣ I правильная система подготовительныхъ училищъ едва успѣла устроиться и установиться, а потому не была въ состояніи подготовить достаточное количество слушателей для университетовъ. Плоды мѣръ, предпринятыхъ при Александрѣ I для распространенія просвѣщенія, успѣли созрѣть только во второй четверти текущаго столѣтія. Въ царствованіе императора Николая было уже довольно много студентовъ, способныхъ слѣдить за высшими курсами. Тогда же во всѣхъ университетахъ заняли каѳедры молодые профессоры, возвратившіеся изъ-за границы, куда были посланы правительствомъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Вотъ причина бо́льшей зрѣлости русской публики въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ“ (¹).

(¹) Замѣчаніе П. Павлова — въ статьѣ *Тысячелѣтіе Россіи*, стр. 63.

Эта выдержка изъ свѣтскаго писателя освобождаетъ насъ отъ необходимости доказывать, что духовенство XVIII вѣка въ своей средѣ было болѣе образовано, чѣмъ другія сословія, исключая придворныхъ и аристократовъ.

Въ 1808 году составилась коммисія для преобразованія духовныхъ училищъ, которая начертала новый планъ устройства ихъ и изъискала способы къ содержанію духовныхъ заведеній на счетъ свѣчныхъ суммъ. Духовныя заведенія опять получили самостоятельность заведеній сословныхъ и почти общинныхъ, хотя развитію послѣдняго характера ихъ много препятствовало и до сихъ поръ препятствуетъ то, что и на нихъ простерся централизаторскій и чиновническій характеръ управленія, заведенный для государственныхъ учебныхъ заведеній. Съ 1809 года по 1824 открыто было три академіи и преобразованы были всѣ семинаріи, и число учащихся въ продолженіи 16 лѣтъ возрасло отъ 30,000 до 46,000, а число училищъ отъ 150 до 344. Въ 1859 году число учащихся духовнаго вѣдомства простиралось до 54,170 (¹). Это возрастаніе учениковъ въ средѣ собственно духовенства даетъ знать, что одно изъ условій цивилизаціи имъ постоянно выполнялось, именно—распространеніе образованности по большему количеству лицъ, принадлежащихъ къ сословію духовному. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что къ концу царствованія Александра I и въ селахъ много было священниковъ, получившихъ полное семинарское образованіе, тогда какъ при Екатеринѣ бывали неученые священники и въ городахъ, что въ 1840-хъ

(¹) Отчетъ оберъ-прокурора Свят. Сѵнода за 1859 годъ.

годахъ принято за правило не поставлять во священники лицъ, не получившихъ полнаго семинарскаго образованія, что въ настоящее время не рѣдкость—въ городахъ не только столичныхъ и губернскихъ, а въ уѣздныхъ, даже, хотя еще рѣдко, въ селахъ—священники, получившіе академическое образованіе. Что касается до другаго условія цивилизаціи, т. е. до роста знанія въ самомъ себѣ, до развитія внутренняго содержанія цивилизаціи, то и здѣсь духовенство никогда не измѣняло своему прогрессивному характеру. Постоянно все болѣе и болѣе увеличивающееся число духовныхъ книгъ и періодическихъ духовныхъ изданій, начиная съ Камня Вѣры Стефана Яворскаго и проповѣдей Ѳеофана Прокоповича, продолжая трудами Платона и Евгенія, Филарета и Иннокентія и оканчивая послѣдними трудами Макарія харьковскаго и Филарета черниговскаго, служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами. Въ 1821 году существовалъ одинъ только духовный журналъ во всей Россіи; съ тѣхъ поръ до 1862 г. число періодическихъ духовныхъ изданій увеличилось до 11, не включая въ это число епархіальныхъ вѣдомостей, издающихся въ нѣсколькихъ епархіяхъ. Стóитъ сравнить любыя епархіальныя вѣдомости съ любыми губернскими, чтобы понять, гдѣ больше разсѣяно образованія, въ губернскомъ ли духовенствѣ, или въ свѣтскомъ губернскомъ обществѣ въ настоящее время. Духовенство занималось не одникъ только развитіемъ богословской науки; наука свѣтская, особенно русская исторія и отрасли знанія философскаго и классическаго, находили много способныхъ и усердныхъ дѣятелей, не только слѣдившихъ за свѣтской наукой и ея успѣхами, а самостоятельно и самодѣятельно способ-

ствовавшихъ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ. Изъ множества лицъ, потрудившихся для литературы свѣтской, достаточно вспомнить имена митрополита Евгенія, переводчика Мартынова, Павскаго и Карпова и многихъ другихъ вкладчиковъ, въ родѣ Іакинѳа, Голубинскаго, Юркевича, Надеждина, Кедрова, Новицкаго. „С. Петербургская, напримѣръ, Академія“,—мы приводимъ слова проф. И. А. Чистовича изъ рѣчи его 17 февраля 1859 года,—„въ продолженіи 50 лѣтъ дала прочимъ академіямъ и семинаріямъ болѣе тысячи наставниковъ... Не менѣе отрадное явленіе представится нашему взору, когда мы вспомнимъ труды и заслуги здѣшнихъ воспитанниковъ, посвятившихъ себя на служеніе алтарю Господню. Нѣтъ ни одной самой высокой чреды духовнаго служенія, на которой бы академія не видѣла своихъ воспитанниковъ. Члены святѣйшаго правительствующаго Сѵнода и присутствующіе въ немъ, первостоятели старѣйшихъ святительскихъ каѳедръ новгородской и кіевской, наставники въ семействѣ государей, многіе архіепископы, законоучители университетовъ, лицеевъ, академій, институтовъ, училища правовѣденія и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ украшаютъ собою списки воспитанниковъ с. петербургской духовной академіи. Въ столицахъ европейскихъ государствъ наши священники служатъ достойными представителями нашего духовнаго сословія и духовнаго образованія. Они пріобрѣли уваженіе отъ иностранныхъ правительствъ и иностраннаго духовенства, являясь даже для пристрастнаго суда вполнѣ достойными своего званія... Въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, въ отдаленныхъ государствахъ Японіи и Китая духовные воспитанники академіи съ честью и успѣхомъ исполняютъ возложен-

ныя на нихъ порученія. Наконецъ, многіе изъ ея воспитанниковъ, занимая скромныя мѣста священнослужителей въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, представляютъ собою утѣшительное явленіе истинно образованныхъ пастырей и учителей православнаго народа, особенно отрадное при воспоминаніи о томъ, какъ живо чувствовалась въ прежнее время потребность въ *учительныхъ* пастыряхъ. Вліяніе академіи простиралось и за предѣлы Россіи. Въ духѣ той тѣсной связи и того живаго участія, которыя всегда соединяли русскую церковъ съ единовѣрными ей церквами Греціи, Сиріи и южнославянскихъ странъ, академія съ любовію принимала на свое попеченіе образованіе молодыхъ людей, предназначенныхъ заботливостію представителей тамошняго православнаго духовенства на служеніе святой Церкви въ качествѣ наставниковъ духовнаго юношества и ученыхъ защитниковъ православія. Считая образованіе юношества главнымъ своимъ назначеніемъ, академія однакожъ не ограничивала своей дѣятельности трудами и предѣлами школы. На ней лежитъ долгъ содѣйствовать великому дѣлу церкви распространеніемъ духовнаго просвѣщенія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ общества, уясненіемъ для нихъ предметовъ христіанскаго вѣроученія, устроеніемъ ихъ нравственныхъ понятій и убѣжденій, обличеніемъ или опроверженіемъ заблужденій или только обольщеній, разсѣваемыхъ противниками истиннаго ученія. Съ другой стороны, развивая свою дѣятельность въ постоянномъ и живомъ соприкосновеніи съ представителями современнаго образованія, академія всегда принимала участіе въ умственномъ движеніи и стремленіяхъ образованнаго общества, выражая это участіе разработкою тѣхъ

наукъ и отраслей знанія, которыя входятъ въ кругъ ея занятій... Не выступая изъ предѣловъ, указываемыхъ самою цѣлію академическаго образованія, академія старалась дать своимъ воспитанникамъ полное умственное и нравственное образованіе, — старалась развить въ нихъ самостоятельное мышленіе, пріучить къ умственному труду и возбудить стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію, заботясь въ тоже время объ укорененіи въ ихъ душѣ нравственныхъ убѣжденій, составляющихъ основу нашей жизни, и о внушеніи имъ того духа порядка, который бы потомъ могъ сроднить ихъ съ всякимъ мѣстомъ и положеніемъ въ обществѣ. Изучая во всемъ пространствѣ православное богословіе и судьбы христіанской Церкви, они въ тоже время и съ такою же основательностію знакомятся съ предметами общаго образованія, выслушивая полный высшій курсъ наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ, физикоматематическихъ и древнихъ и новѣйшихъ языковъ... Объ успѣхѣ, съ которымъ достигается собственно нравственная цѣль образованія, невозможно судить съ такою же опредѣленностію, какъ о плодахъ умственнаго образованія. Ученые труды, явленія ума подлежатъ внѣшней оцѣнкѣ, но нравственная жизнь и нравственное вліяніе на общество большею частію незримы для внѣшняго наблюдателя. Посему несправедливо было бы требовать отъ духовнаго воспитанія такихъ же видимыхъ плодовъ и такого же осязательнаго примѣненія, какихъ нужно требовать отъ обыкновенной учености и отъ разработки наукъ, имѣющихъ предметомъ внѣшнюю жизнь человѣка или внѣшній бытъ общества“ (¹). Что

(¹) Христ. Чт. 1859 г. № 3.

почтенный профессоръ говорилъ здѣшней академіи, то съ равною силою должно быть сказано о другихъ, и хотя съ меньшею о семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ. Всѣ они распространяли массу знаній по сословію своему, и всѣ, а особенно академіи, способствовали и способствуютъ приращенію знанія въ самомъ себѣ.

Стремясь образовать себя, духовенство наше, не смотря на разныя неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, не смотря на крайнюю скудость средствъ матеріальныхъ, постояно увеличивало число воспитанниковъ въ своихъ заведеніяхъ, постоянно развивало науку въ самой себѣ, внося новые предметы въ кругъ семинарскаго и академическаго образованія, часто, какъ напр. медицину и сельское хозяйство, именно съ цѣлію способствовать общему народному благосостоянію. Исключая столицъ и особенно-многолюдныхъ губернскихъ городовъ, число духовныхъ воспитанниковъ въ семинаріяхъ превышаетъ число учениковъ губернскихъ гимназій. Кромѣ того духовенство уже съ довольно давняго времени воспитываетъ въ своихъ заведеніяхъ большее количество молодыхъ людей, чѣмъ какого требуютъ его прямыя сословныя потребности, и, какъ увидимъ, при самыхъ настоятельныхъ нуждахъ въ образованныхъ священнослужителяхъ отпускало своихъ воспитанниковъ въ другія сословія, и такимъ образомъ распространяло цивилизацію и образованность не только въ своей собственной средѣ, но и по другимъ сословіямъ. Объ этой услугѣ духовенства отечественному образованію мы и намѣрены теперь говорить. Въ древнія времена монастырскія школы были единственными распространителями грамотности въ Россіи, какъ мы и замѣтили въ

первой своей статьѣ. Со времени Петра I завелись и школы свѣтскія, но церковь не отказалась совершенно отъ своего древняго обычая — просвѣщать желающихъ учиться въ ея училищахъ. Въ 1721 году учреждена была при александроневскомъ монастырѣ словенская александроневская школа, превратившаяся послѣ разныхъ видоизмѣненій въ нынѣшнюю с. петербургскую духовную академію; это новое учебное заведеніе не ограничивало своей дѣятельности чисто сословными интересами: въ немъ учились не одни духовные мальчики, а даже *большею частію* дѣти канцелярскихъ чиновниковъ и монастырскихъ служителей, дѣти дворянскіе и купеческіе, одинъ индіецъ и одинъ калмыкъ, хотя школа содержалась на счетъ монастыря. Монастырская типографія, заведенная въ 1720 году, не только снабжала свою школу учебными книгами, но „общей ради въ великороссійскомъ народѣ пользы" по всей Россіи разсылала буквари, богослужебныя, священныя и отчасти богословскія книги. Обученіе *разночинцевъ*, не принадлежащихъ къ духовному сословію, продолжалось въ этой александроневской школѣ во все продолженіе XVIII столѣтія, и тогда, значитъ, когда школа переименована была сперва въ семинарію, потомъ въ академію; количество разночинцевъ обучаемыхъ простиралось отъ 30 до 60 (¹). Не смѣемъ утверждать, но очень вѣроятно, что и другія провинціальныя духовныя училища XVIII вѣка тоже воспитывали лицъ другихъ сословій; по крайней

(¹) Большія подробности касательно этой школы можно извлечь изъ Исторіи С. Петербургской Духовной Академіи, И. Чистовича. Главнымъ образомъ этимъ сочиненіемъ пользовался составитель настоящей статьи, при указаніи историческихъ данныхъ касательно перехода духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія сословія и заведенія.

мѣрѣ, это несомнѣнно въ отношеніи къ кіевской академіи.

Раньше еще половины прошлаго вѣка начался переходъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, въ заведенія свѣтскія или въ свѣтскую службу, иногда по распоряженію правительства, иногда по собственному желанію. Будущій историкъ русской цивилизаціи оцѣнитъ должнымъ образомъ эту услугу, оказанную духовными училищами XVIII в. отечественному просвѣщенію; мы съ своей стороны замѣтимъ только, что въ ту пору и умѣющихъ учить и желающихъ учиться было очень мало. Петръ I не даромъ запрещалъ безграмотнымъ дворянамъ жениться; Сунодъ слалъ указы за указами, чтобы священники представляли своихъ сыновей въ школы. Въ это время, понятно, какъ дороги были не только сколько нибудь образованные, а просто грамотные люди! Длинный рядъ духовныхъ воспитанниковъ, перешедшихъ въ свѣтское званіе со второй четверти XVIII в. до нашего времени, открываетъ *Григорій Тепловъ*, одинъ изъ учениковъ школы Ѳеофана Прокоповича, основанной имъ по желанію Петра Великаго. По смерти Ѳеофана, Тепловъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ; выучившись здѣсь естественнымъ наукамъ и получивъ званіе адъюнкта, какъ надзиратель за воспитаніемъ молодаго графа Разумовскаго, онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ по западной Европѣ. Потомъ, когда графъ въ 1745 году сдѣланъ былъ президентомъ академіи наукъ, Тепловъ много содѣйствовалъ ему въ дѣлѣ преобразованія академіи, составивъ „*Новый академическій регламентъ*"; при Екатеринѣ II онъ былъ ея статсъ-секретаремъ. Годъ спустя послѣ Теплова, другіе два ученика Ѳеофановой

школы, дѣти рядовыхъ, *Протасовъ* и *Котельниковъ*, поступили также въ академію наукъ и были ея членами. Протасовъ извѣстенъ въ исторіи отечественнаго образованія, какъ лицо, завѣдывавшее выборомъ статей изъ иностранныхъ газетъ для русскихъ вѣдомостей и книгъ для перевода на русскій языкъ; онъ самъ участвовалъ въ переводѣ естественной исторіи Бюффона и въ составленіи словопроизводнаго Русскаго Словаря. Котельниковъ тоже былъ академикомъ, библіотекаремъ при академіи наукъ и участвовалъ въ составленіи всѣхъ шести частей Россійскаго Словаря. Третій ученикъ изъ школы Ѳеофана *Макс. Богдановъ* поступилъ въ сухопутный госпиталь для изученія хирургіи.—Переходъ этотъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтское званіе чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше усиливался. Причина понятна: послѣ отобранія церковныхъ имуществъ, духовенство обѣднѣло, жалованье наставникамъ семинарій и академій производилось самое ничтожное и во всякомъ случаѣ далеко меньшее, чѣмъ какое государство назначало для наставниковъ своихъ учебныхъ заведеній и для служащихъ въ гражданской службѣ. Самые даровитые, самые энергическіе и предпріимчивые изъ духовныхъ воспитанниковъ выходили, если только они раньше не поступали въ монашество, изъ духовнаго званія искать счастія и почестей въ свѣтскомъ. Такимъ образомъ изъ посланныхъ въ 1765 г. въ оксфордскій, геттингенскій и лейденскій университеты четырнадцати воспитанниковъ духовныхъ, *Ровановъ*, обучавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, потомъ бывшій наставникомъ въ здѣшней семинаріи, вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу, *Клевецкій*, обучавшійся въ лейденскомъ университетѣ, тоже оставилъ духов-

ное званіе и издалъ (въ 1773 г.) руководство по географіи и ландкарты съ присовокупленіемъ общихъ правилъ ариѳметики;—*Никитинъ*, обучавшійся въ оксфордскомъ университетѣ, опредѣлился въ морской кадетскій корпусъ сперва профессоромъ, а потомъ инспекторомъ, и наконецъ (съ 1783) былъ членомъ россійской академіи; — *Суворовъ*, тверской семинаристъ, удостоенный оксфордскимъ университетомъ рѣдкой для иностранца чести — званія магистра, по возвращеніи перешелъ на службу въ морской кадетскій корпусъ для обученія кадетовъ математикѣ, миѳологіи, географіи, англійскому языку и словесности, потомъ поступилъ въ московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ и оставилъ много собственныхъ сочиненій и переводовъ.

Очень много духовныхъ воспитанниковъ до окончанія и по окончаніи семинарскаго или академическаго курса поступило въ свѣтскія заведенія по распоряженію гражданскаго начальства. Такъ въ 1747 г., по регламенту академіи наукъ, написанному, какъ мы уже говорили, гр. Тепловымъ, учрежденъ былъ при ней институтъ для 30 воспитанниковъ. Президентъ гр. Разумовскій, облеченный правомъ набрать воспитанниковъ, откуда ему будетъ угодно, безъ сомнѣнія, по указанію Теплова остановилъ свое вниманіе на воспитанникахъ здѣшней и новгородской семинарій и московской академіи и вытребовалъ изъ нихъ по десяти человѣкъ, не смотря на противодѣйствіе Свят. Сѵнода и архіепископа петербургскаго Ѳеодосія, дорожившихъ хорошими воспитанниками. Изъ вытребованныхъ нѣкоторые въ XVIII в. пріобрѣли литературную извѣстность; такъ напримѣръ Ст. Як. *Румовскій* былъ ординарнымъ профессоромъ въ академіи наукъ, вице-президентомъ

ся, членомъ главнаго управленія училищъ и попечителемъ казанскаго университета, и оставилъ много сочиненій и переводовъ по исторіи, математикѣ и астрономіи; Ив. *Барковъ*, состоявшій переводчикомъ при академіи наукъ, перевелъ Гораціевы сатиры (1763 г.), составилъ „Русскую Исторію“ (неизданную), написалъ „Жизнь Кантемира“, перевелъ „Федровы басни“ (1764 г.) и Гольбергову „Универсальную исторію“ (1766). Конечно, многіе изъ сочиненій и трудовъ бывшихъ духовныхъ воспитанниковъ въ настоящее время имѣютъ цѣну только для археолога и историка; но въ свое время они удовлетворяли живымъ и насущнымъ потребностямъ начинавшаго свое образованіе русскаго общества. Въ 1762 г. вытребованы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ два воспитанника здѣшней семинаріи для изученія языковъ—китайскаго и манжурскаго, потомъ въ 1770 г. также вслѣдствіе требованія еще поступило двое. Вообще въ XVIII в. былъ такой порядокъ: лишь только гражданское правительство открывало то или другое заведеніе, всегда обращалось за первыми учениками въ духовныя училища. Слѣдующіе факты оправдаютъ наше общее замѣчаніе.

До 1782 г. правительство гражданское заводило большею частію *спеціальныя* школы, какъ напр. кадетскіе корпуса; съ этого года начали заботиться объ *общемъ* народномъ образованіи. Учреждена была *коммисія для основанія народныхъ училищъ*. Въ четыре слѣдовавшихъ за учрежденіемъ коммисіи года, столько было вытребовано ею воспитанниковъ изъ одной здѣшней семинаріи, что высшіе классы почти опустѣли и митрополитъ Гавріилъ затруднялся въ пріисканіи достойныхъ и способныхъ людей къ занятію священническихъ и діаконскихъ мѣстъ

въ своей епархіи. Сряду же послѣ своего учрежденія (въ 1783 г.) коммиссія вытребовала, съ высочайшаго соизволенія, двадцать воспитанниковъ изъ здѣшней семинаріи для приготовленія ихъ къ учительскимъ должностямъ въ народныхъ училищахъ столицы. Такимъ образомъ духовенство подставило первыхъ учителей для нынѣшнихъ столичныхъ уѣздныхъ школъ и гимназій; къ духовнымъ же семинаріямъ прибѣгла коммиссія, когда вздумала устроить училища въ прочихъ городахъ имперіи и съ цѣлью приготовленія учителей для оныхъ открыла въ Петербургѣ *главное народное училище*. Училище это было наполнено главнымъ образомъ воспитанниками духовныхъ семинарій; ихъ вытребовали въ числѣ 142-хъ человѣкъ. Брали даромъ, а между тѣмъ требовали, чтобы высылаемые воспитанники были „*не моложе 18 лѣтъ, одарены хорошею способностію и прилежаніемъ, были хорошаго поведенія и отличались способностію передавать другимъ знанія*", слѣдовательно требовали, чтобы высланы были лучшіе семинарскіе воспитанники. Эти 142 ученика, вызванныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, посланы были учителями въ тѣ народныя школы, которыя открыты были въ 1786 г. въ 25 губерніяхъ. Для низшихъ народныхъ школъ въ этихъ губерніяхъ еще было вытребовано сорокъ семинаристовъ. Съ отдѣленіемъ отъ главнаго народнаго училища *учительской семинаріи*, требованія какъ въ нее, такъ и въ другія свѣтскія учебныя и воспитательныя заведенія продолжались; въ 1794 году вытребовано было пятьдесятъ семинаристовъ. Требованія были такъ часты, что духовное начальство не всегда было въ состояніи удовлетворять онымъ. Такъ въ 1804 г. на отношеніе графа Завадовскаго о высылкѣ изъ здѣшней

академіи пяти воспитанниковъ къ замѣщенію вакантныхъ мѣстъ въ низшихъ классахъ здѣшнихъ народныхъ училищъ, митрополитъ Амвросій принужденъ былъ отвѣтить, что не можетъ исполнить этого требованія, потому что въ академіи состоитъ небольшое количество студентовъ.

Въ 1786, вслѣдствіе прошенія медицинской коллегіи, Сѵнодъ разрѣшилъ отпускъ академическихъ и семинарскихъ воспитанниковъ въ медицинскія училища. Вслѣдствіе этого распоряженія, многіе воспитанники семинарій переходили въ медицинскія училища, которыя въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія наполнялись почти исключительно семинаристами. Въ 1797 послѣдовало высочайшее повелѣніе ежегодно отправлять изъ семинарій въ московскую и петербургскую медико-хирургическія академіи до 50 воспитанниковъ. Кромѣ этихъ пятидесяти, ежегодно поступавшихъ, многіе изъ семинаристовъ, по особенной склонности къ медицинскимъ наукамъ, а можетъ быть надѣясь получше устроить свою судьбу въ званіи лекарей, чѣмъ оставаясь въ духовномъ сословіи, еще до окончанія семинарскаго курса оставляли духовныя заведенія—для перехода въ медицинскія. Медицинская академія и *до* и *послѣ* своего преобразованія (въ 1799 г.) охотно принимала духовныхъ воспитанниковъ, потому что съ возобновленіемъ морскихъ и сухопутныхъ штатовъ имѣла большой недостатокъ въ медикахъ, и по прежнимъ опытамъ надѣялась найти въ нихъ хорошо приготовленныхъ студентовъ. Дѣйствительно изъ духовныхъ воспитанниковъ, обучавшихся въ академіи, многіе пріобрѣли въ послѣдствіи ученую извѣстность и имена ихъ не забудутся въ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. Изъ

нихъ между прочимъ вышли: Д. М. *Велланскій*, М. *Мудровъ*, Я. К. *Кайдановъ*, *Громовъ*, *Бутковъ*, *Шумлевскій*, *Енохинъ*. Множество современныхъ, военныхъ и гражданскихъ, врачей, разсѣянныхъ по Россіи, получили первоначальное, общее образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ.

Духовенство въ выборѣ званія вообще не стѣсняло своихъ воспитанниковъ Напримѣръ митр. Гавріилъ предоставлялъ окончившимъ курсъ въ главной духовной семинаріи полную свободу съ однимъ только ограниченіемъ, чтобы присланные изъ другихъ епархій по окончаніи курса прослужили два года въ здѣшней или въ своей мѣстной семинаріи. Снисходительность простиралась до того, что нѣкоторые воспитанники для большей удобности пріискать мѣсто въ гражданской службѣ, просили митрополита назначить имъ болѣе легкіе предметы, и онъ удовлетворялъ ихъ просьбамъ. Въ разныя времена много перешло такимъ образомъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, и между ними мы встрѣчаемъ такихъ, которыхъ имена не забудутся въ исторіи отечественнаго образованія и отечественной литературы. Такъ напримѣръ изъ воспитанниковъ здѣшней академіи, бывшихъ потомъ наставниками въ ней, вышли: *Ив. Ив. Мартыновъ*, переводчикъ классиковъ, котораго труды по этой части большею частію еще не смѣнены болѣе новыми и совершенными, извѣстный литераторъ и журналистъ, издававшій „Музу“ и „Сѣверный Вѣстникъ“; *Алексан. Степ. Дубкинъ*, изъ наставниковъ здѣшней семинаріи перешедшій экстраординарнымъ профессоромъ въ казанскій университетъ, составившій начертаніе логики и переведшій философію Снелля; *Петр. Анд. Словцовъ*, преподававшій краснорѣчіе въ здѣшней

семинаріи, потомъ директоръ иркутской гимназіи и литераторъ, *Анненскій*—тоже литераторъ, и *Ильичевскій*—бывшій томскимъ губернаторомъ.—Наконецъ изъ числа духовныхъ же воспитанниковъ и здѣшнихъ академическихъ наставниковъ вышелъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ отечественныхъ государственныхъ людей, оказывавшійся мастеромъ во всякомъ дѣлѣ, какое только поручалось ему, котораго исполненная трудовъ и превратностей жизнь читается съ такимъ же удовольствіемъ, какъ хорошій романъ, и котораго проекты государственныхъ преобразованій—многіе выполнены, а другіе еще ожидаютъ выполненія,—графъ М. М. Сперанскій. Въ 1796 году онъ оставилъ академію и всю остальную свою жизнь, исключая времени его опалы, посвятилъ общественному преуспѣянію отечества. Указывать, сколько добра сдѣлалъ для Россіи и ея цивилизаціи этотъ бывшій владимірскій семинаристъ и профессоръ здѣшней академіи во время службы своей въ Сибири и Петербургѣ, мы считаемъ излишнимъ; мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующую его мѣру.

Подобно Теплову обязанный своимъ возвышеніемъ вліянію одного вельможи и безъ этого, подобно многимъ семинаристамъ и студентамъ духовныхъ академій, кончившій бы можетъ быть свою гражданскую службу безвѣстно, М. М. Сперанскій, заботясь „положить основаніе наукѣ россійскаго правовѣдѣнія въ русскихъ университетахъ“ (¹), остановилъ свое вниманіе, какъ и поименованный предшественникъ его, на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Это было въ 1828 г. По рас-

---

(¹) Собственныя слова Сперанскаго. См. *Сочин. Неволина*. 1857 г. Т. 1, стр. VII, предисловіе.

поряженію Сперанскаго тогда вызвано было по трое лучшихъ воспитанника изъ здѣшней и московской академій. На четвертой недѣлѣ великаго поста, тридцать четыре года назадъ, во 2-мъ отдѣленіи Императорской канцеляріи Сперанскій говорилъ представленнымъ ему студентамъ академій: „ваше назначеніе самое высокое; отъ васъ Государь ожидаетъ очень многаго; я не скрою отъ васъ, что вы или нѣкоторые изъ васъ, которые лучше успѣютъ, должны сдѣлаться въ Россіи лучшими профессорами правовѣдѣнія; впрочемъ всѣ вы должны успѣть такъ, чтобы сдѣлаться профессорами.“ Потомъ въ пасху того же года, когда они явились съ поздравленіемъ, Сперанскій сказалъ имъ: „вы должны положить основаніе наукѣ россійскаго правовѣдѣнія. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо въ университетахъ подлинно по ученому, а не по приказнически. Итакъ употребите все стараніе. Ну, „заключилъ онъ“, теперь вы знаете, гдѣ я живу, относитесь ко мнѣ, въ чемъ будете имѣть нужду; я не могу и не долженъ вамъ отназывать, да и не хочу.“ Ихъ отправили скоро въ Берлинъ. „Такъ какъ посланные въ прошломъ (1828 г.) студенты оправдали въ полной мѣрѣ выборъ ихъ и назначеніе, какъ нравственнымъ поведеніемъ, такъ и успѣхами“,—писалъ Сперанскій къ митрополиту Серафиму, — „то Государь Императоръ, принявъ съ благоволеніемъ таковой выборъ и приказавъ отправить сихъ студентовъ для окончательнаго образованія въ берлинскій университетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ отнестись къ митрополитамъ московскому и с. петербургскому объ избраніи изъ московской и с. петербургской академій по три новыхъ студента

для тойже цѣли" ([1]). Вновь избранные также отправлены были въ берлинскій университетъ и вмѣстѣ съ прежними начали свои занятія подъ руководствомъ знаменитаго ученаго Савиньи. Можетъ быть, вялые, неразвязные, запуганные и робкіе—эти духовные воспитанники на первыхъ порахъ не производили такого сильнаго впечатлѣнія на своихъ иноземныхъ профессоровъ, какое производятъ за-границей нынѣшніе бойкіе и самоувѣренные, русскіе студенты—физики и химики, „которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впослѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью, которые, не умѣя отличить кислорода отъ азота, исполнены однако отрицанія и самоуваженія" ([2]). По окончаніи своего ученія за границей, бывшіе духовные воспитанники возвратились въ отечество и оказали несомнѣнную пользу отечественной наукѣ. Сначала Сперанскій хотѣлъ было оставить ихъ на службѣ при 2 отдѣленіи канцеляріи Его Величества и въ тоже время профессорами при здѣшнемъ университетѣ: но министерство народнаго

([1]) Исторія С.П.Б. Д. академіи, стр. 388, 389.

([2]) Русскій Вѣстн. 1862 г. кн. 2-ая стр. 662. Снимаемъ съ себя отвѣтственность за такой строгій приговоръ; онъ произнесенъ писателемъ свѣтскимъ—именно Тургеневымъ. Этотъ поэтъ и въ его прежнихъ твореніяхъ и въ послѣднемъ, изъ котораго мы и взяли приведенныя слова, вмѣстѣ съ другими русскими поэтами, служитъ доказательствомъ высказаннаго нами въ первой статьѣ мнѣнія, что «литература воспринимающей цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность раньше всего въ поэзіи». Святую правду о направленіи и состояніи образованнаго нашего общества высказываютъ у насъ издавна поэты, а потомъ уже она подхватывается публицистами и утрируется ими.

просвѣщенія настояло на томъ, чтобы разослать ихъ профессорами по разнымъ русскимъ университетамъ. Въ исторіи отечественныхъ университетовъ не забудутся имена И. И. *Крылова* и С. И. *Орнатскаго*, орд. профессоровъ московскаго университета, А. А. *Ѳедотова-Чеховскаго* и С. О. *Богородскаго*, орд. профессоровъ кіевскаго университета, А. В. *Куницына*, орд. профессора и декана харьковскаго университета, и наконецъ самаго знаменитаго русскаго законовѣда К. А. *Неволина*, орд. профессора сперва кіевскаго, а потомъ петербургскаго университета. *Энциклопедія Законовѣдѣнія* Неволина, — сочиненіе, которому подобнаго не было въ то время не только на нашемъ языкѣ, но котораго въ такомъ объемѣ не представляла да и теперь еще не представляетъ ниодна иностранная литература (¹), — вслѣдствіе разбора ея въ нѣмецкомъ лейпцигскомъ журналѣ пріобрѣла славу автору въ Германіи и Голландіи и вызвала отзывъ полный уваженія отъ учителя его Савиньи. Къ праху Неволина, скончавшагося 1855 г. „*не заростетъ тропа*,“ протоптанная провожавшими его почитателями и учениками; имя его будутъ произносить съ уваженіемъ отдаленные—будущіе русскіе законовѣды.—Рядъ лицъ, уступленныхъ духовными академіями университетамъ отечественнымъ, достойно заканчиваетъ П. Юркевичъ.—Оставляя эти фактическія указанія, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Едва ли когда нибудь будетъ возможность опредѣлить количество лицъ, послѣ Петровой реформы вышедшихъ изъ духовнаго званія въ свѣтское,—лицъ, которые получили или только начали свое образованіе въ духовныхъ

(¹) Отзывъ опять не нашъ. См. Сочин. Невол. Предисл. стр. XIII.

заведеніяхъ и на средства духовенства, потомъ употребили свои способности и свои знанія на пользу свѣтской наукѣ и свѣтскому обществу. Не многихъ мы поименовали, имена другихъ опустили, чтобы не вдаваться въ большія частности, наконецъ большая часть именъ такихъ лицъ намъ неизвѣстна,—да простятъ они намъ наше невѣжество относительно ихъ неблистательныхъ, но честныхъ и посильныхъ услугъ русской цивилизаціи, точно также какъ мы прощаемъ тѣмъ изъ нашего же сословія вышедшимъ литераторамъ, которые, стыдясь какъ будто своего происхожденія и желая по видимому замаскировать его, находятъ особенное удовольствіе и славу для себя—злобно глумиться надъ Вѣрой и духовенствомъ, называя Вѣру—суевѣріемъ и баснями, а духовенство-старообрядческой кастой и темнымъ царствомъ, въ которое не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и новаго знанія. Много есть въ настоящее время семействъ, принадлежащихъ къ свѣтскому цивилизованному обществу, которыя своими фамиліями только даютъ знать, что первый цивилизованный предокъ ихъ былъ кутейникъ или семинаристъ. Лицъ съ фамиліями, произведенными отъ православныхъ праздниковъ, отъ селъ съ церквами, отъ греческихъ и латинскихъ словъ (смотрители нашихъ училищъ, любившіе и знавшіе эти языки, любили часто показывать свое вдохновеніе и остроуміе — въ назначеніи вновь привозимымъ ученикамъ латинскихъ и греческихъ фамилій: каллистовыхъ, аристовыхъ, аргентовыхъ, гиляровыхъ и т. п.), отъ наименованій духовныхъ должностей (дьяковыхъ, поповыхъ, діаконовыхъ), много можно найти въ современномъ цивилизованномъ свѣтскомъ обществѣ и между литераторами, и между профессорами университетовъ, меж-

ду докторами, между студентами медицины и университетовъ, между воспитанниками гимназій, и между чиновниками—начиная съ департаментовъ, продолжая разными палатами, правленіями, удѣльными конторами и оканчивая станціонными смотрителями и письмоводителями становыхъ: навѣрно уже гораздо больше въ нашемъ образованномъ обществѣ лицъ съ такого рода фамиліями, чѣмъ съ фамиліями нѣмецкими и французскими, хотя у насъ и принято за правило приписывать развитіе и успѣхи послѣ-петровской цивилизаціи заморскимъ наставникамъ. Фактъ—очень знаменателеный для историка нашей цивилизаціи, и тѣмъ страннѣе для насъ слѣдующее явленіе въ современной литературѣ. Лицъ грязныхъ, пропитанныхъ началами трактирной цивилизаціи, вошло въ нѣкоторыхъ журналахъ, очень распространенныхъ къ несчастію, въ обычай называть фамиліями, произведенными отъ праздниковъ и молитвъ церковныхъ. Да проститъ Господь это глумленіе и надъ народной святыней и надъ главными, можетъ статься, дѣятелями отечественной цивилизаціи, а публика пусть продолжаетъ восхищаться такимъ дешевымъ остроуміемъ своихъ современныхъ просвѣтителей и любимцевъ! Надѣемся, наступитъ время, когда читающая публика будетъ повзыскательнѣе, остроуміе писателей—поостроумнѣе и поглубже, и когда наконецъ знакомство съ судьбами русской послѣ-петровской и до-петровской цивилизаціи пошире и пообстоятельнѣе. Тогда, можетъ быть, даже не *можетъ быть* только, а тогда *безъ сомнѣнія* отдадутъ должное и цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства, тогда фамиліи никольскихъ, троицкихъ, успенскихъ, аргентовыхъ и аврориныхъ и т. п. перестанутъ въ лицахъ свѣтскихъ вызывать аристокра-

тическо-саркастическую улыбку, а лица, носящія подобныя прозвища, не будутъ больше краснѣть и стыдиться своихъ праздничныхъ и греко-латинскихъ фамилій, какъ какого нибудь преступленія. Можетъ быть— вслѣдъ за болѣе точнымъ знакомствомъ съ судьбами и двигателями отечественной цивилизаціи—и наши будущіе беллетристы лучшихъ лицъ въ своихъ будущихъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ назовутъ вознесенскими, поповыми или ключаревыми, и на такихъ-то лицахъ съ такими фамиліями, какъ на самыхъ поэтическихъ и самоотверженныхъ труженикахъ просвѣщенія и исповѣдникахъ гуманности,—будутъ отдыхать и сами писатели и ихъ будущіе читатели...

(Продолженіе будетъ).

ИСЦѢЛЕНІЯ

ПО МОЛИТВАМЪ КЪ СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ,

ЗАДОНСКОМУ И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦУ.

XXVI.

Города Задонска, купеческая вдова Анисія Михайлова Дмитріева, 38-ми лѣтъ отъ роду, живущая въ улицѣ Одноличкѣ, получила исцѣленіе отъ святителя Тихона слѣдующимъ порядкомъ: въ 1856 году заболѣла у нея правая нога, и, не смотря на леченіе, покрылась вся глубокими и большими ранами. Врачи предлагали ей, какъ послѣднее средство, отнять ногу, но Анисія на это не согласилась. Потомъ болѣзнь перешла на лѣвую ногу и на обѣ руки. Раны на всѣхъ этихъ членахъ были ужасны; во многихъ мѣстахъ изъ-за нихъ виднѣлись кости. Болѣзнь продолжалась пять лѣтъ. 18-го іюня 1861 года, во время бывшаго въ Задонскѣ большаго пожара, сгорѣлъ ея домъ и все имущество. Помѣстившись въ шалашѣ, устроенномъ на пепелищѣ. она особенно скорбѣла о сгорѣвшемъ образѣ святителя Тихона, предъ которымъ въ молитвѣ и слезахъ, во все время болѣзни, находила единственное утѣшеніе. 30-го іюля увидѣла она въ полуснѣ, и какъ бы наяву, въ прославленномъ видѣ святителя Тихона, который вошелъ

къ ней въ святительской мантіи, со Святыми Дарами въ рукахъ. Святитель предсказалъ, что скоро она будетъ здорова и далъ ей причастіе Святыхъ Даровъ. Въ туже минуту проснувшись, больная почувствовала уже значительное облегченіе, а въ слѣдующіе за тѣмъ шесть дней всѣ раны ея чудодѣйственно зажили, и къ ней возвратились снова силы и здоровье. (Объявлено и записано 1-го сентября 1861 года).

XXVII.

Тамбовской губерніи, города Липецка мѣщанинъ Максимъ Алексѣевъ, 1-го сентября 1861 года, привезъ въ Задонскій монастырь четырех-лѣтняго сына своего Василія, который съ колыбели тяжко страдалъ отъ каменной болѣзни, не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью. Въ этотъ же день, на воскресномъ богослуженіи и потомъ на молебнѣ, Алексѣевъ молилъ святителя Тихона и сыну внушалъ молиться объ исцѣленіи отъ болѣзни. Святый угодникъ Божій скоро услышалъ общую ихъ молитву: въ ночь на 2-е сентября у дитяти безъ всякой боли вышелъ камень и болѣзнь прошла. (Заявлено и записано 2-го сентября).

XXVIII.

Города Ельца, пригородной слободы Ольшанца, однодворческая вдова Акилина Кондратьева Колычева, 60-ти лѣтъ отъ роду, живущая въ самой слободѣ, въ 1858 году, въ слѣдствіе тяжкой болѣзни, лишилась употребленія ногъ. Только по комнатѣ, и то съ большимъ трудомъ, она могла переходить отъ одного стула до другаго. Замѣчательна вѣра ея! Она всю жизнь свою питала глубокое уваженіе къ святителю Тихону, и въ бе-

лѣзни отъ него ожидала врачеванія. Вскорѣ по открытіи честныхъ его мощей, ей видѣлось во снѣ, что она со слезами молитъ новопрославленнаго святителя объ исцѣленіи ногъ отъ болѣзни и что онъ точно исцѣлилъ ихъ. Проснувшись, больная дѣйствительно нашла себя здоровою и стала свободно ходить. Въ теченіи двухъ первыхъ дней сентября она пришла пѣшкомъ въ Задонскъ, отъ мѣста ея жительства отстоящій на 40 верстъ, и, для славы своего благодатнаго врача, 4-го сентября объявила о семъ чудѣ.

XXIX.

Рязанской губерніи, ряжскаго уѣзда, села Голдаева, государственный крестьянинъ Николай Ефимовъ Кузнецовъ, въ началѣ сентября прибывъ въ Задонскъ на поклоненіе новоявленному чудотворцу святителю Тихону, объявилъ слѣдующее: рязанской же губерніи, сапожковскаго уѣзда, села Можаръ, государственный крестьянинъ Тимоѳей (отчество и фамилію его Кузнецовъ забылъ, но въ Можарахъ, сказалъ, этого человѣка всякій укажетъ), 17-ти лѣтъ отъ роду, по невѣдѣнію не объявилъ въ Задонскомъ монастырѣ о чудѣ, совершившемся надъ нимъ при мощахъ святителя Тихона, и потому убѣдительно просилъ его, Кузнецова, заявить о немъ монастырскому начальству. Это чудо по очевидности своей поразительно! Тимоѳей отъ рожденія до настоящаго своего возраста былъ нѣмъ, ни слова не говорилъ и объяснялся мимикой. Руководимый надеждою на святителя Тихона, онъ пришелъ въ Задонскъ на праздникъ открытія святыхъ мощей его, съ молитвою о своей скорби приложился къ нимъ, и съ тѣхъ поръ у него открылся даръ слова, и теперь бывшій нѣмой свобод-

но говоритъ и славитъ Господа. (Записано 4-го сентября).

XXX.

Тамбовской губерніи, лебедянскаго уѣзда, заштатнаго города Добраго, дочь государственнаго крестьянина Ивана Карпова Гурьева и жены его Параскевы Филипповой,—Минодора, 17-ти лѣтъ, также отъ рожденія была глухо-нѣмою: она не чувствовала никакихъ звуковъ, даже звона колоколовъ и потрясающихъ ударовъ грома, а равно и не произносила ни одного слова. Пришедши съ матерью въ Задонскъ 18-го августа, она съ молитвою и слезами приложилась къ цѣлебнымъ мощамъ святителя Тихона и потомъ была покрыта его мантіею. Въ это самое время у нея открылся слухъ. Теперь же, точно малое дитя, она учится говорить вслѣдъ за другими, и уже многія слова произноситъ довольно внятно. (Записано 10 сентября).

XXXI.

Тамбовской губерніи, борисоглѣбскаго уѣзда, села Олешкова, дочь государственнаго крестьянина Павла Летуновскаго, находящагося нынѣ въ военной службѣ, по имени—Татьяна, 11-ти лѣтъ отъ роду, съ третьяго года до настоящаго своего возраста имѣла руки и ноги *сведенными*. А 9-го сентября прошлаго 1861 года, при мощахъ святителя Тихона, она получила совершенно-свободное ихъ употребленіе. (Записано 13 сентября).

XXXII.

Изъ того же семейства крестьянка Ксенія Летуновская, 37-ми лѣтъ отъ роду, страдала ломотою въ рукѣ,

которая 10 лѣтъ была отъ болѣзни скорчена. Въ тотъ же день и она при мощахъ святителя Тихона получила свободное движеніе рукою и избавилась отъ ломоты. (Записано 13 сентября).

XXXIII.

Тульской губерніи, веневскаго уѣзда, села Марыгина, дворовая дѣвица помѣщика Алексѣя Николаевича Павлова,—Домна Григорьева Макарова, въ началѣ сентября, 1861 года, на правой, уже болѣвшей ногѣ получила антоновъ огонь. Врачи положили отрѣзать ногу, въ противномъ случаѣ предвѣщали неминуемую смерть. Но Домна, не согласившись на операцію, съ живою надеждою обратилась къ новопрославленному чудотворцу Тихону съ молитвою о помощи, и въ душѣ своей дала обѣтъ, при малѣйшей возможности пойти пѣшкомъ въ Задонскъ на поклоненіе ему. Въ тотъ же самый часъ, какъ принято было такое рѣшеніе, развитіе антонова огня прекратилось,—и, по ея выраженію, нога одеревенѣла. Прибравъ костыли, больная отправилась въ Задонскъ, и тамъ, 17-го сентября, при мощахъ святителя получивъ полное и совершенное исцѣленіе, возвратилась домой безъ костылей, съ здоровыми ногами. (Записано 19-го сентября).

XXXIV.

Тульской губерніи, ефремовскаго уѣзда, села Дубікъ, государственная крестьянка, дѣвица Дарья Михѣева Мельникова, 35-ти лѣтъ отъ роду, съ 1852 года впала въ сумасшествіе извѣстнаго рода и совершенно перестала говорить. Въ 1853 году она ходила, въ сообществѣ съ другими, въ Соловецкій монастырь, и тамъ,

молитвами святыхъ Зосимы и Савватія получила даръ слова, но до 7-го сентября прошлаго года оставалась въ умопомѣшательствѣ. 7 сентября, послѣ прикосновенія къ мощамъ святителя Тихона, благодатію Божіею, къ ней возвратился и здравый разсудокъ. (Записано 20 сентября).

XXXV.

Города Воронежа, частнаго пристава коллежскаго ассесора Рафаила Ивановича Пуговишникова, дочь Елена, имѣющая нынѣ 16-ть лѣтъ, съ давняго времени страдала отъ нестерпимой боли позвоночнаго столба, такъ что прикосновеніе къ шеѣ платка или самой легкой косынки производило сильнѣйшую боль, особенно у самой головы. Испытаны были къ излеченію болѣзни попеременно всѣ медицинскія средства, но оказались недѣйствительными. Въ январѣ прошлаго 1861 года болѣзнь усилилась. Со слезами страждущая просила святителя Тихона о помощи и дала обѣтъ вмѣстѣ съ матерью съѣздить въ Задонскъ, — помолиться ему. Болѣзнь въ тотъ же часъ прекратилась и Елена съ тѣхъ поръ пребываетъ совершенно здоровою. (Записано 7 октября).

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ, во вниманіе къ отлично-усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ епископовъ: тобольскаго—Ѳеогноста, волынскаго —Антонія и харьковскаго — Макарія, въ 8-й день апрѣля, Всемилостивѣйше пожаловалъ ихъ въ санъ архіепископа.

— Государь Императоръ, въ 17-й день марта, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Сѵнода объ увольненіи епископа оренбургскаго Антонія отъ управленія ввѣренною ему епархіею и назначеніи его членомъ московской сѵнодальной конторы, съ порученіемъ ему въ управленіе ставропигіальнаго воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ старшаго протоіерея сергіевскаго всей артиллеріи собора Петра Духовскаго, на 6-е число минувшаго марта, сопричислить къ ордену св. Владиміра 3-й степени за отлично усердную и ревностную 50 лѣтнюю его службу.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнона отъ $^{1}/_{13}$ марта сего года о награжденіи священника села Сосновки, въ

сердобскомъ уѣздѣ, саратовской епархіи, Василія Утѣхина, и пономаря гамской михаило-архангельской церкви, вологодской епархіи, Александра Ѳаддѣева, установленною за человѣколюбивые подвиги серебряною медалью на Владимірской лентѣ.

— Его Императорское Величество, во вниманіе къ тому, что число сельскихъ училищъ при приходскихъ церквахъ значительно умножается въ кіевской епархіи, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить митрополиту кіевскому и ввѣренному ему духовенству признательность отъ Августѣйшаго имени Его Величества.

— Высочайшимъ приказомъ марта 4 дня 1862 года директоръ духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Сvнодѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, князь *Урусовъ*—назначенъ статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ настоящей должности и придворномъ званіи.

— Святѣйшій Сvнодъ опредѣленіемъ отъ 29-го марта сего года постановилъ: ректоромъ и профессоромъ богословія въ костромскую семинарію и настоятелемъ богородицкаго игрицкаго второкласснаго монастыря назначить инспектора с. петербургской семинаріи архимандрита Іосифа; а на его мѣсто инспекторомъ с. петербургской семинаріи перевесть инспектора смоленской семинаріи іеромонаха Ѳеодосія.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода отъ 17-го февраля, учитель псковской семинаріи игуменъ Вонифатій назначенъ настоятелемъ торопецкаго третьекласснаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода отъ 23-го апрѣля сего 1862 года, разрѣшено изданіе литовскихъ

епархіальныхъ вѣдомостей, по представленной преосвященнымъ Іосифомъ митрополитомъ литовскимъ программѣ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода $\frac{\text{26 марта}}{\text{4 апрѣля}}$ 1862 года положено: за сдѣланныя, въ минувшемъ 1861 году, въ пользу церквей и монастырей воронежской епархіи, благочестивыя приношенія, преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода слѣдующимъ лицамъ: 1) священнику николаевской, села Новогальскаго, церкви Матѳею Знаменскому; 2) діакону успенской, села Знаменскаго, церкви Димитрію Знаменскому; 3) генералъ-маіору Ивану Остафьеву; 4) отставному штабсъ-капитану Александру Степанову; 5) отставному штабсъ-ротмистру Андрею Ѳирсову; 6) коллежскому ассесору Ивану Иванову; 7) коллежскому секретарю Никитѣ Рудневу; 8) княгинѣ Аннѣ Гагариной; 9) женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аннѣ Шале: 10) женѣ ротмистра Софьѣ Сабуровой; 11) женѣ коллежскаго ассесора Александрѣ Андреевой; 12) дочери титулярнаго совѣтника Настасьѣ Ямпольской; 13) губернской секретаршѣ Сорокиной; 14) помѣщикамъ: а) орловскому Цурикову, б) Косенкову и в) Ивану Спѣшневу; 15) помѣщицамъ: б) московской Чебышевой, б) липецкой Свѣшниковой; в) усманской Зотовой, г) задонской Демидовой, д) липецкой Рындиной, е) ливенской Васильевой, ж) бирюченскаго уѣзда, села Подсередняго Марьѣ Андреевой; 16) купцамъ: а) московскому Никитѣ Смирнову, б) луганскаго завода Саввѣ Хрипко, в) елецкому Русанову, г) усманскому Петру Иванову, д) старобѣльскому Дмитрію Кузнецову, е) павловскимъ: Василію Межевитову, Николаю Шапошникову и Григорію и Ивану Эсманскимъ, и новохоперскимъ Ивану Чиликину и Ива-

ну Языкову; 17) купеческому племяннику Степану Журавлеву; 18) вдовамъ купцовъ: а) г. Бирюча Натальѣ Рышковой и б) г. Коротояка Екатеринѣ Петровой; 19) женѣ купца тогожъ города Лукерьѣ Азаровой; 20) города Павловска мѣщанкѣ Прасковьѣ Хлѣбниковой; 21) старостамъ церквей а) соборной г. Коротояка купцу Ѳедору Азарову, б) села Лубнозъ крестьянину Ивану Сурикову, в) села Козминки крестьянину Тихону Мананикову и г) слободы Уразовой Игнату Бѣллецкому; 22) прихожанамъ церквей: а) селъ: Прилѣпъ и Козминки Ивану Фаустову, и б) слободъ: Николаевки, Шелякиной, Харьковской, Погромца, Алексѣевки, Никитовки, Волоконской—крестьянину Андрею Грошенко и воронцовки—крестьянамъ Семену Неговорину, Степану Косенкову, Павлу Славгородскому и Степану Босенкову; 23) жилелямъ г. Валдая и Павловска; 24) села Подошкина, рязанской губерніи крестьянину Николаю Понкратову; 25) г. Валуекъ унтеръ-офицеру Ѳедору Пихличенкову; 26) пожертвовавшимъ въ пользу монастырей: а) богородицкаго серебряную лампаду къ ракѣ святителя Тихона, и покровы на раку того же святителя: малиноваго бархата, шитый золотомъ, и голубаго шитый серебромъ, и б) Акатова—900 рублей на передѣлку иконостаса;—въ пользу церквей саратовской епархіи: коллежской совѣтницѣ Еленѣ Ивановой, коллежскому регистратору Ивану Полеводину и кузнецкому мѣщанину Василію Бѣгишеву; — въ пользу церквей и монастырей черниговской епархіи: 1) священникамъ Василію Мухѣ и Михаилу Турику; 2) графамъ Алексѣю Толстому и Кушелеву-Безбородко; 3) дѣйствительному статскому совѣтнику Довидовскому; 4) коллежскому совѣтнику Кушакевичу; 5) надворному совѣтнику Степа-

ну Спановскому; 6) маіорамъ Покотило и Василію Онисимову; 7) штабсъ-капитану Михаилу Лихошерстову; 8) коллежскимъ секретарямъ: Сергѣю Лѣвшину и Ивану Лихошерстову; 9) доктору Андрею Холодовичу; 10) помѣщикамъ: Валеріану Мосалитову, Николаю Рашевскому, Николаю Соколовскому, Григорію Маркевичу и Литвинову; 11) Константину Брайкевичу; 12) купцамъ: Григорію Алексѣеву, Ивану Банникову, Бѣдину и кіевскимъ: Якову Протопопову и Иродіону Дегтяреву; 13) купеческимъ братьямъ Ѳедору и Петру Скорняковымъ; 14) Генеральшѣ Ушинской; 15) надворной совѣтницѣ Марьѣ Ивановой Пожадаевой; 16) вдовѣ капитана Марьѣ Пасенковой; 17) дворянкѣ Аннѣ Ничикъ; 18) помѣщицѣ Марьѣ Дудаковской и Писаревичевой; 19) женѣ купца г. Березны Аксиньѣ Денасенковой; 20) старостамъ церквей: а) димитріевской, села Чернотичь казаку Кодрату Ващенко, б) васильевской, села Погорѣлецъ крестьянину Никитѣ Коробкѣ, в) петропавловской, села Максаковъ, крестьянину Степану Ильенко, г) соборно-николаевской, г. Нѣжина купцу Ивану Куликову, и д) преображенской, г. Новозыбкова, купцу Степану Макарову; 21) обществу глуховской преображенской церкви; 22) прихожанамъ церквей: а) означенной преображенской, б) николаевской, села Ишова, в) рождество-богородичной, села Курени, г) димитріевской, села Чернотичь, д) покровской. села Голубичь, е) успенской, села Ярыловичь, ж) покровской, села Великой Веси, з) таковой же, села Носовки, и) троицкой, села Хотуничь, і) успенской, мѣстечка Новыхъ Боровичь, и к) рождество-богородицкой. села Берестовца; 23) греку Карабанову, 24) казакамъ —прихожанамъ церквей: а) села Полошекъ, б) преоб-

раженской, села Курковичъ, в) успенской, мѣстечка Воронежа Григорію Рядченко, г) рождество-богородицкой, села Орловки-Коликъ и д) рождество-богородицкой, села Курени Николаю Левченко; 25) крестьянкѣ села Черн[отичь] Александрѣ Козыровой; 26) пожертвовавшимъ въ пользу монастырей: а) батуринскаго николаевскаго 150 и 150 рублей, б) нѣжинскаго введенскаго дѣвичьяго вещами на 1559 руб. 84 коп. и церквей: а) рождество-богородичной, села Рождественскаго, вещами 115 руб., б) таковой же села Курени 218 и 162 руб. 52 коп., в) вознесенской, мѣстечка Бахмача 715 руб. 4 коп., г) варваринской села Матченокъ 398 руб. 69 коп., д) михайловской села Мелони 165 руб., е) покровской мѣстечка Батурина 110 руб. 86 коп. и ж) покровской же села Митченокъ 197 руб. 5 коп. серебромъ;—въ пользу церквей уфимской епархіи: протоіерею Николаю Авраамову, графинѣ Ольгѣ Рошфоръ, оренбургскому губернскому архитектору Домбровскому, помѣщинѣ Натальѣ Стрѣлковой, чиновнику Александру Кузевицкому, управляющему имѣніемъ г-жи Ивановой Зеведееву, купцамъ Өедору Рязанскому, Степану Дѣеву и Алексѣю Сухорукову, вдовѣ мастероваго Анисьѣ Лукиной и прихожанамъ церквей села Иванова, челябинскаго уѣзда и села Травянскаго тогожъ уѣзда.

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сνнода, учитель смоленской семинаріи надворный совѣтникъ Позднышевъ, 19-го апрѣля назначенъ смотрителемъ смоленскаго духовнаго училища, съ оставленіемъ въ должности учителя семинаріи; инспекторъ одесскаго духовнаго училища Иванъ Миткевичъ перемѣщенъ на должность смотрителя и учителя въ горійское духовное училище; членъ общаго присутствія хозяйственнаго уп-

равленія при Святѣйшемъ Сунодѣ надворный совѣтникъ *Горяцкій* — назначенъ начальникомъ синодальнаго архива, съ завѣдываніемъ экспедиціею управляющаго канцеляріею Святѣйшаго Сунода; начальникъ синодальнаго архива статскій совѣтникъ *Билибинъ* — редакторомъ синодальной канцеляріи, и редакторъ синодальной канцеляріи надворный совѣтникъ *Цейдлеръ* — членомъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Сунодѣ (всѣ трое съ 8-го января 1862 г.); помощникъ столоначальника хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сунодѣ титулярный совѣтникъ *Ольшанскій* — старшимъ помощникомъ бухгалтера того же управленія (съ 3-го февраля 1862 года); инспекторъ и учитель средняго отдѣленія николаевскаго духовнаго училища коллежскій секретарь *Поповъ* — учителемъ высшаго отдѣленія того же училища (съ 23-го января 1862 года); коллежскій секретарь *Новиковъ* — утвержденъ въ должности младшаго секретаря Святѣйшаго Сунода (съ 18-го декабря 1861 г.) и надворный совѣтникъ *Ильяшевичъ* — въ должности смотрителя маріупольскихъ духовныхъ училищъ (съ 11-го января 1862 года); вольнопрактикующій лекарь *Андржеевскій* — опредѣленъ врачемъ при каменецкомъ духовномъ училищѣ (съ 4-го января 1862 года); причисленный къ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода сверхъ штата коллежскій совѣтникъ *Смирновъ* — секретаремъ полоцкой консисторіи (съ 8-го января 1862 года); отставной коллежскій регистраторъ *Муфель* — канцелярскимъ чиновникомъ въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ (съ 26-го января 1862 года); бывшій студентъ с. петербургскаго университета, *Норовскій* — чиновникомъ для письма въ канцелярію оберъ-прокурора Свя-

тѣйшаго Сvнода (съ 20-го февраля 1862 года); кончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ гатчинскомъ николаевскомъ сиротскомъ институтѣ *Васильевъ* — канцелярскимъ служителемъ въ канцелярію Святѣйшаго Сvнода (съ 26 февраля 1862 года); членъ отъ потомственныхъ дворянъ с. петербургской городской распорядительной думы статскій совѣтникъ *Демчинскій* — членомъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сvнодѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности (съ 14 февраля 1862 года); помощникъ секретаря 4-го департамента Правительствующаго Сената коллежскій секретарь *Соколовъ* — перемѣщенъ младшимъ секретаремъ Святѣйшаго Сvнода (съ 4 января 1862 г.); исправляющій должность помощника столоначальника с. петербургскаго уголовнаго надворнаго суда коллежскій регистраторъ *Даниловъ* — канцелярскимъ чиновникомъ въ канцелярію Святѣйшаго Сvнода (съ 5-го февраля 1862 г.); канцелярскій чиновникъ 4-го департамента Правительствующаго Сената коллежскій секретарь *Златковскій* — чиновникомъ для письма въ канцелярію оберъ-прокурора Святѣйшагй Сvнода (съ 6-го февраля 1862 года); учитель витебскаго уѣзднаго училища коллежскій секетарь *Порадци* — помощникомъ столоначальника въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Сvнодѣ (съ 3-го февраля 1862 года); состоящій въ аудиторіатскомъ департаментѣ военнаго министерства коллежскій ассесоръ *Крыловъ* — помощникомъ секретаря Святѣйшаго Сvнода (съ 9-го марта 1862 года); *причисляется къ канцеляріи оберъ прокурора Святѣйшаго Сvнода сверхъ штата* исправляющій должность чиновника за прокурорскимъ столомъ въ московской Святѣйшаго Сvнода конторѣ надворный совѣтникъ *Самаринъ*, съ

увольненіемъ отъ настоящей должности (съ 17-го января 1862 года); отставной надворный совѣтникъ *Мартыновъ* (съ 8 марта 1862 года).

Увольняются отъ службы по прошеніямъ: учитель высшаго никольскаго духовнаго училища коллежскій ассесоръ *Кочеринъ* (съ 23-го января 1862 года); врачъ и преподователь медицины при пермской семинаріи надворный совѣтникъ *Богоявленскій* (съ 23-го января 1862 года); чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Сvнода коллежскій ассесоръ *Зедергольмъ* (съ 28 февраля 1862 г.); врачъ и преподаватель медицины при полоцкой семинаріи коллежскій ассесоръ *Кучинскій* (съ 14 февраля 1862 г.); канцелярскій чиновникъ канцеляріи Святѣйшаго Сvнода коллежскій секретарь *Матевичъ* (съ 26 февраля 1862 года); врачъ и преподаватель медицины при харьковской семинаріи лекарь *Добровольскій* (съ 6 марта 1862 г.); членъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Сvнодѣ статскій совѣтникъ *Казначеевъ* (съ 9 марта 1862 года).

— Въ приказѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода, 1-го марта 1862 года, изображено: *Указомъ Правительствующаго Сената 12 февраля 1862 года произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассесоровъ къ надворные совѣтники*: оберъ-секретарь Святѣйшаго Сvнода Никифоръ *Мясоѣдовъ* (съ 25-го мая 1861 года); секретари консисторій: таврической — Андрей *Голосовъ* (съ 22-го іюня 1860 года), тобольской — Василій *Лебедевъ* (съ 9-го декабря 1860 года) и самарской — Николай *Россовъ* (съ 5-го января 1861 года); *изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры*: младшій чиновникъ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сv-

нода Валеріанъ *Хвостовъ* (съ 15 августа 1861 года); *изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники:* секретарь грузино-имеретинской Святѣйшаго Сvнода конторы Михаилъ *Головкинъ* (съ 16 сентября 1861 года); *изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари*: приходо-расходчикъ тверской консисторіи Егоръ *Троицкій* (съ 30-го сентября 1861 года); *изъ синодскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари*: исправляющій должность помощника экзекутора Святѣйшаго Сvнода Александръ *Никольскій* (съ 1-го іюня 1861 года) и канцелярскій чиновникъ канцеляріи Святѣйшаго Сvнода Николай *Владимірскій* (съ 27 августа 1861 года); *въ синодскіе регистраторы*: канцелярскій служитель канцеляріи Святѣйшаго Сvнода Василій *Ивановъ* (съ 10 іюля 1861 г.); *утвержденъ въ чинъ коллежскаго секретаря*: помощникъ секретаря Святѣйшаго Сvнода Иванъ *Липпо*, по степени кандидата с. петербургской духовной академіи (съ 28 мая 1859 г.).

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ АКАДЕМІИ.

Нѣкоторые изъ гг. жертвователей въ составъ такъ называемаго юбилейнаго капитала, образовавшагося по случаю празднованія пятидесятилѣтія Академіи 17 февраля 1859 г., выражали желаніе знать, гдѣ теперь этотъ капиталъ, сколько его и какое его назначеніе. Правленіе академіи, принося искреннѣйшую благодарность всѣмъ гг. жертвователямъ, честь имѣетъ извѣстить ихъ, что на основаніи Высочайше утвержденныхъ 9 февраля 1859 года правилъ

1) Капиталъ сей долженъ быть неприкосновеннымъ навсегда.

2) Проценты съ него должны быть употребляемы на преміи за отличныя сочиненія по какой либо отрасли богословскихъ наукъ, или на приращеніе академической библіотеки, или, наконецъ, если капиталъ составится очень значительный, на преміи за ученыя и особливо за учебныя сочиненія по разнымъ предметамъ академическаго образованія, написанныя лицами духовнаго вѣдомства и, преимущественно, наставниками академіи.

3) Назначеніе этихъ процентовъ предположено опредѣлить окончательно тогда, когда будетъ извѣстно количество собранныхъ добровольныхъ приношеній.

4) Добровольныя приношенія присылаемы были въ академическое правленіе разновременно, и разновремен-

но же по мѣрѣ поступленія вносились правленіемъ въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами.

5) Въ настоящее время всего капитала 9,959 р. 14 к.,—9,754 р., въ билетахъ, а 205 р. 14 к., наличными деньгами, которыя не внесены еще въ банкъ, такъ какъ онъ не принимаетъ вклады менѣе 250 р.

6. Проценты съ капитала по 1 ноября 1860 г. были присоединяемы ко вновь вносимымъ суммамъ, и такимъ образомъ поступили въ составъ самаго капитала; а съ 1 ноября 1860 г., соотвѣтственно постановленію 3 пункта, остаются въ банкѣ впредь до особаго распоряженія. Теперь ихъ будетъ примѣрно до 600 руб.

7) Такъ какъ предметы, на которые предназначено употреблять сію сумму, по существующимъ правиламъ, подлежатъ больше обсужденію академической конференціи, нежели правленія, то при выдачѣ этихъ суммъ правленіе будетъ только приводить въ исполненіе опредѣленія конференціи, не распоряжаясь само сими суммами.

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ

НА УЛУЧШЕНІЕ БЫТА ПРАВОСЛАВНЫХЪ ПОКЛОННИКОВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

Съ 15-го апрѣля 1860 по 1-е января 1862 года поступили въ коммиссаріатскій департаментъ морскаго министерства отъ разныхъ нижепоименованныхъ лицъ пожертвованія на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ, всего на сумму 9,416 р. 65 к.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, Высочайше повелѣть соизволилъ: „объявить жертвователямъ благодарность Его Величества".

Вѣдомость денежнымъ пожертвованіямъ, поступившимъ въ коммиссаріатскій департаментъ морскаго министерства на устройство благотворительныхъ заведеній для нашихъ поклонниковъ въ Палестинѣ съ 15-го апрѣля 1860 по 1-е января 1862 года.

КѢМЪ СДѢЛАНО ПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Поручикомъ Горбачевымъ 24 к.; лекаремъ бійскаго военнаго лазарета, титулярнымъ совѣтникомъ Критиковскимъ 12 р.; N. N. 5 р.; губернскимъ секретаремъ Мизеретскимъ 1 р. 98 к.; полковникомъ Дандевиль 2 р. 97 к.; унтеръ-офицеромъ лубенскаго полка Федоромъ Серебко 3 р.; нижними чинами енисейскаго казачьяго коннаго полка 4 р. 90 к.; гг. штабъ и оберъ-офице-

рами и чиновниками штаба отдѣльнаго корпуса 53 р. 72¼ к.; служащими въ бакинскомъ таможенномъ правленіи 5 р. 19 к.; акцизнымъ надзирателемъ г. Верпети 1 р.; нижними чинами служительской роты зданія Адмиралтейства 100 р.; отъ неизвѣстнаго 500 р.; чинами 1-й конной бригады забайкальскаго казачьяго войска 27 р. 99½ к.; чиновниками и служителями тифлисской почтовой конторы 25 р. 21 к.; мастеровымъ 2-го рабочаго экипажа Андреемъ Мико 3 р.; отъ неизвѣстнаго 500 р.; чиновниками 1-го отдѣленія V-го округа путей сообщенія 37 р. 37 к.; нижними чинами 9-й роты московскаго пѣхотнаго полка 4 р. 41 к.; разными ремесленниками въ С.-Петербургѣ 69 р. 79 к.; служащими въ екатеринодарской почтовой конторѣ 10 р.; чинами новороссійскаго казачьяго войска 42 р. 85 к.; чинами батарейной № 6-го батареи 18-й артиллерійской бригады 10 р.; С. И. Бѣлкинымъ 1 р. 50 к.; г. Дужаномъ 1 р. 98 к.; дворянами старицкаго уѣзда 19 р. 19¼; отъ разныхъ лицъ, проживающихъ на сергинскихъ и уфамскихъ заводахъ 3 р. 95 к.; гг. Кушинымъ и Голосовымъ 2 р.; воинскими чинами 3-й сводной резервной конной артиллерійской батареи 18 р. 91½ к.; капитаномъ Алексѣемъ Чернявскимъ 25 р.; гг. Николаемъ и Афанасіемъ Балиными 2 р.; г-жею Н. 1 р.; нижними чинами 3-й роты 1-го кавказскаго пѣшаго казачьяго баталіона 2 р. 97 к.; г. смотрителемъ новобаязетскаго училища Рѣзниковымъ 49 к.; Д. 3 р.; разными лицами богословскихъ заводовъ 42 р. 5¼ к.; г. смотрителемъ орловскаго уѣзднаго училища 36 к.; унтеръ-офицеромъ Егоромъ Меньшимъ 40 р.; поручикомъ Николаемъ Григорьевымъ 1 р.; неизвѣстнымъ московскимъ жителемъ 25 р.; чинами 4-го рабочаго экипажа

26 р. 47 к.; рядовымъ бардинскаго пѣхотнаго полка Сампсономъ Богдановымъ 9 р. 90 к.; воинскими чинами батарей № 23 и 24-го конно-артиллерійской бригады забайкальскаго казачьяго войска и подвижнаго полупарка Восточной Сибири 44 р. 74 к.; г. Алякринскимъ 25 р.; полковникомъ Владиміромъ Харитоновымъ 6 р.; живописцемъ Григоріемъ Свѣшниковымъ 20 р. 79 к.; неизвѣстными лицами 10 р.; полковникомъ Масловымъ 1,000 р.; неизвѣстнымъ 10 р.; чиновниками коммиссаріатской части николаевскаго порта 18 р.; разными лицами самарской палаты государственныхъ имуществъ 5 р. 94 к.; Н. Т. и В. К. 2 р.; нижними чинами батарейной № 1-го батареи 1-й сводной резервной артиллерійской бригады 9 р.; нижними чинами вознесенскаго уланскаго полка 12 р.; разными лицами купеческ. сословія г. Харькова 64 р. 52$^1/_2$ к.; неизвѣстными лицами 35 к.; служащими на пароходѣ русскаго общества параходства и торговли „Одесса“ 79 р. 10 к.; нижними чинами стародубскаго драгунскаго полка 7 р. 4 к.; А. Н. Чевкуновой 1 р. 50 к.; рядовымъ Непрязнинымъ 10 р.; неизвѣстными 70 к.; жителями округа 6-й бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска 99 к.; разными лицами: дмитріевскаго уѣзда 6 р. 94 к.; подольской губерніи 4 р. 43 к.; полтавской 16 р. 32$^3/_4$ к.; города Ейска 66 р. 2$^1/_4$ к.; тульской губерніи 54 к.; дворянами харьковскаго уѣзда 3 р. 30 к. и бобринецкаго 211 р.; разными лицами губерній: тамбовской 162 р. 46$^1/_4$ к.; астраханской 30 р. 58$^1/_2$ к.; таврической 107 р. 52 к.; черниговской 35 р. 55$^1/_2$ к.; пирятинскаго уѣзда 74$^3/_4$ к.; жиздринскаго 10 р. 39 к.; одесскаго 14 р. 35 к.; города Сычевокъ 1 р. 90 к.; по подпискѣ въ кишинево-оргѣевскомъ судѣ 8 р. 8 к.;

жителями 2-го округа астраханскаго казачьяго войска 15 р. 20 к.; жителями завода г. Лазарева 3 р.; иркутскаго округа 4 р. 45½ к.; новоузенскаго уѣзда 4 р. 25½ к.; крестьянами брейтовскаго сельскаго общества 1 р. 40½ к.; волчанскимъ земскимъ судомъ 74¼ к.; гражданами города Раненбурга 14 р. 85 к.; лебединскимъ земскимъ судомъ 24 к.; жителями нерчинскаго округа 8 р. 34 к.; города Недригайлова 2 р. 50½ к.; таращанскаго и бердичевскаго уѣздовъ 18 р. 31½ к.; жителями олонецкой губерніи 29 р. 37½ к.; пермской 7 р. 92 к.; полтавской палатой государственныхъ имуществъ 2 р. 8¾ к.; разными лицами витебской губерніи 1 р. 78 к.; жителями алапаевскихъ заводовъ 45 к.; города Гжатска 25 к.; государственными крестьянами ярославской губерніи 14 р. 65½ к.; разными лицами города Харькова 6 р. 61 к.; самарской губерніи 31 р. 16½ к.; города Хмѣльника 13 р. 4½ к.; крестьянами братской области нижнеудинскаго округа 14 р. 86 к.; жителями волынской губерніи 4 р. 5 к.; колонистами нижнебуджанскаго округа 7 р. 71½ к.; гражданами города Романоборисоглѣбска 14 р. 85 к., и города Ряжска 12 р. 37½ к.; жителями верхоянскаго округа 20 р. 96½ к.; разными лицами вѣдомства олонецкой палаты государственныхъ имуществъ 30 р. 75¾ к.; дворянами аккерманскаго уѣзда 19 р. 14½ к.; жителями нижнетуринскаго завода гороблагодатскаго округа 28 р. 82¾ к.; разными лицами хотинскаго уѣзда 7 р.; дворянами херсонской губерніи 67 р. 35 к.; Палагеей Аѳанасьевой и Павломъ Елизаровымъ 53 р.; архимандритомъ Моисеемъ 75 р.; жителями волоколамскаго уѣзда 2 р. 45 к.; воинскими чинами 4-го резервнаго баталіона казанскаго пѣхотнаго полка 22 р. 7 к.; жителями го-

рода Кіева 7 р. 82 к.; г. Цамакіани 3 р.; разными лицами вятской губерніи 63 р. $35^3/_4$ к.; жителями саратовской губерніи 3,361 р. $60^1/_4$ к.; разными лицами златоустовскихъ заводовъ 1 р. $68^1/_2$ к.; поселянами зуйской волости 19 р. 35 к.; мечинскими инородцами 32 р.; жителями селенія Чумаковъ, екатеринославскаго уѣзда 2 р. 3 к.; разными лицами города Купянска 2 р. $72^1/_4$ к.; вѣдомства с.-петербургской купеческой управы 50 р.; разными лицами: тобольской губерніи 52 р. 67 к.; города Литина 1 р. 48 к.; города Симферополя 1 р. 68 к.; кутайской губерніи 16 р. 16 к., вѣдомства харьковскаго земскаго суда 2 р.; чинами оренбургскаго казачьяго войска 539 р. $29^3/_4$ к.; дворянами тимскаго уѣзда 1 р. 2 к.; Дмитріемъ N. 1 р.; архимандритомъ Порфиріемъ 100 р.; по духовному завѣщанію, Александромъ Кубышкинымъ 1,000 р.; Николаемъ N. 3 р.; архимандритомъ Антоніемъ 21 р. $28^1/_2$ к.; бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеромъ Максимомъ Тарасовымъ 7 р. 20 к.

Итого пожертвовано разными лицами. 9,416 р. 65 к.

Уфимской епархіи, мензелинскаго уѣзда, села Круглаго поля, Богоявленской церкви священникомъ Андреемъ Смирновымъ пожертвовано два рубля серебромъ; одинъ рубль—ко гробу Господню, а другой въ пользу несчастнѣйшихъ христіанъ востока.

Деньги препровождены редакціею въ канцелярію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода при отношеніи отъ 27-го апрѣля за № 332.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VIII.

О ХРИСТІАНСКОЙ ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Любовь къ отечеству есть одна изъ тѣхъ глубокихъ привязанностей, основаніе которыхъ лежитъ въ самой природѣ и жизни человѣка. Бытіе и жизнь, эти первыя блага, залогъ всѣхъ послѣдующихъ, духовныхъ и вещественныхъ, благъ для человѣка, тихія и мирныя радости семейной жизни, нѣжность матери, любовь и ласки отца, любовь и привязанность родныхъ и знакомыхъ, самые звуки языка, на которомъ съиздѣтства мы привыкаемъ выражать свои мысли и чувства, на которомъ передается намъ понятіе обо всемъ, что̀ для насъ есть самаго высокаго и дорогаго, самаго священнаго и завѣтнаго въ нашей жизни, общественныя учрежденія и законы, охраняющіе нашу гражданскую свободу и безопасность, взаимныя выгоды общежитія, блага наукъ и искусствъ, память о предкахъ, своею мудростію и мужествомъ, терпѣніемъ и трудомъ приготовившихъ намъ блага общественной жизни, которыми

мы пользуемся,—все привязываетъ и влечетъ насъ къ тому мѣсту и народу, въ которомъ и среди котораго мы родились. Потому-то привязанность къ своей родинѣ и отечеству есть привязанность общечеловѣческая, одинаково свойственная всѣмъ народамъ, какую бы религію они ни исповѣдывали, какими бы законами ни управлялись.

Божественная религія Іисуса Христа не только не уничтожаетъ и не умаляетъ этой естественной привязанности человѣка къ своему отечеству, а напротивъ особеннымъ образомъ усиливаетъ и укрѣпляетъ ее, даетъ ей значеніе и смыслъ болѣе высокій и разумный, нежели какой она имѣетъ въ людяхъ, не исповѣдующихъ христіанства, указываетъ ей цѣль, сколько высокую въ смыслѣ нравственномъ, столько же благотворную и полезную для общественной, гражданской жизни человѣка, и даже для блага всего человѣчества. — Потому-то и жизнь всѣхъ великихъ мужей Вѣры и Церкви, представляя намъ образъ высокаго благочестія, въ тоже время представляетъ и образъ высокой, самой живой и пламенной любви къ отечеству. Іосифъ, на одрѣ смертномъ завѣщавающій израильтянамъ изнести свои кости изъ земли чуждой въ землю отцевъ своихъ, Моисей, отрекающійся отъ всѣхъ почестей и утѣшеній двора египетскаго, чтобы страдать вмѣстѣ съ своимъ народомъ и даже отъ самаго народа и вести его въ отечество, обѣтованное ему Богомъ, Іисусъ Навинъ и Гедеонъ, Сампсонъ и Самуилъ, Давидъ, въ своихъ богодухновенныхъ пѣсняхъ воспѣвающій Іерусалимъ, градъ Божій, Іеремія, плачущій и рыдающій, можно сказать, кровавыми слезами о разрушеніи этого города, Даніилъ, въ плѣну вавилонскомъ молящійся объ освобожденіи

своихъ соотечественниковъ, Іуда Маккавей съ своими братьями и сподвижниками,—вотъ высокіе, живые образцы вѣры и благочестія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—живой и пламенной любви къ своему отечеству.—Обращаясь къ исторіи Церкви новозавѣтной, и здѣсь мы находимъ безчисленное множество примѣровъ истинно-христіанской любви къ своему отечеству въ ликѣ многихъ величайшихъ святыхъ и угодниковъ Божіихъ. Апостолъ Павелъ, молящійся съ величайшимъ сомоотверженіемъ о спасеніи своихъ соотечественниковъ и сродниковъ по плоти (Рим. 9, 3), всѣмъ и каждому внушающій *молитву за царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 2), всѣмъ и каждому заповѣдующій глубокое уваженіе къ отечественнымъ законамъ и постановленіямъ, всѣ св. апостолы и отцы Церкви, всѣмъ внушавшіе любовь къ отечеству и примѣромъ своей жизни подтверждавшіе свое ученіе, христіане первыхъ вѣковъ, съ величайшимъ мужествомъ сражавшіеся противъ различныхъ варварскихъ народовъ за своихъ соотечественниковъ, не смотря на то, что послѣдніе, какъ язычники, часто гнали и преслѣдовали ихъ, — вотъ живые примѣры истинно-христіанской, самой живой и пламенной, самой самоотверженной любви къ отечеству. Прослѣдите исторію и нашего отечества отъ того времени, какъ оно озарено было свѣтомъ истины Христовой, и даже до позднѣйшихъ вѣковъ, — и вы весьма легко и удобно примѣтите, что истинные служители Вѣры и благочестія всегда были и самыми преданными и искренними ревнителями благъ нашего отечества, охранителями общественнаго мира и порядка, блюстителями правды и суда. Митрополиты Петръ, Алексій и Іона, примирители враждующихъ князей, хранители и утѣшители

51*

нашего отечества во время порабощенія его тяжкому игу варваровъ, митрополитъ Филиппъ, дерзновенно возвѣщающій истину въ лицо царю, опустошавшему и разорявшему собственное царство, и умирающій поносною смертію за слово истины, преподобный Ѳеодосій, славный сколько подвижничествомъ, столько же и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на князей и народъ, преподобный Сергій, благословляющій Димитрія Донскаго на брань съ полчищами татарскими, Авраамій Палицынъ, во время безначалія и безпорядковъ стоящій на стражѣ спасенія нашего отечества, Гермогенъ, умирающій смертію мученика за Вѣру и отечество,—всѣ эти имена навсегда останутся незабвенными въ сердцахъ истинныхъ сыновъ нашего отечества и ревнителей его благоденствія.

Такимъ образомъ исторія Вѣры и Церкви очевиднѣйшимъ образомъ подтверждаетъ ту истину, что духъ христіанства есть духъ зиждущій благоденствіе общественное, образующій истинныхъ и достойныхъ гражданъ, всѣмъ сердцемъ и душою преданныхъ своему отечеству, устроющій между различными членами и частями государства самыя лучшія и благопріятныя отношенія.

Такъ какъ всякое благоустроенное общество прежде всего слагается изъ управляющихъ и управляемыхъ, изъ правительства и народа: то и христіанство прежде всего старается установить самыя благотворныя отношенія между этими двумя, главными и существенными частями всякаго гражданскаго общества. — Св. апостолъ Павелъ, поучая римскихъ христіанъ строгому и точному исполненію ихъ общественныхъ обязанностей, между прочимъ, говоритъ имъ: *воздадите всѣмъ должная: емуже убо урокъ, — урокъ; а емуже дань, — дань; а ему-*

же страхъ, — страхъ; и емуже честь, — честь (Рим. 13, 7). Такимъ образомъ онъ внушаетъ послѣдователямъ Христова ученія строгое уваженіе къ тѣмъ властямъ и общественнымъ законамъ, которыми управляется ихъ отечество, хотя бы оно было языческое, невѣдущее Бога истиннаго. Онъ утверждаетъ поэтому неприкосновенность всего, что̀ только есть дѣйствительно добраго и полезнаго въ общественномъ благоустройствѣ, хотя бы это и не выходило непосредственно изъ ученія христіанскаго, а было выработано собственнымъ долговременнымъ трудомъ и усиліемъ человѣка, при посредствѣ естественныхъ богодарованныхъ ему силъ, — ума, воли, совѣсти, по побужденію естественныхъ потребностей, — взаимной помощи, естественнаго влеченія къ сообществу съ подобными себѣ, и т. д. Но съ другой стороны, такъ какъ все естественное человѣческое всегда болѣе или менѣе односторонне и несовершенно, такъ какъ поэтому и всѣ общественныя человѣческія учрежденія никогда и ни въ какомъ случаѣ сами по себѣ не могутъ быть несомнѣнно вѣрнымъ средствомъ къ устроенію общественнаго благоденствія: то Апостолъ не ограничиваетъ свое наставленіе римскимъ христіанамъ заповѣдію соблюдать тѣ порядки, которые уже существовали и были учреждены языческимъ правительствомъ, но тотчасъ даетъ имъ высшую заповѣдь, которая только одна въ состояніи вдохнуть внутреннюю жизнь и силу во всѣ внѣшнія общественныя учрежденія и, какъ неизсякающій источникъ всякаго духовнаго и вещественнаго блага, какъ начало всегда живое и животворящее, постепенно вести ихъ къ бо̀льшему и бо̀льшему совершенству: *ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити*

другъ друга. Въ изъясненіе этой заповѣди Апостолъ говоритъ далѣе, что всѣ заповѣди закона Божія, какъ и гражданскаго, напримѣръ: не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, сосредоточиваются въ одной заповѣди: *возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе*. Нѣтъ нужды изъяснять много, что заповѣдь Апостола равно и одинаково относится ко всѣмъ,—къ правительству также, какъ и къ народу, къ судящимъ, какъ и къ судимымъ, къ начальствующимъ, какъ и къ подчиненнымъ, такъ какъ законъ и правда равно и одинаково обязательны для всѣхъ. Если же Апостолъ въ своемъ посланіи обращаетъ рѣчь свою исключительно къ подданнымъ, а не правительству; то здѣсь онъ сообразуется съ обстоятельствами времени и лицъ, такъ какъ пишетъ въ самомъ началѣ христіанства, къ подданнымъ правительства языческаго. Поэтому само собою очевидно, что для правительства истинно-христіанскаго слово Апостола безъ сомнѣнія должно имѣть такую же важность, значеніе и силу, какъ и для подданныхъ христіанъ.

Такимъ образомъ ученіе христіанское и въ общество гражданское вноситъ тоже начало жизни, которымъ оно одушевляетъ людей, какъ послѣдователей Іисуса Христа, какъ членовъ Его благодатнаго царства,—св. Церкви, царства мира и любви, согласія и единодушія. Любовь, какъ величайшую и совершеннѣйшую заповѣдь, какъ самое надежное средство управлять обществомъ и привязать къ себѣ сердца народа, оно внушаетъ всякому христіанскому правительству,—тѣмъ, которые имѣютъ право принимать отъ другихъ честь, урокъ, дань; любовь заповѣдуетъ оно и тѣмъ, которые должны воздавать честь, дань, и т. д.

Поэтому естественно, что любовь къ отечеству въ

жизни и дѣятельности истиннаго христіанина, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, какую бы общественную обязанность ни исправлялъ, имѣетъ тѣже свойства, тотъ же характеръ, какимъ вообще отличается любовь истинно-христіанская. И если эта любовь есть любовь *всеобщая*, простирающаяся на всѣхъ людей безъ исключенія; то въ отношеніи къ отечеству она выражаетъ этотъ характеръ тѣмъ, что простирается на всѣхъ соотечественниковъ, безъ различія ихъ состоянія, званія, религіи, и т. п. Поэтому она и въ подданныхъ, проникнутыхъ духомъ истиннаго христіанства, выражается искреннею и нелицемѣрною привязанностію къ правительству, хотя бы и иновѣрному, и точнымъ исполненіемъ всѣхъ его предписаній и законовъ, согласныхъ съ закономъ Божіимъ и требованіями совѣсти. Съ другой стороны въ правительствѣ общества, одушевленномъ духомъ истиннаго христіанства, она выражается въ отношеніи къ религіи его подданныхъ—вѣротерпимостію, въ отношеніи къ ихъ матеріальному положенію — заботою о всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ ихъ быта и поощреніемъ всякаго добраго и полезнаго труда, въ отношеніи къ ихъ дѣйствительнымъ заслугамъ — особенными почестями и вниманіемъ, въ отношеніи къ образованію ихъ ума и сердца — покровительствомъ истинной мудрости и просвѣщенія, въ отношеніи къ различнымъ классамъ или сословіямъ въ государствѣ—устроеніемъ справедливыхъ и безобидныхъ отношеній между ними, въ отношеніи къ правосудію—судомъ безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ для всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, великихъ и сильныхъ, равно какъ малыхъ и слабыхъ. Словомъ: правительство истинно-христіанское всегда живетъ и дѣйствуетъ для

блага не нѣсколькихъ только лицъ, съ стѣсненіемъ и угнетеніемъ другихъ, но для блага всего народа, точно такъ, какъ и народъ, одушевленный духомъ христіанства, всегда бываетъ готовымъ служить своему правительству не по одному внѣшнему предписанію закона, но по свободному, искреннему желанію души и сердца.

Живительнаго начала любви христіанской не было и нѣтъ въ обществахъ древнихъ и нынѣшнихъ языческихъ. Поэтому самое обыкновенное и почти повсюдное отношеніе древнихъ, какъ и нынѣшнихъ магометанскихъ и языческихъ правительствъ къ народу, это—бóльшею частію духъ угрозы, насилія, духъ угнетенія и порабощенія, —нетерпимость и гоненія въ отношеніи къ подданнымъ другихъ религій, расточительность и роскошь высшихъ правительственныхъ лицъ, живущая на счетъ сословій низшихъ, презрительный взглядъ на жизнь и честь людей незначительныхъ и безсильныхъ, нерадѣніе и равнодушіе въ отношеніи къ потребностямъ большинства народа, рабство, со всѣми его гибельными, нравственными и физическими, послѣдствіями, право сильнаго — главный и постоянный законъ жизни и дѣятельности всѣхъ и каждаго, лицепріятіе и лихоимство въ судопроизводствѣ, жестокость и безчеловѣчіе въ наказаніяхъ нерѣдко за самыя маловажныя преступленія. А при такомъ отсутствіи взаимной любви, довѣрія и уваженія между правительствомъ и народомъ, въ обществахъ языческихъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ два начала или побужденія къ исполненію общественныхъ обязанностей—или чувство страха предъ властію сильнаго, или жажда честолюбія, — завистливое желаніе раба—достигнуть, во что бы то ни стало, положенія и

состоянія своего господина. Но то и другое можетъ ли быть прочнымъ, незыблемымъ основаніемъ общественнаго благоденствія? Исполняющій свой долгъ по страху, рабъ, работающій предъ очами господина, станетъ ли усердно трудиться тамъ, гдѣ никто его не видитъ, гдѣ ничто ему не угрожаетъ, гдѣ поэтому для него не остается никакого побужденія къ полезному для своего отечества труду и дѣятельности? Точно такъ и движимый однимъ чувствомъ честолюбія, безъ сомнѣнія, не станетъ усердно трудиться тамъ, гдѣ не видитъ никакой пищи своему честолюбію. Кромѣ того, исторія тысячелѣтнимъ опытомъ доказываетъ намъ, какъ часто бываетъ гибельно и разрушительно это начало дѣятельности въ отношеніи къ общественному благоденствію,—какъ часто честолюбивые люди бывали виновниками величайшихъ общественныхъ возмущеній и безпорядковъ, и, достигнувъ своихъ цѣлей, дѣлались самыми жестокими и безчеловѣчными притѣснителями своего же отечества, предметомъ ужаса и отвращенія для всѣхъ временъ и народовъ. И если честолюбіе можетъ совершать иногда дѣла полезныя и благотворныя для общества; то съ другой стороны несомнѣнно и то, что оно въ тоже время всегда дѣйствуетъ и разрушительно на благоденствіе общественное и, созидая одно, разрушаетъ другое, нерѣдко болѣе важное и необходимое для благоденствія общества.

Такимъ образомъ естественная, чисто-человѣческая любовь къ отечеству, свойственная и язычникамъ, тѣмъ существенно отличается отъ христіанской любви къ отечеству, что въ ней всегда есть присутствіе другаго, враждебнаго общественному благоденствію начала, — эгоизма и самолюбія; есть всегда преобладающій взглядъ

на общество, какъ на средство жить съ большимъ или меньшимъ удобствомъ, выгодами и преимуществами для себя, но нѣтъ живаго и дѣятельнаго убѣжденія въ томъ, что и другіе имѣютъ столь же полное и неоспоримое право пользоваться трудами и дѣятельностію каждаго изъ членовъ общества, нѣтъ того самоотверженія, которое существенно отличаетъ какъ истинно-христіанскую любовь вообще, такъ и любовь къ отечеству, достойную истиннаго христіанина. Поэтому общество, не проникнутое живительнымъ началомъ божественной, христіанской любви, хотя бы въ тоже время цвѣтущее совнѣ, походитъ на машину, иногда искусно и красиво устроенную, но тѣмъ не менѣе бездушную, гдѣ каждая часть приводится въ движеніе внѣшнею, чуждою ей силою,—тогда какъ общество, проникнутое духомъ истиннаго христіанства, есть живое, сильное и здоровое тѣло, каждый членъ котораго, пользуясь дѣятельностію другихъ, въ тоже время и самъ служитъ ихъ развитію и укрѣпленію, и гдѣ всѣ члены, не смотря на всѣ внѣшнія и видимыя различія ихъ, бываютъ движимы единымъ духомъ, единою общею жизнію.

Конечно, говоря такимъ образомъ, мы въ нѣкоторомъ отношеніи изображаемъ только идеалъ истинно-христіанскаго государства, и намъ могутъ сказать, что такого общества гражданскаго не было и нѣтъ на землѣ, что недостатки и пороки, свойственные обществамъ языческимъ и магометанскимъ, часто встрѣчаются и въ обществахъ христіанскихъ. Это справедливо; но тѣмъ не менѣе, если мы сравнимъ исторію языческихъ обществъ съ исторіей христіанскихъ,—то и самое бѣглое сравненіе покажетъ, что евангельское начало любви и милосердія никогда не оскудѣвало въ мірѣ христіанскомъ и,

не смотря на всѣ противодѣйствія ему, приносило свои плоды для благоденствія общественнаго. Таково, напримѣръ, уничтоженіе пытокъ въ судопроизводствѣ, этого отвратительнаго и жалкаго изобрѣтенія языческихъ правительствъ; таково постоянное стремленіе всѣхъ христіанскихъ правительствъ устроить самый порядокъ судопроизводства такъ, чтобы въ немъ по возможности не было не только произвола, лицепріятія и лихоимства, но и самыхъ поводовъ, самой возможности къ этимъ порокамъ; таково смягченіе наказаній даже за самыя тяжкія преступленія; такова заботливость о заключенныхъ въ темницы, старающаяся по возможности улучшить ихъ бѣдственное, нравственное и матеріальное, положеніе; таковы различныя благотворительныя учрежденія, устрояемыя христіанскими правительствами для страждущаго человѣчества,—больницы, домы для бѣдныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, и т. под. Всѣ эти явленія, возникшія въ мірѣ христіанскомъ, и почти вовсе неизвѣстныя и безпримѣрныя у древнихъ, даже цивилизованнѣйшихъ языческихъ народовъ, несомнѣнно убѣждаютъ насъ въ томъ, что первая и главная причина ихъ— духъ Евангелія, духъ любви и милосердія.

Не трудно понять, каково бы должно быть взаимное отношеніе различныхъ классовъ или сословій, равно какъ и частныхъ лицъ въ государствѣ, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ духъ истиннаго христіанства. Истинно-христіанская любовь, какъ любовь простирающаяся на всѣхъ и каждаго, безъ различія состояній, званій и сословій, естественно должна здѣсь связывать одинъ классъ народа съ другимъ. А потому здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста никакимъ эгоистическимъ, собственно *сословнымъ предразсудкамъ*, по которымъ одно сословіе

враждуетъ противъ другаго и усиливается поставить себя въ отчужденіе и удаленіе отъ него въ жизни частной и общественной, по которымъ лица, принадлежащія къ сословіямъ высшимъ, часто смотрятъ на низшіе классы народа, какъ на существа обязанныя единственно служить ихъ потребностямъ, нисколько не считаютъ предосудительнымъ для себя жить только въ свое удовольствіе, не привнося отъ себя ничего ни въ пользу блага общаго, ни въ пользу тѣхъ, трудами которыхъ живутъ, и, при взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, часто безъ всякой нужды, стараются высказывать свои преимущества — презрительнымъ и гордымъ обращеніемъ, тонкимъ или грубымъ высокомѣріемъ. Далѣе, въ обществѣ, проникнутомъ духомъ истиннаго христіанства, нѣтъ и не должно быть мѣста никакой предосудительной *протекціи*, или покровительству лицъ недостойныхъ, со вредомъ для достойныхъ, основанному или на тѣхъ же сословныхъ предразсудкахъ, или на отношеніяхъ родства, дружбы, знакомства и т. д.; потому что покровительствовать такимъ людямъ, со вредомъ для достойныхъ и полезныхъ членовъ общества, значило бы приносить въ жертву своимъ личнымъ расчетамъ и отношеніямъ благо цѣлаго отечества. Наконецъ, въ обществѣ, проникнутомъ духомъ ученія Христова, не должна и не можетъ существовать праздность и *тунеядство*, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось, — въ видѣ ли безпутной роскоши и расточительности средствъ, собранныхъ трудами и усиліями другихъ, въ видѣ ли пренебреженія къ точному и строгому исполненію общественныхъ обязанностей, дающихъ извѣстныя средства жизни, въ видѣ ли бродяжничества и притворнаго нищенства, когда одни, имѣя возможность и силы, но не желая по-

лезнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, вмѣсто того выпрашиваютъ себѣ обманомъ пропитаніе у другихъ: такъ какъ дѣйствовать подобнымъ образомъ значило бы дѣйствовать по желаніямъ и расчетамъ самолюбивымъ и своекорыстнымъ, во вредъ благоденствію общественному.

Духъ христіанства, одушевляющій цѣлое общество и составляющій основу его жизни и характера, естественно долженъ проникать и во взаимныя отношенія однихъ христіанскихъ государствъ къ другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ истинномъ христіанинѣ образовать извѣстный взглядъ на другія христіанскія государства и опредѣлять его отношенія и дѣятельность касательно иностранцевъ.

Духъ государствъ языческихъ,—духъ порабощенія и насилія съ одной стороны, духъ раболѣпства—съ другой, господствовавшій въ ихъ внутренней жизни, проявлялся и въ ихъ внѣшнихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Отсюда въ нихъ господствовалъ далѣе духъ завоеванія, и величайшею славою считалась слава завоевателя и поработителя другихъ народовъ и царствъ, даже и въ томъ случаѣ, когда завоеванія были не возмездіемъ за какую либо политическую обиду, а предпринимались безъ всякаго повода и вызова со стороны другихъ народовъ. Не таково въ существѣ своемъ взаимное отношеніе христіанскихъ государствъ. Здѣсь высокая, божественная заповѣдь любви къ человѣчеству должна была установить братскія отношенія однихъ народовъ къ другимъ: не право сильнаго, но голосъ правды, взаимное, безобидное соглашеніе должно рѣшать ихъ взаимныя недоумѣнія. И если, наконецъ, какое бы то ни было христіанское правительство рѣшается употре-

бить силу оружія противъ другаго народа; то, дѣйствуя въ духѣ истиннаго христіанства, оно безъ сомнѣнія употребитъ его единственно тогда, когда ясно видитъ и сознаетъ справедливость своихъ неудовлетворенныхъ требованій. Не духъ насилія, но желаніе свое отечество и народъ сохранить отъ насилія побуждаютъ его рѣшаться на войну, которая во всякомъ случаѣ есть бичъ Божій, одно изъ тяжкихъ наказаній—падшему человѣчеству, зло иногда неизбѣжное, но котораго по возможности нужно избѣгать какъ по любви къ человѣчеству вообще, такъ и по любви къ отечеству: потому что война, даже въ случаѣ побѣды и торжества, стóитъ крови и жизни многихъ тысячъ людей и истощаетъ средства внутренняго общественнаго благоденствія, которое всегда дороже внѣшняго блеска и славы.

Правда, исторія и христіанскихъ народовъ представляетъ намъ не мало примѣровъ жестокаго и насильственнаго порабощенія одного народа другимъ, притязаній сильнѣйшаго народа въ отношеніи къ слабѣйшему несправедливыхъ и недобросовѣстныхъ. Но за то во всѣхъ подобныхъ явленіяхъ хорошо понимающій духъ истиннаго христіанства легко видитъ и признаетъ самолюбивый и своекорыстный, завоевательный духъ гордаго язычества. Какъ бы ни было, только и въ этомъ отношеніи, сравнивая исторію народовъ христіанскихъ съ исторіей языческихъ, мы ясно видимъ, что христіанство постепенно, болѣе и болѣе смягчало взаимныя отношенія народовъ. Самыя войны, иногда бывающія и между христіанскими правительствами, уже не сопровождаются тою жестокостію и безчеловѣчіемъ въ отношеніи къ плѣннымъ, какія мы видимъ у самыхъ образованнѣйшихъ народовъ язычества, напримѣръ, у гре-

ковъ и римлянъ, ни нападеніемъ на мирныхъ и безоружныхъ гражданъ, ни тѣмъ звѣрскимъ и безсмысленнымъ разрушеніемъ городовъ и опустошеніемъ областей, которое такъ часто ознаменовывало слѣды древнихъ языческихъ завоевателей. Духъ христіанской любви и милосердія научилъ людей въ самомъ непріятелѣ видѣть человѣка, уважать его достоинства, щадить его имущество и жизнь, коль скоро это возможно. Тамъ, гдѣ вздумали бы поступать противнымъ образомъ, общій голосъ всего христіанскаго міра всегда готовъ произнести приговоръ, осуждающій такую безсмысленную языческую жестокость.

Такъ какъ христіанство имѣетъ цѣлію изъ всѣхъ народовъ образовать единое благодатное царство Іисуса Христа, всѣхъ собрать въ единое общество вѣрующихъ, соединенныхъ узами взаимной любви: то оно естественно располагаетъ одинъ народъ сближаться съ другимъ, и взаимно другъ другу передавать и сообщать все благотворное и полезное, въ отношеніи ли собственно къ дѣламъ Вѣры, или въ отношеніи къ устроенію внѣшняго, общественнаго быта человѣка. Поэтому и сношенія между народами христіанскими вообще чаще, постояннѣе, живѣе и дѣятельнѣе, нежели какъ это было между древними языческими народами. Поэтому же и самые источники общественнаго, матеріальнаго благоденствія человѣка, напримѣръ, торговля внѣшняя и внутренняя, промышленность, пути сообщенія, и т. п. болѣе развиты у народовъ христіанскихъ, нежели у древнихъ или нынѣшнихъ языческихъ и магометанскихъ.

Отсюда не трудно понять, какъ должна обнаруживать себя любовь къ своему отечеству въ каждомъ истинномъ христіанинѣ въ отношеніи къ лицамъ другихъ

гражданскихъ обществъ. Прежде всего она никогда и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ слѣпой, фанатической *ненависти* къ иноземцамъ, основанной единственно на томъ, что они или иновѣрцы, или держатся другихъ обычаевъ и порядковъ жизни, носятъ иную одежду, говорятъ инымъ языкомъ: такъ дѣйствовать не сообразно ни съ существомъ истинно-христіанской любви къ человѣчеству вообще, для которой *нѣсть іудей, ни еллинъ* (Гал. 3, 28), ни съ существомъ истинно-христіанской любви къ отечеству. Истинный христіанинъ безъ сомнѣнія всегда будетъ изыскивать все благотворное и полезное для своего отечества, и потому будетъ перенимать его и у иностранцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь духовное или матеріальное благо, напр. наука, устройство различныхъ отраслей народнаго благоденствія, или вовсе не существуютъ въ его отечествѣ, или находятся въ слабомъ зародышѣ и требуютъ опытной и искусной руки какого либо иностранца для своего развитія и усовершенствованія. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ онъ естественно будетъ благотворить истинно полезному иностранцу, покровительствовать ему и дѣлать всякое добро, сколько по побужденію христіанской любви къ человѣчеству вообще, столько же и естественной каждому человѣку любви къ своему отечеству.

Чуждый слѣпой ненависти ко всему иноземному, истинный христіанинъ естественно бываетъ чуждъ и гордаго мнѣнія о своемъ отечествѣ, мнѣнія, по которому все отечественное представляется какъ бы нѣкоторымъ идеаломъ совершенства, послѣ котораго не нужно ничего ни заимствовать, ни усовершать и исправлять. Напротивъ, духъ христіанской любви естественно по-

буждаетъ его строго отличать въ отечественной жизни доброе отъ худаго, истинно-благотворное и полезное для его согражданъ отъ погибельнаго, зловреднаго и разрушительнаго. Поэтому онъ не можетъ оставаться холоднымъ и равнодушнымъ къ тѣмъ или другимъ недостаткамъ общественной жизни своего отечества, а напротивъ всѣми зависящими отъ него законными средствами, и словомъ и дѣломъ, будетъ содѣйствовать искорененію ихъ.

Съ другой стороны, истинный христіанинъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ смотрѣть презрительно на все отечественное, и напротивъ на все иностранное съ слѣпымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Онъ съ соболѣзнованіемъ и прискорбіемъ, какъ на людей, чуждыхъ духа истинно-христіанскаго, смотритъ на тѣхъ, которые рабски, не изучивъ и не узнавъ истинныхъ потребностей своего отечества, во всемъ послѣдуютъ иностранцамъ, перенимаютъ ихъ языкъ даже до забвенія своего собственнаго, ихъ образъ жизни — до крайняго презрѣнія къ своему отечественному, ихъ убѣжденія и мнѣнія—до попранія завѣтныхъ и священныхъ преданій родной стороны. Истинная, достойная христіанина любовь къ отечеству какъ во всемъ человѣчествѣ, такъ и въ каждомъ народѣ заботливо отличаетъ доброе отъ худаго, и потому естественно бываетъ чужда слѣпаго, рабскаго подражанія иноземному во всемъ безъ разбора. Поэтому и дѣятельность, основанная на истинно-христіанской любви къ отечеству, всегда способствуетъ развитію жизни общественной болѣе всего раскрытіемъ и уясненіемъ истинныхъ потребностей собственнаго отечества, а не опрометчивымъ и поспѣшнымъ заимствованіемъ чужаго. Она развиваетъ жизнь отече-

ства въ живомъ соприкосновеніи съ жизнію другихъ народовъ и всего человѣчества, но не разрушаетъ и не убиваетъ отечественной жизни, чтобы на мѣстѣ ея насадить иную, которая на чуждой почвѣ естественно можетъ принесть плоды очень горькіе. Въ этомъ отношеніи истинно-христіанская любовь къ своему отечеству содѣйствуетъ развитію и сохраненію *народности*,—тѣхъ добрыхъ, коренныхъ свойствъ народа, которыя выработаны его собственною жизнію и которыя отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ народовъ, дѣлаютъ народомъ самостоятельнымъ не только въ политическомъ, но и въ духовно-нравственномъ смыслѣ.

Ѳ. Надеждинъ.

ОБЪ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ,

ПО ОПЫТУ ЖИЗНИ СВЯТАГО ІУСТИНА ФИЛОСОФА.

Настоящее время такъ ревностно и съ такимъ усиліемъ стремится къ познаніямъ и мудрости теоретической и практической. Тѣмъ нужнѣе имѣть вѣрное и ясное понятіе объ этомъ предметѣ стремленія современнаго.

Святый Іустинъ философъ своею жизнію и дѣятельностію подаетъ намъ мудрые уроки и наставленія о мудрости. Обратимъ вниманіе на эти уроки св. философа.

1. Изъ жизни и примѣра святаго философа видимъ и научаемся во 1-хъ, что мудрость — великое благо.— Святый философъ, съ юныхъ лѣтъ, имѣлъ пламенное желаніе, неутомимое стремленіе къ пріобрѣтенію свѣдѣній и мудрости, не щадилъ, въ этомъ подвигѣ, здоровья и силъ, переходя отъ одной школы философіи къ другой, ища истинныхъ свѣдѣній и мудрости. Стремленіе—естественное, возвышенное, благородное! Искать познаній, желать истины и мудрости — также естественно, сродно душѣ человѣка, какъ тѣлу алкать пищи вещественной. Познанія — это пища высшая, благороднѣйшая, невещественная. И подвигъ изысканія истины и мудрости — важный, достопочтенный подвигъ; потому что истина и мудрость стоятъ труда и усиленныхъ стремленій.—Вотъ основаніе этой мысли. Первое, высшее, верховное и источное благо — Господь Богъ

самосущій и всесовершенный. Въ тваряхъ же разумныхъ благо есть то, что̀ отражается въ нихъ отъ этого источнаго блага—Бога,—это образъ Божій, состоящій *въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 24), или яснѣе,—состоящій *въ истинѣ, добрѣ* и *духовной красотѣ*, вліянныхъ Творцемъ въ нашу душу и отпечатлѣнныхъ на ней: такъ какъ самъ Первообразъ—Творецъ нашъ есть высочайшая истина, добро и красота безконечная и невообразимая. Потому, истина есть одно изъ высочайшихъ благъ нашего духа, и потому достолюбезна и достожелаема сама по себѣ, безъ всякаго даже отношенія къ жизни и дѣятельности, — какъ свѣтлая черта въ насъ образа Божія.

Кромѣ того, истина, проистекая отъ Бога, взаимно можетъ и вести насъ къ Богу, источнику истины. Положивъ въ душѣ нашей залоги истины, добра и красоты и стремленія высшія къ началу и полнотѣ этихъ залоговъ и стремленій, Господь, этими тремя стремленіями нашего духа, какъ бы вервями златыми, прикрѣпилъ насъ къ Себѣ, и хочетъ ближе и ближе привлечь, тѣснѣе и крѣпче привязать насъ къ Себѣ. Такъ св. Іустинъ-философъ, предавшись всею душею этому стремленію къ истинѣ, притекъ наконецъ къ самому ея началу—Богу и всецѣло соединился съ Нимъ.—А мудрость однородна съ истиною,—это, можно сказать, вѣнецъ, зрѣлый плодъ истины,—истина, приложенная къ жизни, направленная къ дѣламъ, стремящаяся перейти въ добро. Потому и она должна быть такъ же достойна уваженія, любви и исканія.

Прекрасна красота, прекрасно, достоуважаемо добро: не ниже ихъ, равно прекрасна, высока и мудрость или истина. Потому что въ первообразѣ и источникѣ ихъ—

Богѣ—равно досточтимы—и Его истина или премудрость, и Его благость, и Его красота Божественная.

Тѣмъ болѣе превознесена истина или мудрость надъ всѣми внѣшними благами и сокровищами міра. Мудрость —это сокровище, высшее всѣхъ сокровищъ земныхъ, и притомъ не истлѣвающее, не крадомое, неиждиваемое; напротивъ, чѣмъ болѣе она изливается на другихъ, тѣмъ становится чище и обильнѣе.—Мудрость облагороживаетъ духъ, отвлекаетъ его отъ суетъ житейскихъ, ускромняетъ человѣка въ счастіи, подаетъ отраду въ горестяхъ и злоключеніяхъ, юношамъ—она наставница воздержанія и цѣломудрія, старцамъ—утѣшеніе, бѣднымъ —богатство, богатымъ—украшеніе. Она юношу дѣлаетъ по уму равнымъ старцу. *Старость честна не многолѣтна; ниже въ числѣ лѣтъ исчитается; сѣдина бо есть мудрость* (Прем. 4, 9). — Вотъ отзывъ о мудрости или похвала ей отъ мудрецовъ священныхъ: *блага мудрость паче силы, блага мудрость паче орудій ратныхъ* (Еккл. 9, 18). *Блаженъ, иже обрѣте премудрость.—Предсудихъ ю паче скиптровъ и престоловъ, и богатство ничтоже вмѣнихъ къ сравненію ея. Ниже уподобихъ ю камени драгоцѣнному, яко все злато предъ нею песокъ малый, и яко бреніе предъ нею вмѣнися сребро. Паче здравія и красоты возлюбихъ ю, и предъизбрахъ ю вмѣсто свѣта имѣти, яко не угасаемо есть блистаніе ея. Есть бо сія благолѣпнѣе солнца: сего бо премѣняетъ нощь: премудрости же не одолѣетъ злоба.—Нарцы премудрость сестру тебѣ быти; утренюй къ ней, и не утрудися. Владычество разумиваго благочинно будетъ. Множество премудрыхъ спасеніе міру* (Прем. 6, 26).—Нельзя, дерзко и богопротивно думать, что такой отзывъ о мудрости изъ устъ премудрыхъ — пристрастенъ: это — мудрецы богопросвѣщенные, чуждые всякихъ страстей и пристрастій.

2. Но такая достохвальная, достоуважаемая, достойная этой высокой чести мудрость — только истинная мудрость. А такого рода мудрость не можетъ быть порожденіемъ и плодомъ одного ума человѣческаго естественнаго, поврежденнаго. Эту истину живымъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ примѣръ св. Іустина—философа.—Чувствуя въ себѣ сильную жажду вѣдѣнія и мудрости, онъ переходилъ отъ одной школы философіи къ другой, и — не могъ утолить жажды своей, не могъ найти чистой истины и истинной мудрости, пока не обратился къ другому высшему источнику ея.—Эту истину о несовершенствѣ и даже положительной недостаточности мудрости ума человѣческаго также доказываетъ ученіе объ ученіяхъ философовъ. водившихся и водящихся только однимъ естественнымъ умомъ своихъ. Сколько заблужденій, сколько странностей. сколько лжей и запутанностей видимъ мы въ ихъ мудрованіяхъ, среди ихъ усильныхъ и долговременныхъ поисковъ истины и мудрости?! Разсуждая о Богѣ, самые лучшіе изъ философовъ не сказали, что Онъ есть любовь и Творецъ; нѣкоторые, живя даже среди христіанства и принадлежа къ нему, по имени,—представляли не Бога творцомъ міра, а міръ или хаосъ первобытный—по ихъ понятію, вѣчный,—такимъ началомъ. изъ котораго развивается будто бы самъ Богъ. Странное и жалкое, нелѣпое мудрствованіе! Были даже такіе мудрователи, которые, разсуждая о мірѣ, о предметахъ насъ окружающихъ, говорили и доказывали, что вещей нѣтъ на самомъ дѣлѣ, что мы только воображаемъ, представляемъ ихъ существующими,—это только—образы мыслящей и вообразительной силы души нашей;—и объ этомъ писали книги, и этому учили другихъ.—

Разсуждая и говоря о человѣкѣ, особенно о цѣли и назначеніи жизни его, они имѣли неопредѣленныя, неясныя, сбивчивыя и невѣрныя понятія. Безсмертіе человѣка они или вовсе отвергали, или сомнѣвались въ немъ, или,—если и допускали будущую, вѣчную жизнь; то людей, отходящихъ въ нее, представляли какими-то только тѣнями слабыми, безжизненными, скитающимися въ какихъ-то, вымышленныхъ, поляхъ елисейскихъ. Или (еще лживѣе — страннѣе и унизительнѣе для человѣка)—учили, что души людей, по смерти человѣка, переходятъ въ тѣла животныхъ, становятся ихъ душами и живутъ въ нихъ. Такъ, о предметахъ, самыхъ важныхъ и нужныхъ для человѣка, философская мудрость болѣе всего разсуждала невѣрно и заблуждалась. Если же иногда и говорила отчасти истину; то не была увѣрена въ этой истинѣ вполнѣ и несомнѣнно, такъ что легко готова была предать ее сомнѣнію и вовсе отвергнуть.—*Помышленія человѣческая* то слишкомъ дерзки—усиливаются постигнуть непостижимое, что̀ превышаетъ разумѣніе человѣческое; то—впадаютъ въ другую крайность—бываютъ *мнительны и боязливы*, по слову истины. — Да и не можно ожидать вполнѣ вѣрной мудрости и чистой истины отъ человѣка падшаго, и находящагося внѣ состоянія возстановленія. Человѣкъ палъ, разбился, можно сказать, до̀ полумертвости, — и повредился во всѣхъ силахъ своихъ, во всемъ существѣ; свѣтоносный образъ Божій затмился въ умѣ его, какъ и во всей душѣ. Потому у падшаго, и не возстановленнаго человѣка, больнаго по всему существу своему, не можетъ быть и здраваго ума и здраваго смысла, въ полномъ смыслѣ этого слова; а потому и не можно ожидать отъ него всегда истинной мудрости и

чистой истины, утоляющей жажду любознанія ума человѣческаго и вѣрно руководящей человѣка къ цѣли его.

3. Такая мудрость и истина обрѣтаются только при свѣтѣ и во свѣтѣ божественнаго откровенія небеснаго. И въ этомъ опять убѣждаетъ насъ примѣръ святаго философа Іустина. Томимый жаждою любви къ вѣдѣнію и мудрости, онъ, какъ уже сказали мы, переходилъ отъ одной школы философской къ другой, не находя истинной мудрости и удовлетворенія любознательному духу своему, пока наконецъ нашелъ искомую школу и перешелъ въ нее,—въ школу небеснаго ученія Христова, гдѣ обрѣлъ полное насыщеніе уму и всему внутреннему своему существу. Этому такъ должно и быть. Это—училище божественнаго ученія. Здѣсь — учитель самъ Богъ. *И будутъ*, сказано еще у Пророка, *вси научени Богомъ*. И насъ, дѣйствительно, училъ и учитъ самъ Богъ, сама Истина воплощенная, вся Пресвятая Троица. Потому и неудивительно, что у насъ дитя—младенецъ, изучающій катихизическое ученіе, знаетъ болѣе и вѣрнѣе о Богѣ и предметахъ духовныхъ, чѣмъ самый лучшій изъ философовъ языческаго міра.

4. Но и эта истинная мудрость, почерпаемая нами изъ божественнаго откровенія, тогда только вполнѣ благотворна и спасительна для насъ; когда она озаряетъ и руководитъ жизнь нашу, когда содержится не въ умѣ только, но проникаетъ и сердце наше и выражается въ нашихъ дѣлахъ. Живой примѣръ такой мудрости подаетъ намъ святый философъ Іустинъ, который мудрость свою такъ выражалъ въ жизни и дѣлахъ, что за истину подвизался *до крове*, и положилъ свой животъ, претерпѣвъ мученическую смерть. Онъ же подаетъ намъ

это важное наставленіе, что недостаточно имѣть только въ умѣ святыя истины божественнаго откровенія; надобно еще, по слову Апостола, *обновляться духомъ самаго ума*, имѣть разумъ *духовный*, смиренномудрый и благопокорливый Вѣрѣ и волѣ Божіей. Въ этомъ-то дѣятельномъ направленіи истины и обновленіи ума состоитъ собственно мудрость истинная, въ чемъ и поставляли любомудріе свое св. Философъ и всѣ святые отцы Церкви—истинные философы. Въ этомъ поставляетъ истинную мудрость и самъ Апостолъ, который говоритъ: *кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія* (Іак. 3, 13).

И въ этомъ-то отношеніи, въ разсужденіи т. е. приложенія истины къ самой жизни, и по слову Апостола и по свидѣтельству опыта, даже среди христіанства, существуютъ два рода мудрости.

Нѣсть сія премудрость, говоритъ апостолъ Іаковъ о мудрости одного рода, свыше *нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска* (Іак. 3, 15).—*Земна.* Человѣкъ съ такою мудростію, хотя имѣетъ истины небесныя, но нерѣдко *истину содержитъ въ неправдѣ*;—эти истины, относительно жизни, у него забыты и какъ бы заброшены. А на мѣсто ихъ возникаетъ у него другой образъ мыслей, по внушенію духа міра и мудрованію плоти или испорченной природы нашей. Такой человѣкъ не мыслитъ о горнемъ и небесномъ, живетъ такъ, какъ бы не было неба и вѣчности, ищетъ только земныхъ выгодъ и счастія временнаго. Онъ всею душою привязанъ къ землѣ, весь погруженъ въ одно земное, съ своею земною, мірскою премудростію житейскою, которая, между тѣмъ, почитается въ мірѣ великимъ благоразуміемъ или умѣньемъ жить.—Эта премудрость *ду-*

шевна, — въ противоположность духовной, божественной мудрости;—она изникаетъ изъ поврежденной, разтлѣнной природы нашей. Человѣкъ, этою мудростію водящійся, если и не впадаетъ въ грубые пороки, то предается порокамъ утонченнымъ и какъ бы очищеннымъ;—свободно водится разными страстями, хотя и облагороженными; все дѣлаетъ въ удовлетвореніе только себѣ—волямъ или желаніямъ сердца своего, а не волѣ Божіей,—угождаетъ ревностно себѣ, а не Богу,—ищетъ славы своей, все дѣлаетъ во славу свою, а не Божію, вопреки словъ Апостола: *вся во славу Божію творите*.—Эту премудрость, въ высшемъ ея развитіи и степени, Апостолъ именуетъ *бѣсовскою* премудростію. Это—премудрость кичливая, движимая гордостію, завистію, мщеніемъ и злобою,—хитрая, лукавая и коварная. Водящіеся ею ищутъ только своего временнаго мірскаго блага, и для сего позволяютъ себѣ всѣ средства, безъ разбора, — любятъ созидать свое счастіе на развалинахъ благополучія другихъ, на гибели ближнихъ.

Эта троякая премудрость есть, по слову Апостола, премудрость міра сего — т. е. людей, неводящихся духомъ ученія Христова. Она, по слову Божію, *буйство предъ Богомъ* т. е. безуміе; она — *вражда на Бога*,—*зане закону Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7). Эту премудрость, это мудрованіе плоти или разтлѣнной природы нашей нужно, по внушенію слова Божія и Церкви, отвергнуть, умертвить, о чемъ и молимъ мы Господа, *въ девятый часъ на крестѣ смерть вкусившаго*, чтобы Онъ *умертвилъ* это гибельное *мудрованіе плоти нашей* (1).

---

(1) Пѣс. Цер.

Есть, по слову того же Апостола, другая, противоположная сей, и по происхожденію и по направленію и духу своему, премудрость, относительно дѣятельности и жизни. *Яже свыше премудрость*, говоритъ онъ, первѣе *убо чиста есть*,—чужда всякой примѣси лжи и заблужденій; потомъ же *мирна и кротка* (Іак. 3, 17), потому что не возмущается волненіемъ страстей, ревніемъ гордости и гнѣва, — но какъ чистая вода въ чистомъ источникѣ, — такъ она сіяетъ въ свѣтломъ умѣ и чистомъ сердцѣ, въ которомъ отражается самъ Богъ. *Она благопокорлива*, по слову Апостола, — не только не отвергаетъ воли Божіей, ясно высказанной въ словѣ Его, но и испытуетъ ревностно и усердно, *что есть воля Божія*, и всячески старается угодить Господу Богу. — Она *исполнена милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17). Ибо она вся обращена къ жизни, на дѣла благая.—Вотъ истинная, блаженнотворная мудрость.

5. Какъ стяжать эту спасительную мудрость, и созерцательную и дѣятельную?—Какія къ этому пособія и средства? Первое — нужно стараться, усердно стараться—истину прилагать къ жизни своей и выражать въ дѣлахъ. — Но главное, сильнѣйшее къ достиженію ея, средство—молитва и страхъ Божій. — *Отъ Господа всяка премудрость.* Потому у Него нужно и искать и просить ее. *Аще кто отъ васъ*, говоритъ апостолъ Іаковъ, *лишенъ есть премудрости*, *да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ*, *и непоношающаго*, *и дастся ему* (Іак. 1, 5). И Онъ подастъ ее просящимъ у Него и боящимся Его. Свидѣтель сему Соломонъ, преущедренный мудростію свыше. Почему страхъ Господень есть начало, источникъ истинной премудрости. Ибо *тайна Господня боящимся Его*, *и завѣтъ свой явитъ имъ.* Есть

особенное, чрезвычайное, тайнодѣйственное средство къ пріобрѣтенію премудрости. О немъ сказано въ самомъ словѣ Божіемъ: *требующимъ ума рече*: *пріидите*, *ядите мой хлѣбъ и пійте вино*, *еже растворихъ вамъ*. Это—святое Причащеніе. Это брашно и питіе *обожаютъ духъ*, *умъ же питаютъ странно* (¹), т. е. чудесно—непостижимо, по слову Церкви. Вообще, все истинно-благочестивое настроеніе духа и предрасположеніе на добрыя дѣла — весьма много способствуютъ къ *стяжанію мудрости истинной*. Какъ и почему? Истина или мудрость, какъ уже видѣли мы, достоуважаема и достоискома и сама по себѣ, безъ всякихъ отношеній; но, за всѣмъ тѣмъ, она имѣетъ Богомъ установленную цѣль руководить насъ къ нашему назначенію,—вести насъ къ добродѣтели и благочестію;—истина должна какъ бы превратиться въ добро. Но, взаимно, благочестіе и добродѣтель ведутъ къ большей истинѣ и мудрости.—Благочестіе или истинная религіозность, какъ истинная, высшая, правильнѣйшая жизнь, благоустроиваетъ, очищаетъ и оживляетъ все наше существо, — а потому и умъ; оно дѣлаетъ его истинно здравымъ и свѣтлымъ, способнымъ видѣть предметы, особенно нужные и важные изъ нихъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Благочестіе, чрезъ *помазаніе отъ Святаго*, первѣе и особенно просвѣщаетъ сердце человѣка; а отъ сего исходища жизни развиваетъ озареніе на умъ и самое лицо. И сія-то благочестивая наипаче *мудрость*, *просвѣтитъ лице человѣка* (Ек. 8, 1), какъ отзывается о ней одинъ изъ мудрецовъ священныхъ. Она просвѣщаетъ всего человѣка, и своимъ сіяніемъ какъ бы насквозь проникаетъ его,

---

(¹) Мол. къ Прич.

самого его дѣлаетъ свѣтоносымъ, какъ бы самымъ свѣтомъ. Не такова внѣшняя мудрость; не направленная къ дѣятельности и благочестію, она озаряетъ первѣе умъ, — и отселѣ низводитъ нѣкоторые лучи къ сердцу; такъ какъ она озаряетъ только поверхность, такъ сказать, только вершину человѣка. Но нерѣдко бываетъ, что этотъ блѣдный свѣтъ познаній мерцаетъ только въ умѣ; а сердце вовсе остается мрачнымъ и хладнымъ, безжизненнымъ, относительно предметовъ духовныхъ. Такъ, Апостолъ пишетъ посланіе къ высокообразованнымъ, просвѣщеннымъ народамъ древняго міра; но онъ говоритъ объ нихъ: *бѣсте иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. 5, 8); — значитъ, при всемъ славимомъ просвѣщеніи своемъ внѣшнемъ, они были мракомъ и тьмою; и свѣтомъ—свѣтлыми сдѣлались чрезъ духовное возрожденіе во Христѣ, чрезъ христіанскія таинства и благочестіе. Напротивъ и малоученый, или даже вовсе неученый, благочестивый простолюдинъ есть, можно сказать, мудрецъ великій и глубокій: знаетъ хотя немного, но за то не лживо и вѣрно знаетъ самое важное и нужное для спасенія,—правильно смотритъ на жизнь свою, ея назначеніе и на свое отношеніе къ Богу. Мысли его устремляются къ небу, а не погрязаютъ во временномъ и земномъ, виды и надежды его простираются въ вѣчность. Такъ,—благочестіе ведетъ къ истинѣ и мудрости.

Вообще, добродѣтельная жизнь предрасполагаетъ, дѣлаетъ насъ способными къ снисканію истины. И это зависитъ отъ взаимнаго сродства истины и добра. Истина естественно предрасполагаетъ къ добру; добро привлекаетъ къ себѣ истину. Благочестивыхъ людей *сама премудрость*, по слову Премудраго, *обходитъ ищущи*

(Прем. 6, 16), дабы вселиться и обитать въ нихъ; тогда какъ *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху* (Прем. 1, 4). Въ такихъ людей, если бы такъ сказать, и зашла какъ либо премудрость; то зло, рано или поздо, изгонитъ ее, и они много, если не вовсе, утратятъ ее. Опытъ свидѣтельствуетъ, что никто изъ добродѣтельныхъ людей не только не отвергалъ небесныхъ истинъ, но и не сомнѣвался въ нихъ; напр., въ бытіи Бога, безсмертіи души, наградахъ и наказаніяхъ вѣчныхъ; а впадали въ эту болѣзнь ума люди, преданные страстямъ и порокамъ. Вообще, страсти и похоти не только препятствуютъ пріобрѣтенію истины; но и пріобрѣтенную помрачаютъ и изгоняютъ. Какъ изъ нечистыхъ и гнилыхъ болотъ поднимающіяся густыя испаренія помрачаютъ горизонтъ и закрываютъ солнце: такъ и *пареніе похотей*, по слову Премудраго, *пremѣняетъ умъ незлобивъ* (Прем. 4, 12), помрачаетъ умственный горизонтъ нашъ,—закрываетъ око ума—это солнце наше. И какъ дымъ прогоняетъ пчелъ; такъ смрадъ похотей и страстей изгоняетъ мудрость небесную.

Итакъ, по примѣру святаго философа Іустина, нужно любить мудрость, но—мудрость истинную, пріобрѣтать свѣдѣнія истинныя, душеполезныя. Иначе — лучше не знать, нежели знать ложно; лучше быть въ невѣдѣніи, нежели въ заблужденіи. Потому что удобнѣе писать на бѣлой, чистой бумагѣ, чѣмъ на той, на которой надобно счистить прежде неправильно написанное. Лучше не идти, а стоять, нежели идти невѣрнымъ и ложнымъ путемъ. Благодареніе *Отцу свѣтовъ*—Богу,—мы находимся у самаго Источника истины—Его божественнаго откровенія. То, чего великіе философы древняго міра съ

усильнымъ трудомъ искали, и не находили, — мы обрѣтаемъ, и почерпаемъ легко и удобно; такъ что у насъ малолѣтное дитя знаетъ о Богѣ болѣе, нежели славный философъ древности.

Но недовольно имѣть, хотя бы и истинную мудрость, только въ умѣ,—надобно, по примѣру Философа святаго, выражать ее въ жизни, въ добродѣтели или благочестіи. Прекрасна, важна и достоискома мудрость; но она не достигаетъ послѣдней своей цѣли и назначенія, безъ обращенія ея ко благочестію, которое, потому, и нужнѣе для насъ, и цѣннѣе ея, какъ съ большимъ подвигомъ и трудомъ пріобрѣтаемое. Мудрость или вѣдѣніе можно удобно почерпнуть изъ многихъ книгъ, существующихъ въ мірѣ, въ которыхъ предшественники наши и современники заключили и заключаютъ познанія свои; *иніи*, отъ лѣтъ древнихъ, *трудилисъ*, а мы можемъ *входить въ трудъ ихъ*, воспользоваться плодами трудовъ ихъ. Не такъ, далеко не такъ—относительно добродѣтели и благочестія. Если и на это, на дѣла благочестія, есть многіе примѣры въ жизни другихъ; то, подражая этимъ примѣрамъ, нужно намъ самимъ совершить то, что есть въ примѣрѣ, какъ бы повторить это, сдѣлать вновь, въ другой разъ. А это несравненно труднѣе, нежели усвоить знанія, другими пріобрѣтенныя. Притомъ мудрость, безъ добродѣтели и благочестія, подвергнетъ большему осужденію. *Вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. 4, 17). Такъ, — прекрасное дѣло пріобрѣтать познанія, но—познанія истинныя; изъ нихъ извлекать сущность и ею питать духъ свой, изъ этой сущности вѣдѣній нужно образовать мудрость; мудрость же переводить въ благочестіе.

Всѣмъ намъ, и по примѣру св. Философа, и—особен-

но, по внушенію Апостола, благопотребно *исполняться во всякой премудрости и разумѣ духовнѣмъ* (Кол. 1, 9). Впрочемъ, это умудреніе, составляющее долгъ и необходимость для тѣхъ, которые готовятся быть учителями другихъ, не составляетъ для всѣхъ и каждаго необходимости неминуемой. Необходимо, совершенно необходимо для всѣхъ и каждаго—благочестіе христіанское. А для этого немного нужно учености и познаній. Въ нашемъ русскомъ Сіонѣ—въ кіевопечерской лаврѣ почиваютъ нетлѣнные, Богомъ прославленные останки и людей *некнижныхъ*, неграмотныхъ, даже и отроковъ малосмысленныхъ. Чтобы любить Бога, для этого не нужно обширныхъ познаній. А любовь къ Богу—главное наше дѣло и совершенство. И кто любитъ Бога и служитъ Ему своею жизнію; тотъ все духовное имѣетъ; у того есть и мудрость высокая. *Любленіе Господа*, по слову Писанія, *преславная премудрость* (Сир. 1, 13).

А. Ф.

II.

РАЗБОРЪ СУЖДЕНІЙ

НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О НОЕВОМЪ ПОТОПѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

б) Окаменѣлые остатки растеній и животныхъ, встрѣчающіеся въ дилювіальныхъ наносахъ и пещерахъ того времени, принадлежатъ большею частію къ породамъ вымершимъ, не похожимъ на флору и фауну настоящаго, послѣпотопнаго или историческаго времени. Отсюда слѣдуетъ,—говорятъ геологи,—что всеобщее наводненіе на землѣ было геологическимъ переворотомъ, котораго не пережили допотопныя растенія и животныя никакимъ образомъ, и послѣ котораго началась новая эпоха съ новыми родами тварей, живущими нынѣ.

Мысль о рѣзкомъ различіи органическихъ остатковъ допотопнаго и ближайшаго къ потопу времени отъ существующихъ нынѣ глубоко вкоренилась въ умахъ многихъ и отличнѣйшихъ естествоиспытателей. Если послушать *Букклaнда*, *Агассица*, *д'Орбиньи* и другихъ, раздѣляющихъ ихъ убѣжденіе, напр. *Курца*, то ни одинъ видъ (keine einzige Species) флоры и фауны первобытнаго міра не перешелъ цѣлымъ въ міръ нашего историческаго времени; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного

такого, который долженъ былъ бы съ достовѣрностію быть признанъ тождественнымъ (als identisch) съ нынѣ существующими породами (¹). Слѣдствія такого взгляда какъ въ отношеніи ко всему допотопному времени. такъ и къ эпохѣ всеобщаго наводненія, очевидно, будутъ подобны тѣмъ, которыя высказаны выше. Но совершенно не то заключеніе мы должны будемъ сдѣлать, если выслушаемъ другихъ, также знаменитыхъ естествоиспытателей. На основаніи словъ этихъ послѣднихъ о томъ же предметѣ надобно принять, что между современными потопу животными и растеніями сходныхъ и даже тождественныхъ съ породами, нынѣ существующими, не менѣе, какъ и сходныхъ съ породами. существовавшими прежде всеобщаго наводненія на землѣ. Такъ, англійскій геологъ *Лейль* (Lyell), частію на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій, частію на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему изъ Италіи профессорами Bonelli, Guidotti и Costa, положительно утверждаетъ *тождество многихъ* третичныхъ и новѣйшихъ окаменѣлостей, изъ которыхъ подъ первыми разумѣются до-дилювіальныя, а подъ послѣдними послѣ-дилювіальныя. Тоже подтверждаетъ французскій геологъ *Дегай* (Deshayes), который сравнилъ болѣе 3,000 третичныхъ ископаемыхъ раковинъ почти съ 5,000, живущими нынѣ. Окончательный выводъ ихъ обоихъ состоитъ въ томъ, что изъ видовъ (species) животныхъ. встрѣчающихся въ нижнихъ третичныхъ лондонскихъ и

(¹) См. *Kurz*—Bibel und Astronomie. 1858. p. 412 и 440. *Buckland*—Geology and Mineralogy, въ ук. м. *Agassiz*—Poissons fossiles Tom. I. p XXX, и T. III. p. 1—52. Его же — Iconographie des coquilles tertiaires reputées identiques, 1845. *A. d'Orbigny*—Cours élémentaire de Paleontologie et de Geologie stratigraphiques, 1852. T. 2. p. 697 etc.

парижскихъ пластахъ, почти $3^1/_2$% *тождественны* съ нынѣ живущими; изъ встрѣчающихся въ среднихъ третичныхъ формацiяхъ Лоары и Жиронды находится тождественныхъ почти 17%; а изъ встрѣчающихся въ позднѣйшихъ формацiяхъ (къ которымъ относятся и дилювiальные наносы), лежащихъ иногда, напр., въ Сицилiи, высоко надъ уровнемъ моря, находится тождественныхъ съ настоящими отъ 90% до 95% (¹). Въ другихъ мѣстахъ Европы, именно въ Антверпенскихъ дилювiальныхъ наносахъ, по свидѣтельству того же *Лейля*, больше половины животныхъ окаменѣлостей сходны съ нынѣ живущими и притомъ принадлежатъ бóльшею частiю къ фаунѣ сѣверныхъ морей, хотя есть между ними нѣкоторыя породы и изъ Средиземнаго моря (²). Подобное же отношенiе между допотопными и нынѣшними животными въ Аральскихъ и Каспiйскихъ дилювiальныхъ формацiяхъ засвидѣтельствовано *Мурчисономъ* (R. Murchison) и *Вернейлемъ* (Werneuil) (³). Въ наносахъ, изслѣдованныхъ на горахъ Гималайскихъ, отношенiе между тѣми и другими животными найдено отъ 25% до 100% (⁴). Въ Америкѣ, на долинахъ рѣки Миссисипи, лежатъ цѣлыя наносныя горы, часто возвышающiяся до 200 футовъ надъ сосѣдними дилювiальными равнинами, и состоятъ изъ глины съ внѣдренными въ нее окаменѣлостями животныхъ, принадлежащихъ частiю къ вымершимъ породамъ мастодонта (Mastodon), мегалоникса (Megalonyx) и другихъ, частiю къ породамъ Helix, Pupa, Succinea и Lymnea, которыя еще и теперь жи-

---

(¹) См. *Keerl-я*: Der Mensch, das Ebenb. Gottes, pag. 596.

(²) *Lyell*—Principles of Geology, Tom 1. pag. 236.

(³) *Lyell*—въ томъ же сочиненiи, Tom 1. p. 239.

(⁴) *Lyell*—въ томъ же сочиненiи, Tom. 1. p. 251.

вутъ въ тамошнихъ лѣсахъ и болотахъ, какъ свидѣтельствуютъ *Лейль* и *Леонгардъ* (1). Тоже замѣчено при Женестро (Genestro) въ нью-іорскомъ штатѣ и въ долинахъ ніагарскихъ (2). Что касается остатковъ растеній, находимыхъ въ пластахъ додилювіальнаго времени, то сначала считали всѣ роды и виды ихъ совершенно отличными отъ существующихъ нынѣ; но потомъ на основаніи вѣрнѣйшихъ фактовъ принуждены были согласиться, что и между ними есть много родовъ, одинаковыхъ съ растеніями настоящаго времени. Такъ *Гёпnертъ* (Göppert) въ своихъ изслѣдованіяхъ одной допотопной формаціи нашелъ $^{9}/_{10}$ части ископаемыхъ растеній тождественными съ настоящими. *Геерь* (O. Heer) призналъ тождество многихъ растеній, находимыхъ въ третичныхъ формаціяхъ, съ нынѣшними (3). Изъ этихъ новѣйшихъ наблюденій, къ которымъ можно было бы прибавить множество другихъ подобныхъ, нельзя не убѣдиться въ справедливости того заключенія, что изъ животныхъ, современныхъ всеобщему на землѣ наводненію, многія сохранились и послѣ этой катастрофы до нашего времени. Если доселѣ еще не опредѣлена съ точностію пропорція одинаковыхъ родовъ растеній и животныхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ (4); то этимъ

---

(1) *Lyell* — въ томъ же сочиненія, Tom. 1. p. 160. *Leonhard* въ Lehrbuch der Geognosie und Geologie, pag. 159.

(2) Lyell—въ томъ же сочиненіи, Tom. 1. pag. 192.

(3) См. *Bronn-s*, Lethäa geogn. Lief. 9 p. 66. Его же Handbuch der Geschichte der Natur. Abtheil. 2. pag. 769.

(4) Такъ *Bronn*, котораго таблицы ископаемыхъ животныхъ можно видѣть въ его Handbuch der Gesch. der Natur. Band. 3., полагаетъ число всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, нынѣ существующихъ, 1311 родовъ; изъ нихъ насчитываетъ такихъ родовъ, которые встрѣчаются и въ ископаемомъ состояніи, преимущественно въ дилювіальномъ періодѣ—263, т. е. $^{1}/_{5}$ части. Англійскій профессоръ R. *Owen* въ History of Britisch

нисколько не ослабляется достовѣрность самыхъ фактовъ природы, которые свидѣтельствуютъ въ пользу такого заключенія, и потому нѣкоторыми благомыслящими учеными оно вообще высказывается прямо и положительно. „Въ формахъ растеній и животныхъ,—говоритъ *Керль*,—верхнихъ третичныхъ, пліоценовыхъ и плейстоценовыхъ или дилювіальныхъ формацій мы имѣемъ три признака, по которымъ они сходны съ живущими нынѣ: во-первыхъ, тотъ, что все органическое развитіе (ganze organische Entvickdung) включается въ эти формы; далѣе тотъ, что онѣ отличаются отъ послѣпотопныхъ только малыми разностями (nur durch geringe Differenzen), имѣютъ такой же характеръ, какъ типы животныхъ, еще и нынѣ встрѣчающихся въ сходныхъ странахъ, а немалое число ихъ и совершенно тождественны съ живущими нынѣ; и наконецъ они соотвѣтствуютъ климатическимъ отношеніямъ, которыя господствовали въ концѣ третичнаго періода въ первобытномъ мірѣ предъ потопомъ" (¹). А какъ скоро мы принимаемъ такое заключеніе, то необходимость требуетъ составить соотвѣтственный взглядъ и на самое наводненіе, которое служило столь важнымъ переходомъ отъ первобытнаго міра къ нашему. Оно было, какъ показываютъ несомнѣнные факты природы, разрушительно для царства растеній и животныхъ, но не было всераз-

---

fossil mammalia, London 1844—1846 an., изъ 53 родовъ млекопитающихъ животныхъ, найденныхъ окаменѣлыми въ дилювіальныхъ наносахъ Великобританіи, признаетъ тождественными съ нынѣшними 26—27 родовъ, т. е. $1/2$ всего числа. Палеонтологъ H. *Meyer* въ 1852 году изчислилъ 782 рода ископаемыхъ животныхъ млекопитающихъ, изъ которыхъ $6/7$ онъ признаетъ вымершими, а $1/7$ часть, именно 111 родовъ, еще живущими и нынѣ. См. *Keerl*-я въ указ. соч. pag. 604.

(¹) *Keerl*, въ указ. сочин. pag. 629 и 630.

рушительно для нихъ; если же подъ именемъ геологическаго переворота обыкновенно разумѣется такой, отъ котораго не оставалось въ живыхъ ни одного изъ прежнихъ существъ, и послѣ котораго появились новыя твари какимъ бы то ни было образомъ, то очевидно, что всеобщее на землѣ наводненіе не было геологическимъ переворотомъ, и слѣдовательно, какъ истребленіе многихъ органическихъ существъ въ дилювіальное время нашей планеты, такъ и продолженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ послѣ этого времени произошло не въ той мѣрѣ и не отъ тѣхъ причинъ, какъ воображаютъ несогласные съ св. Писаніемъ геологи.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о дилювіальномъ переворотѣ, при сравненіи органическихъ остатковъ тогдашняго времени съ нынѣшними, геологи указываютъ еще на то обстоятельство, что между животными и растеніями, существующими нынѣ, есть много родовъ и видовъ, непохожихъ на всѣ роды и виды ископаемыхъ организмовъ. Если,—говорятъ они,—изчезнувшіе роды доказываютъ дѣйствительность разрушительнаго переворота, то нынѣшнимъ существованіемъ породъ новыхъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ, доказывается новое произведеніе земныхъ тварей въ извѣстное время (¹). Для разъясненія такой загадки природы прежде всего замѣтимъ, что указаніе геологовъ, выведенное изъ нѣкоторыхъ породъ животныхъ и растеній, въ общей сложности всѣхъ геологическихъ данныхъ, отнюдь не рѣшаетъ разбираемаго вопроса. Если несомнѣнно, что между всѣми существующими въ природѣ тварями есть породы сход-

(¹) Buckland, Agassiz, Wagner (во второмъ изданіи своего сочиненія), Kurz и другіе.

ныя и даже тождественныя въ допотопномъ и послѣпотопномъ мірѣ, то здѣсь остается неразрѣшеннымъ: какимъ образомъ однѣ изъ тварей пережили предполагаемый геологическій переворотъ, другія не пережили его, а третьи появились вновь послѣ него; и что это былъ за переворотъ, имѣвшій столь неопредѣленное вліяніе на жизнь земныхъ существъ? Притомъ, разсѣкая запутанный узелъ довольно неудачно, мнѣніе геологовъ принимаетъ въ основаніе такую мысль, которая, при обильнѣйшемъ обогащеніи науки фактами, оказывается болѣе и болѣе сомнительною, именно мысль о томъ, будто нѣкоторыя породы нынѣшнихъ тварей совершенно не похожи на всѣхъ ископаемыхъ, составляютъ нѣчто новое въ органическомъ мірѣ, и никакъ не могутъ быть производимы отъ древнихъ допотопныхъ породъ. Напротивъ, новѣйшія наблюденія и соображенія основательно ведутъ къ той мысли, что всѣ животныя и растенія настоящаго времени коренным образомъ происходятъ отъ тѣхъ родовъ и видовъ, которыхъ существованіе молотъ геолога открываетъ въ осадочныхъ почвахъ и которыя перестали жить въ давно минувшее время (¹). Оставляя въ сторонѣ всѣ древнѣйшія времена и подходя ближе къ нашему предмету, мы на основаніи новѣйшихъ же изслѣдованій должны принять за достовѣрное, что въ окаменѣлыхъ остаткахъ животныхъ, которыя относятся ко времени, непосредственно предшествующему потопной катастрофѣ и изъ которыхъ

(¹) Англичанинъ *Дарвинъ* (*Darwin*) обстоятельно развилъ цѣлую теорію, въ основаніи которой лежитъ эта мысль. См. On the Origin of Species, by Ch. Darwin. London. 1859. На русскомъ языкѣ теорія его изложена въ «Библіотекѣ для Чтенія», за ноябрь и декабрь 1861 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Дарвинъ и его теорія образованія видовъ».

съ особенною обстоятельностію изслѣдованы млекопитающія и раковины, уже встрѣчаются всѣ роды, существовавшіе и существующіе послѣ потопа, такъ что въ этомъ отношеніи оба періода—до наводненія и послѣ наводненія—представляютъ какъбы одинъ непрерывный періодъ времени. Въ доказательство приведемъ слова знаменитѣйшаго геолога *Бронна*, который съ своей точки зрѣнія, но со всею правдивостію въ изложеніи фактовъ, говоритъ слѣдующее о ближайшемъ къ всемірному потопу времени: „еще прежде этого времени образовательная сила (Schöpfunskraft) совершенно заключила свою дѣятельность въ отношеніи къ физическимъ организмамъ; переходъ изъ третичнаго въ настоящее время такъ постепененъ, что, если не обращать вниманія на появленіе человѣка и послѣдовавшее ослабленіе образовательной силы, то можно принимать оба эти періода за одинъ періодъ, — настоящій за непосредственное продолженіе третичнаго періода; ибо только здѣсь, и ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ времени, пласты, непосредственно предшествующіе ихъ предѣлу (т. е. наводненію), представляютъ столь великое множество родовъ общихъ съ послѣдующимъ временемъ, что отношеніе этихъ родовъ восходитъ отъ 0,02 до 0,20, — 0,50, — 0,80, — 0,90, — 0,95 и т. д. (¹). Правда, между животными и растеніями, существующими нынѣ, находятъ нѣкоторыя специфическія отличія отъ допотопной фауны и флоры даже въ породахъ, существенно одинаковыхъ, и насчитываютъ много видовъ тварей, относящихся собственно къ послѣпо-

(¹) *Bronn*, Geschicht. der Nat. B. 3. Abth. 2. pag. 912. Срав. *Wagner*-а Geschicht der Urwelt, 1 Aufl. pag. 237 и 238. *Keerl*-я указ. сочин. стр. 626 и 627.

топному времени; но, не говоря о томъ, что изслѣдованія геологіи еще далеко не закончены, и слѣдовательно каждый день можно ожидать открытія такихъ организмовъ, съ которыми всѣ настоящіе будутъ сходны, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ себя вправѣ спросить: опредѣлено ли кѣмъ-нибудь изъ естествоиспытателей вполнѣ и окончательно отношеніе нынѣшней флоры и фауны къ допотопной и предпотопной? Изъ всѣхъ такого рода изслѣдованій достовѣрнымъ признано только то, что допотопная флора и фауна отличается отъ нынѣшней бóльшимъ объёмомъ и развитіемъ своихъ формъ и меньшею зависимостію отъ какой-нибудь мѣстности или отъ какого-нибудь климата земнаго шара. Но на основаніи этихъ разностей можно ли называть породы животныхъ и растеній, существующихъ нынѣ, тварями новыми и совершенно не похожими на прежнихъ? Изъ естественной исторіи извѣстно, что одна и таже порода животныхъ, напр., быковъ, овецъ, собакъ, лошадей, кошекъ и пр., въ Европѣ имѣетъ одинъ цвѣтъ, одинъ ростъ и одинъ видъ нѣкоторыхъ членовъ, а въ Америкѣ получаетъ другой цвѣтъ, другой ростъ и другой видъ; въ Австраліи же получаетъ третій цвѣтъ, ростъ и видъ. Часто неопытный зритель не можетъ примѣтить сходства между субъектами одной и той же породы, обитающими въ разныхъ странахъ; но опытный естествоиспытатель, на основаніи существенныхъ признаковъ, не ошибется отнести ихъ къ одному и тому же роду животныхъ. Подобныя разности, только въ бóльшей степени и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, замѣчаютъ и между органическими остатками допотопными и послѣпотопными. И какъ въ настоящее время замѣчаемыя разности одной и той же породы животныхъ

или растеній очевиднымъ образомъ объясняются различіемъ ихъ мѣстопребыванія, климата, почвы и проч., а не вліяніемъ какого-нибудь геологическаго переворота; такъ и разности между допотопными и послѣпотопными флорою и фауною справедливость требуетъ объяснять не какимъ-нибудь геологическимъ переворотомъ, а разительнымъ въ извѣстное время измѣненіемъ условій ихъ жизни, атмосферы, климата, пищи, питья и другихъ потребностей живыхъ существъ. Ученый *Керль*, раскрывая такія же мысли, говоритъ: „послѣ всего этого мы не можемъ слишкомъ много удивляться разностямъ — впрочемъ иногда только весьма незначительнымъ (nur sehr unbedeutenden), — формъ настоящаго міра животныхъ и растеній отъ міра первобытнаго, но болѣе намъ слѣдовало бы удивляться, какимъ образомъ породы ихъ еще сохранились совершенно такими же при той великой перемѣнѣ, которую климатъ и вся поверхность земли испытали въ началѣ новаго періода міра" (¹). Подобнымъ образомъ говоритъ и извѣстный палеонтологъ *Броннъ*, склоняясь между прочимъ поставить и ископаемаго Elephantum primigenitum, котораго обыкновенно считаютъ въ числѣ вымершихъ допотопныхъ породъ, въ близкое сродство съ нынѣ живущимъ слономъ, на томъ основаніи, что различіе въ толстотѣ кожи или размѣрѣ зубовъ и въ другихъ частяхъ тѣла у скелета азіатскаго и ископаемыхъ слоповъ незначительно (²). А. *Гумбольдтъ* о гигантскихъ формахъ организмовъ допотопнаго міра замѣчаетъ: „при помощи возвышеннѣйшей температуры образователь-

(¹) *Keerl*, въ указ. сочин. на стран. 613.

(²) *Bronn-s*, Untersuchungen über die Entwickelungs—Gesetze der orhanischen Welt, pag. 223. Его же Lethäa geogn. Lief. 11. pag. 815.

ныя силы природы обнаруживали тогда свою энергію; величина и развитіе органовъ зависѣли отъ благопріятствующихъ климатическихъ условій. Такъ малая, но гибкая форма нашихъ ящерицъ расширяется на югѣ въ колоссальный и крѣпкій, какъ панцырь, остовъ страшныхъ крокодиловъ" (1). Также и *Шубертъ* считаетъ великую перемѣну, которую при великой катастрофѣ испытала поверхность нашей земли и еще больше ея атмосфера, достаточною для того, чтобы объяснить разности видовъ и формъ, какія замѣчаются у животныхъ и растеній настоящихъ сравнительно съ жившими незадолго до великаго наводненія на земномъ шарѣ (2).

И такъ разности животныхъ и растительныхъ организмовъ, существовавшихъ предъ потопомъ и существующихъ послѣ потопа, сводятся къ одному началу— къ разности климатическихъ условій ихъ жизни прежде и послѣ всемірнаго наводненія. Но эта самая перемѣна климатическихъ условій не есть ли, наконецъ, признакъ геологическаго переворота, бывшаго на землѣ въ то время? Дѣйствительно, геологи, придерживающіеся мысли о геологическомъ переворотѣ на землѣ во времена описываемаго въ Библіи всемірнаго потопа, составили цѣлыя теоріи для объясненія, отчего именно это событіе соединено было съ разительною перемѣною физическихъ условій жизни, имѣвшею столь огромное вліяніе на органическій міръ животныхъ и растеній. Но всѣ подобныя теоріи оказываются крайне недостаточными и во многихъ отношеніяхъ неосновательными. Такъ, *одни* изъ естествоиспытателей объясняли

(1) *Humboldt-s*, Über die Entbindung des Wärmestoffs, и Über die Physiognomik der Gewächse, у *Keerl-я* въ указ. соч. стр. 613.

(2) *Schubert-s*, Weltgebäude et c. pag. 681.

значительное измѣненіе климатическихъ условій на земномъ шарѣ во время всеобщаго наводненія перемѣною въ направленіи земной оси, вслѣдствіе которой прежніе полюсы земли стали на линіи нынѣшняго экватора, а прежняя линія экватора стала проходить чрезъ нынѣшніе полюсы ([1]). Но противъ такого предположенія можно особенно указать на два обстоятельства, которыя совершенно опровергаютъ его. Во первыхъ, если бы такое предположеніе было справедливо, то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились прежніе полюсы, т. е. на нынѣшнемъ экваторѣ, должны были бы находиться слѣды полюсной стужи и не должны были бы въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаться остатки тропической флоры и фауны; между тѣмъ допотопные остатки такихъ животныхъ и растеній встрѣчаются какъ въ Гренландіи, такъ и на островѣ Мадагаскарѣ, какъ въ лѣсахъ холодной сѣверной Америки, такъ и въ жаркихъ странахъ Парагвая, какъ въ сѣверной Сибири, такъ и въ южныхъ областяхъ Китая ([2]). Во вторыхъ, противъ этого предположенія свидѣтельствуетъ сжатость земнаго шара при настоящихъ полюсахъ, которая могла образоваться отъ обращенія его вокругъ своей оси только въ такое время мірозданія, когда самая земля находилась еще въ довольно жидкообразномъ состояніи, и которая, однажды образовавшись, не могла потомъ перемѣститься на другія точки отвердѣвшей планеты ([3]). *Другіе* естествоиспытатели думаютъ, что

([1]) Напр., Fred. *Klée* въ сочиненіи: Le déluge, considerations géologiques et historiques sur les derniers cataclysmes du globe, Copeng. 1846.

([2]) *Bronn* въ Geschichte der Natur. B. 3 Abth, 2 pag. 868.

([3]) Сжатость земли при каждомъ полюсѣ—почти на 20 верстъ, а при обоихъ вмѣстѣ почти на 40 верстъ, именно на 39 верстъ 472 саже-

при тогдашнемъ геологическомъ переворотѣ произошла перемѣна въ наклоненіи земнаго шара по отношенію къ солнцу, т. е. эклиптики къ экватору. Въ настоящее время эклиптика пересѣкаетъ экваторъ подъ острымъ угломъ въ 23° и 29′; а прежде, — говорятъ эти естествоиспытатели, — эклиптика совпадала съ экваторомъ и оттого происходило совершенно другое распредѣленіе климатическихъ условій на земной поверхности (¹). Но настоящее положеніе земли при обращеніи ея вокругъ солнца столь твердо по отношенію къ ея центральному свѣтилу и къ другимъ планетамъ нашей солнечной системы, что предполагаемое столь важное измѣненіе ея положенія оказывается совершенно неправдоподобнымъ по законамъ астрономическимъ. Притомъ подобное измѣненіе взаимнаго отношенія двухъ линій—эклиптики и экватора, отнюдь недостаточно было бы для произведенія такой перемѣны въ климатическихъ условіяхъ на всемъ земномъ шарѣ, какое замѣчено со времени всемірнаго наводненія. „Совершенно или почти прямое положеніе земной оси въ отношеніи къ эклиптикѣ,—говоритъ одинъ ученый,—способствуя непрерывному дѣйствію косвенныхъ лучей солнца на полярныя страны, имѣло бы благопріятное вліяніе на ихъ климатъ; средніе градусы широты имѣли бы ночи въ двѣнадцать часовъ, смѣняющіяся днями также въ двѣнадцать часовъ, находясь постоянно въ такомъ же положеніи къ солнцу, въ какомъ они находятся нынѣ во время весенняго и осенняго равноденствія; при чемъ

ни. Перемѣщеніе такихъ впадинъ съ одного мѣста на другое весьма невѣроятно.

(¹) Н. *Link* въ сочиненіи: Die Urwelt und das Alterthum, erläutert durch die Naturkunde. B. 2. pag 5. Berlin. 1834.

средняя температура ихъ была бы только 6 градусовъ“ (¹). Такая температура, если бы она когда-нибудь и была возможна, никакъ не объяснила бы существованія тропическихъ животныхъ и растеній при полюсахъ. *Третьи* естествоиспытатели, приписывая вообще всѣ геологическіе перевороты постепенному охлажденію земнаго шара въ теченіе многихъ тысящелѣтій, приписываютъ постепенному его охлажденію и то, что мало по малу образовалась разнообразная температура на нашей планетѣ отъ полюсовъ къ экватору, перестала существовать одинаковая флора и фауна на всей земной поверхности и сдѣлалась зависимою отъ измѣнившихся климатическихъ условій. Но такое предположеніе опровергается фактами того же самаго міра ископаемыхъ животныхъ и растеній, для объясненія котораго оно составлено. Охлажденіе атмосферы, происшедшее во время дилювіальнаго времени, какъ доказываютъ многочисленные случаи въ геологіи, было не постепенное, совершалось не *мало по малу* въ теченіе цѣлыхъ тысящелѣтій, но совершилось весьма быстро и какъ бы внезапно. До наступленія всеобщей катастрофы въ указанное время средняя температура, господствовавшая въ полярныхъ странахъ, полагается въ 12—

(¹) *Mädler* въ Populär. Astronom. pag. 26. На стран. 370, онъ говоритъ еще: «по вычисленію *Бесселя* (Bessel) для того, чтобы измѣнить положеніе земной оси на одну секунду = 1″, нужно было бы переставить въ соотвѣтственномъ направленіи на четверть окружности земнаго шара массу въ 114 кубическихъ милей, напр. весь Гималайскій хребетъ на сѣверъ Америки. Слѣдовательно, настоящіе полюсы были ими постоянно и останутся ими навсегда; никогда не могло и никогда не можетъ положеніе полюсовъ находиться тамъ, гдѣ нынѣ экваторъ; никогда не могла и никогда не можетъ земная ось уклониться вдвое на своемъ пути, т. е. линія экватора получить одинаковое направленіе съ линіею эклиптики».

15 градусовъ теплоты; а послѣ этой катастрофы она измѣнилась такъ, что самый грунтъ земли промерзъ на нѣсколько аршинъ въ глубину и не согрѣвается даже отъ лѣтнихъ лучей солнца, и притомъ измѣнилась быстро. Доказательствомъ тому служитъ между прочимъ фауна и флора, находимая въ дилювіальныхъ наносахъ нашей Сибири. Обильная растительность развивалась и гигантскіе мамонты жили прежде въ такихъ мѣстахъ сѣверной Сибири, въ которыхъ теперь они никакъ не могли бы существовать по условіямъ климата; потомъ, эти допотопныя животныя, бывъ застигнуты необычайною катастрофою, отчего могли остаться почти невредимыми въ теченіи тысящелѣтій, если не отъ пониженія температуры до точки замерзанія, совершившагося столь быстро, что они не успѣли разложиться на части и истлѣть [1]? Столь внезапное и разительное пониженіе температуры никакъ не можетъ быть объяснено изъ геологическихъ причинъ разсматриваемаго нами предположенія, тѣмъ болѣе, что во время, послѣдующее за катастрофою, съ самаго покрытія полюсовъ льдомъ и высокихъ горъ снѣгомъ, температура земнаго шара и ея атмосферы нисколько не понизилась въ теченіи 4,000 лѣтъ, по несомнѣнному вычисленію *Лапласа* (Laplace). „Чрезъ это, — замѣчаетъ одинъ ученѣйшій естествоиспытатель, — не только совершенно ниспровергается предположеніе о медленномъ

---

[1] Нахожденіе въ сѣверной Сибири допотопныхъ растеній и животныхъ объясняется нѣкоторыми иначе, именно занесеніемъ ихъ изъ странъ южныхъ. См. *Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири* А. *Миддендорфа*, част. 1 отд. 21. Орографія и Геогнозія. С.П.Б. 1861. стр. 237—240, 270—273. Но высказанное нами соображеніе, не опровергнутое здѣсь, поддерживается лучшими авторитетами — *Овеномъ*, *Ричардсономъ*, *Бронномъ*, *Керлемъ* и другими.

охлажденіи нашей планеты, но и все ученіе о первоначально—газообразномъ ея состояніи и постепенномъ отвердѣніи теряетъ всякую точку опоры“ (¹).

Если же ни одна изъ представляемыхъ геологами причинъ быстрой перемѣны климатическихъ условій на земномъ шарѣ послѣ всеобщаго наводненія, не можетъ быть признана достаточною для объясненія этого факта, который самъ по себѣ не подлежитъ сомнѣнію, то въ настоящемъ случаѣ, по здравому разсужденію, не остается ничего болѣе, какъ приписать случившуюся перемѣну этому самому наводненію. Извѣстно, что во времена допотопныя атмосфера, окружающая нашу землю, была отлична отъ настоящаго своего состоянія,—была болѣе насыщена кислородомъ, болѣе влажна и болѣе тепла. Отъ какихъ бы причинъ ни происходило такое состояніе воздуха въ мірѣ первобытномъ, но очевидно, что оно весьма много способствовало процвѣтанію жизни животной и растительной. Обиліе кислорода, главнаго.

(¹) *Wagner*, Geschichbe der Urwelt, 2 Aufl. B. 1, pag. 93. Приведемъ здѣсь еще мнѣніе А. *Гумбольдта*, выраженное въ сочиненіи: Über die Endbindung des Wärmestöffs: По мнѣнію его, «возвышенное состояніе температуры первобытнаго міра имѣло свое основаніе и свое происхожденіе въ кристаллизаціи горъ или въ химико-електрическомъ процессѣ, произведшемъ эти кристаллическія массы». Конечно, при кристаллизаціи горныхъ породъ могло отдѣлиться огромное количество теплоты и произвести возвышеннѣйшую температуру во время и тотчасъ послѣ этого процесса; но спрашивается: какъ могла продолжаться такая температура по окончаніи этого процесса, о чемъ свидѣтельствуютъ ископаемые остатки флоры и фауны послѣ мірозданія до потопа, и что было причиною быстраго пониженія температуры послѣ потопа? Слѣдовательно здѣсь задача не рѣшается. Еще не вѣроятнѣе мнѣніе физика *Пуассона* (Poisson, Theorie mathém. de la chaleur, pag. 421), будто температура земли, происходя отъ свѣта солнца и звѣздъ и атмосферной теплоты, измѣнилась оттого, что земля перешла въ другія, болѣе холодныя области пространства во вселенной, а прежде находилась въ болѣе теплыхъ.

элемента въ воздухѣ, поддерживающаго жизнь всѣхъ растеній и животныхъ посредствомъ всасыванія его и вдыханія, способствовало къ обильнѣйшему размноженію видовъ тварей и къ гигантскому развитію формъ ихъ, какъ и видимъ мы въ ископаемыхъ допотопныхъ остаткахъ флоры и фауны. Бо́льшая влажность атмосферы, уменьшая ея плотность и давленіе на земную поверхность и увеличивая объемъ ея въ вышину, также благопріятствовала обильнѣйшей растительности и счастливѣйшему развитію живыхъ существъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышала теплоемкость воздуха. Высшая степень теплоты на всемъ земномъ шарѣ, производя болѣе постоянное равновѣсіе въ воздушныхъ слояхъ, не допускала тѣхъ быстрыхъ теченій холоднаго воздуха на мѣсто теплаго и теплаго на мѣсто холоднаго, которыя нерѣдко вредятъ растеніямъ и животнымъ; а такъ какъ перемѣнчивыхъ теченій воздуха тогда не могло быть въ такой мѣрѣ, въ какой они происходятъ въ настоящее время, то и температура каждой мѣстности и всей вообще земной поверхности не испытывала такой разительной перемѣны съ 30 градусовъ мороза на 30 градусовъ жара, какую часто она испытываетъ въ наши времена; слѣдовательно, и времена года, — весна, лѣто, зима и осень,—въ допотопномъ мірѣ если имѣли свои характеристическія особенности, то не могли отличаться одно отъ другаго такъ рѣзко, какъ отличаются они въ полярныхъ и умѣренныхъ поясахъ настоящаго времени и производятъ болѣе невыгодное, нежели выгодное дѣйствіе на растенія и животныхъ. Не мало и другихъ подобныхъ соображеній можно сдѣлать и на основаніи геологическихъ данныхъ сдѣлано естествоиспытателями о климатическихъ условіяхъ древ-

няго допотопнаго міра [1]; но все это быстро и разительно измѣнилось послѣ всеобщаго наводненія, котораго несомнѣнные слѣды неизгладимо остались на всемъ пространствѣ нашей планеты, — и измѣнилось не отъ чего иного, какъ отъ самаго этого наводненія. Необыкновенное количество воды, нахлынувшее на землю изъ водоёмовъ подземныхъ и надъоблачныхъ, легко могло измѣнить составъ воздуха и уменьшить живительный элементъ его — кислородъ — въ значительной степени. Одновременный напоръ необъятныхъ массъ воды съ противоположныхъ сторонъ атмосферы, снизу и сверху, необходимо долженъ былъ неестественнымъ образомъ сгустить воздухъ и лишить его прежней легкости, умѣренной влажности и благотворной теплоты, которыя и по окончаніи потопа, и по возвращеніи водъ въ свои вмѣстилища, могли не возстановиться, или, быть можетъ, уже не могли возстановиться въ прежней силѣ и прежней степени. Кромѣ того неестественное смѣшеніе водъ морскихъ-соленыхъ—съ рѣчными-прѣсными, множество разложеній и испареній новыхъ, не заражавшихъ воздуха прежде, не нормальное возбужденіе физическихъ дѣятелей на земномъ шарѣ, электричества,

(1) Доказательствъ такого состоянія допотопной атмосферы много: напр. а) то обстоятельство, что ископаемые остатки тропическихъ растеній и животныхъ находятся во всѣхъ поясахъ земнаго шара, какъ умѣренныхъ, такъ и полярныхъ: б) на высокихъ горахъ, напр. на Альпахъ, на высотѣ 4,000 футовъ надъ поверхностію моря, гдѣ теперь уже лежатъ постоянные снѣга, находятъ деревья и кустарники, которые прежде тамъ росли и достигали зрѣлости; в) въ стволахъ многихъ ископаемыхъ растеній не замѣчается тѣхъ годовыхъ слоевъ, которые доказывали бы остановку ихъ растительности во время зимы и новое пробужденіе къ жизни весною, и пр. тому подобное. Срав. *Шуберта* сочиненіе: Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft, 1827. 3 Auflag. pag. 10 et caet.

магнетизма и пр., и множество другихъ обстоятельствъ, точно неизвѣстныхъ, но вѣроятно сопровождавшихъ великое всемірное событіе, необходимо должны были имѣть громадное вліяніе сначала на климатическія условія послѣ-потопнаго міра, а потомъ немедленно на жизнь и тѣхъ тварей, которыя не были вдругъ истреблены потопомъ, какъ то: растеній, морскихъ и рѣчныхъ животныхъ,—и тѣхъ тварей изъ числа истребленныхъ потопомъ породъ, которыя, какъ доказываютъ факты самой естественной исторіи, сохранились какимъ-то образомъ до нашего времени. „Температура первобытнаго міра,—справедливо говоритъ ученый *Керль* послѣ изслѣдованій о климатическихъ условіяхъ этого міра,—была на всей землѣ выше, нежели теперь; атмосфера обладала несравненно бóльшею теплоёмкостію (Wärmecapacität), и именно по этому тогда не могло происходить никакого разительнаго и сильнаго измѣненія температуры, пока продолжалось такое нормальное состояніе... Пониженіе температуры произошло отъ потопа (durch die Sündfluth). Когда вода изъ глубины и съ высоты нахлынула на землю, тогда свойство атмосферы должно было внезапно измѣниться. Источникъ теплоты земной,—солнце, которое дотолѣ изливало на землю свѣтлые и теплые лучи свои съ невозмутимою ясностію, внезапно скрылось за густымъ, чернымъ покрываломъ необыкновенныхъ массъ облаковъ и дождя, которыя покрывали небо въ теченіи цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Это событіе должно было произвести необычайное и неизчислимое вліяніе на условія земной теплоты и въ значительной степени охладить воздухъ на всей земной поверхности. Совершенно особеннымъ образомъ это обнаружилось при полюсахъ, гдѣ темпе-

ратура спустилась ниже нуля; потому что всѣ условія теплоты, которыя до сего мгновенія дѣйствовали тамъ въ столь значительной степени, внезапно прекратились. Такъ какъ измѣненіе температуры наступило столь же внезапно, какъ самый потопъ, то полюсы должны были тогда столь же скоро покрыться льдомъ" (¹).

Такимъ образомъ добросовѣстнѣйшія изслѣдованія естествоиспытателей, касающіяся предпотопной флоры и фауны, приводятъ къ слѣдующему заключенію: во время, соотвѣтствующее бывшему на землѣ всеобщему наводненію, большая часть животныхъ и растеній вымерла и истреблена такъ, какъ не случалось никогда, ни прежде, ни послѣ; однако нѣкоторая часть ихъ осталась на землѣ и продолжаетъ свое существованіе до настоящаго времени; изъ оставшихся породъ флоры и фауны хотя есть отличныя отъ породъ допотопныхъ, но разность между тѣми и другими не такого рода.

(¹) *Keerl*, въ указ. соч. стр. 684 и 685. *Для* нагляднѣйшаго удостовѣренія въ этомъ онъ приводитъ слѣдующій фактъ: по словамъ *Буге* (Bouguer) температура на о. Квитò была постоянно и почти неизмѣнно между 10°—18° по Реом. Но послѣ сильнаго землетрясенія 1797 года она измѣнилась такъ, что А. *Гумбольдтъ* нашелъ ее только между 4°—10°. Если же одно землетрясеніе могло измѣнить теплоту тамошняго воздуха въ такой степени, то несравненно болѣе потопъ, эта страшная катастрофа, долженъ былъ произвести охлажденіе температуры на землѣ, и особенно при полюсахъ.—Также датскій геологъ *Клэ* (Klée) въ своемъ спеціальномъ сочиненіи о потопѣ, произвольно приписывая его нарушенію первоначальнаго направленія земной оси и пространно описывая перемѣны, которыя должны были произойти отъ того, говоритъ: un déplacement de l'ax du globe, a été signalé par un changement de climat, par des soulévements, des affaisements et des phénomènes volcaniques très violents, ainsi que par une inondation générale, le déluge, et caet.; и потомъ на основаніи многихъ геологическихъ соображеній доказываетъ, что это совершилось не болѣе, какъ въ одинъ годъ и отъ одной катастрофы—par une année et d'une seule catastrophe (Le déluge etc. pag. 156 и 331).

чтобы она не могла быть объяснена значительнымъ измѣненіемъ климатическихъ условій, происшедшимъ въ тоже время; и наконецъ какъ истребленіе прежнихъ существъ земныхъ, такъ и перемѣна окружающей ихъ среды, не могутъ быть съ достовѣрностію объяснены никакою другою причиною, кромѣ того же самаго наводненія, какъ единственнаго и безпримѣрнаго въ естественной исторіи земли событія, положившаго великую грань между первобытнымъ и новымъ міромъ. Сближая такіе выводы съ буквальнымъ ученіемъ Слова Божія о Ноевомъ потопѣ, мы не можемъ не признать указываемаго природою единственнаго и безпримѣрнаго событія именно въ этомъ потопѣ,—тѣмъ болѣе, что указанія св. Писанія на нѣкоторыя обстоятельства, непосредственно предшествовавшія потопу и непосредственно послѣдовавшія за нимъ, представляютъ рѣшительное сходство съ выводами естествознанія, проливая съ своей стороны новый свѣтъ на загадки безмолвной природы. Такъ, при изображеніи всемірнаго потопа, св. Бытописатель положительно и ясно увѣряетъ насъ, что потопъ, по назначенію Божію, имѣлъ прямою цѣлію *погубити всяку плоть, въ нейже есть духъ жизни подъ небесемъ, и елика суть на земли* (Быт. 6, 17), и что дѣйствительно во время него и отъ него *умре всякая плоть движущаяся по земли, птицъ и скотовъ и звѣрей, и всякій гадъ движущійся на земли, и всякій человѣкъ: и вся, елика имутъ дыханіе жизни, и все, еже бѣ на суши, умре: и потребися всякое востаніе еже бяше на лицѣ всея земли, отъ человѣка даже до скота и гадовъ и птицъ небесныхъ, и потребишася отъ земли* (Быт. 7, 21—23). Что же удивительнаго, если въ то время вся земля покрылась трупами, которые потомъ сдѣлались окамен-

лостями въ дилювіальныхъ наносахъ, образовавшихся тогда же? А принимая это за истину, мы никакъ не могли бы постигнуть и никакими научными изслѣдованіями дойти до того, почему нѣкоторыя земныя твари остались послѣ потопа и донынѣ продолжаютъ существовать, и притомъ съ такими родовыми и видовыми свойствами, которыя доказываютъ коренное сродство ихъ съ тварями допотопными, сотворенными во дни всеобщаго міроздания, если бы слово Божіе къ сказанію своему не прибавило: *и оста Ное единъ и иже съ нимъ въ ковчезѣ* (Быт. 7, 23), если бы оно же опять не объяснило, какъ по повелѣнію Божію праведный Ной съ дѣтьми своими, заблаговременно построивъ ковчегъ, собралъ въ него и сохранилъ въ немъ *отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ гадъ, и отъ всѣхъ звѣрей, и отъ всѣхъ птицъ пернатыхъ и отъ всѣхъ гадовъ ползающихъ по земли, и отъ всякія плоти мужескій полъ и женскій, препитати сѣмя по всей земли* (Быт. 6, 19. 20. 7, 3. 8, 17). Слѣдовательно, сохраненіе земныхъ тварей во время всемірнаго наводненія было также дѣломъ милосердаго Бога, пощадившаго жизнь ихъ среди самаго грознаго наказанія! Впрочемъ, не смотря на особенную милость Божію къ тварямъ, сохранившимся среди великой катастрофы, и онѣ подверглись необходимымъ послѣдствіямъ всеобщей кары, которыя тотчасъ обнаружились неблагопріятною перемѣною окружающей ихъ атмосферы, климата, почвы и всѣхъ физическихъ условій земной жизни. Объ этомъ обстоятельствѣ Слово Божіе хотя не говоритъ прямо, но также сообщаетъ довольно ясныя и рѣшительныя указанія. При исчисленіи лѣтъ жизни древнихъ праотцевъ оно открываетъ намъ, что жизнь людей послѣ потопа вдругъ сократилась болѣе, нежели на 300

лѣтъ, и стала быстро сокращаться еще болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Послѣдній изъ допотопныхъ праотцевъ—Ной, переступившій грань первобытнаго и новаго міра, прожилъ всего 950 лѣтъ, подобно своимъ предкамъ; а сынъ его Симъ жилъ только 600 лѣтъ; прочіе же потомки жили еще менѣе и менѣе (Быт. 9. 29. 10. 10. 11). Причины такого явленія мы не знаемъ и не могло быть никакой другой, кромѣ разрушительнаго вліянія этого потопа на всѣ условія человѣческой жизни. Неблагопріятныя обстоятельства, открывшіяся вслѣдъ за потопомъ, были столь велики, что для поддержанія жизни людей сдѣлались даже недостаточными прежніе роды пищи, но необходима стала пища болѣе укрѣпляющая, которая самимъ Богомъ и указана была тогда въ первый разъ въ мясѣ животныхъ: *и всякое движущееся, еже есть живо, вамъ будетъ въ снѣдь: яко зеліе травное дахъ вамъ все* (Быт. 9, 3). Вмѣстѣ съ людьми, безъ всякаго сомнѣнія, испытали на себѣ разрушительную перемѣну окружающей среды и всѣ животныя, подлежащія тѣмъ же условіямъ жизни, и всѣ растенія, зависящія отъ этихъ условій еще болѣе ([1]). Вотъ един-

([1]) Нѣкоторые толкователи (*Delitzsch* in Genesis B. 1. p. 269, *Deluc* и другіе) приводятъ слова Писанія, сказанныя Богомъ послѣ потопа: *во вся дни сѣятва и жатва, зима и зной, лѣто и весна, день и нощь не престанутъ* (Быт. 8, 22), въ доказательство того, что по измѣненіи земной атмосферы всемірнымъ потопомъ въ первый разъ обозначились и времена года: весна, лѣто, осень и зима. Не простирая толкованія этихъ словъ такъ далеко, мы однако считаемъ весьма замѣчательнымъ, что именно по окончаніи потопа въ первый разъ упоминается въ св. Писаніи о различныхъ временахъ года, и вмѣстѣ съ ученымъ *Керлемъ* полагаемъ весьма естественнымъ и согласнымъ со всѣми данными, что «такая перемѣна временъ года, какая установилась со времени потопа, могла не быть въ первобытномъ мірѣ, и температура въ умѣренномъ поясѣ могла нѣкогда не спускаться ниже точки замерзанія

ственный, объясняемый Словомъ Божіимъ, переворотъ на землѣ, который самъ въ себѣ не предполагаетъ никакихъ другихъ подобныхъ переворотовъ и котораго одного вполнѣ достаточно для объясненія всѣхъ обстоятельствъ, усматриваемыхъ въ царствѣ растеній и животныхъ во время бывшаго на землѣ всеобщаго наводненія!

К. Левягинъ.

(Продолженіе будетъ).

(Ein solcher Wechsel der Jahreszeiten, wie er seit der Sündfluth besteht, Konnte in der Vorwelt nicht stattfinden, noch die Temperatur in der gemässigten Zone jemals unter den Eispunkt herabsinken)». См. *Keerl-я* указ. сочин. стр. 651.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ,
ОТЪ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453 г.) ДО 1836 ГОДА,
ОТЪ ГЕОРГІЯ II (СХОЛАРІЯ) ДО ГРИГОРІЯ VI.

1657 г.

41) *Гавріилъ II*, епископъ ганскій, безъ избранія и согласія архіереевъ, человѣкъ необразованный. Но архіереи чрезъ 12 дней низложили его и послали предстоятелемъ въ Прузу, по необходимости удовлетворяя такимъ его назначеніемъ требованію грубыхъ его покровителей. Впрочемъ несчастный Гавріилъ чрезъ 2 года былъ повѣшенъ въ Прузѣ по клеветѣ одного еврея, будто онъ окрестилъ турка (а по другимъ іудея, сдѣлавшагося туркомъ.) Послѣ него на патріаршій престолъ возведенъ былъ

1657 г.

42) *Парѳеній IV*, митрополитъ Прузы. Во все время своего патріаршества онъ отличался добротою и благочестіемъ. Послѣ 3-хъ лѣтняго съ 7 мѣсяцами кроткаго управленія церковію, онъ отказался отъ патріаршества и снова былъ назначенъ предстоятелемъ Прузы по просьбѣ тамошнихъ христіанъ. Мѣсто его занялъ по соборному избранію

1660 г.

43) *Діонисій III,* митрополитъ ларисскій, родомъ съ острова Андроса. Онъ съ честію управлялъ церковію въ теченіе 5 лѣтъ и былъ извѣстенъ какъ человѣкъ строгій и дѣятельный. Потомъ вдругъ бѣжалъ, оставивъ престолъ. Тогда опять былъ вызванъ изъ Прузы

1665 г.

Парѳеній IV, во второй разъ. Но чрезъ 3 года онъ правительствомъ сосланъ въ заточеніе на островъ Тенедосъ; вмѣсто него на престолъ возведенъ былъ

1668 г.

44) *Климентъ*, иконійскій митрополитъ. Но архіереи его не признавали, такъ какъ онъ былъ возведенъ на престолъ патріаршій насильно, противъ ихъ желанія. и престолъ константинопольскій оставался 3 мѣсяца и 20 дней безъ патріарха. Поэтому несчастный митрополитъ иконійскій снова былъ низложенъ правительствомъ, которое получило за это большія деньги, и вмѣсто него былъ возведенъ въ санъ патріарха

1669 г.

45) *Меѳодій III*, ираклійскій митрополитъ. Онъ чрезъ 2 года, отказавшись отъ патріаршества, бѣжалъ въ Венецію, и тамъ, по кончинѣ пастыря ея, Гавріила Филадельфійскаго, былъ сдѣланъ предстоятелемъ православной церкви. Преемникомъ его былъ

1671 г.

Парѳеній IV, въ 3 разъ. Но чрезъ годъ онъ былъ сосланъ въ заточеніе на островъ Кипръ. И по единодушному избранію собора преемникомъ его назначенъ

1672 г.

46) *Діонисій IV*, также митрополитъ ларисскій, родомъ изъ Константинополя, по прозванію Музелимъ (Μουσελίμης), получившій это наименованіе отъ фамиліи, изъ которой происходилъ. При своемъ иностранномъ наименованіи (которое значитъ правитель), онъ имѣлъ душу и образованіе еллинское, благородный и православный образъ мыслей, зналъ особенно хорошо священное Писаніе, былъ жаркимъ ревнителемъ церковнаго благочинія, и училъ добродѣтели и словомъ и дѣломъ. Но зависть и невѣжество, находившія поддержку въ варварскомъ правительствѣ, не пощадили и такого человѣка! Чрезъ годъ онъ былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе. Послѣ него начались болѣе частыя, нежели прежде, перемѣны патріарховъ. На престолъ, который не имѣлъ ни мірскаго блеска и власти, ни богатства, подобно папскому, но былъ обремененъ только множествомъ заботъ, большою бѣдностію и терпѣлъ страшныя угнетенія отъ турокъ, стали восходить люди по одному неразумному тщеславію! Отыскивались люди сколько недостойные, столько же и безразсудные, которые, производя волненіе въ церкви и лишая ее добрыхъ пастырей, бросались на эту достославную высоту единственно для общаго и собственнаго ихъ несчастія. Преемникомъ достойно уважаемаго Діонисія былъ

1673 г.

47) *Герасимъ II* Терновскій, человѣкъ незначительный. Послѣ того какъ Герасимъ былъ низложенъ, или самъ отказался отъ патріаршества чрезъ 2 года, преемникомъ его былъ

1675 г.

Пароенiй IV, въ 4 разъ; когда чрезъ годъ онъ былъ низложенъ, преосвященные архiереи пригласили благочестиваго

1676 г.

Дiонисiя IV, во 2 разъ. Онъ патрiаршествовалъ 3 года, и потомъ при содѣйствiи правительства его свергнулъ съ престола, и занялъ его, человѣкъ ничтожный

1679 г.

48) *Аеанасiй IV*, епископъ Редеста. Но митрополиты его не признали, такъ какъ онъ не былъ избранъ по общему приговору собора, какъ требовали церковныя правила, а взошелъ на престолъ самовластно. Турецкое правительство, взявши большiя деньги, снова дозволило архiереямъ свободное избранiе. Тогда архiереи чрезъ 14 дней изгнали недостойнаго Аеанасiя и на его мѣсто избрали

1679 г.

49) *Iакова*, митрополита ларисскаго. Iаковъ чрезъ 3 года добровольно отказался и тогда снова вызванъ былъ знаменитый

1682 г.

Дiонисiй IV, въ 3 разъ. Но онъ пробылъ на каеедрѣ только 2 года и во время этого третьяго патрiаршествованiя; потомъ былъ низложенъ въ третiй разъ, и послѣ него снова началъ патрiаршествовать

1684 г.

Пароенiй IV, въ 5-й и послѣднiй разъ. Чрезъ годъ онъ отказался отъ патрiаршества, и былъ назначенъ пред-

стоятелемъ митрополіи виддинской, а благочестивый Діонисій Музелимъ—предстоятелемъ митрополіи Халкидонской; на патріаршій же престолъ возведенъ былъ

1685 г.

Іаковъ ларисскій, во 2 разъ, и снова чрезъ годъ былъ низложенъ, а на мѣсто его вызванъ былъ изъ Халкидона

1686 г.

Діонисій IV, въ 4 разъ. Но хитрые друзья Іакова изгнали Діонисія чрезъ 2 мѣсяца. Онъ удалился въ Венгровлахію, а патріаршествовать снова сталъ

1686 г.

Іаковъ, въ 3 разъ, и оставался на каѳедрѣ 4 года, послѣ чего, утомившись тернистымъ и многотруднымъ патріаршествованіемъ, отказался отъ нея (1). Преемникъ ему былъ уже готовъ

1690 г.

50) *Калликикъ II*, митрополитъ Прузы. Несправедливо вытѣснивши изъ Адріанополя законнаго пастыря его Неофита, онъ поставилъ вмѣсто него Климента. Но Неофитъ, забывши, что за зло не слѣдуетъ воздавать зломъ, сталъ бороться съ Каллиникомъ, употреблять

(1) При немъ былъ низложенъ Магометъ IV и умеръ братъ его (въ 1687 г.) Солиманъ II. Два года спустя случилось (въ 1689 г.) въ Смирнѣ такое ужасное землетрясеніе, что прибрежная часть города была покрыта моремъ. Въ тоже время скончался бывшій въ Смирнѣ патріархъ іерусалимскій Паисій, погребенный подъ развалинами. Когда въ 1691 г. скончался Мехметъ IV; то преемникомъ его былъ братъ его Ахметъ I.

противъ него разныя хитрости и наконецъ побѣдилъ его. Каллиникъ былъ низложенъ, а на патріаршій престолъ взошелъ самъ

1691 г.

51) *Неофитъ IV*, митрополитъ адріанопольскій. Но чрезъ 5 мѣсяцевъ, снова занялъ его мѣсто, употребивши съ этою цѣлію хитрость, соперникъ Неофита

1692 г.

Каллиникъ II, во 2-й разъ, и патріаршествовалъ 2 года. Когда въ 1693 году чрезъ Венгровлахію проходилъ визирь турецкій въ походъ противъ германцевъ; тогда господарь венгровлахійскій Константинъ Васаравасъ обратилъ его вниманіе на проживавшаго въ его владѣніи патріарха Діонисія Музелима, и успѣлъ убѣдить его, что онъ былъ несправедливо лишенъ каѳедры патріаршей. Вслѣдствіе сего, при содѣйствіи визиря, вызванъ въ Константинополь

1693 г.

Діонисій IV, въ 5 и послѣдній разъ. Тотъ же самый визирь, по возвращеніи своемъ изъ похода, обманутый друзьями Каллиника, чрезъ 7 мѣсяцевъ выгналъ изъ патріарховъ благочестиваго и достойнаго уваженія Діонисія, который ошибся въ одномъ томъ, можетъ быть, что оставивши любезное уединеніе, промѣнялъ его въ этотъ разъ на патріаршество, сдѣлавшееся уже игрушкою тиранновъ, и совершенно недостойно его мудрости и добродѣтели вступилъ въ соперничество съ Каллиникомъ! Діонисій снова бѣжалъ въ Венгровлахію,— и скончался въ Тріестѣ. На престолъ снова взошелъ

1694 г.

Калливикъ II, въ 3 разъ. Во время этого его патріаршествованія Меѳодій, прежде бывшій епископъ ѳессалоникійскій, лишенный и епископіи и архіерейскаго сана за противозаконные поступки, и за дружбу съ западными, французскими патерами, подалъ великому визирю прошеніе, чтобы мѣстные епископы и митрополиты выбирались не патріархомъ и его синодомъ, а турецкимъ правительствомъ, которое можетъ продавать самимъ епископамъ епархіи, подобно тому, какъ продаетъ провинціи губернаторамъ, и получать за это съ епископовъ условную сумму въ пользу государственной казны. Предложеніе понравилось визирю и онъ думалъ было привесть его въ дѣйствіе. Патріархъ съ синодомъ, узнавши объ измѣнѣ, поднесли правительству большіе подарки и много денегъ, и такимъ образомъ остановили зло. Хотя этотъ взносъ былъ тяжелъ для церкви, по крайней мѣрѣ за патріархомъ и синодомъ новымъ указомъ подтверждено было издревле имъ принадлежавшее право избранія архіереевъ, а нечестивый Меѳодій былъ сосланъ въ заточеніе; Каллиникъ же оставался на престолѣ до конца своей жизни и былъ патріархомъ 8 лѣтъ (¹) (1694—1702).

„Постыдна и недостойна пастырей ихъ взаимная борьба изъ за пустой славы".—справедливо восклицаетъ блаженный Мелетій аѳинскій.

Тоже повторяли и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, видя, что въ продолженіе 77 лѣтъ (1622—1700) было почти 50 перемѣнъ патріаршихъ (именно 48), и что

(¹) По смерти Ахмета II въ 1693 г., Султаномъ былъ сдѣланъ Мустафа II, сынъ Мехмета IV.

эти перемѣны происходили большею частію вслѣдствіе лихоимства правительства (1). Справедливое замѣчаніе, но не вѣрно его объясненіе! Всякій, слыша, что въ продолженіи 77 лѣтъ было 50 перемѣнъ патріаршихъ, подумаетъ, что смѣнилось 50 различныхъ патріарховъ; тогда какъ въ самомъ дѣлѣ былъ только 21 патріархъ; изъ нихъ нѣкоторые были патріархами часто по 2, по 3, а нѣкоторые даже по 5 разъ. По исключеніи же изъ этого числа 4-хъ, немедленно низложенныхъ за то, что они были возведены въ патріархи безъ опредѣленія и согласія собора, и потому совершенно не патріаршествовавшихъ, которыхъ исторія перечисляетъ по однимъ только именамъ (2), останется только 17 патріарховъ, преемствовавшихъ другъ другу на самомъ дѣлѣ. Изъ нихъ должно исключить еще 8: 3 умершихъ (3) и 5, по своему желанію, отказавшихся отъ патріаршества (4), послѣ которыхъ необходимо должны были быть преемники. Затѣмъ всѣхъ, которые въ это время соперничали о патріаршей каѳедрѣ, остается только 9. Если, наконецъ, изъ этого числа исключить тѣхъ, которые были избраны законнымъ образомъ, потомъ насильно сосланы въ заточеніе и снова были призываемы на патріаршій престолъ соборомъ (какъ, напримѣръ, Іоанникій въ 1-й и 2 разы, Іаковъ, Діонисій въ 4 разъ, и особенно знаменитый Лукарисъ, надъ которымъ повторилась таже исторія, какая случилась съ блаженнымъ Павломъ Исповѣдникомъ), то остается только 5 патріарховъ, въ собственномъ смыслѣ

(1) См. ст. 534, т. 8 исторіи человѣческихъ дѣяній ученаго Кума.
(2) 30, 41, 44 и 51.
(3) 35, 36 и 40.
(4) 198, 200 Патріархи. 31, 38, 43, 45 и 47.

искательныхъ и преступныхъ. Впрочемъ безразсудство и этихъ только лицъ устрашаетъ всякую православную душу! Какъ нашлись архіереи, которые до такой степени были безумны, что отягощали и безъ того уже подавленную столькими несчастіями мать и питательницу церковь, и попирали божественные каноны, чтобы только восходить на патріаршій престолъ, и низходить съ него, престолъ высокій и достойный уваженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ многотрудный и многоскорбный, особенно въ эти времена, такъ что самый добродѣтельный и законный пастырь долженъ бы страшиться принять на себя управленіе имъ. Но изъ безразсудства ихъ вовсе не слѣдуетъ того, что прибавили потомъ упомянутые историки! „Кто перечтетъ эти 50 патріаршихъ перемѣнъ, искренно пожалѣетъ, до какой меркантильности дошелъ клиръ святой нашей церкви.“ Но если турецкое правительство, принявши отъ трапезунцевъ приношеніе, обратило его потомъ въ обязательную подать съ новопоставляемыхъ патріарховъ, то зачѣмъ называть ее подкупомъ? И чѣмъ виноваты платившіе противъ воли эту подать, установленную правительствомъ? Если же смѣнявшіе другъ дрrга, недостойные архіереи, ища патріаршества, увеличивали съ этою цѣлію сумму взноса, то зачѣмъ представлять весь остальной клиръ восточной церкви участникомъ въ ихъ дѣйствіяхъ? Если Кириллъ Контарисъ взошелъ на престолъ патріаршій, взнесши беззаконную подать; чѣмъ виноваты прочіе 3 блаженнѣйшіе патріарха, и всѣ другіе истинные пастыри Церкви? Между многими недостойными не просіявали ли Лукарисы, Парѳеніи Хіосскіе, благочестивые Музелимы? Смѣшивать эти невинныя лица съ виновными значитъ тоже, что человѣ-

ка праваго ставить на равнѣ съ беззаконнымъ; тогда и Македоній и аріане и иконоборцы, бывшіе патріархами константинопольскими, ничѣмъ не будутъ отличаться отъ Нектаріевъ, Златоустовъ и другихъ древнихъ блаженныхъ патріарховъ. Но да не будетъ этого! Недостоинство нѣкоторыхъ пастырей никогда не пятнало ни апостольскаго, ни вселенскаго престола, ни клира восточной церкви; подобно тому, какъ злодѣянія Іуды или Николая антіохійскаго не оскверняли лика апостоловъ и апостольскихъ діаконовъ. Истинная причина тѣхъ перемѣнъ, о которой умолчали названные историки, ясна и очевидна! Люди тщеславные, движимые собственными страстями, увлекаемые иновѣрными врагами восточной церкви, и (что всего хуже) поддерживаемые турецкимъ правительствомъ, а въ иной разъ и принуждаемые имъ, безразсудно устремлялись къ престолу, низвергая при этомъ другъ друга, и восходили на высоту святѣйшей каѳедры, съ которой спустя не много стремглавъ падали въ бездну погибели! Безславныя имена этихъ людей вносятся въ церковные каталоги съ цѣлію вразумить и уцѣломудрить потомковъ! Опытъ и церковная исторія доказываютъ, что какъ скоро свѣтская власть вторгается въ область управленія церковнаго и порабощаетъ іерархію для своихъ цѣлей, въ такихъ обществахъ почти никогда не перестаютъ являться люди, которые, будучи облечены священнымъ саномъ, попираютъ божественные каноны и святотатствуютъ, „повинуясь болѣе людямъ, чѣмъ Богу". Но въ православной Церкви живетъ и блюдетъ ее вѣчный ея Женихъ, который всегда имѣетъ своихъ вѣрныхъ воиновъ и отдѣляетъ ихъ отъ отступниковъ! Но обратимся къ послѣдующему. По смерти Каллиника, преемникомъ его былъ

1702 г.

52) *Гавріилъ III*, митрополитъ халкидонскій, родомъ изъ Смирны, человѣкъ разумный, богобоязненный и весьма кроткій ([1]). Пять лѣтъ, а по другимъ четыре года онъ благочестиво и богоугодно патріаршествовалъ, и потомъ, впавши въ тяжкую болѣзнь, почилъ о Господѣ. Преемникомъ его былъ избранъ

1707 г.

53) *Неофитъ V*, митрополитъ иракліискій, до своего посвященія пользовавшійся извѣстностію, какъ человѣкъ ученый; но возведеніе его на патріаршій престолъ было только номинальное. Недоброжелательные люди оклеветали его предъ турецкимъ правительствомъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Вслѣдствіе сего не только не было утверждено правительствомъ его избраніе; но блаженный Неофитъ былъ сосланъ на галеры. На мѣсто его возведенъ

1707 г.

54) *Киприанъ*, митрополитъ кесарійскій, человѣкъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ враговъ его, неученый, невоздержный и сребролюбивый, но по болѣе справедливому мнѣнію большинства, по образу жизни умѣренный, строгій, и большой ревнитель древней простоты. Онъ убѣждалъ не употреблять дорогихъ одеждъ и серебряныхъ сосудовъ, и побуждалъ клириковъ къ соотвѣтственной съ ихъ саномъ умѣренности и степенности.

([1]) При немъ (въ 1703) по низверженіи Мустафы, на престолъ взошелъ братъ его Ахметъ III.

Посему представляясь человѣкомъ тяжелымъ, онъ былъ ненавидимъ, и обвиненный въ неспособности къ управленію патріархіею, чрезъ 2 года съ половиною былъ низложенъ, и сосланъ правительствомъ въ заточеніе на Святую гору. Вмѣсто него патріархомъ былъ избранъ

1710 г.

55) *Аѳанасій V*, митрополитъ адріанопольскій, родомъ критянинъ, человѣкъ благочестивый, ученый, хорошо владѣвшій греческимъ, латинскимъ и арабскимъ языками, и въ совершенствѣ знавшій церковное пѣніе. Занимаясь изученіемъ богословія и другихъ наукъ, онъ предпринялъ переводъ трехъ-язычнаго лексикона Минискіева,—дѣло весьма полезное для греческой филологіи. Но немногіе цѣнили его мудрость и благочестіе. По невѣжеству и зависти вознегодовали на него нѣкоторые архіереи, тяготившіеся сверхъ того строгостію его нравовъ (о чемъ блаженный много заботился). Поэтому онъ терпѣлъ тоже, что часто терпѣли люди образованные и добродѣтельные, но навлекшіе на себя ненависть людей сильныхъ, которые, закрывая глаза предъ свѣтомъ мудрости, любятъ мракъ невѣдѣнія, чтобы скрыть, что они и сами слѣпы и руководятъ тоже слѣпцовъ! Въ числѣ враговъ духовнаго образованія во времена невѣжества часто являлись и нѣкоторые полуобразованные духовные, которые съ негодованіемъ отвращались отъ истинно образованныхъ людей, и обличали ихъ въ нечестіи и беззаконіи. Поэтому и мудрый Аѳанасій оклеветанъ былъ, какъ нововводитель въ догматическомъ ученіи, и какъ человѣкъ начитавшійся неправославныхъ иностранныхъ книгъ. Вслѣдствіе сего. едва пробывши патріархомъ 1 годъ и 4 мѣсяца, онъ

былъ низложенъ съ престола, хотя имѣлъ многихъ покровителей и защитниковъ. Преемникомъ его былъ

1712 г.

56) *Кириллъ IV*, кизическій митрополитъ, родомъ съ острова Лесбоса, человѣкъ владѣвшій эллинскимъ и богословскимъ образованіемъ и отличавшійся благочестивою и богобоязненною жизнію. Въ то время по случаю войны съ германцами визирь съ султаномъ жили въ Адріанополѣ. Поэтому здѣсь же по необходимости жилъ и патріархъ, съ состоявшими при немъ архіереями. Однажды визирь пригласилъ патріарха къ себѣ, распрашивалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ (можетъ быть политическихъ), и потребовалъ отъ него увеличенія церковной подати. Раздосадованный отказомъ патріарха, онъ прогналъ его, потрясши своею чалмоносною головою. Приближенныя къ патріарху лица, узнавши объ этомъ, убѣждали его прибѣгнуть къ придворнымъ и, при содѣйствіи ихъ, умилостивить визиря. Но блаженный Кириллъ не захотѣлъ такъ сдѣлать, благородно предпочитая этому освобожденіе отъ многотруднаго предстоятельства; а поэтому не много спустя онъ былъ низложенъ съ престола, пробывши богоугодно патріархомъ полтора года. Мѣсто его занялъ

1713 г.

Кипріанъ, во 2-й разъ. Но чрезъ 4 мѣсяца онъ былъ низложенъ, потому что мужественно противостоялъ увеличенію ежегодной подати, котораго турецкое правительство потребовало и отъ него. Преемникомъ его былъ

1713 г.

57) *Косма III*, родомъ халкидонянинъ, человѣкъ дѣятельный и умный, но безпокойный и тщеславный. Онъ былъ сначала архіепископомъ синайскимъ, потомъ клавдіанопольскимъ; затѣмъ онъ хищнически взошелъ на престолъ Александріи, еще при жизни ея патріарха. Преслѣдуемый клиромъ и народомъ Александріи, онъ пришелъ въ Константинополь и жилъ въ домѣ нѣкоего Іоанна, богатые родственники котораго, въ особенности зять Манолакъ, имѣли большую силу при дворѣ. Этотъ Манолакъ былъ глава цеха скорняковъ. У турокъ часто имѣли большой вѣсъ скорняки и другіе промышленники, и особенно мѣнялы. Въ награду за свои услуги они выпрашивали себѣ у придворныхъ содѣйствія по дѣламъ, иногда и не совсѣмъ справедливымъ. Такъ и Манолакъ просилъ визиря утвердить Косму патріархомъ, предлагая за это увеличеніе подати, на которое не согласились низложенные патріархи Кипріанъ и Кириллъ. Визирь приказалъ, а раболѣпствовавшіе предъ нимъ архіереи, бывшіе въ Константинополѣ, повиновались, и въ санѣ патріарха былъ утвержденъ недостойный Косма. Пробывши 2 года на патріаршествѣ, которымъ распоряжались во время его управленія Манолакъ и его друзья, онъ справедливо былъ низложенъ архіереями, и отказавшись отъ патріаршества, опять удалился на Синайскую гору. Здѣсь онъ жилъ въ слезахъ и покаяніи до того времени, какъ снова многочисленными просьбами призванъ былъ на престолъ Александріи, гдѣ и скончался, пасши церковь богоугодно. А на престолѣ константинопольскомъ былъ утвержденъ

1715 г.

58) *Іеремія III*, митрополитъ кесарійскій, родомъ съ Патмоса. Архіереи избрали его на мѣсто Космы, но они принуждены были врачевать одно зло другимъ. Іеремія по жадности турецкаго правительства обѣщалъ двойную подать, и внесъ ее за изгнаніе Космы и за освобожденіе церкви отъ его угнетеній. Іеремія снискалъ себѣ уваженіе благочестіемъ; онъ былъ знатокъ греческаго языка, хорошо изучилъ богословіе, углублялъ свой умъ въ божественное Писаніе и творенія святыхъ отцевъ, на основаніи которыхъ составлялъ церковныя поученія, училъ благочестію словами, и вмѣстѣ велъ безпорочную, безукоризненную жизнь. При немъ (въ 1722 г.) прибыли въ Константинополь патріархи: александрійскій Аѳанасій и іерусалимскій Хрисанѳъ; и составился соборъ, который снова обнаружилъ предъ православною Церковію нечестіе западной церкви, распространяемое въ Азіи и преимущественно въ Антіохіи миссіонерами римскими, которые, цѣлыми толпами проходя по городамъ и селеніямъ, не проповѣдывали Евангеліе туркамъ и іудеямъ, но старались совращать православныхъ, и дѣйствительно, особенно въ Антіохіи, раздачею денегъ, разрѣшеніемъ постовъ, часто и многихъ православныхъ христіанъ совращали съ узкаго пути спасенія на широкій путь погибели, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ скитающіеся лжеапостолы и учители нечестія. Эти люди проповѣдывали, что также учитъ и великая церковь, и что она находится въ соединеніи съ римскою. Православные христіане приведены были этимъ въ большое смятеніе. Нечестивые лжеапостолы пользовались покровительствомъ правительства

вслѣдствіе ходатайства государственныхъ людей Европы. Поэтому патріархи были вынуждены заявить предъ всѣми православными постоянный и неизмѣнный духъ западной церкви. Такъ они и сдѣлали! Но возвратимся къ патріарху Іереміи. При его благоразуміи и дѣятельности, по приказанію султана возобновленъ былъ обветшавшій уже храмъ патріархіи (въ 1720 году), и вновь выстроены при немъ келліи и домъ для патріарха (эти зданія лежали въ развалинахъ послѣ пожара, бывшаго въ 1707 и 1710 годахъ). Такъ какъ при этихъ постройкахъ необходимы были издержки, и вслѣдствіе сего наложена была большая ежегодная подать; то Іеремія, потребовавшій отъ архіереевъ денежныхъ пожертвованій для облегченія нужды, показался для нихъ тяжелымъ и строгимъ. И вотъ сами безразсудные архіереи согласились не на облегченіе нуждъ патріархіи, а на низложеніе патріарха, какъ будто низложивши его, они устраняли вмѣстѣ съ тѣмъ и долгъ. Напротивъ къ прежнему долгу теперь присоединились издержки на утвержденіе новаго патріарха. Не имѣя возможности легко низложить Іеремію, пользовавшагося уваженіемъ даже самихъ турокъ, они оклеветали его предъ султаномъ, будто онъ возбуждалъ письмами императора русскаго Петра Великаго идти войною противъ турецкой имперіи (тогда была уже объявлена война между русскими и турками). И поэтому патріархъ былъ заключенъ въ тюрьму съ опасностію жизни; но къ счастію по изслѣдованіи дѣла оказался невиннымъ и былъ только оштрафованъ 50,000 піастровъ. Такимъ образомъ корыстолюбіе пощадило его жизнь! Онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и снова остался на патріархіи. Но послѣ сего его постигло новое искушеніе! Григорій Гика, господарь молдавскій, раз-

сердился на него за несогласіе на беззаконный разводъ сестры своей и сталъ стараться объ изгнаніи Іереміи въ заточеніе (Гика зналъ, что патріархъ былъ оклеветанъ предъ правительствомъ), и дѣйствительно изгнали стража церковныхъ каноновъ Іеремію на Синайскую гору. Вмѣсто него, бывшаго патріархомъ 12 лѣтъ, по ходатайству господаря, утвержденъ былъ въ санѣ патріарха

1726 г.

59) *Каллиникъ III*, митрополитъ ираклійскій. Онъ до такой степени былъ взволнованъ радостнымъ извѣстіемъ объ избраніи его патріархомъ, что получивши такое извѣстіе, тотчасъ умеръ отъ апоплексіи. На мѣсто его былъ возведенъ

1726 г.

60) *Паисій II*, митрополитъ никомидійскій, человѣкъ хорошо образованный, кроткаго нрава и обходительный. Онъ издалъ соборное постановленіе, чтобы въ священный санъ возводились только люди образованные и почтенные по жизни, и опредѣлилъ наказанія за нарушеніе этого постановленія. (Но такой порядокъ продолжался только въ теченіе немногаго времени, а потомъ возбудилъ въ людяхъ необразованныхъ сильную ненависть къ образованнымъ). Паисій издалъ также и православное исповѣданіе. Но спустя не много, онъ сдѣлался совершенно небрежнымъ и безпечнымъ въ отношеніи къ заботамъ о духовной жизни и богослуженіи. Люди, окружавшіе его, не соблюдали церковнаго благочестія. — Во дни его (въ 1730 г.) въ Константинополѣ возмутились противъ султана Ахмета III яны-

чары (1) и одна толпа ихъ, бросившись въ патріархію, требовала отъ патріарха большой суммы денегъ. Но такъ какъ Паисій отказался отъ выдачи ихъ, то варвары разрушили патріархію и, ворвавшись въ храмъ, изрубили въ куски священныя мощи, вылили святое мvро, уничтожили перенесенныя изъ храма Всеблаженной хранившіяся еще тогда святыя иконы, попрали даже и самаго Божественнаго Агнца, хранимаго въ дароносицѣ, и надѣлали другихъ нечестій въ храмѣ Божіемъ! Виновникомъ всего этого сочли патріарха, который въ слѣдствіе ли смущенія, причиненнаго ужасомъ, по безпечности ли въ опасности, или даже, какъ говорятъ, по сребролюбію (а кто знаетъ, не въ слѣдствіе ли безденежья?) не удовлетворилъ требованію варварскаго любостяжанія. Поэтому возненавидѣнный Паисій лишенъ престола и сосланъ въ Кипръ, пробывъ патріархомъ 6 лѣтъ. Призванъ же снова

1732 г.

Іеремія III, во 2 разъ. Вскорѣ по возвращеніи съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. По облегченіи отъ него онъ управлялъ церковію 7 мѣсяцевъ, больной, потомъ отрекся и, удалившись на Аѳонскую гору, чрезъ нѣсколько времени умеръ. Вмѣсто его на престолъ вступилъ

1733 г.

61) *Серафимъ I*, митрополитъ никомидійскій, акарнанецъ, отличавшійся образованіемъ, кротостію и стро-

---

(1) Этотъ бунтъ называется бунтомъ Халилъ-Патрона, какъ перваго руководителя его. Тогда былъ низверженъ Ахметъ III и воцарился Мехметъ, или Магометъ V.

гою, монастырскою жизнію. Въ новый годъ (1734), когда патріархъ выходилъ изъ церкви, неизвѣстный человѣкъ, бросившись на него съ ножемъ, нанесъ ему рану, но не смертельную, какъ ему хотѣлось. Схваченный, злодѣй этотъ казненъ правительствомъ, а причина его безумнаго предпріятія осталась не извѣстною. Въ то время, также какъ и въ послѣдствіи, часто армяне дѣлали попытки овладѣть святымъ гробомъ Спасителя и константинопольскою святынею Живоноснаго Источника.—Серафимъ мужественно воспротивился этому, не смотря на то, что сторону армянъ держалъ самъ визирь, но былъ низложенъ съ престола и сосланъ въ Лимносъ, послѣ десятимѣсячнаго патріаршества, и перейдя оттуда на Святую гору, почилъ о Господѣ. Преемникомъ его былъ избранъ

1734 г.

62) *Неофитъ VI*, патмосецъ, человѣкъ простой и подчинявшійся вліянію другихъ. Поэтому онъ многимъ нравился, и пробылъ патріархомъ болѣе пяти лѣтъ. Его низвергъ съ каѳедры давно домогавшійся ея

1740 г.

Паисій II, во второй разъ. Все вторичное патріаршество свое онъ провелъ въ пріобрѣтеніи денегъ и лихоимствѣ. Возненавидѣнный всѣми, онъ былъ сверженъ, патріаршествовавъ 1 годъ и 7 мѣсяцевъ; потомъ турками посаженъ въ тюрьму, изъ которой едва освободился, заплативъ правительству 25 тысячъ піастровъ. Лишившись всего собраннаго имъ, онъ убѣжалъ въ Яссы. Преемникомъ его сдѣлался вызванный снова

1742 г.

Неофитъ VI, во второй разъ. Но друзья Паисія, чрезъ одну знатную женщину Зою, имѣвшую доступъ къ женскому отдѣленію въ домѣ визиря, обѣщали послѣднему значительную сумму, и снова насильственно изгнанъ былъ Неофитъ, патріаршествовавъ 11 мѣсяцевъ, и сосланъ въ Патмосъ. На престолъ же снова взошелъ

1744 г.

Паисій II, въ третій разъ. Преслѣдуемый друзьями предшественника своего Неофита, онъ купилъ протекцію визиря, давъ ему множество денегъ и обѣщая еще больше въ послѣдствіи. Онъ льстилъ и знатнѣйшимъ изъ жившихъ въ Константинополѣ архіереевъ, и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые были въ родствѣ съ занимавшими въ то время разныя государственныя должности константинопольскими греками или фанаріотами. Въ числѣ ихъ были: Самуилъ, митрополитъ дерконскій (ὁ Δερκεον) (возвысивъ его митрополію, Паисій поставилъ ее непосредственно за халкидонскою) и митрополитъ ипекійскій, или пекійскій Іоанникій, также константинопольскій грекъ, который перемѣщенъ на митрополію халкидонскую, когда соборно изгнанъ былъ, по благословной причинѣ, прежній митрополитъ Халкидона Гавріилъ. Такъ какъ Паисій и этого Гавріила сдѣлалъ своимъ врагомъ и давно подозрѣвалъ также никомидійскаго митрополита Кирилла, какъ искателя патріаршаго престола, то онъ задумалъ безумное предпріятіе. Онъ предлагаетъ архіереямъ учредить между собою клятвенный союзъ, и они въ какомъ-то ослѣпленіи приняли его предложеніе. И вотъ въ день Пятидесятницы былъ поставленъ налой и на немъ посреди

церкви положено священное Евангеліе, а они произнесли великую клятву,—самъ патріархъ въ томъ, что онъ никогда, никакимъ образомъ не будетъ преслѣдовать никого изъ архіереевъ, находящихся въ Константинополѣ, а эти послѣдніе въ свою очередь въ томъ, что они никакимъ образомъ никогда не будутъ дѣлать навѣты патріарху! Но скоро послѣ того самъ патріархъ Паисій сталъ преслѣдовать епископа филиппопольскаго Ѳеоклита; потомъ, не захотѣвъ уплатить правительству (опираясь, быть можетъ на клятвенный союзъ) годовой дани, онъ оставленъ былъ своими единомышленниками безпомощнымъ и по приказанію великаго визиря, заключенъ въ тюрьму, патріаршествовавъ 3 года и 6 мѣсяцевъ. На патріаршую же каѳедру восшелъ прежній завистникъ и искатель ея

1748 г.

63) *Кириллъ V*, митрополитъ никомидійскій, человѣкъ хотя и умный, но не благочестивый, высокомѣрный, расточительный и лицемѣрный. Найдя огромный общественный долгъ церкви, онъ увеличилъ его вдвое. И Паисій, освобожденный изъ тюрьмы, ссылается, а этотъ Кириллъ, по требованію, какъ говорятъ, в. визиря, прибавилъ и другую годовую подать, называемую данью ежегоднаго утвержденія (по турецки—мукареръ), и такимъ образомъ разбойнически угнеталъ церковь 2 года и 8 мѣсяцевъ. И, снова изгнавъ его, получаетъ патріаршество подобный ему

1751 г.

Паисій II, въ четвертый разъ. Но едва прошелъ 1 годъ, какъ, низвергнувъ его, сдѣлался патріархомъ

1752 г.

Кириллъ V, во второй разъ. Вторичнаго патріаршества Кириллъ достигъ слѣдующимъ образомъ. Въ окрестностяхъ Никомидіи скитался нѣкто Авксентій, обманщикъ, выдававшій себя за монаха и за пустынника и чудотворца. Его-то послалъ Кириллъ въ Константинополь и обманомъ сталъ тамъ проповѣдывать, какъ вдохновенный Богомъ, перекрещиваніе всѣхъ, обращающихся въ православіе изъ какой бы то ни было ереси, возбуждалъ народъ противъ патріарха Паисія, какъ латиномысленнаго и армянина по вѣрѣ и одного только Кирилла провозглашалъ законнымъ и истиннымъ патріархомъ. Народъ взволновался и бросился въ патріархію, съ безчестіемъ изгналъ Паисія, и возвелъ, съ соизволенія султана, Кирилла. Послѣ этого Авксентій и двое изъ его послѣдователей повѣшены правительствомъ, какъ возмутители общественнаго спокойствія, а Кириллъ, едва успокоивъ гнѣвъ султана подаркомъ въ 250 тысячъ піастровъ, получилъ повелѣніе, въ силу котораго заставилъ ихъ принять новыя постановленія о перекрещиваніи. Но, какъ говорится, нѣтъ худа безъ добра, и „этотъ патріархъ Кириллъ сдѣлалъ дѣло достохвальное, приносящее большую честь и ему и всему духовенству; именно, онъ учредилъ на Аѳонѣ, при общемъ содѣйствіи духовенства и мірянъ патріаршескую греческую школу (γυμνασιον), пригласивъ туда учителемъ философіи ученаго и благочестиваго Евгенія Булгариса, который содѣйствовалъ возрожденію наукъ въ Греціи своими переводами на греческій языкъ лучшихъ по тогдашнему времени руководствъ къ логикѣ, метафизикѣ, богословію и риторикѣ. Сначала присно-

памятный Евгеній училъ въ Янинѣ, а оттуда перешелъ въ македонскій городъ Козану, и тамъ распространяя образованіе въ народѣ, въ тоже время приготовлялъ для него и будущихъ наставниковъ. Изъ Козаны онъ былъ приглашенъ на Аѳонъ, гдѣ нашелъ и сотрудника, наставника эллинской словесности приснопамятнаго Неофита Грамматика, саномъ іеродіакона, родомъ изъ Пелопоннеза, знатока эллинской словесности и многоученаго. Впрочемъ эта аѳонская школа существовала только пять лѣтъ (1753—1758). Потомъ она была уничтожена, потому что Неофитъ отказался отъ учительства, а Евгеній былъ приглашенъ въ константинопольское высшее училище. Но ученики Аѳонской школы разнесли во многія мѣста Греціи неугасимый свѣтъ ученія. А Кириллъ, патріаршествовавъ 5 лѣтъ, низложенъ съ престола и сосланъ на Аѳонскую гору, гдѣ богоугодно провелъ остатокъ жизни, безмолвствуя и умилостивляя Бога покаяніемъ ([1]). Преемникомъ же Кирилла былъ

1757 г.

64) *Каллиникъ* IV, митрополитъ проилавскій, родомъ ѳессаліецъ (изъ Загоры, что на Пилійской горѣ), мужъ обладавшій греческимъ образованіемъ, добраго нрава и вполнѣ преданный церкви. Но друзья Кирилла и противъ него вооружили народъ, который почиталъ Кирилла, помня свидѣтельство о немъ Авксентія какъ о единомъ богоугодномъ. Между тѣмъ случилось и слѣдующее обстоятельство: Каллиникъ предложилъ архіереямъ вопросъ: не считаютъ ли они приличнымъ назначить

([1]) При немъ умеръ Мехметъ или Магометъ V, и воцарился братъ его Османъ III (въ 1754 г.), умершій чрезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ. Ему наслѣдовалъ Мустафа III (въ 1757 г.).

для Петрова поста определенное число дней, такъ чтобы продолжительность этого поста, какъ и другихъ постовъ, была неизмѣнная и не зависѣла отъ переходнаго праздника Пасхи. Предложеніе патріарха одними отвергнуто, какъ совершенно безполезное, а другіе и разгласили еще о немъ, какъ о безразсудномъ еретическомъ нововведеніи. Въ слѣдствіе этого патріархъ былъ обвиненъ въ ереси и однажды толпа народа бросилась на него при выходѣ изъ церкви, безчеловѣчно избила и изгнала изъ патріархіи. Немедленно послѣ этого Каллиникъ отрекся отъ престола, который занималъ 6 мѣсяцевъ и восемь дней и удалился на свою родину въ Загору, гдѣ жилъ, занимаясь науками, углубляясь въ божественныя писанія и составляя церковныя и историческія сочиненія, въ прозѣ и стихахъ. Между прочимъ, онъ написалъ и исторію бывшихъ до него по взятіи Константинополя патріарховъ, которая остается еще не изданною. Послѣ этого, по общему приговору, патріаршество принялъ

1757 г.

65) *Серафимъ* II, митрополитъ филиппопольскій, человѣкъ преданный церкви, но надменный. По этому-то его и возненавидѣли, и чрезъ три года онъ былъ изгнанъ на Аѳонъ. Оттуда въ послѣдствіи онъ отправился въ Россію, гдѣ получилъ большую честь и гостепріимство отъ Императратрицы Елисаветы Петровны; умеръ и погребенъ близъ Кіева, въ которомъ жилъ. Преемникомъ ему избранъ

1760 г.

66) *Іоанникій* III, прежде бывшій митрополитъ кесарійскій, и потомъ халкидонскій, родомъ изъ Константи-

нополя, знатнаго происхожденія, человѣкъ умный и обходительный. Но тогдашнія политическія обстоятельства, безпорядокъ въ дѣлахъ церковныхъ, обычные раздоры архіереевъ и въ особенности чрезвычайно тягостные долги церкви дѣлали патріаршество въ высшей степени тяжелымъ. Поэтому Іоанникій черезъ четыре года отрекся и удалившись, покоился на островѣ Халки, гдѣ наконецъ отошелъ и ко Господу. На его мѣсто возведенъ избранный единогласно

1764 г.

67) *Самуилъ* I. знаменитый митрополитъ дерконскій, также родомъ изъ Константинополя и знатнаго происхожденія, свѣдущій въ богословіи, еллинской словесности и другихъ наукахъ, правдивый и благочестивый, отличавшійся государственною мудростію и опытностію, и хорошій администраторъ, который болѣе другихъ былъ способенъ привести въ нѣкоторую стройность запутанныя дѣла церкви. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ сдѣлалъ слѣдующія достопамятныя распоряженія:

1. Уплатилъ изъ собственныхъ денегъ издержки на подать новой патріархіи, ни отъ кого не принявъ никакого денежнаго пособія.

2. Опредѣлилъ, дотолѣ неограниченную законами, власть патріарха, и съ его времени патріархи къ своимъ представленіямъ правительству и денежнымъ документамъ начали прилагать патріаршую печать, а печать эта была раздѣлена на четыре части, изъ которыхъ каждая хранилась у одного изъ четырехъ старѣйшихъ архіереевъ; въ патріархіи же оставался на сохраненіи средній столбикъ или ключъ печати.

3. Опредѣлилъ восемь изъ старѣйшихъ архіереевъ непремѣнными членами синода, и ихъ назвалъ геронтами, не устраняя изъ синода и другихъ архіереевъ, пріѣхавшихъ въ столицу; безъ единодушнаго согласія всѣхъ этихъ восьми архіересвъ или, по крайней мѣрѣ, большинства ихъ не рѣшалось ни одно церковное дѣло.

4. Для управленія церковными имуществами назначилъ четырехъ попечителей (ἐπιτρόπους), двоихъ изъ знатныхъ лицъ и двоихъ изъ купечества.

5. Постановилъ, чтобы ни перемѣна, ни выборъ патріарха не производились безъ согласія, по крайней мѣрѣ, восьми равносильныхъ геронтовъ, четырехъ попечителей и великаго логоѳета церкви. Все это было утверждено особымъ собственноручнымъ султанскимъ фирманомъ.

6. Сверхъ того онъ распредѣлилъ по епархіямъ въ соразмѣрности тяжкій долгъ кассы (великой церкви), который справедливо называетъ онъ въ окружномъ посланіи своемъ болѣе тяжкимъ, нежели египетскія пирамиды. Этотъ долгъ заносился въ книги подъ названіемъ дворцоваго долга каждой спархіи. Его обязаны были уплачивать мѣстные архіереи, которые и выдавали письменное обязательство, скрѣпленное печатью кассы и называемое также дворцовымъ обязательствомъ. Оттого-то съ тѣхъ поръ великая церковь и не признаетъ частныхъ долговъ ни одного архіерея, а (принимаетъ къ уплатѣ) одни тѣ долги, которые утверждены печатью (патріаршей) кассы.

7. Подчинилъ власти великой церкви бывшія тогда самостоятельными (автокефальными) архіепископіи ахридскую и пекійскую; онъ сдѣлалъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что люди, державшіеся

латинства и разнаго рода другія злоумышленныя лица, прокрадываясь въ эти епископіи изъ предѣловъ католической Европы, разсѣвали плевелы своихъ заблужденій, легко обманывая независимаго епископа, который часто ничего не сообщалъ объ этомъ великой церкви; а во-вторыхъ, и для того, чтобы и эти двѣ архіепископіи приняли участіе въ уплатѣ долга, и чтобы такимъ образомъ большему числу лицъ легче было поднять эту тяжелую ношу.

8. Разрѣшилъ издревле существовавшее сомнѣніе касательно одной изъ степеней брака, дозволивъ двумъ роднымъ братьямъ жениться на двухъ двоюродныхъ сестрахъ ([1]).

9. Остановилъ достигшее въ то время (въ 1766 г.) въ Хіосѣ высшей степени неистовство іезуитскихъ миссіонеровъ, которые, обходя островъ, какъ псы, искали, кого бы изъ наиболѣе простыхъ православныхъ обмануть,—и заманили посредствомъ денегъ и хитростей и нѣкоторыя чистыя души. Поэтому приснопамятный Самуилъ испросилъ помощь отъ гражданской власти, послалъ съ повелѣніемъ султана екзарховъ и изгналъ миссіонерскихъ патеровъ. На время онъ заперъ и существовавшія въ Хіосѣ латинскія церкви, желая, чтобы православные не только не принимали впредь подобныхъ лже-апостоловъ, но и не дозволяли имъ совращать другихъ ([2]).

([1]) Разрѣшеніе это сдѣлано не однимъ патріархомъ, который и не можетъ измѣнять древнія опредѣленія нашихъ отцовъ, но по предложенію патріарха оно сдѣлано всею восточною церковію посредствомъ церковнаго опредѣленія, подписаннаго и патріархами антіохійскимъ и іерусалимскимъ, проживавшими въ то время въ Константинополѣ.

([2]) При нынѣшнемъ безразличіи въ дѣлахъ вѣры этотъ поступокъ можетъ показаться суровымъ, и однакожъ блаженный Самуилъ сдѣлалъ

10. Оказывалъ большое уваженіе людямъ образованнымъ, особенно Евгенію Булгарису, Никифору Өеотокію, жившимъ тогда въ Константинополѣ. Такой-то порядокъ ввелъ въ церковь этотъ знаменитый патріархъ. Но порядокъ непріятенъ для людей взросшихъ въ безпорядкѣ, а таковы, по несчастію, и были по большей части члены состоявшаго при немъ сvнода! И вотъ Самуилъ первый былъ лишенъ патріаршества на основаніи тѣхъ постановленій, которыя самъ онъ предложилъ касательно перемѣны патріарха, и изгнанъ, какъ человѣкъ тяжелый и излишне строгій. Вмѣсто его поставленъ

1768 г.

68) *Мелетій II*, митрополитъ ларисскій, родомъ изъ Тенедоса, человѣкъ образованный и разумный. Но и его лишило предсѣдательства неожиданное несчастіе. Какой то несчастный итальянецъ, одѣтый по турецки и выдававшій себя за врача, въ Адріанополѣ былъ схваченъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ (въ 1768 г. турками уже объявлена была война русскимъ). Когда на пыткѣ его спросили о сообщникахъ, онъ сказалъ, что ему знакомъ патріархъ. Когда его спросили, не принимаетъ ли участія и патріархъ въ дѣлѣ, для котораго онъ былъ посланъ, несчастный, надѣясь освобожденія отъ мученій, отвѣчалъ утвердительно. Онъ тотчасъ же былъ повѣшенъ, а патріархъ съ архидіакономъ Кирилломъ и экономомъ великой церкви были отведены въ тюрьму, называемую Печью. Экономъ умеръ подъ пыткой, а архидіаконъ пережилъ мученія.

не болѣе того, сколько сдѣлалъ Богочеловѣкъ Іисусъ, изгнавъ бичомъ изъ храма продающихъ и купующихъ.

носяслѣды пытки на своей неподвижной правой рукѣ (этотъ самый Кириллъ сдѣлался въ послѣдствіи,—въ 1780 г., митрополитомъ писидійскимъ; онъ былъ ѳессаліецъ по происхожденію, человѣкъ извѣстнѣйшій, прожилъ до старости, и умеръ въ 1814 г. послѣ тридцатипятилѣтняго почти пастырства, оставивъ въ своей епархіи безпредѣльную любовь и вѣчную память какъ за другія свои святительскія добродѣтели, такъ въ особенности за свое просвѣщенное человѣколюбіе и попеченіе о греческихъ училищахъ, больницахъ, учрежденныхъ во многихъ мѣстахъ). Наконецъ самъ патріархъ, послѣ многоразличныхъ мученій и строганій оказавшійся невиннымъ, освобожденъ отъ нихъ полумертвый и сосланъ (въ знакъ невинности) на свою родину Тенедосъ, (1) и, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, переселился ко Господу. Онъ патріаршествовалъ едва 1 годъ. Преемствовалъ ему

1769 г.

69) *Ѳеодосій II*, митрополитъ ѳессалоникскій, человѣкъ почтенный, преданный Церкви, (2), который послѣ праведнаго управленія предстоятельскою каѳедрою въ теченіе 3 лѣтъ, отрекся,—и снова былъ вызванъ знаменитый

(1) Въ эту войну обезглавленъ султаномъ и великій драгоманъ Николай Суццо, вмѣстѣ съ господаремъ Молдавіи Іоанномъ Каллимахи (въ 1769 г.); оба оклеветаны были въ шпіонствѣ; чрезъ 42 года (въ 1812 г.) казнены были также приснопамятные Мурузи—Димитрій, великій драгоманъ, и Панагіотакисъ, братъ его, потому что миръ не былъ выгоденъ для турокъ, изнемогшихъ въ войнѣ съ Россіею, продолжавшейся съ 1806—1812 г.

(2) Когда поминалось имя его въ церкви, онъ со слезами на глазахъ восклицалъ: «Господи помилуй.»

1772 г.

Самуилъ I во второй разъ, и снова показался тяжелымъ и строгимъ, почему черезъ 1 годъ и 1 мѣсяцъ былъ свергнутъ и, удалившись на островъ Халки, покоился тамъ до конца своей жизни. Во время своего кратковременнаго, но полезнѣйшаго вторичнаго патріаршества онъ исходатайствовалъ у султана повелѣніе, строго воспрещающее вмѣшательство гражданскихъ властей въ судебныя дѣла духовенства и въ дѣла о бракахъ, какъ подлежащія единственно власти патріарха. Изъ твореній этого приснопамятнаго патріарха напечатано одно только слово, но въ рукописяхъ осталось и много другихъ сочиненій, перешедшихъ къ его родственникамъ, а ими переданныхъ патріаршествовавшему въ 1809 г. Іереміи, для изданія. Впрочемъ они остались не изданными ([1]). Преемникомъ Самуила былъ

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

([1]) См. Исторію новѣйшей греч. литературы Іакова Риза, стр. 176.

III.

ПИСЬМО О. ПРОТОІЕРЕЯ І. ВАСИЛЬЕВА КЪ Г. ГИЗО,

ЧЛЕНУ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ (¹).

М. г.! Въ своемъ новомъ сочиненіи: „Церковь и христіанское общество въ 1861 году" вы не рѣшаетесь говорить о Церкви, къ которой я имѣю счастіе принадлежать. Вы пишете: „въ число христіанскихъ церквей, которыми я занимаюсь, я не включаю церкви греческой;—я не знаю ее на столько, чтобы произнесть рѣшительный судъ о настоящемъ ея положеніи и о ея будущности" (стр. 94). Не удивляйтесь, если я выражу вамъ свою признательность за молчаніе, которое вы хотѣли сохранить относительно Церкви православной—греческой, какъ называете вы ее по обычаю, принятому на западѣ. Нѣтъ ничего логичнѣе, какъ молчать о предметѣ, котораго не знаешь; и однако ничто столь нерѣдко со стороны писателя, когда онъ встрѣчается на пути своемъ съ вопросомъ, который имѣетъ тѣсную связь съ предметомъ его изслѣдованій,—какъ это молчаніе. И чѣмъ меньше привыкъ я встрѣчать людей, на-

(¹) Переведено изъ «L'Union Chrétienne», — troisiéme année, №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14.

столько скромныхъ, чтобы они признались въ своемъ незнаніи нашей церкви, тѣмъ болѣе удивляюсь я признанію вашему, особенно если представлю себѣ, что это признаніе сдѣлалъ человѣкъ краснорѣчивый, на серьозное слово котораго большое число людей смотритъ какъ на оракулъ.

Но если я благодаренъ вамъ за то, что вы не сказали ничего неточнаго о церкви восточной, то сколько бы я былъ благодаренъ вамъ, если бы вы составили истинное понятіе объ этой церкви и это понятіе сообщили своимъ читателямъ!

Вы, конечно, не раздѣляете того, сколько ошибочнаго, столькоже и оскорбительнаго мнѣнія, будто эта вѣтвь христіанства не заслуживаетъ того, чтобы обратить на нее вниманіе, и будто ея значеніе въ исторіи цивилизаціи всегда было ничтожно.

По происхожденію своему это — церковь древняя, а древность установленія—уже почтенный титулъ въ глазахъ всякаго почтеннаго человѣка. Вы знаете, что церковь восточная считаетъ столькоже вѣковъ своего существованія, сколько само христіанское общество. Если же она уже почтенна съ этой точки зрѣнія, то она особенно должна быть почтенна въ глазахъ всякаго христіанина, который смотритъ на столь высокое происхожденіе не просто, какъ на славное титло,—но видитъ еще въ немъ доказательство, что она вѣрно сохранила слово и установленія Божественнаго Учителя.

Я далекъ отъ того, чтобы приписывать безусловную важность численности, особенно въ церквахъ христіанскихъ. Чтò бы ни говорила римская церковь, которая такъ высоко мечтаетъ о числѣ своихъ послѣдователей (хоть это — послѣдователи большею частію только по

имени), число никогда не было, по мысли христіанской, знакомъ истины. Но нельзя отвергать и того, чтобы число не было знакомъ важности установленія, чтобы оно не обнаруживало въ высшей степени жизни общественной; при этомъ-то условіи, оно заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи къ древности происхожденія, — церковь каѳолическая восточнаго обряда (du rite oriental) стоитъ изученія; она имѣетъ право на то, чтобы ея свидѣтельство было принято въ вопросахъ религіозныхъ, которые занимаютъ нынѣ міръ. Вы знаете, м. г., что число ея вѣрныхъ—80 милліоновъ.

Вы основательно, м. г., не занимаетесь разностями, существующими между христіанскими обществами; вы распредѣляете ихъ по началамъ тѣхъ установленій, которыя составляютъ основаніе ихъ существованія и по отличительнымъ чертамъ ихъ внѣшняго устройства. Изъ этого правила вы дѣлаете только одно исключеніе,—въ пользу церкви галликанской (стр. 96), которая, составляя вѣтвь церкви римской, всегда боролась за сохраненіе своей самостоятельности и первобытнаго устройства, которое было ея основаніемъ, которая и въ послѣднее время противится притязаніямъ римскаго двора.

Что касается протестантскихъ обществъ, то не перечисляя ихъ и не разсуждая объ ихъ разностяхъ, которыя однакожъ имѣютъ на столько важности, чтобы ихъ принимать въ разсчетъ, вы видите въ нихъ одну церковь,—потому что всѣ они имѣютъ основаніемъ своимъ свободу испытанія въ противоположность папскому авторитету.

Эта классификація совершенно справедлива; но поз-

вольте назвать ее не полною. Существуетъ еще церковь христіанская, устроенная на началахъ отличныхъ отъ тѣхъ, которыя вы изчислили; она существенно отличается отъ двухъ учрежденій, которыми ограничено ваше изслѣдованіе: это—церковь каѳолическая восточнаго обряда.

Пропускъ, на который я хочу указать вамъ, тѣмъ болѣе важенъ и достоинъ сожалѣнія, что начала устройства этой Церкви даютъ готовое средство разрѣшить вопросъ, поднятый вами. Повѣрьте, м. г., что внѣ началъ нашей церкви этотъ важный вопросъ всегда будетъ задачею, неразрѣшимой для самыхъ ученыхъ соображеній.

Вы стали предъ лицомъ двухъ христіанскихъ учрежденій, отдѣленныхъ между собою пропастью, которой вамъ невозможно засыпать. Католичество римское основано на началѣ безусловнаго авторитета: папа думаетъ, что этотъ авторитетъ воплощенъ въ его личности. Его только устами возвѣщается истина; его законы ведутъ путемъ добра, христіанской добродѣтели; онъ единственный пастырь; всѣ, не слушающіе его, не суть овцы Спасителя;—они не могутъ достигнуть спасенія. Внѣ папства нѣтъ истины, нѣтъ добродѣтели христіанской, нѣтъ спасенія: таково ученіе римское. Протестантство, напротивъ, основано на свободѣ: каждый освѣщается истиной посредствомъ изслѣдованія; совѣсть для каждаго въ частности есть руководительница въ дѣлѣ добродѣтели; каждый самъ совершаетъ свое спасеніе въ Іисусѣ Христѣ. Какъ согласить эти двѣ крайности?

Я согласенъ, что извѣстная сумма истинъ религіозныхъ составляютъ общее основаніе для обѣихъ церквей; что онѣ признаютъ однѣ и тѣже заповѣди Божіи:

но нужно допустить и то, что разности между ними гораздо многочисленнѣе; что въ глазахъ людей форма часто беретъ верхъ надъ содержаніемъ, которое она иногда существеннымъ образомъ измѣняетъ. Папа соглашается, что всякій путь ведетъ къ Риму, — но это еще далеко не значитъ, что всякій путь ведетъ къ спасенію. „Я одинъ, говоритъ онъ протестантамъ, въ качествѣ представителя Іисуса Христа, я одинъ распорядитель истины; принимайте ее съ благоговѣніемъ изъ моихъ устъ.“ „Позвольте. отвѣчаютъ тѣ: надобно изслѣдовать, основательны ли ваши притязанія.“ „Безъ изслѣдованій, отвѣчаетъ папа; вѣрьте мнѣ на слово, иначе вы еретики, возмутители; вы будете осуждены.“ „Но не вы ли скорѣе, говорятъ протестанты, представитель великой вавилонской блудницы, сидящей на семи холмахъ и разливающей на всѣ стороны ядъ заблужденія?“ „Анаѳема.“ восклицаетъ папа. Когда съ двухъ сторонъ употреблены такія выходки, можно ли думать, что примиреніе между ними возможно?

Вы понимаете, м. г., также, какъ и я, антагонизмъ, который существуетъ между обѣими церквами; и оплакивая (стр. 7) нарушеніе единства церкви, не думаете, „чтобы было возможно соединеніе различныхъ обществъ христіанскихъ и религіозное единство міра христіанскаго, потому что это соединеніе не было бы ни истинно, ни твердо“. Вы такимъ образомъ допускаете, что обѣ церкви раздѣлены на всегда, и все таки вы увѣщеваете членовъ ихъ соединить свои усилія на общую защиту! Вы заклинаете въ частности своихъ собратій по вѣрѣ, протестантовъ, помочь церкви римской въ кризисѣ, которому она подверглась въ настоящее время.

Можетъ ли быть услышанъ вашъ призывъ? Можно

ли слѣдовать за вами по этому пути? Во имя чего, съ какою цѣлію, какими средствами протестанты могутъ способствовать защитѣ папства? Во имя любви, терпимости, сострадания? Но эти чувства, одушевляющія членовъ протестантской церкви, могутъ относиться только къ отдѣльнымъ лицамъ, но ни въ какомъ случаѣ не относятся къ учрежденіямъ и постановленіямъ: любовь къ ученію, которое считаешь ложнымъ — это оскорбленіе истины; терпимость къ учрежденію, которое считаешь несправедливымъ и вреднымъ, противно нравственности. Любовь и терпимость запрещаютъ употреблять средства насильственныя и хитрыя противъ убѣжденій, хотя бы и ложныхъ; но отсюда еще далеко до обязанности защищать то, что кажется противно истинѣ и справедливости.

Защищать интересы общіе значитъ ли то, что протестанты должны защищать папство? Вы утверждаете это, когда говорите: „нынѣ угрожаетъ общая опасность всѣмъ христіанскимъ церквамъ—и католическимъ и протестантскимъ; общія основанія ихъ вѣры сдѣлались предметомъ нападенія; онѣ имѣютъ одинаковые интересы къ защитѣ, одинъ и тотъ же долгъ, потому что онѣ равно должны погибнуть подъ развалинами зданія, въ которомъ они всѣ живутъ". Если опасность, угрожающая совмѣстно христіанству и католичеству, такъ велика, такъ грозна, то надобно удивляться, м. г., равнодушію, которое замѣтно въ церквахъ протестантскихъ, и которое вы хотите уничтожить. Ни одна изъ вашихъ церквей не открыла еще, чтобы христіанство и папство основывались одно на другомъ; напротивъ всѣ гораздо болѣе расположены видѣть въ паденіи свѣтской папской власти событіе благопріятное для преобразованія церкви христіанской. Понятно ли такое ослѣпленіе, если,

какъ вы говорите, одни и тѣже интересы у христіанства и папства? Если бы это было такъ, то ужели бы замедлили они слѣдовать вашему призыву, вашимъ увѣщаніямъ — итти на помощь свѣтской власти римскаго епископа? Ваши единовѣрцы, м. г., — я говорю это къ ихъ чести, — не были послѣдними въ битвѣ, когда врагъ угрожалъ основнымъ истинамъ христіанской вѣры; сочиненія неоспоримой учености были плодами ихъ борьбы за дѣло Іисуса Христа. Они не отступали предъ нескончаемою борьбою за это дѣло даже съ врагами, вышедшими изъ ихъ же среды, которые выводами неумолимой логики довели начало свободнаго изслѣдованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Они сражались съ врагами, которые нападали на нихъ подъ ихъ же знаменемъ; оружіе ихъ было такъ твердо, что сами католики не постыдились употребить его противъ своихъ собственныхъ враговъ. Борьба между Штраусомъ и нѣмецкими протестантскими богословами достаточно подтверждаетъ мои слова.

Учеными сочиненіями своими протестанты показали не одну только ревность къ защитѣ истинныхъ интересовъ христіанскихъ. Начала нравственныя и общественныя, проистекающія изъ христіанства, всегда находили въ нихъ защитниковъ. Права семейныя, нетерпимость съ насиліями, всегда ее сопровождающими, возбуждали между ними людей ревностныхъ, поборниковъ правды и любви. Безпристрастіе легче для нихъ, чѣмъ для членовъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, — именно вслѣдствіе свободнаго отношенія ихъ къ догматамъ. Такимъ образомъ они съ одинаковою добросовѣстностію порицаютъ и инквизиторовъ и Калвина-гонителя, законы нетерпимости римскіе и шведскіе; точно также они

отдаютъ должное уваженіе людямъ, проникнутымъ вѣрою, людямъ добрымъ, будь это католикъ, или протестантъ. Кто не помнитъ ихъ похвалъ архіепископу парижскому Аффри. ихъ удивленія, ихъ благоговѣнія къ нему, когда этотъ прелатъ палъ жертвою своей любви?

Изъ этого я заключаю, что нельзя не удивляться равнодушію вашихъ единовѣрцевъ, если, какъ вы утверждаете, интересы христіанскіе введены въ борьбу. которую выдерживаетъ нынѣ папство.

Почему они не предугадываютъ опасности? Почему ихъ христіанская ревность остается въ бездѣйствіи, не смотря на вашъ краснорѣчивый призывъ?

Не значитъ ли это, что затрудненія и опасности церкви римской не имѣютъ той высокой важности, какую вы приписываете имъ? Не значитъ ли это, что протестанты поняли, что настоящая борьба папства не касается существенныхъ интересовъ ихъ церкви, какъ думаете и вы? Вы говорите: „затрудненія и опасности протестантской французской церкви (объ ней одной я буду говорить здѣсь)—другаго рода; объ ней не говорятъ, ее не подвергаютъ нареканіямъ въ повседневныхъ политическихъ преніяхъ; она не служитъ предметомъ нападеній со стороны свѣтской власти,—она не внушаетъ друзьямъ свободы никакой недовѣрчивости къ себѣ. Но ея организація не совершенна; ей не достаетъ приличнаго, ея собственнаго, основаннаго на преданіи управленія. И вотъ среди живаго религіознаго движенія протестантство французское увидѣло, что оно не имѣетъ внутренней свободы, внутренняго авторитета, въ которыхъ оно имѣетъ нужду. Вѣра христіанская православная ожила между протестантами и возбудила споры, которые вызываютъ расколъ. Это совмѣстное пробужденіе вѣры и

критическаго направленія протестантовъ совпадаетъ съ нападеніями, которыхъ предметомъ сдѣлалось христіанство. И въ этомъ столкновеніи протестантство рискуетъ видѣть свое дѣло обезображеннымъ и вмѣсто того, чтобы итти подъ знаменемъ свободы христіанской, — итти подъ знаменемъ скептицизма и равнодушія къ предметамъ вѣры" (стр. 98).

Эти слова, столь горькія для церкви протестантской, показываютъ, что предметомъ занятій ея членовъ должно служить нѣчто другое, а не вопросъ о свѣтской власти папъ; что ея внутреннія затрудненія слишкомъ важны, чтобы ей заниматься затрудненіями церкви римской. Всегда великодушно помогать противнику; но неблагоразумно помогать врагу, который, не будучи признательнымъ за помощь, оказанную ему во время несчастія, тотчасъ же станетъ точить мечъ на своего благодѣтеля. А это именно и сдѣлаетъ папство въ отношеніи къ протестантству.

Вы думаете, м. г., что свобода и вслѣдствіе этого сила римской церкви интересуютъ все общество христіанское. Эта мысль была бы вѣрна, если бы римская церковь приняла себѣ за правило—давать участіе всему міру въ свободѣ, которую ей помогутъ возвратить; но опытъ показываетъ, что этого никогда не было, да никогда и не будетъ. Основываясь на своемъ авторитетѣ, который папство считаетъ божественнымъ и непогрѣшимымъ, папство видитъ въ свободѣ благо только свое и никакъ не благо общее; оно хочетъ его для себя, а не для другихъ; такъ что усиливать папство значитъ ослаблять протестантство; возвращать свободу папству значитъ ограничивать кругъ протестантской свободы. Я не думаю, м. г., чтобы подобныя жертвы могли быть

разумны, потому что онѣ незаконны, когда есть убѣжденіе, что противникъ, которому помогаешь, не слѣдуетъ путемъ добра и истины. Но таково именно мнѣніе протестантовъ по отношенію къ папству.

Протестантство не есть ли протестъ противъ власти папской, какъ духовной, такъ и свѣтской? Поэтому протестантъ, который сохраняетъ свой истинный характеръ, смотритъ и долженъ смотрѣть на папство, какъ на главный источникъ всѣхъ золъ въ мірѣ христіанскомъ; онъ долженъ бороться съ нимъ до послѣдней крайности и принимать за дѣйствіе Промысла все то, что направляется къ ослабленію его вліянія. Свѣтская власть, какъ всякой долженъ признать, составляетъ поддержку для власти духовной; потому протестантъ долженъ бороться съ тою и другою властію подъ однимъ именемъ. Невозможно, м. г., согласить двѣ вещи: протестовать противъ учрежденія и поддерживать его въ тоже время; развѣ только вопреки истинныхъ интересовъ истины и добра. Я не думаю, м. г., чтобы ваша цѣль была—вести своихъ единовѣрцевъ по пути, которымъ они, вѣроятно, откажутся итти.

Если бы разсужденія, которыя я изложилъ предъ вами, м. г., принадлежали протестанту, то можно было бы приписать ихъ духу партіи, или предубѣжденію; но я не принадлежу ни къ протестантской, ни къ римской церкви: я имѣлъ уже счастіе сказать вамъ, что я принадлежу къ церкви, которая, строго содержа все въ своемъ ученіи и устройствѣ, всегда умѣла настоящимъ образомъ цѣнить борьбу церквей западныхъ; итакъ я безпристрастно могу судить объ этомъ дѣлѣ.

До сего времени я изслѣдовалъ только второстепенную сторону поднятаго вами вопроса; вы позволите

мнѣ слѣдовать за вами и въ разрѣшеніи этого вопроса, предлагаемомъ вами.

Основательно ли вы, м. г., утверждаете, что отличительный характеръ церкви римской—начало авторитета. Я покажу вамъ, что начало ея—начало господства, котораго не нужно смѣшивать съ авторитетомъ, такъ какъ оно есть злоупотребленіе его. Вы основательнѣе сказали, что начало церкви протестантской—свобода. Но при этой теоріи, которую вы представляете, не возможно принять ваше мнѣніе о существованіи сихъ двухъ противоположныхъ началъ въ двухъ отдѣльныхъ церквахъ, которыя вы усиливаетесь соединить въ одну церковь. Какъ допустить законность этихъ двухъ противоположныхъ началъ, и вѣрить въ тождество двухъ обществъ, раздѣленныхъ между собой тѣмъ, что̀ положено въ самой основѣ ихъ существованія? Вы чувствуете невозможность согласить между собой эти два начала; и, отчаяваясь согласить эти двѣ крайности, прибѣгаете къ вымыслу общей христіанской церкви, которая совмѣщала бы въ себѣ всѣ частныя церкви. Но напрасно вы возобновляете эту отвлеченность, которую можно приложить къ христіанству, если разсматривать его, какъ чувство, и которая совершенно противоположна ему, если разсматривать его, какъ ученіе. Этотъ вымыслъ еще менѣе приложимъ къ христіанству, какъ собранію христіанъ. Это общее собраніе христіанъ образуетъ христіанство, но не церковь. Церковь—есть дѣйствительное общество, котораго существованіе условливается опредѣленнымъ ученіемъ, особенною организаціею; члены ея знаютъ другъ друга; они находятся между собой въ отношеніяхъ вѣрованія и чувства; они стремятся къ одной общей цѣли, при общихъ

средствахъ. Кто имѣетъ притязаніе принадлежать къ христіанству вообще, тотъ на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ни къ какой церкви. Это — религіозный космополитъ; онъ думаетъ, что онъ вездѣ дома, а на самомъ дѣлѣ онъ не дома нигдѣ. Лишь только этотъ кочующій (nomade) религіознаго міра вступитъ съ другимъ въ одинаковыя отношенія къ вѣрѣ и дѣятельности. какъ эти два христіанина образуютъ церковь, которая или будетъ отлична отъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ обществъ, или же сольется съ однимъ изъ нихъ. Религіозное разобщеніе еще болѣе невозможно, чѣмъ разобщеніе гражданское—общественное. Отвлеченное представленіе церкви есть ничто, если только оно не есть разобщеніе; а это послѣднее невозможно.

Если неоспоримо, съ точки зрѣнія гражданской, что человѣкъ созданъ для жизни общественной, то тѣмъ не менѣе неоспоримо, что онъ созданъ для жизни общественной въ религіозномъ отношеніи, т. е. для того. чтобы онъ принадлежалъ къ какой нибудь церкви. Церковь есть общество, члены котораго исполняютъ взаимныя обязанности и управляются законами, опредѣляющими ихъ отношенія. Это общество можетъ терпѣть мнѣнія, которыя не противорѣчатъ его догматамъ; оно можетъ, въ жизни общественной, допускать различныя степени и разнообразіе въ добрыхъ дѣлахъ; оно можетъ, въ области обрядности и дисциплины, дѣлать уступки мѣстнымъ обстоятельствамъ, частнымъ нуждамъ. Но оно никогда не позволитъ себѣ, подъ опасеніемъ собственнаго своего разрушенія, допустить и *да* и *нѣтъ* въ дѣлѣ Вѣры, допустить въ своихъ основныхъ законахъ начала противоположныя и взаимно противорѣчащія. Если оно будетъ такъ дѣйствовать, то пор-

вется всякая связь между его членами, невозможно будетъ единство, основа его бытія; власть будетъ миѳомъ; оно перестанетъ существовать; оно тотчасъ на самомъ себѣ почувствуетъ слово Спасителя: *всякое царство, раздѣлившееся само на себя, падетъ*. Такъ говорили — и совершенно логически—древніе отцы Церкви, которые внѣ единой, истинной Церкви Іисуса Христа видѣли только *секты*. Новѣйшая цивилизація ввела въ нравы терпимость и потому образъ выраженія обыкновенно нынѣ менѣе строгъ. Кромѣ церкви римской, которая имѣетъ свои причины не сообразоваться съ результатами цивилизаціи, всѣ общества христіанскія взаимно даютъ одно другому имя церкви; но всѣ они сознаютъ, что есть только одна Церковь правильно, или канонически организованная, которая и есть истинная христіанская Церковь; они думаютъ, что всѣ тѣ церкви, которыя не находятся въ общеніи съ этою Церковію, болѣе или менѣе далеки отъ апостольскаго устройства и вѣрованія. Когда говорятъ: христіанство, то этимъ означаютъ всѣ вообще церкви христіанскія, т. е. всѣ тѣ, которыя вѣруютъ въ Іисуса Христа; но очевидно подъ этимъ не разумѣютъ общества, управляемаго одинаковыми законами и соединеннаго единствомъ Вѣры. Итакъ всеобщая церковь—отвлеченное понятіе; его недостаточно, когда дѣло идетъ о разрѣшеніи практическихъ затрудненій, которыя волнуютъ міръ религіозный.

Въ виду двухъ церквей, римской и протестантской, взаимно отталкивающихъ одна другую, сколько вслѣдствіе противоположности ихъ началъ, столькоже и вслѣдствіе наслѣдственной ненависти, вамъ показалось недостаточнымъ ваше изобрѣтеніе отвлеченной, всеобщей

церкви. Такимъ образомъ, отвергая возможность соединенія, вы все таки стараетесь дать имъ совѣтъ сблизиться—дать взаимное обѣщаніе, что церковь римская допуститъ свободу, которой у ней нѣтъ, что церковь протестантская признаетъ отвергнутый ею авторитетъ (стр. 99). Это почти значитъ, что вы желаете видѣть существованіе отвлеченной церкви, которой идею вы составили. Къ несчастію, вы не указываете пути, который бы велъ къ желанному сближенію. Трудно противникамъ сдѣлать взаимныя уступки. Здѣсь нуженъ посредникъ, который бы пользовался довѣріемъ обѣихъ сторонъ и который бы постарался произвести сближеніе посредствомъ уступокъ разумныхъ и законныхъ, такихъ, которыя могли бы принять обѣ стороны.

Этого посредника, м. г., я вижу въ древности христіанской, въ устройствѣ первенствующей Церкви. Не говорите, что я предполагаю разрѣшить одно затрудненіе другимъ и что будетъ трудно одно неизвѣстное найти и разрѣшить посредствомъ другаго неизвѣстнаго. Начала, постановленія, духъ первенствующей Церкви такъ, какъ она существовала даже на Западѣ въ продолженіи очень многихъ вѣковъ, не такъ трудно открыть, какъ вы можете думать съ перваго раза. Ихъ можно найти, такъ сказать, съ перваго взгляда, когда будешь искать свѣта прямодушно и безъ предубѣжденій. Предубѣжденія, страсти, корысть преломляютъ лучи истины и препятствуютъ имъ освѣтить духъ нашъ; они пораждаютъ тысячи противорѣчащихъ одна другой мелочей, пораждаютъ тонкости и систематичныя теоріи, которыя искажаютъ истинныя начала, здравый смыслъ и исторію.

Первенствующая Церковь—фактъ; она принадлежитъ

исторіи; она обнаружила свое существованіе въ законахъ, въ своей общественной организаціи, въ своихъ вѣрованіяхъ; она оставила въ разныхъ мѣстахъ множество документовъ, которыхъ подлинность неоспорима; ее также легко узнать, какъ и общество французское въ самыя ближайшія историческія эпохи. Возвращеніе къ установленіямъ Церкви первенствующей есть условіе спасенія для западныхъ церквей. И кажется, что онѣ чувствуютъ это, хотя и смутно, потому что онѣ сдѣлали попытки въ этомъ родѣ, хотя и поверхностно.

Церковь римская старается возстановить древнюю архитектуру, древнее пѣніе, древнюю литургію, древніе обычаи: она такимъ образомъ старается облечь свою внѣшность древностію, или тѣмъ, что кажется древностію, хотя въ существѣ своего основанія придерживается новизны.

Церковь галликанская во всѣ времена показывала искреннюю любовь къ древности, и она сохранила драгоцѣнные ея остатки; но условія ея существованія въ нѣдрѣ церкви римской и политическія соображенія останавливали усилія, которыя она дѣлала въ очень многихъ случаяхъ,—чтобы возвратиться къ установленіямъ Церкви первобытной. Въ церкви англиканской до настоящаго времени замѣтно счастливое движеніе—поворота къ установленіямъ древней Церкви. Таковъ и долженъ быть результатъ изученія, основаннаго на памятникахъ древней Церкви.

Сама протестантская церковь стремится пересоздать себя на древнихъ основаніяхъ; но она остановилась на эпохѣ ближайшей — своихъ великихъ реформаторовъ; она думаетъ, что можетъ проникнуть до древности апо-

стольской, не принимая въ соображеніе первыхъ вѣковъ, которые оставили намъ вѣрное и полное свидѣтельство о ней. Отыскивая духъ, жизнь, идею христіанской древности, церковь протестантская нисколько не цѣнитъ формы, внѣшняго развитія; а это дѣлаетъ предметъ изслѣдованій неуловимымъ, потому что духъ и жизнь открываются только въ дѣйствіи, составляющемъ ихъ форму.

Эти стремленія къ древнему устройству Церкви показываютъ, что церкви западныя, не смотря на ихъ разномысліе, чувствуютъ, что онѣ потеряли его и что не могутъ безнаказанно оставаться лишенными его. Въ самомъ дѣлѣ, первый и самый худшій результатъ этой потери состоитъ въ недостаткѣ гармоніи между началомъ авторитета и началомъ свободы, началами, которыя составляютъ существенное условіе всякаго нормальнаго существованія. Въ природѣ они уравниваютъ сжиманіе и расширеніе, движеніе и направленіе; въ человѣкѣ — истину съ убѣжденіями, законъ съ волей, совѣсть съ чувствомъ. Свобода и авторитетъ—это начала существенныя въ каждомъ обществѣ. Безъ авторитета не будетъ ни порядка, ни твердости; безъ свободы не будетъ жизни и усовершенствованія. Равновѣсіе между этими двумя началами дѣлаетъ жизнь правильною, прогрессъ — дѣйствительнымъ.

Христіанская Церковь, какъ общество и какъ образецъ всякаго общества, получила въ удѣлъ эту гармонію, которая есть результатъ нормальнаго дѣйствія авторитета и свободы. Основаніе ей положилъ ея Божественный Основатель. Сообщая людямъ истину, Онъ требуетъ свободнаго ея пріятія. Чтобы показать, сколь-

ко права на уваженіе имѣетъ данная имъ свобода. Онъ представилъ въ пользу истинъ, которыя Онъ возвѣстилъ, доказательства, которыя дѣлаютъ эти истины достойными пріятія даже въ томъ, что есть въ нихъ божественнаго и непостижимаго.—Обязывая людей слѣдовать своимъ заповѣдямъ, Онъ самъ первый осуществилъ ихъ на дѣлѣ; ниспосылая, по своей благодати, сверхъестественную помощь слабости человѣческой, Онъ далъ этимъ человѣку средство возвратиться къ той первобытной свободѣ, которую онъ потерялъ, сдѣлавшись рабомъ грѣха; Онъ попустилъ также, чтобы человѣкъ могъ и противиться дѣйствію божественной помощи.

Въ жертвѣ искупленія мы видимъ высочайшій примѣръ того, какъ авторитетъ возстановляется при посредствѣ свободы, направляемой послушаніемъ. Спаситель, основатель Церкви, призывалъ всѣхъ людей участвовать въ этой жертвѣ; свой авторитетъ Онъ передалъ ученикамъ своимъ, которые и пользовались имъ въ обществѣ, образованномъ свободно и связанномъ единодушіемъ и любовію. Авторитетъ, дѣйствующій во имя Спасителя, есть бремя легкое, потому что источникъ его въ любви и самоотверженіи. Кромѣ этихъ качествъ, которыми отличается божественный авторитетъ, переданный апостоламъ, которыя составляютъ основаніе его, Божественный Учитель указалъ условія, при которыхъ предстоятели Его Церкви должны были имъ пользоваться. Чтобы этотъ авторитетъ принимали свободно, онъ долженъ основываться на преданіи и быть соборнымъ. Такимъ образомъ авторитетъ, вытекая изъ преданія, и восходя посредствомъ его къ божественному источнику, облеченъ величественнымъ и непогрѣшимымъ характеромъ. Съ другой стороны, какъ автори-

тетъ соборный, онъ чуждъ всякаго частнаго интереса, несправедливости, господства. Самый свободный человѣкъ можетъ сказать самъ себѣ: я могу подчиниться этому авторитету, потому что здѣсь повелѣваетъ Богъ; сторона человѣческая, которую я здѣсь вижу, не оскорбляетъ и не унижаетъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, произвола здѣсь не можетъ быть, и авторитетъ этотъ, въ существѣ своемъ, есть голосъ Церкви, которой я—живой и свободный членъ.

Въ силу этихъ намѣреній Божіихъ и имѣя въ виду развитіе и твердое положеніе Церкви въ будущемъ, апостолы пользовались авторитетомъ всѣ обща. Замѣтимъ, что и каждый изъ нихъ по своему духовному просвѣщенію и по своимъ сверхъестественнымъ дарованіямъ могъ быть руководителемъ всей Церкви. Но апостолы, вѣрные мысли Господа, рѣшали дѣла не только по взаимному согласію, но и по согласію со всѣми другими учениками Іисуса Христа, и они-то установили соборы, которые сдѣлались представителями соборной церковной власти. Отсюда основательно можно сказать, что устройство общества христіанскаго есть въ существѣ своемъ—соборное.

Первый соборъ, который держали апостолы въ Іерусалимѣ, покажетъ вамъ, м. г., справедливость предшествующихъ разсужденій объ образѣ проявленія авторитета въ первенствующей Церкви. Этотъ св. соборъ послужилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ. На немъ дѣло шло, какъ вы знаете, о принятіи язычниковъ въ Церковь христіанскую. По этому предмету подняты были споры, сомнѣнія: неразумная ревность, гордость, прикрытая маской вѣрности древнему закону, возбудили смятеніе, которое

клонилось къ тому, чтобы отнять у христіанства его характеръ всеобщности и ограничить его тѣсными предѣлами іудейства. Авторитетъ одного апостола, хотя онъ былъ первый между апостолами, не разрѣшилъ этого вопроса. Ученіе другаго апостола, особенное назначеніе котораго было—приводить въ Церковь Христову необрѣзанныхъ, показалось недостаточнымъ. А поднятый вопросъ занималъ всю Церковь; предразсудки и страсти затрудняли его разрѣшеніе. Тогда обратились къ авторитету всей Церкви; онъ-то и просвѣтилъ однихъ, заставилъ умолкнуть другихъ и умиротворилъ общество христіанское.

Въ своей „Исторіи цивилизаціи“ вы проповѣдуете теорію совершенно противоположную олицетворенію авторитета въ одномъ человѣкѣ,—вы говорите, что христіанская Церковь въ первую эпоху своего существованія была демократическою и что она приняла правленіе монархическое уже по прошествіи епископальнаго періода, который вы называете аристократическимъ. Это сравненіе управленія Церковію съ разными формами человѣческаго правленія очень ошибочно. Церковь отличается отъ обществъ по своему началу, по своей цѣли, по своему духу, по своимъ средствамъ. Ваше сравненіе кромѣ того заражено натурализмомъ, который раздѣляетъ, кажется, то мнѣніе, что церковный авторитетъ обязанъ происхожденіемъ своимъ человѣческому смыслу. Наконецъ исторія не подтверждаетъ вашей теоріи. Достаточно прочитать отрывокъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, въ которомъ говорится о соборѣ апостольскомъ, чтобы видѣть, что члены этого собора вовсе не были равны между собою, что были различные разряды между ними: сначала разрядъ апо-

столовъ, потомъ—священниковъ. или старцевъ, которые не были *представителями* вѣрныхъ, но засѣдали на соборѣ отъ ихъ имени—вслѣдствіе посвященія, полученнаго ими; наконецъ разрядъ самихъ вѣрныхъ, или *братій*, какъ говоритъ св. Писатель. Тѣже самые разряды упомянуты, какъ видите, и въ началѣ опредѣленія, составленнаго на соборѣ и посланнаго ко всей Церкви. Если послѣдуемъ мы за соборомъ въ его разсужденіяхъ и обратимъ вниманіе на то, какое участіе принимаетъ каждый членъ въ рѣшеніи этого вопроса, то мы прежде всего отличимъ тѣхъ, которые ожидаютъ опредѣленія съ полною готовностію подчиниться автоPитету; это большинство вѣрующихъ. Другіе представляютъ свои мнѣнія и замѣчанія для проясненія вопроса, приготовляютъ такимъ образомъ матеріалъ для его рѣшенія; это сотрудники апостоловъ въ проповѣди евангелія, пресвитеры, или старцы, и безъ сомнѣнія также нѣкоторые вѣрующіе, отличавшіеся духовными дарами, данными имъ Богомъ, или высотою своего характера, или ревностію; третіе, наконецъ, принимая въ соображеніе вѣру, хранимую въ обществѣ христіанскомъ, а также замѣчанія и мнѣнія принимавшихъ участіе въ преніи и проникнутыхъ тою же вѣрою, произносятъ судъ и постановляютъ рѣшеніе. Въ этомъ опредѣленіи, кромѣ того, видно новое начало; мы видимъ, что надъ всѣми земными началами паритъ невидимый дѣятель, Духъ Святый, который и кладетъ на новое опредѣленіе печать свѣта, силы, порядка, единства и мира.

Духъ Святый возводитъ опредѣленія, по видимому человѣческія, къ ихъ Божественному источнику и авторитетъ, дѣйствующій въ людяхъ, облекаетъ характе-

ромъ непогрѣшимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствіяхъ этого Божественнаго Дѣятеля видны дѣйствіе и авторитетъ Христа, который заслужилъ Церкви Святаго Духа и который передалъ апостоламъ свой авторитетъ, какъ слѣдствіе искупленія.

Авторитетъ церковный, если разсматривать его при свѣтѣ ученія евангельскаго и исторіи, въ началѣ не былъ ни демократическимъ, ни аристократическимъ, ни монархическимъ. Эти свойства, которыми вы обозначили его въ сочиненіи, всего болѣе содѣйствовавшемъ вашей литературной извѣстности, вовсе не приличны ему. Онъ божественъ самъ по себѣ и долженъ быть обнаруживаемъ соборнымъ образомъ, всѣми учителями Церкви, при содѣйствіи и отъ имени Церкви,— въ силу значенія, которое дѣлаетъ ихъ представителями Іисуса Христа. Одушевляющій Церковь, Духъ Святый поддерживаетъ чрезъ него пастырей Церкви, которые не могутъ имѣть другаго притязанія, какъ только быть Его органами, Его служителями. Такимъ образомъ Церковь добровольно принимаетъ то, что опредѣляютъ ея пастыри,—потому что ихъ устами говоритъ этотъ самый авторитетъ.

Святый апостолъ Павелъ сравниваетъ устройство Церкви съ устройствомъ тѣла человѣческаго; всѣ члены тѣла слѣдуютъ направленію, какое даетъ ему голова, т. е. побужденіямъ разума и воли; но эти послѣднія, въ свою очередь, принимаютъ въ разсчетъ состояніе и назначеніе каждаго члена и не совершаютъ ничего безъ ихъ содѣйствія. Эта гармонія есть слѣдствіе единства жизни и направленія. Точно также и въ Церкви, которая устроена органически, авторитетъ чуждъ владычества,—повиновеніе свободно отъ всякаго принужде-

нія; одинъ и тотъ же духъ одушевляетъ и пастырей и пасомыхъ.

Если ваша система о преемственныхъ перемѣнахъ управленія церковнаго справедлива,—то слѣды этихъ перемѣнъ видны были бы въ исторіи. Но, м. г., исторія первыхъ 8 вѣковъ оставила намъ значительныя свидѣтельства о томъ, что авторитетъ церковный всегда обнаруживался одинаково; что общія церковныя дѣла всегда опредѣлялись и рѣшались взаимнымъ содѣйствіемъ апостольскихъ преемниковъ,—т. е. епископами, при помощи пресвитеровъ, предъ лицомъ Церкви и съ согласія вѣрующихъ.

Правда, что когда число вѣрныхъ возрасло, то не возможно стало имъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Церкви; но ихъ представляло извѣстное число людей знаменитыхъ, особенно чиновники гражданскаго управленія и сами главы этого управленія. Отсюда произошли для императоровъ права—участвовать въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ.

Я счелъ долгомъ, м. г., довольно долго остановиться на разсужденіи о существѣ церковнаго авторитета потому, что вы говорили о немъ, не давши о немъ точнаго понятія. Вы оставили его въ состояніи отвлеченности, какъ и вашу идею объ общей церкви. Послѣ того, какъ я опредѣлилъ существо его, я хочу теперь показать вамъ, что церковь римская слишкомъ извратила его, измѣнивъ его на господство, и что церковь протестантская не приняла его въ разсчетъ и слишкомъ поддалась духу свободы.

Въ теченіи первыхъ вѣковъ Церкви часто порицали основанный на преданіи и соборный авторитетъ Церкви и часто нападали на него. Если мы обратимся къ

источнику сопротивлений, обнаруживавшихся тогда, то мы увидимъ тоже самое чувство, которое произвело первое возстаніе на Бога и которое было причиной перваго грѣха: это—гордость, которая побудила человѣка сопротивляться Богу. Гордость ума побуждаетъ человѣка становиться выше божественнаго откровенія, или по крайней мѣрѣ усвоить себѣ истолкованіе его; гордость сердца ведетъ къ господству и отрицанію любви; этотъ порокъ былъ источникомъ всѣхъ ересей и всѣхъ раздѣленій. Такъ судили объ этомъ апостолы, первые носители Божественнаго авторитета (2 Кор. 10, 5. 2 Петр. 2, 10). Къ гордости примѣшивались корысть и чувственность; впрочемъ на нихъ надобно смотрѣть, какъ на второстепенную причину раздѣленій, опустошавшихъ Церковь; если они не подчинялись вліянію болѣе могущественной страсти, то не могли произвесть ничего сильнаго и твердаго, продолжительнаго.

Были, конечно, уклоненія въ слѣдствіе слабости ума человѣческаго, который, по своей ограниченной природѣ, естественно способенъ къ безконечнымъ измѣненіямъ. Христіанскій авторитетъ всегда принималъ въ соображеніе это свойство, которое по отношенію къ уму человѣческому есть необходимость его природы: онъ никогда не осуждалъ разномыслія въ предметахъ, которыхъ Богъ не открылъ ясно и положительно. Законныя разномыслія, какова бы ни была ихъ важность, не происходятъ отъ гордости и возстанія на Бога, потому что они не противорѣчатъ Его слову, но суть слѣдствія дѣятельности разума, который не противоположенъ божественному откровенію и преданіямъ, вѣрно соблюдаемымъ Церковію. Любовь къ истинѣ возбуждаетъ эти разномыслія, и эта любовь, соединенная съ смиреніемъ

и благорасположенностію къ ближнимъ, вводитъ эти частныя мысли въ великій потокъ вселенскаго ученія.

Мнѣ кажется, м. г., что считая разнообразіе убѣжденій условіемъ существованія людей на землѣ (стр. 9), вы слишкомъ мало принимаете въ расчетъ единство, которое составляетъ основаніе и законъ и мысли и жизни человѣческой. Согласіе этихъ двухъ законовъ видно сколько во внѣшней природѣ и въ нашихъ чувствахъ, столькоже и въ отправленіяхъ нашей познавательной и чувствовательной способностей.

Необходимый элементъ всякой жизни — разнообразіе составляетъ только случайную сторону ея и его источникъ заключается въ тѣхъ особенностяхъ, какія сообщаютъ обстоятельства времени, нравы, умственные успѣхи. Единство, напротивъ, есть основаніе дѣйствительности, твердости, порядка. Разномысліе, доведенное до крайности, есть отверженіе истины, убѣжденій и душевнаго мира.

Если къ этимъ общимъ разсужденіямъ, что христіанство есть фактъ, прибавимъ, что его ученіе есть откровеніе, что Основатель Церкви имѣлъ въ виду единство, что Іисусъ Христосъ для достиженія единства далъ самыя дѣйствительныя средства,—что это единство существовало; то должно быть очевидно, что не нужно ни отвергать единства, ни отчаяваться въ его осуществленіи. Согласіе до извѣстной степени возможно даже въ предметахъ мірскихъ, въ наукѣ напр., въ жизни общественной; зачѣмъ же отрицать его возможность въ предметахъ болѣе важныхъ, въ предметахъ божественныхъ, въ христіанскихъ убѣжденіяхъ? Религіозныя и нравственныя начала владычествуютъ надъ всѣмъ міромъ; первоначальныя стремленія нахо-

дятся въ существѣ всѣхъ душъ; силы человѣческія управляются одними и тѣми же законами. Зачѣмъ же отрицать безусловно согласіе, общность, единство? Если приложить скептицизмъ къ наукѣ, разумъ умретъ; если приложить его къ религіознымъ убѣжденіямъ, то опасность будетъ угрожать спасенію. Но начало разнообразія въ убѣжденіяхъ, если допустить его въ такомъ видѣ, какъ допустили вы, м. г., ведетъ къ скептицизму. Богъ есть начало единства, и чѣмъ больше приближаются къ Нему, тѣмъ легче единеніе; чѣмъ больше удаляются отъ Него, тѣмъ болѣе теряются въ разномысліи. Кажется, м. г., что вы считаете Церковь похожею на вавилонское столпотвореніе, между тѣмъ какъ одна вѣрно знаменуется Тайною Вечерію. Не нужно смѣшивать этихъ двухъ предметовъ. Первый выражаетъ смѣшеніе гордости, которая искала единства самодѣльнаго, внѣшняго, принудительнаго, противнаго волѣ Божіей; второй,—показываетъ, распространяетъ и сохраняетъ единство божественное, дѣйствительное, свободное, при помощи законнаго и необходимаго разнообразія.

Изъ этого слѣдуетъ, что нужно допустить существованіе Церкви, какъ дѣйствительности, а не отвлеченнаго понятія, что откровенное ученіе есть догматъ, а не мнѣніе, что авторитетъ есть право, а не злоупотребленіе; но разнообразіе безъ единства разрушаетъ и Церковь и ученіе и авторитетъ. Вы, м. г., мнѣ кажется, допускаете и первое и третье положенія.

Нападенія, направленныя противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Церкви, противъ многихъ ея догматовъ, менѣе важны и менѣе опасны, чѣмъ нападенія, направленныя противъ ея устройства. При помощи правиль-

ныхъ дѣйствій своего авторитета ей легко восторжествовать надъ врагами ея ученія. Догматическія заблужденія можно сравнить съ мѣстными болѣзнями; они касаются только оконечностей, не касаясь общей экономіи жизни; для излеченія ихъ можно даже отрубить больной членъ. Не то бываетъ, когда смертоносное начало охватываетъ весь организмъ; дѣйствіе его можетъ быть медленно, но оно—смертельно. Точно тоже бываетъ, когда обезображено и ниспровергнуто устройство Церкви. Сохраненіе ученія находится въ опасности; это сокровище сохраняется точно при гармоніи установленій; начало авторитета, сдвинутаго съ мѣста, слабѣетъ.

Покушенія римскаго епископа сосредоточить въ себѣ всю вселенскую Церковь,—особенно заключали въ себѣ это опасное стремленіе къ разрушенію всего устройства Церкви. Съ цѣлію—воплотить въ одномъ себѣ авторитетъ, онъ отвергъ соборный авторитетъ Церкви; стремясь къ обладанію преданіемъ, онъ сдѣлалъ его подозрительнымъ; сосредоточивая единство въ своемъ лицѣ, онъ нанесъ смертельный ударъ свободѣ. Отсюда авторитетъ сдѣлался властію, потомъ переродился въ господство и наконецъ превратился въ деспотизмъ. Римскій епископъ дошелъ даже до такой мысли, что его мнѣніе — догматъ и что его воля равносильна закону; онъ сказалъ: „церковь—это я.“ Вслѣдствіе этого не только міряне, но и епископы лишились всякаго вліянія на жизнь и управленіе церкви и—всякаго въ этомъ участія.

Не вдругъ достигъ папа той степени власти, господства, которые вы, м. г., кажется смѣшиваете съ авторитетомъ. Попытки его были многочисленны и разнообразны. Предлогомъ къ господству онъ выставлялъ

сначала важность того города, гдѣ былъ престолъ его; онъ старался напомнить о св. апостолахъ, которые насадили здѣсь слово Евангелія; онъ стремился къ господству—сначала надъ частными церквами, чтобы мало по малу истребить соборный авторитетъ Церкви и присвоить его себѣ. Споры его съ церквами азійскими и африканскими могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго мною. Но въ это время понятіе объ истинномъ христіанскомъ авторитетѣ было такъ ясно, привязанность къ истинной христіанской свободѣ такъ велика, что всѣ части Церкви поднялись на защиту ихъ, и отступникъ долженъ былъ возвратиться къ порядку. Эпоха преслѣдованій не благопріятствовала созыванію вселенскихъ соборовъ; но ревность пастырей Церкви нашла возможными помѣстные соборы, которые и боролись со зломъ, грозившимъ той, или другой части Церкви и помогали ей въ ея нуждахъ. Когда опасность грозила всей Церкви, помѣстные соборы сообщали взаимно одинъ другому свои опредѣленія, и эти опредѣленія принимали характеръ всеобщности. Папа, какъ и всякій другой епископъ, подчинялся этому каноническому порядку, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы сказали выше, поддавался начинавшему возникать честолюбію, которое впрочемъ не имѣло тогда большихъ послѣдствій.

Мы приблизились къ эпохѣ, когда Церковь пріобрѣла внѣшнюю свободу — эпохѣ вселенскихъ соборовъ. Мы замѣчаемъ здѣсь тѣже самыя попытки—со стороны римскаго епископа, — присвоить себѣ церковный авторитетъ — и тѣже самыя неудачи до того времени, пока онъ не разорвалъ связи съ вселенской Церковію.

Получивъ свободу съ начала 4 вѣка, Церковь выка-

зала всѣ свои силы и ея авторитетъ проявился ясно. Въ продолженіи 5 вѣковъ, слѣдовавшихъ за временами гоненій, собирались соборы вселенскіе, которые совершенно организовали Церковь. Вы такъ знаете исторію, что я оскорбилъ бы васъ, если бы хоть одну минуту сталъ разсматривать мнѣнія новѣйшихъ римскихъ богослововъ, будто папа созывалъ вселенскіе соборы, будто онъ предсѣдательствовалъ на этихъ св. соборахъ или лично, или посредствомъ своихъ посланниковъ; будто папское утвержденіе давало каноническую силу соборамъ. Богословы церкви галликанской давно уже отдали справедливость этой ошибочной системѣ: достаточно поименовать Боссюета. Римскіе епископы такъ мало участвовали въ созваніи соборовъ, что нѣкоторые напр. изъ нихъ созывались даже безъ ихъ вѣдома; таковъ первый константинопольскій вселенскій соборъ. Другіе соборы извѣщали папъ о своемъ собраніи тогда уже, какъ они были собраны: таковъ пятый вселенскій соборъ. Наконецъ исторія свидѣтельствуетъ, что римскій епископъ принималъ меньше участія въ созваніи соборовъ, чѣмъ епископы восточные. Причина этого очень проста: нужды Церкви и ея опасности живѣе чувствовались въ Александріи и въ Константинополѣ, чѣмъ въ Римѣ. Заботясь ревностно о вліяніи на своихъ собратій, или лучше о подчиненіи ихъ, св. Левъ хотѣлъ собрать вселенскій соборъ въ Италіи и много настаивалъ на этомъ предъ императоромъ Ѳеодосіемъ; но его старанія остались тщетны. Въ другой разъ папа Вигилій, не соглашавшійся на необходимость собора вселенскаго, не хотѣлъ принимать въ немъ никакого участія; но хотя папа и противился, а все таки онъ принужденъ былъ присоединиться къ собору.

Вопреки римской теоріи о видимомъ, личномъ и неподвижномъ центрѣ Церкви, этотъ центръ обнаруживался по обстоятельствамъ то въ той, то въ другой части Церкви: онъ никогда не былъ ни личнымъ, ни неподвижнымъ. Церковь устроена по образу Божію; а Богъ не имѣетъ центра, или лучше, Онъ—всеобщій центръ, соединяющій въ Себѣ точки всеобщаго круговращенія. Богъ можетъ дѣйствовать и являться, когда Ему угодно и гдѣ Ему угодно: точно также и Церковь проявляетъ свою власть свободно, въ данную минуту, въ мѣстѣ, которое кажется ей приличнымъ. Если обстоятельства обыкновенны, нормальны, существованіе духовнаго тѣла Христова, сила благодати Божіей, одушевляющая его, находятся, такъ сказать, въ скрытомъ положеніи; ея дѣйствіе не замѣтно и почти неуловимо; таковъ законъ правильной жизни. Но если одной изъ ея частей угрожаетъ опасность, если нужда съ какой нибудь стороны даетъ себя чувствовать, тогда ея силы сосредоточиваются; они обнаруживаются или для того, чтобы одолѣть препятствіе, или чтобы выдержать борьбу, или чтобы направлять движеніе. Эта подвижность церковной дѣятельности открывается со всею очевидностію въ различіи мѣстъ, какія избираемы были вселенскими соборами для своего собранія: пастыри вселенской церкви собирались то въ Никеѣ, то въ Константинополѣ, то въ Ефесѣ, то въ Халкидонѣ. Она открывается также въ различіи лицъ, двигавшихъ и руководившихъ соборами. Антіохія дала Евстаѳія, Александрія—Аѳанасія, или Кирилла, Нисса—Григорія, Кордова—Осію, Римъ—Льва, Константинополь—Анатолія, или Тарасія.—Духъ Божій, одушевлявшій Церковь, не стѣснялъ ея свободы; Онъ

сообщалъ свои дары тому, кому Ему было угодно и въ такой мѣрѣ, въ какой Ему было угодно.

Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что предсѣдательство папы, которымъ будто бы онъ былъ облеченъ на вселенскихъ соборахъ,—чистая выдумка. Да и могъ ли папа предсѣдательствовать на соборахъ, когда его важность изчезала предъ равенствомъ голосовъ всѣхъ другихъ епископовъ, которые пользовались этимъ равенствомъ въ качествѣ апостольскихъ преемниковъ и свидѣтелей Вѣры, основанной на преданіи всѣхъ знаменитыхъ церквей. Наконецъ исторія совершенно отвергаетъ мысль, будто папы предсѣдательствовали на соборахъ.

Если знаніе актовъ вселенскихъ соборовъ важно для богослова, или для законовѣда, то оно не менѣе важно и для историка. Вы, вѣроятно, изслѣдовали, м. г., образъ соборныхъ засѣданій, духъ, который одушевлялъ ихъ, опредѣленія и правила, которыя составлены на нихъ; вы замѣтили также, что они ввѣряли церковный авторитетъ собору епископовъ, что не думали по-римски объ образѣ проявленія этого авторитета; что они предоставили большое поприще для свободы въ предметахъ сомнительныхъ, второстепенныхъ, внѣшнихъ.

Ваши занятія безъ сомнѣнія показали вамъ рядъ попытокъ, которыя дѣлали римскіе епископы, чтобы захватить въ свои руки власть надъ всею Церковію и лишить Церковь свободы, — начиная отъ высокомѣрныхъ словъ легатовъ св. Льва и — отказа Вигилія; видѣли вы и то, что ихъ покушенія падали предъ дѣйствительнымъ авторитетомъ Церкви и предъ свободою, которою пользовался каждый ея пастырь. Но я не могу при этомъ случаѣ удержаться, чтобы не при-

весть вамъ превосходныхъ словъ отцовъ ефесскаго собора патріарху антіохійскому, когда тотъ вмѣшивался въ права церкви кипрской: „да не преступаются правила отцовъ нашихъ; да не проникнетъ надменность мірской власти подъ покровомъ священнослуженія, и да не утратимъ мы мало по малу и незамѣтнымъ образомъ свободу, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель людей, пріобрѣлъ намъ цѣною своей крови“ (Прав. 8). Позвольте, м. г., напомнить вамъ также слова, съ которыми отцы собора карѳагенскаго (426 г.) обратились къ папѣ Целестину, который покушался на свободу ихъ суда и съ этого цѣлію послалъ туда своего легата Фаустина: „соборъ никейскій нашелъ основательнымъ и справедливымъ, чтобы возникающія дѣла, какого бы рода они ни были, рѣшались на мѣстахъ, гдѣ они возбуждены; потому что отцы думали, что благодать Святаго Духа не чужда ни какой области, что она помогаетъ пастырямъ Христовымъ узнавать правду и проявлять ее вѣрно, и что особенно въ случаѣ недовольства опредѣленіемъ судей первыхъ, позволено каждому подавать аппелляцію собору провинціальному, или даже вселенскому. Найдется ли человѣкъ на столько простой, чтобы думать, что Господь нашъ помогалъ судить вѣрно *единственному* судьѣ и чтобы Онъ отказалъ въ этомъ безчисленнымъ пастырямъ, собраннымъ на соборѣ? Мы не знаемъ ни одного опредѣленія ни на одномъ соборѣ отцовъ, которое было бы утверждено легатами, посланными отъ (a latere) вашего святѣйшества. Поэтому мы просимъ васъ не посылать съ извѣстными требованіями нѣкоторыхъ изъ вашихъ духовныхъ лицъ въ качествѣ *слѣдственныхъ судей* и не допускать этого, чтобы не показалось, что мы вводимъ въ Цер-

ковь Христову притязанія мірскаго честолюбія“ (Pandect. can. Beverg. tom. I. p. 765 и 768).

Въ послѣдствіи времени по причинѣ прирожденнаго духу человѣческому стремленія къ лучшему и вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ постановлены правила для улучшенія взаимныхъ отношеній и отправленія дѣлъ церковныхъ. Мѣстныя церкви группировались около другихъ, болѣе видныхъ по своей географической, или гражданской важности. Обычай и практика предшествовали здѣсь закону. Соборы признали этотъ порядокъ, не возводя его къ праву божественному, а распредѣлили такъ по праву человѣческому, которое подлежитъ измѣненіямъ. Такъ какъ государство уважало Церковь и покровительствовало ей, то эта послѣдняя, въ признательность и въ интересахъ порядка, хотѣла стать въ соотвѣтствіе съ политическимъ раздѣленіемъ страны. 4-й вселенскій соборъ ясно сказалъ: „городъ, почтенный въ грамотахъ царскихъ именемъ митрополіи, долженъ пользоваться этою честію, и епископъ, управляющій имъ, пользуется правами, свойственными митрополиту“ (Прав. 12). Двадцать седьмое правило тогоже собора еще болѣе расширило это начало и утвердило его на будущее время: „если городу дана, или въ послѣдствіи дана будетъ власть царская, то округи церковные должны быть въ соотвѣтствіи съ раздѣленіемъ гражданскимъ и политическимъ.“

Вслѣдствіе этого правила установлены были церковныя митрополіи, экзархатства и патріаршества, такъ сказать мѣстные центры для церковныхъ дѣлъ. Но вовсе несправедливо видѣть здѣсь начало монархической формы въ церковномъ управленіи. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на тотъ родъ отношеній между пасты-

рями частныхъ церквей къ митрополитамъ и патріархамъ, который установленъ этимъ правиломъ, чтобы убѣдиться, что все это только форма, что единоличная власть совершенно исключается, что этотъ порядокъ установленъ былъ съ одною цѣлію — дать каждому участіе въ управленіи Церковію. Митрополитъ ничего не могъ дѣлать безъ дѣйствительнаго содѣйствія своихъ со-епископовъ; законная аппелляція на его произволъ подавалась и собору частному и собору вселенскому. Власть никогда не была сосредоточена въ немъ; она всегда находилась въ соборномъ дѣйствіи всѣхъ епископовъ, представителей Церкви. Правда, епископы самыхъ важныхъ городовъ были какъ-бы инстанціей между соборами провинціальными и соборами вселенскими; таковы: римскій епископъ въ силу третьяго канона сардикійскаго собора и епископъ константинопольскій въ силу четвертаго правила халкидонскаго собора; они пользовались этимъ преимуществомъ; но эти же правила ясно говорятъ, что посредничество этихъ епископовъ условливалось личными ихъ качествами и что эта власть вовсе не составляетъ положительнаго права, основаннаго на авторитетѣ, которымъ они были облечены. Такимъ образомъ свобода была сохранена вполнѣ. Чтобы намъ опять не возвращаться къ этому,—повторимъ еще: такъ какъ высшая власть сосредоточена на вселенскомъ соборѣ, предъ которымъ всѣ — низшіе, то свобода и авторитетъ Церкви остаются неприкосновенны. Чтобы видѣть, какъ разнорѣчащіе голоса были приводимы къ согласію, нужно припомнить тѣ отлученія и осужденія, которымъ подвергались самые могущественные патріархи со стороны вселенскихъ соборовъ. Не смотря на всю хитрость защитниковъ чрез-

вычайныхъ преимуществъ папскихъ, исторія показываетъ намъ, что многіе папы осуждены вселенскими соборами, и одинъ изъ лучшихъ папъ питалъ такое уваженіе къ опредѣленіямъ соборнымъ, что сравнивалъ ихъ съ Евангеліемъ (См. Oeuvres de S. Gregoire le Grand et l'Hist. Eccl. de Fleury, liv. XXXV. c. XIII).

И однакожъ эти-то почести патріаршескія и служили точкой отправленія и средствомъ для развитія неограниченной власти въ Церкви.

И восточные патріархи подвержены были страсти честолюбія, но частыя сношенія всѣхъ епископовъ между собою, уваженіе къ соборнымъ правиламъ, какое всегда питалъ востокъ, представляли непреодолимыя препятствія ихъ господству. Такимъ образомъ мы видимъ слѣды ихъ покушеній на свободу и авторитетъ Церкви только въ пустыхъ титлахъ нѣкоторыхъ патріарховъ. Такъ патріархъ константинопольскій до настоящаго времени носитъ титулъ вселенскаго, — александрійскій—титулъ судіи вселенскаго; но все это и ограничивается только словами.

Патріархъ римскій не удовольствовался этими титулами: при постоянной твердости и при помощи обстоятельствъ онъ достигъ владычества надъ тою частію Церкви, гдѣ онъ пользовался своими патріаршескими преимуществами.

Кромѣ непоколебимаго постоянства, какое обнаруживали римскіе епископы въ дѣлѣ присвоенія власти въ Церкви христіанской,—перемѣнѣ патріаршескихъ почестей на господство помогли еще очень многія обстоятельства. Если греки, столь ревностно заботившіеся о своей независимости, такъ высоко мечтали о древней столицѣ міра, что назвали восточную столицу римской

имперіи *новымъ* Римомъ, то какое суевѣрное уваженіе должны были питать къ ней народы западные, полные воспоминаній о геройскихъ подвигахъ римлянъ? Хотя это уваженіе и не спасло Римъ ни отъ униженія, ни отъ завоеваній въ эпоху великаго движенія народовъ сѣвера,—но перемѣны вѣчнаго города не могли изхитить у него ореола, украшавшаго его чело. Онъ былъ идоломъ развѣнчаннымъ и брошеннымъ въ грязь, но которому все еще покланялись.

Если Римъ языческій оставался въ воображеніи новѣйшихъ народовъ не болѣе, какъ славнымъ воспоминаніемъ, то Римъ христіанскій пріобрѣлъ дѣйствительное значеніе. Послѣ того, какъ Константинополь сдѣлался столицей имперіи, римскіе епископы сдѣлались лицами политическими, совѣтниками кесарей, хранителями ихъ власти, посредниками между восточными императорами и ихъ итальянскими подданными; наконецъ покровителями вѣчнаго города, предстателями за него предъ дикими завоевателями. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ слабѣла на западѣ власть императора, видимо возрастало могущество римскаго епископа. Папы первыхъ семи вѣковъ смотрѣли на это исключительное положеніе болѣе, какъ на тяжесть, не извлекая изъ него никакой пользы для честолюбивыхъ видовъ. Исторія сохранила ихъ жалобы на это. Не смотря на то, значеніе это, обязанное своимъ происхожденіемъ обстоятельствамъ, очень много содѣйствовало увеличенію ихъ духовной власти. Міръ вообще не умѣлъ еще отличать различныхъ родовъ власти, онъ не возводилъ ея къ источнику и могъ смѣшивать власть въ самой себѣ съ ея проявленіемъ.

Другое обстоятельство, еще болѣе и прямѣе содѣй-

ствовавшее увеличенію могущества папскаго, было то, что во могихъ странахъ западной Европы, вѣра христіанская была насаждена, или возстановлена папскими миссіонерами. Этимъ способомъ церковь, которая, на западѣ, могла хвалиться своимъ апостольскимъ происхожденіемъ и которой это титло давало уже высокое значеніе, увеличилась еще болѣе посредствомъ своихъ миссій. Епископъ римскій, первый пастырь на западѣ, пріобрѣлъ очевидныя права на отчество въ Вѣрѣ, истинно сдѣлался папой, или отцомъ по преимуществу для церквей, которыя ему обязаны были своимъ существованіемъ. Мы не похвалили бы римскаго епископа, если бы онъ ко всему западу обратился съ словами ап. Павла къ коринѳянамъ: *аще и многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы*; *о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. 4, 15). Такія слова въ устахъ папы были бы слишкомъ преувеличены, потому что очень многія страны западной Европы имѣли первыми проповѣдниками Евангелія миссіонеровъ восточныхъ. Но немногія церкви помнили свое восточное происхожденіе, кромѣ впрочемъ церкви въ Великобританіи, которая съумѣла противопоставить свои первоначальныя преданія преданіямъ Рима, принесеннымъ туда Августиномъ младшимъ. Итакъ можно сказать, что на Римъ смотрѣли вообще, какъ на источникъ христіанства для запада. Но, права отчества равноцѣнны истинному авторитету, и еще болѣе въ духовномъ отношеніи, чѣмъ въ порядкѣ природы.

Въ теченіи четвертаго и пятаго вѣковъ непосредственныя сношенія епископовъ африканскихъ, испанскихъ, галльскихъ съ епископами восточными были довольно часты. Первые пастыри частію добровольно,

частію вслѣдствіе гоненій и ссылокъ взаимно посѣщали другъ друга. Насиліе, которое обнаруживали извѣстные императоры противъ лучшихъ епископовъ, служило, въ путяхъ Промысла, благомъ для Церкви. Такъ ссылка св. Аѳанасія была полезна для запада, а ссылка св. Иларія—для востока. Легко замѣтить также въ исторіи, что число западныхъ епископовъ было значительнѣе на соборахъ въ четвертомъ вѣкѣ, чѣмъ въ слѣдующіе вѣка, въ теченіи которыхъ папа сдѣлался представителемъ западной церкви, — частію лично, частію чрезъ своихъ легатовъ. Римская исторія распалась въ слѣдствіе набѣговъ сѣверныхъ народовъ; восточные императоры, не смотря на ихъ притязанія, не имѣли никакого значенія въ глазахъ новыхъ націй, образовавшихся на западѣ; сношенія между епископами новыхъ церквей и восточными сдѣлались почти невозможны; тогда-то установился на западѣ обычай обращаться къ востоку черезъ папу, и чрезъ негоже получать и опредѣленія соборовъ, на которыхъ они не могли болѣе засѣдать, и свѣдѣнія о христіанскомъ востокѣ. Уступая необходимости и надѣясь на папу, какъ на отца, западные епископы мало по малу отказывались отъ своей епископской инициативы въ пользу своего патріарха, и подпадали подъ его опеку, какъ будто бы они были или не совершеннолѣтніе или малоспособные. Такимъ образомъ патріархъ запада сдѣлался духовнымъ главой этой страны. Съ теченіемъ времени изчезла память о видоизмѣненіяхъ, которыя прошла эта власть. А люди, интересовавшіеся сохраненіемъ такого порядка вещей, скоро возвели его въ систему, въ ученіе, въ членъ Вѣры.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, папа былъ

еще въ общеніи съ христіанскимъ востокомъ, который смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ патріарховъ — въ отношеніи къ дисциплинѣ, и какъ на епископа, равнаго всякому другому христіанскому епископу, въ отношеніи къ божественному авторитету. Какъ патріархъ, онъ былъ однимъ изъ пяти каноническихъ центровъ Церкви; какъ учитель, онъ былъ простымъ членомъ собора епископовъ. Это положеніе не могло продолжаться долго. Привыкши къ верховной власти въ своемъ патріархатѣ, папа хотѣлъ имѣть такую же власть и надъ другими патріархами, надъ всею Церковію. Будучи не въ состояніи ниспровергнуть преграды древняго, основаннаго на преданіи, соборнаго авторитета, который противопоставлялъ ему востокъ, онъ разорвалъ съ нимъ связь, отдѣлился отъ него и высокомѣрно сказалъ, что восточные — схизматики, такъ какъ они отказались признать его божественный авторитетъ.

Между тѣмъ епископы западнаго патріархата могли вспомнить о своихъ свободныхъ и братскихъ отношеніяхъ къ пастырямъ христіанскаго востока; они привыкли къ извѣстнымъ обычаямъ въ своихъ каноническихъ разсужденіяхъ; они сохранили нѣкоторые остатки коллегіальнаго, или соборнаго управленія и не позволяли лишить себя ихъ. Папство поняло это, и потому оно уважало соборъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, но въ тоже самое время оно старалось сосредоточить весь авторитетъ въ папѣ. Съ этою цѣлію изобрѣли ложныя декреталіи; искажали тексты св. Писанія такъ, чтобы они подтверждали ученіе о власти папъ, и употребляли методъ толкованія, который привелъ, путемъ всѣхъ ересей, къ раціонализму, т. е. къ толкованію отдѣльному, личному и чисто фантастическому.

Чтобы сохранить внѣшній видъ власти соборной, папство созывало соборы и украсило большую часть этихъ соборовъ именемъ вселенскихъ. Но оно присвоило себѣ всю власть въ созваніи ихъ, въ разсужденіи на нихъ и въ утвержденіи ихъ опредѣленій; оно такимъ образомъ сдѣлало соборы чистой насмѣшкой, возвысивши надъ всѣми членами авторитетъ папы. Ихъ значеніе стало не болѣе, какъ значеніе совѣтниковъ, богослововъ. Исторія большей части западныхъ соборовъ свидѣтельствуетъ, что они именно были таковы. Если нѣкоторые изъ нихъ хотѣли проявить какую нибудь власть, показывали какое нибудь желаніе независимости, папы тотчасъ же произносили противъ нихъ запрещеніе, утверждая, что безъ нихъ эти соборы не могли быть истинными соборами. Епископы такимъ образомъ стали тѣмъ же для папъ, чѣмъ былъ сенатъ подъ владычествомъ римскихъ императоровъ, самыхъ самовластныхъ и всесильныхъ.

Такимъ образомъ ученіе о непогрѣшимости римскаго епископа, по моему мнѣнію, строго-логично. Глава Церкви по праву божественному, созывающій и распускающій соборы по своей волѣ, управляющій самовластно, не можетъ, не долженъ не быть непогрѣшимымъ; внѣ его нѣтъ ни Вѣры, ни опоры для совѣсти. Если же допустить божественную власть папства, то нужно допустить родъ личнаго вдохновенія, дѣйствіе котораго совершается независимо отъ нравственнаго характера лица; нужно папу сдѣлать Каіафою, который пророчествуетъ, самъ о томъ не догадываясь, даже тогда, когда дѣлаетъ зло. Это и есть то фаталистическое вдохновеніе, которое называютъ опредѣленіемъ ex cathedra.

Къ указаннымъ нами обстоятельствамъ мы можемъ

присоединить и другія, которыя особенно содѣйствовали распространенію ложныхъ идей о духовной власти папъ.

Римскіе епископы поставили, во всѣхъ частяхъ западной церкви, кардиналовъ, имѣвшихъ свои выгоды поддерживать могущество, въ которомъ они очень много участвовали, и которое осыпало ихъ почестями; они поставили новыя епископіи, новыя приматства, которыя щедро надѣлили своими милостями; они пустили въ ходъ всѣ средства, внушаемыя корыстью и гордостью, чтобы все множество духовныхъ лицъ привязать къ себѣ неразрывными узами; они наводнили міръ безчисленнымъ множествомъ монаховъ, которые зависѣли только отъ нихъ и которые отъ ихъ каѳедры получали привиллегіи вмѣстѣ съ доктриною; они при всякомъ обстоятельствѣ прибѣгали къ свѣтской власти и искусно пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы заставить государей дѣйствовать съобща съ ними,—поддерживать и увеличивать ихъ могущество. Вотъ средства, при помощи которыхъ утвердилось на западѣ ученіе о папской власти. Время отъ времени возвышались независимые голоса, чтобы возстановить истинное ученіе; но они производили только слабый отголосокъ во всеобщемъ настроеніи раболѣпства. Ко всѣмъ этимъ средствамъ папство присоединило еще свѣтскую власть, царское достоинство, которое составляетъ не поддержку законнаго авторитета, какъ думаете вы, а скорѣе защиту неправильно восхищеннаго владычества.

Если я хорошо понялъ главную причину, по которой вы желали бы сохранить папѣ свѣтскую власть, она состоитъ въ томъ, что власть эта есть могущественная, чтобы не сказать—единственная поддержка духовной власти римскаго епископа. Если бы я имѣлъ

счастіе убѣдить васъ въ незаконности этой послѣдней власти, то я показалъ бы вамъ, что не нужно желать ея поддержки. Но какъ я не знаю, убѣдили ли васъ въ этомъ мои предшествующія разсужденія, то я буду опровергать тѣ основанія, которыя, по вашему взгляду, говорятъ въ пользу свѣтской власти папы. Она полезна, говорите вы, съ религіозной точки зрѣнія. Позвольте мнѣ постановить вопросъ иначе: согласна ли съ ученіемъ Евангелія свѣтская власть папская? Смѣшеніе двухъ властей духовной и свѣтской не противно ли слову Господа? Можно ли называть полезными вещи, которыя ни нравственны, ни законны! А между тѣмъ легко доказать вамъ, что соединеніе двухъ властей въ одномъ лицѣ запрещено словомъ Божіимъ и что оно поэтому противоположно волѣ Того, отъ котораго исходитъ всякая законная власть.

Ветхозавѣтные патріархи, правда, по распоряженію самаго Бога, сосредоточивали въ себѣ двѣ власти; но это нисколько не ослабляетъ нашего положенія. Въ первоначальную эпоху, нужды жизни общественной не были ясно опредѣлены; общество было только семействомъ и всѣ нужды этого ограниченнаго общества группировались около религіозной мысли; слѣдовательно въ немъ нельзя было различать власти духовной и свѣтской. На дѣлѣ эта послѣдняя тогда и не существовала. Каждое семейство признавало права только въ своей главѣ,—и всѣ обязанности проистекали изъ правъ отчества, правъ естественныхъ и не подлежащихъ пререканію, правъ, которыя, при всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, дошли и до настоящаго времени и которыя составляютъ еще весьма твердое основаніе для политическихъ обществъ, организованныхъ лучше другихъ. Когда жизнь

общественная заступила мѣсто жизни патріархальной, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились двѣ различныя власти. Когда Богъ посредствомъ Моусея далъ избранному своему народу законы, онъ избралъ первосвященникомъ Аарона, а не Моисея. Послѣдній, не смотря на свое божественное посольство, обязанности священническія предоставилъ первому. Чтобы удалить всякое смѣшеніе двухъ властей, Господь назначилъ два различныхъ колѣна, изъ коихъ должны происходить священники и цари. Цари должны происходить изъ колѣна Іудина, тогда какъ колѣно Левіино имѣло преимущество священнической власти. Замѣтимъ, что колѣно Левіино, обязанное учить закону и отправлять богослуженіе при храмѣ, не получило во владѣніе ни одной части земли израильской, которая могла бы дать мѣсто образованію свѣтской левитской власти.

Съ теченіемъ времени различіе между свѣтской и духовной властію обозначилось еще яснѣе. Царь считается между простыми вѣрующими, — онъ не касается ковчега Завѣта, не входитъ во Святая Святыхъ. Если нѣкоторые израильскіе цари принимали дѣятельное участіе въ наученіи откровенію и устройствѣ обрядности, то это было не вслѣдствіе обязанности ихъ, но въ силу особеннаго, сверхъестественнаго, пророческаго званія; такое религіозное призваніе имѣли Давидъ и Соломонъ; но это отличіе не давало имъ истинной церковной власти. Извѣстно, что Богъ не допустилъ Давиду строить храмъ, потому что этотъ царь велъ много войнъ и пролилъ много крови, частію изъ обязанности защищать своихъ подданныхъ, частію вслѣдствіе паденій,—къ которымъ давало поводъ величіе царя, какъ напр. кровь мужа Вирсавіи. Значитъ обя-

занность, вслѣдствіе которой государи должны иногда проливать кровь, дѣлаетъ несовмѣстимыми въ одномъ лицѣ первосвященство и царское достоинство. Правда, мы можемъ указать на первосвященниковъ, которые занимались политическими дѣлами іудеевъ и которые оставили знаменитое имя въ Израилѣ: таковы Іисусъ, Симонъ и даже простой священникъ — Ездра. На это скажемъ сначала то, что несправедливо было бы думать, что духовные вожди націи совершенно изъяты отъ обязанностей, налагаемыхъ любовію къ отечеству. Замѣтимъ кромѣ того, что только въ исключительныхъ случаяхъ и вслѣдствіе необычайныхъ обстоятельствъ ветхозавѣтныя священныя лица пользуются двумя верховными властями, и что утверждаетъ ихъ въ этомъ или особенное откровеніе воли Божіей, или прямое избраніе народа іудейскаго. Но въ вопросѣ, которымъ мы занимаемся, дѣло идетъ не объ исключеніи, а о началѣ, правилѣ общемъ, состояніи нормальномъ. А съ этой точки зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію различіе между духовной и свѣтской властію въ ветхомъ Завѣтѣ. Если мы примемъ въ соображеніе особенную организацію іудейскаго народа, его особенную религіозную цѣль, вслѣдствіе которой первосвященникамъ ближе было бы управлять имъ,— то дѣло, на которое я счелъ полезнымъ обратить ваше вниманіе, получаетъ особенную силу. Долго было бы изчислять всѣ распоряженія, какія сдѣлалъ Богъ для того, чтобы не смѣшивалась власть духовная съ свѣтской; но есть такія, которыя сами собою указываютъ на это — таково установленіе года гражданскаго, различнаго отъ года религіознаго; таково установленіе двоякаго рода монеты, — которая употреблялась

въ общежитіи и — которая была въ церковномъ употребленіи.

Между тѣмъ, какъ въ нѣдрѣ народа, особенно руководимаго Богомъ, существовало раздѣленіе между властію духовною и свѣтскою, — въ нѣдрѣ язычества въ тоже время видимо царствуетъ плачевное смѣшеніе той и другой власти. Гражданскіе начальники приписывали себѣ значеніе религіозное, а первосвященники имѣли въ рукахъ власть гражданскую.

Христіанство еще съ большею ясностію и твердостію утвердило ученіе и практику ветхозавѣтныя касательно раздѣленія той и другой власти. Власть политическая, на сколько она служитъ началомъ общественнаго порядка, и власть религіозная,—обѣ имѣютъ божественное происхожденіе; но пользованіе ими должно быть отдѣльно и не можетъ быть сосредоточено въ одномъ лицѣ. Отсюда начала ихъ разграничены опредѣленнымъ образомъ. Нужно ли припоминать здѣсь слова божественной мудрости: *воздадите кесарева кесареви и Божія Богови*? Нужно ли говорить о свидѣтельствѣ Іисуса Христа въ пользу власти Пилата, на которую Онъ смотрѣлъ, какъ на исходящую свыше? Нужно ли припоминать Его покорность гражданскому управленію во всемъ, что касалось его законныхъ правъ, включая сюда и платежъ податей? Все это, м. г., должно быть вамъ извѣстно. Необходимо ли говорить объ отказѣ Сына Божія принять царское достоинство, которымъ народъ хотѣлъ облечь Его? Нужно ли припоминать слова Его, что царство Его не отъ міра сего,—запрещеніе ученикамъ быть властителями, какъ государи и князья? Эти первоначальныя истины не могутъ быть неизвѣстны вамъ. Вы знаете также изъ писаній апо-

столовъ, что они остались вѣрны ученію и примѣру своего Божественнаго Учителя. Они учили, что власть гражданская исходитъ отъ Бога, они проповѣдывали искреннюю покорность государямъ и свои слова подтверждали собственнымъ примѣромъ. Съ другой стороны апостолы учили, что ихъ посольство исходитъ отъ Бога, независимо отъ власти гражданской; они отклонялись отъ всякаго свѣтскаго управленія и заповѣдали своимъ преемникамъ итти по ихъ стопамъ, руководясь въ этомъ случаѣ тѣмъ, что власть свѣтская и духовная несовмѣстимы въ одномъ лицѣ. Замѣтимъ еще, что это ученіе, подтвержденное примѣромъ апостоловъ, проповѣдывали тѣ изъ нихъ, на которыхъ думаютъ основать свѣтскую власть папы, въ частности—святый апостолъ Петръ.

Пастыри первыхъ вѣковъ христіанства остались вѣрны этому ученію. Безъ сомнѣнія въ вашихъ глазахъ, м. г., опредѣленія соборовъ имѣютъ авторитетъ только человѣческій; но по крайней мѣрѣ вы не отрицаете, что они имѣютъ большую силу, какъ историческое свидѣтельство. Но здѣсь мы находимъ запрещеніе пастырямъ Церкви заниматься гражданскимъ управленіемъ подъ опасеніемъ отлученія (¹). И не угроза эта, но вѣрность ученію апостольскому препятствовала епископамъ первыхъ вѣковъ восхищать свѣтскую власть. Повинуясь государямъ, уважая ихъ власть, какъ исходящую отъ Бога, признавая, что они имѣютъ участіе во внѣшнемъ управленіи Церковію, преемники апостоловъ въ тоже время сохраняли свою духовную независимость, свой авторитетъ надъ членами Церкви, включая сюда и го-

(¹) Прав. апост. XVII, XXXIII. 4-го Всел. Соб. Пр. XII.

сударей. Я могу указать вамъ на такого епископа римскаго, который просилъ византійскихъ императоровъ созвать соборъ; на такого, который просилъ о поддержаніи внѣшняго порядка церкви, о защитѣ своихъ преслѣдуемыхъ собратій и о побужденіи ихъ исполнять опредѣленія соборовъ. Я могу указать и на такихъ. которые у тѣхъ же императоровъ просили себѣ почетныхъ титуловъ, даже титула — вселенскаго.

Съ другой стороны мнѣ легко указать на такого патріарха константинопольскаго, который защищалъ власть церковную противъ вмѣшательства свѣтской власти, на епископа кесарійскаго или миланскаго, который истину и твердость апостольскую противопоставилъ внѣшней силѣ. Чтобы избѣжать длинноты, и по уваженію къ вашей исторической славѣ, я не хочу входить въ подробности, которыя вы знаете, и выставлять предъ вами совершенно извѣстныя вамъ свидѣтельства. Я выпишу здѣсь только слова папы Геласія о несовмѣстности той и другой власти въ одномъ лицѣ, потому что въ этихъ словахъ вполнѣ выражается каѳолическое преданіе: „я вѣрую, говорилъ этотъ папа, что прежде пришествія Іисуса Христа нѣкоторыя лица, въ прообразъ Христа, были въ одно и тоже время царями и священниками, напр. Мелхиседекъ; *этому подражалъ и демонъ*, такъ что императоры языческіе принимали имя верховнаго первосвященника. Но по пришествіи Того, Кто есть истинный царь и вмѣстѣ первосвященникъ, императоръ не носитъ болѣе имени первосвященника и *первосвященникъ не имѣетъ царскаго достоинства*. Богъ, зная слабость человѣческую, и желая спасти своихъ посредствомъ смиренія, *отдѣлилъ одну власть отъ другой*; такъ, что христіанскіе императоры

имѣютъ нужду въ первосвященникахъ въ томъ, что касается жизни вѣчной, и *первосвященники слѣдуютъ приказаніямъ императоровъ въ предметахъ временныхъ*, и это для того, чтобы служащій Богу *не занимался дѣлами мірскими* и чтобы управляющій дѣлами мірскими не управлялъ дѣлами божественными. Такимъ образомъ каждый чинъ разграниченъ и каждая обязанность проявляется въ приличныхъ ей дѣйствіяхъ“ (¹).

Вотъ, м. г., краткое изложеніе христіанскаго ученія о власти духовной и свѣтской; такъ понимали его въ теченіи первыхъ семи вѣковъ. Итакъ если вы говорите, что соединеніе двухъ властей въ лицѣ папы полезно, то я отвѣчаю вамъ, что оно противно откровенной истинѣ. Если вы скажете, что новые папы прекрасно дѣлаютъ, вводя это смѣшеніе въ церковь, я говорю вамъ, что Іисусъ Христосъ, апостолы и древніе папы осудили это; если вы скажете: римская церковь приняла это ученіе, я отвѣчу вамъ: церковь вселенская не принимаетъ его. Между истиной и пользой, между Іисусомъ Христомъ и папой, между Церковью чистой, сильной, первенствующей, вселенской, и между церковію измѣненной, падающей, колеблемой, мѣстной, не можетъ быть сомнительнаго выбора.

Представленныя вамъ мною соображенія достаточны для рѣшенія всего возраженія о сохраненіи свѣтской власти папской. Но я могу доказать вамъ, что свѣтская власть папства не была полезна для Церкви; она могла, можетъ быть, имѣть на время нѣкоторыя хорошія послѣдствія для общества; но сама по себѣ она была вредна столькоже Церкви, сколько и обществу.

(¹) Gélase, pape, Tracté de l'Anathéme.

Во второй половинѣ 8 вѣка папы, по щедрости Пипина и Карла великаго, сдѣлались ленными государями очень многихъ городовъ Италіи. Не смѣшивайте, м. г., этого господства съ верховною властію, какая установилась послѣ. Съ этого-то господства нужно начать, чтобы показать происхожденіе свѣтской власти римскихъ епископовъ. Нужно сказать, что вслѣдствіе этой власти, римская церковь тѣсно связана съ организаціей земной, подверженной перемѣнамъ. Чтоже? Увеличила ли она силу и достоинство церкви римской? Да,— вы утверждаете это, м. г. Но мы спросимъ васъ, какимъ образомъ матерія можетъ имѣть силу укрѣплять духъ? По какому соображенію то̀, что̀ подвержено перемѣнамъ, разрушенію, можетъ дѣлать твердымъ то, что утверждается на вѣчныхъ и неразрушимыхъ основаніяхъ? По какому извращенію логики, элементъ ограничивающій служитъ къ большей независимости, элементъ унижающій можетъ способствовать возвышенію и увеличенію достоинства? Думаете ли вы, что, если драгоцѣнный металлъ смѣшать съ грубымъ, то первый сдѣлается болѣе благороднымъ? Думаете ли, что золотая статуя будетъ болѣе красива, если придѣлать къ ней глиняныя ноги? Элементъ земной и свѣтскій, воспринятый церковію римскою, долженъ породить въ ея нѣдрѣ ослабленіе и разложеніе, дѣйствіе которыхъ можетъ быть медленно, но послѣдствія несомнѣнны. Вмѣсто того, чтобы служить пособіемъ для духовной власти, свѣтская власть сама должна обращаться къ этой послѣдней, чтобы та служила ей поддержкой и охраняла ее. Это видѣли мы и прежде не разъ; этоже самое увидимъ сейчасъ. Слабый самъ по себѣ, свѣтскій элементъ можетъ только ослаблять христіанскій элементъ

папства, то измѣняя цѣль его — чисто небесную, то употребляя вмѣсто его чисто духовныхъ средствъ, свои матеріальныя; то увеличивая заботы духовныя, и безъ того уже огромныя, еще большими заботами о дѣлахъ мірскихъ. Если бы папство захотѣло быть искреннимъ; то оно призналось бы, что ему слишкомъ часто приходится духовное приносить въ жертву мірскому; употреблять хитрость и насиліе подъ предлогомъ блага Церкви,—призналось бы, что царское достоинство папъ вредитъ ихъ вѣрѣ, смиренію, любви, чистотѣ ихъ нравовъ; призналось бы, что папы дозволяли себѣ дѣйствія не совмѣстныя съ пастырской обязанностію: войны, смертныя казни, расчеты слишкомъ мірскіе въ ихъ администраціи. Папы, занятые заботами правительственными и свѣтской администраціей, не находили времени посвятить себя нуждамъ церкви; связанные обѣщаніями, одержимые страхомъ, озабоченные интересами, они не сохранили независимости духа и дѣйствій. Если бы папы вздумали оспаривать это, вся исторія предстала бы передъ ними, чтобы обличить ихъ и заставить молчать.

Какъ только матеріальными средствами хотятъ защищать ученіе и учрежденіе духовное. то перестаютъ вѣрить въ силу вѣры. побѣдившей міръ, въ силу смиренія, посрамившаго человѣческую гордость и мудрость, въ жертву и мученичество, распространившія и утвердившія христіанство. Происходя отъ слабости вѣры, отъ недостатка увѣренности во внутренней силѣ Церкви, сила матеріальная, которую представляютъ намъ поддержкою, увеличиваетъ эту слабость, задерживая и усыпляя внутреннюю дѣятельность. Съ другой стороны исторія говоритъ намъ, что царское достоинство рим-

скаго первосвященника, защита его матеріальными средствами никогда не могли спасти его отъ насилія, или внѣшнихъ вліяній. Папскія владѣнія никогда не были настолько обширны, настолько сильны, настолько хорошо организованы, чтобы доставить папѣ независимость, въ пользу которой было столько толковъ. Гораздо чаще они вызывали нападенія со стороны болѣе могущественныхъ государей. Не были ли они такимъ мѣстомъ, гдѣ постоянно разрѣшались споры соперниковъ за вліяніе? Сколько разъ въ средніе вѣка области римскія были опустошены! Сколько папъ изгнано изъ Рима и низложено или иностранными завоевателями или друзьями народнаго господства, которое такъ долго было сильно въ Римѣ!

Я очень сомнѣваюсь, м. г., чтобы вы могли представить хотя одинъ фактъ, когда матеріальная сила римскаго первосвященника могла защитить его противъ различныхъ нападеній. Борьба, которую онъ выдерживалъ много разъ, и въ которой никогда не имѣлъ успѣха, служила только къ возвышенію пастырскаго характера, кротости и смиренія, этого исповѣдническаго и мученическаго вѣнца, который для Церкви есть истинное начало жизни. Посмотрите, м. г., кто были враги первосвященника - царя, которые нападали на его господство: еретики ли, невѣрующіе ли? Нѣтъ, это были католики. Нападенія этихъ враговъ были ли направлены на вѣру, или на вещественныя права церкви? Нѣтъ, большая часть ихъ сражалась изъ за политическихъ притязаній папы, такъ что эта внутренняя война происходила въ нѣдрѣ церкви католической—война чисто политическая, прикрывавшаяся только болѣе или менѣе религіозною внѣшностію. Прибавьте къ этимъ

войнамъ безпорядки, революціи, борьбу между партіями, которая происходила въ самомъ нѣдрѣ областей первосвященника, и вы должны будете признать, что папская власть, вмѣсто того, чтобы обезпечивать и поддерживать власть духовную, ослабила и обезобразила ее.

Итакъ не свѣтская власть послужила духовной, — напротивъ, духовная послужила свѣтской. Не корона поддержала митру, а митра дала папѣ тройную корону. Исторія показываетъ, что папы по ослѣпленію много разъ увеличивали, вновь завоевывали и защищали свѣтскія владѣнія св. престола. Такимъ образомъ Вѣра и Церковь, вмѣсто того, чтобы быть цѣлію, дѣлались средствомъ. Если бы я говорилъ съ человѣкомъ менѣе свѣдущимъ въ исторіи, то я привелъ бы здѣсь свидѣтельство, въ доказательство того, что папы часто средствами духовными пріобрѣтали выгоды временныя, — что они заставляли служить дѣламъ политическимъ анаѳемы, интердикты и другія церковныя оружія. Это извращеніе нормальнаго порядка вещей было роковымъ для церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, какъ поражали свѣтскую власть, удары падали на духовную; каждый разъ, какъ хотѣли ослабить и лишить довѣрія церковь, обнаруживали недостатки папскаго управленія, такъ какъ оно ввело въ церковь множество злоупотребленій и безнравственность, страшную картину которыхъ мы могли бы представить, пользуясь выраженіями писателей самыхъ благочестивыхъ и самыхъ авторитетныхъ на Западѣ.

Свѣтскую власть папства можно сравнить съ пятою Ахиллеса; та и другая удобопоражаемы. Это смѣшеніе двухъ властей лишило римскаго епископа довѣрія и привязанности вѣрныхъ церкви латинской и было отчасти

причиной невѣрія и противохристіанской ненависти, какія мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ. Начинаютъ съ того, что нападаютъ на злоупотребленія папъ, и кончаютъ тѣмъ, что возстаютъ противъ всѣхъ законныхъ правъ; хотятъ уничтожить наросты, — и принимаютъ рѣшительныя мѣры и портятъ существенные органы жизни. Говоря проще, нападаютъ на римскій дворъ, и кончаютъ тѣмъ, что отвергаютъ самое епископство и религію.

Въ наше время свѣтскимъ владѣніямъ папы придало значеніе неприкосновенности, что впрочемъ не есть слѣдствіе матеріальной важности этого государства, а слѣдствіе новой политики и новаго устройства цивилизованной Европы. Мы не можемъ оцѣнить этого порядка вещей, не входя въ земную политику, для насъ недоступную; мы можемъ утвердить только то, что, благодаря этому порядку вещей, епископъ римскій сдѣлался законнымъ государемъ римскихъ областей. Но замѣтимъ кстати, что эта временная выгода совпадаетъ съ потерею духовной власти надъ значительною частію Европы, сдѣлавшейся протестантскою и съ постоянно усиливающимся возмущеніемъ со стороны тѣхъ, которые не имѣютъ другой вѣры, кромѣ индифферентизма, или которые напрасно носятъ титло римскихъ католиковъ. Эти послѣдніе не обращаютъ вниманія на папство, и если не прибѣгаютъ противъ него къ матеріальнымъ средствамъ, такъ это отъ того, что они не имѣютъ никакого уваженія къ духовному могуществу и не обращаютъ вниманія ни на его ученіе, ни на его анаѳемы.

Этотъ краткій очеркъ и эти бѣглыя соображенія достаточно показываютъ, что свѣтская власть папы, вмѣ-

сто того, чтобы служить поддержкой власти духовной, способствуетъ ея разстройству и ослабленію, что, вмѣсто обезпеченія ея независимости, связываетъ ее, и что вмѣсто возвышенія ея достоинства, только унижаетъ это достоинство. Признайтесь, м. г., что истина и святость, которыя, по ученію Богочеловѣка, составляютъ единственный источникъ свободы, много потерпѣли отъ смѣшенія двухъ властей въ одномъ лицѣ.

Способствовала ли свѣтская власть римскаго первосвященника поддержанію гражданской власти въ христіанской Европѣ? Вы утверждаете это, м. г., въ своемъ послѣднемъ сочиненіи; но ваше мнѣніе, позвольте сказать, не согласно ни съ исторіей, ни съ логикой христіанской.

По ученію ультрамонтанскому и по вашему, м. г., царское достоинство папы есть средство, подножіе для его духовной власти. Кромѣ философской несообразности, которая происходитъ отъ подчиненія одного начала другому, не слишкомъ ли предосудителенъ этотъ порядокъ вещей для власти политической и гражданской? Не извращаетъ ли онъ, слѣдовательно, общественный бытъ человѣчества? Чтобы власть могла проявляться нормальнымъ образомъ, чтобы она была дѣйствительна и благотворна, нужно, чтобы она пользовалась независимостію, достоинствомъ и свободой. Безъ этого она не можетъ быть уважаема, она не имѣетъ моральной силы, составляющей ея природу. Но ученіе римское ниспровергаетъ эти условія существованія гражданской власти, подчиняя ее власти папской. Не говорите мнѣ, м. г., что власть папская не разрушаетъ гражданскій порядокъ, что это исключительный случай только въ Церковной Области и единственно въ лицѣ римскаго первосвящен-

ника. Эта мысль не можетъ уже быть справедлива, потому что такое начало вредно и такой порядокъ возмутителенъ. Но папа и приверженцы его свѣтской власти болѣе логичны: власти политической и гражданской, будь это въ Римѣ, или въ другомъ мѣстѣ, они даютъ одну и туже роль подчиненную, служебную, страдательную. Въ средніе вѣка ихъ ученіе приложено было къ практикѣ; въ новѣйшія времена оно сдѣлалось неприложимо къ практикѣ;—но это произошло не отъ недостатка сторонниковъ этого ученія,—они въ полной мѣрѣ остались привязанными къ нему. Мы видѣли, что эти притязанія ясно высказывались во всѣ времена. Такимъ образомъ вслѣдствіе необходимыхъ логическихъ выводовъ, вслѣдствіе преданія и обычая, зараженные при этомъ честолюбіемъ, ультрамонтаны смотрятъ на государей всего міра, какъ на вассаловъ и слугъ папы. Первосвященникъ-царь, по ихъ понятію, подчиненъ первосвященнику—папѣ; такимъ образомъ и всѣ государи, равные первому, должны быть подчинены второму. Послѣ этого можно ли сказать, что свѣтская власть папская поддерживаетъ, возвышаетъ и обезпечиваетъ всякую власть въ мірѣ? Не противно ли это истинѣ? Не нужно ли скорѣе сказать, что свѣтская власть римскаго епископа унижаетъ, попираетъ въ грязь всякую политическую и гражданскую власть, что она отнимаетъ у ней всякое достоинство, всякую свободу и силу? Вотъ послѣдствія ученія богослововъ римскихъ.

Различныя отношенія папства къ государямъ можно раздѣлить на три періода. Сначала папы господствуютъ надъ государями, потомъ государи освобождаются изъ подъ папской опеки; потомъ власть тѣхъ и другихъ ослабляется и падаетъ въ слѣдствіе ихъ борьбы, въ 16

вѣкѣ. Въ продолженіи перваго періода, эпохи невѣжества и предразсудковъ, папы широко пользуются и злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ на политическихъ дѣятелей: они требуютъ отъ государей полнаго подчиненія себѣ и, если тѣ хотятъ противиться, освобождаютъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность; они налагаютъ чрезвычайное покаяніе и подвергаютъ другимъ, не меньшимъ наказаніямъ; произносятъ анаѳемы и интердикты, собираютъ подати и субсидіи всякаго рода въ пользу римскаго двора; возбуждаютъ ссоры и войны между государями; вотъ общій характеръ дѣйствій первосвященника-царя противъ его братій по царскому достоинству. Благопріятствуетъ ли все это поддержкѣ и достоинству гражданской власти?

Не отвергая этихъ печальныхъ дѣйствій, вы хотите найти въ нихъ добрую сторону; вы хотите возложить отвѣтственность за нихъ на государей, думая, что папы поступали такъ для защиты угнетенныхъ народовъ; папа, по вашему взгляду, былъ только судья, которому могли они жаловаться на неправосудіе своихъ государей. Это предположеніе, очень благопріятное для папъ, было бы истинно, если бы въ то время, о которомъ мы говоримъ, существовали народы,—въ томъ смыслѣ, какой мы нынѣ даемъ этому слову, т. е. общества, сознающія свои права, свои нужды, имѣющія извѣстную силу; но ничего такого тогда не было. Ваша теорія была бы сколько нибудь вѣроятна, если бы навлекавшіе на себя гнѣвъ папы, безапелляціоннаго судіи, всегда были тираннами народовъ,—если бы покровительствуемые первосвященниками римскими, были всегда друзьями народовъ. Но можно ли утверждать это предъ лицомъ исторіи? Ваше предположеніе имѣло бы

нѣкоторое основаніе, если бы въ мнимыхъ судахъ между государями и народами, папы всегда поступали по духу справедливости, безъ всякаго политическаго, или эгоистическаго разсчета. Но не поступали ли они совершенно иначе? Историческія доказательства на то, что сказано мною выше, должны быть очень извѣстны вамъ, и потому я окончу свои замѣтки, которыя рѣшился сдѣлать вамъ. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., всѣ эти дѣйствія папъ относительно народовъ и государей возбуждали ли уваженіе къ власти, возвышали ли, укрѣпляли ли ее, скрѣпляли ли искреннія отношенія между народами и государями?

Пріобрѣтеніемъ свѣтскихъ владѣній папы подавали примѣръ епископамъ различныхъ странъ запада поступать, какъ поступали сами они. Таковъ необходимый порядокъ дѣлъ. По этому и видимъ въ исторіи большое число владѣній, подчиненныхъ епископамъ. Не ослабилъ ли этотъ церковный феодализмъ власти и порядка,—посредствомъ войнъ, какія введены были имъ, посредствомъ смутъ и крайностей, которыхъ онъ былъ виною? Безъ преувеличенія можно сказать, что религіозный элементъ, который здѣсь вмѣшивался, находился въ самомъ превратномъ и гибельномъ положеніи; всѣ князья-приматы, князья-епископы поддерживали свою свѣтскую власть на томъ же основаніи, какъ и папа свое царское достоинство; по ихъ понятію, духовная власть ихъ имѣла нужду въ такомъ обезпеченіи. Однимъ словомъ, каждый прелатъ былъ маленькій папа, имѣющій двѣ власти. Благодаря Бога, этотъ порядокъ вещей навсегда остается только въ горькомъ воспоминаніи, и вы, конечно, не жалѣете объ этомъ. О деревѣ вы можете судить по его плодамъ. Лишенные свѣтской власти, епископы пе-

рестали производить гражданскіе безпорядки, и однакожъ не потеряли своей независимости. Если вы возразите мнѣ, что своей независимостію они обязаны свѣтской власти папы,—то это значитъ сказать, что вѣра, твердость, свобода поддерживаются только внѣшними обстоятельствами, матеріальными средствами, богатствомъ, почестями. По этому пути мы дойдемъ до обоженія матеріи. Но подобнаго направленія нельзя предполагать въ человѣкѣ съ высокимъ духомъ и съ христіанскимъ сердцемъ.

Я не спорю, что папство до настоящаго времени служило искусственнымъ центромъ и внѣшнею поддержкою для западной церкви; но я не могу допустить, чтобы это было благомъ для гражданской власти и общественнаго мира. Смѣшеніе двухъ властей въ лицѣ римскаго епископа обязывало другихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ поддерживать ту и другую власть. Но не случается ли часто такъ, что интересы извѣстной католической латинской страны могутъ быть не согласны съ свѣтскими интересами римскаго правительства, или даже противоположны имъ? Въ этомъ случаѣ клиръ не поддерживаетъ ли часто сторону Рима, гдѣ всякому дѣлу даютъ религіозный характеръ? Не можетъ ли онъ такимъ образомъ объявить себя противъ интересовъ своего отечества, и противъ видовъ своего правительства? Подобное столкновеніе можетъ быть источникомъ смутъ, можетъ колебать чувства и долгъ утвержденной клятвою вѣрности государю и любви къ отечеству. Когда религіозное чувство и ложныя тревоги касательно опасностей, коимъ подвергается вѣра, становятся могущественнымъ двигателемъ, тогда гражданская власть замедляется въ своихъ дѣйствіяхъ, ослабляется въ сво-

емъ вліяніи и подрывается въ самомъ своемъ основаніи. Признайтесь, м. г., что все это не выдумка, что все это повторялось часто и причиняло значительный вредъ гражданскому правительству.

Я вовсе не думаю, что вѣру нужно приносить въ жертву требованіямъ гражданской власти; но духъ и ученіе христіанское требуютъ отъ насъ не революціоннаго, а страдательнаго сопротивленія. Терпѣніе, самопожертвованіе, мученичество—вотъ христіанская независимость. Такъ ли думаютъ ультрамонтаны?

Время неограниченнаго владычества папъ надъ государями прошло. Въ послѣдніе вѣка государи рѣшились противиться римскому двору и привести его къ болѣе скромному образу дѣйствованія. Въ борьбѣ съ римскимъ дворомъ государи часто преступали границы умѣренности и справедливости,—это предосудительно для ихъ власти, потому что всякое несправедливое и насильственное дѣло падаетъ на того, кто совершаетъ его, особенно, если страдаетъ религія. Въ этомъ столкновеніи между папами и государями народы, смотря по ихъ интересамъ и идеямъ, принимали сторону то папъ, — то — государей. Обѣ спорящія стороны часто обращались прямо къ народу и такимъ образомъ дѣлали его судьею въ своихъ спорахъ. Часто видя несправедливость обѣихъ сторонъ, народъ осуждалъ тѣхъ и другихъ, и такъ какъ всякая власть есть ярмо, онъ и пользовался этими обстоятельствами, чтобы освободиться отъ нея. Не отрицая другихъ причинъ, свѣтскія притязанія папъ и ихъ споры съ государями были одной изъ главныхъ причинъ путаницы идей и ослабленія, какое власть потерпѣла на западѣ.

Вы, м. г., всѣми мѣрами силитесь защитить папство

въ томъ видѣ, какъ существовало оно въ средніе вѣка; какъ на твердыя доказательства, вы указываете на древность и продолжительность этого учрежденія. Вѣка, по вашему взгляду, создали и поддерживали дѣло папства, вмѣстѣ съ системою, которая служитъ основаніемъ папства и которая составляетъ предметъ моихъ замѣтокъ. Думаете ли вы, м. г., что *сдѣланное* вѣками не можетъ быть *передѣлано* ими? Не уничтожаетъ ли время всего того, что обязано ему своимъ существованіемъ? Повѣрьте, что только вѣчныя начала не подлежатъ его разрушительному вліянію. Измѣненія въ папской власти, различные возрасты, которые она прошла, заставляютъ думать, что наступитъ часъ ея паденія, что для ней настанетъ возрастъ дряхлости. Дошедши до этого возраста, она меньше будетъ бояться внѣшнихъ нападеній, чѣмъ этого внутренняго истощанія, естественнаго упадка силъ, который граничитъ съ смертію. Случается видѣть часто людей, которые, страдая органами дыханія, воображаютъ, что имъ недостаетъ воздуха, тогда какъ они погружены въ волны воздуха такъ же, какъ и другіе люди. Таково же и папство духовное, сдѣлавшее свое дѣло и не имѣющее основы для дальнѣйшаго существованія. Оно внѣ самого себя силится найти начало своего изнеможенія,—жизнь окружаетъ его, но оно не можетъ уже участвовать въ жизни. Ему грозитъ смерть,—ему нужно разстаться съ этимъ міромъ. Если вы не вѣрите, что духовное папство дойдетъ до этой крайности, то вы—въ заблужденіи.

Вы совершенно одобряете, м. г., слова Одилона Баро, который сказалъ о папствѣ: „нужно, чтобы двѣ власти соединены были въ римскомъ государствѣ, для

того, чтобы имъ отдѣлиться при концѣ міра". Это значило бы думать, что та и другая власть были соединены отъ начала эры христіанской до конца 8 вѣка,— эпохи, когда явилась свѣтская власть епископа римскаго; это значило бы думать, что ученіе и духъ христіанскіе не имѣютъ столько ясности и силы, чтобы отвратить смѣшеніе, котораго вы основательно боитесь.

Но исторія и Евангеліе говорятъ намъ противное. Я имѣлъ уже счастіе доказывать вамъ, м. г., что христіанство, безъ всякаго исключенія въ пользу римскаго епископа, осуждаетъ смѣшеніе двухъ властей; какимъ же образомъ нарушеніе первоначальныхъ христіанскихъ законовъ можетъ быть полезно для него? Какимъ образомъ худой примѣръ можетъ служить поддержкой началу? Св. апост. Павелъ съ силою возстаетъ противъ подобной системы и противъ тѣхъ, которые приписывали ему ее: „не дѣлать ли намъ зло, чтобы изъ того доброе вышло? Такъ какъ нѣкоторые злословятъ, и говорятъ, будто мы такъ учимъ: праведенъ судъ на таковыхъ" (Рим. 3, 8).

Позвольте теперь высказать мнѣ свое мнѣніе о протестантствѣ. По моему взгляду, это—противоположность папству, хотя по всей справедливости папство дало ему начало. Папизмъ — преувеличеніе начала авторитета; протестантство—преувеличеніе начала свободы. Первое впало въ абсолютизмъ, второе—въ своевольство. Сражаясь противъ папы, который олицетворилъ въ себѣ власть церковную, реформаторы лишили церковь всякаго авторитета. Въ подражаніе епископу римскому, каждый протестантъ олицетворилъ авторитетъ въ себѣ самомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что папа хочетъ, чтобы его авторитетъ былъ правиломъ для всего міра,

тогда какъ протестантъ поставляетъ его правиломъ для себя одного. Отдѣлившись отъ авторитета соборнаго и основаннаго на преданіи, который былъ правиломъ для Церкви первенствующей, протестантство необходимо пошло къ индивидуализму, который имѣлъ слѣдствіемъ раціонализмъ, т. е. отрицаніе сверхъестественнаго, потому что авторитетъ Библіи, на который постоянно указываютъ, нельзя назвать единственнымъ, если каждый имѣетъ право изъяснять ее, какъ ему покажется лучше, т. е. извлекать изъ ней то, что ему угодно. Такимъ образомъ, строго говоря, протестанты не составляютъ церкви, потому что не могутъ имѣть общей вѣры. Протестанты принадлежатъ къ христіанству, къ числу христіанъ, если угодно, но не къ церкви, потому что церковь есть общество, а каждое общество имѣетъ собственную свою жизнь, которая, какъ жизнь особная, не измѣняетъ своей сущности въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ и всегда сохраняетъ сознаніе своей индивидуальности. Возможно-ли будетъ человѣку, потерявшему это сознаніе, возстановить свое прошедшее при помощи изысканій историческихъ или генеалогическихъ? Протестанты не могутъ утвердить религіозную жизнь свою на прошедшемъ и пріобщиться къ Церкви первенствующей однимъ изученіемъ св. Писанія. Когда дѣло идетъ о религіи откровенной, испытаніе, анализъ, умозаключеніе ведутъ только къ разрушенію и разъединенію, а не къ созиданію и единству. Такимъ образомъ протестантство дойдетъ до крайнихъ слѣдствій отрицанія; оно должно логически сдѣлать это, если не приметъ авторитета Церкви вселенской, выражающагося на вселенскихъ соборахъ, которые были до уклоненія римской церкви. Въ подчиненіи этому авто

ритету заключается спасеніе всего міра; здѣсь находится разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые такъ сильно волнуютъ умы.

Чтобы доставить міру нравственному и религіозному твердость и ясность, чтобы возстановить нормальное его состояніе, чего такъ сильно желаютъ, нужно удалить всѣ чуждые элементы, производящіе броженіе; нужно разсѣять всѣ облака, которыя могли бы пресѣкать истинный свѣтъ; нужно допустить, чтобы сокъ восходилъ до вѣтвей. Говоря просто, нужно, чтобы церковь римская признала, что въ главѣ ея двѣ власти— свѣтская и духовная — отдѣльны, чтобы возстановила христіанскій авторитетъ догматическій и дисциплинарный на истинномъ, божественномъ и непоколебимомъ основаніи, т. е. чтобы признала свое законное существованіе въ Церкви, какъ въ тѣлѣ, единственный Глава котораго есть Іисусъ Христосъ; нужно, чтобы она подчинилась авторитету *соборному и основанному на преданіи*, который проявляется чрезъ епископовъ въ единеніи съ вѣрными.

Я предчувствую, м. г., что вы боитесь увидѣть, если это будетъ такъ, что авторитетъ духовный уничтожится вслѣдствіе отсутствія централизаціи. Этотъ страхъ внушенъ вамъ удивленіемъ, какое чувствуете вы къ папству, какъ хранителю авторитета, и прискорбными явленіями, какія породило протестантство, вслѣдствіе безначалія, которое вы видите въ нѣдрѣ его. Евангеліе и исторія уничтожаютъ вашу боязнь; самые уроки современной исторіи могутъ успокоить васъ совершенно.

Въ настоящее время легче, чѣмъ когда нибудь, проявленіе соборнаго авторитета епископовъ всей церкви,— авторитета, неоспоримо божественнаго и совершенно

разумнаго. Мы живемъ въ такое время, когда дѣла совершаются общими силами, почти во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ области наукъ и промышленности. Международныя преграды уничтожены; истинная свобода, справедливость и взаимное уваженіе—рѣшенные вопросы. Если соборы возможны были во времена преслѣдованій, если они часто были собираемы въ продолженіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства, то тѣмъ болѣе нынѣ они могутъ быть центромъ христіанскаго авторитета. Высказываясь посредствомъ своего естественнаго органа, Церковь будетъ внушать къ себѣ уваженіе, заблужденія не будутъ болѣе страшны, личность будетъ совмѣщена съ духомъ *каѳолическимъ*, злоупотребленія не будутъ имѣть мѣста, эгоизмъ и интересы не будутъ имѣть сильнаго вліянія предъ лицомъ вселенства, уклоненія нѣкоторыхъ найдутъ исправленіе на соборѣ.

На какихъ основаніяхъ установятся отношенія между Церковью и государствомъ? Какимъ образомъ разрѣшится проблемма эта, на которую смотрятъ, какъ почти на неразрѣшимую? Если взойти къ началу, то трудности этого вопроса тотчасъ же уничтожатся: можно видѣть, что споры между Церковію и государствомъ, столькоже частые, какъ и предосудительные какъ для той, такъ и для другаго, происходятъ только отъ ошибочнаго, ненормальнаго устройства западной церкви. Эта церковь слишкомъ много имѣетъ матеріальныхъ элементовъ,—она предположила себѣ слишкомъ земную цѣль, такъ что необходимо часто сталкивается съ государствомъ: отсюда формула, употребляемая противъ ультрамонтанства: „церковь есть государство въ государствѣ“. Эта формула не имѣетъ смысла, если прило-

жить ее къ Церкви, устроенной по плану ея Божественнаго Основателя. По этому плану каждый вѣрный есть членъ церкви Божіей и въ тоже время членъ гражданскаго общества. На языкѣ св. Писанія, семейство христіанское есть семейная церковь, городъ, состоящій изъ вѣрныхъ, есть церковь города, — область, если разсматривать ее съ религіозной точки зрѣнія, — областная церковь.

Если теперь спросятъ, — принадлежитъ ли человѣкъ церкви, или государству?—отвѣтъ простой, — онъ принадлежитъ той и другому, смотря потому, на какую сторону его существованія смотрѣть. Какъ существо духовное, какъ чадо Божіе, онъ членъ Церкви Божей; какъ существо общежительное, живущее въ извѣстной области земли, онъ — членъ государства. Что касается семейства, оно также элементъ государства, маленькое государство, если смотрѣть на земное его существованіе; оно въ тоже время часть Церкви, оно небольшая церковь, если смотрѣть на него со стороны Вѣры, средствъ къ вѣчному спасенію и его отношеній къ Богу. Тоже самое различіе примѣнимо и ко всякой странѣ.

Жители христіанской страны, по единству учрежденій, законовъ, правъ и взаимныхъ обязанностей, образуютъ общество,—въ отношеніи религіозномъ они соединены Вѣрою, церковной дисциплиной и взаимною любовію. Каждый, по этимъ двумъ сторонамъ своего существованія, подчиняется правильной организаціи и особому авторитету. Эти два авторитета, различные по ихъ началу, цѣли и средствамъ, проявляются отдѣльно, встрѣчаясь только въ предметахъ второстепенныхъ. На этой почвѣ борьба часто неизбѣжна, но ни-

когда не опасна,—потому что тутъ никогда не бываетъ вопроса о существенныхъ основаніяхъ государства и Церкви. Случается, что смѣшанные ихъ вопросы представляютъ въ себѣ охрану для обѣихъ сторонъ, которая ограничиваетъ движенія, могущія зайти слишкомъ далеко, и, какъ духовный термометръ, указываетъ степень жара борьбы. Въ этой борьбѣ между Церковію и государствомъ возможны два случая, — или авторитетъ Церкви присвоиваетъ себѣ свѣтскую власть, или чаще государство стремится завладѣть почвой церковной. Первый случай, часто повторяющійся въ церкви, если она имѣетъ матеріальную организацію, не страшенъ для церкви, если она сохранила свое истинное устройство, т. е. то, о которомъ я говорилъ выше. Она не имѣетъ тогда ни точки отправленія, ни поддержки, ни средства, ни цѣлостности. Когда частная церковь осмѣлится выйти изъ духовныхъ предѣловъ, другія церкви, ея сестры, движимыя желаніемъ сохранить древнее устройство, заставятъ ее признать порядокъ; ихъ братскія увѣщанія, ихъ безкорыстные совѣты будутъ гораздо дѣйствительнѣе приказаній, исходящихъ отъ измышленнаго центра церкви. Если будетъ имѣть мѣсто другой случай, т. е. если государство будетъ угнетать церковь, если его угнетеніе сдѣлается гоненіемъ насильственнымъ, кровавымъ, то оно будетъ рисковать само погибнуть и сокрушиться о божественный камень, имѣющій божественную силу; — духъ христіанскій, добродѣтель, мученичество, поддерживаемые силою Побѣдившаго своею смертію міръ, останутся непобѣдимы. Наконецъ, преслѣдуемые жители страны встрѣтятъ въ своихъ братіяхъ, жителяхъ другихъ областей, поддержку, симпатію, воодушевленіе, молитвы за себя,—и преслѣдо-

ватели отступятъ предъ этой силой вѣры, любви и единенія, которое противопоставитъ имъ Церковь. Эта взаимная помощь не будетъ ли болѣе полезна для церкви и менѣе подозрительна, чѣмъ поддержка мнимой главы церкви,—какова бы ни была эта глава?

Кромѣ того угнетеніе со стороны государства состоитъ обыкновенно въ насиліи и въ препятствіи проявленію авторитета въ частной церкви. Это неудобство можетъ быть только временнымъ и мѣстнымъ. Вся церковь въ совокупности, поддержанная всѣми членами своими, тотчасъ найдетъ себѣ опору въ своей благотворной дѣятельности, выраженной въ любви и смиреніи. Кромѣ того, по какому побужденію, въ какомъ интересѣ государство будетъ угнетать мѣстную церковь, если она такова, какова она должна быть? Эти столкновенія возможны только, когда смѣшиваютъ церковь съ клиромъ и отдѣляютъ его отъ вѣрующаго народа, когда на государство смотрятъ какъ на правительство, взятое отдѣльно отъ націи. Но смотрите на церковь и государство, какъ должно, т. е. какъ на общество, составляющее одно съ тѣми, которые имѣютъ авторитетъ, и вы увидите, что борьба невозможна между тою и другимъ. Зачѣмъ нація, проникнутая чувствованіемъ христіанскимъ, возстанетъ противъ своего христіанскаго чувства, которое есть духовная жизнь, доколѣ оно не обезображено элементомъ чуждымъ, измѣняющимъ его сущность? Церковь есть общество, гдѣ носители духовнаго авторитета составляютъ одно съ вѣрными; Церковь есть общество, гдѣ управители суть одно съ управляемыми, которые въ тоже время — чада Церкви. Какъ понять, при этомъ истинномъ правилѣ, угнетеніе націи Церковію и на оборотъ, когда они одно и то-

же общество, разсматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, и противоположнаго между ними нѣтъ ничего?

Но предположимъ невозможное,—что правители всѣхъ націй сдѣлаются враждебны христіанству, что въ этомъ будутъ помогать имъ націи; тогда это будетъ знакомъ конца временъ; человѣчество, враждебное истинѣ и искупленію, достигло конца своего земнаго назначенія. Церковь, имѣющая продолжаться до конца вѣка, прекратитъ свое дѣло и свое существованіе. Системы и соображенія, безсильныя и всегда къ поддержанію и огражденію цѣлости Вѣры и Церкви, еще меньше будутъ имѣть силы тогда, потому что Церковь безъ Вѣры — трупъ. Живая Вѣра поддерживаетъ Церковь; Вѣра, проникая общество гражданское, ставитъ его въ согласіе съ Церковію.

Можетъ быть, вы скажете, м. г., что Церковь такъ, какъ я понимаю ее,—утопія. Вы заблуждаетесь; — она существовала въ теченіи первыхъ вѣковъ христіанства; она существуетъ и доселѣ. Эту Церковь, сохранившую первобытное и божественное устройство, вы называете вмѣстѣ съ западомъ—*греческою*; истинное имя ея: *Церковь православная каѳолическая*. Вы сознаетесь, что не изучали, не знаете ея. Очень жаль, м. г., она стоитъ вашего вниманія, вашего изученія. Изучайте ее серьезно; не останавливайтесь на внѣшности, проникните въ ея ученіе, ея начала, учрежденія и духъ. Я убѣжденъ, что въ этой вѣтви христіанства, вы найдете неизмѣнность догмата безъ отрицанія правъ разума, найдете здѣсь формальное различеніе началъ и властей, какъ основаніе порядка религіознаго и гражданскаго, найдете истинный христіанскій духъ, духъ любви и смиренія,

удивительно приспособленный къ успѣхамъ цивилизаціи во всемъ томъ, что она имѣетъ въ себѣ истиннаго и существеннаго. Я надѣюсь, м. г., что послѣ серьознаго изученія этой Церкви, вы представите разрѣшеніе трудностей, которыми занятъ міръ, иное, чѣмъ какое представили въ своемъ сочиненіи: „Церковь и христіанское общество въ 1861 году".

Если, не смотря на мои замѣтки, вы останетесь при своемъ мнѣніи, то я припишу это самому себѣ; я буду думать, что мои объясненія недовольно ясны, что я не умѣлъ представить их во всей силѣ,—но мои положенія не будутъ отъ того менѣе достовѣрны. Умъ такой высокій, какъ вашъ, самъ дополнитъ то, что въ этомъ письмѣ было темнаго и несовершеннаго.

Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ высокомъ къ вамъ уваженіи.

Протоіерей І. Васильевъ.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ, по поводу окончанія сроковъ пребыванію въ С.Петербургѣ преосвященныхъ: архіепископа херсонскаго Димитрія и епископа калужскаго Григорія, Высочайше повелѣть соизволилъ на мѣсто ихъ вызвать, для присутствованія въ Св. Синодѣ, срокомъ на одинъ годъ, пр. архіепископовъ: рижскаго *Платона* и могилевскаго *Евсевія*, а пр. архіепископу тверскому *Филоѳею* отсрочить пребываніе въ С.Петербургѣ еще на одинъ годъ.

— Государь Императоръ въ 8-й день апрѣля соизволилъ пожаловать алмазные знаки ордена св. ап. Андрея Первозваннаго митрополиту литовскому *Іосифу*, и таковые же знаки ордена св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго архіепископу камчатскому *Иннокентію*, и сопричислить къ орденамъ: св. Владиміра 2-й ст.: архіепископа херсонскаго *Димитрія* и епископа калужскаго *Григорія*; св. Анны 1-й ст. епископа новомиргородскаго *Антонія*; св. Владиміра 3-й ст. епископа мингрельскаго *Геронтія* и викарія с.петербургской епархіи, епископа ревельскаго *Леонтія*.

— Государь Императоръ, въ 19 день мая, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о бытіи епископу екатеринбургскому *Варлааму*

епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ; а на вакансію викарія пермской епархіи, епископа екатеринбургскаго, Всемилостивѣйше соизволилъ утвердить настоятеля курковскаго рождество-богородичнаго монастыря, ректора кишиневской семинаріи архимандрита *Митрофана*.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ сопричислить священника церкви при Императорской академіи художествъ Илью *Денисова* къ ордену св. Анны 3-й ст.; наградить священника московскаго придворнаго верхоспасскаго собора Александра *Некрасова* бархатною фіолетовою камилавкою, почетнаго блюстителя по хозяйственной части казанскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, потомственнаго почетнаго гражданина Петра *Крупенникова* золотою медалью съ надписью „за усердіе," для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ; пожаловать протоіерею церкви при с. петербургскомъ театральномъ училищѣ Михаилу *Боголюбову* золотой наперсный крестъ съ камнями, и діакону церкви при академіи художествъ Владиміру *Постникову* подарокъ изъ кабинета.

— Государь Императоръ, въ 7-й день минувшаго апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Св. Синода касательно обращенія богадѣльни, существующей въ г. Каширѣ при кладбищенской церкви, въ общежитіе, подъ наименованіемъ каширской никитской общины; въ 28-й день минувшаго марта — объ устройствѣ православной церкви въ Женевѣ.

— Государь Императоръ въ 5 день февраля Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, $^{1}/_{31}$ декабря 1861 года, чтобы впредь: 1) празднованіе рожденій и тезоименитствъ членовъ Императорскаго Дома, кромѣ дней собственно Императорскихъ и Государя Наслѣдника Цесаревича, совершаемо было

въ ближайшіе воскресные дни; 2) въ сіи дни невозбранялось погребеніе усопшихъ, и 3) прекращено было празднованіе дней побѣдъ, кромѣ дня побѣды подъ Полтавою, въ который молебное пѣніе должно быть совершаемо по прежнему.

— Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующее опредѣленіе относительно порядка приготовленія иновѣрцевъ нехристіанъ къ принятію православной Вѣры и относительно совершенія надъ сими лицами, по обряду ея, таинства св. крещенія: 1) въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ стат. св. зак., постановить: 1) надъ малолѣтными евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14 лѣтняго возраста, совершается таинство св. крещенія по обряду православной Вѣры не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. 2) Надъ иновѣрцами, достигшими уже 14 лѣтняго возраста, таинство св. крещенія можетъ быть совершаемо и безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ, если будетъ съ совершенною достовѣрностію приведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ Церкви православной и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія о ея догматахъ и ученіи. 3) Не достигшіе совершеннолѣтія, т. е. 20 лѣтъ съ годомъ, иновѣрцы, которые готовятся къ св. крещенію по обряду Церкви православной, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ Вѣры въ теченіе 6 мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрцевъ совершеннолѣтнихъ оставляется въ своей силѣ древній 40 дневный срокъ, съ допуще-

ніемъ, впрочемъ, какъ прежде, и теперь, и болѣе краткаго, по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго. Примѣчаніе. Установленный въ сей статьѣ 6-ти мѣсячный для несовершеннолѣтнихъ иновѣрцевъ срокъ не долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ срока непреложнаго; при семъ должны быть принимаемы въ соображеніе какъ понятія, такъ и степень убѣжденія обращающагося. 4) Опасно больные иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія, съ соблюденіемъ установленныхъ Церковію правилъ и съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы къ крещенію таковыхъ лицъ было приступаемо не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишающаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумѣніемъ свою волю; во 2-хъ, чтобы о совершеніи такого крещенія по нуждѣ было безотлагательно доносимо епархіальному начальству, и въ 3-хъ, чтобы новокрещеннаго въ такихъ обстоятельствахъ, буде онъ выздоровѣетъ, епархіальное начальство поручало благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ христіанствѣ. 5) Обрядъ св. крещенія долженъ быть совершаемъ надъ иновѣрцемъ въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрца) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершить оный, такъ и мѣстное начальство, обязанное присутствовать при ономъ, должно тщательно удостовѣряться, что иновѣрецъ принимаетъ св. крещеніе добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допу-

скается крещенія. По совершеніи сего церковнаго обряда, присутствовавшій при ономъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда крещенія въ метрической книгѣ. 6) Въ тѣхъ случахъ, когда иновѣрцы нехристіанскаго исповѣданія, принявшіе христіанскую Вѣру, семьями или отдѣльно, должны оставить прежнюю свою осѣдлость среди бывшихъ единовѣрцевъ ихъ и водвориться въ городахъ или селеніяхъ между христіанами, имъ опредѣляется, изъ казны, въ пособіе при переселеніи и новомъ водвореніи: евреямъ, каждому безъ различія пола, отъ 15 до 30 р. сер., а дѣтямъ въ половину, калмыкамъ же простолюдинамъ, имѣющимъ семейства, по 15, а холостымъ по 8 р. 7). Вмѣсто содержащагося въ пунктѣ 3, ст. 166, улож. о наказ. (св. зак. 1857 г. т. XV, кн. 1) правила постановить, что наказаніе, опредѣленное въ законѣ за какое либо преступленіе или проступокъ, можетъ не только быть уменьшаемо въ мѣрѣ, но даже смягчаемо и въ степени и въ самомъ родѣ онаго, когда иновѣрецъ нехристіанскаго исповѣданія, во время слѣдствія или суда, приметъ православную или другую терпимую и признаваемую законной въ имперіи христіанскую вѣру.“

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода $\frac{\text{29 марта}}{\text{6 апрѣля}}$ 1862 года положено удостоить: *А) возведенія въ санъ архимандрита* по епархіямъ: *кіевской*: іеромонаха Мелетія, *минской*: игумена Самуила, игумена Модеста, *воронежской*: игумена Амвросія, *вологодской*: игумена Арсенія. *Въ санъ игумена по грузинскому экзархату:* іеромонаха Дороѳея; по *архангельской* епархіи: іеромонаха Нектарія. *Въ санъ протоіерея по вѣдомству главнаго священника гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ*: священника Василія Вознесен-

скаго; по *вѣдомству главнаго священника арміи и флотовъ*: священника и благочиннаго Антонія Гурскаго, священика и благочиннаго Даніила Попруженко, священника и благочиннаго Θеодора Антоніева, священника Александра Круглевскаго, священника Θеодора Пенинскаго, священника и благочиннаго Павла Алхимовича, священника Андрея Сенаторскаго; по епархіямъ: *кіевской*: священника и благочиннаго Θеодора Мысловскаго и священниковъ Максима Левицкаго и Андрея Стефановскаго; *с. петербургской*: священниковъ: Тимоθея Валдайскаго, Іоанна Іоаннова, Петра Георгіевскаго, Іоанна Коченовскаго, Василія Войтковскаго, Іоанна Гиляровскаго, Василія Гречулевича; *иркутской*: священника Василія Карташева; *екатеринославской*: священника и благочиннаго Георгія Васильева; *смоленской*: священника Василія Кутузова; *вологодской*: священника Θеодора Забѣлина; *вятской*: священниковъ Василія Шутова и Михаила Зубарева; *архангельской*: священника Алексія Васильева; *костромской*: священниковъ Павла Островскаго и Іакова Каллистова; *томской*: священниковъ: Симеона Чикаревскаго и Іоанна Новосѣльскаго; *орловской*: священника Матθея Васильева; *пензинской*: священника Иларіона Масловскаго; *саратовской*: священника Василія Жукова; *Б*) *награжденія палицею*: по *вѣдомству главнаго священника гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ*: протоіерея Іоанна Пѣвницкаго; по епархіямъ: *с. петербургской*: іеромонаха Аполлинарія; *тобольской*: протоіерея и благочиннаго Василія Деркачева, протоіерея Стефана Знаменскаго, протоіерея и благочиннаго Николая Кайданова; *донской*: протоіерея Василія Куфаева; *таврической*: игумена Евгенія, іеромонаха Михаила и игумена Парθенія; *воронежской*: прото-

іерея и благочиннаго Александра Букина. *Набедренникомъ по вѣдомствамъ московскаго Святѣйшаго Синода конторы*; іеромонаха Михаила, іеромонаха Моисея, іеромонаха Иринея, *грузино-имеретинской конторы*: священника и благочиннаго Максима Сапежкова, священниковъ Іова Колликова, Іакова Апостолова, Іоанна Полчанинова, Арсенія Отлоблина, Василія Кедрова, Іоанна Сиротина, Гавріила Дроздова, Захарія Добровольскаго, Неофита Палладина, Николая Благонравова и Павла Глухарева; *главнаго священника армій и флотовъ*: священниковъ: Петра Бѣлявина, Іоанна Незлобинскаго, Аркадія Пузанова, Петра Петрусенкова и Николая Казанскаго; по епархіямъ: *с. петербургской*: священника Владиміра Ладинскаго; *казанской*: священника Іоанна Грекова; *псковской*: священниковъ Михаила Космодаміанскаго и Василія Утретскаго; *херсонской*: священника Емельяна Кузубскаго; *курской*: священника Павла Коренскаго; по *Грузіи*: іеромонаха Софронія; *по олонецкой* епархіи: священника и благочиннаго Петра Баженова, священника Адріана Благовѣщенскаго, священника Прохора Карпова, священника Іоанна Лебедева, священника Іакова Михайловскаго, священника и благочиннаго Петра Николаевскаго, священника Матѳея Попова, священника Тимоѳея Явосемскаго. *В*) *Благословенія Святѣйшаго Сѵнода. По вѣдомству московской Святѣйшаго Сѵнода конторы*; іеромонаховъ: Ардаліона, Макарія, Иларія, Николая; *по вѣдомству главнаго священника гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ*: протоіерея Василія Шитова; *главнаго священника армій и флотовъ*: священниковъ: Іоанна Паславскаго, Евгенія Ѳедюшина, Іоанна Прощаницкаго, Іосифа Ковалева, Іоанна Славинскаго, Іакова Филины, Іеромонаха Фотина; по епархіи *новгородской*: священниковъ: Іоанна Орѣховскаго и

Алексѣя Содалева; *с. петербургской*: священниковъ: Петра Гіацинтова, Іоанна Василіева, Іоанна Перетерскаго, Петра Петропавловскаго, Константина Стефановича, Александра Верекундова, Владиміра Смирницкаго, протоіерея Василія Лаврова, діакона Александра Лебедева, священниковъ: Козьму Соколова, Александра Покровскаго, Илію Денисова, Михаила Розанова, Іоанна Соболева; *московской*: протоіереевъ: Петра Покровскаго, Петра Терновскаго, Платона Капустина, священниковъ: Стефана Бѣлявинова, Виталія Лебедева, Іосифа Долгополова, іеромонаха Варсонофія; по *Грузіи*: протоіерея Іоанна Басхарова, іеромонаха и благочиннаго Григорія, священниковъ: Виссаріона Самодалова, Константина Берзенова; по епархіямъ: *казанской*: игуменью Досиѳеею, священниковъ: Андрея Троицкаго и Іоанна Спасскаго; *тобольской*: іеромонаха Нифонта, священниковъ: Евгенія Рѣщикова, благочиннаго Димитрія Серебренникова, Ѳеодора Соколова, Іоанна Тихомирова; *псковской*: священника Михаила Горскаго; *ярославской*: священника Павла Попова; *рязанской*: протоіерея Николая Страхова, іеромонаха Самуила, іеромонаха Виталія, священника Александра Кочурова; *тверской*: священника Петра Тихомирова; *херсонской*: священниковъ: Илью Павловскаго, Іакова Денова, Симеона Козачинскаго, Ѳеодосія Пухальскаго, Фортуната Пухальскаго, Андрея Каминскаго, Дія Дорошкевича, Сампсона Зиновьева, Дометія Остапова, Николая Игнатьева, Іоанна Стойкова, Василія Скалозубова, Іакова Лихогорова; *варшавской*: священниковъ: Владиміра Зябловскаго, Кассіана Синеуцкаго, Александра Струковскаго, Александра Чамова; *таврической*: архимандрита Никона, протоіерея Александра Вершацкаго, Іеромонаха Варлаама, іеромонаха Макарія, священниковъ: Димитрія Черняева, Ни-

ту Доброводьскаго; *могилевской:* священника Василія Сущинскаго; *подольской:* протоіерея Іуліана Лотоцкаго, протоіерея и благочиннаго Іакова Хмѣлевскаго, священниковъ: Даніила Васильевскаго, Петра Подгурскаго, Северіана Длужевскаго, Іоанна Заблоцкаго; *кишиневской:* священниковъ Савву Твардіевича, Михаила Киріянова, Савву Кононова, Леона Аѳеніева, Симеона Исакова, Илію Брадова, Іоанна Натца, Іоанна Гросуло, Василія Генецкаго, игумена Серафима, діакона Николая Нелщана; *иркутской:* священника Григорія Литвинцева; *рижской:* священниковъ: Михаила Маленна, Василія Окнова; *донской:* священника Александра Тонорскаго; *екатеринославской:* протоіерея Іоанна Острогорскаго, священниковъ; Захарію Письменнаго, благочиннаго Іоанна Житецкаго, Петра Иванова; *смоленской:* священниковъ: Іоанна Вишневскаго, Тимоѳея Галенкина, Іакова Кандилинскаго, Димитрія Чаусова, Андрея Солнцева; *нижегородской:* игуменію Евпраксію, священниковъ: Іоанна Добролюбова, Андрея Румянцева, благочиннаго Евлампія Свѣтовидова, благочиннаго Павла Сперанскаго; *курской:* священника Евгенія Моисеева; *владимірской:* игуменію Евфросинію; священниковъ: Никиту Омофоровскаго, Василія Соловьева; *вятской:* священниковъ: Андрея Кувшинскаго, Игнатія Курбановскаго, Симеона Сычугова; *архангельской:* священника Александра Денежникова; *костромской:* протоіерея Елисея Аристова, священника Петра Веселовскаго; *тамбовской:* іеромонаха Аркадія, протоіерея и благочиннаго Михаила Грибановскаго, священниковъ: Василія Адамова, Іоанна Караевскаго, Евграфа Козлина, Тихона Ивинскаго, Александра Соловьева, Филиппа Снѣгурева, Зиновія Ландышева, благочиннаго Петра Нарарьева, благочиннаго Василія Конобѣерскаго, Іоанна Каменскаго, Ѳеофана Кроткова;

орловской: священника и благочиннаго Михаила Руднева, священника Симеона Никольскаго, игумена Нексофонта, протоіерея и благочиннаго Александра Лаврова; *полтавской*: священника и благочиннаго Іустина Долгова; *вольшской*: священника Николая Левитскаго; *енисейской*: священника Павла Дербенаго; *саратовской*: священника и благочиннаго Димитрія Орлова, священника Сергія Чупаевскаго; *харьковской*: протоіерея и благочиннаго Іоанна Шерецкаго, протоіерея Василія Онеидова, іеромонаха Леонтія, протоіерея Михаила Преображенскаго, священниковъ: Михаила Макаровскаго, Александра Писаревскаго, Романа Каспанова, благочиннаго Григорія Пономарева, благочиннаго Михаила Вилиева, Михаила Рубинскаго, Василія Терановскаго, Алексѣя Яблуновскаго, Александра Рудинскаго, Димитрія Попова; *самарской*: священника Евгенія Тычинина, игуменію Маргариту; *уфимской*: священниковъ: Василія Евладова, Николая Левицкаго, Іоанна Ясенова, Алексѣя Нилитскаго, Стефана Констановскаго, Александра Сперанскаго, Михаила Свѣтлоозерова, Андрея Китаевскаго, Виктора Всесвятскаго, Павла Пионтина, Феодора Игумнова, Григорія Образцова, Павла Невзорова, Константина Орлова, Павла Ипатьева, Іоанна Дмитріева; *кіевской*: священника и благочиннаго Симеона Микеладзе. Г) *Разрѣшенія носимаго препятствія ...... для представленія къ наградѣ по пензинской епархіи*: протоіерея и благочиннаго Андрея Архангельскаго.

— Опредѣленіемъ Св. Синода положено преподать благословеніе: отъ 29 марта—почетному блюстителю по хозяйственной части при екатеринбургскомъ духовномъ училищѣ, екатеринбургскому купцу коммерціи совѣтнику Михаилу Нурову, за пожертвованія въ пользу означеннаго училища на сумму 420 руб.; отъ 16 апрѣ-

за—екатеринбургскому купеческому сыну Евфимію Телегину, за устройство для 32 сиротъ учениковъ екатеринбургскаго духовнаго училища суконныхъ шапокъ—цѣною въ 115 р. 70 к.; отъ 4 мая — почетнымъ блюстителямъ по хозяйственной части: при 1-мъ орловскомъ духовномъ училищѣ—потомственному почетному гражданину, орловскому купцу Алексѣю Перелыгину, за произведенныя имъ на свой счетъ необходимѣйшія поправки и улучшенія въ училищныхъ зданіяхъ, на сумму до 160 р., и при ливенскомъ училищѣ—потомственному почетному гражданину ливенскому купцу Холину, за пожертвованіе въ пользу сего училища 250 р.; при кавказской семинаріи ейскому 1 гильдіи купцу Александру Леонидову за труды и пожертвованія въ пользу означенной семинаріи; каргопольскому 3 гильдіи купцу Евфимію Терентьеву, за пожертвованія его въ пользу 16 бѣдныхъ учениковъ каргопольскаго духовнаго училища; инспектору рязанскаго духовнаго училища іеромонаху Владиміру, за пожертвованіе въ библіотеку училища 135 книгъ.

— Опредѣленіемъ Св. Синода положено преподать благословеніе: отъ 25 марта / 1 мая наказному атаману войска донскаго, съ другими доброхотнодателями, полковникамъ Петру Янову и Алексѣю Мартынову, корнету Петру Янову, хорунжему Якову Зазерскому, дочери полковника Елисаветѣ Багалдиной — Ташлевой, женѣ ротмистра Еленѣ Сариновой, казаку Ивану Ковалеву и разнымъ лицамъ, приглашеннымъ къ пожертвованіямъ священникомъ Василіемъ Часовниковымъ, за сдѣланныя ими въ пользу церквей донской епархіи благочестивыя приношенія; отъ 30 апрѣля / 11 мая помѣщикамъ: полковнику Сергѣю Верёвкину и штабсъ-ротмистру Николаю Топорнину, коллежскому регистратору Константину Озерову, вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александрѣ

Рогачевой, дворянкам: Варварѣ Зиновьевой, Александрѣ Бычковой, Клавдіи Ногашевой и Натальѣ Дмитріевой, коллежской регистраторшѣ Катеринѣ Лебедевой, купцам симбирским: Василью Чебоксарову, Петру Конурину, Сергѣю Хапкову, Александру Гончарову, Александру Ражеву, Өедору Красникову, Ивану Данилову, Ивану Бабушкину, Ивану Свѣчникову и Алексѣю Кирпичникову и сызранскому—Алексѣю Ледневу; симбирским мѣщанам: Павлу Грѣневу и Ильѣ Прокопьеву и мѣщанкѣ Аннѣ Зотовой, крестьянам: Панской слободы симбирскаго уѣзда Гавріилу Маслюкову, деревни Камышенки сенгилеевскаго уѣзда Өедоту Герасимову и села Старых Айбесь буинскаго уѣзда временно обязанному крестьянину г-жи Бахметовой Семену Кустарникову, старостам церквей: введенской села Лобаськовъ ардатовскаго уѣзда крестьянину Никифору Иванову и спасской, Красногорской слободы крестьянину Аөанасію Тезикову, прихожанам церквей: сенгилеевской соборной покровской, троицкой села Рѣпьевки озерокъ симбирскаго уѣзда, николаевской села Кильдюшева тогожъ уѣзда, троицкой села Суринскаго сенгилеевскаго уѣзда, николаевской села Напольнаго алатырскаго уѣзда и преображенской села Куреней буинскаго уѣзда Парасковьѣ Прокопьевой, и благотворителям, пожертвовавшим въ церкви: а) всѣхсвятскую г. Симбирска въ 50 руб. священныя облаченія на жертвенникъ и ризничныя принадлежности; б) христорождественскую села Цыльны 300 руб., в) троицкую села Кременокъ симбирскаго уѣзда разныя вещи; г) сызранскую соборную казанскую 70 аршинъ бѣлаго глазету на устройство священныхъ облаченій и ризницы; д) сызранскую ильинскую 30 аршинъ голубаго бархату на ризы и стихарь, и е) николаевскую села средней Туармы карсунскаго уѣзда 200 руб.

— Святѣйшій Сѵнодъ, усматривая изъ донесенія преосвященнаго саратовскаго Евѳимія, что духовенствомъ саратовской епархіи на религіозное образованіе народа обращено истинно пастырское вниманіе, что усердіемъ и пожертвованіями этого духовенства въ теченіе одного года открыто болѣе 500 народныхъ училищъ, и что начало и успѣшное веденіе настоящаго дѣла, по всей справедливости, должно отнести къ заботливости и распорядительности преосвященнаго,—опредѣленіемъ 13-го марта сего года положилъ: объявить ему, преосвященному, за таковую заботливость о саратовской паствѣ, совершенную признательность Святѣйшаго Сѵнода, а лицамъ болѣе другихъ отличающимся усердіемъ и похвальною дѣятельностію въ дѣлѣ народнаго образованія—протоіереямъ: Іоанну Покровскому и Михаилу Воронцову, священникамъ: Сергію Чумаевскому, Петру Меликову, Іоанну Волконскому, Марку Новопавловскому, Игнатію Митякину, Константину Парнассову, Георгію Воронцову и Димтрію Бакурскому, вдовѣ діакона—Маріи Прудентовой и дочери пономаря — дѣвицѣ Маріи Ливановой—преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Св. Синодъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, положилъ предписать указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они непосредственно отъ себя и чрезъ ввѣренное имъ духовенство, приглашали извѣстныхъ имъ ревнителей благолѣпія храмовъ Божіихъ къ посильнымъ пожертвованіямъ на построеніе православныхъ церквей, для прибывшихъ въ 1861 году изъ за границы и водворенныхъ въ таврической губерніи славянъ, съ тѣмъ, чтобы приношенія, какія на сей предметъ будутъ собраны, доставляемы были, чрезъ епархіальныя начальства, въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ,

для передачи въ вѣдѣніе г. министра государственныхъ имуществъ. Декабря 30 дня 1861 года.

— Св. Синодъ, принимая въ соображеніе, что проповѣди духовенства могутъ оказать благотворное вліяніе на мирный и правильный ходъ крестьянскаго дѣла, и что просмотръ сихъ проповѣдей мѣстнымъ епископомъ составляетъ вполнѣ достаточное за нихъ ручательство, опредѣлилъ: предписать циркулярными указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они, по усмотрѣнію своему, разрѣшали печатаніе проповѣдей въ губернскихъ вѣдомостяхъ, по ходатайствамъ о томъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ. Февраля 28 дня 1862 г.

— Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 4 мая положено: 3 гильдіи купца Степана Мазанова опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при полтавской семинаріи.

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода отъ 5-го мая: инспекторъ боровичскаго духовнаго училища коллежскій ассесоръ Николаевскій и помощникъ инспектора московскаго сунодальнаго хора пѣвчихъ Александръ Невоструевъ перемѣщены—первый на вакансію смотрителя боровичскаго училища, а вторый учителемъ въ костромскую семинарію; смотритель суздальскаго духовнаго училища коллежскій секретарь Веселовскій уволенъ отъ службы по прошенію; 9-го мая: учитель калужскаго духовнаго училища губернскій секретарь Воскресенскій перемѣщенъ на должность инспектора и учителя въ боровское духовное училище; — баккалавръ московской духовной академіи Михаилъ Сабуровъ уволенъ отъ должности по прошенію.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1862 ГОДЪ.

I.

ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

II.

УЧЕНО-БОГОСЛОВСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ И БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.